

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1876

№ 1 ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Литенная, № 38).

- I. — ГЕРОИ ВРЕМЕНИ. Траги-комедія. Н. Некрасова . . . 5
- II. — НА ВЕЧЕРѢ. (Изъ записной книжки). В. Крестовнаго (псевдонимъ) 53
- III. — ИЗЪ ИСТОРИИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА. — I. — А. Н. Энгельгардта. 85
- IV. — КУЛЬТУРНЫЕ ЛЮДИ. (Гл. I—IV). Н. Щедрина . 119
- V. — БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. (Соціологическіе очерки). — II. СЕМЬЯ. (Не нами міръ начался и не нами кончится. — Къ теоріи борьбы за индивидуальность. — Практическіе и идеальныя типы. — Типы и степени развитія. — Отсутствіе семьи, какъ исходная точка супружескихъ и родительскихъ отношеній. — Факты, характеризующіе эти отношенія въ глубокой древности. — Теорія любви Шоппенгауера. — Теорія любви Геккеля. — Любовь съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность. — Мнѣе Платона о происхожденіи половыхъ различій). Ник. Михайловскаго. 159
- VI. — МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ. Святочный разсказъ. Эдварда Дженнинса. Автора «Джинксова Младенца».
- VII. — ГЭБРИЕЛЬ КОНРОЙ. Романъ Бреть-Гарта. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—32).

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

- VIII. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Книги и театры. — II. Неожиданная перемѣна декорацій въ версальскомъ собраніи: окончательное признаніе республики. — Планъ Бюффе по поводу избранія сенаторовъ. — Герцогъ Одиффе, ставшій республиканцемъ. — Соглашеніе лѣвыхъ съ чистыми легитимистами. — Побѣда лѣвыхъ. — Республиканское большинство въ сенатѣ. — Умѣренность побѣдителей и заявленія нѣкоторыхъ сенаторовъ. — Результатъ сенатскихъ выборовъ — спасительный для Франціи. — III. Предложеніе Наказъ объ амнистіи. — Уменьшеніе

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССХІV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. КРАВЦОВАГО (Литейнаго, № 88).

1876.

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ.

ТРАГИ-КОМЕДИЯ.

(Дѣйствіе происходитъ въ известномъ ресторани).

«Кушать подано!» — Мнѣ дали
Очень маленькій салонъ.
За стѣной «ура!» кричали,
По тарелкамъ шелъ трезвонъ.
Кто-жь они — съ моимъ чуланомъ
Рядомъ — пьющіе теперь?
Я чуть-чуть открылъ диваномъ
Загороженную дверь,
Поглядѣлъ изъ за портьеры:
Зала публикой кишитъ —
Все тузы-акціонеры!
На ловца и звѣрь бѣжить...

Производитель работъ
Акціонерной компаніи,
Сдавшій недавно отчетъ
Въ общемъ годичномъ собраніи,
Въ группѣ директоровъ Шкуринъ сидитъ
(Синяя чуйка и крупныя губы).
Старецъ, прошедшій сквозь мѣдныя трубы —
Савва Антихристовъ — спичъ говорить.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генераль, и байкиръ, и кулакъ):

— «Да господа! самородокъ-русакъ
Стѣитъ нѣмецкихъ философовъ пары!
Былъ онъ мужикъ, не имѣлъ ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.

Дальше скажу вамъ словами его
(Туть и отвага, и умъ, и смеялка):

«Я—уроженецъ степей;
Давъ пастухамъ по алтыну,
Я изъ хребта у свиней
Въ младости дергалъ щетину.

«Мечется стадо, реветъ
Знамо: живая скотина!
Мальчижь не трусить — дереть,
Перваго сорту щетина!

«Сталъ я теперь богачемъ;
Домъ у меня какъ картинка,
Думаю, глядя на домъ:
Это—свиная щетинка!..»

«Великорусская, мѣткая рѣчь!..
Съ дѣтства умѣлъ онъ добыть и сберечь.
Сняли мы линію; много заботы:
Надо сдавать земляныя работы.
Ѣду я разъ по дѣламъ въ Перевозъ,
Вижу, съ артелью идетъ землекопъ.
— Кто ты? «Я—Федоръ Никифоровъ Шкуринъ».
(Обращается къ Шкурину).

Чокнемся! выльемъ, христовъ мужичокъ!
Ну, господа генералы! чокъ-чокъ!..
Выборъ-то мой оказался не дурекъ...

(чокаются и пьютъ)

«Прибыль подрядчикъ на мѣсто работъ,
Видѣсто науки, съ однимъ «глазомѣромъ»,
Вадитъ до селамъ съ своимъ инженеромъ,
Радитъ рабочикъ — нѣто пендѣты!
Земли кругомъ туть дворянскія были —
Только дворяне о нихъ позабыли.
Вѣсь туть, орудовалъ грубый «кустарь»,
Пренебреженной охранны царь.
Жители рыбу въ озеракъ ловили,
Гнали безданно изъ ивнѣвъ смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: «нейдемъ въ кагалу!»

Нѣтъ послушанья, порядка и прочаго,
 Прежде всего: создавай тутъ «работаче».
 Какъ же созданъ его? Штуринъ не спитъ:
 Земли, озера, болота, графитъ —
 Все откупилъ у помещика,
 «Все — до послѣдняго мѣшчина!»
 (Какъ энергически самъ говоритъ).
 Дрогнула грубая сила «кустарная»,
 Какъ изъ подъ ногъ ея почва ушла...
 Мысль эта, сибѣ сказать, лучезарная,
 Наши доходы спасла.
 Плодъ этой мѣры въ графѣ дивиденда
 Акціонеры найдутъ:
 На сорокъ три съ половиной процента
 Раземъ понинился трудъ!..

«Ходю пошла земляная работа.
 Штуринъ, трудясь до кроваваго пота,
 Не раздѣвался въ ночи,
 Жилъ безъ семейства въ степи безотрадной,
 Обувь, одежду, перцовку, харчи
 Самъ поставлялъ для артели громадной.
 Онъ, раздѣляя съ рабочимъ труды,
 Не пренебрегъ гигиеной народной:
 Вмѣсто болотной, стоячей воды,
 Далъ онъ рабочему квасъ превосходный!
 Этихъ и наша достигнута цѣль:
 Въ жаркіе дни, довалившись до кваса,
 Меньше харчей потребляла артель
 И обходилась охотно безъ мяса!
 Быстро въ артели упалъ алиментъ
 На двадцать два съ половиной процента.
 Я умоляю... графа дивиденда
 Краснорѣчивѣ словъ говорить!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
 Съ находчивымъ «янгем». А я, между тѣмъ,
 Показываю здоровье подрачника своимъ,
 Успѣлъ присмотрѣться ко всемъ:
 Во первыхъ, тутъ были почетныя лица
 Въ чинахъ, съ орденами. Ихъ видѣть столица
 Въ сенатѣ, въ палатахъ, въ судахъ,
 Служа безусловно и пользуясь вѣсомъ,

Они посвящают досугъ интересамъ
 Комерческихъ фирмъ на паяхъ.
 Тутъ были плебей, изъ праха и пыли
 Достигшіе денегъ, крестовъ,
 И рядомъ вельможи тутъ русскіе были,
 Погрязшіе въ тинѣ долговъ,
 (То имя, что дѣды въ безумной отвагѣ
 Прославили — гордость страны —
 Они за пая подмахнуть на бумагѣ,
 Нестоющей трети цѣны)...

Сидѣли тутъ важно, въ сознаніи силы
 «Зацѣпа» и «Савва» — столпы-воротилы
 (Зацѣпа былъ мраченъ, а Савва сіялъ).
 Тутъ были банкиры, дѣльцы биржевые,
 И земская сила — дворяне степные —
 Тутъ было съ десятокъ мѣнялъ.

Сидѣли тутъ рядомъ тузы - иноземцы:
 Остзейскіе, русскіе, прусскіе нѣмцы,
 Евреи и греки и много другихъ —
 Въ Варшавѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ Петербургѣ
 Банкирскія фирмы у нихъ —
 На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бури*
 Кончатся прозвища ихъ.

Зацѣпа — красивый старикъ бѣлоудрый,
 Нажившій богатство политикой мудрой —
 Былъ сборища главнымъ вождемъ.
 Профессоръ, юристъ, адвокатъ знаменитый
 И два инженера — съ ученыхъ значеомъ —
 Его окружали почетною свитой.
 Григорій Аркадьичъ Зацѣпинъ стяжалъ
 Въ комерческомъ мірѣ великую славу
 И львиную долю себѣ выдѣлялъ
 Изъ каждаго крупнаго дѣла по праву.
 Зацѣпа находчивъ, уменъ, даровитъ,
 Въ немъ чудная тайна успѣха таится,
 Не даромъ онъ въ каждомъ правленіи сидитъ...
 Придетъ вамъ охота въ аферы пуститься,
 Старайтесь его къ предпріятію привлечь —
 Пойдетъ какъ по маслу!..

Герой-тріумфаторъ
 Раскланялся... Выступилъ новый ораторъ,
 Мѣняло, — пискива была его рѣчь:

Мм. гг.

«Времена наступают тревожныя,
Кризисъ близится: мало дадутъ
Предпріятія желѣзно-дорожныя,
Банки тоже не бойко идутъ:
«Половину закрыть не мѣшало бы!»
Слишенъ въ публикѣ хоръ голосовъ,
Какъ недавно мы слышали жалобы
На избытокъ питейныхъ домовъ.
Время выдти на поприще новое,
Честь имѣю проектъ предложить,
Все обдуманно, — дѣло готовое,
Стѣитъ только Уставъ сочинить.

(Пауза. Выпизъ мѣтокъ воды, ораторъ продолжаетъ съ одушевленіемъ).

Мысль — «Центральнаго Дома Терпимости»
Такова наша мысль! Скажутъ намъ:
Прежде Невскій дѣловыми вѣности,
И на то я согласіе дамъ!
Вамъ порукою наше серьезное
Отношеніе къ дѣламъ вообще,
Что развитіе ей грандіозное
Мы надѣмся дать не вотще:
Лишь бы намъ разрѣшили концессию...
Учредимъ капиталъ на паяхъ
И, убивъ мелочную профессію,
Двинемъ дѣло на всѣхъ парусахъ!
Нѣтъ сомнѣнья, что цѣль учрежденія
Наше общество скоро пойметъ:
Понесутъ намъ свои сбереженія
Всѣ, кутащіе нынѣ въ разбродъ!
Предпріятія съ точки вещественной
Невозможно вѣрнѣе желать,
Равнымъ образомъ, съ точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Безъ надзора строжайшаго, честнаго
Не оставимъ мы дѣло никакъ,
Мы найдемъ адвоката извѣстнаго
Для разбора скандаловъ и дракъ.
Будетъ много у насъ подражателей,
Но не будетъ такого нигдѣ
Наблюденія: возьмемъ наблюдателей
Въ нашей скромной мѣняльной средѣ...»

— Въ тихомъ омутѣ водятся черти!
 Кто-то рядомъ со мной прошепталъ;
 Нѣкто Грошъ испугался до смерти
 Остроумной затѣи мѣнялъ
 И подвинулся дальше со стуломъ.
 На проектъ отвѣчала толпа
 Нерѣшительнымъ, сдержаннымъ гуломъ,
 Ждали мнѣнья Зацѣпы-стола.

«Да (сказалъ онъ), доходное дѣло,
 Но совѣтую вамъ подождать.
 Ново... странно... до дерзости смѣло...
 Преждевременно, смѣю сказать!
 Кто не знаетъ? Пророки событій,
 Прологаторы новыхъ путей,
 Провозвѣстники важныхъ отергтій —
 Побиваются грудой камней.
 Двинувъ раньше впередъ спекуляцію,
 Чѣмъ прогрессъ узаконить ее,
 Потеряете вы репутацію
 И погубите дѣло свое.
 Подождите! Прогрессъ подвигается,
 И движенью не видно конца:
 Чтѣ сегодня постыднымъ считается,
 Удостойся завтра вѣнца...»

«Браво!» Залпъ громоподобный...
 На арену вышелъ Грошъ
 И проекту спичъ надгробный
 Довершилъ: «Проектъ хорошъ,
 Исполнители опасны!»
 Онъ извительно сказалъ.
 Пренья были долги, страстны,
 Впрочемъ, я ихъ не слыжалъ —
 Я заснулъ...

Мнѣ снились планы
 О походахъ на карманы
 Благодушныхъ россіянъ,
 И, оцупавъ мой карманъ,
 Я проснулся...

Шумно... Въ уши
 Словно бьютъ колокола,
 Гомерическіе куши,

Миллионныя дѣла,
 Баснословныя оклады,
 Недовыручка, дѣлажь,
 Рельсы, шпалы, банки, вклады —
 Ничего не разберешь!..
 Я сидѣлъ тупой и мрачный,
 Долго мнѣ понять мѣшало
 Этотъ крикъ и дымъ табачный:
 Гдѣ я? Какъ сюда попасть?..

Черезъ дверь, чуть-чуть открытую,
 Вижу лицъ усталыхъ рядъ,
 Вижу жонку недопитую,
 Землянику, виноградъ.
 Къ англичанину съ объятьями
 Лѣзетъ русскій человекъ,
 — Выпьемъ: Борухъ! Будемъ братьями!
 Говоритъ Еврею Грекъ.
 Кто-то низко клонить голову,
 Кто-то на полъ льетъ вино,
 Кто-то Утина Ермолову
 Уподобилъ... Все пьяно!..

Я понялъ: кончили дѣла
 И на распашку закутили.
 Одни сидѣли у стола,
 Другіе парами ходили.
 Сюда пришелъ и князь Иванъ ¹

¹ Характеристика князя Ивана помещена въ другомъ очеркѣ («От. Зап.» 1876 года, № 8-й). Напоминаемъ ее читателю:

Князь Иванъ — волосъ по брху,
 Руки — родъ пуховика,
 Пьедесталомъ служить уху
 Ожирѣвшая щека.
 По устройству верхней губи
 Онъ — бульдогъ; съ оскаломъ зуби,
 Подъ гребенку волоса
 И — добрыйше глаза.
 Онъ — извѣстный объѣдало,
 Говоритъ умно,
 Слово въ бочку изъ подъ сада
 Льетъ въ себя вино.
 Дома рѣдко пребываетъ,
 До шестидесяти лѣтъ

И, на диванѣ отдыхая,
 Неумолкаль, какъ барабанъ,
 Чужія рѣчи заглушала.
 Старикъ съ друзьями продолжалъ
 Пить вдохновляющую жонку
 И мимо шедшимъ посылалъ
 Свои любезности въ догонку.
 Теперь цинизмъ у нихъ царилъ,
 И разговоръ былъ часто страшнѣ:
 — Съ какой иконы ты скусилъ
 Тотъ перлъ, которымъ ты украшенъ?
 «Да съ той, которой помолясь,
 Ты Гасферу подсыпалъ яду...»
 Такъ остроумно веселясь,
 Одни смѣялись до упаду,
 Другіе хмурились... Журча,
 Лился потокъ суждений, споровъ...
 Вотъ вамъ отрывки разговоровъ,
 Ищите сами къ нимъ ключа...

1-й голосъ.

Отложили на недѣлю,
 Миліончикъ пропадетъ.
 Вотъ Господь послалъ Емелю!
 Доложилъ на оборотъ:
 Повабылъ о братьяхъ Примахъ,
 Знай наладилъ: Цахъ да Цахъ!
 Образецъ непроходимыхъ
 Государственныхъ неряхъ!

.....

Водевили посѣщаетъ,
 Оперетку и балетъ.
 У него друзья — кадеты.
 Именитый дѣлъ его
 Былъ шутомъ Елизаветы,
 Самъ онъ — ровно ничего.
 Презираетъ аксельбанты,
 Не охотникъ до чиновъ.
 Унаслѣдовавъ таланты
 Историческихъ шутовъ,
 Съ языкомъ своимъ проворникъ,
 Съ дерзкимъ смѣхомъ, въ вѣкъ иной
 Былъ бы онъ — шутомъ придворнымъ,
 А теперь онъ — шутъ простой...

2-й голосъ (князя Ивана).

Чу! какъ орутъ: «Казань!..» «Волуга!..»
 Адепты сѣвера и юга.
 Не много фактовъ, бедна словъ...
 Одно тутъ каждый понимаетъ,
 Что на пути до рудниковъ
 Постлатъ соложи не мѣшается!

3-й голосъ.

У насъ былъ директоръ дороги,
 Кондукторамъ красть не давалъ:
 Въ вагоны, какъ тать, проникалъ,
 У сонныхъ сосчитывалъ ноги,
 Чтобъ видѣть: придется или нѣтъ
 На каждую пару билетъ?
 Но дальше билетовъ и ногъ
 Считать ничего онъ не могъ!..

Голосъ князя Ивана (кому-то на встрѣчу).

Сотню рублей серебра
 Въ день получаю...
 Сорожъ четыре ребра
 Въ сутки ломаю...
 А! господинъ костоломъ!
 Радуюсь встрѣтѣ случайной.
 Правда ли? мы создаемъ
 Новый проектъ чрезвычайный:
 Предупредительныхъ мѣръ
 Мы отрицаемъ полезность...
 (Такъ! господинъ инженеръ!
 Благодаримъ за любезность).
 Вѣчно мы будемъ ломать
 Вдущимъ руи и ноги:
 Надо врачей насажать
 На протяженьи дороги,
 Съ праваго боку возвестъ
 Раненымъ' нужно жилища,
 А для убитыхъ отвестъ
 Съ лѣваго боку кладбища.

Такъ-съ! Выражаясь точнѣй,
 Вы ~~уважить~~ ~~хотѣте~~
 Право увѣчить людей...
 Мало еще имъ куфите!
 Чѣ-же? Дай Богъ вамъ уснѣтъ!
 Можете руки вы знатно,
 Строя больницы, нагрѣть,
 И пассажирамъ пріятно:
 Вмѣсто того, чтобъ зввать,
 Въ нашихъ пустыняхъ унылыхъ—
Впередъ до кручины—считать
 Будуть кресты на могилахъ!

Двое (4-й и 5-й) (*проходя мимо двери, не шлоко*).

— Вамъ дадутъ пай стронтели,
 Я готовъ держать парѣ
 На тыщенку! Не хотите ли?
 — «Въ чемъ же дѣло, говори!»
 — Это—путь изъ самыхъ приближныхъ,
 Но вѣдь это—тоже дверь
 Для обмѣна мыслей гибельныхъ...
 Понимаете теперь?
 — «Вѣрно! малый ты практическій!
 Какъ пари не заплатитъ?
 Съ точки зрѣнья стратегической
 Можно Волгу запрудить!»

Голосъ князя Ивана (*кому-то въ долотку*).

Пестрый галстукъ съ чернымъ фраккомъ,
 Рядъ нечищенныхъ зубовъ
 И подернутая лакомъ
 Рожа — признакъ дураковъ.
 Въ персти камень изумрудный.
 Неотесанный болванъ:
 Содержатель кассы ссудной,
 Главной кассы — важный санъ!
 Этотъ типъ безмѣрно гнусенъ.
 Современный Митрофанъ
 Глупъ во всемъ, въ одномъ искусенъ:
 Загвзвать въ чужой карманъ!

И на немъ духъ вѣва видѣнь,
Онъ по трусости — скупецъ,
По невѣжеству — безстыдень
И по глупости — подлецъ!

6-й голосъ.

За что швырнулъ въ меня онъ карточкой своей
И завтра обѣщаль прислать мнѣ секунданта?
Вѣдь я не отрицалъ у Душкиной таланта,
Я только говорилъ, что Радина милѣй!
Военный человѣкъ, не спорю я, прекрасенъ,
Но дальше отъ него держаться должно намъ.
Во времена войны — опасенъ онъ врагамъ,
А въ мирное — онъ всѣмъ опасенъ.

Голосъ кн. Ивана (*кому-то на встречу*).

Тысячъ восемьдесятъ въ банкахъ
Получаетъ этотъ франтъ,
Онъ живетъ безсмыслино въ санкахъ —
Въ этомъ весь его талантъ.
Есть другой счастливецъ въ мирѣ,
Полу-нѣмецъ, полу-грекъ,
Получаетъ сто четыре...
Заурядный человѣкъ!
Дай мнѣ легонькіе санки
И рысистаго коня,
Я и самъ всѣ наши банки
Облечу въ теченье дня!

7-й голосъ.

Человѣка назначали
И забыли... Какъ тутъ быть?
Если нѣтъ цыганъ, нельзя ли
Хоть арфистовъ пригласить?
Безъ прекраснаго-то пола
Скучновато во хмѣлю.
Пить такъ пить — *до протокола*,
Середину не люблю!

Голосъ кн. Ивана.

На французскомъ маслѣ,
 Сдѣланномъ изъ сала,
 Испекла природа
 Этого нахала.
 Эвой ратоборець!
 Желѣзнодорожникъ

.

8-й голосъ.

Въ нашемъ банкѣ засѣдаютъ
 Пять ростовщиковъ,
 Фортель ихъ таковъ:
 Межъ собой распредѣляютъ
 Весь наличный капиталъ
 Изъ осьми... а выручаютъ
 Соробъ... Подло! я отсталъ.

Голосъ князя Ивана (кому-то въ дююнку).

Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,
 Поклонники въ немъ видѣли мессію;
 Попалъ на министерскій стулъ
 И—наглушилъ на всю Россію!

9-й голосъ.

...Говорю: помиритесь добромъ!
 Не совѣтую знаться съ судомъ!..

На Литейной такое есть зданіе,
 Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
 А невинень—отпустить домой,
 Окативши ушатомъ помой.
 Я тамъ былъ. Не послѣднее бѣдствіе,
 Доложу вамъ, судебное слѣдствіе —
 Юный приставъ меня истерзалъ;
 Прокуроръ, посѣдѣвшій во бдѣніи,
 Такъ копался въ моемъ поведеніи,

Что съ натуги въ истерику впасть;
 Сторона утверждала противная,
 Что вся жизнь моя—цѣль непрерывная
 Вопіющихъ какихъ-то картинъ,
 И, содравъ гонораръ неумѣренный,
 Восклицалъ мой присяжный повѣренный:
 «Передъ вами стоитъ гражданинъ
 Чище снѣга альпійскихъ вершинъ!..»

Невеселое вышло рѣшеніе:
 Безъ лишенія правъ заключеніе.
 Двѣ недѣли пришлось проскучать,
 Да сполгода ругала печать!

10-й голосъ.

Печать? У ней строитель—воръ!
 Желѣзные дороги—душегубки,
 Суды?.. По платью приговоръ!
 А имъ любезны только полушубки.
 Теперь не въ модѣ уважать
 По капиталу, чину, званью...
 Какъ!? подъ арестомъ содержать
 Игуменью—честную Митрофанью?..

11-й голосъ.

Не щадятъ и духовнаго званія!
 Адвокатамъ однимъ только рай:
 За лишеніе правъ состоянія
 И за то теперь деньги подай!

Голосъ князя Ивана (кому-то въ должку).

Не люблю австрійца!
 Думается мнѣ:
 Вотъ—сыноубійца!
 Чу! призывъ къ войнѣ!
 Брошены парады,
 Дѣти въ бой идутъ,
 А отцы подрады
 На войска берутъ.
 Юные герои

Гибнуть въ каждомъ боѣ,
 Не поймутъ никакъ:
 Отчего въ атакѣ,
 Въ самой жаркой дракѣ,
 Не вредимъ прусаку?
 Дѣти! васъ надули
 Ваши старики:
 Глиняныя пули
 Ставили въ полки!

Неразлучной бродятъ парой
 Суетливый коммерсантъ
 И еврей, процентщикъ ярый,
 Въ драгоценныхъ камняхъ франтъ.
 Вотъ подходятъ къ самой двери,
 Продолжая разсуждать:
 — Мнѣ «товарища на вѣрѣ»
 Было легче отыскать.
 Выручай! надеждой прочной
 Остаешься ты одинъ.
 Выручай! ты—безупречный,
 Полноправный гражданинъ!
 Ты—писатель! Ты брошюрой
 «О процентахъ» заявилъ
 Связь свою съ литературой,
 Ты Тиблену кумомъ былъ.
 Ты—художникъ по натурѣ...
 — «Не желательно прослыть
 Подставнымъ въ литературѣ...»
 — Вотъ нашелъ о чемъ тужить!
 Полно! Мы съ тобой—не дѣтки.
 Нынче—царство подставныхъ,
 Настоящіе-то рѣдки,
 Да и спросу нѣтъ на нихъ.
 Погляди: морякъ на сушѣ,
 Инженеръ на кораблѣ,
 А дѣла идутъ не хуже
 И не лучше на землѣ.
 Не у насъ—во всей Европѣ
 Прессой править капиталъ,
 Былъ же Генкель, есть же Гопше...
 Ты бы ярче ихъ сіялъ!

Прессѣ нужны коммерсанты.
Поспѣшивъ на помощь ей,
Какъ направимъ мы таланты,
Какъ устроимся! —

Еврей

Отвѣчаетъ, убѣжденно
Начиная уступать:
— «Если нужно просвѣщенью
Руку помощи подать,
Я готовъ, но—Богъ свидѣтель —
Я отъ грамоты отвыкъ...»
— Тутъ нужна лишь добродѣтель!
Воскликаетъ биржевикъ...

— Дай еще имъ пять бутылокъ!
Испустилъ внезапный крикъ
Нѣкто—стриженный затылокъ,
Голова «à la мужикъ».
Ростъ высочій, станъ не гибкой,
А лицо... страннѣй всего,
Какъ не высѣкли ошибкой
По лицу его!
Выпивъ первую бутылку,
Лизоблюдовъ пьяный хоръ
Тароватому затылку
Лестью выпалилъ въ упоръ:

— Сколько вы божьихъ храмовъ построили!
— Сколько выдали замужъ невѣсты!
— Сколько вдовъ и сиротъ успокоили!
— Сколько роздали пенсій и мѣстъ!
— «А какія вы строите линіи!
Подвигъ вашъ—достоянье вѣковъ!»
Поправляя очки свои синіе,
Заключилъ запѣвало лестецовъ:
— «На Уралѣ, на Ленѣ, на Тереѣ
Предстоятъ еще подвиги вамъ.
Были люди въ Европѣ, въ Америкѣ,
А такихъ не встрѣчалось и тамъ!»

— Будто? Вотъ какъ! Скажите! Неужели?
Восклицалъ осовѣвпшій герой:

*

— Мы, однако, такъ плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И вскочили «орлы» его вѣрные,
И героя домой повели...

Про таланты его непомѣрные
Очень громкіе слухи прошли.
Какъ шаманъ, онъ обвѣщаетъ жетонами
(А на шеѣ владимірскій крестъ).
Съ телеграммами, спичами, звонами
Коловольными—вздить и ѣсть,
Упивается тонкими винами,
Сыплетъ золото щедрой рукой,
Въ предпріятіяхъ долями львиными
Надѣляется... Чѣмъ не герой?..
Есть, однако, и мнѣнье противное:
Говорять: у него никакихъ
Дарованій, богатство фактивное;
Говорять: онъ—игрушка другихъ,
Нуженъ онъ для одной декорации;
Три-четыре искусныхъ дѣльца
Въ омутъ самой шальной спекуляціи,
Словно мячикъ, бросаютъ глупца.

Какъ вопьются раки жирные
Въ тѣло бѣлое его,
Эти люди, съ виду смиренные,
Обрываютъ ихъ съ него,
И потомъ дружка сердечнаго
Въ новый омутъ повлекутъ...
Ничего вѣтъ въ мірѣ вѣчнаго—
Скоро будетъ онъ банкротъ!

Голосъ князя Ивана (на встрѣчу вновь со-
шедшему).

А! Авраамъ изыскатель!
Мимо прошелъ: не узналъ,
Чѣмъ вовгордился, пріятель?
Я пастухомъ тебя зналъ...

Лота отца попрекаетъ,
 Берка отъ Лоты бѣжить,
 Мѣсяца три пропадаетъ
 И, возвратясь, говорить:

«Радуйся! дочь моя Лота!
 Радуйся, Янкель, мой сыны!
 Дѣти! купилъ я болота
 Семьдесятъ семь десятинъ!»

Лота одѣлася въ шубку,
 Янкель за шапкой бѣжить,
 Ъдутъ смотрѣть на покупку —
 Лошадь съ патуги крипить,

Мѣстность все ниже и ниже,
 Множество вочекъ и амь.
 «Вотъ оно! Лота! смотри же!»
 Лота не вѣрить глазамъ:

Нѣту ничѣмъ ничего-то,
 Кромѣ трясины и мховъ!
 Только слетѣли съ болота
 Семьдесятъ семь куликовъ!

Ъдучи шагомъ обратно,
 Янкель трунилъ надъ отцомъ,
 Лота работала знатно
 Длиннымъ своимъ языкомъ.

Берка на жалобы эти
 Молвилъ, подѣхавъ къ крыльцу:
 «Не угодилъ я вамъ, дѣти,
 Да угодилъ продавцу!»

Утромъ онъ съ ними простился,
 Мѣсяца три пропадалъ.
 Ночью домой воротился,
 «Радуйтесь!» снова сказалъ.

Янкель и Лота не рады,
 Думають: глупость опять!
 «Взялъ я большіе подряды!»
 Берка пустился плясать.

Отгч. Записки.

«Четверть съ рубля обойдется
 Четверть съ рубля... безъ гроша...
 Семьдесятъ семь остается,
 Семьдесятъ семь барыша!»

Денегъ у Берки безъ счета,
 Берка—давно дворянинъ,
 Благословляя болота
 Семьдесятъ семь десятины!..

Чу! пѣсня! Полные виномъ,
 Два инженера ликовали
 И пѣли пѣсенку о томъ,
 Какъ «непреклоннаго» сломали:

Я сначала доказалъ
 Ясно, непреложно
 Пользу дѣла—онъ сказалъ:
 «*Это невозможно!*»

Я протекцію съискалъ,
 Все обставилъ чудно,
 Онъ сурово отвѣчалъ:
 «*Это очень трудно!*»

Въ третій разъ сказалъ я:—Купиъ
 Будеть—гривна со ста,
 И воскликнулъ строгій мужъ:
 «*Это—очень просто!..*»

Голосъ князя Ивана.

На умѣ чины да куши,
 Пассажировъ бьетъ гуртомъ:
 Христіанскія-то души
 Жидовинѣ ни по чемъ.
 До предѣловъ незаконныхъ
 Глушь, а денежки гребеть...
 Все равно, что рѣзать сонныхъ—
 Обирать народъ!

Слышны толки: «Лѣность... пьянство...
 Земство... волость... мужики»...
 Это—мѣстное дворянство
 И дворяне-степняки.
 У степного дворянина
 Рѣчь любимая своя:
 «Чебоксарская щетина»,
 «Миргородская свинья»,
 «Свеловица, мериносы»,
 «Спрось на водку и барду»,
 А у мѣстнаго вопросы
 «Все сословные» въ ходу,
 Графъ Д—довъ, князь Л—новъ
 Въ центрѣ этого кружка
 Излагаютъ пользу плановъ,
 Не удавшихся пока:

«Вся бѣда Россіи
 Въ недостаткѣ власти!»
 Говорятъ витии
 По сословной части.

— «Дѣ! провинція пустѣеть:
 Города объаты сномъ,
 Земледѣлецъ нашъ бѣднѣеть,
 Дворянинъ поникъ челомъ.

Кто не «высшаго разбора»,
 Убѣгай изъ нашихъ мѣстъ,
 Ты—добыча прокурора,
 Мировой тебя заѣстъ!

Кто теперь тамъ толку сыщеть?
 Народившійся кулакъ
 По селеньямъ звѣремъ рыщеть,
 Выжимаетъ четвертакъ.

Выбиваетъ недоимку,
 Разворяетъ до гроша,
 Взятку, взятку-невидимку
 Ловить каждая душа!

Даже Божіи стихи
Ополчились на крестьянъ:
Повсемѣстно по Россіи
Вихри, штормы, ураганъ.

Громъ жилища зажигаетъ,
Нивы градъ Господень бьетъ,
Деньги земство обираетъ,
Жадный волкъ уносить скоты!

Съ мужикомъ однимъ случилось —
То-то онъ оторопѣлъ! —
Даже почва провалилась
Отведенная въ надѣлъ!

Не затѣмъ мы уступали
Наши древнія права,
Чтобъ на наше мѣсто стали
Становой и голова!

Жаль роднаго достоянья,
Жаль и бѣдныхъ мужиковъ!..
Тамъ — семейныя преданья,
Тамъ — любезный прахъ отцовъ!

Прахъ отцовъ — добыча тлѣнья,
А живому дорогъ день:
Какъ изъ чумнаго селенья,
Мы бѣжимъ изъ деревень!»

Такъ искатели концессій,
Потерпѣвшіе накладь
Отъ хозяйственныхъ профессій,
Нашимъ земцамъ говорятъ.

— «Нѣтъ, а мы такъ не уходимъ!
Обновивъ съ народомъ связь,
Мы народъ облагородимъ»,
Говорить — по Гнейсту — князь:

«Мы судебно-полицейской
Властью — пьянство укротимъ!»

И съ улыбкой фарисейской
Ренегаты вторять имъ.

.
.
.
.

Дворянинъ многоземельный
Съ тайной думою своею
Дышетъ скукою смертельной,
Есть субъекты веселѣй:
Генеральный бой дворянской
Проигравъ, они напхались
И войною партизанской
На досугъ занялись.
Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Такъ и рвутъ что можно съ бою
У народа, у казны:
Взявъ съ подрада «разрѣженъ»
Государственныхъ лѣсовъ,
Произвестъ опустошенъ,
Подмѣнить у мужиковъ
Земли — дѣло «партизана»;
Онъ — процентщикъ, онъ — торгоашъ,
Не уйдешь его капзама,
Неизбѣжно дань отдашь!
Четверикъ фальшивой мѣры,
Тайный фортель у вѣсовъ...
Впрочемъ, тутъ же есть примѣры.
Чу! помѣщикъ Хватуновъ
Самъ кричить: «удралъ я штуку!
Не зѣвайте! вотъ вамъ шанс!»
И поеть, друзьямъ въ науку,
Назидательный романсъ:

Пѣсня объ «Орошеніи».

Комитету «Поощренья
Земледѣльческихъ Трудовъ»

Сдѣлать опытъ орошенья
Нашихъ пашень и луговъ

Предложили я: снарядили
Двѣ комисіи въ нашъ край
И потомъ благословили,
Дали денегъ: «Орошай!»

Я поѣхалъ [за границу,
Пожуировалъ; затѣмъ
Началъ сѣять свекловицу.
Время мчалось, между тѣмъ,

Домъ мой сталъ богаче, краше,
Самъ толстѣю, что ни годъ,
Вдругъ запросъ: «Успѣшно-ль ваше
Орошеніе идетъ?»

— «При ближайшемъ наблюденіи»,
Отвѣчаю въ комитетъ:
«Нахожу, что въ орошеніи
Въ нашемъ край — нужды нѣтъ,

— «Трудъ притомъ безмѣрно дорогъ...»
Согласились: Нѣтъ нужды!
А задатокъ — тысячь сорокъ —
За посильные труды

Комитетъ — не безъ участія
Добрыхъ душъ — съ меня сложили,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я оросилъ!..

Нѣсмелно голосовъ.

Браво, браво! ороситель!
Браво!.. Пьемъ за подвигъ твой!..

Князь Иванъ.

Эй! орловскій предводитель!
 Познакомь меня съ Оомой!
 Я изъ чести, не изъ видовъ,
 Подружиться съ нимъ готовъ.
 Прежде былъ — Денисъ Давыдовъ,
 Нынче — *Оемка Хватуновъ!*

Въ каждой группѣ плутократовъ? —
 Русскихъ, нѣмцевъ ли, жидовъ —
 Замѣчаю ренегатовъ
 Изъ семьи профессоровъ.
 Ихъ исторія извѣстна:
 Скромнымъ труженикомъ жилъ
 И, служа наукѣ честно,
 Плутократію громилъ,
 Былъ профессоромъ, ученымъ
 Лѣтъ до тридцати,
 И, казалось, миллиономъ
 Не собьешь его съ пути...
 Вдругъ — конецъ исторіи —
 Въ тридцать лѣтъ герой —
 Прыгъ съ обсерваторіи
 Въ омутъ биржевой!..

Вотъ москвичъ — родоначальникъ
 Этой фракціи дѣльцовъ:
 Объ отечествѣ печальникъ,
 Лучшій типъ профессоровъ,
 Встарь онъ пѣлъ инныя пѣсни,
 Искандеръ былъ другъ его,
 Кромѣ каменной болѣзни,
 Не имѣлъ онъ ничего;
 Подъ опалой въ дни годы
 Находился демократъ,
 Другъ народа и свободы,
 А теперь онъ — плутократъ!
 Спекуляторскія штуки
 Ловко двигаетъ впередъ

При содѣйствіи науки
Этотъ старый патріотъ...

Вотъ другой — слыветъ за чудо:
Говорунъ и остроловъ,
(«Леонидъ» — ему покуда
Кличка у тузовъ).

Онъ *машинкамъ краснорѣчьемъ*
Плутократию дивить;
Никакимъ противорѣчьемъ
Не смущаясь, говорить
Въ интересахъ господина.
Заплати да тему дай,
Говорильная машина
Загудить: подниметь лай,
Будеть плавать и смѣяться,
Цыфры, факты извращать,
На Бутовскаго ссылаться,
Марсомъ тону задавать.
Предпочта ученой славы
Соблазнительный металлъ,
Леонидъ сперва при Саввѣ
На посылкахъ состоять,
Подавалъ ему «идейки»
(И сигары — иногда),
Зналъ къ редакторамъ лазейки,
Къ представителямъ суда,
Составлялъ «записки», «мигѣнья»,
Слетни прессы отражалъ,
И въ директоры правленья
Наконецъ попалъ!

Тутъ ужъ торная дорога:
Накватавъ десятокъ мѣсть,
Какъ за пазухой у Бога,
Онъ живеть; по барски ѣсть,
На балы къ концессионерамъ
Возить куколку-жену
И поеть акціонерамъ
Вѣчно пѣсенку одну;
Смыслъ извѣстный: «дивидендовъ
Нѣтъ пока мѣсть — ожидай!
И не медля шесть процентовъ
Намъ въ награду «отчислай!»

Кризисъ: дѣло не спорится,
 Денегъ нѣтъ, должны кругомъ,
 Въ дверь правленія стучится
 Съ исполнительнымъ листомъ
 Приставъ: кассу запираетъ,
 Мебель штемпелемъ клеймитъ.
 Леонидъ не унываетъ
 И цинически остритъ:
 «Мать, конечно, предпріятю,
 А правленію — не бѣда!
 Стулъ съ казенною печатью
 Такъ же мягокъ, господа!..»

Нынче счету нѣтъ артистамъ,
 Чтò такимъ путемъ пошли,
 И на помощь аферистамъ
 Силу знанья принесли.
 Всякій планъ, въ основѣ шаткой,
 Какъ на сваяхъ утвердятъ:
 Исторической подкладкой,
 Перспективами снабдятъ!
 Дѣло ихъ — стоять на стражѣ
 «Государственныхъ идей».
 Нѣтъ еще идеи даже,
 Есть одинъ намекъ о ней,
 Ужъ бѣгутъ они къ патронамъ,
 Выговариваютъ пай.
 Начинаютъ скромнымъ тономъ:
 «Нужный банкъ»... «Забитый край»...
 Дальше — громче пропаганда,
 Загорается война,
 Кто за Шмита, кто за Странда!
 Правду вывернувъ до дна,
 Чудо сдѣлаютъ изъ края,
 Этнографіей блеснуть,
 И статистива такая...
 Гдѣ они ее берутъ?

Аргументъ экономическій,
 Аргументъ патриотическій
 И важнѣйшій, наконецъ,
 Съ точки зрѣнья стратегической
 Аргументъ — всему вѣнецъ! .

Изъ пяти одна затѣя
 Удалясь — набить карманъ!
 А гуманная идея
 Отошла на дальній планъ.
 Новый тузъ-богачъ въ итогъ,
 И сказались барыши
 Лишней гривною въ налогъ
 Съ податной души...

Надо честь отдать почину —
 Разбудили Русь они:
 И кушцу, и дворянину
 Плохо спится въ наши дни;
 Прежде Русь стихи писала,
 Принимаю не было числа,
 А теперь практичнѣй стала:
 На проекты налегла!
 Предпримчивостью чудной
 Преисполнились сердца,
 Нѣтъ теперь задачи трудной,
 Каждый планъ найдетъ дѣльца.
 Запрудать Неву, каналы
 По Сахаръ проведутъ!..
 Дайте только капиталы,
 Обезпечьте рискъ и трудъ...

Да, постигла и Россія
 Тайну жизни, наконецъ,
 Тайна жизни — гарантія,
 А субсидія — вѣнецъ!
 Будешь въ славъ равенъ Фидію,
 Антокольскій! извайя
 «ГАРАНТИЮ» и «СУБСИДИЮ»,
 Идеаламъ форму дай!
 Окружи свое творенье
 Барельефами: толпой
 Пусть идутъ на поклоненье
 И ученый, и герой;
 Пусть идутъ израильтяне
 И другіе пришледы,
 И російскіе дворяне,
 И моршанскіе скопцы...

Бесѣда кипитъ, не смолая,
 И льется рѣкою вино,
 Великихъ и малыхъ равняя,
 Всѣ группы смѣшались давно.
 Зацѣпни въ ударѣ, какъ воду,
 Венгерское пѣть; Леонидъ,
 Великому мужу въ угоду,
 Вистуетъ ему и лиситъ.
 Изъ оперы новыя лица
 Явились; затѣялся споръ:
 Которая выше пѣвица,
 Который пошлѣ актёръ.
 Веселый толстякъ, краснорожій,
 Хохочетъ Иванушка шутъ,
 И мужъ государственный тоже,
 Подвыпивъ, бесѣдуетъ тутъ:

«Да-съ, наша трона не безъ терній!
 Энергія — свойство мое,
 Но на сорокъ восемь губерній
 Всегда ли достанетъ ее?..»

Но былъ одинъ — онъ общества чуждался;
 Построивши дорогу въ восемь верстъ,
 На собственномъ величьи погѣшался
 Остзейскій тузъ — баронъ фонъ-Клоппенгорстъ.
 Онъ вынуждалъ къ невольному респекту —
 Торжественность въ осанкѣ и въ лицѣ;
 Пусть нагнѣ по Невскому проспекту —
 Покажется онъ — въ тогѣ и въ щѣ.
 Онъ не сгибалъ своей баронской выи.
 Ни передъ кѣмъ; на лбу его крутомъ
 Начертано: «Трудился для Россіи
 И памятникъ воздвигъ себѣ притомъ!»
 Онъ былъ смѣшонъ картинно, грандіозно
 И шумный пиръ эффектно отгѣнялъ.
 Онъ пилъ одинъ, насупивъ брови грозно,
 По слову въ часъ медлительно ронялъ.
 Молчить ли онъ — особая манера
 Молчать... глядить — побѣдоносный взоръ!
 Идетъ ли онъ — пезыблемая вѣра,
 Что долгъ другихъ давать ему просторъ.
 Среди судовъ обычнаго размѣра
 Такъ шествовалъ въ Россію «Мониторъ»...

Остроумная случайность!
 На барона не похожь,
 Представляя другую крайность
 Эдуардъ Ивановичъ Грошъ —
 Господинъ на ножкахъ низкихъ,
 Весель, юрокъ и румянъ,
 Изъ породы самыхъ близкихъ
 Къ человѣку обезьянъ.
 Къ разнымъ группамъ подбѣгаетъ,
 Щуритъ глазки, руки жметъ
 И головкою киваетъ,
 И хихикаетъ, и вретъ.
 Голосокъ его пискливый
 Раздается тамъ и тутъ,
 Толстый, маленькій, плѣшивый,
 Сибаритъ, дѣлецъ и шутъ —
 Онъ, какъ ртуть, на всякомъ мѣстѣ,
 Слышитъ — кто-то говоритъ:
 — Нужно завтра акцій двѣсти...
 «На наличность? на кредитъ?..»
 По рукамъ въ минуту хлопнулъ
 И бѣжитъ туда бѣгомъ,
 Гдѣ услышалъ слово: лопнулъ.
 «Кто? Какой торговый домъ?..»
 — Лопнулъ—шаръ!.. Зимой въ саняхъ
 Вѣчно встрѣтите его;
 Онъ на биржѣ, въ думѣ, въ банкахъ,
 Нѣтъ собранья безъ него:
 Это высшаго разряда
 Факторъ — сила нашихъ дней.
 Телеграфовъ съ нимъ не надо,
 Ни газетныхъ новостей.
 Свѣтскій миръ и миръ подземный
 Дань равно ему несутъ,
 Какъ револьверъ шестиствольный,
 Онъ заряженъ! Съ виду шутъ,
 Онъ не-спроста бьетъ баклуши,
 Онъ трудится больше насъ:
 Настороженные уши,
 Волчій зубъ и лисій глазъ!
 Чтѣ вамъ нужно? Закладную?
 Моську, мужа... дачу, домъ,
 Капиталь?.. Рекомендую:

Не ударить въ грязь лицомъ!
 Честолюбье ль васъ тревожить?
 Онъ карьерѣ дать толчокъ,
 Даже выхлопотать можетъ
 Португальскій орденъ!
По руку принять перчатку —
 Дѣло Гроша! Всюду вхожь,
 Онъ туда протиснетъ взятку,
 Что руками разведешь!..
 Гроша вывели изъ мрака
 Случай, ловкость и родня,
 Не выходить онъ изъ фрака,
 Пробудясь, кричить: коня!
 Въ девять рыцетъ по трущобамъ,
 Ищеть нужнаго дѣльца,
 Въ десять — шестуеетъ за гробомъ
 Сановитаго лица;
 До двѣнадцати — въ переднихъ
 У вліятельныхъ господъ,
 Въ часъ — въ пріютъ малолѣтнихъ,
 Гдѣ молебень и отчетъ.
 Въ два — за завтракомъ съ кокеткой
 (Онъ — кокетокъ первый другъ),
 Съ трехъ — на биржѣ... День короткой —
 Пообѣдать недосугъ!
 Вечеръ: два, три комитета,
 Оперетка и балетъ
 И у дамы полусвѣта
 За рулеткой — дня разсвѣтъ!

Тише!.. новый гость явился;
 Всѣ вскочили, самъ баронъ
 Клоппенгорстъ предъ нимъ склонился,
 Подаль руку... Кто же онъ?

Кто онъ? Дѣйствуя прагматически,
 Я обязанъ умолчать,
 Но могу аллегорически
 Пѣтухомъ его назвать.
 Нѣтъ вѣрнѣ аттестаціи:
 Золото клеветъ —

Возвращаетъ... ассигнаціи!
 Плавнo онъ идетъ
 Съ видомъ скромнаго достоинства.
 Словно предъ вождемъ
 Дрессированное воинство,
 Смогло все кругомъ...

Поздоровался съ Саввой Степанычемъ,
 Крѣпко палець Задѣвъ сдвигилъ,
 Пошутить съ Эдуардомъ Иванычемъ:
 «У! какъ блѣдень! Опять пошалилъ?»

— «Испугался проекта Дерницына:
 Объ общественной пользѣ поетъ,
 А въ душѣ — идеалы Плотыцына!
 Зазѣвайся —»

А затѣмъ, неизвѣстность полнѣйшая!
 Къ сожалѣнью, бесѣда дальнѣйшая
 Шла въ полголоса... «Время на балъ!»
 Уходя, незнакомецъ сказалъ.

Къ счастью, онъ вернулся снова,
 На минуту сѣлъ,
 И тогда четыре слова
 Я поймать успѣлъ.
 «Нужно выждать двѣ недѣли»,
 Саввѣ онъ сказалъ:
 «Нужно выждать: не созрѣли...»
 И, допивъ бокаль,
 Вышелъ...

Эксъ-писатель блѣднолицый
 Появился Пьеръ Кульковъ;
 Былъ онъ долго заграницей
 По комиссіямъ дѣльцовъ
 И друзьямъ поклонъ собрата
 Изъ Италиі привезъ.
 Вождельнѣй плутократа,
 Такъ сказать, апопеезъ
 Совмѣщаль въ себѣ фонъ-Руге:

Ухвативъ громадный кушъ,
 Онъ ушелъ—на свѣтломъ югѣ
 Отдыхать. «Великій мужъ!»
 Говорятъ ему вити:
 «Не пугайся клеветы!
 Предпримчивость Россіи
 На такія высоты
 Ты вознесъ, что миллиарда
 Увезеннаго не жаль!..»
 Не безъ чувства и азарта,
 Устремляя очи въ даль,
 Разказалъ туристъ свиданье
 Съ удалившимся дѣльцомъ;
 Было общее молчанье,
 Пѣлъ разскащикъ соловьемъ:

Я посѣтилъ отшельника Севильи,
 На виллу Миртъ хотѣлось мнѣ взглянуть;
 Предъ ней поэтъ преклонится — въ безсильи
 Вообразить прекраснѣй что нибудь!

Изъ мрамора каррарскаго колоны,
 На потолокахъ сибирскій малахитъ,
 И въ воздухѣ висящіе балконы,
 И съ одного — въ Европѣ лучшій видъ!

Тамъ онъ любилъ сидѣть послѣ обѣда
 И нѣсколько тревожился лишь тѣмъ,
 Что тотъ же видъ доступенъ для сосѣда;
 Его девизъ: я не дѣлюсь ни съ кѣмъ!

Онъ этимъ былъ глубоко опечаленъ
 И, наконецъ, сосѣда побѣдилъ:
 Настроилъ онъ искусственныхъ развалинъ
 И чудный видъ сосѣду заградилъ!..

Весь подъ шатромъ навѣсовъ виноградныхъ
 Шелъ путь къ нему извилистой тропой;
 Не пожалѣвъ расходовъ беспощадныхъ,
 Онъ срылъ сады — и сдѣлалъ путь прямой!

Такъ онъ живетъ, такъ тратитъ онъ доходы,
 Всѣмъ жертвуя комфорту своему...

*

Кругомъ цвѣты... искусственныя воды...
Его оркестръ обходится ему

Въ огромный кушъ. Устроивъ родъ престола,
Уходитъ онъ въ свой музыкальный залъ,
И, такъ сказать, оркестру внемлетъ *solo*,
Вотъ жизнь его... вотъ жизни идеаль!..

«По такому идеалу
Можетъ только жить — кретинъ!»
Вдругъ сказалъ вошедшій въ залу
Незадолго господинъ.
(Сумасшедшій или геній?
Возникалъ въ умѣ вопросъ,
Послѣ краткихъ наблюдений
Надъ вошедшимъ): «Онъ унесъ
Изъ Россіи миліоны
И, построивъ пышный гробъ,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственныхъ особъ
Онъ рассчитывалъ, старая
Честолюбиемъ... Увы!
Ѣдутъ мимо, не склоняя
Передъ Руге головы!
У него въ груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте почему?
Передъ боемъ франко-прусскимъ
Переписывался онъ
Съ императоромъ французскимъ,
За серебрянный миліонъ
Титулъ герцога — я слышалъ —
Ужъ совсѣмъ приторговалъ...
Вдругъ скандалъ седанскій вышелъ —
Продавецъ банкротомъ сталъ!
И теперь о томъ героѣ
(Не забавный ли пассажъ?)
Въ пѣломъ мірѣ плачутъ трое —
Сынъ, жена... да Руге нашъ!

Пожалѣй честная публика!
 Гдѣ купить высокій санъ?
 Ужъ во Франціи — республика!
 Титловъ нѣтъ у англичанъ
 На продажу... а Германія?...
 Онъ и такъ — нѣмецкій фонъ...
 Таковы его страданія...
 Гдѣ же счастье?... Дурень онъ!

Дайте мнѣ его миліоны,
 Я бы имъ протеръ глаза!
 Не висячіе балконы —
 Я бы создалъ чудеса!
 Петръ Великій въ Сестербекѣ
 Портъ громаднѣй замышлялъ;
 Здѣсь въ великомъ человѣкѣ
 Геній видимо дремалъ,
 Но и въ маломъ человѣкѣ
 Онъ не дремлетъ иногда:
 Нуженъ портъ... *на Чорной рѣчкѣ!*
 Вотъ идея, господа!
 Всѣ другіе планы къ чорту!
 Составляйте капиталъ:
 Смѣло строй дорогу къ порту
 И веди къ нему каналъ!
 Подойдутъ вагонъ и барка
 И корабль... Сдавай, грузи!
 Какъ маякъ, горящій ярко,
 Будетъ портъ мой на Руси!
 Я ужъ рельсы далъ дорогамъ,
 Я войскамъ оружье далъ...
 Въ новый путь иду я съ Богомъ...
 Составляйте капиталъ!

Съ деньгами, съ геніемъ

Чуднымъ движеніемъ

Русь оживимъ.

Море Балтійское,

Море Каспійское

Соединимъ!

Вотъ занятіе! вотъ дѣло!
 Можно душу положить!
 Ненавижу нѣжить тѣло,
 Нервы праздностью томить.

Ужь давно я былъ бы Крезомъ,
 Могъ бы лавры пожинать,
 Но безошлиннымъ желѣзомъ
 Не хочу я торговать.
 Металлическихъ заводовъ
 Съ пивовареннымъ котломъ
 Я не строю для доходовъ...
 Наживаться воровствомъ
 Сродно подлomu холопу!
 Цѣль моя: къ окну въ Европу,
 Чтò прорублено Петромъ,
 Въёвой пристроить домъ!

(Уходитъ быстро и съ эффектомъ, еще въ комнату надѣвъ шляпу).

Голосъ князя Ивана.

Появился метеоромъ,
 Метеоромъ — и пропалъ!
 Никогда онъ не былъ воровомъ,
 А людей съ сумой пускалъ.
 У него своя контора:
 «Переписки векселей»,
 Нужно штатъ удвоить скоро.
 Въ день до тысячи рублей
 Платить онъ однихъ процентовъ.
 То-то жизнь! топи каминъ
 Грудой старыхъ документовъ
 Да на новыхъ ставь: *Ладимъ*.
 А въ стяжаніи не грѣшеть,
 Самъ послѣднее отдасть...

Чье-то замѣчаніе:

Но зато вѣдь онъ помѣшанъ?

Голосъ князя Ивана.

Нѣтъ, большой энтузіастъ!
 Занимая всюду деньги
 И *простроить* ихъ спѣша,
 Ищетъ онъ по *шапкѣ* *Сеньки*...
 Идеальная душа!..

Въ лѣтній день, у пристани канала
 Собралась толпа, чего-то ждуть...
 Духовенство шествуетъ сначала,
 А за нимъ комиссія идетъ:
 Шитые мундиры, эполеты!
 Чу! въ дали заплѣли бурлаки!
 Но они не тощи, какъ скелеты,
 На подборъ красавцы-мужики,
 «Въ шельовыхъ рубахахъ!» шепчутъ бабы.
 — Глянь: и Савва!» гарнула толпа:
 Съ деревянной ложкою у шляпы
 И съ желѣзнымъ гребнемъ у пупа,
 Самъ булещъ-подрядчикъ бичевою
 Танеть барку... Къ пристани пришли...
 Отслуживъ молебень чередою,
 Пировать въ палатку побрели.

Въ торжествѣ открытiя канала
 Самъ министръ участие принималъ,
 Но не струсилъ Саввушка ни мало —
 Рѣчь его сiятельству сказалъ!
 Былъ тогда вельможа этотъ въ силѣ,
 Затѣвалъ громадныя дѣла...
 Эта рѣчь «въ народномъ, русскомъ стилѣ»
 Милiоны Саввѣ принесла.
 Нынче онъ... да словомъ: нѣтъ другого!
 Савву надо въ лѣтописи внести:
 Савву Богъ сподобилъ даромъ слова
 На Руси богатство приобрѣсть!

Но, начавъ карьеру бичевою,
 Любитъ онъ простого «мужичка»,
 Вспоминая прошлое порою,
 Напѣваетъ пѣсню бурлака,
 Ту, что пѣлъ когда-то на каналѣ...
 Выпивъ тостъ за «братьевъ мужиковъ»,
 Онъ заплѣ... что было русскихъ въ залѣ
 Подошли — и стройный хоръ готовъ:

ВЪ-ГОРУ!

(Бурлацкая пѣсня).

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужъ лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъѣмъ!
Ухнемъ! напредъ!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлѣбушка дай!
Экой песоць!
Эка гора!
Экой денёць!
Эка жара!

Камушка! сколько мы слезъ въ тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?

Денежець дай!
Бросили домъ,
Малыхъ ребятъ...
Ухнемъ, напредъ!..
Кости трешпаты!
На печь бы лечь
Зиму проспаты,
Лѣтомъ утечь
Съ бабой гулять!
Экой песоць!
Эка гора!
Экой денёць!
Эка жара!

Ухни ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нѣтъ тѣ конца!..
Эдакъ бы впрядь

Въ лямку купца —
 Легъ бы богачъ!..
 Экой песокъ!
 Эка гора!
 Экой денёкъ!
 Эка жара!
 Эй! вѣтерокъ!
 Дуй посильнѣй!
 Намъ хотъ часокъ
 Дай повольнѣй!..

Два три подрядчика съ дѣдушкой Саввой
 Въ пѣніе душу кладутъ;
 Спой такъ пѣвецъ — наградили бы славой!
 За-сердце звуки берутъ.
 Чтò-жь это, Господи! Всѣхъ задушевиѣй
 Шкурина голосъ звучитъ!
 Вѣсть лѣсами, рѣкою, деревней,
 Русской истомой томитъ!
 Все въ этой пѣсни: тупое терпѣніе,
 Долгое рабство, укорь...
 Чуть и меня не привелъ въ умиленіе
 Этотъ разбойничій хоръ!..

ЭПИЛОГЪ.

«Я — воръ!» вдругъ громко прозвучалъ
 Какой-то голосъ изступленный.
 По залъ шопотъ пробѣжалъ
 И смолкъ. Глубоко-удивленный,
 Плотиѣ къ двери я приникъ:
 Изнеможенный и печальный,
 Передъ столомъ сидѣлъ старикъ...
 Ужель Зацѣпа гениальный?
 Да, вѣрно! Блѣдень, какъ мертвецъ,
 Въ очахъ глубокое страданье...
 Чу! новый вопль! И, наконецъ —
 Неудержимое рыданье!

Князь Иванъ.

Полно! полно! плавать стыдно,
 Сядемъ лучше въ домино.
 Постороннему — обидно,
 А друзьямъ твоимъ — смѣшно!
 Ты подобенъ той гетерѣ,
 Что на склонѣ блудныхъ дней
 Горько плачетъ о потерѣ
 Добродѣтели своей!
 Не воротится невинность,
 Какъ глубоко ни грусти,
 Лишь нарушишь пира чинность
 И заставишь насъ уйти!

Ушелъ Эфруси, важный грекъ,
 Кивнувъ собранью величаво...
 «Куда же вы?» воскликнулъ Савва:
 «Зацѣпимъ—умный человекъ,
 Но человекъ немного странный:
 Впадаетъ онъ, напившись пьянъ,
 Какъ древлѣ Грозный Иоаннъ,
 Въ какой-то паеосъ покаянный...
 Но — ничего! Гроза пройдетъ,
 И завтра-жъ — побожится смѣю —
 Великій умъ изобрѣтетъ
 Золотоносную идею!
 Какъ подъ дождемъ цвѣты рѣстутъ
 Сильнѣй — прибавилъ онъ къ евреямъ —
 Такъ эти бури придають
 На-утро блескъ его идеямъ!..»

Зацѣпимъ.

Я — воръ! Я — рыцарь шайки той
 Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
 Что исповѣдуетъ разбой
 Подъ видомъ честныхъ спекуляцій!
 Гдѣ силошь да рядомъ — видитъ Богъ! —
 Лежать въ основѣ состоянья

Два-три фальшивыхъ завѣщанья,
Убийство, кража и поджогъ!
Гдѣ позабудь покой и сонъ,
Добычу зорко карауля,
Гдѣ въ результатѣ — миллионъ
Или коническая пуля!

Какъ огорошенные градомъ,
Ушли остзейскіе тузы,
Жиды вскочили... стали рядомъ...
«Куда? Сейчасъ — конецъ грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздухъ душень сталъ...
Зацѣпа рвалъ рубашку съ шеи
И истерически рыдалъ...

Князь Иванъ.

На миллионъ согрѣша,
На миллиарды тоскуеть!
То-то святая душа!
Что же сей сонъ знаменуетъ?

Бѣдный Зацѣпа — поэтъ,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нѣтъ.
Какъ ни запавай наличность,

Мы оправданье найдемъ!
Нынче твердить и бородея:
«Американскій пріемъ»,
«Великорусская смѣтка!»

Грошъ у новѣйшихъ господъ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскуеть лишь тотъ,
Кто не укралъ миллиона.

Бредить Америкой Русь,
Къ ней тяготѣя сердечно...

Шуйско-Ивановскій гусь —
Американецъ?.. Конечно!

Что ни попало? — тащатъ,
«Нашъ идеаль» — говорятъ —
«За-атлантическій братъ:
«Богъ его — тоже вѣдь долларъ!...»

Правда! но разница въ томъ:
Богъ его — долларъ, добытый трудомъ,
А не украденный долларъ!

Зацѣпникъ.

Къ религіи наклонность я питаю,
Мечталъ носить желѣзныя вериги,
А кончилъ тѣмъ, что утверждалъ
Завѣдомо подчищенные книги...

(Рыдаетъ).

Князь Иванъ.

Ты книги подчистилъ? и только!
Уйми щекотливую честь!
Ахъ! еслибъ всё выпили столько,
Не то услышали бъ мы здѣсь!

Тернисты пути совершенства
И Русь помѣшалась на томъ:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратнымъ путемъ?

Позорныя пятна на чести,
Торжественный, крупный скандалъ
И тысячъ четыреста... двѣсти
Въ итогъ — вотъ нашъ идеаль!

Тебя угнетаетъ сознанье,
Что шатко общественный крестъ
Ты несъ, получая даянье
Съ пятнадцати прибыльныхъ мѣстъ?

Утѣшься! Подъ жертвою крупной
Тайтся подходъ къ грабежу,

Подъ маской добра неприступной
Холодный расчетъ докажу!

Завидуешь доблестямъ мужа,
Что нѣсколько разъ устоялъ,
И, плутни другихъ обнаружа,
Копеечки самъ не укралъ?

Гонитель воровъ безпощадный,
Блещающій честностью мужъ
Ждетъ случая хапнуть громадный,
Приличный амбици кушъ!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сброситъ съ лица...
Утѣшься! *Блаженство паденья* —
Конечная цѣль мудреца!..

Рѣдѣла дружная семья,
Поочередно подходили
Къ Зацѣпѣ вѣрные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрѣшенъ только Богъ,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Отвѣтъ: рыданье, тяжкій вздохъ
Или язвительное слово!

Тронуть близняго несчастьемъ,
Миллионщикъ-муголомъ
Къ удрученному съ участиемъ
И съ совѣтомъ подошелъ:
«Чтобы совѣсть успокоить,
Поговѣй-ка ты постомъ,
Да совѣтую устроить
 Богадельный домъ.
Передъ ризницей святою
Въ ночь лампадки зажигай,
Да получше, безъ отстою,
 Масло наливавай!»

Подошелъ и Федоръ Шкуринъ.
 — Прочь! не подходи!
 Вмѣсто сердца, грошъ фальшивый
 У тебя въ груди!

Ты ребенкомъ дралъ щетину
 Изъ живыхъ свиней,
 А теперь ты жилы тянешь
 Изъ живыхъ людей!»

Шкуринъ голову повѣсилъ,
 «Тыкъ-съ!» пробормоталъ..
 Князь Иванъ одинъ былъ веселъ,
 «Браво!» онъ сказалъ.

Дружень былъ старикъ съ Зацѣпой,
 Онъ къ нему подсѣлъ —
 Укротить порывъ свирѣпой
 Въ свой чередъ хотѣлъ...

Князь Иванъ.

Ты Шиллера, должно быть, начитался
 Иль черезъ-чуръ венгерскаго хлѣбнулъ!
 Кто не мечталъ... и кто не оказался
 Отступникомъ? Кто круто не свернулъ
 Съ прямыхъ путей — по волѣ... по неволѣ?..
 Припомнимъ-ка товарищей по школѣ:

Окончивъ курсъ, на лекціи студентамъ
 Ученый Швабсъ съ энергіей внушалъ
 Любовь къ труду, презрѣніе къ процентамъ,
 Грома тарифъ, налоги, капиталъ,
 Сочувственно ему внимали классы...
 А нынѣ онъ — директоръ ссудной кассы...

«Судья лишь тотъ, кто Богу самъ негрѣшенъ,
 А мой принципъ — прощенье и любовь!»
 Говаривалъ Володя Перелѣшинъ:
 «Кто низко палъ — воспрянуть можетъ вновь,
 «Не бичевать, жалѣть должны мы вора...»
 А нынѣ онъ — товарищъ прокурора...

Графъ Твердышовъ... ужъ онъ ли надъ Россіей,
 Надъ мужичкомъ голоднымъ не грустилъ?
 А кончилъ тѣмъ, что съ земской гарантійей
 По пустырямъ дорогу проложилъ
 И съ помощію не нужной той дороги
 Отяготилъ крестьянскіе налоги...

Зацѣпникъ (внезапно вскакиваетъ).

Хлѣбушка нѣтъ,
 Валится домъ,
 Сколько ужъ лѣтъ
 Камѣ поемъ
 Горе свое!

Князь Иванъ.

Эхъ, ты! не кстаті перервалъ!
 Шумить, какъ угли въ самоварѣ!
 А я бы вѣрно перебралъ
 Весь Петербургъ: я былъ въ ударѣ!

Зацѣпникъ.

Горе! горе! хищникъ смѣлый
 Ворвался въ толпу!
 Гдѣ же Руси неумѣлой
 Выдержать борьбу?
 Охъ! горька твоя судьбина
 Русская земля!
 У мужицкаго алтына,
 У дворянскаго рубля
 Плутokratъ, какъ караульный,
 Станетъ на часахъ,
 И пойдетъ грабежъ огульной
 И—случится крррахъ!

Онъ осушилъ стаканъ воды,
 Порывы грусти тише стали;
 Не уходившіе жида
 Его почти не понимали;

Они подумали, что онъ
Свершилъ въ Россіи преступленье,
Укравъ казенный миліонъ,
И—предложили наставленье.

Еврейская мелодія.

Денежки есть—нѣтъ бѣды,
Денежки есть—нѣтъ опасности—
(Такъ говорили жида,
Слогъ я исправилъ для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы намъ продайте пай,
Деньги пошлите въ Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слухъ о болѣзни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Одѣньтесь тепло.
Вы до Кронштата на катерѣ,
Вы на корабль... подъ крыло
Къ насей финансовой матери¹.
Денежки—добрый товаръ—
Вы поселяйтесь на жительство
Гдѣ неостанетъ правительство,
И поживайте какъ—царь!..

Зацѣпникъ.

Прочы! гнушаюсь вашихъ узъ!..
Проклинаю процвѣтающій,
Все-берущій, все-хватящій,
Все-ворущій союзы!..

Ушли, полны негодованья,
Жида-банкиры... Леонидъ
Съ послѣднимъ словомъ увѣщанья
Передъ Зацѣпникомъ стоять.

¹ Англія.

Леонидъ.

Явленье—строго говоря —
 Не ново съ русскими великими умами:
 Съ Ивана Грознаго царя
 До переписки Гоголя съ друзьями,
 Самобичующій протестъ —
 Россійскихъ гражданъ достоянье!
 Его, какъ ржа желѣзо, вѣтъ
 Душевной немощи сознанье;
 Забыта истина одна,

Что рыцарская честь въ Россіи невозможна...
 Мы искалечены безбожно
 И развѣ наша въ томъ вина?

(Пауза. Ораторъ всматривается въ лицо Зацѣпы, наблюдая впечатлѣніе своей рѣчи. Зацѣпинъ закрываетъ глаза).

Русской души не понять иновѣрцу...
 Пусть онъ бичуетъ себя, господа!
 Дайте излиться прекрасному сердцу!

Нѣтъ въ покаяньи стыда.
 Чтò за нелѣпость—крестьянинъ не сѣченный?
 Нѣтъъ тутъ хвастать, а лучше молчать:
 Темныя пятна души изувѣченной

Русскому глупо скрывать,
 Неисчислимы орудья клеймящія!
 Если кого не коснулись они,
 Это—не Руси сыны настоящіе,
 Это—уроды! Куда ни взгляни

Все подъ гребенку подстрижено,
 Сбито съ прямого пути,
 Неотразимо обижено...
 Гдѣ же спасенье найти?

Гдѣ? «Въ миліонахъ!» таеъ жизнь подсказала,
 Геній достигнуть помочь...

Горе одно: онъ убить идеала
 Въ сердцѣ прекрасномъ не могъ...

О, роковая судьбъ неизбѣжность!
 Въ практикѣ—строгій дѣлецъ,

Голубъ въ душѣ—благородство и вѣжность!..
 Вотъ его драма... Уснулъ, наконецъ...

(Пауза. Ораторъ снова всматривается въ лицо Зацѣпы, сидящаго съ закрытыми глазами, и продолжаетъ болѣе развязнымъ тономъ).

Ужь лучше бить, чѣмъ битымъ быть,
 Ужь лучше ѣсть арбузы, чѣмъ солому...
 Созналь ты эту аксіому?

Такъ, стало, не о чемъ тужить!
 Знай свой шестокъ и дань плати культурѣ!
 На Западѣ—Мишле, Эдгаръ Кинѣ,
 Овсянниковъ—въ родной твоей странѣ
 Явленья—вѣрныя натурѣ!

И то ужъ хорошо, что выигралъ ты бой...
 Толпа идетъ избитою тропой;
 Рабы довольны, если сыты,
 Но намъ даны иные аппетиты...
 О, Господи! Удвой желудокъ мой!
 Утрой гортань! учетвери мой разумъ!
 Дай ножицы такія изобрѣсть,
 Чтобъ цѣлый міръ остричь въ плотную разомъ —
 Вотъ русская незыблемая честь!..

(Защитникъ кидается къ Леониду съ кулаками, его удерживаютъ).

Князь Иванъ.

Дай венгерскаго старѣйшаго!
 Дружно тостъ провозгласимъ:
 «За философа новѣйшаго!»
 Вы—мальчишки передъ нимъ!
 Ничего не будетъ новаго,
 Если завтра у него
 На спинѣ туза бубноваго
 Мы увидимъ... ничего!
 Но гораздо вѣроятнѣе,
 Что его карьера ждетъ
 Деликатнѣе, опрятнѣе...
 Миліоны наживетъ!

Савва (хлопоча между тѣмъ около Защитника, говоритъ вполголоса).

Опомнись, Гриша! что съ тобой?
 Себя влеймишь, друзей порочишь,
 Не хорошо! Уйди домой
 И тамъ бѣснуйся сколько хочешь.
 Или ты выгоднымъ нашель
 Пустить молву между врагами,

Что состоянье приобрѣлъ
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сынъ...
Услышать...

Зацѣпниъ.

У меня нѣтъ сына...
(Бросаетъ Савва телеграмму).

Савва (читаетъ).

«Сегодня умеръ Константинъ».
Такъ вотъ разгада! вотъ причина!
Недаромъ онъ съ утра ходилъ
Угрюмъ и золь, въ хандрѣ глубокой,
Недаромъ такъ безумно пилъ...
Ударъ, дѣйствительно, жестокий!..

Гриша—обращенъ широкихъ натуръ —
Съ молодю въ крайности дерзко бросался,
То миліоновъ желалъ самодуръ,
То въ монастырь запереться собирался.
И богомолецъ, и ротмистръ лихой,
И хлѣбосоль—предводитель дворянства,
Сталъ онъ со временемъ тузъ откупной—
Эксплуататоръ народнаго пьянства.
Откупъ рѣшили; герой не хотѣлъ
Праздно сидѣть на своемъ капиталѣ
И провалился—по новости дѣлъ...
Многіе такъ провалились въ началѣ.
Бывшій гусарь, зарядивъ пистолеть,
Дерзко на биржѣ сыгралъ на остатки —
Вывезло счастье!.. Увѣровалъ свѣтъ
Въ геній Зацѣпы... Постигнувъ порядки
Новой эпохи, и онъ не дремалъ:
Счастливо, нѣтъ ли, на биржѣ играя,
Давнія связи Зацѣпы скарѣпляя,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободныя» взять у друзей
И возратить съ дивидендомъ высокимъ—

*

Чудное средство для скрѣпы связей!
 Гриша прослылъ финансистомъ глубокимъ.
 Стали къ нему, какъ ручки въ океанъ,
 Тайныя нити успѣха стекаться,
 Мысль оварила—неси къ нему планъ,
 А безъ Зацѣпы не смѣй и соваться...

Слухъ по столицѣ пронесся одинъ—
 Сдѣлано слишкомъ ужъ дерзкое дѣло!
 Входить къ Зацѣпѣ единственный сынъ:
 «Правда ли?» «Правда ли?» юноша смѣло,
 Сыплеть вопросы—и нѣтъ имъ конца;
 Вспыхнула ссора. Зацѣпа сбѣсился.
 Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
 Сынъ неповорный въ Москву удалился.
 Тамъ онъ ованчивалъ курсъ, голодалъ,
 Письма и деньги отцу возвращая.
 Въ тайнѣ Зацѣпа о немъ тосковалъ...
 Вдругъ телеграмма пришла роковая:
 «Раненъ твой сынъ». Черезъ сутки письмомъ
 Другъ объяснилъ и причину дуэли:
 «Воромъ отца обогвали при немъ»...
 Черныя мысли отцомъ овладѣли,
 Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
 Но и другая пришла телеграмма...
 Какъ ни крѣпился старикъ—не стерпѣлъ
 И разыгралась во-очію драма...

Князь острилъ, бурлилъ Зацѣпа,
 Леонидъ не уходилъ,
 Онъ посматривалъ свирѣпо
 Да съ азартомъ соду пилъ.
 Савва—честь ему и слава!—
 «Сядемъ въ горку!» вдругъ сказалъ.
 Столъ раскрытъ—пошла забава,
 Чтò ни ставка—капиталъ!
 Разсчиталъ недурно Савва:
 И Зацѣпинъ къ нимъ подсталъ.

Н. Некрасовъ.

НА ВЕЧЕРЪ.

(изъ записной книжки).

Лѣтъ десять назадъ...

Страхъ какъ давно. Спросишь кого-нибудь изъ *своихъ*, тогдашнихъ—всѣ стали какіе-то безпамятные. Пожалуй, еще помнятъ факты, но какъ они принимались, какъ понимались, но ощущение этого волновавшаго прошедшаго, трепеть прошлыхъ надеждъ, пылъ прошлаго негодованія—куда все дѣвалось? Годъ за годомъ, и, растеривая воспоминанія, оставляя тупѣть впечатлѣнія, пожалуй, дойдемъ до того, что станемъ себя спрашивать: да, полно, было ли что нибудь?.. Говорятъ, забвеніе въ порядкѣ вещей, въ законѣ природы; десять лѣтъ—мало-ли воды утечетъ?..

Вѣрно. Къ тому-жъ и половодье было немаленькое. Но—мнѣ упрямо такъ кажется—тѣ, что оно смыло, было лучше того, что оно оставило. Я все помню.

Иногда мнѣ вспоминаются и не одни *наши*. Въ противоположностяхъ, въ противорѣчіяхъ тому, что было и осталось мнѣ дорого, я ищу объясненія неудачамъ, переменамъ, забвенію. Въ прошедшемъ, на разстояніи, это виднѣе... Мнѣ вспоминаются мелочи, разговоры, обстановка; многое съ вида невинно, многое глупо, вообще все пустовато; но мелочи не разъ разыгрывали съ людьми дурныя шутки. Занятые своимъ дѣломъ и своей мыслью, мы идемъ, не обращая вниманія на то, что лежитъ по сторонамъ, мелкое, ничтожное; вдругъ, глядишь—оно шевельнулось и встало. Мы замѣчаемъ, что встало что-то враждебное, но все спокойно, все отважно презираемъ и продолжаемъ идти, покуда это ничтожное выростетъ въ чудище и станетъ поперекъ дороги. И

не одно: оно умѣетъ найти, поделить, изъ земли достать себѣ помощниковъ. Тогда разгоняй ихъ, бейся съ ними, пропадай, или пристань къ нимъ, забывая куда шель, зачѣмъ шель, чему вѣрилъ и чѣмъ былъ... Оттого я и боюсь мелочей; оттого, можетъ быть, я къ нимъ и присматриваюсь: сначала—ничего, смѣшно, презрѣнно, а въ сложности, со временемъ—кто знаетъ, что изъ нихъ выйдетъ...

Лѣтъ десять назадъ со мной случилось большое горе; пришлось на нѣсколько времени покинуть свой уголь и переселиться въ Петербургъ. Въ первыя недѣли я еще не оглядѣлся, не принялся ни за что и потому много терялъ времени. Личное тяжелое чувство не заглушалось никакимъ занятіемъ—напротивъ: отъ него всякое занятіе дѣлалось противно, и являлось какое-то отчаянное желаніе совсѣмъ терять свои дни. Утро пропадало и отъ петербургской темноты, въ которую не хочется просыпаться, и отъ мелкихъ помѣхъ, которыя забираютъ не много часовъ, но туманятъ голову на вдвое больше. Вечеръ и подавно не было возможности оставаться одному съ самимъ собою. Пустой день не приготовилъ думать и заниматься; чтеніе не увлекаетъ: что-то постороннее, несвязное заслоняетъ строки; собственное горе тѣснить мысль; становится скучно отъ самого себя и стыдно за себя, и вдругъ озаряетъ соображеніе—что, можетъ быть, на людяхъ будетъ легче. Я и убѣгалъ въ люди, конечно, для того, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ убѣдиться, что великолѣпное озарившее меня соображеніе было—глупость.

Однако, я часто ей поддавался. Я тратилъ время, спрашивая себя—къ чему его беречь? Чтобы меня образумить, нужно было бы подставить мнѣ обстоятельства, въ которыхъ я могъ бы, очевидно, признать свою полезность, дать мнѣ какое-нибудь слѣшное дѣло или хоть вложить въ меня столько самолюбія, чтобы я могъ сколько-нибудь быть довольнымъ собою. Ничего подобнаго не случалось, и я жилъ день за день, желая одного, чтобы ихъ проходило какъ можно больше... Я рѣдко видалъ своихъ друзей. Съ ними мнѣ было тяжелѣе. Занятые дѣломъ, занятые *общимъ*, они, хотя сочувственно, но какъ-то слишкомъ рѣшительно дотрогивались до моей *частной* печали, и мнѣ дѣлалось больнѣе. Именно, въ ихъ кружкѣ мнѣ становилось замѣтнѣе, чего мнѣ не доставало, чьего голоса я не слышала, чья рука мнѣ не протягивалась. Я отчаянно бѣжалъ отъ *своихъ* и бросался совсѣмъ въ противоположность, въ пустоту, гдѣ, по крайней мѣрѣ, ничто ничего не напоминало...

Замѣтивъ, что свѣтскіе разговоры одуряютъ до усталости, а отъ усталости крѣпче спится, я посѣщала свѣтскихъ знакомыхъ, которыхъ-было оставилъ. Я погубилъ нѣсколько вечеровъ и въ театрѣ, хотя положительно его не люблю и во всю жизнь едва припомню два-три спектакля, которые меня удовлетворили. Я слушалъ, какъ хохотала публика и, забывая пиесу, покуда смотрѣлъ ее, спрашивалъ себя—чему хохочутъ? Вопросы въ родѣ этого я дѣлалъ себѣ и въ нарядныхъ салонахъ, но тамъ приходилось быть повнимательнѣе, хотя бы для того, чтобъ самому не сдѣлаться предметомъ развлеченія. Мое появленіе тамъ сначала какъ будто удивило: я былъ пришлый, человекъ другого кружка—это знали. Въ свою очередь, я зналъ, что всякое слово не въ тонѣ и духѣ салоновъ будетъ подхвачено и перетолковано, и, не желая доставлять имъ этого занятія, ограничивался самыми безцвѣтными разговорами. Мнѣ было все равно—считаютъ меня или не считаютъ пріятнымъ гостемъ; мнѣ было нужно только гдѣ нибудь тратить время. Молча, я смотрѣлъ на общество, сравнивая, на сколько оно пережилось противъ того, какъ я его предъ тѣмъ видѣлъ.

Оно очень пережилось. Если хорошее расположеніе духа есть признакъ счастья—салоны были когда-то совершенно счастливы: тамъ хорошее расположеніе духа было даже обязательно, какъ приличіе. Тамъ были довольны всѣмъ, что совершалось въ мірѣ; его прошедшая и настоящая исторія имѣла значеніе туманныхъ картинъ, вызывающихъ мимолетныя улыбки и еще болѣе мимолетныя вздохи; насущные, роковые вопросы обсуждались, какъ что-то поконченное за нѣсколько вѣковъ назадъ; живое дѣлалось такой отвлеченностью, что казалось почти странно, невозможно напомнить хоть словомъ о массѣ человѣческихъ жизней, стоящей за этой великолѣпной занавѣсью соображеній, и, вообще, рѣчь о подобныхъ предметахъ заходила рѣдко. Теперь обо всемъ говорили очень много; никто не былъ забыть и ничто не было забыто; на всѣ вопросы смотрѣли прямо, дѣйствительность была во всемъ; все факты, все цифры; безстрастно высчитывались жертвы и произносились приговоры, неудачи осмѣивались даже весело. Но минутами являлось недоумѣніе, даже страннѣе прежняго: казалось, будто эти все знающіе, все рѣшающіе люди не увѣрены—уже не только въ томъ, что они говорятъ, а просто, неуѣрены, сами ли они говорятъ это...

Съ другой стороны, не смотря на законъ о расположеніи духа, общество было не оживлено, оно становилось не любезно. *Les à propos, les fines reparties*, которыми оно прежде услаждалось, дѣлались все рѣже или, такъ сказать, исчезалъ букетъ ихъ;

отходящее повольтіе—кто замолкалъ, кто повторялся, а новое—или не выучилось, или было грубо, не тѣмъ занято. Неизвѣстно, чѣмъ оно занималось; не видно было, чтобы свѣтскіе молодые люди дѣлали что нибудь больше своихъ отцовъ, но они, положительно, были не такъ любезны. Женщины—тоже. Старыя grandes dames сходили со сцены и примолкали; молодыя были какъ-то торопливо привлекательны и не общались съ годами сдѣлаться des grandes dames; въ ихъ величавости какъ будто недоставало вѣса, ихъ кокетство было слишкомъ снисходительно; онѣ были смѣлы, но не рѣшительны; онѣ сочиняли себѣ жизнь, но не жили, какъ ихъ матери, а еще менѣе, какъ ихъ бабушки; онѣ какъ-то скоро давали разгадать себя и не внушали страха... Вообще, какъ будто проходила пора этого «начала премудрости»—страха предъ grandes dames, какъ и предъ прочими сильными міра. Точно, какъ будто ихъ обступило что-то такое, изъ-за чего не такъ видѣлись ихъ высокія прически и высоко поднятыя плечи, не такъ звучно раздавались ихъ голоса, привычныя къ простору. Точно будто и для нихъ наставало «начало премудрости», и онѣ умѣряли отвагу, примолкали съ своими fines reparties, прислушивались, примѣнялись, заговаривали о «дѣлѣ и убѣжденіяхъ»... Это выходило забавно, особенно, когда такое непривычное стѣсненіе ихъ вдругъ одолевало и онѣ силились опять очаровать, презрѣть, утратить, подняться во весь ростъ...

Онѣ притихали не даромъ. Тогда складывалась жизнь по новому, вѣяло свѣжимъ, рѣзкимъ воздухомъ, гибельнымъ для всякаго тлѣнія; вставала тихая, прочная, суровая и полная достоинства сила мысли, справедливости и труда, которую отрицать было невозможно, запугать трудно, передъ которой было пеловко хитрить и играть въ убѣжденія, потому что, прощая многое, этой игры она не прощала... Это беспокоило, это грозило—хуже: это какъ-то внутренне смущало. Чтобы удержать свои улетающіе смѣхи и радости, обитателямъ нарядныхъ салоновъ оставалось или завѣдомо отвращать глаза отъ этого новаго склада, или наивно, съ заботой, равняющейся заботамъ свѣтскихъ людей о своемъ здоровьи, стараться сохранить себя въ блаженномъ невѣдѣніи. Это было мудрено, но дѣлалось. Было легче, признавъ существованіе людей другого склада, не удостоивать узнавать ихъ ближе, относиться къ нимъ съ соболѣзнованіемъ, съ спокойно-презрительной безразличностью, въ минуты нервнаго разстройства—вѣрить о нихъ всякимъ сказочнымъ ужасамъ, а подъ веселый часъ—цинически смѣяться... Случалось, что салоны бывали и правы въ своихъ осужденіяхъ: какой кружокъ не имѣетъ своихъ недостойныхъ, которые ему навязываются, пятнаютъ его, которыхъ онѣ

самъ, первый, отвергаетъ? Но салоны этого не разбирали. Напротивъ, чѣмъ безобразнѣе и грязнѣе были слухи и выдумки, тѣмъ охотнѣе общество ихъ принимало: это его успокоивало; очевидныхъ нелѣпостей бояться нечего, но слушать ихъ очень приятно. Какое счастье! среди самой тревоги, именно въ томъ, что грозило—для салоновъ нашлось новое развлеченіе, новый предметъ для разговора. Имъ стало даже весело.

Убѣдясь въ полной безопасности своего «очага и капитала», но продолжая трепетать за нихъ для вида, для того, чтобы какъ-нибудь не выдать своего тайнаго страха за свою нравственную несостоятельность, скучая отъ своего однообразія, ища развлеченія, общество стало допускать къ себѣ людей новаго склада. Это было любопытно. Разумѣется, требовалась презентабельность.

Теперь, черезъ десятокъ лѣтъ, мнѣ кажется, что это знакомство только вредило признанію новой силы или, по крайней мѣрѣ, его отдавало. Общество начинало изнывать въ своей дорогой скукѣ, начинало тревожиться. Новые люди принесли ему свой умъ, таланты, поддержали его живучесть, но не переработали его понятій, не передали ему своихъ понятій. Напротивъ, они сами были не поняты. Ихъ возраженія, какъ-бы ни были умѣренны, всегда казались рѣзки и приписывались неумѣнью держаться; ихъ холодное достоинство и молчаніе передъ тѣмъ, что они находили нестыющимъ возраженія—принимались за робость и даже за согласіе. Глядя на этихъ неловкихъ, безмолвныхъ, порядочное общество мечтало, что это — заблудшіе, которыхъ стоитъ только чѣмъ-нибудь «обязать», чтобы они превратились въ воспѣвателей... Предъ другими, за которыми общество по чему-нибудь считало болѣе значенія—общество кокетничало изяществомъ воспитанія или покорнымъ сознаніемъ въ невѣжествѣ, простосердечной добротой, восторженностью чувства, готовностью служить и помогать, жаждой дѣла, раскаяніемъ въ своей пустотѣ и горестью пустоты... Тогда это было вновь, и многие! повѣрили. По собственной добротѣ сердца, изъ добросовѣстности, не осуждавшей сразу, отъ надежды на лучшее или отъ недогадки, этимъ людямъ иногда мерещилось въ нарядномъ обществѣ то, что они желали найти; они извиняли, ждали, были ласково снисходительны, а общество веселилось и гордилось, что люди новаго склада признають за нимъ добродѣтели. Въ этой веселости было не мало и злаго торжества, что, вотъ, «les incorruptibles передаются». Такъ и говорилось: «incorruptibles», безъ перевода... Общество, конечно, ошиблось: безмолвные скоро его разглядывали, снисходительные скоро теряли тер-

пѣніе, и въ салонахъ не осталось-бы представителей новаго склада, если-бы не нашлось еще одного вида этой «дивовинки».

Это были—какъ ихъ назвать?—потворщики. Приглашая ихъ, салоны едва-ли не въ первый разъ оказались знатоками сердца человѣческаго: эти гости не обманули ожиданій. За то общество обошлось съ ними безъ церемоній, не трудясь выставлять свои добродѣтели; оно просто устроило себѣ изъ нихъ развлеченіе. Эти гости влюбились въ надушонный воздухъ салоновъ, обси-дѣлись въ немъ, привыкли къ покойнымъ мѣстечкамъ. Сначала неловкіе, они позволяли себѣ мрачную, желчную шутку, можетъ быть, искренній порывъ недовольства, но, спохватившись, что подобныя вещи не допускаются въ салонахъ, стали шутить надъ собственнымъ недовольствомъ, все еще намекая, что шутятъ не спроста. Ихъ, конечно, не трудилось понимать, и нарядное общество (въ большинствѣ женщины) весело, привѣтливо смѣя-лось надъ «человѣконенавистниками», спорило, вызывая новыя выходки, граціозно утѣшало, общая примиреніе съ жизнью, фразировало до умиленія. Положеніе новыхъ гостей начинало дѣлаться пріятнымъ. Было-бы неумѣстно, неприлично, неучтиво платить рѣзкостями за милое вниманіе, омрачать общее на-строеніе, быть недовольнымъ во чтѣ-бы ни стало... И точно-ли есть основаніе для недовольства? Точно-ли то, чтѣ предъ глаза-ми (какъ кричать *тѣ*, люди другаго склада), мелко на чувство, нецеремонно на произволь, трусливо на дѣло? Точно-ли это заслуживаетъ сарказма? И чтѣ такое самый сарказмъ? не просто ли дурная привычка дурнаго тона? Или хуже — неосмысленное выраженіе духа партіи, упрямаго, пристрастнаго и ограниченнаго? Или... Боже избави!—нѣчто въ родѣ вспышки мелкой зависти мелкихъ бѣдняковъ?.. Самолюбіе у всѣхъ бываетъ; у этихъ людей оно еще разрослось отъ постоянного безпокойства за значеніе ихъ личности въ свѣтлыхъ салонахъ. Едва они вообрази-ли, что выраженіе общечеловѣческаго негодованія можетъ быть принято за мораль басни о лисицѣ и виноградѣ, какъ ихъ дѣ-ло было кончено. Они—какъ говорили сами—рѣшались «добро-совѣстно» стать на точку зрѣнія общества и поискать, нѣтъ-ли осады этой морали въ осужденіяхъ ихъ... увы! *бывшаю* кружка. Для этого, въ кружкѣ надо было найти виноватыхъ. Виноватые вездѣ бываютъ. Они были скоро найдены, «добросовѣстно» осуж-дены, осмѣяны и принесены въ жертву забавѣ наряднаго обще-ства. Рассказчики, безспорно остроумные, сами повеселили отъ веселья, которое они доставили. Можетъ быть, на первыхъ по-рахахъ, имъ еще казалось, что они допускаютъ обвинять слиш-комъ многое, дѣлаютъ слишкомъ мало исключеній, что они не-

достаточно опредѣлили границы между тѣмъ, что говорятъ сами, и тѣмъ, что, вслѣдствіе ихъ словъ, можетъ взбрести на умъ ихъ празднымъ слушателямъ; можетъ быть, они чувствовали, что передаютъ... но это только на первыхъ порахъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, счастливое нарядное общество совершенно втягивало въ себя ихъ плоть и кровь, ихъ искаженный умъ и растроченное время, и платило, въ самомъ дѣлѣ, пріязнью: кромѣ развлечения, которое доставляли потворщики, сами бывшіе люди другого кружка, люди знающіе, судьи компетентные, своими насмѣшками и обвиненіями подтверждали и подрѣпляли мнѣніи общества, будто освящали ихъ...

Въ мои скитанія по салонамъ мнѣ случалось встрѣчать такихъ перерожденныхъ; они меня избѣгали. Они казались какими-то жалкими непомятыми родства, которыхъ уличать было даже забывно. Только съ однимъ изъ нихъ, Репеховскимъ, я провелъ цѣлый вечеръ у м-ше Городницкой.

М-ше Городницкая была очень хорошенькая, нѣжная, бѣлокурная дамочка, не первой молодости, но какъ разъ той поры, когда еще цѣлы права на желаніе нравиться и уже можно предъявлять права на значеніе; она была лѣтъ десять замужемъ. Ея мужъ былъ богатъ, занималъ почетную, хотя невлиятельную должность и много игралъ въ карты. Его почти не бывало видно. На своихъ вечерахъ онъ показывался на минуту, устраивалъ партіи и скрывался вмѣстѣ съ играющими въ свой кабинетъ. Въ гостиной играли только дамы, которыхъ размѣщала хозяйка. Я былъ знакомъ еще прежде. Въ мое первое появленіе, м-ше Городницкая приняла меня особенно пріятливо, съ легкимъ отбѣнкомъ грусти и вмѣстѣ какой-то далекой надежды; какъ-то настоятельно порадовалась, что я «къ нимъ воротился», но не поминала ни о какой перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ или мнѣній. За то она видимо желала, чтобъ я замѣтилъ перемѣну въ ней самой, и даже постаралась мнѣ на нее указать. Проходя мимо играющихъ дамъ, она сказала мнѣ въ полголоса и даже слегка пожавъ плечами:

— Вотъ занятіе!!

— Какое? спросилъ я.

— Но—карты! Pardon, вы-ли это спрашиваете?

— Почему-же? я самъ играю охотно.

— Не лукавьте... возразила она серьезно, почти строго.

Я приглядывался: она, въ самомъ дѣлѣ, перемѣнилась. Прежде, м-ше Городницкая была образецъ всегда ровнаго, спокойнаго, свѣтлаго расположенія духа. Она понимала, что задуматься, растрогаться — значило спугнуть то настроеніе, которое застав-

ляетъ находить тонкіе отвѣты, легкіе намеки, прелестныя злости, эти цвѣты бесѣды, безъ которыхъ погибаетъ салонъ; она боялась прислушиваться къ чему-нибудь посущественнѣе, хотя бы это говорилось въ прилично-сглаженномъ и обезцвѣченномъ тонѣ салона: ужасъ! могли предположить, что она беретъ не за свое дѣло! Она боялась читать даже сколько-нибудь не пустые романы, повторяя, что это выше ея пониманія... Теперь врывался новый воздухъ, являлась новая мода. М-ше Городницкая прослышала два новыя слова: «дѣло и убѣжденіе». Что это такое—она не старалась себѣ объяснить, но бросилась за тѣмъ и другимъ. Имѣть убѣжденія было необходимо. Это она узнала изъ двухъ книжекъ, разрѣзанныхъ съ начала, которыя были ей доставлены одною, нѣсколько ранѣе обращенною пріятельницей, получившею ихъ въ такомъ же видѣ отъ молодаго человѣка, неугомимага танцора, конькобѣжца и наѣздника, о которомъ недавно вдругъ узнали, что онъ необыкновенно много знаетъ. М-ше Городницкая не трудилась дальше разрѣзать книжки: если немногія страницы успѣли подѣйствовать на пріятельницу—М-ше Городницкая не считала себя менѣе чуткой и менѣе способной на развитіе. Она стала говорить о развитіи. Убѣжденія были готовы, оставалось найти дѣло. Уже болѣе не игнорируя существованія труда, м-ше Городницкая откуда-то узнала, что трудъ тяжелъ, и граціозно выражала ему свое сочувствіе, но до такой степени признавала его святость, что строго, какъ истинная новообращенная, требовала, чтобъ люди трудились. Она выказала большую послѣдовательность—внесла свои убѣжденія въ свой собственный домъ, гдѣ сократила число прислуги и завела разные новые порядки. Противъ своего прежняго обыкновенія, она даже разсказала объ этомъ въ своемъ салонѣ, прибавляя, что сдѣлалась *très-positive et positiviste* и что безобразно и непроизводительно держать такое множество илотовъ. Она ихъ припомнила... Впрочемъ, такъ поступила не одна м-ше Городницкая; вслѣдствіе идей разумной экономіи и нормальнаго распределенія труда, всяческое сокращеніе илотовъ доставило наряднымъ салонамъ не мало «средствъ» и «возможностей». М-ше Городницкая была только откровеннѣе другихъ... Наконецъ, она нашла себѣ и дѣло:—«содѣйствіе труду». Это было довольно неопредѣленно, хотя стоило хлопотъ и времени, но времени ей было дѣвать некуда, а хлопоты были названы «заботой» и придавали значеніе—хоть звонкамъ у подъѣзда. Забота разнообразна, давала право бывать не въ духѣ, заставляла торопиться, иногда тревожиться, чтобъ не пропустить какого-нибудь удовольствія, а они всѣ такъ прискучили, что не мѣ-

шаетъ ихъ оживлять хоть тревогой. М-ше Городницкая содѣйствовала труду, конечно, въ его наименѣе грубой формѣ — въ формѣ искусства. Это доставило знакомство артистовъ въ разныхъ родахъ, которые являлись въ салонъ, разумѣется, не позднѣе часа пополудни. Тогда м-ше Городницкая «работала», то есть, принимала этихъ посѣтителей, между разговоромъ провѣряла хозяйственные счета, писала рекомендаціи и свои *billets de matin*, отмѣчала въ особую книжку, кто изъ лицъ ея общества былъ у нея вчера съ визитомъ или обѣдалъ, совѣщалась съ своими *fleuristes* и *brodeuses* (это были тоже артистки), пробѣгала «*Journal de St.-Petersbourg*» (она ужъ не игнорировала политики), перелистывала (рѣдко иди дальше заглавія) брошюру, непременно заграничную, о которой ей предстояло говорить въ теченіе дня. Кончивъ, она одѣвалась, принимала, выѣзжала и такъ далѣе. Вечера она отдыхала отъ труда, на балъ, въ оперъ, въ чьемъ-нибудь салонѣ, и разъ въ недѣлю принимала у себя...

Въ тотъ вечеръ было что-то пусто; я подумалъ, что, въ разсѣянности, пріѣхалъ слишкомъ рано. Въ большой залъ бродилъ тапёръ и вертѣлись двѣ маленькія дѣвочки, дочки м-ше Городницкой. Свѣчи и лампы отражались въ паркеть; принаряженная гувернантка одиноко сидѣла въ ряду стульевъ у бѣлой стѣны. Изъ гостиной слышался смѣхъ; даже удивительно, что это общество смѣялось такъ громко: очевидно, оно было еще *en petit comité*, все свои. Въ самомъ дѣлѣ — двѣ-три дамы, нѣсколько мужчинъ. Въ центрѣ кружка, въ срединѣ маленькаго дивана предъ столомъ сидѣлъ Репеховскій. Входя, я услышалъ — онъ рассказывалъ:

— «Если, говоритъ *она*: — вамъ угодно, милая маменька, чтобъ я не покидала васъ, то вы можете сами *принять форму съ мимъ*, и тогда мы будемъ жить съ вами подъ одной кровлей; это кстати будетъ удобнѣе для меня и для него въ экономическомъ отношеніи...»

Я подошелъ; дамамъ я былъ ужъ представленъ прежде; хозяйка здоровалась немного торопливо.

— Вотъ, заговорила она:—вы застаете такой занимательный рассказъ... М-г Репеховскій...

— Мы знакомы, сказалъ я.

— Ахъ, тѣмъ лучше... М-г Репеховскій неистощимъ!.. Позвольте, *pardou*... Что-жь далѣе, м-г Репеховскій?

Репеховскій какъ будто сконфузился.

— Нѣтъ, что-же, сказала онъ черезъ минуту:—грустная это исторія... Вы помѣшали!

Онъ кивнулъ мнѣ, какъ-то странно улыбаясь.

— Я помѣшалъ? Чѣмъ же?

Общество смотрѣло на меня.

— Нѣтъ, не то... Вотъ, что, обратился Репеховскій опять къ своимъ слушательницамъ:—вотъ что. Когда подобныя вещи связываются сторяча, ихъ еще можно выражать легко, пожалуй, шутя. Но едва маленькій перерывъ, оглядеа — и все, что есть горькаго подъ смѣхомъ, вся изнанка, все вспоминается... Тутъ ужъ сердце вступаетъ въ свои права и — остается негодование или молчаніе...

— Ah, c'est bien vrai, вздохнула одна дама.

— М-г Репеховскій, я хочу конецъ исторіи, сказала m-me Городницкая.

Она не знала, что дѣлать съ своими гостями; мужа, по дѣламъ службы, даже не было въ Петербургѣ; мужчины были незаняты, эти дамы не играли; молодыхъ людей было всего двое, дѣвицъ ни одной—слѣдовательно, танцовать некому. Рассказчикъ былъ ея спасеніе.

— Давайте конецъ исторіи! повторила она, мило капризничая.

— Конецъ исторіи! Но развѣ можетъ быть конецъ у такой нескладицы? вскричалъ онъ, оживляясь и какъ-то наставительно. Среда—подземная, подпольная! невѣжество, распущенность, разнузданность, умственная ограниченность, отрицаніе всего... Чего-же вы хотите, какого конца? Тутъ никакихъ концовъ не свяжешь, когда всѣ узы порваны... Что у *нихъ* тамъ вышло—я не безпокоился узнавать!

Онъ слегка, свѣтски граціозно махнулъ рукой, будто въ смягченіе своихъ страшныхъ словъ, а потомъ, какъ человѣкъ, невольно сознающій свое превосходство надъ окружающимъ, сумрачно поникъ головой. Онъ самъ добровольно далъ упасть эффекту своего разсказа. Когда настала та минута молчанія, которая убѣждаетъ рассказчика въ неуспѣхѣ, Репеховскій первый прервалъ ее, вдругъ перемѣнивъ свой взволнованный тонъ на легкую задумчивость, и даже вздохнулъ, будто почувствовалъ облегченіе.

— Недурно играетъ... э тотъ... замѣтилъ онъ, кивнувъ головой въ сторону залы.

Танѣръ игралъ разныя штучки для дѣтей, покуда ихъ не увели спать; тогда онъ сталъ утѣшать себя, оглашая пустыню залы «Пробужденіемъ Льва».

— Недурно... повторилъ, мечтая, Репеховскій.

— Да... отозвались нерѣшительно дамы.

Онѣ, казалось, не были увѣрены, что онъ не шутить.

— Желаетъ доказать, что онъ и это умѣетъ, продолжалъ сквозь зубы Репеховскій.—Ну, ну... и заврался. Свободное творчество!..

Явились еще гости, салонъ понемногу наполнялся; хозяйка ожила. По мѣрѣ того, какъ общество начинало заниматься между собою, его заниматель отодвигался на второй планъ. Но Репеховскому было не скучно. Онъ встрѣчался со всѣми, какъ знакомый; замѣтно, онъ былъ на слуху всѣхъ отношеній, мелкихъ и крупныхъ пикировокъ, даже сплетень, и умѣлъ лавировать между ними. Разговаривая съ женщинами, онъ, ловко или неловко, но непременно вклеивалъ комплименты или похвалки ихъ мнѣніямъ. Онъ очень часто бралъ на себя тонъ наставника и всего удобнѣе въ немъ держался. Онъ даже выговаривалъ довольно рѣзко; но его рѣзкости были такъ пріятны по своему смыслу, что слушательницы могли-бы благодарить за нихъ. Онѣ не благодарили, но спорили, чтобъ вызвать одобренія еще болѣе опредѣленные. Репеховскій даже насмѣшничалъ, но и насмѣшки выходили какой-то игрой, гдѣ выигрывалъ проигрывающій. Я не могъ надивиться: прежде я не зналъ за нимъ такихъ способностей. Ему, въ самомъ дѣлѣ, тутъ весело жилось. Иногда шуткой, словомъ, недовольно изысканнымъ для салона, онъ будто нарочно напоминалъ и выказывалъ, что не принадлежитъ къ этому обществу, но не принадлежитъ добровольно, стоитъ выше его, сознаетъ себя силой, которую и оно должно признать. Съ женщинами это ему удавалось въ совершенствѣ, съ мужчинами было труднѣе. Одинъ важный господинъ заговорилъ съ нимъ; Репеховскій весь просіялъ; его радость была особенно замѣтна среди общаго спокойнаго равнодушія. Другіе господа встрѣчали его нецеремонными радужными восклицаніями, чрезъ минуту хохотали какой-нибудь его шуткѣ и чрезъ минуту оставляли его, занявшись другичь. Молодые люди съ нимъ не говорили, впрочемъ, улыбались тому, что онъ говорилъ. Онъ безпрестанно что-нибудь рассказывалъ. Я какъ-то оглянулся: мнѣ показалося, что онъ даже что-то представлялъ въ лицахъ.

— Скучна нынче молодежь, сказалъ онъ, вдругъ подходя ко мнѣ.

Я въ это время смотрѣлъ одинъ изъ альбомовъ, лежавшихъ на столѣ, въ сторонѣ. Меня удивило, что Репеховскій заговорилъ со мной; до этой минуты онъ ко мнѣ не обращался.

— Да-съ, скучна молодежь, повторилъ онъ.—Вы что на это скажете?

— Ничего. Можетъ быть.

— Только? сказалъ онъ выразительно.

Онъ казался опять задумчивъ и утомленъ и выразилъ это опять вздохомъ, опускаясь на мягкій диванчикъ. Я продолжалъ смотрѣть альбомъ; тамъ были рисунки перомъ, карандашемъ, акварелью. Репеховскій посматривалъ на меня.

— Вы еще этимъ занимаетесь? спросилъ онъ, наконецъ, не то съ состраданіемъ, не то съ упрехомъ.

— Нѣтъ, не рисую давно.

— А смотрѣть еще не отказались?

— Если стѣить.

— Такъ, стало быть... Марья Николаевна!

Онъ, по своему, нецеремонно обратился къ проходившей хозяйкѣ.

— На минутку. Торжествуйте: ваши альбомы привлекли вниманіе человѣка уже хладѣющаго, если не совсѣмъ охладѣвшаго къ искусству. Вотъ, находить...

— Ахъ, я очень рада. Тѣмъ болѣе потому, что тутъ нѣтъ прославленныхъ именъ; это—все работы моихъ молодыхъ друзей, *des enfants de génie, des génies en herbe*. Меня даже упрехаютъ...

— Да, да, въ «свѣтѣ» вашемъ! прервалъ Репеховскій. — Видите-ли, нападки — онъ обернулся ко мнѣ — зачѣмъ въ альбомахъ Марьи Николаевны нѣтъ рисунковъ «знаменитостей». А что такое рисунки знаменитостей? Знаменитость соизвоить изобразить, наприимѣръ, комара на обрывкѣ оберточной бумаги; это подберутъ, тотчасъ въ альбомъ, тотчасъ—годъ, мѣсяцъ и число, и умиляются: «вотъ чѣмъ тогда-то былъ занятъ великій человѣкъ—созерцать тайны мірозданія!» Или догадываются, не намекъ-ли, можетъ быть, даже политическій...

— Даже политическій? oh, c'est trop fort!

— Ничего! предполагать все можно. Развѣ не было?..

Но она отошла и Репеховскій опять заговорилъ со мной; впрочемъ, то, что онъ говорилъ, очевидно, назначалось хозяйкѣ: она была недалеко, а онъ не понижалъ голоса.

— Не знаменитости, за то все оконченное, миленькій, легкій жанръ, криво, нарядно. Все—молодые художники. Она—добрая, имъ хлѣбъ даетъ. Ужъ конечно, это не дареное. Помилуйте, стануть они дарить! Чтобъ какой-нибудь растрепанный *enfant de génie* догадался сдѣлать угожденіе женщинѣ... Но какъ-же вы находите?

— Исполненіе есть прелестное; мысли мало.

— Какой же вы хотите мысли въ альбомномъ рисункѣ? возразилъ онъ.— Не все же вамъ изображать «Явленіе Христа народу», да «Serment du jeu de paume...»

— Пожалуй, хотъ и помельче.

— Напримѣръ, что же?

— Хотъ тоже, что здѣсь, но чтобы это было, по крайней мѣрѣ, вѣрно дѣйствительности.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, вотъ: что это—Андромаха надъ прахомъ своего супруга?

— Гдѣ?.. Помилуйте, даже и подпись: «Paysanne russe»... Ну, да, да, понимаю! смутила васъ драпировка. Но у молодого человека зрѣніе воспитано на классическихъ образахъ — нельзя же требовать, чтобы онъ отъ нихъ отрѣшился. Напротивъ, онъ ищетъ ихъ въ дѣйствительности, а не находитъ, такъ создаетъ. И прекрасно дѣлаетъ! И правъ! И слава Богу! Что-жь ему—намалявать грязный шушунъ, кичеу на бокъ? Да ему за нихъ гроша не дадутъ—вотъ вамъ и дѣйствительность!

На его голосъ подошли м-ше Городницкая и дамы.

— Что случилось? Что вы защищаете?

— И съ такимъ жаромъ!

— Да, вотъ, рисунокъ... Вѣдь—реалистъ! Баба, видите-ли, не довольно натурально упала; пожалуй, захочетъ, чтобы она и голосомъ выла...

— О, что вы говорите! это было бы ужасно!

— Фантастическій образъ. Но если вашъ альбомъ вздумаетъ дать вамъ фантастическое представленіе, будутъ сцены и въ другомъ родѣ. Вотъ, напримѣръ, какое веселье!

Онъ открылъ еще картину: пьяные мужики. Это было безобразно даже и не для салоннаго альбома.

— Ah, quelle idée, оставьте это! вскричала м-ше Городницкая. Репеховскій хохоталъ.

— Этимъ-то, этимъ вы довольны? спрашивалъ онъ меня. Реальности! Жизнь, какъ она есть, настоящая всероссійская!

— Ахъ, оставьте! это—шалость моего мужа, онъ вложилъ это сюда...

— Любимая моя! продолжалъ Репеховскій.—Вѣдь, я—патріотъ: люблю «пьяный топотъ трепака передъ порогомъ кабака...»

— Mais, fi, quelle horreur...

— Правда, правда, правда! восклицалъ Репеховскій.—Не отворачивайтесь отъ правды! Прекрасно сдѣлалъ вашъ мужъ, что вложилъ это сюда; смотрите почаще. Вы все воображаете: «ахъ,

милый народъ — вотъ онъ какой. Отступитесь отъ мечтаній, смотрите на правду. А то вы слишкомъ чувствительны. Вся вы — изъ одного сердца...

— М-г Репеховскій est mon directeur spirituel, сказала мнѣ m-me Городницкая:—онъ дѣлаетъ мое воспитаніе, разрушаетъ мои иллюзіи...

— И вамъ тяжело съ ними разставаться? спросилъ я.

— Неужели вы думаете, что легко? вскричала она:—такъ вы предполагаете въ насъ большую жестокость! Разставаться съ убѣжденіемъ, что этотъ бѣдный народъ... Но это ужасно! Чѣмъ же вы считаете насъ, если думаете, что мы не страдаемъ?

— Не смѣю этого думать, но—вы страдаете, стало быть, ваши иллюзіи ужъ разрушаются?

Она немного вспыхнула.

— Если хотите—да, отвѣчала она съ твердостью, какой можно бы и не ожидать отъ такой воздушной особы.—Онѣ разрушаются. И я не одна... я вступаюсь за многихъ. Мы всѣ—какъ нынче насъ называютъ—бессердечныя свѣтскія женщины, мы всѣ дѣлали себѣ иллюзіи о народѣ, о бѣдности, о стѣсненіи, потому что... надо признаться! мы видѣли много произвола, много жестокаго въ нашемъ старшемъ поколѣніи...

— Ну, гдѣ вы видѣли?.. вступился Репеховскій.

— Pardon, М-г Репеховскій, мы видали! Но тѣмъ болѣе теперь, мы поневолѣ принуждены сказать, что въ этомъ была своя справедливость; это, по крайней мѣрѣ, уравнивали! Тогда какъ теперь...

Она энергически обратилась ко мнѣ.

— Теперь, знаете-ли? Часто достойны сожалѣнія не тѣ, кого принято жалѣть!

— Bravo! поздравляю! вскричалъ Репеховскій.

— Ah, c'est bien vrai! отозвались дамы.

— Поздравляю—прямой, откровенный отвѣтъ! продолжалъ Репеховскій.—Для такого отвѣта нужно мужество. Другая женщина только бы разахалась и изъ сентиментальности, изъ ложнаго стыда измѣнила бы себѣ... Вотъ это называется стоять за правду. Вы чувствительны, вы можете прощать, но вы не бессильны!

Онъ покровительственно протянулъ ей черезъ столъ руку; М-me Городницкая, пріятно волнуясь и улыбаясь, положила въ нее свою.

— Но, въ самомъ дѣлѣ, заговорила она поспѣшно, желая довершить свое торжество: — въ самомъ дѣлѣ, мы, свѣтскія женщины, часто бываемъ поставлены въ очень неловкое положеніе. Во всемъ обращаются къ нашему чувству! Но, Боже мой — мы

тоже мыслимъ! У насъ могутъ быть чувства и гражданскія! Ихъ эксплуатируютъ во имя мягкости нашего сердца, во имя нашего благо незнанія вещей. А мы ужъ успѣли многое узнать, и вѣкъ узнать!.. Намъ не остается выбора: мы должны или отсторониться, попрежнему отказаться отъ всякаго значенія, или получить упрекъ въ рѣзости... Что до меня—я лучше рискую на послѣднее! заключила она съ очаровательной улыбкой.

— И прекрасно дѣлаете, подтвердилъ Репеховскій.— Въ наше время необходимы голоса образованныхъ женщинъ. У насъ хаосъ. Только отъ женщинъ можно ждать спасенія. Наши современные дѣятели выказали всю свою пустоту, окончательно прорвались; наши публицисты... такая путаница идей, такой недостатокъ знанія, недостатокъ воспитанія, такое невѣдѣніе народа! Это—враги нашего развитія, враги всякаго прогресса! Грошевой либерализмъ, фразѣрство... Женщины, спасите насъ!

— Ахъ, м-г Репеховскій... сказала, подходя, еще новая гостья, полная, не молодая и одѣтая очень молодо.

Она здоровалась съ хозяйкой и кругомъ.

— Кажется, м-г Репеховскій—en verve?

— Il est charmant aujourd'hui! сказала м-ше Городницкая.

— О чемъ же идетъ дѣло? М-г Репеховскій, вы зывали къ женщинамъ? Это—не продолженіе ли вашего пророчества о наступленіи царства пуассардовъ? Прошлый разъ вы насъ такъ много смѣшили!

Репеховскій нахмурился; казалось, это напоминаніе не совѣмъ ему понравилось.

— Нѣтъ, возразилъ онъ:— это ужъ выходитъ изъ предѣловъ смѣшнаго, это серьезно. Это какъ разъ приходится къ тому что я сейчасъ говорилъ. Упадокъ образованія — имъ шутить нельзя... Но развѣ ть — женщины? Когда, вмѣсто того, чтобы быть хранительницей семейныхъ началъ...

— Совершенно справедливо! вмѣшалась м-ше Городницкая и договорила послѣдней гостьѣ:— Какія онъ вещи намъ сегодня рассказывалъ!..

— Вмѣсто того, чтобы поддержать священный, вѣковой строй общественнаго быта, обязанностей...

— Il est éloquent, одобрительно произнесла важная дама, прислушиваясь издали.

— Человѣкъ съ дарованіемъ, задумчиво подтвердилъ господинъ, такъ же, какъ она, дожидавшійся карточной партіи.

— Когда женщина отрекается даже отъ того, къ чему назначена самой природою—отъ изящнаго!—когда она засучитъ рукава, подвяжетъ клеенчатый фартукъ...

— Ah, m-g Репеховскій, n'allez pas, comme l'autre jour, dire des choses dégoûtantes! съ испугомъ вскричала полная дама: — эти ужасы во снѣ мерещатся!

— Des monstruosités!

Репеховскій засмѣялся.

— Не имѣю намѣренія тревожить ваши нервы, сказалъ онъ: — но, разсудите, чѣмъ же легче, на примѣръ, хоть, вотъ, эта монструозность: прежде, таланты были обязательны для женщины; теперь обязательно не имѣть талантовъ...

— О, это не вѣрно, возразила полная дама: — напротивъ, мы безпрестанно видимъ... *онѣ* играютъ, поютъ, ходятъ въ школы...

— Да, ходятъ для удовольствія бѣгать по улицамъ!

Въ кружкѣ послышался прелестный одобрителный смѣхъ.

— Я тоже ихъ безпрестанно встрѣчаю, десятками, продолжалъ Репеховскій: — прическа à la diable m'emporte, подъ обѣими мышьями — вотъ! папки, фоліанты! ботфорты — и мчатся! вечеромъ, по плитамъ искры брызжутъ... Ночной поѣздъ валькирій!

Смѣхъ раздался всеобщій.

— Но это ужъ слишкомъ поэтично!

— Не я, а вы ихъ поэтизируете!

— Нѣтъ, но все-же, смѣясь возразила защитница: — нѣтъ, все же *онѣ* учатся, стараются развить свои способности... Я сошлюсь...

Она обратилась къ хозяйкѣ.

— У васъ, какъ-то утромъ, я застала одну; она пѣла...

— Да...

— Да! вскричалъ Репеховскій: — и я слышалъ! пѣла! Глюка во гробъ терзала! На все посягаютъ, ничего священнаго...

— У нея недурной голосъ, осторожно замѣтила м-ше Городницкая.

— Тѣмъ хуже! Къ чему онъ?

— Какъ, къ чему?

— Да, къ чему? Цѣль какая? Самая презрѣнная меркантильность! Разсчитъ: «буду уроки давать, пойду на сцену, возьму деньги!» Все — деньги! Развѣ это — любовь къ искусству, развѣ это восторгъ, въ которомъ забывается житейская мелочь, въ которомъ растетъ духъ человѣка — восторгъ, который одинъ даетъ право человѣку называться человѣкомъ...

— Люблю, когда онъ говоритъ!.. сказала, какъ-то замирая, м-ше Городницкая.

Репеховскій будто не слышалъ.

— А эти несчастныя, понимаютъ ли онѣ, что дѣлаютъ? Сцена! Но сцена потрясаетъ массы! А у нихъ самихъ, у этихъ жалкихъ, бываетъ ли когда нибудь хоть минута истиннаго увлеченія...

— Ахъ, но можетъ быть.. вздохнула защитница.

— Не можетъ быть! Никогда! разразился Репеховскій. Тамъ нѣтъ пищи для небеснаго огня! Невѣжество и упорство, упование невѣжества! Новое нашествіе варваровъ, возвратъ въ потемки... Чтѣ же въ томъ, что выломааетъ себѣ пальцы, выкричать голосъ, какъ нибудь малюетъ... Я видалъ эту компанію, знаю... Но чего же ближе — Марья Николаевна, это—ваша специальность, говорите!

— Ахъ, да, посредственности! отозвалась ш-ше Городнищева. Репеховскій перевелъ духъ.

— Нѣтъ, доканчивайте! Безпристрастно, безпристрастно! И торгашество?

— Да, но все же это—трудъ...

— Трудъ и, можетъ быть, необходимость...

— Трудъ, необходимость — называйте какъ хотите; но цѣль? Цѣль—деньги?

— Вы немного слишкомъ строги...

— Нѣтъ, позвольте: цѣль—деньги?

— Такъ, но...

— Слѣдовательно, цѣль корыстная? слѣдовательно, это — низведение искусства въ ремесло, продажность, поруганіе искусства...

— Ah, elles sont si intéressées! произнесла одна дама.

— Положимъ, но вы такъ строги...

— Послѣдовательно.. Помилуйте, въ былыя времена, бѣдныхъ уѣздныхъ барышень карали за то, что онѣ щеголяли талантами для ловли жениховъ... Пушкинъ даже... Дуня, тамъ, у него ницать *«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой»*...

— Ah, il est imrayable!

— Il est charmant!

— Какъ онъ разнообразен!

— М-г Репеховскій, откуда вы все это берете?..

Онъ смѣялся самъ, довольный.

— Позвольте, все это прекрасно, но я—все свое. Тогда была логика...

— Какая же логика?

— Безъ сомнѣнія! Искусство, этотъ небесный свѣтъ, приносило свое, достойное себя, давало счастье, любовь...

— То-есть, выгоднаго жениха!

— Тоже корыстная цѣль!

— Будьте послѣдовательны: вы сами сказали...

— Позвольте, тутъ надо различить... Во времена оны, уѣздная барышня... Чтѣ такое ея кругозоръ? это—такая умственная ничтожность...

— *Parдон*, вступилась полная дама:—но вы сами, и совсѣмъ не во времена ѳны, а очень недавно говорили... Я напомню вамъ одно *sorgano-aigu*...

— Какъ? М-г Репеховскій?!

— Это—не уѣздная барышня! Помните, *mesdames*?

— О, конечно, помнимъ, заговорили дамы.—Что же далѣе?

— М-г Репеховскій, *vous voilà pris!*

— Вотъ вы какой!

Дамы волновались, но было очень замѣтно, что особа, о которой намекали, не пользовалась ихъ симпатіей.

— Вы не скажете, что кругозоръ прелестнаго сопрано былъ ограниченъ, продолжала дама.

— О, напротивъ, даже слишкомъ широкъ! прибавила другая.

— А вы говорили... вспомните, м-г Репеховскій! что ея «*Когда-бъ онъ зналъ*» равняется «*La bourse ou la vie!*»

— Ахъ, прелестно! хорошъ воскликнули дамы.

— И когда цѣль была достигнута...

— Ну, да, я говорилъ, вскричалъ Репеховскій: — говорилъ и былъ не прочь! Тутъ разница громадная...

— Какая? тоже корыстная цѣль...

— Нѣтъ! то была невинная, граціозно-дѣтская игра... хоть бы даже и кокетство! Могло быть... Нѣтъ, навѣрно было и чувство въ глубинѣ кокетства! Сердце женщины—такой тайникъ...

Онъ выговорилъ это съ порывомъ, даже съ обращеніемъ къ небу.

— Незслѣдованное, неизвѣданное! Я былъ виноватъ, а бы дорого далъ, чтобъ взять назадъ свое праздное слово...

— Бѣдный Репеховскій, онъ такъ добръ, сказала м-ше Городницкая.

— Мы тратимъ слово, мы унижаемъ слово, продолжалъ онъ восторженно, между тѣмъ какъ кругомъ начинали умиляться его моканію.—Слово—страшное дѣло! Всякое праздное слово...

— Мы вамъ вѣримъ, поспѣшила прервать м-ше Городницкая.

Онъ, должно быть, самъ почувствовалъ, что дѣлается незанимательнъ, и поспѣшилъ перейти въ другой тонъ.

— *La bourse ou la vie!* это вамъ кричать эти юные гениі, топтатели мостовой, ревнители новыхъ идей, которые лѣзутъ въ вашъ карманъ—вотъ, съ своимъ ученическимъ малеваньемъ, которые требуютъ вашего участія во всѣхъ своихъ безобразныхъ складчинахъ и все-таки считаютъ васъ врагами... Вы — враги, потому что вамъ есть чѣмъ заплатить за какой-нибудь билетъ, который они вамъ всѣми мѣрами навязываютъ...

— *Ah, c'est vrai! Il sont si intéressés! On nous exploite!*

— И для какихъ цѣлей...

— Не далѣе, какъ сегодня...

М-ше Горюдницкая не договорила. Явилось новое лицо—музыкальная знаменитость, за которыми послали. Хозяйка убѣдилась, что въ этотъ вечеръ не можетъ быть танцевъ: двѣицъ было всего двѣ. Къ счастью, «знаменитость» былъ изъ сговорчивыхъ и, вскорѣ послѣ первыхъ привѣтствій, бросилъ свои перчатки въ шляпу, что для обрадованной хозяйки было дозволеніемъ приступить къ просьбѣ «дать себя послушать».—Репеховскій былъ забытъ. Общество переходило изъ гостиной въ залу.

Я хотѣлъ сдѣлать тоже и приостановился, давая кому-то пройти; меня удержали за руку.

— Куда вы? сказалъ мнѣ Репеховскій.—Этотъ господинъ убиваетъ подъ собою по два рояля въ концертъ. Довольно треску будетъ и отсюда слышно. Мнѣ васъ нужно; воротитесь.

Въ гостиной насъ оставалось только двое.

— Что вамъ отъ меня нужно? спросилъ я.

— Да ничего. Садитесь, потолкуемъ.

Онъ принялъ покойное положеніе на диванчикѣ, почти легъ, будто дома.

— Намъ кѣчего толковать, сказалъ я, повернувшись, чтобы стоять.—Я слышалъ довольно.

Онъ опять удержалъ меня за руку.

— Полноте, постойте. Нехорошо, въ самомъ дѣлѣ... Люди одного кружка, встрѣтились... Какъ же такъ, ни слова...

Я смотрѣлъ на него. Только въ моемъ тогдашнемъ положеніи, только въ томъ измученномъ, разбитомъ состояніи духа, которое я пытался заглушить чѣмъ попало, могло придти мнѣ въ голову, что Репеховскому стало совѣстно... Совѣстно—такъ подѣломъ, рѣшилъ я съ злостью въ первую минуту; но на вторую, отъ собственной боли, мнѣ вдругъ повѣрилось, что и ему больно, показалось тоже совѣстно не выслушать хотя бы виноватаго. Потому, конечно, отъ добровольно вынесеннаго впечатлѣнія всего, что окружало, показалось, что ужъ за одно, куда ни шло выслушать и еще пошлость... И все-то это стоить ли горячей досады? Еще не долго—и все само собой расплывется...

— Что жъ вы хотите сказать? спросилъ я.

— Присядьте. Ну, какъ поживаете?

— Расскажите лучше, какъ вамъ живется.

— Мнѣ? что же, не жалуюсь. Я, впрочемъ, никогда не жаловался. Теперь у меня служба, занятъ. Вы очень перемѣнились

— Конечно.

— Нѣтъ, я разумѣю не то, не наружно. А такъ, перемѣнились. Я, вѣдь, знаю, да и сейчасъ видно...

— А не наружно — я все тотъ же, что былъ.

— О, нѣтъ. Прежде, бывало, сколько общаго! А теперь — я откровенно скажу — вѣдь не стѣитъ заводить и рѣчи? Заранѣе можно сказать, что мы врозь? такъ ли?

— Вы это сами чувствуете.

— То-то и есть... Грустно... Я вамъ всегда такъ искренно сочувствовалъ. Взрослому мораль не читають, но можно доказывать, что онъ заблуждается.

— Не трудитесь напрасно. Меня вразумлять мудренѣе, чѣмъ этихъ барынь.

— Знаю, знаю! вскричалъ онъ и засмѣялся. — Что барыни! Онѣ — добренькія. Что вы на нихъ тотчасъ! Право, добренькія, съ ними отлично!

Онъ спохватился, что слишкомъ скоро далъ прорваться своей веселости, и примолкъ. Я слушалъ музыку; игралось что-то хорошее. Репеховскій прислушался тоже.

— Это онъ для начала, сказалъ онъ: — а тамъ примется выпускать свои собственные штуки.

Онъ впадалъ въ меланхолію, но молчать онъ уже не могъ, не умѣлъ. Выждавъ нѣсколько секундъ, онъ заключилъ ихъ такимъ порывистымъ, глухимъ «Дѣ!!», какъ будто отвѣчалъ имъ себѣ на цѣлый рядъ самыхъ сложныхъ вопросовъ. Піанистъ кончилъ; ему сдержанно, прилично аплодировали; онъ, въ благодарность, сейчасъ загремѣлъ «свое собственное...»

— И лучше! опять порывно сказалъ Репеховскій. — Дѣ!!.. Лучше, чѣмъ все это томящее, раздражающее... ну, колотить онъ, ну, смысла нѣтъ — но оживляеть, здорово!.. вотъ!.. славно!

Нѣсколько минутъ онъ пробовалъ бить тактъ.

— Нѣтъ, не поспѣешь!.. Нѣтъ, что же? заговорилъ онъ опять, повернувшись ко мнѣ: — жалобы все нынче, что жить скучно. Стѣитъ разобрать, отчего. Я разобралъ. Слишкомъ много думаемъ. Что такое мы дѣлаемъ изъ жизни, какую мрачную фантазмагорію!.. Право. Вошло въ привычку и нѣтъ средствъ отвязаться: все думаемъ, думаемъ... Ну, и додумываемся ни въсть до чего. А между тѣмъ, года клонять; мы — ужъ не ребята. Я — откровенно признаюсь, — я усталъ. И отдыхаю, бываю у людей... Вѣдь, разсудивъ справедливо, люди-то — вотъ они: языкъ человѣчскій, складъ, воспитаніе... Стремленіе къ нимъ — не прихоть, а высокая потребность духа... — «Барыни!» Посмотрите, сколько чувства, изящества, ума, деликатнаго, тонкаго пониманія... По-

жалуй, можно все осмѣивать, все отвергать. Односторонность нынче не въ диковинку. Затѣять, запюхать свое—и поидеть влевета на жизнь. А жизнь совсѣмъ не то—о, совсѣмъ не то, что бредится нашимъ мудрецамъ! Жизнь—великое дѣло! И такой-то вздоръ—всѣ эти разныя измышленія и умиленія надъ разными печалами разныхъ субъектовъ... которые и не думаютъ печалиться!

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Въ чемъ?

— Что никто не печалится?

— Увѣренъ. Я ни отъ чего глазъ не отворачиваю. Прежде дѣлалъ эту глупость—отворачивался отъ свѣтлыхъ, отъ истинныхъ сторонъ жизни. Теперь — позналъ и прозрѣлъ!

— Здѣсь?

— Здѣсь-съ, отвѣчалъ онъ обиженно.—Здѣсь-съ. Я себя выбралъ среду. Здѣсь отдыхаютъ нервы и здравый рассудокъ. Здѣсь образованность въ воздухѣ и — серьезнѣе, нежели иные думаютъ. Занимательно и пріятно... Чтѣ-жь, сознаюсь, есть и пустое, забавное, свои анекдотцы, скандальчики; но все своеобразно, мило, красиво, легко. Не растрепанные драмы, отъ которыхъ тошно. Была когда-то давно литература всякихъ ужасовъ; нынче изъ жизни стряпаютъ такую же грязь. Сюда, слава Богу, такое направленіе не проникло...

— И не проникнетъ.

— Ужъ конечно! А какъ по-вашему—почему?

— Потому что для всякой драмы, хоть бы даже грязной, нужна сила, а здѣсь ея нѣтъ никакой; пробавляются скандальчиками.

— Какъ скандальчиками?

— Вы же сказали.

— Для подобнаго вздора силы и не нужно! Но для высокой драмы...

— А высокой и подавно быть не изъ чего. Какая ужъ сила тамъ, гдѣ все дѣланное — отъ длинныхъ ногтей до убѣжденія.

— Чтѣ? вскричалъ онъ, захохотавъ:—какъ вы сказали? вотъ славно, метко...

— Чему-жь вы рады? вѣдь я говорю про вашихъ.

— Нѣтъ... Но, позвольте, какъ же нѣтъ силы?..

— Нѣтъ ея тамъ, гдѣ нѣтъ ни искреннихъ привязанностей, ни завѣтной мысли; эти люди ни для кого и ни за чтѣ не разстанутся... ну, хоть съ своей мягкой мебелью, не только съ чтѣмъ поважнѣе.

— Хорошо-съ, сказалъ онъ со злостью: — а мягкая мебель —

развѣ ничто? Это—вся жизнь съ пеленокъ, воспитаніе, складъ, значеніе, семья! Это—не избеная лавка, не трехногій стулъ изъ трактира, отъ которыхъ отказаться легко, потому что съ ними не связано преданія... Чего нибудь оно стоило, право-то имѣть мягкую мебель!

— Денегъ, я думаю.

— Побольше-съ! Подороже!.. Все нынче раздѣнили на деньги!.. Мягкая мебель! Да это—цѣлое историческое прошедшее! это—идея, переданная изъ поколѣнія въ поколѣніе! Во имя чего же новаго разставаться съ ней? Научите! Да сообщите, кстати, новые-то—кто съ чѣмъ разстается? укажите героев! Не знаешь, куда дѣваться отъ великихъ и непризнанныхъ, а въ результатѣ—одно бессмысленное броженіе... Понизнешь головой, посмѣешься...

— Смѣхъ ужь очень не новый, прервалъ я. — Когда люди живемъ отдаются средѣ, которая не въ силахъ предположить отвѣтственности дѣла предъ словомъ, слова предъ мыслью, не въ силахъ вообразить, что можно жить, дѣйствовать не своеобразно, мучиться не на заказъ...

— Фразочки вы говорите хорошія, прервалъ онъ:—но, извините, это—все извѣстное. Вы волнуетесь, а мы... Вы скажете, пожалуй, что и въ отношеніи къ вамъ у насъ нѣтъ силы? Ошибаетесь. Мы только молчимъ. Въ отношеніи къ вамъ у насъ не можетъ быть даже разумнаго и сердечнаго негодованія, а такъ — тихо-грустное созерцаніе. Мы признаемъ необходимость этого момента въ нашей... такъ-называемой «умственной» жизни... Броженіе, разложеніе... Чтѣ-жь! Таковъ органическій законъ всякаго развитія, такъ идетъ мѣръ всегда и вездѣ. Устойчивое, содержательное общество спокойно... Эхъ, вѣчно-юная «Современная Пѣснь» партизана Давыдова!..

Онъ еще говорилъ, когда изъ-за портьеры внутреннихъ комнатъ вбѣжала молодая особа. Она, какъ видно, сейчасъ только пріѣхала, торопилась, запыхалась, раскраснѣлась; ея маленькіе глазки свѣтились, волосы намокли. Она была недурна собою, одѣта особенно изысканно по модѣ и сердита. Съ досадой, все слѣпша, она бросила на столъ небольшой свертокъ бумаги, а сама бросилась къ зеркалу.

— А, здравствуйте, сказалъ ей Репеховскій.

— Здравствуйте. Вложите это, выговорила она, не оборачиваясь.

Репеховскій развернулъ бумагу; въ ней былъ очень пестрый и яркій акварельный рисунокъ.

— Славная вещь, сказалъ онъ и передалъ имѣ:—посмотрите. Да позвольте васъ скорѣе познакомиться.

Онъ представилъ меня.

— Лизавета Ивановна Воцикова, прибавилъ онъ: — поэтъ и художница.

— Очень рада, сказала она мнѣ.—Кладите же рисунокъ скорѣе на мѣсто. Такая досада — торопилась, а раньше привести не успѣла: княгиня ужъ тамъ сидитъ; заслушается музыки, потомъ заиграется въ карты, и хлопоты мои даромъ пропали.

— Какія хлопоты? спросилъ Репеховскій. — Да говорите при немъ, не стѣсняйтесь; это — свой человекъ.

Рекомендація была довольно неожиданна, но сказана какъ ни въ чемъ не бывало; я почти сконфузился.

— Очень рада, повторила дѣвица. — Мнѣ, просто, бѣда. Впервыехъ — мнѣ всего! — я должна была подарить этотъ рисунокъ, а вѣдь я за нимъ все-таки просидѣла. Ну, ужъ такъ здѣсь заведено — общій удѣлъ!

Она показала на альбомы.

— Будто бы? вскричалъ Репеховскій.

— Э, вы сами знаете! возразила она съ досадой. — Чего вы-то хитрите, не понимаю... Лучше слушайте мое горе. Городничка вѣляла мнѣ привести рисунокъ пораньше, чтобы показать княгинѣ мою работу... Завелся у нихъ пріѣзжій французъ, расписываетъ имъ вѣера, платятъ ему на вѣсь золота. Княгинѣ очень желательно для дочекъ, но вѣдь всѣ онѣ свупы, какъ вѣдьмы. Я сказала Городничкой, что возьму дешевле француза: два вѣера — все-таки чтонибудь. Она обѣщала схлопотать; а, вотъ, и взятку дала заранѣе, да, кажется, ни съ чѣмъ осталась.

— Ну, какъ можно, возразилъ Репеховскій.

— И очень можно: позабудетъ — что ей? И теперь ужъ почти некогда толковать, торговаться. Такая, право, досада. На дворѣ слыкоть, тащилась сюда, едва двигалась...

— Раньше бы выѣхали, сказалъ Репеховскій.

— Раньше! Будто отъ насъ выберешься...

Она оглянулась на меня и остановилась.

— Да еще. Скажите, правда ли — баронесса хочетъ портретъ своей дочки? Я возьмусь. Дочка — уродъ, но ничего — напишу херувима. Скажите ей...

— Что дочка уродъ?

— Э, полноте съ вашимъ вздоромъ! Скажите, что у меня отдѣла, какой поискать: кружева напишу — настоящій алансонъ; муаръ — такъ скажете почему аршинъ. И возьму дешевле *тою*... извѣстно. И позу придумаемъ... У меня, вѣдь, есть медаль за *экспрессио*, обратилась она вдругъ ко мнѣ.

— Ваши работы были на выставкѣ? спросилъ я.

— Какъ же, я картины писала. Двѣ. Но съ рукъ нейдутъ, и теперь стоятъ у меня. Не знаете ли, кому сбыть? Съ тѣхъ поръ — полно, довольно творчества. Дѣло другое — портреты, акварели... Ахъ, Боже, хотъ бы вызвать эту Городницкую! чтѣ она тамъ... Кажется, кончился этотъ громъ...

Но то былъ только промежутокъ чувствительнаго затишья, ужъ до того тихаго, что почти ничего нельзя было разобрать. Въ залѣ, у самой портьеры дверей, сидѣла дама, и по движенію, съ которымъ она опрокидывала на спинку стула свой круглый шиньонъ, было ясно, что она обмирала отъ восторга. М-ше Воцинова подкралась и высматривала.

Репеховскій не выпустилъ меня.

— Милая дѣвушка, сказалъ онъ. — Я радъ, что вы ее встрѣтили, очень радъ. Это — кстати къ тому, чтѣ говорили... Вотъ, на такихъ глядя, пожалуй, согласишься съ вами, но такія — въ рѣдкость. Бѣдна, работаетъ. Сдѣлала своимъ талантомъ, что, посмотрите, какъ одѣта и въ обществѣ принята. Можетъ позволить себѣ и удовольствія; въ оперу абонирована. Приплачиваетъ, вонъ той барынѣ, за мѣсто въ ложѣ; не на вышку же лѣзтъ!.. Семья у нея, мать, еще двѣ сестры, живутъ у египетскаго моста. Я говорю — въ Египтѣ. Семья... Вѣдь, я не отрицаю новыхъ понятій! воскликнулъ онъ вдругъ съ какимъ-то озлобленіемъ. — Семья! Какова семья! Иная семья — обуза, наказаніе Божіе. Вотъ, у нея, напримѣръ, сестры — учились тоже, институтки, и вдругъ — подай имъ дѣятельности! Помѣшались на дѣятельности. Вѣдь съ шифромъ одна — вообразите! Ну, метались, искали уроковъ. Конечно, не нашли; слава Богу, нынче вволю этого народу, что всѣ собираются другихъ учить. И все — фразы: на словахъ готовы за трудомъ на край свѣта, а предложить имъ трудъ — назадъ. Выискалось мѣсто компаньонки въ домъ. Еще я и постарался; вотъ, она пришла, хотъ отъ одной ее избавить. Такъ, нѣтъ: та парочка не можетъ разстаться, мать оставить; «компаньонка — приживалка, унижительно». Ну, выбрали, наконецъ, не унижительно: шьютъ и кроютъ по мѣрѣ, коломенскія Андриѣ. Недавно затѣяли еще ботинки шить. Да вѣдь дерзость какая: просили сестру — вотъ ее — напиши она имъ вывѣску! Мать на кухнѣ возится... Одурѣть — сидѣть съ ними. Трудиться для такой семьи — безобразно. Она имъ платитъ за столъ и квартиру двадцать рублей въ мѣсяцъ — и довольно; не шутка, вѣдь, и это, не даромъ... Комната, разумѣется, у нея особенная... А остальное, ея заработокъ, по всей справедливости — ея собственность. Вотъ, ей достаецъ — и прекрасно. Не понимаю даже, чего она стѣсняется,

живетъ съ ними. Ей нельзя принимать знакомыхъ отъ этой глупой обстановки, неловко, стыдно. Что-жь—кто-нибудь прїѣдетъ, а сестрица съ моткомъ нитокъ на шеѣ дверь отворить. Со мной это случалось; я у нея бываю. Срамъ. Даль такая. Присылаютъ къ ней, вотъ, эти барыни—лакеи лѣстницу клянутъ: девяносто четыре ступеньки-съ! Она жалка. Я совѣтую ей бросить это все, жить одной. Подороже станётъ; но средства есть и больше еще будетъ на людяхъ. Художница—исключительное положеніе—можетъ жить одна. Умна, хорошенькая; принимала бы художниковъ, литераторовъ. Ничего бы не предположили. Знакомство у нея, видите, лучший кругъ; это—не какая-нибудь самоновѣйшая мамзель Теруанъ...

М-me Вошикова отскочила отъ двери; изъ зады входила хозяйка.

— Bonsoir, madame...

М-me Городницкая торопилась и не обращала вниманія.

— М-г Репеховскій, заговорила она: — soyez ma providence! Вообразите, какая неприятность: этотъ... J'oublie son nom... Мы его зовемъ monsieur Top-top... Нашъ тапёръ сѣлъ тамъ въ углу и не уходитъ!

— Добросовѣстный нѣмецъ, замѣтилъ Репеховскій: — его наняли до такого-то часа — онъ досиживаетъ.

— Но ему ужъ заплатили! вскричала съ ужасомъ м-me Городницкая. — Просто, онъ увидѣлъ, что прїѣхалъ N и остался слушать. Онъ доставляетъ себѣ даровой концертъ; онъ, вѣроятно, хочетъ усвоить себѣ манеру... Я все ждала, что онъ, по крайней мѣрѣ, послѣ первой пїесы... нѣтъ!.. N сейчасъ все оглядывался на эту фигуру...

— Ему сказать надо, сказалъ Репеховскій.

— Ну, да. Вы знаете, какъ говорить съ этими людьми, будьте такъ добры, дайте ему понять...

— Сейчасъ, сказалъ Репеховскій и пошелъ.

— Un mot, madame... заговорила художница.

— Да ужъ поздно! Когда хотятъ дѣлать дѣло, то не запаздываютъ. Теперь, если хотите, ждите...

Она повернулась къ двери и увидѣла меня.

— Ne m'en voulez pas, chère Lise. У меня нынче выше головы всякаго дѣла... Подождите, увидимъ.

М-me Городницкая ушла въ залу, я тоже, но еще оглянувшись на художницу. Она спѣшила за хозяйкой, но опять опоздала, поправляя свой нарядъ передъ зеркаломъ. Ей пришлось входить въ залъ одной. Она старалась сдѣлать это съ свѣтской

степенной развязностью, но старанія не удались: она была смущена. На нее оглянулись чинные, безмолвные слушатели. Хотя между ними оставалось много свободных мѣстъ и эти мѣста были близко, но m-lle Вошикова не отважилась сѣсть. Напротивъ, ужь видимо мучась и ступкомъ своихъ каблуковъ, и шелестомъ своего шлейфа, казалось, мучась даже своею мелькавшею тѣнью, она прошла всю залу до другого конца и сѣла тамъ подлѣ особы, которая одна изъ всего общества дружески кивнула ей издали. Это была гувернантка, получившая позволеніе, когда уснули дѣти, придти послушать музыки. Но, усѣвшись, m-lle Вошикова вмигъ положила должное нравственное разстояніе между собою и этой сосѣдкой. Она, казалось, такъ утомлена такимъ длиннымъ переходомъ, что совершенно естественно не замѣтила руки безъ перчатки, протянутой ей для пожатія, и, поглощенная музыкой, не разслышала, что ей шептали... Шептаться, и еще въ послѣднія минуты симфоніи, когда tremolo гудѣли, какъ буря, когда хозяйка, при всей памяти приличій, невольно оглядывалась на трепетавшую брэнную подставку поднятой крышки рояля, когда даже во взорѣ княгини, желавшей вѣера, выражалось, что она удостоиваетъ ощущать то, что называла «la chair de poule», когда менѣе важныя лица забывались до того, что даже вздрагивали при аккордахъ, взятыхъ всей ладонью, когда на всѣхъ лицахъ было написано ожиданіе конечнаго разрушенія — шептаться съ гувернантками въ высшей степени непорядочно...

Артистъ кончилъ; общество встало благодарить его. Онъ надѣлъ перчатки и спросилъ ставанъ воды, какъ человѣкъ, исполнившій свой долгъ, давая этимъ знать, что больше играть не будетъ и вступаетъ въ права гостя. М-ше Городницеюй, наконецъ, удалось пристроить нѣкоторыхъ за карты. Дамы возвратились въ гостиную; двѣ-три еще оставались въ залѣ. М-lle Вошикова ловко пристала къ нимъ и послѣдняя подошла къ артисту; такимъ образомъ, она выдѣлилась отъ другихъ, стала замѣтнѣе, и это вышло удачно. N, какъ видно, былъ ей нѣсколько знакомъ. Въ своихъ привѣтствіяхъ и выраженіяхъ благодарности она была даже находчивѣе свѣтскихъ дамъ, какъ-то оживленнѣе и проще. Она подала руку артисту, чего другія не удостоили, не отважились или не придумали сдѣлать, и это какъ будто прервало общую натянутость. Артистъ будто обрадовался встрѣчѣ, поздоровался почти по дружески; онъ—весельчакъ и говорунъ и чрезъ минуту ужь перебрасывался съ художницею шутками и остротами. Она находчиво ему отвѣчала, смѣялась;

отъ оживленія, отъ непринужденности, отъ чувства своего успѣха, она будто похорошѣла, стала граціознѣе. Въ концѣ просторной залы, у рояля, гдѣ было больше свѣта, эти два веселыя лица выдавались красиво. Дамы слушали ихъ разговоръ, снисходительно и полунасмѣшливо улыбаясь. Одна изъ дѣвицъ, замѣтно скучавшая, подошла ближе къ счастливицѣ, которой было такъ весело; другая, нервнѣе, посмотрѣла, посмотрѣла и тоже рискнула подойти, будто въ надеждѣ, что и на ея долю перепадетъ немножко веселья. Впрочемъ, на ея молодомъ и красивенькомъ личикѣ выразался самый свѣтскій протестъ противъ этого веселья, возвышающаго голосъ до смѣха и маленькихъ восклицаній.

Приближеніе этихъ дѣвицъ вдругъ все измѣнило и охладило расположеніе духа артиста. Онъ оглянулся на нихъ, почтительно отодвинулся, будто уступая мѣсто, и, не перемѣняя разговора, рѣзко перемѣнилъ тонъ.

— Если вы такъ страстны къ музыкѣ, сказали вы m-lle Воцциковой:—то чтѣ же не играете сами?

— Не умѣю.

— Невозможно!

— Всего на свѣтѣ умѣть нельзя.

— Я знаю, что вы умѣете; такъ вамъ стѣдуетъ только еще пожелать...

— Ахъ, по желанію только чудеса творятся!

— Но вдругъ надъ вами свершится чудо!

— Ахъ, еслибы!

— И это сейчасъ? Скорѣе, пробуйте, садитесь, начинайте!..

— Послѣ васъ?

— Compliments уже истощены, довольно. Пробуйте, не свершилось ли чудо.

— Ахъ, нѣтъ, ни за что! вскричала она, даже взмахнувъ стянутыми ручками. — Нѣтъ, знаете ли, отъ кистей и палитры пальцы дѣлаются еще менѣе гибкими. Я совсѣмъ не владѣю лѣвой рукой — парализована.

— Неправда!

— Увѣряю васъ.

— Такъ докажете; мы посмотримъ, какъ она у васъ парализована. Сыграйте гамму. *La gamme en ut majeur; vous en savez au moins aussi long que ça?*

— Кто-жъ этого не знаетъ!

— Ну, и сыграйте.

— А что-же я получу за это?

- Вы не хотите даромъ?
- Конечно, не хочу.
- Такъ что-же бы... Да! Вы, кажется, пишете стихи?
- Пишу.
- Я напишу музыку на какия-нибудь ваши слова.
- Неужели? Votre parole?
- Какъ! Еще сомнѣваться?
- Ахъ, какое искушеніе! сказала она съ радостью въ глазахъ.
- И уступите искушенію.
- И вы напечатаете это? Не оставите между *Oeuvres inédites*?
- Увидимъ!
- Поддержите меня, дайте совѣтъ, обратилась она къ дѣвицамъ.

— Mais, mademoiselle... сказала одна изъ нихъ.

Эта дѣвица была музыкантна въ совершенствѣ. Изъ приличія, она никогда не участвовала въ публичныхъ концертахъ; изъ глубокаго уваженія, общество очень рѣдко безпокоило ее просьбой сыграть. Въ эту минуту она замѣтно умирала отъ зависти.

— Mais, mademoiselle, произнесла она неподвижно, ровными, глухими нотами:—*s'il vous coûte trop de consentir...*

Н обратился къ ней съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, отъ котораго она выходила изъ себя, хотя прогнѣвалась бы еще больше, еслибъ ей оказали его хотя немного меньше.

— Еслибъ я осмѣлился просить mademoiselle, началъ онъ, наклонясь передъ нею, чтобъ не было сомнѣнія, о комъ онъ говорилъ въ третьемъ лицѣ, и мѣняя свой уличный французскій языкъ на отборныя фразы:—еслибъ я осмѣлился—я зналъ бы, что за такое высокое наслажденіе у меня не достанетъ силъ и словъ благодарности!.. Но тутъ—онъ кивнулъ на m-lle Вошикову—тутъ я предлагаю вознагражденіе, потому что, знаю, будетъ дурная минута...

— Для исполнительницы, какъ для слушателей! подхватила m-lle Вошикова, смѣясь, но уезжая.—Ахъ, mademoiselle, еслибъ вы сыграли для того, чтобъ посмотреть, какъ у m-г N недостанетъ словъ...

— Oh, mademoiselle!.. возразила дѣвица, вся вспыхнувъ.

Она была жестоко оскорблена и даже на шагъ отступила. Въ самомъ дѣлѣ, для такой особы нужны были настоятельныя просьбы хозяйки и, по крайней мѣрѣ, двухъ изъ тѣхъ важныхъ господъ, что отдалились и разсуждали о политикѣ... Впрочемъ,

оскорбляясь, дѣвица оглядывалась: она замѣтно искала, нѣтъ ли вблизи кого-нибудь, кто бы имѣлъ хоть небольшое право под- держать безумное предложеніе m-lle Вошкиковой. Но дамы были заняты между собою. Молодой военный, стоявшій около нихъ, былъ не меломанъ; онъ даже равнодушно отошелъ въ эту ми- нуту, взявъ подъ руку другого, и оба заходили по залѣ, разго- варивая тихо и не весело. Къ нимъ подвернулся-было Репехов- скій; они взглянули на него, не останавливаясь; онъ отошелъ, мелькнувъ въ гостиной, появился опять. Онъ былъ никому не нуженъ и искалъ, гдѣ пристроиться.

M-lle Вошкикова завидѣла издали своего друга, вѣроятно, раз- считывала на его помощь и боялась дать остыть шуткѣ.

— Но я, всетаки, хочу заработать себѣ романсъ! вскричала она, ребячась.

— Такъ потрудитесь для этого! отвѣчалъ, хохоча, артистъ.

— Страшно!..

— *Voilà! A l'oeuvre!*

Она сдернула перчатки, и раздалась жалкая гамма, на кото- рую всѣ оглянулись. Н покрылъ ее аплодисментомъ и новымъ хохотомъ.

— Ну, я выиграла? спросила m-lle Вошкикова, смѣясь, кон- фузясь и вставая.

— Нѣтъ.

— Какъ, нѣтъ?

— Вы три раза ошиблись.

— А, этого не было въ уговорѣ!

— Да! Въ уговорѣ не было фальшивыхъ нотъ!

— *Mesdemoiselles*, я сошлюсь на васъ, вы были свидѣтель- ницами...

Дѣвицы величаво и молча откланялись. Н хохоталъ.

— Я фальшиво играю, а вы въ игрѣ фальшивите! вскричала она со злостью и вся вспыхнула.

— Bravo! Каламбури! Вы и это умѣете? *Vous êtes de cette force-là?* Но предупреждаю — силы будутъ неравныя, не рис- куйте!

— *De quoi s'agit-il?* спросила, величаво улыбаясь, та княгиня, отъ которой художница ждала заказа.

Эта важная особа подходила подъ руку съ хозяйкой; можетъ быть, хозяйка предупреждала ее о заказѣ, можетъ быть, за тѣмъ и шла она... Положеніе m-lle Вошкиковой было не изъ пріятныхъ: Н обидился, а онъ былъ извѣстенъ своей дерзостью. Ей оста- валось, что называется, улыбаться своему несчастью.

Т. ССХХІV. — Отд. I.

— Вы слышали музыкальный урокъ? спросила она, смѣясь.— М-г N былъ такъ добрѣе дажѣ мнѣ его...

— Желаю, чтобъ мой урокъ пригодился, сказалъ N.

— Но урокъ не принесъ мнѣ того, на что я надѣялась, продолжала она, обращаясь къ дамамъ и вооружаясь всей своей смѣлостью.— Не правда ли, нужна была сильная причина, чтобъ осмѣлиться растерзать слухъ всего общества? Причина необычайная? Madame, il y avait un enjeu: м-г N обѣщаль написать романсъ на мои слова...

— И что-же?

— Увы, этого не будетъ! отвѣчала она шуточно-жалобно, торжествуя, что ее выслушали.

— Но отъ этого тераемъ мы всѣ, замѣтила внягина, которой, должно быть, очень хотѣлось вѣра:—мы лишаемся вашего романса, м-г N.

— Я напишу романсъ безъ словъ и, если позволите, буду имѣть счастье поднести его вамъ, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ.

М-ше Воциковой оставалось только отойти. Сконфуженная, раздосадованная, она была жалка и неприятна. Слишкомъ дорого заплатилась она за свое короткое веселье. Свѣтскія особы дозволили ей минуту пошутить, посмѣяться, слегка блеснуть жизненностью среди ихъ оцѣпенѣнія, и вдругъ покрыли ее холоднымъ, равнодушнымъ забвеніемъ—въ ихъ обществѣ равнымъ смерти. Ей будто повелѣли уничтожиться. Она еще возставала противъ этого повелѣнія, держалась будто свободно, смѣялась безъ желанія и надобности...

Она обрадовалась, увидя близко Репеховскаго, подошла къ нему и рассказывала, какъ ее обидѣли.

— Да полноте, утѣшалъ ее Репеховскій и вдругъ подвелъ ее ко мнѣ.— Полноте, изъ-за чего вы волнуетесь? Вотъ, онъ вамъ скажетъ тоже. Великая бѣда! Этотъ N— кретинъ, ничего больше. Разсыпается, угодничаетъ передъ барынями—за то его и принимаютъ. Стѣбитъ хлопотать!

— Вамъ хорошо! возразила она и обратилась ко мнѣ.— Не правда ли, ему хорошо говорить—онъ въ сторонѣ; а для меня, отношенія этихъ дамъ... за дерзость какого-нибудь N я теряю...

— И ровно ничего, возразилъ Репеховскій.—Что было, то и есть. Я былъ въ гостиной, когда вы играли. Одна сказала: C'est une folle, а другая: Elle est artiste...

— Это кто сказалъ?

— Баронесса.

НА ВЕЧЕРЬ.

— Ахъ, она милая! Ну, слава Богу, я всегда говорила — она чудесная... А кто сказалъ folle?

— Ну, что тамъ, оставьте...

— Нѣтъ, кто?.. Знаю, знаю, ваша любезная хозяйка! Хорошо! погоди же; пусть только мнѣ вѣра спроворить... Сейчасъ лечу къ баронессѣ и такъ-то съ нею любезничаю — она отъ меня съ ума сойдетъ. И дочку ей напишу — херувима!

Она развязно отправилась въ гостиную.

Въ залѣ сдѣлалось движеніе. Хозяйка почти у двери встрѣчала входящаго гостя, ужь немолодого, щеголеватого и представительнаго господина. Я никогда его не встрѣчалъ, но зналъ по слухамъ и фотографіямъ.

— Какъ я васъ ждала! я уже думала — вы измѣните! говорила м-ше Городницкая.

— Что-жь дѣлать? отвѣчалъ онъ: — обѣдъ былъ тамъ; приглашеніе равняется приказанію.

Онъ пожалъ руку княгинѣ и шелъ въ сопровожденіи дамъ, здороваясь съ мужчинами. Репеховскій, кланяясь, переступилъ ему дорогу.

— А, и вы тутъ, сказалъ гость, исчезая въ дверяхъ гостиной.

Всѣ бывшіе въ залѣ стремились туда же.

Репеховскій кинулся ко мнѣ.

— Вы уходите? Что вы! Теперь-то и остаться. Еще рано. Теперь весь вечеръ пойдетъ съизнова... Вы ею не знаете? Вотъ, послушайте! Онъ прошлый разъ здѣсь читалъ (какъ читаетъ!) свою драму. Великолѣпіе! И, злодѣй, ничего не печатаетъ. Мы спорили съ нимъ... Впрочемъ, онъ правъ, онъ намъ доказалъ: не поймутъ. Въ наше время — на поруганіе отдавать печатать что-нибудь изъ міра чистаго искусства!.. Вотъ съ нимъ потолкуйте — убѣдите! Увѣруете! Онъ вамъ во очію явитъ, что такое это ваше новое движеніе, этотъ погромъ цивилизации. И чего не видалъ, гдѣ не былъ... Куда вы? Пойдите. Дождитесь ужина; хозяйка — умница, ужины старинные, на славу... Одно только — поздно, трудно найти извозчика, и, чѣмъ хуже погода, тѣмъ этихъ мошенниковъ меньше...

На мое счастье, мнѣ недолго пришлось выносить вьюгу съ дождемъ, которая сыпала въ ту ночь. Возвращаясь домой и дремя, мнѣ пришло въ голову — какъ же совершить м-лле Вошикова свой десятиверстный путь до Египетскаго моста и свое восхожденіе на девяносто ступеней въ потемкахъ? Сомнительно, чтобъ котораянибудь изъ любезныхъ знакомыхъ жила въ со-сѣдствѣ и вызвалась довести, и еще сомнительнѣе, чтобы кото-

*

раянибудь изъ покровительницъ одолжила экипажъ... Всѣ они пестро вертѣлись у меня предъ глазами. Мнѣ стало смѣшно...

Мнѣ не смѣшно теперь, вспоминая... Точно ли мы не ошибались, не слишкомъ много ли надѣялись на себя и на время? Точно ли эта пустота была безсильна и не стдила горячей досады? Вся ли она расплылась.

В. Крестовскій.

ИЗЪ ИСТОРИИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА.

I.

«Хозяиничать въ настоящее время невозможно», «имѣнія ничего, кромѣ убытку не дають», «заниматься хозяйствомъ не стоить», «жить въ деревнѣ нельзя»—вотъ возгласы, которые слышатся ежедневно изъ нечерноземной полосы, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ губерній, въ которыхъ, какъ у насъ въ Смоленской, безъ удобрения нельзя получать удовлетворительныхъ урожаевъ.

Всѣ вопиють о невозможности и убыточности хозяйства. Чуть только хозяева сошлись—на хозяйственномъ ли съѣздѣ, въ частномъ ли собраніи—начинаются подобныя безплодныя lamentаціи. Но почему же невозможно хозяиничать? На этотъ вопросъ всегда и вездѣ слышится одинъ и тотъ же отвѣтъ: хозяиничать невозможно, потому что рабочіе дороги, дурно работаютъ, пьянствуютъ, не исполняютъ условій, гѣнны и пр., а другими словами: хозяиничать невозможно, потому что нѣтъ крѣпостного права.

Въ одной изъ моихъ статей, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ», я уже говорилъ, что не дороговизна рабочихъ рукъ есть большое мѣсто нашего хозяйства, какъ думаютъ многіе, а нѣчто другое. Я утверждалъ и утверждаю теперь, прохозяиничавъ пять лѣтъ, что сельско-хозяйственный трудъ оплачивается у насъ очень дешево сравнительно не только съ оплатою его въ другихъ странахъ, но и съ оплатою у насъ же почти всякаго другого труда. Только крайняя бѣдность, безысходность положенія, способность довольствоваться такимъ кровомъ, такою одеждою, такою пищею, какими довольствуется нашъ рабочій, въ особенности смоленскій, заставляютъ нести такою та-

желый трудъ, какъ сельско-хозяйственный, за такую ничтожную плату. Нужно пожить въ деревнѣ, нужно посмотрѣть *что* дѣлаетъ человекъ за какихъ нибудь 50 копеекъ въ день (а такую плату получаютъ только лучшіе рабочіе, землекопы или грабары), чтобы убѣдиться какимъ трудомъ достается рабочему человеку каждая копейка. *Сэткій* человекъ будетъ пораженъ дешевизною сельскаго труда. Повторяю, рабочія руки въ нашихъ хозяйствахъ дешевы, и утверждаю, что съ каждымъ годомъ онѣ будутъ дорожать, такъ что, если теперь невозможно хозяйничать, то черезъ нѣсколько, лѣтъ это будетъ еще невозможно. Что касается нравственныхъ качествъ рабочихъ, то я уже говорилъ въ одномъ изъ моихъ писемъ «изъ деревни», что рабочіе въ этомъ отношеніи не хуже насъ, людей образованныхъ, и я нахожу, что, у меня, по крайней мѣрѣ, рабочіе исполняютъ свои обязанности не менѣе добросовѣстно, чѣмъ чиновники любого департамента, сотрудники и переводчики любого издателя; у меня рабочіе не пьянствуютъ, не воруютъ, не портятъ хозяйственныхъ орудій, исполняютъ условія, работаютъ хорошо, добросовѣстно... но объ этомъ послѣ.

А между тѣмъ, хозяйства дѣйствительно пришли въ упадокъ; имѣнія дѣйствительно даютъ мало дохода; дѣйствительно заниматься хозяйствомъ не стѣдуетъ, хозяйничать невозможно, если хозяйничать такъ, какъ хозяйничали прежде, какъ въ большинствѣ продолжаютъ хозяйничать до сихъ поръ—*если держатся старой системы хозяйства.*

Старая система хозяйства, выработанная при крѣпостномъ правѣ, при даровомъ, а, главное дѣло, при *обязательномъ* трудѣ, оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, несостоятельною при новыхъ условіяхъ и должна быть замѣнена *новой*. Такъ какъ въ большинствѣ имѣній и до сихъ поръ хозяйство ведется по той же системѣ, какъ и при крѣпостномъ правѣ, то самый упадокъ хозяйства въ настоящее время служитъ очевиднымъ доказательствомъ непригодности старой системы хозяйства при настоящихъ условіяхъ. Старая система хозяйства была основана на крѣпостномъ правѣ. Крѣпостное право уничтожено, возвратиться къ нему невозможно, и, какія бы мѣры не принимались къ установленію, такъ называемыхъ, нормальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, прежнихъ отношеній установить нельзя. Ясно, что должна быть выработана *новая* система хозяйства, такая, которая давала бы возможность хозяйничать при новыхъ условіяхъ. Прежде всего нужно, чтобы и помѣщики, и крестьяне, и чиновники—словомъ, всѣ забыли о крѣпостномъ правѣ, забыли объ основанной на немъ старой системѣ хозяйства.

Дѣло не въ томъ, чтобы замѣнить ручной трудъ машиннымъ, какъ думаютъ нѣкоторые, или простой русскій свотъ замѣнить альгаускимъ, удобрять поля суперфосфатами, сѣять тѣ или другія растенія; все это—частности: дѣло въ измѣненіи системы хозяйства, въ коренномъ преобразованіи ея.

Необходимо выработать для новыхъ условій хозяйства и новую систему, подобно тому, какъ существовала старая система, выработанная для прежнихъ условій. Я очень хорошо понимаю, что новая система должна выработаться и выработается сама собою временемъ, соединенными усилиями всѣхъ; я совершенно увѣренъ, что никто, будь онъ семи падей во лбу, единолично не можетъ выработать новую систему и сказать другимъ: дѣлайте вотъ такъ-то и такъ-то. Сама собою выработается и новая система полеводства—теперь уже видно, какая система полеводства будетъ господствующею въ нашей мѣстности—и новая система скотоводства—какая? этого, по моему, теперь еще не видно—и новая система домоустройства. Само собою измѣнится все это несомнѣнно. Каждый, кто *действительно* хозяйничаетъ въ настоящее время, выработываетъ, дѣлая, разумѣется, цѣлый рядъ ошибокъ, эту новую систему, и потому каждое хозяйство, которое не остается при старой системѣ, поучительно для всѣхъ. Вотъ почему я рѣшаюсь теперь, когда у меня собралось достаточно данныхъ, чтобы судить о значеніи нѣкоторыхъ измѣненій, которыя я сдѣлалъ въ системѣ хозяйства, напечатать отрывокъ изъ «Истории моего хозяйства», въ которомъ я намѣренъ, сдѣлавъ сначала очерки положенія помѣщичьихъ хозяйствъ въ нашей мѣстности, описать, что я наполь въ своемъ имѣніи, гдѣ хозяйство, до моего приѣзда, велось такъ, какъ оно ведется въ большинствѣ имѣній до сихъ поръ, и что сдѣлалъ въ теченіи пяти лѣтъ, хотя по нѣкоторымъ отраслямъ моего хозяйства—въ особенности по полеводству.

Поразительно, въ какой упадокъ пришли помѣщичьи хозяйства въ нашей мѣстности. Въ какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ, большинство хозяйствъ, всѣ, въ которыхъ господствуетъ старая система, пришли въ совершенное разстройство: коневъ нѣтъ, постройки разрушились, поля на двѣ трети запущены и превратились въ плантаціи лозника, олешиника и березняка, луга одичали; съ каждымъ годомъ хозяйства, которыя держатся старыхъ, заповѣданныхъ дѣдами порядковъ, падаютъ все болѣе и болѣе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ возстановить ихъ.

Когда я, пять лѣтъ тому назадъ, приѣхалъ въ деревню, то былъ до крайности пораженъ печальнымъ видомъ, какъ своего, такъ и сосѣднихъ хозяйствъ... Въ Петербургѣ я находился у

самаго источника, изливающаго агрономію на Россію; самъ я былъ профессоромъ агрономической химіи, постоянно бывалъ въ обществѣ профессоровъ-агрономовъ, изучившихъ всѣ тонкости агрономической науки за границею, читалъ наши агрономическіе журналы, сообщающіе самыя послѣднія изслѣдованія знаменитыхъ иностранныхъ агрономовъ, присутствовалъ на засѣданіяхъ ученыхъ агрономическихъ обществъ, гдѣ дебатировались тончайшіе вопросы агрономической науки, гдѣ спорили о томъ, альгаускую или голландскую породу скота слѣдуетъ намъ разводить, разсуждали о томъ, какими плугами слѣдуетъ обрабатывать наши земли, какими машинами слѣдуетъ жать наши хлѣба, толковали о суперфосфатахъ, азотистыхъ тукахъ, вилевскихъ полныхъ и неполныхъ удобреніяхъ, самъ, грѣшенъ, толковалъ о подобныхъ вопросахъ... и вдругъ попадаю въ деревню, въ самую такъ сказать суть хозяйственнаго дѣла—и что же? Хозяевъ нѣтъ, хозяйственныхъ построекъ нѣтъ, скотъ еле таскаетъ ноги, на скотныхъ дворахъ не только потолкавъ, но даже дверей нѣтъ, скотъ не только не привязанъ, но даже нѣтъ ящиковъ для корма—мякину сыплютъ около стѣнъ, солому бросаютъ посреди хлѣва: «кушайте матушки, сами и ѣшьте, сами и стелите»—поля не только плугами, но даже и сохами не пахутъ, жать нѣчего.

Начать съ того, что въ настоящее время—въ нашихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ—вовсе нѣтъ хозяевъ. Никто въ деревнѣ не живетъ, никто хозяйствомъ не занимается; всѣ служатъ, всѣ разбѣжались и гдѣ находятся—Богъ ихъ знаетъ. Встрѣтить хозяина, вообще встрѣтить помѣщика, который бы занимался хозяйствомъ и имъ интересовался—необыкновенная рѣдкость. Нѣтъ хозяевъ, нѣтъ семействъ, живущихъ въ деревняхъ—даже на лѣто мало кто пріѣзжаетъ—барышенъ даже нѣтъ. А между тѣмъ, лѣтъ двадцать тому назадъ—я очень хорошо это помню, потому что до 15 лѣтъ воспитывался въ деревнѣ—во всѣхъ усадьбахъ, во всѣхъ хуторкахъ, сидѣли помѣщики-хозяева, занимались хозяйствомъ—примѣрными хозяевами многіе считались—жили весело, разбѣжались по гостямъ, играли въ преферансъ, охотились. Всюду, куда бывало ни пріѣдемъ—поля обширныя, сѣна въ сараяхъ множество, отъ хлѣба амбары ломятся, лошадей, скота, птицы всякой гибель, домъ—полная чаша, семейство большое, барышнямъ счету нѣтъ—молодежь мужскаго пола и тогда была на службѣ въ полкахъ—у дѣтей гувернѣры, гувернантки. А теперь ничего нѣтъ: нѣтъ ни хозяевъ, ни семействъ, ни барышенъ, дѣтей даже нѣтъ. Ыдемъ теперь мимо какой нибудь усадьбы, видишь живеть кто-то, но какъ живетъ?—точно отшельникъ въ

пустыні; спрашиваешь: кто живетъ—или старикъ баринъ, или старуха-барыня, а то и двѣ, три барыни. За исключеніемъ немногихъ лицъ, дѣйствительно занимающихся хозяйствомъ, имъ интересующихся, доходами съ него живущихъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые нашли себѣ мѣстную службу и занимаются хозяйствомъ попутно—какъ незначительно число настоящихъ хозяевъ въ деревняхъ, можно судить потому, что многіе прасолы, скупающіе скотъ, меня убѣждали, что на сто хозяевъ едва ли найдется одинъ, который бы зналъ своихъ коровъ и могъ бы указать на полѣ въ стадѣ тѣхъ коровъ, которыхъ онъ продаетъ—все, что было молодого, ушло; остались по деревнямъ только старики и старухи—словомъ, такіе люди, которымъ дѣваться некуда, да еще среднихъ лѣтъ барыни, занимающіяся хозяйствомъ въ заправду, превратившіяся изъ прежнихъ барынь въ хозяевъ.

Старики хозяева—прежніе хозяева—которые не перемерли, болѣею частью, люди очень преклонныхъ лѣтъ, уцѣлѣвшіе, какъ уцѣлѣли зубры, живущіе въ несвойственную имъ нынѣшнюю геологическую эпоху, неспособные уже переменить свой прежній образъ жизни, доживаютъ свой вѣкъ по деревнямъ—даже старики помоложе перебрались въ города, гдѣ живутъ доходами съ выкупныхъ свидѣтельствъ, съ капиталовъ, полученныхъ за проданные лѣса—предоставивъ хозяйство старостамъ, лишь бы самимъ оставаться спокойными и не имѣть дѣла съ новыми порядками. Такіе старики—разумѣется, люди не бѣдные—сами искусственно устроили себѣ положеніе, въ родѣ того, какое дѣти устроили «Послѣдышу». Баринъ сидитъ вѣчно въ своемъ кабинетѣ, имѣетъ прежняго Ваньку, котораго обязанность—ежеминутно подавать барину закуренную трубку съ Жуковымъ, прежняго Петьку, который служитъ за столомъ, прежняго Ваську, который раза два въ годъ, четверникомъ въ коляскѣ—вздвигшихъ шестерикомъ я уже не засталъ—возитъ барина въ городъ, прежнюю экономку Прасковью Егоровну, которая докладываетъ, что нынче коровушки, слава Богу, хорошо молочка даютъ и можно будетъ продать сколько нибудь масла. Баринъ доволенъ, что его не оставили прежніе «люди», что они живутъ у него за небольшое жалованіе, изъ любви къ «старому барину», и все у него идетъ по старому, а люди, разумѣется, стараются пополнить ничтожное жалованье сторонними доходами и понемножку устриваются на случай смерти старика.

Понятно, что въ имѣніяхъ такихъ стариковъ хозяйство пришло въ совершеннѣйшій упадокъ; старикъ же все приписываетъ неурожаямъ, худымъ годамъ.

Бывало, пока «старикъ» хозяйничаетъ, «молодые господа»

послужать и, выслуживъ чинъ, прѣзжаютъ въ деревню, сначала въ отпускъ, а потомъ, прельстись деревенской жизнью, остаются дома, женятся и сами садятся на хозяйство, получая отъ старика въ распоряженіе отдѣльное имѣніе. Теперь же молодые всѣ стали служить настоящимъ образомъ—не то, чтобы чинъ выслужить—стали служить для жалованья, а жалованья-то встаети все пошли большія, такъ что и «благородному» человѣку не стыдно служить, хотя бы даже и кварталнымъ. Еще первое время послѣ «Положенія», многіе изъ молодыхъ, застигнутыхъ по деревнямъ на хозяйствѣ, пробовали продолжать хозяйничать, думая вести хозяйство по новому, по «агрономіи», какъ здѣсь говорятъ. Стали выписывать «Труды», «Земледѣльческую газету», читать Бажанова, Совѣтова... Это было самое цвѣтущее время нашей агрономіи, когда чуть не во всѣхъ городахъ устраивались выставки, конкурсы, сельско-хозяйственныя общества. Ученые агрономы-писатели проповѣдывали, что съ уничтоженіемъ крѣпостного труда, при работѣ наемными батраками, необходимо сократить запашки и обрабатывать лишь столько земли, сколько представляется возможнымъ хорошо удобрить; кто-то вспомнилъ встаети пословицу: «не поле кормить, а нива», и вотъ всѣ стали уменьшать запашки и разводить интензивное хозяйство. Заведя батрачное хозяйство, бросились на машины, надѣясь, что машины будутъ работать сами собою и что стѣбитъ только вспахать землю плугомъ съ почвоуглубителемъ, чтобы получить урожай самъ-двѣнадцатъ. Кто-то сказалъ, что вся суть дѣла заключается въ скотоводствѣ, и всѣ бросились на скотъ, покупали и голландскій, и альгаускій, и ярославскій (породу таковую тамъ въ Петербургѣ изобрѣли) скотъ; стали сѣять клеверъ, вику, турнеты, заводили и кормовую свеклу, и рутабагу. Бросались и на искусственныя удобрения, скупали кости... Читаетъ хозяинъ въ долгіе зимніе вечера «Что можно заимствовать у иностранцевъ по части земледѣлія» и сочиняетъ разные сѣвообороты—выходить такъ ловко на бумагѣ: вико по удобренію, рожь или озимая пшеница, клеверъ, овесъ, паръ—и разбиваетъ поля по новому сѣвообороту. Читаетъ объ нормахъ для кормленія скота и сочиняетъ кормовыя дачи, которыя, къ сожалѣнію, только не приводитъ въ исполненіе, потому что къ веснѣ «кормцу умаленіе»... Однако, ни Бажановъ, ни Совѣтовъ, ни даже сама земледѣльческая газета не помогли. Ничего не выгараго. «Агрономія», которая у насъ до сихъ поръ давала деньги только служащимъ по части агрономіи, сѣдала деньги и больше ничего. Побьется молодой хозяинъ, побьется годъ, другой, видитъ, что дѣло худо, что и съ агрономіей ничего не выходитъ,

и хлопочеть какъ бы на службу. Службы же открылись все отличныя, съ большими жалованьями: въ западный край потребовались дѣятели, въ Ташкентъ, въ акцизъ, въ контроль, въ разные мировые, въ земство, на почту, на желѣзныя дороги и пр. и пр., и все—тысяча, двѣ тысячи жалованья, да еще въ перспективѣ сдѣлаться генераломъ—акцизнымъ, земскимъ, желѣзнодорожнымъ—а тутъ уже пять, десять тысячъ, и дѣлать ничего не нужно, только направлять и подписывать. Хоть до помраченія ума зачитывайся Бажановымъ, Совѣтовымъ, а имѣніе, даже съ клеверомъ и турнетами, даже съ привязанными коровами, даже съ посѣвами вики на зеленый кормъ, ничего кромѣ убытку не даетъ; мало того, настоящій доходъ—оброки или выкупныя свидѣтельства—весь сѣдается агрономіей. Хорошо «агрономамъ», которые тамъ въ Петербургѣ сидятъ въ департаментѣ, пишутъ статьи и книги, ведутъ дебаты въ ученыхъ засѣданіяхъ столичныхъ агрономическихъ обществъ, хорошо имъ, когда они за свою агрономію получаютъ тысячи жалованья... а тутъ что ни сдѣлай—все, въ концѣ концовъ, даетъ минусъ. А смотришь—акцизный, контрольный, почтовый, исправникъ, мировой, земскій, получаютъ кто тысячу, кто двѣ. Кто же себѣ врагъ? И вотъ всѣ бросились туда, гдѣ въ берегахъ висельныхъ текутъ рѣки сытовыя. Сбылось отчасти мужицкое предположеніе. Когда начались толки о волѣ, мужики говорили: «на что панамъ земля, коли они около нея обращенія не знаютъ; выйдетъ воля, Царь отдастъ намъ землю, а пановъ возьметъ на жалованье—у Царя службы много, Царю всякіе люди нужны».

Молодыхъ новыхъ хозяевъ—кромѣ нѣсколькихъ оригиналовъ, которые не хотятъ служить и добиваются устроиться хозяйствомъ—нѣтъ. Молодежь не пріѣзжаетъ, какъ бывало, изъ полковъ въ отпускъ—невидно ни гусаровъ, ни улановъ, жениховъ нѣтъ. Что было дѣлать по деревнямъ барышнямъ, которыхъ функція была выходить замужъ? А тутъ—доходовъ нѣтъ, развѣзжать по гостямъ стало некуда, не за чѣмъ, не на комъ, не съ кѣмъ, не на что; дѣлать въ деревнѣ нѣчего, жить скучно... Вслѣдъ за молодежью разбѣжались и барышни; все повалило въ Петербургъ, въ Москву—учиться, искать работы. Воспитывать и учить дѣтей въ деревнѣ стало невозможно, потому что въ деревнѣ нѣтъ заведеній для общественнаго воспитанія, воспитывать же дома стѣдуетъ непомерно дорого; да кромѣ того воспитатели и воспитательницы жить теперь въ деревнѣ и скучать не хотятъ. Всѣ, у кого есть дѣти, ѣдутъ съ семействами въ города, потому что никто, по старой привычкѣ, не можетъ рѣшиться оставить дѣтей безъ воспитанія и учить такъ, какъ учатъ своихъ дѣтей вущи,

которые ограничиваются обученіемъ дѣтей грамотѣ, счету и затѣмъ тотчасъ приучаютъ къ дѣлу. Такъ какъ для обученія дѣтей другого средства нѣтъ, какъ помѣстить ихъ въ какое нибудь учебное заведеніе, то всѣ, у кого есть дѣти, перебрались въ города.

Старцы, доживающіе свой вѣкъ, изъ молодежи одинъ, два человека, дѣйствительно занимающіеся хозяйствомъ, нѣсколько человекъ, имѣющихъ мѣстную службу и занимающихся хозяйствомъ попутно — вотъ и весь контингентъ хозяевъ. И затѣмъ, усадьбы или пусты, или въ нихъ сидятъ и хозяйничаютъ *барыни* среднихъ лѣтъ. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но у насъ почти все хозяйство сосредоточено въ рукахъ барынь: куда ни повернешься—или вовсе нѣтъ хозяина, или хозяйничаетъ барыня; къ сѣверу отъ меня хозяйничаетъ барыня, къ СВ—барыня, къ ЮВ—барыня, къ Югу—барыня, и за ней еще барыня, и тамъ дальше опять барыня, къ ЮЗ—барыня, къ З—барыня, къ СЗ—барыня все барыни кругомъ; по крайней мѣрѣ, двадцать барынь въ округѣ насчитать можно, и всѣ эти барыни ведутъ хозяйство самолично, при содѣйствіи старостъ, ведутъ его по старому большаю частію, но есть и такія, которыя занимаются по новому и даже довольно удачно и толково. Дѣйствительно, замѣчательно, куда ни посмотришь—или усадьба стоитъ пустая, или хозяйничаетъ барыня, а мужъ, сынъ, братъ на службѣ; любопытно было бы знать, такъ ли это въ другихъ мѣстахъ; мнѣ кажется, что нѣчто подобное должно быть и въ другихъ мѣстахъ, потому что мужчины ушли служить, барышни ушли учиться и искать женскаго труда, но куда же дѣваться барынямъ, которымъ учиться поздно и которыя не могутъ производить тотъ женскій трудъ, какой требуется въ городахъ, то-есть не могутъ ни переводить, ни учить дѣтей, а между тѣмъ, въ деревенской жизни привыкли, съ хозяйствомъ до извѣстной степени ознакомились. Тутъ совершилось нѣчто въ родѣ того, что бываетъ въ деревняхъ, изъ которыхъ всѣ крестьяне уходятъ на заработки въ отхожіе промыслы и гдѣ остаются одни только бабы. Въ такихъ деревняхъ все хозяйство на рукахъ у бабъ: бабы заправляютъ дворами, бабы пахутъ, косятъ, молотятъ, бабы же торгуютъ, рѣжутъ шотъ, возятъ почту и проѣзжающихъ, ѣздятъ въ извозъ и пр. Мужчинъ-помѣщиковъ осталось ровно столько, сколько нужно, чтобы занять должности мировыхъ, управскихъ, полицейскихъ. Я думаю, что, еслибы жалованья земскихъ дѣятелей, судей, административныхъ лицъ были бы значительно уменьшены — на столько, чтобы мужчинамъ не было выгодно занимать эти должности — то пришлось бы допустить барынь къ занятію земскихъ

должностей, подобно тому, какъ въ деревняхъ, гдѣ всѣ мужчины занимаются отхожими промыслами и живутъ въ Петербургѣ или Москвѣ, на сходы домохозяевъ являются бабы, должности десятскихъ правятъ бабы, ямщиками ѡздаютъ бабы, чуть ли даже нѣтъ бабъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Помнится, я гдѣ-то что-то читалъ объ этомъ. Почему же барынямъ не быть земскими гласными, предсѣдателями и членами управъ и т. п. Если мужчины, оказавшіеся неспособными управиться съ хозяйствами своихъ имѣній, очень часто попадаютъ въ хозяева уѣздовъ — въ предсѣдатели и члены управъ — то почему же женщинамъ, справляющимся съ своими имѣніями, не быть хозяйками уѣздовъ — предсѣдательницами управъ? Дѣло вѣдь не мудреное.

Нужно отдать справедливость, что большинство барынь взяли за хозяйство настоящимъ образомъ и дѣйствительно интересуются дѣломъ — ясно потому, что не имѣютъ другихъ средствъ къ жизни кромѣ того, что даетъ хозяйство. Замѣчательно, что отъ барынь-хозяекъ слышится гораздо менѣе нытья, жалобъ на невозможность хозяйствовать, жалобъ на неудовлетворительность рабочихъ и пр. Барыни, стоя близко къ дѣлу, поняли, что возвратиться къ старымъ порядкамъ нельзя, убѣдились въ бесполезности нытья, примирились съ существующимъ положеніемъ и, какъ лица, которымъ невозможно иначе жить, какъ хозяйствомъ, взялись за дѣло съ тою практическою ловкостью, которою отличаются женщины. Въ теченіи пяти лѣтъ, что я живу въ деревнѣ, мнѣ чаще всего приходилось говорить о хозяйствѣ съ барынями; между ними я болѣе всего встрѣчалъ лицъ, дѣйствительно интересующихся дѣломъ, стремящихся выбиться изъ старой рутинны, дѣлающихъ въ хозяйствѣ нововведенія, часто очень удачныя. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ у меня есть барыня, которая самолично ведетъ большое хозяйство, и у этой-то барыни самый лучший скотъ въ округѣ, обширные посѣвы клевера — до 100 десятинъ, если не ошибаюсь — самая лучшая рожь, какой бы позавидовалъ и степной хозяинъ. Сколько ни случалось мнѣ бывать у нея, сколько ни случалось говорить съ ней о хозяйствѣ — а мы никогда ни объ чемъ другомъ съ ней не говоримъ — я никогда не слышалъ, чтобы она жаловалась на невозможность хозяйничать, на несостоятельность рабочихъ и т. п. Въ прошедшемъ году былъ у насъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ, на который собралось нѣсколько человѣкъ, и то потому только, что съѣздъ происходилъ во время земскихъ собраній, на которыхъ предстояло произвести выборы мировыхъ и земскихъ должностныхъ лицъ. Первое, объ чемъ зашла рѣчь на съѣздѣ, это —

невозможности хозяйничать по причинѣ несостоятельности рабочихъ, о необходимости завести рабочія книжки, въ которыхъ бы, на подобіе формуляровъ у чиновниковъ, вписывались всѣ проступки рабочихъ и т. п. О хозяйствѣ собственно ничего почти не говорили, а если разговоръ касался хозяйства, то всѣ возраженія сводились на невозможность улучшения хозяйства по причинѣ несостоятельности рабочихъ: заговорили о необходимости улучшения скотоводства—сейчасъ возраженія, что улучшение скотоводства невозможно, потому что нельзя найти бабъ, которыя умѣли бы хорошо доить, нельзя найти скотниковъ, которые умѣли бы ходить за скотомъ; заговорили о необходимости разрабатывать запущенныя поля, ввести посѣвы льна—сейчасъ же явились возраженія, что невозможно достать рабочихъ для корчевки березняковъ, нельзя найти бабъ для выборки и мятья льна и т. п., а между тѣмъ, у моей сосѣдки обширное скотоводство, надаивается болѣе 10 тысячъ ведеръ молока, есть подойщицы, есть скотники и все идетъ хорошо. Въ нынѣшнемъ году былъ у насъ опять сельско-хозяйственный сѣздъ; хозяевъ собралось очень мало, такъ что не знаю, можно ли считать сѣздъ состоявшимся и, всетаки, опять первое слово—нѣтъ рабочихъ, рабочіе—воры, пьяницы и т. д. Еслибы барыни собрались на сельско-хозяйственный сѣздъ—не знаю, почему онѣ не бываютъ—то я совершенно увѣренъ, что сѣздъ получилъ бы характеръ настоящаго собранія хозяевъ, и мы бы услышали много интересныхъ хозяйственныхъ сообщений.

Но, всетаки, если считать и барыни—разумѣется, тѣхъ, которыя лѣто и зиму живутъ въ деревнѣ и сами занимаются хозяйствомъ—контингентъ хозяевъ не великъ. Въ большей части имѣній самихъ хозяевъ-владѣльцевъ нѣтъ, и хозяйство ведется старостами или прикащиками, а на хуторахъ и вовсе никакого хозяйства не ведется, потому что большинство хуторовъ запущено.

Когда, послѣ «Положенія», прогорѣвъ на «агрономіи», помѣщичьи бросились на службу, то имѣнія остались въ управленіи старостъ и разныхъ прикащиковъ и управителей изъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Староста, разумѣется, прежде всего, отвязывалъ коровъ, переставалъ сѣять клеверъ, сваливалъ плуги и молотилки въ сарай, уничтожалъ батрачное хозяйство и сдавалъ поля сосѣднимъ крестьянамъ на обработку кругами, то-есть сдѣльно на ихъ лошадахъ, съ ихъ орудіями, сдавалъ крестьянамъ косить луга съ половины, дрова рубить съ половины и, уничтоживъ «агрономію», начиналъ хозяйничать по старому, сокративъ только размѣры хозяйства. Это, впрочемъ—единственное, что могъ сдѣлать такой

староста, и лучшее, что онъ могъ сдѣлать, будучи вынужденнымъ вести хозяйство *безъ крепостныхъ и безъ денегъ*.

Разъ помѣщикъ уѣхалъ на службу, всѣ нехозяйственные постройки — господскій домъ (хоромы), кухни, людскія избы, мастерскія, въ которыхъ работали въ былое время ткачихи, столяры, каретники и пр., погреба, ледники, кухни, каретные сараи, пекарни — оказывались не нужными, а если вещь не нужна, не употребляется, такъ что же объ ней и заботиться! Ненужныя постройки оставались безъ ремонта, безъ присмотра и какъ нехозяйственные постройки — какъ же можно въ господскіе хоромы ссыпать хлѣбъ или въ каретный сарай складывать сѣно! — ни на что не употреблялись. Начиналось разрушеніе... Неотапливаемые, неремонтируемыя, оставленныя безъ присмотра постройки, особенно деревянныя, разрушаются чрезвычайно скоро, и домъ, который, при ежегодномъ незначительномъ ремонтѣ, простоялъ бы пятьдесятъ лѣтъ, можетъ безъ присмотра разрушиться въ какія-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ, или, если не совсемъ разрушится, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлается необитаемымъ безъ значительныхъ поправокъ.

Начинается съ того, что крыша на хорамахъ гдѣ-нибудь прогнила и дала течъ — еслибы положить двѣ-три новыхъ тесины или нѣсколько гонтиновъ, то крышу легко можно было бы поправить; но вѣдь это — лишній расходъ, на такіе расходы у старосты денегъ нѣтъ, да и зачѣмъ же тратиться? — вѣдь въ домѣ все равно никто не живетъ! Крыша дала течъ; въ дожди вода собирается на потолокъ, дѣлается течъ сквозъ потолокъ въ комнаты; такъ какъ домъ не отапливается, то сырой потолокъ гниетъ, прогибается, подается то тамъ, то здѣсь. Стекла въ слуховыхъ окнахъ на чердакѣ выбили кошки и птицы, рамки въ нихъ выгнили; на чердакѣ наметаетъ снѣгу; ни съ крыши, ни съ чердака снѣгъ никогда не счищается; потолокъ и крыша гниютъ и разрушаются все болѣе и болѣе; трубы и печи отъ сырости размокаютъ; обон отклеились и висятъ лохмотьями; балконы, крыльца подгнили и покосились — тамъ колонка вывалилась и гниетъ подлѣ балкона, тамъ навѣсъ надъ крыльцомъ осунулся. Стекла въ окнахъ выбиты вѣтромъ, птицами, а, можетъ кѣмъ, и вытащены; въ комнаты набиваетъ снѣгу, полъ гниетъ, рамы гниютъ, петли, задвижки, замки ржавѣютъ.

Не заважалъ баринъ, уѣзжая на службу, имѣть особенный присмотръ за домомъ, не навѣзжаетъ онъ въ деревню, хотя изрѣдка, лѣтомъ, не осталось въ домѣ мебели, которую староста обязалъ сохранять для пріѣзда, брошенъ домъ на произволь судьбы — разрушеніе идетъ еще быстрее. Тутъ уже и рука человѣ-

ческая начинает помогать естественнымъ невгодамъ: понадо-
билась старостѣ вѣшка, гвоздь, крючокъ завѣсы — въ домѣ
можно взять; понадобился кирпичъ — въ домѣ можно взять изъ
печи; а нѣтъ уже печей, такъ изъ фундамента; понадобилась
тесина — а вонъ отъ обшивки отдери. Разъ начали брать изъ
дома понемножку кирпичи, тесъ, доски, желѣзо, разрушеніе
идеть еще быстрѣе, потому что сосѣдніе крестьяне навѣрно по-
могутъ: тотъ доску унесетъ, тотъ тесину оторветъ, тотъ кирпичу
изъ фундамента наломаетъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ смотришь —
домъ уже совершенно разрушился и стоятъ печальныя хоромы:
стекла выбиты, рамы сгнили, потолки прогнулись, крыша осу-
нулась, половъ нѣтъ, наружная обшивка оторвана, вмѣсто печей
груды мусора, фундаментъ выбранъ.

Однако, хоромы еще не во всѣхъ имѣніяхъ разрушились, по-
тому что, если домъ былъ хотя сколько-нибудь порядочный, то
баринъ, уѣзжая, приказалъ старостѣ смотрѣть за домомъ и сохра-
нять мебель. Въ такихъ случаяхъ, домъ обыкновенно стоитъ съ
заколоченными окнами и дверями и, по крайней мѣрѣ, не раз-
таскивается, но только разрушается самъ собою отъ недостатка
ремонта; еще лучше сохранились дома тамъ, гдѣ есть прие-
щикъ, живущій въ господскомъ домѣ. Но печать разрушенія ле-
житъ на всѣхъ деревенскихъ домахъ, даже и на такихъ, въ ко-
торыхъ еще живутъ господа — старики, бездѣтныя барыни, по-
тому что всѣ, за недостаткомъ средствъ, стараются какъ можно
менѣе тратить на ремонтъ построекъ. Пройдетъ еще немного
лѣтъ, и въ деревняхъ уже останется мало домовъ, въ которыхъ
возможно будетъ жить, не затративъ предварительно значитель-
ныхъ суммъ на поправки.

Если хоромы еще уцѣлѣли кое-гдѣ, за то другія постройки,
такъ-называемыя службы, всюду развалились — даже тамъ, гдѣ
еще сидятъ господа. Были кухни, людскія, мастерскія, прачеч-
ныя, кучерскія, но не стало «людей», и людскія сдѣлались не
нужны; кухни, прачечныя тоже стали не нужны безъ господъ,
а если гдѣ и остались господа, то кухни и прачечныя пере-
ведены въ хоромы — много ли нужно какому-нибудь старику или
одинокой барынѣ? Столяровъ, тещей и разныхъ иныхъ собствен-
ныхъ мастеровыхъ нѣтъ, кучеровъ нѣтъ — работникъ какой-ни-
будь парочкой возить — псарей нѣтъ, а потому и службы раз-
ныя сдѣлались не нужны. Оставленныя постройки гниютъ, раз-
рушаются, разваливаются, и никому даже въ голову не прихо-
дитъ, что эти, теперь ненужныя для прежняго назначенія по-
стройки, могутъ быть употреблены для хозяйства, что изъ быв-
шихъ кухонь, людскихъ, прачечныхъ можно сдѣлать теплые

хлѣвы для телятъ или для коровъ. Избы гниютъ и валятся, а скотъ мерзнетъ въ холодныхъ хлѣвахъ. Какъ же можно поставить телятъ въ господскую кухню или прачечную! И постройки гниютъ подъ прежними названіями. Только въ двухъ помѣщичьихъ усадьбахъ я видѣлъ, что старыя хоромы употреблены для хозяйственныхъ цѣлей: въ одной—въ домѣ было сложено сѣно, въ другой — рожь въ снопахъ.

Гдѣ помѣщикъ не живетъ, тамъ и хозяйственныя, ненужныя для того простаго хозяйства, какое ведетъ староста, постройки остаются безъ ремонта. Какъ уѣхали господа, такъ и завелось «пустодомство», какъ выражается моя Авдотья. Былъ, на примѣръ, погребъ, хорошій погребъ съ печкой, для овощей и разныхъ запасовъ. Уѣхалъ баринъ на службу; старость погребъ ненуженъ—онъ, сколько накопаетъ для себя картошки, подъ поломъ въ избѣ сбережетъ — вотъ погребъ и развалился: лотки сгнили, крыша разъѣхалась, вѣтромъ снесло часть крыши; зачѣмъ поправлять—а и поправки-то всего на какой-нибудь рубль—вѣдь теперь погребъ не нуженъ, потолокъ прогнилъ, печь развалилась, кирпичи староста забралъ на поправку печи въ избѣ... Смотришь: вмѣсто погреба, стоитъ никуда не годная развалина. Какъ завелось пустодомство — тоже стало съ ледникомъ, каретнымъ сараемъ, мшаникомъ и прочими постройками, ненужными для того хозяйства, какое ведетъ староста, сдающій землю на обработку кругами, покосы съ половины, содержащей плохихъ бычковъ для навозу.

Былъ подлѣ дома прудъ, въ которомъ водились хорошіе караси. Уѣхалъ баринъ: карасей поймали, за плотиной и ставомъ присмотру не стало; перестали отсыпая отмель, починять откосы, наблюдать, чтобы при возвышеніи воды заставки своевременно вынимались—потому: кому озерцо нужно? вѣдь господъ нѣтъ! Вотъ, въ одинъ прекрасный день, плотину прорвало, озерцо сбѣжало, ставъ покачнулся, пришлось для проѣзда накинуть черезъ прорву мостикъ; каждую весну прорву стало размывать все болѣе и болѣе, ставъ началъ разваливаться, мостикъ пришлось дѣлать все длиннѣе и длиннѣе, подпирать съ низу бревнушками; наконецъ плотину смыло такъ, что и мостикъ не можетъ держаться — приходится дѣлать или ставъ, или мостъ, или переводить дорогу на другое мѣсто, если это возможно. Такимъ образомъ, пруды, если на нихъ только нѣтъ мельницъ, которыя съ охотою берутся въ аренду, повсемѣстно уничтожились, и я не ошибусь, если скажу, что изъ сотни прудовъ, бывшихъ прежде около усадьбъ—а около какой же усадьбы не было прежде пруда—осталось теперь много если одинъ, два. А черезъ

это, не говоря уже о томъ, что повсемѣстно уже перевелась искусственно содержимая рыба—бараса теперь ни за какія деньги у насъ не достанешь—уменьшилось количество удобныхъ водопоевъ для скота, полевныя дороги и переѣзды черезъ рвы сдѣлались неудобны, что затруднило вывозку навоза; вмѣсто проточныхъ чистыхъ прудовъ появились вонючія лужицы, въ которыхъ лѣтомъ вода, въ жаркое, сухое время, приобретаетъ вредныя качества, что отражается на здоровьѣ скота, вынужденнаго пить такую воду, на качествахъ молока и молочныхъ продуктовъ.

Были фруктовые сады—яблочковъ, ягодъ всякихъ сколько было!—были парки, рощи, аллеи, цвѣтники, огороды. Теперь ничего этого нѣтъ: яблони повывмерзли и новыми не замѣнены, ягодные кусты одичали, парки заглохли, рощи начинаютъ уже рубить на дрова, липовыя аллеи срублены на мочала, цвѣтники, дорожки заглохли, даже огороды и тѣ запущены.

Многіе изъ отдѣльныхъ хуторовъ, гдѣ и прежде не было панскихъ усадебъ, а сидѣли только старосты, теперь вовсе уничтожены. Уменьшали запашку, выпахали землю и, наконецъ, видя, что хуторъ никакого дохода не даетъ, бросили хозяйство. На такихъ уничтоженныхъ хуторахъ, разумѣется, уже все разрушилось: не только жилия избы, но и всѣ хозяйственныя постройки—овины, скотные дворы, хлѣбные дворы—потому что, съ уничтоженіемъ хозяйства, всѣ эти постройки, какъ ненужныя, остались безъ всякаго присмотра и ремонта. Если что и уцѣлѣло на такихъ хуторахъ, то только сарай, въ которые складывается сѣно, потому что на уничтоженныхъ хуторахъ все-таки еще остаются покосы. За сѣномъ крестьяне гонятся; мало-мальски порядочный покосъ и всегда найдутся охотники его косить съ части, возьмутъ косить съ половины, съ трехъ пятахъ, съ трети; брать съ части покосы на запущенныхъ хуторахъ крестьяне даже очень любятъ, потому что, обыкновенно, здѣсь нѣтъ присмотра во время покоса—и, возвращаясь вечеромъ домой, косецъ всегда можетъ увезти возикъ другой травы или сѣна, такъ что съ запущеннаго хутора владѣльцу часто достается не треть сѣна, напримѣръ, а только, можетъ быть, четверть или одна пятая; кромѣ того, во время покоса около построекъ запущеннаго хутора, тоже можно кое-чѣмъ поживиться: кирпичикомъ, гвоздиками, столбиками дубовыми и т. п., у мужика все это на потребу пойдетъ.

Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ хозяйство не уничтожено и ведется по старому, или самими помѣщиками, занимающими мѣстныя служебныя должности, или оставшимися на хозяйствѣ, оттого, что некуда дѣваться, стариками помѣщиками и барынями, или,

наконецъ, арендаторами, прикащиками, старостами, необходимыя хозяйственныя постройки—овинъ, хлѣбный дворъ, кормовой дворъ, амбары, избы для старосты и скотника — еще поддерживаются, но какъ поддерживаются! Послѣ «Положенія», когда покосы стали сдавать на скось съ половины или съ третьей части, когда перестали поддерживать и очищать луга, что особенно повліяло на пустошные луга, весьма быстро заростающія пустоши, количество сѣна во всѣхъ имѣніяхъ стало меньше и много, если составляетъ двѣ пятыхъ, а вѣрнѣе — въ общей сложности всѣхъ имѣній—одну треть прежняго количества; вслѣдствіе уменьшенія запасекъ и соломы тоже стало меньше. Количество корму, значить, во всѣхъ имѣніяхъ уменьшилось, а потому и скота вездѣ пришлось держать гораздо меньше, чѣмъ прежде. Прежніе скотные дворы оказались уже теперь слишкомъ велики, такъ что скоть сталъ уже помѣщаться въ одной половинѣ двора, а другая остается пустою. Такъ какъ скотные дворы обыкновенно у насъ строятся такъ называемыя круглыя, то есть, замкнутыя черырехугольныя, съ дворомъ посрединѣ, мѣсто, на которомъ ставится дворъ, никогда не выравнивается, водосточныхъ канавъ и трубъ для отвода воды, стекающей съ крышъ, не дѣлается, то одна половина хлѣбовъ, та, которая стоитъ ниже, непременно затапливается водою, стекающею со двора въ нижніе хлѣвы; эти нижніе хлѣвы, въ которыхъ необходимо часто подстилать солому, чтобы скоть не стоялъ въ грязи, теперь, когда количество скота уменьшилось, обыкновенно оставляютъ пустыми. Ту половину скотнаго двора, гдѣ не стоитъ скоть, конечно, не ремонтируютъ, а между тѣмъ, отъ сырости, земля въ ней дѣлается вадкою, столбы наклоняются въ ту сторону, куда идетъ покатошь, за ними тянетъ всю постройку, крыша обѣзжаетъ. А тутъ понадобилось поправить что-нибудь въ верхней половинѣ, гдѣ стоитъ скоть—берутъ, что можно, изъ нижней. Такимъ образомъ, часть скотнаго двора, вслѣдствіе опущенія, пустодомства, разрушается, растаскивается и, черезъ нѣсколько времени, остается уже только половина скотнаго двора. Тоже самое и съ другими хозяйственными постройками—вездѣ поддерживается только то, что нужно въ данную минуту, а остальное пропадай, и никто не разсчитываетъ, что такое положеніе не можетъ продолжаться до безконечности, что наступить, наконецъ, время, когда опять примутся за сельское хозяйство, безъ котораго благосостояніе страны немислимо.

Когда было много хлѣба, вездѣ были устроены большіе овинны съ достаточнымъ количествомъ садовъ для сушки хлѣба —

*

рѣдкій овинъ не имѣеть двухъ садокъ; стало меньше хлѣба, оказалось достаточнымъ одной садки, вторую опустили и оставили безъ присмотра. Разумѣется, очень скоро крыша осунулась, мѣстами раскрылась, а тутъ понадобился доръ или заборникъ—«возьми съ той садки; все равно, на ней не сушать; по нынѣшнимъ хлѣбамъ и одной садки довольно». Снимаютъ съ крыши доръ, разбираютъ заборъ, берутъ рѣшетникъ, балки, и вотъ остается одна садка, окруженная поддерживавшими крышу дубовыми столбами, которыхъ не взяли потому только, что ихъ нужно выкапывать изъ земли—зимою же выкапывать нельзя, а лѣтомъ некогда. Оставленная безъ крыши садка гниеть, разрушается, и хорошо, если пойдетъ хотя на дрова или будетъ отдана какому-нибудь крестьянину подъ работу. Тоже сдѣлалось и съ хлѣбными дворами, которые повсемѣстно на половину разрушились; тоже сдѣлалось съ сѣнными сараями. Когда на пустошахъ навашивалось много сѣна, вездѣ стояли отличные сараи; сѣна стало меньше, потому что пустоши повсемѣстно заросли лозникомъ, травы выродились, да еъ тому же и покосы сдаются съ части или за обработку земли. Сараи полевые, какъ ненужные, остались безъ присмотра: доръ съ крышъ растащили, непокрытыя балки сгнили и упали; остались только столбы, а мѣстами и званія сараевъ не осталось—видно только по отминой травѣ, что тутъ стоялъ когда-то сарай.

Такимъ образомъ, все валится, рушится, гниеть, уничтожается и болъшею частію почти безъ слѣда, потому что на хуторахъ, въ небольшихъ усадьбахъ у помѣщиковъ средней руки, отъ 100 до 150 душъ крестьянъ, почти всегда въ нашихъ мѣстахъ постройки были деревянныя, отъ которыхъ уже теперь ничего почти не остается. Въ большихъ имѣніяхъ богатыхъ помѣщиковъ—у насъ въ имѣніяхъ, лежащихъ по Днѣпру—въ имѣніяхъ, гдѣ постройки были каменныя, гдѣ овины, хлѣбные дворы, скотные дворы были на каменныхъ столбахъ, хотя и развалилось многое, но, по крайней мѣрѣ, есть основы, есть развалины.

Было бы очень интересно, еслибы кто-нибудь вычислилъ, какъ велика потеря, понесенная отъ разрушенія построекъ, оставленныхъ безъ присмотра и ремонта, погибшихъ такъ себѣ зря, бесплодно, отъ пустодомства, отъ простой неряшливости, отъ того, что каждый, убѣгая изъ имѣнія, бросалъ его на произволь судьбы, не рассчитывая, что онъ или его дѣти когда-нибудь должны будутъ возвратиться, не рассчитывая, что придетъ время, когда службы на всѣхъ не будетъ хватать, да и платить за службу будетъ нѣтъ, если всѣ будутъ только служить и никто ничего, не будетъ производить. Я думаю, что, если пере-

вести на деньги всё потери, происшедшія только отъ разрушенія построекъ, то это составитъ сумму, которая превзойдетъ ту сумму, какую заплатили французы нѣмцамъ въ послѣднюю войну.

Теперь каждому, кто задумаетъ заниматься хозяйствомъ на бывшей помѣщичьей землѣ—будетъ ли это самъ владѣлецъ, или арендаторъ—прежде всего придется затратить большія суммы на постройки, погибшія отъ пустодомства, отъ безпутства, оттого, что никто не хотѣлъ жертвовать копейками на поддержаніе тѣхъ построекъ, которыя были, а, напротивъ, каждый, за послѣднія пятнадцать лѣтъ вытягивалъ изъ имѣнія все, что возможно, ничего не затрачивая. Необходимость затрачивать деньги на возобновленіе построекъ составляетъ въ настоящее время одно изъ главнѣйшихъ затрудненій для того, кто садится на хозяйство въ опустошенный хуторъ.

Постройки развалились. Не въ лучшемъ состояніи находятся и «угодья» помѣщичьихъ имѣній. Луга, сѣнные покосы составляютъ самыя важныя угодья. Теперь вся цѣнность имѣній зависитъ отъ покосовъ, потому что, если есть хорошіе заливные покосы, то имѣніе можетъ доставлять доходъ, если хозяйство не ведется совершенно безсмысленно, и никогда не будетъ встрѣчать затрудненій въ приисканіи рабочихъ рукъ для обработки земли по старымъ способамъ. Крестьяне въ своихъ надѣлахъ имѣютъ мало луговъ, между тѣмъ, все благосостояніе крестьянина зависитъ отъ количества скота и, главное, отъ количества лошадей, какое онъ можетъ содержать, потому что, чѣмъ больше у него будетъ лошадей, тѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть средствъ для мѣстныхъ заработковъ, тѣмъ болѣе будетъ у него навоза и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе будетъ хлѣба и корма для рогатаго скота. Поэтому крестьянинъ болѣе всего дорожитъ покосомъ и употребляетъ всё средства, чтобы заготовить какъ можно болѣе сѣна. Занимается ли крестьянинъ отхожимъ промысломъ, занимается ли онъ торговлею или какимъ-нибудь ремесломъ, все-таки, въ Петрову дню, въ началу покоса, онъ возвращается домой — на сторонѣ остаются только пустодомы, да лишніе члены многолюдныхъ семей—бросають торговлю, всякія другія дѣла и занимается покосомъ. Даже безземельные крестьяне, дворовые, отставные солдаты, деревенскіе ремесленники, бобыли, не занимающіеся земледѣліемъ, старики и молодые, бросаютъ свои обычныя занятія, когда начинается покосъ. Съ Казанской до Спаса у насъ въ деревняхъ нѣтъ ни плотниковъ, ни гробаровъ, ни печниковъ, ни сапожниковъ, ни столяровъ, словомъ, нѣтъ никакихъ ремесленниковъ—всѣ косцы, всѣ занима-

ются покосомъ: тотъ косить сѣно для себя, потому что у него есть коровка, лошадка, овечка, другой готовить сѣно на продажу. Сѣно у насъ всегда дорого; хорошее сѣно съ заливныхъ луговъ рѣдко можно купить дешевле 15 коп. за пудъ, а, главное дѣло, сѣна у насъ всегда мало и достать его негдѣ, потому что рѣдко кто его готовитъ на продажу — готовятъ сѣно для себя и такіе продаютъ только въ крайности. Поэтому, крестьяне всегда гонятся за покосомъ; богатые крестьяне стараются нанять луга на скосъ и обыкновенно нанимаютъ самыя лучшіе заливныя днѣпровскіе луга; если нельзя нанять луговъ, если нѣтъ средствъ для найма, крестьянинъ ищетъ гдѣ-бы взять лугъ на скосъ — съ части и, если луга хороши, то, лишь бы получить ихъ на скосъ, соглашается, при этомъ, обрабатывать землю кругами. Даже самыя плохіе пустошные луга не остаются неубранными; были бы только луга — крестьяне ихъ всѣ разберутъ.

Покосы поэтому составляютъ самыя важныя «угодья» въ нашихъ имѣніяхъ.

Первое мѣсто между покосами занимаютъ хорошіе заливныя луга по Днѣпру и его притокамъ. Въ нашемъ округѣ днѣпровскіе покосы считаются первыми, и всѣ имѣнія, лежація по Днѣпру — эти имѣнія болѣею частью принадлежатъ богатымъ землевладѣльцамъ — считаются лучшими въ хозяйственномъ отношеніи. Днѣпровскіе покосы всегда можно сдать въ аренду, на скосъ травы, за 10 до 15-ти рублей казенную десятину, да сверхъ того еще за право пастьбы скота весной до заката луговъ и по отавамъ послѣ покоса, сосѣдніе крестьяне будутъ или платить, или работать владѣльцу. Если примемъ среднюю арендную плату за такіе заливныя луга въ 12 рублей, то цѣнить такіе луга нужно по 400 рублей за десятину, полагая ренту въ 30%, что еще очень высоко, потому что другія угодья такой ренты не даютъ. Нѣкоторые землевладѣльцы, не находя выгоднымъ вести хозяйство, даже при заливныхъ лугахъ, и не получая изъ хозяйства того дохода, какой можно получать прямо, заставляя косить луга за деньги, вовсе уничтожили хозяйство въ приднѣпровскихъ имѣніяхъ: луга сдаютъ въ аренду за деньги крестьянамъ или помещикамъ, занимающимся скотоводствомъ, но не имѣющимъ хорошихъ луговъ, а полевныя угодья запустили подъ заросли, или сдаютъ крестьянамъ подъ ленъ на выпашку. Впрочемъ, такъ поступаютъ лишь немногіе, отказавшіеся отъ старой рутинны, и поступаютъ очень разумно, потому что, оставаясь при старой системѣ хозяйства, тѣ, которые сами косятъ луга, сѣномъ кормятъ скотъ, часто получаютъ менѣе дохода, чѣмъ сколько бы они получили прямо, продавая траву. Многіе же и вовсе ни-

чего не получаютъ: косить луга, чтобы имѣть сѣно, сѣномъ кормить скоть, чтобы имѣть навозъ, навозомъ удобряютъ поля, чтобы имѣть хлѣбъ, а, продавъ хлѣбъ, получаютъ столько, сколько нужно заплатить за скося травы, за уходъ за скотомъ, за обработку земли, такъ что, въ концѣ-концовъ, выходитъ или нуль, или даже минусъ.

Какъ бы то ни было, но большинство не запродааетъ своихъ луговъ, находя болѣе выгоднымъ вести хозяйство, а вѣрнѣе—ничего не находя, просто по рутинѣ. Рѣдко кто косить луга самъ—батраками или поденщиками—обыкновенно сдаютъ луга на скося изъ части, причемъ лучшіе заливные луга отдаются съ трети въ пользу косца, а худшіе съ половины; въ общей же сложности, можно принять, что владѣлецъ получаетъ три пятыхъ сѣна, да, сверхъ того, за право пастбы сосѣдніе крестьяне отбиваютъ ему какую нибудь работу, напримѣръ, косить часть луга въ пользу владѣльца. Такъ какъ крестьяне очень дорожатъ покосами, то обыкновенно, снимая съ части покосы, они же берутъ за извѣстную плату обработку владѣльческой земли кругами, лишь бы удержать за собой покосъ. Имѣнія съ хорошими заливными лугами относительно покосовъ остались въ томъ же состояніи, какъ были до «Положенія», потому что заливные луга, ежегодно удобряемые иломъ, нанесеннымъ весенними водами, не ухудшились, за исключеніемъ развѣ низменностей, требующихъ осушенія посредствомъ канавъ, которыя послѣ «Положенія», съ опущеніемъ хозяйства, рѣдко гдѣ ремонтируются и уже успѣли заплыть. Разумѣется, относительно количества сѣна и такіа имѣнія съ заливными лугами потеряли противъ прежняго, потому что прежде *все* сѣно съ луговъ поступало владѣльцу, а теперь поступаетъ только *три пятыхъ*.

Второй по достоинству разрядъ луговъ составляютъ низменные, болотистые, болѣе или менѣе заливаемые весенними водами луга около маленькихъ рѣчекъ. Такіе покосы какъ по количеству, такъ и по качеству травъ, далеко ниже хорошихъ возвышенныхъ заливныхъ луговъ по Днѣпру и другимъ рѣкамъ; они рѣдко сдаютъ въ аренду за деньги и обыкновенно косятся мѣстными крестьянами съ половины, а худшіе съ двухъ пятыхъ, даже съ одной трети, въ пользу хозяина. Имѣнія съ такими покосами стоятъ далеко ниже имѣній съ хорошими заливными покосами; здѣсь луга не представляютъ такой вѣрной доходной статьи, какую они представляютъ тамъ, потому что нѣтъ охотниковъ снимать такіе луга на деньги, ибо всякій снимающій луга на скося предпочитаетъ лучше дорого заплатить за хороший лугъ, чѣмъ возиться съ плохимъ лугомъ, который даетъ

мало сѣна, да и то дурнаго качества. Охотники косить такіе луга съ части, однако, всегда есть, и хозяину достается часть сѣна большая или меньшая, смотря по качеству луга. Здѣсь хозяину уже нельзя ввести ту систему хозяйства, какую ввели нѣкоторые владѣльцы имѣній съ хорошими заливными лугами, то-есть нельзя забросить поля и ограничиться сдачей луговъ въ аренду для полученія вѣрнаго дохода. Получая часть сѣна, хозяинъ могъ бы продавать его, но, такъ какъ охотниковъ до такого сѣна мало, особенно въ урожайные на травы годы, то невозможно основать на этомъ хозяйство. Тутъ уже, волей-неволей, приходится доставляющаго хозяину часть сѣна стравливать скоту и вести полевое хозяйство.

Сѣно съ луговъ этой второй категоріи, содержащее много вострецу и другихъ кислыхъ травъ, не годится для прокормленія рогатаго скота и овецъ; его ѣдятъ только лошади, такъ что, имѣя такое сѣно, необходимо держать въ имѣніи лошадей, хотя бы только для переработки этого сѣна въ навозъ. Въ имѣніяхъ съ лугами второй категоріи сѣна теперь получается менѣе половины того, что получалось до «Положенія», потому что половина сѣна отдается за уборку, да, кромѣ того, количество сѣна уменьшилось, потому что болотистые луга требуютъ ухода — очистки канавъ, срѣзыванія кочекъ, вырубанія кустовъ и пр., чего теперь, послѣ «Положенія», не дѣлается, а потому на подобныхъ лугахъ канавы уже затянуло, выросло множество кочекъ и лозовыхъ кустовъ.

Къ той же категоріи нужно отнести покосы по рвамъ, ровкамъ и лощинамъ между полями, дававшіе прежде много хорошаго сѣна — особенно если рвы съ отлогими берегами и не имѣютъ желѣзистыхъ ключей — потому что такіе покосы удобряются водою, стекающею съ унавоженныхъ полей. Эти покосы охотно снимаются крестьянами съ половины, хотя теперь далеко не даютъ того количества сѣна, какое давали прежде, потому что часть полей, вслѣдствіе уменьшенія запасекъ, запущена, а при запусканіи десятинъ принимали въ соображеніе только отдаленность десятинъ отъ усадебъ и часто запускали десятины, лежащія около рововъ, не обращая вниманія на то, что воды съ удобренныхъ десятинъ будутъ удобрять уже не рвы, а эти запущенныя десятины, быстро заростающія березнякомъ и лозой. Сверхъ того, заросшія лѣсомъ запущенныя десятины замѣнили многіе рвы и лоцины, а между тѣмъ, удобрения въ имѣніяхъ вообще вывозятся на поля гораздо менѣе, чѣмъ прежде, обработка земли стала хуже, межи около десятинъ оставляются большія, изъ бороздъ не дѣлается надлежащихъ спусковъ, канавы

заросли кустами и пр. Все это значительно уменьшило общее количество сѣна, получаемого съ такихъ покосовъ, да къ тому же половину сѣна приходится отдавать за уборку. Такимъ образомъ, въ имѣніяхъ съ лугами второй категоріи количество сѣна, получаемого теперь, составляетъ *много если двѣ пятыхъ* того количества, какое получалось до «Положенія», а мѣстами оно не превосходитъ и одной трети.

Но все-таки же имѣнія, обладающія даже и плохими заливными лугами и хорошо расположенными рвами, относительно покосовъ находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ имѣнія, въ которыхъ покосы состоятъ изъ такъ-называемыхъ пустошей, т. е. луговъ, разработанныхъ изъ-подъ лѣсныхъ пространствъ. Между тѣмъ, у насъ заливныхъ луговъ мало, и главная масса покосовъ состоитъ изъ пустошей.

Въ былыя времена, помѣщики, понимая всю важность удобрения для нашихъ полей, старались заготовлять какъ можно болѣе корма и, если не имѣли заливныхъ луговъ, то разработывали на луга лѣсныя пространства. У иныхъ эта разработка производилась очень правильно, хозяйственно, такъ что на луга разработывались только низины, которыя при этомъ же осушались канавами, а высокія мѣста, горбыли, оставались подъ лѣсомъ, вслѣдствіе чего такъ разработанныя пустоши представляли нѣчто въ родѣ парковъ, гдѣ рощицы смѣнялись лужками; у другихъ разработка производилась сплошными пространствами, причемъ, разумѣется, подъ пустошь выбиралось болѣе или менѣе низкое мѣсто; у третьихъ, наконецъ, разработка пустошей производилась безъ всякаго порядка, какъ попало и гдѣ попало. Какъ бы то ни было, но до «Положенія» постоянно производилась разработка пустошныхъ луговъ изъ-подъ лѣсныхъ пространствъ. Вырубка лѣсовъ на постройки и на дрова производилась болѣе или менѣе правильно; лѣсъ на дрова вырубался до чиста, вырубленные пространства очищались отъ лому, пней, кустовъ и разработывались подъ покосъ, который «по нову» давалъ хорошіе урожаи сѣна, отлично сѣждаемого рогатымъ скотомъ и въ особенности пригоднаго для овецъ, которыя охотно ѣдятъ въ видѣ сѣна пахучія, листоватыя травы. Такъ какъ пустоши до «Положенія» постоянно подчищались, т. е. на нихъ рубали засѣдающій кустъ, срѣзали появляющіяся кочки, очищали канавы, выбирали пни, такъ какъ онѣ тогда росли своевременно и хозяйственно, причемъ срѣзался весь появляющійся отростокъ, трава подкашивалась подъ корень, вслѣдствіе чего лугъ не заросталъ бѣлоусомъ и мхомъ, выбивались послѣ покоса большими гуртами скота, и вообще содержались въ по-

рядкѣ, то пустоши въ то время давали много сѣна. У хорошихъ хозяевъ того времени, умѣвшихъ пользоваться ерѣвостнымъ трудомъ и выбивавшихъ изъ крестьянъ тахиш, имѣнія и при пустошныхъ лугахъ давали не менѣе корму, не менѣе навоза, не менѣе дохода, чѣмъ имѣнія съ заливными лугами. Въ настоящее же время такія имѣнія, уже вслѣдствіе того, что прежде давали много дохода и, слѣдовательно, сильно истощены, при измѣнившихся хозяйственныхъ условіяхъ, отошли на задній планъ. На этихъ-то имѣніяхъ, принадлежавшихъ болѣею частью помѣщикамъ средней руки, постоянно жившимъ въ деревнѣ и умѣвшимъ выбивать изъ мужика все, чтобы вести «благородный» образъ жизни — у меня въ сосѣдствѣ есть, на примѣръ, имѣніе съ 350 десятинахъ земли при однихъ пустошныхъ лугахъ (даже рѣчки никакой нѣтъ), владѣлецъ котораго при ерѣвостномъ правѣ жилъ открыто, держалъ 50 собакъ, славился своей охотой — «Положеніе» отразилось самымъ рѣзкимъ образомъ. Воздѣланныя изъ-подъ лѣсовъ пространства, содержимыя въ порядкѣ, сначала даютъ очень хорошіе урожаи травъ, но потомъ, мало по малу, травы вырождаются, лугъ зарастаетъ куманицей, бѣлоусомъ, мхомъ, дичаетъ, и даетъ плохіе урожаи травъ; если же пустошь не содержится въ порядкѣ, не очищается отъ кустовъ, не косится своевременно, не вырѣзается при косьбѣ до чиста, то одичаніе идетъ еще быстрѣе, и она очень скоро превращается въ никуда негодный пустырь. Такая порча происходитъ не столько отъ истощенія почвы — разумѣется, и истощеніе верхняго слоя играетъ нѣкоторую роль — сколько отъ одичанія, задерненія луга. Лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что, если одичавшую пустошь очистить отъ кустовъ и кочекъ, осушить гдѣ нужно, достаточно освѣтить, вырубивъ обружающія пустошь заросли, косить своевременно въ іюлѣ, косить низко и срѣзая куманицу, бѣлоусъ, мохъ до чиста, то пустошь исправляется и начинаетъ давать гораздо болѣе сѣна и лучшаго качества; напротивъ, если пустошь запустить, дать ей зарости кустами, а еще хуже оставить подъ постояннымъ выгономъ, причемъ скотъ будетъ выѣдать всѣ хорошія травы и уплотнять верхній слой, что особенно вредно, если почва холодна и сыра, то пустошь очень скоро превращается въ пустырь, на которомъ ничего, кромѣ елочекъ, можжевелника, рыжиковъ, бѣлоуса и мха не растетъ. Единственное средство сдѣлать такой пустырь производительнымъ — это вспахать его и удобрить.

Послѣ «Положенія», новыхъ пустошей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ вовсе не разрабатывается; вырубленные на дрова лѣсныя пространства не очищаются отъ лому и пней, не раздѣляются

на покосы, и вновь заростають лѣсомъ; развѣ что крестьяне, въ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ негдѣ достать покосовъ, возьмутъ выпустошенный лѣсъ подѣ расчистку на года изъ части урожая или за какую нибудь послугу, выжгутъ что годится на лядя подѣ пшеницу, раздѣлають хорошія низины и покашивають. Но, повторяю, новыхъ пустошей послѣ «Положенія», можно сказать, почти вовсе не раздѣлано.

Старыя пустоши, разработанныя до «Положенія», въ настоящее время повсемѣстно сдаются на скосъ крестьянамъ изъ части сѣна — съ половины, съ трехъ пятыхъ, съ двухъ третей въ пользу косца, въ общей сложности, можно положить съ трехъ пятыхъ. Такимъ образомъ, пустошного сѣна, которымъ исключительно держались многія имѣнія, въ настоящее время, получается владѣльцами не болѣе двухъ пятыхъ, а часто не болѣе одной трети всего накашиваемаго съ пустошей количества. Но этого мало: пустошные луга требуютъ самой внимательной обработки какъ до, такъ и во время покоса; ежегодно необходимо вырубать кусты, затѣняющія пустошь деревья; главное же—необходимо во время покоса, въ самое жаркое время лѣта, скашивать мелкіе отростки подѣ корень, черезъ что корень засыхаетъ и не даетъ отростковъ, а то нынче появился отростокъ въ четверть аршина, не скосили его, на лѣто онъ вырастаетъ въ аршинъ, черезъ два-три года, смотримъ, это—уже лозовый или ольховый кустъ. Особенно важно и хорошо, у самой земли, скашивать отростокъ, который идетъ послѣ подчистки топоромъ, потому что иначе на мѣсто вырубленнаго куста или деревца, напримѣръ, ольхи, появляется цѣлая заросль, и лугъ зарастаетъ, дѣлается неудобнымъ для косьбы; чѣмъ лучше земля, чѣмъ она плодороднѣе, чѣмъ сырѣе мѣсто. тѣмъ скорѣе оно зарастаетъ ольхою, такъ что, при дурной обработкѣ, лучшіе пустошные луга еще скорѣе приходятъ въ негодность, чѣмъ худшіе, на которыхъ дернъ сильно уплотнѣлъ.

Между тѣмъ, въ настоящее время пустошные покосы сплошь сдаются для косьбы крестьянамъ съ части изъ году въ годъ. Ни весной, ни осенью эти покосы не подчищаются — какъ это ежегодно дѣлалось до «Положенія» — никто не вырубаетъ на нихъ кустовъ и зарослей; во время косьбы, крестьянинъ, косящій лугъ изъ части, никогда не срѣзаетъ косою отростки и ловко обкашиваетъ траву, оставляя кустики, которые быстро разрастаются. Покосъ производится несвоевременно, болѣею частію очень поздно, вслѣдствіе чего сѣно получается дурнаго качества, хорошія мѣста выкашиваются, а худыя, поросшія бѣлоусомъ, часто и вовсе остаются нескошенными. Такъ какъ скота стало

меньше, покосы убираются поздно, то пустоши плохо выбиваются скотомъ, отчего урожаи травъ еще болѣе уменьшаются. При такомъ порядкѣ, пустоши заростають кустами неимовѣрно быстро, и въ какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ многія пустоши уже пришли въ совершенную негодность, и часто тамъ, гдѣ въ былыя времена накашивалось два звѣна сѣна, теперь накашивается одно, да и изъ этого нужно отдать воспу три пятыхъ или половину.

Полагаю, я не ошибусь, если приму, что въ имѣніяхъ съ пустошными лугами, въ настоящее время, получается не болѣе *одной трети* того количества сѣна, какое получалось до «Положенія», вѣрнѣе, что получается менѣе одной трети. Такія имѣнія болѣе всего пострадали въ хозяйственномъ отношеніи и падаютъ годъ отъ году: пустоши заросли, сѣна стало меньше и оно худшаго качества, выгоны ухудшились. Когда хозяева вернуться въ свои имѣнія, то имъ будетъ стоить большихъ денегъ приведеніе въ порядокъ пустошей, на которыхъ даже и лѣсу не выростеть хорошаго.

И такъ, сравнивая настоящее положеніе имѣній съ прежнимъ относительно кормовыхъ средствъ, получаемыхъ съ естественныхъ луговъ, видимъ, что повсемѣстно *количество кормовъ уменьшилось*. За исключеніемъ имѣній, обладающихъ заливными лугами, гдѣ уменьшеніе не такъ чувствительно, въ остальной массѣ имѣній количество сѣна, въ средней сложности, уменьшилось на двѣ трети, то-есть, составляетъ *одну треть того количества, какое получалось до «Положенія»*.

Такъ какъ отъ количества корма зависитъ количество навоза, а отъ количества навоза количество хлѣба — разумѣется, если хозяйство ведется по одинаковой системѣ — то понятно, какъ измѣнилась производительность — не говорю доходность, потому что, и при большой производительности, доходность можетъ быть нуль — имѣній. Ясно, что, съ уменьшеніемъ кормовыхъ средствъ на двѣ трети, и производительность должна была уменьшиться на двѣ трети.

Это и видно на полевыхъ угодьяхъ. Повсемѣстно запашки уменьшены и часть полей запущена. Въ хозяйственной литературѣ шестидесятыхъ годовъ агрономы много толковали о необходимости, при вольно-наемномъ трудѣ, сократить запашки и обрабатывать менѣе земли, но зато удобрять ее лучше, помня поговорку: «не поле кормить, а нива». Этотъ совѣтъ агрономовъ осуществился на дѣлѣ — запашки, дѣйствительно, сокращены — но какъ осуществился! Запашки, дѣйствительно, сокращены, въ общей сложности, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети; но, такъ какъ въ то же время количество кормовъ и, слѣдовательно, удобренія

уменьшилось тоже на двѣ трети, система же хозяйства осталась та же самая, съ тою лишь разницею, что обработка производится хуже, то ясно, что отъ уменьшенія запашекъ производительность имѣній уменьшилась, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети. На уменьшеніе запашекъ вліяло, однако, не одно только уменьшеніе количества удобренія, но и невозможность обработать за дешевую цѣну то количество пахотныхъ земель, какое обрабатывалось прежде. Батрачное семейство, за немногими исключеніями, не привилось, и вездѣ принята система сдѣльной обработки, обуславливающей, во-первыхъ, сохраненіе той же системы полеводства—по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени—и обуславливаемой количествомъ предлагаемыхъ рукъ въ данной мѣстности. Это обстоятельство было причиною, что во многихъ имѣніяхъ запущены такія земли, которыя вовсе не слѣдовало запускать и которыя могли бы еще давать хорошіе урожаи.

Уменьшеніе запашекъ производилось самымъ простымъ способомъ; когда оказывалось не подъ силу пахать то количество земли, какое пахали прежде, хозяинъ, а чаще всего староста, рѣшалъ запустить по столько-то десятинъ въ полѣ, и эти десятины оставались незасѣянными. Обыкновенно запускали землю въ паровомъ полѣ. При запускѣ въ соображеніе принималось обыкновенно только разстояніе запускаемыхъ десятинъ отъ усадьбы, запускали самыя отдаленныя отъ усадьбы десятины, нисколько не соображаясь съ качествомъ земли положеніемъ десятинъ. Иногда, если десятины были очень хороши и являлись охотники засѣвать ихъ безъ навоза, изъ части урожая, сдавали предназначенныя въ запуску десятины крестьянамъ на выпашку. Брошенныя десятины сами собою тотчасъ обмѣнялись сѣменами древесныхъ породъ, господствующихъ въ данной мѣстности, и весьма быстро заросли лозой, алышникомъ, ельникомъ, березнякомъ. Такимъ образомъ, въ имѣніяхъ повсемѣстно образовался изъ запущенныхъ пахотныхъ земель *новый родъ угодій*, составляющихъ, въ общей сложности, до двухъ третей прежнихъ пахотныхъ земель, такъ-называемыя у насъ *облоги* или *пустакы*.

Если запускавшіяся десятины не были совершенно выпашаны, имѣли плодородную, хорошо унавоживавшуюся изстари землю, были низменны, ласковаты, то на нихъ скоро появлялась трава, такъ какъ траву ежегодно косили, причемъ появляющіеся всходы древесныхъ породъ скашивались, то такія десятины не заросли лѣсомъ и представляютъ теперь чистыя облоги, дающія въ морные года порядочные укусы хорошихъ травъ. Такихъ чистыхъ облогъ, однако, очень мало: болѣею частью на запущенныхъ десятинахъ тотчасъ же появлялась заросль, и они превращались

въ плантаціи древесныхъ породъ; такъ какъ у насъ мало еловыхъ лѣсовъ и такъ какъ сѣмена ели не разносятся вѣтромъ на далекія разстоянія, то облоги рѣдко гдѣ сплошь заросли ельникомъ. Господствующая у насъ лѣсная порода — береза, сѣмена которой разносятся вѣтромъ на далекія разстоянія, и потому запущенныя десятины, обѣмняясь преимущественно березовыми сѣменами, скоро покрывались березовыми зарослями, болѣе или менѣе сплошными, смотря по качеству земли и мѣстоположенію. На низинахъ, гдѣ земля была хороша, появились, конечно, травы, и, такъ какъ траву косили, то между зарослями образовались по лощинамъ лужайки, которыя косятся и теперь. Господствующими, поэтому, на запущенныхъ десятинахъ оказываются березовыя заросли болѣе или менѣе сплошныя; только низменная, съ худой почвою, десятины покрылись лозникомъ, характеризующимъ сырую подзолистую почву нашей мѣстности.

Эти облоги, поросшія березнякомъ, представляютъ правильныя лѣсныя плантаціи, которыя нѣмецъ навѣрно принялъ бы за искусственныя лѣсонасажденія. Такъ какъ уменьшеніе запашекъ производилось не вдругъ, а исподволь; такъ какъ сначала запускали болѣе отдаленныя десятины, все подвигаясь отъ окружности къ центру, то-есть, къ усадьбѣ, то теперь повсемѣстно въ имѣніяхъ поля окружены этими новыми угодыми, плантаціями березняковъ разныхъ возрастовъ, которые концентрическими кругами охватили поля и, постепенно понижаясь отъ окружности къ центру амфитеатромъ, окружаютъ помѣщичьи усадьбы. Эти новыя «угоды» въ настоящее время служатъ етоль же отличительнымъ признакомъ помѣщичьихъ имѣній, какъ березовыя рощи служатъ характеристическимъ признакомъ господскихъ усадьбъ. Проѣзжая проселкомъ, если вы видите вдали березовую рощу, знайте, что тутъ усадьба; если видите березовыя плантаціи разныхъ возрастовъ, окружающія поля — помѣщичье имѣніе.

Какой доходъ приносятъ эти новыя «угоды»? Ровно никакого, если не считать безчисленнаго множества черныхъ грибовъ, растущихъ по березнякамъ. Даже какъ выгоны для скота, эти новыя угоды никакого значенія не имѣютъ, потому что скудныя травы, растущія въ тѣни березокъ и поѣдаемыя скотомъ только осенью, когда голодный скотъ, «запасаясь на зиму», ѣстъ всякую траву, всякую сушину, не вознаграждаютъ за неудобство пастьбы скота по зарослямъ, въ которыхъ пастухъ не видитъ своего стада.

Ученые лѣсоводы пришли бы въ восторгъ отъ этихъ великолѣпныхъ лѣсныхъ плантаціи; имъ и не снилось, что у насъ въ Россіи появятся тысячи, десятки тысячъ десятинъ такихъ пре-

восходныхъ лѣсонасажденій, какимъ позавидовалъ бы любой нѣмецкій лѣсоводъ. Еслибы лѣсоводы увидали эти плантаціи, то они употребили бы еще болѣе старанія и выхлопотали бы, наконецъ, законъ, воспрещающій частнымъ владѣльцамъ рубить и истреблять свои лѣса. Что же, мы не прочь сберечь наши лѣса — если намъ дадутъ за это жалованье!

Хотя послѣ «Положенія» запашки уменьшены на двѣ трети, но остающіяся въ обработкѣ поля не даютъ тѣхъ урожаевъ, какъ прежде. Ржи, овса не собирается и одной трети противъ того, что собиралось прежде, какъ это слѣдовало бы ожидать. Относительное количество удобренія не увеличилось: если прежде изъ 60 десятинъ запашки удобрялось 30, то теперь изъ 20 десятинъ запашки удобряется только десять. Между тѣмъ, вслѣдствіе дурнаго ухода за скотомъ — хлѣвы холодныя, потому что нѣкому ихъ законопатить, кормъ дается безъ толеу, подстилка не разстигается какъ слѣдуетъ — навозъ получается худшаго качества; обработка земли производится гораздо хуже, кое-какъ, несвоевременно; канавы не очищаются и заросли кустами; водосточныя борозды или вовсе не проводятся, или проводятся какъ попало; спуски въ канавы не дѣлаются; между пашнями и канавами образовались саженыя задернѣвшія пространства, наконецъ, поля окружены зарослями, которыя мѣстами врѣзались въ самыя пашни. Все это чрезвычайно дурно вліяетъ на урожай озимыхъ хлѣбовъ, которые подвергаются вымочкамъ и сильно страдаютъ отъ заносовъ снѣгомъ.

Отсутствіе хозяевъ, разрушенныя постройки, заросшія всякою дрянью пустоши, облоги, плохой скотъ, по старому, всегда голодающій весной, плохой хлѣбъ на остающихся въ обработкѣ участкахъ полей — и при этомъ, все та же старая система хозяйства.

Имѣнія не даютъ дохода; но развѣ при такихъ порядкахъ они могутъ давать хорошій доходъ? Да и чѣмъ опредѣляется неудовлетворительная доходность, какимъ мѣриломъ измѣряется она? Чтобы ясно говорить объ этомъ, необходимо прежде всего условиться въ основныхъ положеніяхъ. Всѣ жалуются на малую доходность имѣній. Я не отрицаю, что доходъ съ имѣній малъ, и въ предъидущемъ очеркѣ положенія имѣній старался показать, въ какой упадокъ пришло повсемѣстно хозяйство; но при этихъ жалобахъ, болѣею частію, мѣриломъ сравненія принимается прежняя доходность имѣній во время крѣпостнаго права. Всѣ еще помнятъ, какіе доходы давали имѣнія въ прежнее время, забывая, что тогда въ каждомъ имѣніи былъ оборотный капиталъ — не даромъ имѣнія цѣнились по числу душъ — каковой представлялъ обязательный трудъ крѣпостныхъ, и этотъ-то ка-

питаль, обязательный трудъ, давалъ большой процентъ, между тѣмъ какъ земля и тогда не давала большой ренты. Въ настоящее же время, осталась только земля, а оборотнаго капитала нѣтъ, потому что въ большинствѣ случаевъ полученныя выкупныя суммы или пошли на уплату долговъ, или растрчены, а, еслибы даже онѣ и были сохранены, то не представляютъ той цѣнности, какую представлялъ обязательный трудъ крѣпостныхъ, главное значеніе котораго, въ хозяйственномъ смыслѣ, заключалось въ его обязанности, что не всегда можно купить за деньги.

И такъ, прежде всего можно ясно установить, что подразумѣвать подъ доходностію имѣній и, забывъ прежде всего о томъ, что было и чего никогда не будетъ вновь, различать доходъ, получаемый съ земли въ видѣ ренты, безъ труда и затраты капитала, отъ дохода, получаемаго съ оборотнаго капитала, и платы предпринимателю за трудъ.

Рента, то-есть доходъ, получаемый съ земли безъ затраты капитала, у насъ нельзя сказать, чтобы была мала и никакъ не ниже 2-хъ, 3-хъ процентовъ, потому что имѣніе, которое въ нашихъ мѣстахъ можно купить за 10 тысячъ рублей, всегда охотно возьмутъ въ аренду за 200 или 300 рублей, несмотря на то, что имѣнія за послѣдніе года сильно опущены и земли повсемѣстно одичали отъ неудовлетворительной разработки. Получать же отъ 2-хъ до 3-хъ процентовъ на капиталъ, находящійся въ видѣ земли, цѣнность которой постоянно возрастаетъ изъ году въ годъ—вовсе недурно. Нельзя также сказать, чтобы оборотный капиталъ, затраченный на хозяйство, не приносилъ хорошаго процента, какъ это видно по слѣдующимъ примѣрамъ: десятину двѣпровскаго луга можно нанять за 12 рублей, скосить и убрать ее стоить 4 рубля, слѣдовательно, весь расходъ будетъ 16 рублей; при хорошемъ урожаѣ, съ такой десятины можно получить 150 пудовъ сѣна и продать его по 15 коп.—слѣдовательно, выручить 22 р. 50 к.; когда урожай малъ, тогда цѣна сѣна выше, такъ что выйдетъ одно на одно — и получить чистаго дохода 6 рублей 50 коп. На затраченныхъ 16 рублей, такимъ образомъ, получается въ полгода 6 р. 50 к. дохода, что составляетъ болѣе 40 процентовъ. Процентъ не дурной... Хозяйственную десятину облоги подъ ленъ можно нанять за 15 руб., обработка будетъ стоить 50 руб.—я на все кладу очень высокія цѣны—валоваго дохода, въ средней сложности, десятина льна даетъ 100 р., слѣдовательно, чистаго дохода—35 р. На затраченныхъ 65 руб., такимъ образомъ, получается въ полгода 35 р. доходу, что составляетъ болѣе 53 процентовъ. Процентъ опять-таки не дурной.

Скиньте половину дохода за трудъ предпринимателя, и все-таки придется отъ 20 до 25 процентовъ на затраченный капиталъ.

И такъ, мы видимъ, что и рента вовсе не мала, и процентъ на оборотный капиталъ получается очень хорошей, а между тѣмъ, имѣнія доходу не даютъ, хозяйства повсемѣстно приходятъ въ упадокъ и хозяйничать невыгодно. Отчего же это? Разумѣется, причиною этого — неудовлетворительность самой системы хозяйства. Представьте себѣ, что хозяинъ, вмѣсто того, чтобы отдать лугъ въ аренду и получить 12 руб., самъ косить его и, вмѣсто того, чтобы продать сѣно за 20 руб., самъ стравливаетъ его скоту; затѣмъ, не получая никакого дохода со скота, имѣетъ только навозъ отъ 150 пудовъ сѣна, который ему, значитъ, обошелся въ 20 руб. — хорошо еще, если такъ дешево и не пришлось къ дѣнѣ корма прикинуть еще отъ себя что нибудь за уходъ и помѣщеніе скота — навозъ онъ вывозитъ на поле, сѣетъ хлѣбъ, продаетъ и вдругъ получаетъ отъ продажи хлѣба лишь столько, сколько истратилъ на обработку земли, а сѣно пропало! Вотъ въ этомъ-то и заключается одна изъ главныхъ причинъ невыгодности хозяйства. Въ старину, говорятъ, было правило: «глади больше навозу и получишь больше дохода»; того же правила держатся и теперь, не принимая въ расчетъ того, что, если дѣнность навоза будетъ, напримѣръ, равна дѣнности золота, то чѣмъ больше положишь навозу, тѣмъ больше убытку.

За десятину облоги подъ ленъ даютъ 15 руб.: если хозяинъ самъ посѣетъ ленъ, то получить 50 р. Но онъ облогъ подъ ленъ не отдаетъ и самъ льну не сѣетъ на томъ основаніи, что, говорятъ, «ленъ портитъ землю», хотя это — совершеннѣйшій вздоръ, и заставляеть облоги заростать лозой и березнякомъ. Или, напримѣръ, сѣетъ ленъ, но, вслѣдствіе дурной обработки земли, ленъ у него выходитъ плохъ — случай, впрочемъ, очень рѣдкій, потому что ленъ большею частію, даже и при дурной обработкѣ земли, по облогамъ родится хорошо — или онъ не успѣваетъ его въ-время выбрать, смолотить и разослать, вслѣдствіе чего ленъ попадаетъ подъ снѣгъ, и, вмѣсто дохода, получается убытокъ. Кто же виновать?

Обыкновенно все сваливается на рабочихъ и на недостатокъ капиталовъ. Рабочіе — и пьяницы, и воры, и не исполняютъ условій, и недобросовѣстны въ работѣ, и портятъ хозяйскія орудія. Все это — вздоръ, чистѣйшій вздоръ. У меня тридцать человѣкъ рабочихъ и служащихъ; въ числѣ ихъ только трое — два старосты и одинъ мальчишъ — вовсе не пьютъ водки; остальные же 27 человѣкъ, мужчины, женщины, мальчики, всѣ пьютъ водку, не морщась проглатываютъ стаканъ и, при случаѣ, напримѣръ, на ар-

маркахъ, напиваются до пьяна. Я даю своимъ рабочимъ—всѣ рабочіе на моихъ харчахъ и обѣдаютъ за общимъ столомъ — по стакану водки каждое воскресенье и каждый праздникъ. Лѣтомъ, въ самую горячую пору, въ страду, я даю рабочимъ ежедневно по два стакана водки, а иногда, если работа очень трудная и лѣто жаркое, сухое, даю въ день по три, даже по четыре стакана водки для предупрежденія дизентерій, которыя развиваются, если рабочіе во время работы пьютъ безъ разбору какую попало воду. Осенью, во время молотбы льна, рабочіе получаютъ по стакану водки за завтракомъ, а плужные пахари, работающіе цѣлый день на открытомъ воздухѣ, получаютъ ежедневно по два стакана. Два раза въ году, во время мѣстныхъ ярмарокъ — Троица и Спасъ — каждый дома получаетъ по стакану водки и на ярмарку по 30 копеекъ, на которыя обыкновенно выпиваетъ шесть стакановъ; на другой день послѣ ярмарки—обыкновенно мы съемъ рожь на другой день Спаса—я даю по стакану, чтобы опохмѣлиться, а во время сѣва—и по два. Всѣ 27 человекъ пьютъ водку и хорошо пьютъ, какъ видите; называйте ихъ пьяницами, если хотите, но я этого сказать не могу. Въ верстѣ отъ моего дома есть кабакъ, но во все лѣто никогда ни одинъ работникъ безъ спросу — про будніе дни и говорить нечего; но у меня никто не имѣетъ права отлучаться изъ усадьбы безъ спросу даже и въ праздники—не былъ въ кабакъ, никогда никто не напился въ кабакъ пьянъ, да и вообще кабакъ отъ моихъ рабочихъ имѣетъ очень мало дохода. Въ теченіи цѣлаго лѣта не было случая, чтобы ктонибудь изъ рабочихъ былъ пьянъ, явился на работу пьяный, прогулялъ безъ спросу рабочий день; даже въ праздники — за исключеніемъ Свѣтлаго Воскресенья, когда на разговини рабочіе отъ меня угощаются водкой и могутъ пить сколько хотятъ—никогда не бываетъ пьяныхъ въ усадьбѣ, а если кто и возвратится изъ дому или съ ярмарки пьянымъ, то другіе рабочіе его спрячутъ и не позволяютъ ему шумѣть. До сихъ поръ у меня не было случая, чтобы отъ пьянства рабочихъ произошелъ какойнибудь ущербъ въ работѣ, и ответственность рабочихъ въ этомъ отношеніи замѣчательна. На Свѣтлое Воскресенье, когда разговляются и всѣ могутъ пить сколько хотятъ, скотники—которымъ и въ Свѣтлое Воскресеніе, все-таки, нужно убирать скотъ—никогда не пьютъ болѣе, какъ по два стакана. Въ прошедшемъ году, на Спаса, на ярмаркѣ, всѣ рабочіе были выпивши и поздно ночью возвратились домой; на другой день мы сѣяли рожь: я далъ сѣвцамъ, чтобы опохмѣлиться, по стакану водки; когда посѣяли двѣ десятины, далъ еще по стакану и привазалъ засѣять еще двѣ десятины; затѣмъ свород-

биты задѣлали четыре посѣянныхъ десятины. Посѣвъ былъ произведенъ превосходно, и рожь уродилась на этихъ десятинахъ отлично—кругомъ съ каждой десятины получено по 18 четвертей ржи. Отчего же не хозяйничать съ такими пьяницами? и можно ли такихъ людей называть пьяницами? Работникъ, который ѣздитъ со мной за кучера, очень любитъ водку и при случаѣ можетъ напиться—говорятъ, что онъ былъ за пьянство выгнанъ изъ другого дома, а между тѣмъ, я ѣзжу съ этимъ работникомъ въ городъ, дорогой, разумѣется, когда самъ пью водку, даю и ему, въ городѣ даю ему водку за завтракомъ, за обѣдомъ, и за ужиномъ; но это нисколько не мѣшаетъ ему отлично исполнять всѣ мои порученія, дѣлать закупки, убирать лошадей, прислуживать мнѣ. Но чтобы онъ напился—это невозможно. Во первыхъ, онъ знаетъ, что, если напѣтся до неспособности править лошадьми, то я его брошу въ городѣ и уѣду одинъ, а вторыхъ, если, возвратясь домой, я скажу, что Ванька, поѣхавъ со мной въ городъ, тамъ напился, то всѣ остальные рабочіе подымутъ его на смѣхъ. Называйте этихъ людей пьяницами за то, что они въ покосъ пьютъ по четыре стакана водки—хотя я думаю, безъ такого количества водки трудно было бы переварить пироги съ творогомъ, щи съ солониной, кашу съ свинымъ саломъ—я спорить не буду; но я утверждаю, что съ такими пьяницами и жить можно, и хозяйство вести можно. Разумѣется, если хозяинъ кормитъ рабочихъ кое-какъ, или, еще того хуже, даетъ имъ отсыпное, если онъ не даетъ рабочимъ водки, если у него староста пьетъ, прислуга изъ бывшихъ дворовыхъ тоже пьетъ—тогда между рабочими можетъ развиваться пьянство, которое нанесетъ чувствительный ущербъ хозяйству.

Говорятъ, что рабочіе воры — и это вздоръ. У меня рабочіе никогда ничего не воруютъ, хотя въ числѣ ихъ есть одинъ, который шесть лѣтъ содержался въ острогѣ, и двое, которые выгнаны за воровство изъ другихъ хозяйствъ. Это отсутствіе воровства я не могу объяснить ничѣмъ инымъ, какъ строгимъ надзоромъ за хозяйствомъ, духомъ, господствующимъ въ моей артели рабочихъ, отсутствіемъ необходимости воровать, такъ какъ всѣ рабочіе на готовомъ содержаніи — главное же «духомъ, господствующимъ въ артели». «У насъ воровъ нѣтъ», «мы вора не потерпимъ», и вотъ случалось, что староста нанималъ работника, которому за воровство было отказано въ другомъ домѣ, и на мое замѣчаніе: «смотри, Сидоръ, чтобы онъ у насъ шапки не завелъ, вѣдь ему въ О... за воровство отказали», староста отвѣчалъ: «не извольте беспокоиться, у насъ воровать не станеть, не такое у насъ заведеніе». И дѣйствительно, у меня воров-

ства нѣтъ. Вотъ уже пять лѣтъ, что я хозяйничаю, а между тѣмъ, у меня никогда ничего не было украдено, не только своими, но даже чужими ворами, тогда какъ у сосѣдей то, слышимъ, лошадь украли, то хлѣбъ на полѣ обмотали; между тѣмъ, у меня нѣтъ даже спеціального сторожа—просто по очереди дежурить ночью одинъ изъ рабочихъ, а жалованье на сторожа выдается артели, которая и раздѣляетъ его дежурившимъ по ночамъ.

Говорятъ, что рабочіе, забравъ деньги, не исполняютъ условій. У меня подобнаго случая еще не разу не было. Вообще, я замѣтилъ, что мужикъ, если взялъ деньги, никогда отъ долга не отказывается и, если не отдаетъ долга или не исполняетъ работы, на которую обязался, то только по крайней невозможности уплатить или исполнить; при первой же возможности, разумѣется, если вы сами не упустите случая, онъ честно съ вами расплатится. У меня есть знакомый разнощикъ изъ сосѣдней деревни, который торгуетъ краснымъ товаромъ и развозитъ по деревнямъ ситцы, платки и разную необходимую для бабъ мелочь. Разумѣется, онъ распускаетъ свой товаръ въ долгъ — безъ этого и торговать нельзя — по мелочамъ, и всѣ бабы въ окологдѣ ему должны. Разнощикъ этотъ говорилъ мнѣ, что ему никогда не случалось, чтобы кто нибудь изъ крестьянъ отказывался отъ долга, и всѣ честно расплачиваются рано или поздно. Тоже самое я слышалъ и отъ одного помѣщика, ведущаго обширное хозяйство и распускающаго много хлѣба и денегъ въ долгъ.

Что касается неисполненія условій, забора лишннихъ денегъ и тому подобное, то и въ этомъ отношеніи у меня не было ни одного случая, и я въ теченіи 5 лѣтъ не имѣлъ ни одного дѣла подобнаго рода у мирового судьи. Я знаю одного помѣщика, ведущаго обширное хозяйство, который, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права, не имѣлъ ни одного дѣла ни у мировыхъ посредниковъ, ни у мировыхъ судей, хотя онъ ежегодно заключаетъ сотни условій, выдаетъ задатки и имѣетъ дѣло съ множествомъ рабочихъ разнаго рода. Я думаю, что въ этомъ отношеніи хозяева бываютъ болѣе виноваты, чѣмъ рабочіе, и что дѣла подобнаго рода происходятъ чаще всего отъ неопредѣленности условій, отъ излишней требовательности и неуступчивости самихъ хозяевъ, отъ безтолковаго веденія дѣла, неаккуратности въ платежахъ, невниманія къ положенію человѣка. Замѣчательно, что въ одной и той же мѣстности, у одного, другого, третьяго хозяина люди живутъ, исполняютъ договоры, не пьянствуютъ, не воруютъ, а у четвертаго никто не живетъ, договоры не исполняются и пр.

Иные никогда не приносятъ жалобъ мировымъ судьямъ, а отъ другихъ жалобы поступаютъ каждую недѣлю... Ясно, что тутъ виноваты сами хозяева. Здоровый ребенокъ не долженъ капризничать, а, если здоровыя дѣти капризничаютъ, то всегда виновата мать или воспитательница; у серьезной матери, любящей своихъ дѣтей, дѣти не капризничаютъ, а у безтолковой, да еще притомъ тяготящейся своими дѣтьми, только и слышны крикъ да слезы.

Что касается добросовѣстнаго исполненія работъ, то это—такой вопросъ, который рѣшать очень трудно, потому что нѣтъ мѣры для опредѣленія добросовѣстности въ работѣ. Нужно очень тонко понимать работу, нужно самому не только умѣть работать, но и, дѣйствительно, заправду работать, нужно близко знать людей, чтобы рѣшить, добросовѣстно ли работаютъ. Хозяину все кажется мало; ему все кажется, что можно было бы сдѣлать болѣе, еслибы люди не лѣнились и работали добросовѣстнѣе, а между тѣмъ, обыкновенно онъ и самъ не понимаетъ работы, самъ не знаетъ, что можно и чего нельзя сдѣлать. Не слѣдуетъ забывать, что наши хозяева сами никогда не работаютъ, никогда не работали и съ малолѣтства къ физическому труду не приготовлены; поэтому и мнѣнія ихъ о трудѣ рабочихъ, по меньшей мѣрѣ, односторонни. Я знаю, что наши работники для нашихъ климатическихъ, экономическихъ и прочихъ условий, незамѣнимы никакими другими... Впрочемъ, я уже говорилъ объ этомъ въ одномъ изъ моихъ писемъ.

Вторая любимая тема при разговорахъ о несостоятельности хозяйства, это — недостатокъ капиталовъ. Конечно, если нѣтъ оборотнаго капитала, если невозможно его добыть изъ самаго имѣнія, то и за хозяйство приниматься не стоитъ; но дѣйствительно ли нѣтъ капиталовъ? Положимъ, выкупныя свидѣтельства давно уже проѣдены или прохозяйничаны, но въ большинствѣ имѣній есть возможность найти оборотный капиталъ въ самомъ имѣніи: въ одномъ есть оброки, въ другомъ есть лѣса, которые можно продать, въ третьемъ есть отрѣзки, въ четвертомъ заливные дуга и т. п. Можно продать лѣсъ, можно продать часть земли, можно часть земли отдавать въ аренду и получать ренту, которую затрачивать въ хозяйство — вотъ и оборотный капиталъ. Такъ или иначе вывернуться можно. Подобно тому, какъ при всякихъ климатическихъ условіяхъ можно вести хозяйство, точно также его можно вести при всякихъ экономическихъ условіяхъ—стоитъ только выработать *правильную систему хозяйства*. Но, если система хозяй-

ства невѣрна, какой бы ни былъ у хозяина въ рукахъ капиталъ, все-таки дѣло будетъ идти въ убытокъ.

Не недостатокъ капиталовъ—капиталы сами собою нахлынуть, если дѣло выгодно — не качества рабочихъ причиною упадка нашего хозяйства, а несостоятельность самой системы хозяйства или, другими словами, несостоятельность самихъ хозяевъ, которые держатся старой рутины и не могутъ выработать новой системы.

Какой бы у васъ ни былъ капиталъ, не если ваше хозяйство поставлено такъ, что навозъ, вывозимый на десятину, стоитъ вамъ 150 рублей, а ржи вы получаете съ десятины 12 кулей на 84 рубля, то ясно, что вы будете въ убыткѣ и черезъ нѣсколько лѣтъ прохозяйничаете вашъ капиталъ подобно тому, какъ прохозяйничаны многіе капиталы.

Вся суть въ системѣ хозяйства, доведшей имѣнія до того состоянія, въ какомъ они теперь находятся.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛЮДИ.

Глава первая.

КУЛЬТУРНАЯ ТОСКА.

Я сидѣлъ дома, и, по обыкновенію, не зналъ, что съ собой дѣлать. Чего-то хотѣлось: не то конституцій, не то севрюжины съ хрѣномъ, не то кого-нибудь ободрать. Ободрать бы сначала хорошо, мелькнуло у меня въ головѣ; ободрать, да и въ сторону. Да по нынѣшнему—такъ, чтобъ ни истцовъ, ни отвѣтчиковъ — ничего. Такъ-моль, само собою случилось, поди, доискивайся! А потомъ, зарекомендовавши себя благонамѣреннымъ, можно и объ конституціяхъ, на досугѣ, помечтать.

Будеть ли при конституціяхъ казначей? — вотъ въ чемъ вопросъ. И вопросъ очень существенный, ежели принять въ соображеніе, что жизненные припасы съ каждымъ годомъ дѣлаются дороже и дороже, а потребности, благодаря развитію культурности, увеличиваются не подьямъ, а по часамъ. Чорта ли и въ конституціяхъ, ежели при нихъ должности казначея не полагаются! Ободрать... вотъ это—безподобно! Вотъ, при «Уложеніи о наказаніяхъ» нѣтъ казначея, поэтому оно ни для кого и не лестно.

Я—человѣкъ культурный, потому что служилъ въ кавалеріи. И еще потому, что заказываю платья у Шармера. И еще потому, что по субботамъ обѣдаю въ англійскомъ клубѣ. Приду въ пять часовъ, проберусь въ уголокъ на свое мѣсто и ѣмъ, по-

куда не захожусь. Прежде, бывало, я разговаривалъ, а нынче—только ѣмъ.

Нынче въ англійскомъ влугѣ чиновники преобладаютъ. Длинные, сухіе, прожженные. Шепчутся другъ съ другомъ, судьбы, по секрету, рѣшаютъ, а на лбу, между тѣмъ, написано: чего изволите? Настоящихъ культурныхъ людей, утробистыхъ, совсѣмъ мало стало, да и тѣ, которые остались, въ конецъ развратились. Ёдятъ разсѣянно, за чиновниками глазами безпокойно слѣдятъ, словно думаютъ: чтѣ-то они еще съ нами сдѣлаютъ? И глаза какіе-то подлые, ласковые у всѣхъ дѣлаются, когда съ ними какой-нибудь чиновный извергъ невзначай заговорить...

Говорятъ, будто утробистые люди частью въ Москву перебрались, частью у себя, по своимъ губернскимъ влугамъ, засѣли. Тамъ, будто бы, они не только ѣдятъ и пьютъ, но и разговариваютъ. Только объ губернаторахъ говорить не смѣютъ, потому что губернаторы строго за этимъ слѣдятъ. А о прочихъ предметахъ, какъ-то: объ игрѣ, о севрюжинѣ и даже о Наполеонѣ III—говори, сколько угодно. Говорятъ, былъ даже такой случай: одинъ утробистый взялъ да вдругъ, ни съ того, ни съ сего, и ляпнулъ: конституцій, говорить, желаю! Туда, сюда—къ счастью, губернаторъ зналъ, что малый-то выпить любитъ, стало быть, человекъ благонамѣренный.

— Пьянъ, старикъ, былъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство, заставьте Богу за себя молить!

— Ну, Богъ простить — ступай! Только впередъ, коли чувствуешь, что пьянъ, сейчасъ бѣги домой и спать ложись!

— Ради стараться, ваше превосходительство!

И, такимъ образомъ, вся эта исторія изморомъ кончилась. А будь-ка губернаторъ построже, да взгляни на дѣло съ точки зрѣнія «внутренней политики»—ну, и быть бы бычку на веревочкѣ! Фюнтъ!

Ужъ не удрать ли, въ самое дѣлѣ, въ губернской городъ Залупскъ? Хорошо тамъ. Утромъ всталъ, не торопясь, умылся, не торопясь, чаю напился—гляди-ко, ужъ двѣнадцать часовъ на дворѣ. Походилъ, посидѣлъ, покурить, посвисталъ, въ окошко поглядѣлъ: выкупныя-то свидѣтельства, кажется, еще не всё въ расходѣ? Завтракать подано! гудить сзади холопскій басъ. Позавтракалъ, опять походилъ, покурить — одурь взяла: эй, кто тамъ! тройку велѣтъ заложить! И—охъ! у—ахъ! Эхъ вы, соколяки!.. неподобно! Воротился — ха! да никакъ ужъ обѣдъ на столѣ! Въ комнатахъ тепло, свѣтло; щи, солонина съ хрѣномъ,

поросенокъ съ кашей... порусски! И, какъ только ложкой стукнулъ—сейчасъ и гость на порогѣ. Ежели настоящій человекъ не наклонился, такъ секретарь какой-нибудь забѣжалъ. И все-то онъ тебѣ расскажетъ: кто кому рукой плюху далъ, кто кого калошей по лицу смазалъ. Заслушаешься и не заметишь, какъ на часахъ девять пробьетъ. Въ клубъ, сударь, въ клубъ! А тамъ ужъ всѣ въ сборѣ и всѣ объ давшинихъ плюхахъ рассказываютъ. И одинъ по одному — въ буфетъ да въ буфетъ. Постепенно да постепенно—и вдругъ... конституція! А что-жъ такое, что конституція! Коли ты пьянъ да благонамѣренъ — Христосъ съ тобой! Ступай домой, ложись спать—сномъ все пройдетъ.

Ахъ, хорошо!

Хорошо-то, хорошо, да полно, такъ ли? Было такое времячко у насъ въ Залупскѣ, было—да не прошло ли оно? Не даромъ мой другъ, капитанъ Копейкинъ, пишетъ: «не ѣзди въ Залупскѣ! у насъ, братъ, столько теперь поджарыхъ да прожженныхъ развелось—весь нашъ культурный клубъ испавостили!» Дѣ; развелись-таки и тамъ. Ищутъ, нюхаютъ, законы подводятъ. Въ преферансъ съ тобой играютъ и черезъ часъ у тебя же въ квартирѣ поличнаго ищутъ. И въ клубы заползли: сперва одинъ, за нимъ другой, а потомъ, глядишь, и въ старшины попадать начали. Брякни-ка при немъ: «конституція!» а онъ тебѣ: вы кажется, существующей формой правленія недовольны?.. А мнѣ что! Форма правленія—эка невидаль! Я такъ... самъ по себѣ... проваливай, братъ, проваливай!

То-то? проваливай! Языкъ-то храбръ, коли заочно, а какъ до дѣла дойдетъ—пожалуй, онъ и не всякое слово выговорить. Иное вѣдь слово прямо къ отягченію служить — попробуй-ка, выговори его! Да коли при этомъ ты еще не пьешь, да на дурномъ счету состоишь, сколько тебѣ, ради этого слова, слезъ потомъ пролить нужно будетъ, чтобъ прощенье себѣ испросить!

И надо сознаться, что во всемъ мы сами, утробистые, виноваты. Еще въ то время, когда «прожженные» только-что нарождаться въ губерніяхъ стали—тогда надо было мѣры принимать. Явился прожженный—и съ Богомъ! Живите, сколько васъ есть, промежду себя. Играйте другъ съ другомъ въ преферансъ, ѣзьте другъ къ другу въ гости, угощайтесь, упивайтесь, прелюбодѣйствуйте! Но въ нашъ культурный клубъ—ни-ни! Валий, братцы, имъ черняковъ, чтобъ впередъ не повадно было! И жили бы прожженные особнякомъ, словно прокаженные..:

Дѣ, нынче утробистый человекъ гляди въ оба, несмотря на то, что ему благосклонно присвоено названіе культурнаго. При-

шелъ ты въ клубъ—проходи бокомъ, не задѣй бы вотъ этихъ двухъ вырожденъ, которые, по секрету, объ тебѣ между собой сужденіе имѣютъ. Ты его задѣнешь, а онъ тебя смягчающихъ обстоятельствъ лишитъ. Сторонись же, иди бокомъ къ буфету, пей молча водку и молча закусывай, потому что, ежели ты разинешь ротъ — это можетъ вонъ тѣхъ двухъ вырожденъ оскорбить, которые, тоже по секрету, разсуждаютъ, какому роду истребленія тебя подвергнуть! И, такимъ образомъ, никого не задѣвши, садись, засучивай рукава и ѣшь. Ёшь молча, и когда ѣда начнетъ одолевать тебя, то прилично вздыхай.

Много виноваты утробистые люди въ печальной судьбѣ своей, но, съ другой стороны, нельзя и осуждать ихъ строго. Прожженные люди, именно какъ внутренностные паразиты, проползли въ самое нутро культурныхъ людей. Я помню, какъ въ первый разъ къ намъ въ Залуцкѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ явился. Все благосклонности просилъ, всю надежду на земскую культурную силу полагалъ, да и объ конституціяхъ самъ же первый заговорилъ. Да еще какъ заговорилъ-то! Съ хохотомъ, съ визгомъ, со свистомъ, со слюною... Въ лицахъ форму правленія представлялъ, пѣсни скоромныя пѣлъ, брудершафты предлагалъ! Ну, культурный человѣкъ и смякъ. Видить, что малый разухабистый: и сплясать, и слѣть, и соврать—на все первый сортъ. «Милости просимъ! прошу покорно! запросто! отобѣдать! да вечеромъ... къ женѣ! Да въ клубъ, ваше превосходительство, въ клубъ!» Ну, и пустили козла въ огородъ. А Солитеръ, между тѣмъ, не будь просто, послужилъ-послужилъ, да и цапъ-царапъ! «Вы, кажется, формой правленія недовольны?» Ахъ, прахъ-те побери! Я такъ... самъ по себѣ... а онъ: форма правленія!

А жены наши еще больше виноваты. Легкомысленны наши жены, ахъ, какъ легкомысленны! Прожженные такъ и вьются около нихъ, такъ и шепчуть, и шепчуть. У иной отъ этого шопота и грудочка поднимается, и глазки искрятся, и личико полыхнетъ пышетъ.—Ты что-жь, душенька, мсьѣ Солитера къ намъ не пригласишь?—Солитера! ахъ, сдѣлайте милость! Господинъ Солитеръ! милости просимъ! запросто! Отобѣдать! вечеромъ... къ женѣ!

Нѣтъ, совсѣмъ у нынѣшнихъ культурныхъ людей ни *esprit de corps*, ни *esprit de conduite* нѣтъ. А прежнихъ утробистыхъ представителей культуры, съ жирными кадывами и пространными затылками, которые, завязавшись по горло салфеткой, ѣли и «независимо» сквернословили—нѣтъ и въ поминѣ. Бывало, себе-

рутся въ каре вокругъ своихъ вольностей (такъ, встарину, крѣпостное право называлось), да уставятся лбами—пушками ихъ не прошибешь! А нынче, какой-нибудь дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ—и тотъ все въ одинъ моментъ развратилъ. Женъ и дѣвъ перепортилъ, птенцовъ расточилъ, старца — показалъ фигу...

Поэтому, нынѣшній культурный человѣкъ объ вольностяхъ уже не думаетъ, а либо на теплыхъ водахъ удраля, либо самъ въ «Солитеры» наровить. Только и слышишь окрестъ: да отчего же не довѣряютъ намъ? да попробовали бы! да насъ только помани! да мы... Что-жь, если у васъ такая охота есть—рапортуйте, любезные, рапортуйте!

Фу, подлость! Живешь-живешь—и все на положеніи грудного ребенка находишься! Мнѣ вотъ пятьдесятъ лѣтъ, а я даже объ конституціяхъ въ волю наговориться не могу! Развѣ я что-нибудь говорю! Перемѣнить, что ли, я что-нибудь хочу! Да мнѣ—Христосъ съ вами! Я такъ... самъ по себѣ... разговариваю...

Хочешь сказать ему, этому Солитеру долговазому: да вы что, въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь! да я самъ дворянинъ! я въ кавалеріи, государь мой, служилъ! И хотя въ походахъ не бывалъ, но на походномъ положеніи, и даже въ лагеряхъ... да-съ! Хочешь сказать все это—и молчишь. Потому что всюду, во всѣ клубы, во всѣ щели клубовъ—ездѣ Солитеры наползли и вездѣ согладатайствуютъ. Смотрятъ и улыбаются, словно вотъ говорить: ты думаешь, мы и не знаемъ, что у тебя въ затылкѣ шевелится? Все, мой другъ, знаемъ, и при случаѣ...

Вотъ это-то «при случаѣ» и сбиваетъ культурную спишь. Такъ оно ясно, не смотря на вѣдѣнную таинственность, что даже клубные лакеи — и тѣ понимаютъ. Прежде, бывало — кому первый кусъ? Ему, культурному человѣку, тому, кому и по всѣмъ утробнымъ правамъ онъ слѣдуетъ. А нынче на культурнаго человѣка и смотрѣть не хотятъ — прямо ему, дѣйствительному статскому совѣтнику Солитеру, несуть. Ну, и опѣшили культурные люди.—Позвольте, я вашему превосходительству рапортовать буду? — Рапортуй, братецъ, рапортуй!

Подлость, подлость и подлость! Скоро мы и не то услышимъ. У меня, ваше превосходительство, сынъ превратными идеями занимается — не прикажете ли его подкузывать? отрапортуетъ культурный человѣкъ... фу, мерзость!

Да, плохъ, ты, культурный человѣкъ! совсѣмъ никуда не годишься! Никто съ тобой не разговариваетъ, вездѣ тебя обносятъ, женѣ твоей подлости въ уши нашептываетъ... скучно, другъ! И

дома у тебя тоска, и въ клубахъ твоихъ тоска, а въ собраніяхъ твоихъ (бывшихъ палладіумахъ твоихъ вольностей)—жгучее, надрывающее заустѣніе царствуетъ. Не метено, не чищено, сыро, грязно... рапортуй, мой другъ, рапортуй!

И именно съ тѣхъ поръ ты и смякъ, какъ тебя культурнымъ человѣкомъ назвали. Культурность обязываетъ. Теперь и ты, и дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ—вы оба одно дѣло дѣлаете. Онъ дѣйствуетъ, а ты содѣйствуешь. А ты думалъ—какъ? Ты, можетъ быть, думалъ, что Солитеръ станетъ распинаться да душу за общество полагать, а ты будешь лежать да благороднымъ манеромъ въ потолокъ плевать? Такъ разувѣрься, голубчикъ! Это въ тѣ времена такіе порядки были, когда ты еще чистосовнымъ назывался, а теперь шалишь!—теперь ты культурный человѣкъ сталъ! Солитеръ будетъ дѣйствовать, а ты—содѣйствуй! Рапортуй, братецъ, рапортуй!

И, за всѣмъ тѣмъ, никогда нѣто въ дѣломъ мірѣ такъ не тосковалъ, какъ тоскуемъ мы, представители русской культуры. Мы чувствуемъ, что жизнь уходитъ отъ насъ, и, хотя дѣпляемся за нее при пособіи «содѣйствія», но все-таки не можемъ не сознавать, что это—совсѣмъ не та жизнь, которой бы мы, по культурности своей, заслуживали. Хотя предки наши назывались только чистосовными, но они многого не понимали изъ тѣхъ подлостей, которыя намъ, какъ свои пять пальцевъ, извѣстны.

И я увѣренъ, что въ большинствѣ ихъ, такіа, напримѣръ, слова какъ «содѣйствовать», «рапортовать»—вызвали бы только недоумѣніе. Мой прадѣдъ, еслибъ при немъ употребили эти выраженія, навѣрное, воскликнулъ бы: «Я, ваше превосходительство—государю моему вѣрный слуга, но не лакей-съ? Даже отецъ мой—и тотъ бы отвѣтилъ: «я самъ заблуждался-съ! и, хотя принесъ въ томъ чистосердечное раскаяніе, но не содѣйствовалъ.. нѣтъ, не содѣйствовалъ...» И всѣ они почувствовали бы себя оскорбленными и будировали бы... Конечно, будировали бы до тѣхъ поръ, пока имъ Станислава на лѣю не прислали бы. Но не за содѣйствіе-съ! а за благородно-вѣрный порывъ чувствъ-съ!

А я, правнукъ, внукъ и сынъ—что я скажу? Я могу сказать только, что я—культурный человѣкъ и что въ этомъ качествѣ не имѣю возможности даже «чистосердечнаго раскаянья въ томъ принести». Ибо я даже и не заблуждался никогда—нѣтъ, никогда! Ни заблужденій, ни истины, ни превратныхъ идей, ни идей благонамѣренныхъ—ничего я не знаю! Стало быть, я могу только содѣйствовать—вотъ моя специальность; не дѣлать, не производить, не распоряжаться, а только содѣйствовать. Вотъ

почему многие, боясь увлечься этой специальностью, бѣгутъ на теплыя воды и тамъ влчатъ остатки культурнаго существованія.

Но однажды меня интриговала мысль, какимъ это образомъ русскій культурный человѣкъ вдругъ словно изъ земли выросъ? Все были чистопсовые, а теперь культурными сдѣлались. И даже заслуги особенныя выдумали, которыя объ культурности несомнѣнно свидѣлствуютъ. Я, говорить, изъ тарелки ѣмъ, а Иванъ мой изъ плошки; я салфеткой утираюсь, а Иванъ—стекломъ. Вотъ почему я и называюсь культурнымъ человѣкомъ!

Но едва я притрогивался къ вопросу: дѣйствительно ли ѣда изъ тарелки, а не изъ плошки, составляетъ непрерываемый призракъ культурности? какъ предо мной вставалъ другой вопросъ: да неужто это можетъ кого-нибудь интересовать? и убудетъ ли отъ того хоть сколько-нибудь той безконечной тоски, которая день и ночь гложетъ культурнаго человѣка, не смотря на то, что онъ ѣстъ изъ тарелки, а не изъ плошки?

Тоска, тоска и тоска! Съ какимъ-то отчаяніемъ обращаешься къ прошлому: прошлое! прошлое! воротись! И знаешь, что попусту надрываешься, и все-таки кричишь: воротись! воротись! воротись!

Сознавать себя культурнымъ человѣкомъ и, въ тоже время, не знать, куда дѣваться съ этою культурностью—вотъ истинно трагическое положеніе! Ну, что я съ собой предприму? Куда, куда я пойду... ну, хоть сегодня вечеромъ? Все, что можно было, въ предѣлахъ русской культурности, видѣть и совершить—все это я уже видѣлъ и совершилъ. Жюдикъ—видѣлъ, Шнейдершу—видѣлъ, у Елисеева и на биржѣ, и на Невскомъ—былъ. Повторять тоже самое—ну, просто противно, да и все тутъ. Видѣть и для культурности есть предѣлы, за которыми даже право «содѣйствія» становится безсильнымъ оживить человѣка. А между тѣмъ, ни смерть, ни болѣзнь—ничто насъ не беретъ; жить, жить надо, не потому, чтобы хотѣлъ жить, а потому что встала у тебя жизнь на дорогѣ, и, какъ ты ей ни кричи: сторонись!—она все стойтъ да подманиваетъ. Встанешь утромъ и глядишь испуганными глазами въ лицо грядущему дню. А въ человѣкѣ такъ и стучитъ: чѣмъ? ну, чѣмъ наполню я его?

И такъ, я сидѣлъ дома и не зналъ, что дѣлать съ собою. Впереди предстояло одно изъ двухъ: или въ балаганы идти, или въ тайное юридическое общество проникнуть, и послушать, какъ разрѣшается вопросъ о правахъ седьмой воды на киселѣ на наслѣдованіе послѣ единокровныхъ и единоутробныхъ?

— Господи! да видѣ это—отрава! вырвался изъ груди моей вопль.

Глава вторая.

Продолженіе тоски и появленіе Прокопа.

Дѣло было въ половинѣ апрѣля, какъ разъ въ свѣтлый праздникъ. Я смотрѣлъ изъ окошка на улицу и любовался на историческую сумятицу, происходившую въ природѣ. Воздухъ былъ наполненъ неизобразимымъ мельканіемъ: густая бѣлесоватая каша кружилась и металась передъ глазами, отдѣляя изъ себя крупныя-крупныя снѣжинки, мокрѣя, разорванныя, которыя тяжело шлепались объ оконныя стекла. На наружныхъ подоконникахъ уже образовались порядочныя груды бѣлой массы, рыхлой и источенной, какъ тающій сахаръ; мостовая, два часа тому назадъ сѣрая, начинала бѣлѣть; темныя ряды домовъ, мокрыхъ, ослизлыхъ, загадочно глядѣли, съвозъ снѣжную сѣть, своими безчисленными черными окнами, словно тысячами потухшихъ глазъ. Небо давило, и, не смотря на первый часъ дня, больше и больше заволокало городъ ранними сумерками. Но улица, на перекорѣ стихіямъ, все еще усиливалась удержатъ праздничную физиономію. Стрѣлой мчались щегольскія кареты, унося захваченныхъ въ нихъ звѣздоносцевъ: между ними мелкой рысью сновали извоицѣи пролетѣи, съ скрюченными подѣ зонтиками чиновниками; на тротуарахъ, дворники и мастеровыя христосовались съ бабами въ душегрѣйкахъ. Но вотъ, наконецъ, ударилъ такой снѣжный ливень, что вдругъ праздничный гулъ смолкъ. Улица опустѣла какъ бы волшебствомъ; еще разъ взвизгнула дверь въ кабаѣ напротивъ и захлопнулась; даже ликующіе столоначальники—и тѣ куда-то пропали.

Я стоялъ у окна и припоминалъ. Было время, когда и я въ этотъ день метался по улицамъ. Приѣдешь, бывало, въ одинъ домъ, подарить швейцару цѣлковый, распинешься и, что есть мочи, снѣшишь въ другой домъ, гдѣ тоже подарить цѣлковый и распинешься. Да въ мундирѣ, сударь, въ мундирѣ! Встрѣтишь,

бывало, на улицѣ такого же поздравителя, остановишь, выпучишь глаза:

— Были?

И онъ тоже выпучить глаза:

— Былъ, а вы были?

— Былъ.

И летишь дальше.

А нынче, вотъ, сижу дома и глазами хлопаю. Извощика, покажу, и не мудрость нанять, да ѣхать-то нѣкуда. Нѣкуда и нѣ зачѣмъ.

Прежде, я потому ѣздилъ, что было у меня такое убѣжденіе: въ Петербургѣ поздравлю, за то въ своемъ мѣстѣ наверстаю. Я даже нарочно въ Петербургѣ періодически появлялся, чтобъ претерпѣть и впоследствии навестать. Мерзокъ я былъ, низкопоклоненъ, податливъ—это такъ; но, по крайней мѣрѣ, я зналъ, что у меня есть совершенно реальный стимулъ (возможность навестыванія), который двигаетъ моими дѣйствіями. Впоследствии, обстоятельства заставили меня сознать, что это былъ стимулъ фальшивый — прекрасно! Я понялъ это и, волею или неволею, отказался отъ идеаловъ навестыванія, которые обуревали меня въ бывалое время. Но почему же, оставивъ прежде стимулы, я не усвоилъ себѣ новыхъ? Для чего я остался жить? для того ли только, чтобъ представлять собой обрачикъ отечественной культурности—велика нѣвидалы!

Я знаю, что, ѣзди я или не ѣзди, поздравляй или не поздравляй — я все-таки ничего не навестаю, потому что навестать нѣгдѣ. Хотя же дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ и показываетъ мнѣ вдали какія-то перспективы, но, право, мнѣ кажется, что онъ и самъ не сознаётъ, въ чемъ эти перспективы заключаются. Слѣдуй, говорить, по моимъ указаніямъ, а куда слѣдуй—и самъ порядкомъ растолковать не можетъ. Эхъ, брать! у самого-то у тебя яичница въ головѣ, а тоже другихъ за собой приглашаешь!

Да ежели бы онъ и могъ доподлинно разъяснить, куда и какъ нужно слѣдовать—развѣ я могу *туда* идти? Да и не только *туда*—просто никуда я идти не могу. Все, все для меня заперто. По судебной части, я истца отъ отвѣтчика отличить не могу—чьи же я интересы защищать или опровергать буду? По части народнаго просвѣщенія, я не знаю, кто кого кормить,

волчица ли Ромула, или Ромулъ волчицу—какъ же я на экзаменахъ баллы ставить буду?...

И откуда нынче такіе дѣйствительные статскіе совѣтники развелись, которые настоящаго не даютъ, а все перспективы показывають! И прежде бывало не мало дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ—но какая разница! Назывались они не Солитерами, а Довгочунами, Федоровыми, Ивановыми, Семеновыми, пили, ѣли, по гостямъ ѣздили, и сами балы дѣлали и откупщиковь балы заставляли дѣлать, играли въ клубахъ въ карты и въ свободное отъ занятій время писали: утверждаю, утверждаю, утверждаю. А Солитеръ пишетъ: раззоряю, раззоряю, раззоряю!..

И ничего. Роззоряетъ—но не созидаетъ, расточаетъ—и самъ стоять невредимъ; развращаетъ—и состоитъ членомъ общества распространенія нравственности. Кто эту тайну пойметъ?

Есть одинъ ресурсъ, который выручаетъ его. Это—лганье и показываніе фальшивыхъ перспективъ. Онъ жетъ неуставаючи, жетъ, какъ рязанскій дворянинъ, когда начинаетъ рассказывать, какіе у него въ оранжереяхъ персики при крѣпостномъ правѣ росли. Недавняя чистопсовость и до сихъ поръ выступаетъ наружу въ немъ. Онъ жетъ и самъ нагло прислушивается къ своему лганью. И вѣрить. Вѣрить, что со всей тройкой и съ экипажемъ въ одну прорубь провалился, а черезъ двадцать верстъ, на тѣхъ же лошадахъ и въ томъ же экипажѣ, изъ другой проруби выскочилъ.

И многіе до сихъ поръ вѣрятъ показываемымъ имъ перспективамъ. Я убѣжденъ, что Прокопъ, напримѣръ, даже въ эту минуту мечется, какъ озаренный, и все поздравляетъ, все поздравляетъ. И все потому, что думаетъ: приѣду домой, тамъ наверстаю! И такъ, съ незапамятныхъ временъ, изъ года въ годъ, у него ведется: чѣмъ больше получаетъ кукишей, тѣмъ больше надѣется, тѣмъ шибче поздравляетъ.

Уже недѣлю тому назадъ, я прочиталъ въ газетахъ, что онъ въ Петербургъ прибылъ — а ко мнѣ до сихъ поръ ни ногой. Вмѣстѣ Шнейдершу слушали, вмѣстѣ въ географическомъ конгрессѣ засѣдали, наконецъ, вмѣстѣ въ сумасшедшемъ домѣ сидѣли—и вотъ! Чай, все перспективы высматриваетъ, связи поддерживаетъ, со швейцарами да съ камердинерами табаки разнюхиваетъ! Чай, когда изъ Залупска ѣхалъ—хвастался тоже: я, молъ, въ Петербургѣ объ залупскихъ нуждахъ буду разговаривать! Разговаривай, мой другъ, разговаривай... съ швейцарами!

Кому интересны залупскія нужды, культурныя и некультур-

ныя? Вотъ кабы ты сообщилъ секретъ, какъ къ празднику нѣчто заполучить, или какъ такому-то ножеу, ради высоторжественнаго дня, подставить—ну, тогда бы мы тебя послушали. А то: залупскія нужды!—ишь съ чѣмъ подѣхалъ! Есть у васъ въ Залупскѣ Солитеръ—и будетъ съ васъ. Онъ васъ разберетъ: и стравить другъ съ другомъ, и помирить, если ему вздумается. Zaloupski! qu'est ce que c'est que Zaloupsk?

И вотъ, ради бесплодныхъ разговоровъ съ швейцарами, Прокопъ даже объ старомъ собутыльникѣ позабылъ. Это ли не черта русской культурности! Сегодня пріятель, а завтра разрѣшилъ ему Солитеръ за каблукъ своего сапога подержаться—онъ ужъ отъ вчерашнихъ друзей рыло воротить. Я, говорить, нынче, наверху, у самаго каблука его превосходительства стою—сверхуто мнѣ перспективы виднѣе!

Мнѣ сдѣлалось и досадно, и жалко. Милый Прокопъ! Глупъ-глупъ, а культурность свою очень тонко понимаетъ. У меня, говорить, въ деревнѣ и зальце въ домикѣ есть, и палисадничекъ, и посуда, и серебро, и сплю я на матрацѣ, а не на войлокѣ—сейчасъ видно, что культурный человекъ живетъ! А мужикъ—что! намѣднись, у насъ на селѣ у крестьянина мальчика тараканы носъ выѣли, а у меня, братъ, тараканы только на кухнѣ живутъ! Милый, милый Прокопъ! какъ сейчасъ вижу, какъ онъ въ Залупскѣ въ клубѣ, завязавшись салфеткой (неопрятенъ онъ, когда ѣсть) сидитъ: бужанины кусокъ проглотить и слово скажетъ, еще кусокъ бужанины проглотить и еще слово скажетъ. И слова все такіа милыя: течетъ что-то, плыветъ, барахтается—и не зацѣпишь. И вотъ этотъ-то человекъ, у котораго тараканы только въ кухнѣ живутъ—поздравляетъ, подличаетъ, съ швейцарами по душѣ калякаетъ! И даже, когда запросто въ клубѣ сидитъ—ѣсть, а однимъ глазкомъ въ сосѣднюю комнату заглядываетъ! Тамъ, въ этой комнатѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Солитеръ съ статскимъ совѣтникомъ Глистомъ, по секрету, совѣщаются, а титулярный совѣтникъ Трихина такъ и кружится, такъ и выплясываетъ передъ ними. И жутко Прокопу, и любопытство одолеваетъ. «Ужъ отъ Трихины все вывѣдаю!» думаетъ онъ про себя. И дѣйствительно, какъ только Трихина показался въ дверяхъ, весь пропитанный Солитеровыми инструкціями, такъ по столовой ужъ и раздается зыкъ Прокопа: человекъ! шампанскаго!

И для чего онъ кланяется и поздравляетъ? для чего вывѣдываетъ? Спросите его—онъ и самъ внятно не отвѣтитъ на этотъ вопросъ. «Подличить, скажетъ, я не подличаю, это ты врешь, а все-таки»... И такъ-таки и упрется на этомъ «все-та-

ки», какъ будто и Богъ вѣсть какую оно мудрость въ себѣ заключаетъ...

И мнѣ вдругъ такъ загорѣлось видѣть Прокопа, до того захотѣлось на затылокъ его порадоваться, что, не успѣвъ я какъ слѣдуетъ формулировать мое желаніе, какъ въ дверяхъ раздался звонокъ, и Прокопъ собственной персоной предсталъ передо мной.

Онъ былъ въ культурномъ мундирѣ и въ культурныхъ бѣлыхъ штанахъ; лицо его, напоминавшее морду красивѣйшаго изъ мопсовъ, выражало сильнѣйшее утомленіе; щеки одрабли, подъ глазами образовались темные круги; животь колыхался, ноги тряслись.

— Откуда, голубчикъ? поздравляль?

— Разумѣется, поздравляль. Вотъ ты такъ и день-то нынче какой, чай, позабылъ? Христось воскресъ!

Мы перецѣловались. .

— У заутрени былъ?

— По обыкновенію, мой другъ, по обыкновенію.

— То-то. Въ этакій день вольныя-то идеи оставить надо.

Прокопъ усѣлся противъ камина и протянулъ ноги чуть не въ самый огонь.

— Скинуть бы ты съ себя форму-то, предложилъ я:— вмѣстѣ позавтракали бы. А какое у меня вино! по случаю... краденное!

— Это, братъ, только хвастаются, что краденное, а попробуй—опивки простыя. Нѣтъ, завтракать мнѣ некогда, еще въ двадцати мѣстахъ росписаться нужно, а ты вотъ чтò: вели рюмку водки подать—спасибо скажу!

Принесли водки и балнеа. Прокопъ потянулся, выпилъ и нѣкоторое время стоялъ съ разинутымъ ртомъ, словно вода обожгла ему нѣбо. Не знаю почему ему показалось, что я въ него всматриваюсь.

— Ты чтò на меня смотришь? узоры, чтò ли, на мнѣ написаны?

— Помилуй, мой другъ! я радъ тебя видѣть—и только.

— А радъ—такъ и слава Богу. Измучился, братъ, я. Погодища нынче—страсть! Ыздиль-ыздиль, штаны-то бѣлыя, замарать боишься—ну, и сидишь распахнувшись, какъ на выставѣ. Да на грѣхъ, еще происшествіе нынче въ одномъ мѣстѣ случилось... препоганое!

— Чтò же такое?

— Да пріѣхалъ я къ особѣ одной—ну, росписался. Только вижу, что тутъ же, въ швейцарской, и камердинерь особы стоять—

и угоразди меня нелегкая въ разговоръ съ нимъ вступить. То да сѣ: рано ли его сѣятельство встаетъ? въ которомъ часу государственными дѣлами заниматься садится? кто къ нему первый съ докладомъ приходитъ? не слышно ли, мѣстовъ гдѣ нибудь не открывається ли? Только разговариваемъ мы такимъ манеромъ, и вдругъ, братецъ, я вижу: вынимаетъ онъ изъ кармана круглую прекруглую табатерчицу, снимаетъ крышку да ко мнѣ... Это, говорю, чтѣ?— Нюхните-ка, говорить. «Да ты, говорю, свинья, кажется, позабылъ?..»

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и брякнулъ. Я, братъ—прямикъ! не люблю вокругъ да около ходить! По мнѣ, боги свинья—такъ свинья!

— Такъ-то—такъ, а все-таки неосторожно ты поступилъ. Горяченекъ ты, братъ, справляться съ собой не можешь!

Проконъ струсилъ; казалось, онъ только теперь понялъ всю неключимость своего поступка.

— Тебѣ чтѣ нужно? продолжалъ я:—тебѣ нужно Солитеру ножку подставить, да самому на его мѣсто всочить? Слѣдовательно, такъ ты и долженъ поступать. Знаешь, что камердинеръ можетъ словечко замолвить—стало быть, и долженъ ты съ нимъ ласковенько: табачку, водочки... Я, на твоемъ мѣстѣ, даже въ себѣ бы его пригласилъ! А теперь онъ тебѣ мстить будетъ.

Проконъ стоялъ, вытаращивши глаза; вилка, устремленная по направленію къ балку, такъ и застыла въ его рукѣ.

— Я, братъ, и самъ объ этомъ ужъ думалъ, наконецъ, промолвилъ онъ.

— Непремѣнно будетъ мстить. Вотъ сегодня же вечеромъ, какъ станетъ съ его сѣятельства сапоги снимать, и скажетъ ему: былъ давеча такой-то, не нравится онъ мнѣ, невѣжей смотреть! А завтра ты явишься къ его сѣятельству; его сѣятельство посмотритъ на тебя да и подумаетъ: а кто, бишь, мнѣ сказывалъ, что этотъ человекъ—невѣжа? какой, въ самомъ дѣлѣ, грубиянъ!

— А чтѣ ты думаешь! вѣдь это, пожалуй, и вправду такъ будетъ! Они, эти хамы...

— Вѣрно говорю. Эти камердинеры да истопники... ахъ, какъ съ ними надо, мой другъ, осторожно! Самый это ехидный народъ! Солитеръ-то, ты думаешь, какъ пролѣзъ?

— Ну, Солитеръ и такъ, самъ собой... На то онъ и солитеръ!

— Нѣтъ, онъ сперва въ камердинера влѣзъ, а потомъ ужъ и...

— Ну, такъ прощай! я бѣгу!

*

— Да погоди! сейчас ужь и бѣжать! Разказалъ бы, по крайней мѣрѣ, что у васъ дѣлается?

— Нѣкогда, нѣкогда — чему у насъ дѣлаться! Солитерь... Я, было, посплетничать на него прѣхалъ, да вотъ приключеніе это... завтра пріемъ мнѣ былъ назначенъ, а теперь, пожалуй, и не выслушаетъ!

Прокопъ заторопился, подтянулся, вытянулъ ногу, на сапоги взглянулъ, посмотрѣлся въ зеркало, пылинку съ носа смахнулъ, шпагу поправилъ и ужь совсѣмъ на ходу закинулъ мнѣ:

— Я, братъ, съ женой и съ дочерью здѣсь. Въ Гранд-отелѣ стоимъ. За границу ѣхать собираемъ.

— Какъ! И Надежда Лаврентьевна здѣсь! и ты ничего не говоришь!

— Ну, что тутъ! не увидалъ какая! Приходи ужь вечеромъ — посидимъ!

Онъ рысгой направился въ переднюю, накиннулъ тамъ на себя шинель и вдругъ опять встревожился.

— Какъ ты думаешь? спросилъ онъ меня:—ему... хаму этому... трехъ цѣлковенькихъ довольно будетъ?

— Дай, братъ, десятирублеву! посоветовалъ я:—надо воображеніе ему поразить. Потому что хамы эти...

— Ну, ладно, ладно. Такъ ужь вечеромъ. Кстати, а и разкажу, чѣмъ у насъ съ нимъ кончится. Жена, признаться, давно къ тебѣ посылаетъ—съ недѣлю мы ужь здѣсь—да вотъ все происшествія эти...

Онъ исчезъ въ дверяхъ, а я остался опять одинъ съ своею тоскою. Я началъ резюмировать разговоръ, который мы сейчасъ вели—и вдругъ покраснѣлъ. Что я такое сейчасъ говорилъ? какіе такіе совѣты на счетъ десятирублевой бумажки подавалъ? мучительно спрашивалъ я себя. Господи! да неужто-жь холопство имѣетъ такую втягивающую силу!

Вотъ я, наприимѣръ, повидимому, кажется, совсѣмъ позабылъ. Ни мундира у меня культурнаго нѣтъ (старый изнасился, нового не шилъ), ни поздравлять я не ѣзжу—такъ, самъ по себѣ, «независимо» глазами хлопаю! А увидѣлъ человѣка съ краснымъ оковышемъ на головѣ—и не вытерпѣлъ! Такъ и лѣзетъ оно, такъ и претъ изъ тебя это проклятое холопство, при первомъ удобномъ случаѣ! И рожа погано ослабляется, и языкъ петлей складывается, какъ только начнутъ объ швейцарахъ да объ каммердинерахъ разговаривать. Не явился Прокопъ, не начини онъ этого разговора, сидѣлъ бы я себѣ да проявлялъ бы граждо, въ окошко гляючи! А теперь, поди вотъ,

какой грѣхъ случился—даже на языкѣ холопская слизь чувствуется—фу, мерзость!

Вотъ нынче, во Франціи, дѣлая школа беллетристовъ-психологовъ народилась—ништо имъ. У нихъ психологія французская, неспутанная—ври себѣ припѣваючи! Нѣтъ, попробоваль бы ты, господинъ Гонкуръ, вотъ сквозь этотъ психологическій лѣсъ продраться, который у Провопа въ головѣ засѣлъ! Ему, по настоящему, и до самого его сіятельства горя мало, а онъ съ лакеями объ «внутренней политикѣ» валякаетъ, да еще грубитъ имъ... лакеямъ-то! Да и я тутъ же, за компанію, ему вторю: отомстить *онъ* тебѣ! не три, а десять рубликовъ ему надо дать! Сказаль это—и ничего! даже не почувствовалъ, что у меня отъ языка воняетъ! Спрашивается: какое можетъ быть спѣшеніе идей, когда такія вещи говоришь? И какова должна быть психологія, которая доставляетъ матеріаль для подобныхъ разговоровъ? Вотъ кабы ты, господинъ Зола, поприсутствовалъ при этихъ разговорахъ—можетъ быть, и пональ бы, что самое наглое психологическое лганье, которое не снилось ни тебѣ, ни братьямъ Гонкурамъ, ниже прокурорамъ и адвокатамъ (прокурорамъ—разумѣется, французскимъ, а адвокатамъ—всѣмъ вообще), должно встать въ тупикъ передъ этой психологической непроходимостью.

И въ то самое время, какъ я все это думаль, вдругъ, вслѣдствіе такого же необъяснимаго психологическаго переворота, въ головѣ моей блеснуло: а вѣдь Прокопъ за границу ѣдетъ—не примазаться ли и мнѣ съ нимъ?

Сейчасъ обвиняль Провопа въ холопствѣ, сейчасъ на самого себя негодовалъ, что никакъ не могу пропустить случая, чтобъ не похолопствовать—и вотъ опять къ Прокопу льну! знаю я, что Прокопъ, вмѣстѣ съ своей персоной, весь Залупскъ Европѣ покажетъ; знаю, что онъ повезетъ за границу Залупскъ и въ своемъ платьѣ, и въ покроѣ своего затылка и брюха, и въ тѣхъ рѣчахъ, которыми онъ будетъ за табльдотами щеголять; знаю все это и все-таки льну. Такъ и стремлюсь залупскіе запахи обонять, залупскому вятному бормотанью внимать. И вмѣстѣ со мной будутъ внимать этому бормотанью и Средиземное Море, и сѣрыя скалы, которыя висятся вдоль его береговъ, словно сторожать лазурное ложе его въ предвидѣніи нашествія варваровъ.

Глава третья.

Между своими.

Для тѣхъ, которые позабыли о Прокопѣ (см. «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ»), считаю не лишнимъ возстановить здѣсь въ короткихъ словахъ его фізіономію. Это—одинъ изъ самыхъ выразительныхъ представителей культурнаго русскаго чловѣка, лишь со вчерашняго дня узнавшаго о своей культурности. Въ физическомъ отношеніи, онъ созданъ забавно: голова круглая, затылокъ круглый, спина круглая, животъ круглый, глаза круглые, даже плечи, руки, ноги—и тѣ круглыя. Лицо—портретъ красавца мопса и, по обстоятельствамъ, принимаетъ свойственныя мопсу выраженія. Когда его «никто не дразнить» и, когда сверхъ того, онъ сытъ—кожа на его лицѣ растягивается и выраженіе дѣлается ласковымъ: можно держать парі, что у него непременно гдѣ нибудь спрятанъ хвостъ, которымъ онъ въ эту минуту виляетъ. Когда онъ раздраженъ и голоденъ—на лбу и на переноси дѣлаются складки, зубы злобно оскаливаются и изъ гортани вылетаетъ рычанье; такъ и хочется крикнуть: а гдѣ у насъ арапникъ-то, гдѣ? Въ нравственномъ отношеніи, онъ прежде всего преисполненъ загадочнаго юмора, объ которомъ нельзя сказать положительно, на кого онъ направленъ—на собственную ли персону Прокопа, или на окружающихъ. Сверхъ того, онъ заносчивъ и льстивъ, лукавъ и легковѣренъ, наивенъ и лживъ, преисполненъ всякаго рода предразсудковъ, недоумѣній, противорѣчій и необыкновенно невѣжественъ. Говоритъ онъ обрывками, услащая свою рѣчь безчисленными околочностями, перерывами, многоточіями и при этомъ всегда поражаетъ собесѣдника внезапностью мыслей, въ которыхъ невозможно отличить, что правда и что ложь. Нѣкоторые думаютъ, что онъ глупъ и золь, но это невѣрно. Онъ не глупъ и не уменъ, не добръ и не золь—онъ самъ по себѣ. Репутацію глупости составила ему глубокая его невѣжественность, репутацію злого чловѣка—нѣкоторые нечеловѣческіе инстинкты, которые довольно частыми вспышками проявлялись въ немъ во времена крѣпостнаго права. Но ежели надѣть на него прочный намордникъ, то горячность эта довольно скоро остываетъ, и въ Залупскѣ справедливо замѣчаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ упразднено крѣпостное право, Прокопъ сталъ огрызаться значительно меньше прежняго.

Фамилія Прокопа—Лизоблюдь, изъ тѣхъ Лизоблюдовъ, которые еще при царѣ Горохѣ тарелки лизали. Прокопъ гордится своими предками. Не говоря уже о родоначальникѣ Лизоблюдовъ, занимавшемся лизоблюдствомъ во времена до-историческія, много было и позднѣйшихъ потомковъ, которые шли по его стопамъ уже во времена, освѣщенные свѣтомъ исторіи. Вообще это были люди смышленные и хозяйственные, и въ то время, какъ другіе «ближніе люди» занимались цѣлованіемъ крестовъ да выщипываньемъ другъ у друга бородъ по волоску, Лизоблюды все больше ютились около утробной части, завѣдывали поварнями, подавали кушанья, служили посредниками въ любовныхъ интригахъ и, проводя въ этомъ занятіи время, укрѣплялись въ милостяхъ и приобретали вотчины. Но въ половинѣ XVIII вѣка, звѣзда Лизоблюдовъ померкла: Никита Лизоблюдь, устраивая любовныя дѣла Авдотьи Лопухиной, былъ обвиненъ въ измѣнѣ и, по наказанію на тѣлѣ, сосланъ въ залупскія вотчины, съ воспрещеніемъ выѣзда изъ мѣста жительства. Причемъ было выражено, что снисхожденіемъ этимъ (ему «надежало» вырѣзать языкъ) онъ обязанъ лишь «неистойвой его глупости». Съ этихъ поръ, значеніе фамиліи Лизоблюдовъ принимаетъ характеръ исключительно культурный, и цѣлыя поколѣнія ея членовъ слѣдуютъ одно за другимъ въ роли представителей залупской культурности, сами, впрочемъ, не подозрѣвая всей тяжести бремени, которое судьба возложила на ихъ плечи.

Семейство Прокопа состоитъ изъ жены, сына и дочери Наташеньки. Жена его слыла когда-то красавицей, да и теперь, хоть ей ужъ подъ сорокъ, производитъ въ Залупскѣ сенсацію. У ней нѣтъ ни особеннаго ума, ни даже умѣнья болтать милый вздоръ, но есть удивительнѣйшія, наливныя, бѣлоснѣжныя плечи, и она знаетъ это. Къ этимъ плечамъ несутся сердца всѣхъ залупскихъ культурныхъ людей, и въ нихъ же отчасти заключается тайна поднесенія Прокопу бѣлыхъ шаровъ на выборахъ. Самъ Солитеръ, котораго голова, начиненная циркулярными предписаніями, повидимому, недоступна ни для чего, кромѣ тусклаго мерцанія, выражающагося загадочнымъ восклицаніемъ «фюит!»—и тотъ любовственно чавкаетъ и какъ-то нелѣпо коситъ глазами, когда встрѣчается съ Надеждой Лаврентьевной на балахъ. Я не знаю, понимаетъ ли Прокопъ, какое дѣйствіе производятъ плечи его жены на окружающихъ, но думаю, что онъ, дѣлая видъ, что не понимаетъ, все-таки пользуется этимъ дѣйствіемъ, какъ однимъ изъ средствъ внутренней залупской политики.

Единственный сынъ Прокопа, Гаврюша, похожъ на отца до

смѣшного. Тоже круглое тѣло, тоже лицо монса, забавное во время покоя и бороздящееся складками на лицѣ и на лбу во время гнѣва. Проконъ любить его безъ памяти, всѣмъ нутромъ и ласково рычить, когда сынъ является изъ заведенья «домой». Онъ садится тогда на кресло, ставитъ сына между ногъ, беретъ его за руки, спрашиваетъ, зналъ ли онъ урокъ и чѣмъ его на недѣлѣ кормили, и смотрится въ него, словно въ зеркало.

— Такъ ты говоришь, хорошо васъ кормили? спрашиваетъ онъ, заглядывая ему въ глаза.

— Нынче, папаша, насъ лучше кормятъ: директоръ комисію изъ воспитанниковъ надъ экономомъ назначилъ.

— То-то. А, паче чаянія, ежели что, такъ ты спрашивай: я твоему дядькѣ строго приказалъ и денегъ на это оставилъ. Ъшь, братъ, ѣсть надо; больше будешь ѣсть — и урокъ будешь лучше знать.

Въ «заведеніе» Проконъ отдалъ Гаврюшу не безъ расчета: онъ понялъ, что «заведеніе» есть именно такая вещь, откуда, хочешь не хочешь, а въ концѣ концовъ все-таки и съ чиномъ выйдешь, и на мѣсто поступишь.

— Я, братъ, по себѣ знаю, отрывался онъ мнѣ по этому случаю: — и гувернеры, и мадамы у меня были, а что толку! Срамъ сказать, и теперъ изъ катихизиса ни одного текста не знаю!

— Да вѣдь на выборахъ изъ катихизиса не спрашиваютъ? возражалъ я.

— Все-таки. Разговариваютъ. Не изъ катихизиса, такъ изъ географіи. Кабы я зналъ, такъ и самъ бы разговаривалъ. А теперъ приходится на другихъ смотрѣть, смѣются или нѣтъ.

— Такъ что-жь! сходить съ рукъ — и слава Богу!

— То-то, что подъ Богомъ мы нынче ходимъ. Сегодня сошло, а завтра нѣтъ. Ехидные нынче люди пошли: испытываютъ. Иной цѣлый разговоръ съ тобой ведетъ: ты думаешь, онъ вправду, а онъ на смѣхъ! Вотъ года три назадъ, пришла ко мнѣ бумага насчетъ распространенія спеціальныхъ идей. Натурально, писмоводителя: какія-моль такія спеціальныя идеи? — А это, говорить, по акцизной части, должно быть. Ну, мнѣ что! по акцизной — такъ по акцизной! отвѣчай братецъ! Анъ послѣ оказалось, что онъ мнѣ на-смѣхъ акцизную-то часть ввелъ!

— Ахъ, Проконъ, Проконъ! Милый ты! милый! Такъ какъ же ты съ Гаврюшей хочешь поступить?

— Хочу въ «заведеніе» отдать. Тамъ научать. Туда лихъ бѣда попасть, а попалъ, такъ будетъ «человѣкомъ». Экзамены

будеть, братецъ, выдерживать, а вѣдь я никогда ни одного экзамена выдержать не могъ. Такъ воспитываться, безъ экзамена—это я могу, а чуть на экзаменъ повели—ау, братъ!

Какъ ни удивительны представлялись мнѣ эти соображенія Прокопа, но въ результатъ оказалось, что онъ правъ. Третій годъ находился Гаврюша въ заведеніи—и ничего, даже экзамены выдерживалъ. Жаловались, правда, воспитатели, что онъ, во время препарацій, забирается въ шинельную спать; но Прокопъ такъ наивно возражалъ на это: «такъ неужто-жъ робенку не спать?», что начальство махнуло рукою и вновь подтвердило обѣщаніе сдѣлать Гаврюшу «человѣкомъ».

Наташенька—ужъ невѣста; ей осьмнадцать лѣтъ, и наружностью она пошла въ мать, то есть, навѣрное, будетъ со временемъ имѣть такія же наливныя, сахарныя плечи. Какъ дѣвица благовоспитанная, она стыдится мужчинъ и, при видѣ ихъ, жмется къ мамашѣ. Сверхъ того, склоняетъ голову нѣсколько на бокъ, что придаетъ ей какую-то трогательную грацію, и ходитъ, слегка прискакивая на носкахъ, тоже для граціи. Вообще, дѣвушка образованная, сытая и аппетитная, хотя совѣстится за свою аппетитность и отъ души молится Богу о неиспосланіи ей худобы. Прокопъ ее любить по своему, то есть шутить шутки насчетъ ея невинности и аппетитности; но въ этой любви нѣтъ и тѣни той страстности, которую онъ чувствуетъ къ Гаврюшѣ.

— Наташа—что! говорить онъ:—сегодня она—Лизоблюдь, а завтра будетъ Тарелкина. Вотъ Гаврило у меня, тотъ—настоящій, коренной Лизоблюдь будетъ!

Когда я пришелъ къ Прокопу вечеромъ, у него ужъ сидѣлъ гость. Поэтому, онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу въ переднюю, чтобъ сообщить о результатѣ давишняго разговора насчетъ графскаго камердинера.

— Обдѣлалъ, братъ! сказалъ онъ довольнымъ тономъ:—десятирублевиньку выкинулъ.

— Ловко, голубчикъ. Стало быть, скоро тебя и поздравить будетъ можно?

— Ну, это еще бабушка на двое сказала. Мѣстовъ, говорить, нѣтъ. Будутъ, говорить, два мѣста надняхъ, да вчера, вишь, обѣщаны. А послѣ этихъ двухъ мѣсть, какъ очистится первая вакансія, такъ и...

— Да не вретъ ли?

— Вѣрно, братецъ. Прямо такъ и сказалъ: послѣ этихъ двухъ, вакансія—моя!

— Ну, и слава Богу. Покуда за границу съѣздишь, покуда что... Завидую я тебѣ, голубчикъ! Какъ тамъ ни говори, а еще

много, очень много въ наше время можно напавостить... то бишь, дѣлать надѣлать. Вотъ, хоть бы эта самая область, куда Макаръ телятъ не гонялъ...

— Да одно ли это! А прочее-то! Однако, я долженъ тебя предупредить: покуда объ этомъ—молчокъ. Иванъ Созонтычъ такъ сказывалъ: вы, сударь, до времени не хвастайтесь. А теперь, идемъ къ женѣ.

Вся семья Прокопа была на лицо. Надежда Лаврентьевна дала мнѣ руку поцѣловать, Наташенька—въ губки похристосовалась, одинъ Гаврюша бутузомъ сидѣлъ въ углу, держалъ въ обѣихъ рукахъ по яйцу и пробовалъ, которое изъ нихъ крѣпче. Гостемъ оказался какой-то генералъ, до такой степени унылый, что мнѣ съ перваго взгляда показалось, что у него болить животъ. Прокопъ отреккомендовалъ насъ другъ другу.

— Генералъ Николай Батистычъ Пупонъ, сказалъ онъ мнѣ:—отецъ его, Батистъ Богданычъ, французъ былъ, съ русскими войсками въ восемьсотъ четырнадцатомъ году Парижъ бралъ, ну, а вотъ онъ—ужь настоящій русский. И вѣры нашей.

При имени Пупона мнѣ вдругъ что-то смутно вспомнилось, что-то такое, что я въ 1863 году въ газетахъ читалъ. Реляція какая-то, въ которой говорилось, что храбрый полковникъ Пупонъ... но вотъ тутъ-то именно я и сбивался: крѣпость ли неприятельскую взялъ, или молодцомъ взлетѣлъ на четвертый этажъ какого-то дома и безъ ключа отперъ дверь какой-то квартиры.

— Вы... тотъ самый храбрый полковникъ Пупонъ?.. невольню сорвалось у меня съ языка.

— Да... но теперь—генералъ! отвѣтилъ онъ мнѣ какимъ-то горькимъ голосомъ.

И вдругъ, я въ самомъ дѣлѣ вспомнилъ.—Да, это, дѣйствительно, было не подъ Севастополемъ, а на Подъяческой. Онъ взлетѣлъ и какимъ-то волшебствомъ, безъ ключа, очутился внутри запертой квартиры. Но какъ онъ съ тѣхъ поръ измѣнился! Тогда онъ мнѣ казался молодымъ, исполненнымъ отваги и надеждъ, и хотя выраженіе его лица и въ то время имѣло что-то наглое, но это была наглость молодая, сильная, ликующая. Теперь—онъ былъ похожъ на заштатнаго индѣйскаго пѣтуха, который до такой степени забить и отощаль, что не имѣетъ силъ даже соплю распустить. Весь онъ былъ словно пепломъ покрытъ; лицо пепельное, глаза пепельные, волосы пепельные, даже на мундирномъ сюртукѣ, какъ будто кусочки пепла видѣлись. Сидѣлъ онъ молча, часто и глубоко вздыхалъ, а немногіе отвѣты на вопросы давалъ отсырѣлымъ, пещернымъ голосомъ.

Мы сѣли въ кружокъ и стали разговаривать. Сначала, по году бранили, потомъ перешли къ залупскимъ новостямъ, и Надежда Лаврентьевна въ одну минуту засыпала меня рассказами, въ которыхъ, къ великому моему прискорбію, главную роль играли плюхи.

— Говорили, будто ужъ плюхъ больше не будетъ, резюмировалъ эти рассказы Прокопъ:—а онѣ нынче еще веселѣе прежняго въ ходъ пошли. У насъ, въ Залупскѣ, рѣдкій разговоръ нынче не кончается плюхой.

— Самолюбивѣе народъ сталъ—отъ того! попробовалъ я объяснить.

— Нѣтъ, не самолюбивѣе, а такъ какъ-то... въ общезитіе, стало быть, вошло. Кабы самолюбіе, такъ онѣ, получивши плюху-то, бѣжалъ бы куда нибудь, а то получить да такъ съ плюхой и ходить по городу.

— Очень нынче въ Залупскѣ не хорошо стало! вздохнула Надежда Лаврентьевна.

— Скучно?

— Нѣтъ, не то чтобы... Балы въ собраньи бывають... офицеры пиеники устраивають... нѣтъ, мы не скучаемъ! А такъ, вообще...

— У насъ, братъ, и въ заведеніи скуки нѣтъ! отозвался Прокопъ:—либо у насъ гости, либо мы въ гостяхъ—гдѣ тутъ скукѣ быть! А гостей нѣтъ—лошадей велишь заложить или варенья спросишь. А теперь вотъ за границу собрались. Вздумалось съѣздить—и поѣдемъ.

— Такъ это у васъ ужъ окончательно рѣшено? обратился я къ Надеждѣ Лаврентьевнѣ.

— Да, рѣшено. Надо же!

— Я ужъ разъ шесть за границей былъ, вездѣ перебивалъ, объяснилъ Прокопъ:—а онѣ еще ни разу не были. Ну, и пусть съѣзжать, посмотреть. Нельзя же...

— Да, да... Это, дѣйствительно, такъ... нельзя же! Но представьте себѣ, какой случай! Вотъ я никогда за границей не бывалъ и даже намѣренія не имѣлъ, а давеча пришелъ онъ—я и раздумался. Надо же, думаю, нельзя же!

— Конечно, надо, подтвердила и Надежда Лаврентьевна.

— И прекрасно, братъ, вмѣстѣ всѣ и поѣдемъ. Вотъ генералъ съ нами, да еще по дорогѣ кой-кого подходящихъ подберемъ—чудесно время проведемъ!.. время!

— Только вотъ что: хотѣлось бы мнѣ прежде хоть приблизительное понятіе себѣ составить, что собственно будемъ мы дѣлать за границей?

— А что прочіе дѣлають, тѣ и мы будемъ. Чай, не ариѳметикѣ учиться ѣдемъ! Талеры знаешь, франки знаешь — ну, и все тутъ.

— Напримѣръ, начать хоть бы съ того, куда мы ѣдемъ?

— Разумѣется, сначала въ Берлинъ — тамъ на недѣлю остановимся. Въ Берлинѣ можно бы и поменьше побыть, да мнѣ, признаться, Бисмарка показать общали.

— Что ты? Самого Бисмарка!

— Да, Иванъ Карлычъ, булочникъ здѣшній общалъ. Я, говоритъ, вамъ въ его камердинеру, Христофору Иванычу, письмо дамъ, такъ онъ его вамъ за сто марокъ, сколько угодно, покажетъ. А ежели двѣсти марокъ дашь, такъ Бисмаркъ даже на аудіенцію выходитъ. И тутъ что хочешь у него проси, потому что онъ, за аудіенцію, сто марокъ въ свою пользу отсчитываетъ.

— Ахъ, Господи!

— Нѣчего ахать — вѣрно говорю! А ежели сто талеровъ не пожалѣешь, такъ и на квартиру приметъ — разумѣется, ежели ты — русскій. Потому, русскихъ онъ любитъ. Русскіе, говорятъ — добрый, поворный народъ.

Какъ ни привыкъ я къ внезапнымъ мыслямъ Прокопа, но это было такъ необыкновенно, словно я въ армидины волшебные сады вошелъ. Я глядѣлъ на Прокопа во всѣ глаза, усиливаясь угадать, не предается ли онъ, по обычаю своему, загадочному юмору, но лицо его сіяло такимъ ликованіемъ, что не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ искренности его словъ. Очень даже возможно, что преспектива видѣть Бисмарка играла не послѣднюю роль въ его рѣшимости ѣхать за границу и что онъ повсюду только не могъ еще вполне опредѣлить себѣ, по какому разряду онъ устроить это свиданіе, то есть за что — за двѣсти или за триста марокъ.

— А изъ Берлина прямикомъ въ Парижъ, продолжалъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало: — тамъ мѣсяца съ два пробудемъ. Вотъ барыни нарядовъ закупятъ, а мы по ресторанамъ походимъ. Оттуда поѣдемъ въ Баденъ, въ Швейцарію, а на зиму въ Ниццу махнемъ!

— Но, все-таки, что же мы дѣлать-то, дѣлать-то что будемъ?

— Что другіе, тѣ и мы. Другіе гулять — и мы гулять, другіе обѣдать — и мы обѣдать. Тамъ, братъ — не Россія, озорничать не позволяется. Вотъ въ Швейцаріи, скажутъ тебѣ свечера: завтра въ пять часовъ восхождение на Риги — ну и будь готовъ въ пять часовъ, и становись въ парю.

— Видь, что ли, ужь очень хорошъ, что даже выспаться не даютъ?

— Ничего... видь! Солнце встаетъ — извѣстно! Въ трубки англичане смотрятъ. Посмотрѣли — и опять, какъ арестантовъ, въ отель поведутъ.

— Такъ неужто-жь, послѣ нашего-то простора, такая жизнь можетъ нравиться?

— Я развѣ говорю, что нравится? Нравится или не нравится, а коли назвался груздѣмъ, такъ и полѣзай въ кузовъ — вотъ я объ чемъ. И ѣда у нихъ хуже нашей. Говядина есть да своя, а черкасской нѣтъ.

— Такъ какъ же это?

— Объ томъ-то я и говорю. А, впрочемъ, коли ты за границу ѣдешь, такъ меня держись. Если на себя надѣяться будешь — одни извошники съ ума сведутъ. А я тамошніе порядки наизусть знаю. И что гдѣ спросить, и гдѣ что поѣсть, и гдѣ гривенникъ сунуть — все знаю. Я, какъ приѣду въ гостинницу — сейчасъ на кухню и повару полтинничекъ. Все покажетъ. Оберъ-кельнеру тоже сунуть надо — первому за табельдотомъ подавать будутъ.

— Такъ, стало быть, ѣдемъ?

— Какъ не ѣхать? Нельзя не ѣхать. Я за зиму-то въ Залуцскѣ отеку, а лѣтомъ, какъ за границей въ родѣ арестанта побудешь — весь отѣкъ съ тебя какъ рукой сниметъ! Вотъ и генераль съ нами — ты что, генераль, носъ повѣсилъ? Ѣдемъ?

— Не знаю... я ванны брать буду...

— Не все же въ ваннѣ будешь сидѣть. Чай, и поѣсть захочешь!

— Нѣтъ ужь... Я ужь... Не могу я, мой другъ!

— Ахъ, генераль, генераль! Какой ты былъ храбрый да проворный, сраженіе въ Средней Подъяческой выигралъ — и вдругъ что съ тобой сдѣлалось!

Генераль обратился на насъ потухающій взоръ и произнесъ:

— Таковы плоды человѣческой мечтательности!

Онъ сказалъ это такимъ безнадежнымъ тономъ, что всѣ невольно смолкли. И затѣмъ, вдругъ, къ величайшему моему удивленію и къ смущенію Наташеньки, которая, впрочемъ, въ одно мгновеніе куда-то исчезла, началъ разстегивать свой скюртукъ, потомъ жилетъ, рубашку, покуда не обнажилась лѣвая сторона нижней части его волосатой груди.

— Смотрите, молодой человѣкъ, и да послужить вамъ это урокомъ! обратился онъ ко мнѣ, неизвѣстно почему считая меня за молодого человѣка: — вотъ здѣсь, пониже лѣваго соска — что вы видите?

Я приблизился, и дѣйствительно увидѣлъ нѣчто въ высшей

степени странное. Въ нижней части груди, въ томъ самомъ мѣстѣ, на которое сейчасъ указалъ генераль, находилось продолговатое пространство, усыянное бѣлыми пупырышками, въ родѣ сыпи. Когда генераль щелкнулъ по этому мѣсту двумя пальцами, то пупырышки мгновенно покраснѣли, и я могъ прочитывать слѣдующее:

КЪ СЕМУ ТѢЛУ, ЗА
БЕЗГРАМАТСТВОМЪ САТАНЫ,
АГГЕЛЪ ЕГО, ИВАНЪ ИВАНОВЪ
ДОМОВОЙ РУБУ ПРИЛОЖИЛЪ.
АНАΘЕМА!!

Повидимому, подпись эта была нѣкогда наколота сапожнымъ шиломъ и натерта порохомя.

— Теперь вы знаете роковую тайну моего горькаго существованія! продолжалъ генераль, покуда я, внѣ себя отъ изумленія, смотрѣлъ на него:—покажѣсь я былъ субалтернъ и штабъ-офицеромъ, не существовало человѣка, который, при встрѣчѣ со мной, не говорилъ: вотъ отважный Пушонъ! Всѣ меня знали! всѣ льстили и чествовали, отовсюду слали мнѣ телеграммы, во всѣхъ трактирахъ пили за мое здоровье! Даже историкъ Соловьевъ, и тотъ, въ предвидѣннн сороковаго тома «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ томовъ», съ благодарностью принялъ отъ меня меморію подъ названіемъ: «Къ исторіи смутнаго времени, съ присокупленіемъ подвиговъ». Но, съ тѣхъ поръ, какъ я произведенъ въ генералы—все измѣнилось. Пушонъ забыть, Пушонъ отвержень, Пушонъ—отчисленъ по кавалеріи! И въ довершеніе всего, господинъ Соловьевъ на дняхъ возвратилъ мнѣ мою меморію обратно съ слѣдующею надписью: «дѣла, въ сей меморіи описанныя, столь несвойственны, что даже не весьма стыдливая Кліо—и та отвращаетъ отъ нихъ лицо свое». Забѣйте: «несвойственны», но почему несвойственны — о томъ умалчиваетъ! Какъ по вашему: обидно это или необходимо?

— Конечно, обидно. Но, съ другой стороны, ежели справедливо, что даже «не весьма стыдливая Кліо»—и та зарумянилась, то, можетъ быть, подвиги, которые вы описывали, были такого сорта, что для ученаго и, притомъ, семейнаго человѣка...

— Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не въ свойствахъ подвиговъ, а въ томъ, что, съ производствомъ моимъ въ генеральскій чинъ, истекъ срокъ контракта, сверѣпленнаго той печатью, которую вы сейчасъ видѣли. Съ этихъ поръ все въ судьбѣ моей измѣнилось. Подвиги продолжаютъ совершаться попрежнему, и профессоръ Соловьевъ самъ очень хорошо знаетъ это—но они совершаются

уже не мною, а людьми совсѣмъ другого вѣдомства! Спрашиваю васъ: можно ли было поступить оскорбительнѣе?

— А впередъ, братъ, умнѣ будь! вмѣшался Прокопъ: — коли съ нечистымъ контракты писать, такъ пиши обстоятельнѣе: такъ-моль и такъ, до смерти моей обязываешься ты мнѣ... а такъ-моль, послѣ смерти, буде что послѣ меня останется—все твое!

— Шутить! все шутить! съ горечью уворилъ генералъ.

— Позвольте, генералъ! вмѣшался я:—я съ любопытствомъ слѣжу за вашими жалобами и даже сочувствую имъ, но, признаюсь, очень мало въ нихъ понимаю. Ваша прежняя блестящая карьера—и теперешній вашъ унылый видъ... наконецъ, эта странная печать на вашей груди... что все это значитъ? кто вы?

— Я—жертва неопытной мечтательности и жажды благородныхъ подвиговъ, и, такъ какъ мы ѣдемъ вмѣстѣ за границу, то когда-нибудь я расскажу вамъ подробно исторію моей жизни. Теперь же могу сказать только одно: молодой человекъ! берегитесь мечтательности! Ибо мечтательность, даже въ границахъ области предупрежденія и преступленія, далеко не всегда ведетъ къ тому концу, который она самонадѣянно себѣ предназначила!

Съ этими словами, онъ всталъ и вышелъ, оставивъ меня лицомъ въ лицу съ какою-то нелѣпою тайною.

Глава четвертая.

Повхали.

Черезъ недѣлю, въ одиннадцатъ часовъ утра, я былъ на дебаркадерѣ варшавской желѣзной дороги. Прокопъ уже распорядился переноскою багажа, состоявшаго изъ двѣнадцати большихъ сундуковъ и нѣсколькихъ ручныхъ чемодановъ, которые провозились бесплатно.

Сырая погода преслѣдовала насъ, и цѣлое море грязи стояло передъ станціей. Неподалеку возвышался закопченный островъ Фейгинской мельницы, которая нѣкогда была утѣшеніемъ интендантства и около которой теперь шныряли неизвѣстнаго происхожденія люди. Казалось, зданіе еще дымится и духъ Овсяникова парить надъ нимъ. Прокопъ, какъ человекъ похотливый относительно всѣхъ скандаловъ русской современности, конечно, не преминулъ обратить вниманіе и на мельницу.

— Изъ-за полтинничка вашу-то заварилъ! сказалъ онъ, мигнувъ по направленію пожарища.

— Какъ ты, однакожь, все просто объясняешь! смель должно возразить я, изумленный внезапностью этого предположенія.

— Известно, изъ-за полтинника. На низу помоль дешевле на копейку—вотъ онъ и тово.—Дай моль сожгу, благо мельница застрахована.

— Ну, нѣтъ, это ты ужь черезчуръ хватилъ. Милліонеръ—и станеть объ такихъ пустякахъ думать!

— А ты душу-то человѣческую знаешь?

— Нѣтъ, но во всякомъ случаѣ...

— А я знаю. У насъ въ Залупскѣ тоже милліонеръ Голопузовъ живетъ, такъ у него извоцикъ пятиалтынный просить, а онъ ему гривенникъ даетъ. Да еще усовѣщиваетъ: креста, говорить, на тебѣ нѣтъ! Такъ вотъ оно что душа-то человѣческая значить!

Въ эту самую минуту, изъ всѣхъ отверстій мельницы цѣлая масса людей высыпала наружу и скупилась противъ фасада ея. Прокопъ не преминулъ и на это обратить свое вниманіе.

— Ишь, ишь, ишь! адвокатовъ-то что собралось! возопилъ онъ:—это они сламъ дѣлать!

— Какой еще сламъ?

— Такой и сламъ, что одинъ какой нибудь возьметъ всю тушу за себя, примѣрно, хошь за сто тысячъ—ну, пятьдесятъ себѣ оставить, а пятьдесятъ—на драку.

— Скажи по совѣсти! вѣдь ты это сейчасъ только выдумалъ?

— А ежели и выдумалъ—важность какая! Не въ томъ штука выдумалъ или нѣтъ, а въ томъ, что правильно выдумалъ. Смотри-ка! смотри-ка! остановились! глядятъ! ахъ, чтобъ имъ пусто было! Ишь, ишь! Вонъ бѣлый, вонъ-вонъ этотъ!—къ стѣнѣ подошелъ, штукатурки кусокъ отколушнулъ—это у него «совершенное» доказательство будетъ!

Затѣмъ, Прокопъ началъ было объяснять мнѣ, какой разговоръ онъ имѣлъ объ этомъ дѣлѣ съ адвокатомъ Комаринскимъ, но я уже не слушалъ его. Придя въ залъ, я нашелъ тамъ довольно много народу, мужчинъ и дамъ, и у всѣхъ было на лицахъ написано: вотъ и мы за границу ѣдемъ! Нельзя же! Надо же! Меня никто не провожалъ; около Прокোпа вертѣлся Гаврюша, которому онъ отъ времени до времени говорилъ:

— Смотри же, ѣшь больше! будешь ѣсть—и урокъ будешь знать! А въ юнѣ, на каникулы—къ намъ за границу пріѣзжай!

Но вотъ раздался второй звонокъ, и надо было разсаживаться по вагонамъ. Прокопъ въ послѣдній разъ взялъ Гаврюшу за руки, пристально взглянулъ на него, словно бы хотѣлъ укусить, и перекрестилъ.

— Ышь, братъ! повторилъ онъ: — тамъ я дядькѣ оставилъ... требуй!

Перейдя въ вагонъ, Прокопъ отворилъ окно и оттуда смотрѣлъ на Гаврюшу. Онъ сидѣлъ безъ словъ, но все лицо его сіяло и смѣялось. Гаврюша тоже смѣялся, но стыдливо, какъ будто со- вѣстился. Наконецъ, поѣздъ заколыхался и тронулся.

— Ышь, братъ! крикнулъ Прокопъ на встрѣчу сыну, который трускомъ бѣжалъ рядомъ съ удаляющимися вагономъ.

Вагонъ, въ которомъ мы помѣстились, принадлежалъ къ числу самыхъ роскошныхъ. Кромѣ двухъ отдѣльныхъ купѣ, въ немъ былъ еще прекрасный салонъ. Надежда Лаврентьевна съ Наташенькой устроились въ одномъ изъ купѣ, въ которомъ, вмѣстѣ съ ними, сѣлъ и еще какой-то молодой человѣкъ. Остальные пассажиры размѣстились въ салонѣ. Кромѣ Прокопа, генерала Пупона и меня, тутъ было еще четверо пассажировъ. Молодой тайный совѣтникъ Стрекоза, который ожидалъ къ празднику Бѣлаго Орла, а получилъ корону на святыхъ Анны и, въ знакъ фрондѣрства, отправлялся вояжировать; адвокатъ, который былъ обиженъ тѣмъ, что его не пригласили по Овсянниковскому дѣлу ни для судоговоренія, ни даже на побѣгушки; сѣденый старичекъ съ Владиміромъ на шеѣ, маленький, съезженный, подергивающійся, съ необыкновенно густыми и черными бровями, которыя, при каждомъ душевномъ движеніи, становились дыбомъ, и, должно быть, очень злой; наконецъ, какая-то таинственная личность, въ восточномъ костюмѣ, въ родѣ халата изъ термаламы, и съ ермолкой на головѣ.

Когда поѣздъ двинулся, то всякій по своему выразилъ чувство, одушевлявшее его въ эту минуту. Прокопъ смѣло и прямо снялъ картузь и, перекрестившись большимъ крестомъ, произнесъ: съ Богомъ! Старичекъ тоже перекрестился, но какъ-то робко, подъ пальто, словно сомнѣвался, входитъ ли это въ кругъ его обязанностей. Пупонъ хотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру, но «отецъ лжи» не позволилъ ему. Нѣсколько разъ онъ безуспѣшно заманивался и, наконецъ, чтобъ скрыть свою неудачу, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, высморкался, сказавъ: теперь на долго будетъ! и усѣлся въ уголь. Восточный человѣкъ, повидимому, хотѣлъ совершить омовеніе, но, за невозможностью, сотворилъ брненіе и помазалъ имъ подъ ермолкой. Адвокатъ долго слѣдилъ за исчезающею въ туманѣ мельницею, потомъ вынулъ изъ кармана фотографическую карточку Овсянникова и пристально по- смотрѣлъ на нее, какъ бы вопрошая: «Скажи, сколько далъ ты Потѣхину, и ты ли заплатишь за защиту Левтѣева и Рудометова». Молодой тайный совѣтникъ открылъ окна и долго махалъ плат-

комъ провожавшимъ его столоначальникамъ, какъ бы подтвержда-
дая имъ вести дѣла въ томъ же «направленіи». Потомъ сѣлъ и
горько улыбулся, словно укоряя отечество въ неблагодарности.
Нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ эту минуту сравнивалъ себя съ древ-
нимъ Коріоланомъ, съ тою лишь разницею, что, болѣе велико-
душный, нежели Коріоланъ, онъ не намѣревался привести Вол-
сковъ, чтобъ отомстить за корону на святыхъ Анны.

Мнѣ было не по себѣ. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ прибав-
лялъ ходу и врѣзывался въ царство болотъ, мнѣ представлялось,
что внутри меня все больше и больше пустѣть. Теперь впер-
вые съ особенной назойливостью выдвигался впередъ вопросъ:
что-то будетъ? Я—человѣкъ привычки и настолько робкій, что
всякое передвиженіе непременно волнуетъ и тревожитъ меня.
Даже, переѣзжая ежегодно лѣтомъ изъ Петербурга въ дерев-
ню, я не могу избавиться отъ вопроса: что будетъ? — до такой
степени все, что стоитъ внѣ этой комнаты и дальше этой ми-
нуты, кажется мнѣ преисполненнымъ всякаго рода опасностей.
Собственно говоря, я оставляю сзади себя очень мало: смутную
тоску объ чемъ-то и смутное желаніе чего-то—казалось бы, не
объ чемъ очень-то жалѣть! Но неизвѣстность, разстилающаяся
впереди, до того преисполнена мучительныхъ загадочностей, что
даже та гнѣивая смутность воспоминаній и надеждъ, которой
предается современный русскій культурный человѣкъ, ежели онъ—
не адвокатъ, не прокуроръ, не желѣзнодорожный дѣятель и не
директоръ банка, представляется ему чѣмъ-то въ родѣ убѣжища.
Точно вотъ проснулся человѣкъ и началъ въ халатѣ по комнатѣ
ходить и не хочется ему ни умываться, ни одѣваться, ни даже
къ чаю притронуться: все бы онъ ходилъ взадъ да впередъ,
ходилъ бы, да думалъ. Объ чемъ бы думалъ? — право, даже и
на этотъ вопросъ отвѣчать нѣ зачѣмъ. Такъ бы, думалъ—и все
туть. Мелькнетъ и исчезнетъ, и опять выскочить, и опять про-
падетъ. То мотивъ какой-нибудь звукнетъ и замолчитъ, то образъ
какой-то освѣтится и потухнетъ. Ходишь-ходишь и даже уста-
лости не замѣчаешь. Я знаю, что эта мечтательность изнури-
тельная, но, по моему мнѣнію, она представляетъ собой эмблему
существованія очень многихъ русскихъ людей. Современная
жизнь, съ ея лихорадочными движеніями, не для всѣхъ выказала
себя матерью. Многихъ хищниковъ выдвинула она впередъ,
но большинство людей добродушныхъ и неспохватливыхъ оста-
вила безъ дѣла, за штатомъ. Вотъ они-то и маются въ обла-
сти тоски и всякаго рода смутностей. Безъ ясныхъ сожалѣній
въ прошломъ, безъ ясныхъ провидѣній въ будущемъ — точно
вотъ сейчасъ проснулись, и ночныя грѣзы еще не успѣли съ

никъ соскочить, да, пожалуй, и не соскочать никогда. И, такъ какъ вездѣ, куда бы они ни пришли, имъ говорятъ: не твое дѣло!—то весьма естественно, что ими овладѣла оторопь. Эту оторопь они носятъ съ собой вездѣ и, по привычкѣ, являются съ ней даже тамъ, гдѣ жизнь, повидимому, не представляетъ уже ни тайнъ, ни неожиданностей. Все кажется, что или кондукторъ обидитъ, или засудятъ, или вдругъ... фюють!

Вотъ я, напримѣръ. Хотя я и не бывалъ еще за границей, но весь складъ моей жизни, все воспитаніе, всѣ идеалы, всѣ привычки и приемы—все и всегда было заграничное. Я и парлѣ франсе умѣю, и Наполеона III обругать могу, и про Бисмарка два-три анекдота знаю, и даже съ нѣкоторыми заграничными обычаями знакомъ. Одинъ знакомый сказалъ: за границей за табльдотомъ семь блюдъ подаютъ! другой знакомый предупредилъ: если вы въ Парижѣ будете, никогда не говорите гарсонамъ: je vous prie, а s'il vous plait—иначе васъ сейчасъ за русскаго примутъ. Съ этими свѣдѣніями, куда бы я ни пріѣхалъ, вездѣ я какъ дома буду. И за всѣмъ тѣмъ, все-таки беретъ оторопь. Вотъ теперь, черезъ сутки—Эйдуунень, а мнѣ все кажется: пройдетъ ли? Точно въ родителямъ изъ школы съ дурной отмѣткой на билетѣ идешь. Каковы-то тамъ кондукторы? обходительны ли извопники? не строги ли содержатели отелей? А, главное, какъ я за табльдотомъ обѣдать буду? Я привыкъ на просторѣ обѣдать, а тутъ вдругъ—хочешь кусокъ проглотить, анъ тебѣ нѣмецъ въ ротъ смотритъ! И вдругъ онъ раскорхорится, скажетъ: давай за погибель Франціи пить! А я Францію люблю. Люблю, несмотря даже на то, что она теперь—не Франція, а Макмагонія.

Буду ли я съ нѣмцемъ за погибель Франціи пить?

Буду ли я вообще всѣ тѣ мерзости продѣлывать, которыя продѣлываютъ русскіе культурные люди, шляющіеся на теплыхъ водахъ? Буду ли я увѣрять, что мы, русскіе—свиньи, что правительство у насъ революціонное, что молодежь наша не признаетъ ни авторитетовъ, ни государства, ни семейства, ни собственности, что вообще порядочному человѣку въ Россіи дышать нельзя и что поэтому слѣдуетъ пріобрѣсти виллу въ Баденѣ или въ Ниццѣ, а сношенія съ Россіей ограничить полученіемъ оброчковъ?

Буду ли я говорить все это?—вотъ странный вопросъ! Развѣ я знаю, чтѣ я буду говорить? развѣ могу опредѣлить заранѣе, чтѣ я скажу, когда начну говорить? Вотъ еслибъ я одинъ обѣдалъ, я бы, конечно, молчалъ, а то за табльдотомъ, гдѣ сто нѣмцевъ въ ротъ тебѣ смотреть, всѣ другъ другу таинственно

*

шепчуть: а это, вѣдь—русскій! Ну, какъ тутъ выдержать? какъ не сказать: господа! а, дѣйствительно—русскій, но я изъ тѣхъ русскихъ, которые очень хорошо понимаютъ, что русскіе — кадеты европейской цивилизаціи!

Покуда эти мысли толпились въ моей головѣ, Прокopf всматривался въ пассажировъ и приставалъ ко мнѣ съ вопросами: это кто? а вонъ этотъ, въ углу, кто таковъ? При этомъ онъ указывалъ пальцемъ и дѣлалъ свои замѣчанія такъ громко, что я каждую минуту ожидалъ, что буду скомпрометированъ. Прежде всего, онъ заинтересовался адвокатомъ, долго припоминалъ, гдѣ онъ его видѣлъ, и, наконецъ, вспомнилъ-таки, что въ Муромскомъ лѣсу.

— Насилу, братъ, мы отъ него удрали! присовокупили онъ въ видѣ заключенія.

Потомъ его заинтриговалъ восточный человѣкъ, и онъ опять началъ припоминать, гдѣ онъ его видѣлъ.

— А, вѣдь это—отъ Огюста татаринъ! воскликнулъ онъ, наконецъ:—убей меня Богъ, ежели не онъ! Только фракъ снялъ, да вѣдь я ихъ и въ костюмѣ въ ихнемъ видалъ: въ ноябрѣ они къ своему причастію ходятъ, такъ этакимъ же манеромъ наряжаются! Постой, я ему свиное ухо покажу!

И, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, къ величайшему моему изумленію, черезъ весь вагонъ крикнуть:

— Здравствуй, саламалика! ты какъ это въ первый классъ попалъ?

Но восточный человѣкъ только привѣтливо улыбнулся въ отвѣтъ на эту апострофу, и, къ моему удовольствію, происшествіе это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ брезгливаго движенія плечами со стороны тайнаго совѣтника Стрекозы, который, казалось, говорилъ: въ какомъ же, однако, я обществѣ ѣду?

Вообще, какъ я ни усиливался воздержатъ Прокופа отъ внезапныхъ движеній, онъ съ каждымъ шагомъ впередъ эмансипировался все больше и больше. Однимъ изъ самыхъ выдающихся его качествъ было любопытство, соединенное съ легковѣріемъ, и, когда оно выступало впередъ, то совладать съ нимъ было очень трудно. Такъ случилось и теперь. Нѣкоторое время онъ какъ будто боролся съ собой и даже пытался рассказать мнѣ сюжетъ «Трехъ мушкетеровъ», которыхъ онъ, будто бы, читалъ по рекомендаціи какого-то высокопоставленнаго лица, но на половинѣ разсказа не вытерпѣлъ, подсѣлъ къ адвокату и тотчасъ же завязалъ съ нимъ разговоръ.

— Вы—адвокатъ?

— Имѣю честь принадлежать къ сословію адвокатовъ.

— Фамилія ваша?

— Проворный, Алексѣй Андреевъ.

— Какъ будто мы съ вами прежде встрѣчались?

— Очень можетъ быть-съ.

— Въ Муромскомъ лѣсу, будто. Я въ саратовскую деревню, помнится, ѣхалъ.

Проворный взглянулъ на Прокота недоумѣвающими глазами.

— Какъ ее, станція-то? Булатниково, что ли? еще вы насъ въ оврагѣ поджидали? не смущаясь, продолжалъ Прокотъ:—вы давно тамошнія мѣста бросили?

— Извините... тутъ есть какое-то недоразумѣніе... Я даже не слыхалъ ни объ какихъ Муромскихъ лѣсахъ! все больше и больше недоумѣвалъ Проворный.

— Ну, что тутъ! Конечно, кому пріятно про Муромскіе лѣса вспоминать. Главное дѣло: бросили — и довольно. Тамъ, впрочемъ, нынче и невыгодно: всѣ проѣзжіе на желѣзныя дороги бросились, да и Муромскіе-то лѣса, кажется, въ Петербургъ, на Литейную, перевели. Овсянниковское дѣло знаете?

— Имѣлъ честь быть приглашаемымъ-съ.

— Понюхать или взаправду?

Вопросъ былъ такъ необыкновененъ, что даже самому Проворному сдѣлалось весело.

— Вы чему смѣетесь? спросилъ Прокотъ, замѣтивъ на лицѣ адвоката улыбку.

— Да, признаюсь вамъ откровенно, у васъ такой неожиданннй способъ выраженія...

— Нивакого у меня способа выраженія нѣтъ, а говорю правду. У меня у самого два адвоката-пріятели есть: одного, Бѣлобрюшенкова, понюхать приглашали, а другого, Комаринскаго, — того прямо запрягли: ступай, значить, въ самый навозъ. Объ Комаринскомъ, чай, слыхали?

— Имѣю честь знать лично-съ.

— Веселый паренъ, безстрашный. Я, признаться, говорилъ ему: смотри, братъ, вытацишь ли? Какъ бы совсѣмъ въ навозѣ не осталась! Ничего—смѣется. Мнѣ, говорить, бояться нечего, я ситъ. Въ Петербургѣ будетъ жить северно—въ Ниццу уѣду. Куплю палаццо, захвачу парочку литераторовъ съ Ветлуги, будемъ въ чехарду играть, въ Средиземное Море плевать, по вечерамъ трехголосную херувимскую пѣть. Все равно, что въ Ветлугѣ заживемъ. А какъ по вашему мнѣнію: поджегъ Овсянниковъ мельницу, или не поджегъ?

— Это зависитъ-съ.

— То-есть, отъ чего же зависить?

— Отъ взгляда-сь. Ежели, съ одной, стороны взглянуть—выйдетъ поджогъ, а ежели съ другой стороны — выйдетъ случайность.

— Ну, а по настоящему, по правдѣ-то какъ?

— По моему мнѣнію, правда есть продуктъ судоговоренія — вотъ все, что могу вамъ на этотъ счетъ сказать.

— Да вѣдь поджогъ-то до судоговоренія былъ?

— Пожаръ-сь. А что было причиной, поджогъ—или неосторожность, или дѣйствіе стихій, это—ужь тайна судоговоренія.

— Стало быть, на судоговореніи можно и первое, и другое, и третье доказать?

— Не доказать, а доказывать-сь. Три системы доказательствъ будутъ имѣть мѣсто въ этомъ дѣлѣ: одна—со стороны прокурора, другая—со стороны гражданскаго истца, и наконецъ третья—со стороны защиты обвиняемыхъ. Какая изъ этихъ системъ окажется болѣе убѣдительною, та и выиграетъ дѣло.

— Стало быть, еслибъ я, напримѣръ, хоть разневинный былъ, а у прокурора система будетъ лучше, нежели у моего адвоката, такъ меня на каторгу сошлютъ?

— Подобные случаи извѣстны въ юридической практикѣ подъ названіемъ судебныхъ ошибокъ.

— Слава Богу, хоть это. Ну, а теперь мнѣніе у меня въ Рязанской Губерніи есть — можно его у меня отнять?

— Ежели есть противная сторона, которая обладаетъ извѣстною суммою доказательствъ...

— Вотъ такъ судоговореніе! Ваше превосходительство! какъ вы объ этомъ думаете?

Вопросъ этотъ относился къ молодому тайному совѣтнику, который полулежалъ въ это время на диванѣ, закрывшись листомъ газеты. Но тайный совѣтникъ даже въ вагонѣ строго соблюдалъ свое достоинство и, чтобъ не вступать въ разговоръ съ неизвѣстною личностью, притворился спящимъ.

— Спать? шопотомъ произнесъ Прокопъ: — ну, да ему и не грѣхъ. Обидѣли его. Ну-сь, такъ будемте знакомы, Алексѣй Андречъ. Хоть вы и собрались у меня рязанскую деревню отгагать — да это еще когда-то будетъ! А покажѣте знакомы будемъ. Можеть, за границей свидимся, пріятнѣе будетъ въ своемъ кружку время провести. А что Овсянниковъ мельницу поджегъ — такъ вы въ этомъ не сомнѣвайтесь. Я и съ адвокатомъ его, съ Комаринскимъ говорилъ — и тотъ говоритъ: поджегъ! Только парень-то ужь очень хорошъ, денегъ у него много — вотъ и нельзя не заступиться-то за него.

Прокось всталъ, потянулся и осмотрѣлся кругомъ, къ кому бы еще присѣсть. Повосился сначала на восточнаго человѣка, но раздумалъ и направился къ старику съ Владиміромъ на шеѣ. Старецъ какъ-то нервно передернулся, почувствовавъ себя въ этомъ сосѣдствѣ.

— Вы до Вильны? спросилъ Прокось.

— Я за границу-съ.

— А я думалъ, до Вильны. Туда нынче много такихъ ѣздить. Просвѣтители. А гдѣ служите? чай, въ консисторіи?

Старичекъ ничего не отвѣтилъ, но я видѣлъ, какъ брови его начали постепенно шевелиться, словно въ нихъ что-то забѣгало.

— Что-жь не говорите? продолжалъ Прокось:—чай, языкъ не отвалится?

— При своемъ мѣстѣ служенія нахожусь, отвѣтилъ старецъ, рѣшительно уклоняясь отъ дальнѣйшаго разговора.

— Понимаю! ватерклозетами завѣдуете? Тамъ, вѣрно, и простудились; теперь на казенный счетъ лечиться ѣдете?

Старичекъ не отвѣчалъ, а только безпокойно подергивалъ плечами и спиной и перекладывалъ ноги одну на другую.

— Я и болѣзнь вашу знаю, продолжалъ Прокось:—по медицински, воспой она называется. Черносливу, братъ, больше ѣшь—пройдетъ.

— Прокось! возопилъ я:—что ты дѣлаешь?

— Ничего я не дѣлаю. Я только объ томъ, сколько на эту воспу казенныхъ денегъ выходитъ. А ежели ты со мной, господинъ Воспойнъ, разговаривать не хочешь, обратился онъ къ старику:—ну, и сиди съ Богомъ. Подергивайся. Ишь его передергиваешь. Воспа! она и есть!

Наконецъ, вновь Прокось сѣлъ подлѣ меня и нѣкоторое время казался обиженнымъ. Но, такъ какъ какое-то опредѣленное чувство не могло въ немъ долго задерживаться, то въ скоромъ времени его занимали уже совсѣмъ другія соображенія, и онъ изумилъ меня цѣлымъ рядомъ совершенно неожиданныхъ вопросовъ и разсужденій.

— Къ Лугѣ, что ли, мы подѣзжаемъ? спросилъ онъ.

— Къ Лугѣ.

— Ёсть будемъ—это хорошо. Вотъ я ему компотъ изъ чернослива закажу—ѣшь, братъ, здоровъ будешь. А что за Луга? городъ, что ли?

— Городъ.

— А чудотворцы въ немъ какіе-нибудь — почиваютъ?

— Объ какихъ еще чудотворцахъ ты заговорилъ? Есть исправники, становые—вотъ и довольно.

— Нѣтъ, это ты ужъ вздоръ мелешь. Это я навѣрное знаю. Во всякомъ городѣ свои угодники почиваютъ—это мнѣ архимандритъ Амфилохій говорилъ. Во Псковѣ—псковскіе угодники, въ Вильнѣ—виленскіе. А мнѣ, братъ, серьезно ѣсть захотѣлось. Въ Лугѣ какая рыба водится?

— Ей-Богу, не знаю. Одному только удивляюсь: какъ это ты, голубчикъ, часу помолчать не можешь? И мысли у тебя какія-то все разныя являются: сейчасъ были угодники, и вдругъ—рыба...

— А мнѣ развѣ заказано? Кабы мнѣ заказано было: думай объ одномъ — я бы и думалъ. Вонъ ему Воспину, сказано: думай объ ватерклозетахъ—онъ и думаетъ; къ нему въ это время не подходит. А мнѣ свободно: объ чемъ хочу, объ томъ и думаю.

— Все-таки, иногда не мѣшало бы...

— Ну тебя. Я еще вонъ этого, тайнаго-то совѣтника, къ вечеру развужу, да и объ татаринѣ досконально разознаю: съ какой стати свиное ухо съ нами въ первомъ классѣ ѣдетъ? Смотри-ка! смотри-ка! вѣдь, и онъ на насъ глядитъ! Смѣется! ишь.

Дѣйствительно, восточный человѣкъ смотрѣлъ на насъ и улыбался во весь ротъ. Онъ даже хлопалъ ладонью по подушкѣ сосѣдняго мѣста, какъ бы приглашая Прокопа сѣсть возлѣ него.

— Станція Луга! двадцать минутъ остановки! прокричалъ кондукторъ, проходя мимо насъ.

Глава пятая.

ТАЙНА, ОБЛЕКАЮЩАЯ ЛИЧНОСТЬ ВОСТОЧНАГО ЧЕЛОВѢКА, СЛЕГКА РАЗЪЯСНЯЕТСЯ.

Въ Лугѣ, по дорогѣ къ вокзалу, меня подхватилъ подъ руку тайный совѣтникъ Стрекоза. Признаюсь, я смутно угадывалъ, что будетъ нѣчто подобное (дальше я расскажу читателю мои отношенія къ Стрекозѣ), и порядочно-таки это волновало меня.

— Мы, кажется, съ вами знакомы? спросилъ онъ.

— Кажется, отвѣчалъ я.

— Мы пошли разными дорогами, но, надѣюсь, что это не должно мѣшать намъ взаимно уважать другъ друга.

Говоря это, онъ сжималъ своимъ правымъ локтемъ мой лѣвый локоть, а лѣвою рукою взялъ мою правую руку.

— Признаюсь вамъ, я ужъ давно для себя рѣшилъ: ко всѣмъ имѣть уваженіе, кто имѣетъ чинъ не ниже статскаго совѣтника. А, слѣдовательно, и вы въ томъ числѣ.

Онъ усмѣхнулся, заглянулъ мнѣ въ лицо, пробормоталъ, какъ

бы про себя: это—иронія?—и, не отпуская моей руки, засвистала какой-то мотивъ.

— Вы мои послѣднія распоряженія читали? вновь началъ онъ разговоръ.

— Нѣтъ, не читаль.

— Не интересуетесь?

— Сами по себѣ, вѣроятно, они и интересны, но для меня—нѣтъ.

— Многіе такъ разсуждаютъ нынче, и отъ того у насъ ничего не идетъ. Я не понимаю, какъ можетъ не интересоваться умнаго человѣка то, въ чемъ, напримѣръ, заинтересовано цѣлое государство!

— Что прикажете дѣлать? Это странно и даже малообъяснимо, но это такъ!

— Вотъ еслибы вы читали, то должны были бы сознаться, что неправы.

— Въ чемъ неправы?

— А хотъ бы въ томъ, что имѣете на меня совершенно невѣрный взглядъ.

— Да помилуйте! что же вамъ-то до этого? развѣ вамъ мой взглядъ нуженъ?

— Даже очень. Я вообще имѣю нужду въ содѣйствіи, а въ частности, относительно васъ, есть, кромѣ того, и еще... Вы, можетъ быть, забыли, но я очень, очень многое помню.

И онъ вновь сжалъ мнѣ локоть. Неприятное чувство испытывалъ я въ эту минуту: какъ будто Богъ вѣсть откуда взялось мертвое тѣло и увязалось за мной.

— Какъ хорошо было двадцать лѣтъ тому назадъ—помните? воскликнулъ онъ и даже ротъ на мгновеніе разинулъ, какъ бы вдыхая въ себя невѣсть какой ароматъ.

Я не отвѣтилъ, но онъ не сконфузился этимъ и еще крѣпче сжалъ мой локоть.

— Вы были въ то время неправы относительно меня, продолжалъ онъ: — мы когда-нибудь объ этомъ поговоримъ надосугѣ. Старыхъ недоразумѣній не должно быть. Вы куда ѣдете?

Я назвалъ нѣсколько пунктовъ.

— Приблизительно, это—и мой маршрутъ. Скажите, что это за чудакъ, который васъ сопровождаетъ?

Я сказалъ.

— Такъ эти дамы—его жена и дочь?

Стревоза надѣлъ на глаза пенснѣ и, сжавши губы, внимательно осмотрѣлъ Надежду Лаврентьевну и Наташеньку, кото-

рая сидѣла за общимъ столомъ и кушали дылленка, словно играя имъ.

— Интересныя особы, процѣдилъ Стрекоза сквозь зубы: — можно съ ними познакомиться?

— Полагаю.

Въ эту минуту, я замѣтилъ, что Прокопъ, совсѣмъ запыкавшись, бѣжитъ въ нашемъ направленіи, добѣдая на бѣгу пирогъ, кусокъ котораго еще торчалъ у него во рту.

— Ну что! говорилъ я! и вышла моя правда! кричалъ онъ еще издали, махая руками.

Наконецъ, подбѣжалъ и торжественно объявилъ:

— Науматулла видѣлъ.

— Да ты хоть бы говорилъ толкомъ! возразилъ я, едва воздерживаясь отъ раздраженія.

— Изъ Бель-вю Науматуллу; онъ тоже за границу ѣдетъ, вотъ съ нимъ, вонъ съ этимъ... ну, вонъ, что въ ермолокѣ у насъ въ вагонѣ сидитъ!

— Ну, и пускай ѣдетъ. Какое, наконецъ, намъ до этого дѣло!

— Какъ, какое! Я отъ Науматуллы узналъ про *него*. Онъ принцъ, братецъ, только инкогнито.

— Душа моя! это, наконецъ, утомительно!

— Ты сперва взгляни, а потомъ говори! Вонъ они рядомъ сидятъ. Науматулла-то ужъ расчитался съ Бель-вю; теперь у принца камергеромъ служить.

Какъ ни глупо все это представлялось, но я невольно взглянулъ впередъ. Дѣйствительно, восточный человѣкъ сидѣлъ за общимъ столомъ и пилъ шампанское, которое Науматулла изъ Бель-вю (я тотчасъ же узналъ его) наливалъ ему.

— Ты, вотъ, все бѣгаешь, сказалъ я Прокопу: — теперь ѣду прозѣваешь, а потомъ будешь жаловаться, что голоденъ. Садись-ка лучше, ѣшь.

— Нѣтъ, я хочу тебѣ доказать! хоть я—и не отгадчикъ, а взглядъ у меня есть! Псст... псст... сдѣлалъ онъ, кивая головой по направленію къ Науматуллѣ.

Науматулла всталъ, что-то почтительно пошпенталъ восточному человѣку, потомъ налилъ три бокала, поставилъ на тарелку и поднесъ намъ.

— Принцъ проситъ здоровья кушать! сказалъ онъ.

Прокопъ принялъ бокалы и, выстуна нѣсколько впередъ, церемониально поклонился. Я и Стрекоза тоже машинально взяли бокалы и нѣкоторое время совсѣмъ по дурацки стояли съ ними, не рѣшаясь, пить или не пить. Восточный человѣкъ, между тѣмъ, во весь ротъ улыбался намъ.

— Что же это, однако, за принц такой? спросил Стрекоза Науматуллу.

— Въ Эйдуненъ — все будемъ говорить въ Эйдуненъ — все чисто будемъ объяснять, таинственно отвѣтилъ Науматулла: — а до Эйдуненъ — не можемъ объяснять. Еще шампанскаго, господа, угодно?

— Да не мятежникъ ли это какойнибудь? усомнился вдругъ Прокопъ.

— Сказано: въ Эйдуненъ все чисто объяснять будемъ. И больше ничего! вновь подтвердилъ Науматулла и исчезъ, съ опорожненными бокалами, въ толпѣ.

— Какъ же къ нему обращаться? чай, титулъ у него какойнибудь есть? обезпоясился Прокопъ: — Науматулла, признаться, сказалъ мнѣ что-то, да вѣдь его развѣ поймешь? Заблудащій, говорить — вотъ и думай!

— Въ Эйдуненѣ узнаемъ съ, отозвался Стрекоза.

— Чай, бѣглый какойнибудь, продолжалъ Прокопъ: — ишь, шельма, смѣлый какой! не боится, такъ съ подлиннымъ обличьемъ и ѣдетъ! вотъ бы тебя къ станному отсюда препроводить — и узналъ бы ты, гдѣ раки зимуютъ!

— Въ Вержоловѣ, по всей вѣроятности, такъ и поступлено будетъ, вновь отозвался Стрекоза.

— И, все-таки, принцъ! тамъ, какъ ни дразнись свинымъ ухомъ, а и у нихъ, коли принцъ, такъ сейчасъ видно, что есть что-то свыше. Вотъ кабы онъ къ Наташенькѣ присватался, а бы его въ нашу православную вѣру перевелъ... ха-ха! А что ты думаешь! уѣхали бы всѣ вмѣстѣ въ Ташкентъ, стали бы новые необременительные налоги придумывать, дворъ, по примѣру прочихъ принцовъ, завели, Патти бы выписали...

— Христось съ тобой! вѣдь Ташкентъ-то ужь русскій!

— А, можетъ, царь и простить, назадъ велить отдать. Мы противъ русской имперіи — ничего, мы — вѣрные слуги; вотъ Коканцы — тѣ мятежники. А мы бумагу такую напишемъ, чтобы, значить, ни вамъ, ни намъ. Смотри-ка! да никакъ Науматулла опять съ шампанскимъ идетъ! Постой, а его разспрошу!

Дѣйствительно, Науматулла опять стоялъ передъ нами съ наполненными бокалами, и говорилъ:

— Вторично принецъ велѣлъ здоровья кушать! Всѣ будьте здоровы! Кофій, чай, шкаладъ — кому что угодно, все спрашивайте! все подавать велѣно!

— Да кто твой принцъ! сказывай! спросилъ Прокопъ: — можетъ, онъ мятежникъ?

ставить намъ своимъ разсказомъ живѣйше удовольствіе, то онъ, наконецъ, согласился. Но прежде, нежели приступить къ самому разсказу, онъ всталъ, разстегнулъ куртку, рубашку и фуфайку и показалъ намъ опять ту надпись, которая хранилась у него на груди пониже лѣваго соска и о которой я уже говорилъ читателю.

— Смотрите, господа! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—ибо эта печать есть истинный герой предстоящаго разсказа!

Затѣмъ, онъ высморкался, отекшлялся, и разсказалъ намъ слѣдующее.

Н. Щедринъ.

(Продолженіе будетъ).

доумѣніе жены своей:—принцъ, вѣдь, онъ! Ишь вѣдь, свиное ухо, куда вдумалъ гостинцы прятать! въ штаны!

Однако, какъ ни мало требователенъ былъ Прокопъ насчетъ развлеченій, но и ему, повидимому, надоѣло смотрѣть на восточнаго человѣка и смѣяться съ нимъ.

— Будеть, братъ! сказалъ онъ:—послѣ, ежели еще захочется—давай и опять смотрѣться!

А мнѣ, покуда все это происходило, было совсѣмъ тяжело, потому что ко мнѣ подсѣлъ Стревоза и самымъ серьезнымъ образомъ допрашивалъ, почему я его не уважаю?

— Изъ чего вы это заключаете? отбивался я, какъ умѣлъ.

— Нѣтъ, это—для меня вопросъ рѣшенный: я по глазамъ вижу. Скажите же, отчего вы меня не уважаете?

Я бился, какъ рыба объ ледъ, стараясь ежели не разувѣрить, то, по крайней мѣрѣ, успокоить моего собесѣдника. Но онъ не унимался и только видоизмѣнилъ свой вопросъ, представивъ его, впрочемъ, въ формѣ уже извѣстной читателю.

— Вы мои послѣднія распоряженія читали? Не читали? а, между тѣмъ, сѣдите обо мнѣ!

Въ это время, къ моему удовольствію, подошелъ къ намъ Прокопъ, и произнесъ:

— Чортъ ихъ знаетъ, эти татары! вотъ и смѣялся, кажется, а смерть какъ скучно! Какову онъ конфетку Надеждѣ Лаврентьевнѣ подарилъ? замѣтилъ?

Наконецъ, начало и темнѣть въ высотахъ. Проѣхали Псковъ, отобѣдали, стали подѣзжать къ Острову. Всѣ были утомлены, потягивались и зѣвали; многіе пробовали заснуть, но не могли. Съ полчаса было въ вагонѣ тихо; только слышалось какъ восточный человѣкъ чавкалъ шепталу и щелкалъ миндальные орѣхи. Потомъ, вдругъ все опять заворочалось, стараясь половчѣе усѣться, и вдругъ всѣ очутились сидящими прямо и глядящими другъ другу въ глаза.

— Вотъ-то, братъ, тоска! произнесъ Прокопъ:—хоть бы сказку кто разсказалъ!

Тогда мнѣ припомнилось, что генераль обѣщалъ разсказать исторію о томъ, какъ онъ свелъ знакомство съ чортомъ, и я немедленно сообщилъ эту мысль Прокопу.

— А чтѣ-жь! и прекрасно! можетъ быть, и разгуляемся! Генераль! помнишь, ты ему обѣщалъ исторію свою разсказать? вотъ бы теперь—чего лучше! Господа! будемъ всѣ просить генерала!

Генераль нѣсколько затруднился, но, такъ какъ мы всѣ его обступили и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ просили до-

лога чудовищные образы лабиринтодонтовъ и плезиозавровъ, либо, наконецъ, нырнувъ въ глубь времени, возникаютъ на почвѣ дѣйствительной жизни вновь въ преобразованномъ видѣ. Съ другой стороны, множество формъ общественной жизни предстоятъ человѣчеству въ будущемъ. Этого нельзя не признать уже по простой аналогіи съ прошедшимъ. Тѣ, можетъ быть, миллионы лѣтъ, которые предстоитъ прожить человѣчеству, не могутъ же быть наполнены нашими теперешними чувствами и отношеніями. Придутъ инныя птицы, совьютъ инныя гнѣзда и запоютъ инныя пѣсни, а наши гнѣзда и пѣсни будутъ играть такую же роль, какъ реставрированныя фигуры лабиринтодонтовъ въ палеонтологическихъ музеяхъ или каменные топоры первобытныхъ людей въ музеяхъ археологическихъ. Мы стоимъ на границѣ необъятнаго прошлаго и необъятнаго будущаго. Какъ ни очевидно эта истина, но дѣйствительно проникнуться ею, такъ чтобы всегда имѣть ее на счету, вовсе не легко. Это свидѣтельствуетъ исторія науки, человѣческой мысли, которая долго была убѣждена, что все, въ ней и вокругъ нея совершающееся, отъ вѣка и до вѣка было и останется въ такомъ видѣ, какъ оно есть. Мысль человѣческая могла себѣ представить начало и конецъ всего сущаго и даже съ особенною любовью останавливалась на этихъ двухъ моментахъ, но иного измѣненія, вромѣ начала и конца, мысль не знала. Идеи для нея были врожденны, т. е. имѣли только начало, а не развитіе, не подлежали никакимъ измѣненіямъ. Виды органической жизни были постоянны, т. е. опять-таки имѣли только начало и, разумѣется, конецъ. Видовъ, говорилъ Линней, столько, сколько ихъ было создано въ началѣ. Точно также относилась мысль и къ солнечной системѣ, и къ земной корѣ, и къ формамъ общественной жизни, и т. д.; хотя, собственно говоря, фактовъ было всегда достаточно для опроверженія такихъ возрѣній. Но ужъ это—какая-то коренная слабость человѣческаго ума: принимать данное за типичное, частное за универсальное и преходящее за вѣчное. Чтѣ касается въ частности занимающаго насъ здѣсь предмета, т. е. формъ общественной жизни, то новѣйшія работы въ области антропологіи, этнографіи и доисторической археологіи, извѣстныя всѣмъ и каждому хоть по наслышкѣ, казалось бы, должны совершенно поколебать господствующую тупую увѣренность, что исторически данныя формы общества составляютъ предѣлъ, его же не преиდეши. Вѣдь и людоедъ думалъ, что учрежденіе не фигуральнаго, а прямого, пожирания людей людьми никогда не исчезнетъ. Однако, людоедъ ошибся, но примѣръ его никого ничему не научилъ. Люди, почему-то называемые практическими, и теперь

разсуждаютъ подобно людоеду. Они не могутъ сдѣлать тѣхъ усилий мысли и воображенія, которые требуются для того, чтобы представить себѣ возможность значительнаго измѣненія окружающаго мира. Но если вы и преодолѣли эту слабость, являются новыя трудности. Русскому человѣку, воспитанному на ровномъ, шлоскомъ пейзажѣ, какъ-то тѣсно, какъ-то нравственно тѣсно и душно въ узкой швейцарской долинкѣ, обрамленной высокими горами. Его давятъ эти непривычныя глазу громады справа, громады слѣва, такъ осязательно дающія ему чувствовать его ничтожество. Подобное же нравственное «не по себѣ» испытываетъ человѣкъ, который вдругъ вспомнитъ, что его настоящая жизнь со всѣми ея тревоженіями есть только узкая полоса между необъятнымъ прошедшимъ и столь же необъятнымъ будущимъ. Въ немъ можетъ подняться очень горькое и безотрадное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, завтрашняя исторія смететъ насъ, сегодняшнихъ, послѣзавтрашняя — завтрашнихъ и т. д., и т. д., и т. д., такъ что мысль отказывается, наконецъ, слѣдить за этой безконечною цѣпью, которая становится, по мѣрѣ удаленія, все болѣе неопредѣленною, туманною, неуловимою, какъ очертанія альпійскихъ вершинъ, сливающихся съ облаками. А позади, въ прошедшемъ, такая же утомительно длинная перспектива. Изъ-за чего же я бьюсь? Изъ-за чего напрягаю свой мозгъ, изъ-за чего борюсь и страдаю, когда тѣ, что я съ бою досталъ, какъ истину и справедливость, въ слѣдующее же, быть можетъ, историческое мгновеніе, окажется вздоромъ и гадостью? Вотъ мучительный вопросъ, который заставляеть васъ инстинктивно цѣпляться за настоящее, какъ за вѣчное, за исторически данное, какъ за непреходящее.

Но вѣдь этимъ не поможешь. Да и чему помогать? Когда человѣкъ голоденъ, онъ ѣстъ, не смущаясь тѣмъ, что часовъ черезъ пять желудокъ опять потребуетъ работы, а тамъ опять и опять, вплоть до предсмертной потери аппетита. Все живущее удовлетворяеть по возможности своимъ потребностямъ. И такъ идетъ жизнь, то создавая новыя потребности, то отшибая старыя, то такъ, то иначе ихъ удовлетворяя или не удовлетворяя. Въ числѣ потребностей человѣка есть потребности знанія и умиротворенія совѣсти. Одна удовлетворяется истиной, другая — справедливостью, а различныя формы этого удовлетворенія образуютъ тѣ безконечныя перспективы прошедшаго и будущаго, которые называются исторіей человѣчества. Намъ, стоящимъ на известной точкѣ этой необъятной перспективы, есть ли какой-нибудь резонъ смущаться многочисленностью и разнообразіемъ попятій объ истинномъ и справедливымъ не только въ прошед-

шемъ, а и въ будущемъ? Никакого. Допустимъ, что, черезъ какія нибудь сто лѣтъ, люди ниспровергнутъ даже такую несомнѣнную для насъ истину, какъ: дважды два—четыре. Отъ этого намъ не можетъ быть ни тепло, ни холодно, потому что мы, во всякомъ случаѣ, *смы* таблицей умноженія, съ успѣхомъ употребляемъ ее и въ расчетахъ съ мелочной лавочкой, и въ вычисленіяхъ пути планетъ—словомъ, получаемъ отъ нея полное удовлетвореніе вездѣ, гдѣ она только приложима. Сомнѣнія въ будущности таблицы умноженія, еслибы они и закрались въ вашъ умъ, не могутъ васъ заставить усомниться въ ней самой. Отъ таблицы умноженія поднимитесь къ высочайшему идеалу справедливости. Создавая его, вы тѣмъ самымъ говорите: вотъ какою порядкомъ вещей удовлетворитъ мою жажду справедливости, вотъ что мнѣ нужно, чтобы заморить червяка моей совѣсти. Пройдутъ вѣка, и вы окажетесь, можетъ быть, нищимъ, нищимъ знаніемъ и совѣстью, а идеалъ вашъ будетъ далеко обойденъ или отвергнутъ. Что-жь изъ этого? Пока онъ—вашъ идеалъ, вы, во всякомъ случаѣ, ничѣмъ, кромѣ осуществленія его или приближенія къ нему, своей жажды справедливости не удовлетворите. И если вы все-таки продолжаете, какъ нѣмцы говорить, *grübeln* на ту тѣму, что, дескать, ахъ! я не могу успокоиться на своемъ идеалѣ, потому что взойдетъ солнце—росу высушить, наступитъ слѣдующее историческое мгновеніе и мой идеалъ окажется несостоятельнымъ, такъ это вовсе не значитъ, что идеалъ вамъ очень, въ самомъ дѣлѣ, дорогъ. Совсѣмъ напротивъ. Это значитъ, что онъ вамъ не дорогъ. Если вамъ докажутъ, что будущее человечество станетъ довольствоваться несравненно меньшимъ количествомъ пищи, чѣмъ какое поглощается нами теперь, то вы въ отчаяніе не придете, ахать не будете, а исправно скушаете свою порцію, да еще, можетъ быть, прибавки потребуете. Когда удовлетвореніе жажды справедливости станетъ для васъ такою же неотложною органическою потребностью, какъ удовлетвореніе аппетита, будущее перестанетъ васъ смущать и на этомъ пунктѣ. Вы и тутъ будете помогать своей порціи, потому что домогательство это даже не отъ васъ зависитъ и составляетъ необходимое условіе вашего существованія. Дѣло просто въ томъ, что въ каждое историческое мгновеніе человѣкъ, какъ ни какъ, ориентируется и долженъ ориентироваться въ окружающемъ мірѣ, т. е. извѣстнымъ образомъ группировать результаты своего опыта. Онъ при этомъ старается и неизбѣжно долженъ стараться оставить въ своемъ міровоззрѣніи какъ можно меньше прорѣхъ. Это—требованіе его природы, которое необходимо должно быть удовлетворено. И цѣнность удов-

летворенія нисколько не уменьшается тѣмъ, что тоже самое требованіе природы, по прошествіи извѣстнаго времени, будетъ удовлетворено иначе. Слѣдовательно, скептицизмъ и сидѣніе сложа руки отнюдь не оправдываются вѣчною смѣною понятій объ истинномъ и справедливомъ. Напротивъ, эта смѣна представляетъ къчто въ высовой степени утѣшительное; она оставляетъ надежду, что самыя пылкія ваши мечты, которыя вы, можете быть, даже боитесь рассказать своимъ современникамъ, хотя бы въ нихъ и не было ничего фантастическаго, съ теченіемъ времени и осуществляются, и даже превзойдутся:

Волна на волну набѣгаетъ,

Волна погоняетъ волну...

Страшная, умъ помрачающая громада этихъ волнъ катится и будетъ катиться въ теченіи вѣковъ по руслу исторіи человѣчества. Будемъ же готовы встрѣтить и въ прошедшемъ, и въ будущемъ такія формы общественной связи, которыя потребуютъ отъ насъ сильнѣйшаго напряженія мысли и воображенія. Объ этомъ я и прошу читателя: не нами міръ начался и не нами онъ кончится. Относительно будущаго, впрочемъ, предлагаемые очерки будутъ крайне скромны. И не только потому, что авторъ ихъ не желаетъ быть осмѣяннымъ, обруганнымъ или заподозрѣннымъ въ сумасшествіи. Нѣтъ, все это я бы взялъ и сумѣлъ бы перенести, еслибы болѣе или менѣе отдаленное будущее могло развернуться передъ нашимъ умственнымъ взоромъ съ полною ясностью. Но это невозможно. Много высокихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ надолго скомпрометировали не только себя, а и свое дѣло, святое дѣло, тѣмъ, что брались предугадать различныя частности будущаго человѣческаго общества. Мнѣ уже случилось однажды сдѣлать это замѣчаніе и получить недавно отъ критика «Недѣли», г. Л—аго,¹ слѣдующее возраженіе: «Едва ли не напрасно г. Михайловскій упрекнулъ утопистовъ въ томъ, что они предполагали возможнымъ опредѣлить идеальное общество до мельчайшихъ подробностей: они были въ этомъ случаѣ очень послѣдовательны, такъ какъ эмпирическое содержаніе нашего «я» складывается именно изъ мелочей, а, слѣдовательно, «признавъ желательнымъ» отождествленіе этого

¹ Кстати, приношу г. Л—му мою глубокую благодарность за добросовѣстное и сочувственное отношеніе къ «Запискамъ профала». Не могу, въ настоящее время, отвѣчать на всѣ его замѣчанія, но, кромѣ упомянутого въ текстѣ, остановлюсь еще на одномъ, которое устраняется двумя словами. Г. Л—ій полагаетъ, что «еще вопросъ—можно ли признать безспорно желательными тѣ условія, при которыхъ исчезаютъ субъективныя разногласія?» На это я отъ васъ вопрошамъ: признаетъ ли г. Л—ій безспорно желательнымъ устраненіе ювъ гласій насчетъ того, земля ли вертится около солнца или наоборотъ? Дѣтво-

содержанія во всёх членахъ общества, нельзя не желать опредѣлить эти мелочи» («Недѣля», № 30). Я думаю, однако, что я правъ. Прежде всего, какой моментъ исторіи разумѣется подъ «идеальнымъ обществомъ?» Если дѣло идетъ о завтрашнемъ днѣ, такъ, конечно, можно говорить даже о «мельчайшихъ подробностяхъ». Но на завтрашній день можетъ быть предъявленъ только такой скудный максимумъ требованій, что осуществленіе ихъ едва ли стоитъ называть идеальнымъ обществомъ. Надо бы выбрать какой нибудь менѣе громкій терминъ. Если же осуществленіе идеальнаго общества откладывается до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, то увлеченъ характеристикой его мельчайшихъ подробностей значитъ совершенно произвольно остановиться на одномъ изъ звеньевъ исторической цѣпи, уходящей въ непроглядную даль. Однихъ техническихъ изобрѣтеній, которыя могутъ быть сдѣланы въ нужный промежутокъ времени, совершенно достаточно, чтобы обратить въ ничто всё подробности утопіи. Надо замѣтить, что почти всё утописты, начиная съ Томаса Мора, рисовали подробности идеальнаго общества совсѣмъ не съ научными или философскими, а съ сатирическими цѣлями. И въ этомъ заключается ихъ оправданіе. Поражаясь извѣстною неурядицей, они противопоставляли ей извѣстный порядокъ, въ которомъ элементы неурядицы группировались, такъ сказать, на выворотъ. Дѣло эстетической, а не научной или философской критики—судить этотъ художественный приѣмъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, какъ художественный приѣмъ, законенъ. Однако, и тутъ, увлекаясь изображеніемъ мелочей и подробностей, утописты не рѣдко забывали собственныя основныя требованія и впадали въ странныя промахи. Я не помню, кто изъ нихъ полагалъ, что въ идеальномъ обществѣ изъ золота будутъ дѣлаться ночныя вазы и цѣпи каторжниковъ. Это—просто художественное низверженіе кумира золотого тельца. Дурно ли, хорошо ли оно исполнено, это—другой вопросъ, но противъ самого приѣма нельзя бы было ничего возразить, если бы утопистъ, занявшись ночными вазами, не позабылъ изгнать изъ идеальнаго общества каторжниковъ. Мечты, гораздо болѣе скромныя, чѣмъ та, въ которой фигурируетъ золотая ночная ваза, обходятся безъ каторги и цѣпей. Конечно, это—недосмотръ, котораго можно бы было избѣжать, но, избѣжавъ его, авторъ впалъ бы въ другой, въ третій. Идеаль—всегда отрицательнаго происхожденія. Человѣкъ не удовлетворенъ, оскорбленъ въ томъ или другомъ чувствѣ и дѣлаетъ построеніе, въ которомъ не-удовлетворяющія и оскорбляющія его явленія отсутствуютъ. торому отрицательныя черты общественнаго идеала (я здѣсь

вообще не говорю объ идеалѣ личном) могутъ быть дѣйстви-тельно обозначены до мельчайшихъ подробностей. Но, какъ толь-ко вы начнете подставлять вмѣсто нихъ мельчайшія подробно-сти положительнаго свойства, вы всегда рискуете—да простится мнѣ это выраженіе — попасть пальцемъ въ небо, потому что съ теченіемъ времени можетъ исчезнуть всякій поводъ къ вашимъ мелочнымъ положительнымъ поправкамъ. Вы естественно склон-ны поставить вмѣсто ($-a$) тотъ же элементъ съ положитель-нымъ знакомъ, т. е. ($+a$), тогда какъ ходъ вещей можетъ и самое a утопить въ Летѣ. Какъ бы далеко ни заглянули вы въ будущее, но всякое будущее станетъ съ теченіемъ времени про-шедшимъ. Какое же основаніе имѣете вы обрывать нить исто-рии и произвольно останавливать ее на одномъ какомъ нибудь моментѣ, даже если вы вѣрно угадали не только его общій ха-рактеръ, а и подробности? А это и дѣлали утописты. Обрати-тесь назадъ и представьте себѣ первобытнаго человѣка, сочи-няющаго подробности идеальнаго общества. Хорошо бы онъ утопію сочинилъ? Вы скажете, что то—дигарь, а то—вы, живущій тысячи лѣтъ спустя, тысячи лѣтъ, не даромъ прожитыя. Это, конечно, правда. Но, въ сравненіи съ тѣмъ человѣкомъ, кото-рый будетъ жить тысячи лѣтъ спустя послѣ васъ, вы еще ни-чтожнѣе, чѣмъ первобытный человѣкъ въ сравненіи съ вами. Да и зачѣмъ вамъ эти подробности идеальнаго общества? Идеалъ нуженъ и важенъ, какъ маякъ, какъ путеводная звѣзда, а, такъ какъ путеводная звѣзда человѣчества не можетъ остановиться (потому что не останавливается бѣгъ времени), то идеаломъ можетъ быть только движеніе въ извѣстномъ направленіи. Опре-дѣливъ для себя это направленіе, вы получите все, что есть дѣйствительно цѣннаго въ утопіяхъ, и избѣжите всѣхъ ихъ сла-бостей. Другое дѣло—ближайшія станціи этого движенія. Онѣ, конечно, должны быть ясны, хоть опять-таки не теряться въ мелочахъ.

Вотъ почему, повторяю, я буду въ своихъ очеркахъ очень скромнѣе насчетъ будущаго. А пока, да позволено мнѣ будетъ сдѣлать маленькое отступленіе, отчасти въ интересахъ нижеслѣ-дующаго, а отчасти, какъ дань привычекъ отклоняться текущей литературѣ.

Г. Мордовцевъ въ статьяхъ своихъ о провинціальной печати («Дѣло» 1875, №№ 9 и 10) предположилъ существованіе соціо-логическаго закона, въ силу котораго «все изъ провинцій тя-нется къ центрамъ, въ эти чудовищныя пасти большихъ горо-довъ, гдѣ оно погибаетъ, если не носитъ въ себѣ задатковъ жизни, такъ сказать, большого полета, или находитъ удовлетво-

раніе всѣмъ своимъ потребностямъ, богатѣеть и иногда благоденствуетъ, добивается славы, почестей, могущества». Все, въ какомъ бы то ни было отношеніи выдающееся—будь-то гениальный умъ, громадное богатство, невообразимая красота или крупное уродство въ родѣ Юлія Пастраны и двухголоватаго соловья—стремится изъ окраинъ къ центрамъ. Провинціи остаются «вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ». Положенія эти иллюстрируются разными примѣрами изъ общественной жизни, а также изъ области природы. Разсматривать я ихъ не буду, потому что и вообще не могу здѣсь останавливаться на специальномъ предметѣ статей г. Мордовцева. Замѣчу только, что главный ихъ недостатокъ состоитъ въ полной неопредѣленности и неясности для самого автора его точки зрѣнія и метода. вмѣсто того, чтобы строго отдѣлать въ занимающемъ его рядѣ явленій существующее отъ желательнаго, авторъ то радуется поглощенію центрами окраинъ, видя въ немъ часть процесса объединенія всего человѣчества, то скорбитъ объ немъ, то считаетъ его неизбежнымъ, по крайней мѣрѣ, временно, то предлагаетъ провинціямъ экономически конкурировать съ центрами. Не на эту, однако, шаткость точки зрѣнія и неопредѣленность метода обратилъ вниманіе неизвѣстный авторъ статьи «Одинъ изъ русскихъ централистовъ» («Недѣля» 1875, № 45). Напротивъ, онъ polemизировалъ съ г. Мордовцевымъ, какъ съ совершенно послѣдовательнымъ, дѣльнымъ «централистомъ», игнорируя всѣ его логическіе промахи и противорѣчія. Только въ самомъ концѣ статьи упоминаются эти противорѣчія, какъ свидѣтельство непригодности для насъ централистскихъ теорій. Во всякомъ случаѣ, воображаемому послѣдовательному централисту авторъ хочетъ противопоставить послѣдовательную теорію депентрализаціи или самостоятельнаго развитія окраинъ, провинцій. Вотъ эта теорія. «Цивилизація, имѣя въ началѣ своего развитія силу центростремительную, правило подбора, централизацію для огражденія дѣлага, нашла скоро другой принципъ, поставившій задачей развитіе частей, ихъ совершенствованіе, присвоеніе ими тѣхъ же функцій, какія имѣли прежде только избранные, и поставила это дѣлаю своего прогресса. Такимъ образомъ, мы видимъ въ нашей цивилизаціи... стремленіе не къ одному поглощенію частей, но и къ распределенію жизни между ними и уравненію ихъ во имя тѣхъ же дѣлей цивилизаціи. Жизнь частей не можетъ быть игнорируема въ интересахъ жизни дѣлага, вотъ что часто упускается изъ виду централизаторами. Они предполагали въ человѣческой исторіи дѣйствующимъ только одинъ законъ централизаціи, независимо отъ другихъ, точно также обуслови-

вающихся человеческую жизнь, наконец, они приняли его без всякого отношения къ идеямъ и чувствамъ, стремящимся къ созданію идеала, несомнѣнно болѣе справедливаго. Они упустили изъ виду цѣлую массу другихъ силъ, которыя дѣйствовали въ человеческомъ обществѣ не менѣе значительно: такъ, противъ силы, стремящейся установить только подборъ сильнаго и гибель слабаго, противъ силъ, стремящихся къ поглощенію и подчиненію, выступаютъ силы, дѣйствующія на пользу взаимнаго сохраненія, уравненія, которыя постоянно борются. Противъ монополіи и привилегій, противъ централизаціи и насильственной регламентаціи, мы видимъ стремленіе индивидуумовъ и группъ къ сохраненію своей жизни и своихъ особенностей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ ограниченной природѣ, такъ и въ развитіи обществъ, мы находимъ таковой законъ, который является гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ природный законъ борьбы за существованіе, поглощенія и истребленія; наконецъ, жизни цѣлаго насчетъ частей. Этотъ законъ, стоящій за сохраненіе частей и единицъ въ природѣ, развитіе органовъ, частей, видовъ, оразноображеніе ихъ и совершенствованіе, которое давало жизнь цѣлому, организму или роду. Прогрессъ и формированіе состоитъ въ обособленіи и специализаціи, какъ частей организма, такъ и его цѣлага. Этотъ естественно историческій законъ, проникающій природу, не менѣе дѣйствуетъ и въ социологіи. Человѣческое общество также опирается на жизнь своихъ частей, и, чѣмъ болѣе даетъ развитія ихъ силамъ и содѣйствуетъ полнотѣ жизни индивидуумовъ, тѣмъ болѣе гарантируетъ свое собственное существованіе и сохраненіе. Развитіе общества создается обособленіемъ его функцій, дифференцированіемъ отправленій въ различныхъ частяхъ его, какъ и въ индивидуумѣ, и одною изъ задачъ цивилизаціи является настолько же объединеніе жизни, насколько и покровительство разнообразію ея. «Чѣмъ несовершеннѣе существо, говорилъ еще Гёте, тѣмъ болѣе сходства замѣчаемъ мы между отдѣльными частями его и цѣлымъ; чѣмъ совершеннѣе оно, тѣмъ болѣе различія въ его частяхъ. Въ первомъ случаѣ, части въ большей или меньшей степени повторяютъ собою цѣлое; въ послѣднемъ же—онѣ совершенно не похожи на цѣлое. Чѣмъ больше сходства между частями, тѣмъ меньше между ними зависимости, соподчиненность частей есть признакъ высшей организаціи». Эти истины по отношенію къ животнымъ и растениямъ также прилагаются и къ обществамъ. «Чѣмъ несовершеннѣе общество—говоритъ другой писатель—т. е. чѣмъ меньше разнообразія въ занятіяхъ, тѣмъ больше сходства между частями, какъ это легко можетъ замѣтить каждый, наблюдая челоѣка въ чисто земледѣльческихъ странахъ».

Я нискоимъ образомъ не могъ оставить здѣсь безъ вниманія этихъ общихъ взглядовъ, представляющихъ, повидимому, такое близкое сходство съ теоріей борьбы за индивидуальность и, однако, существенно отъ нея отличающихся, не въ свою, какъ мнѣ кажется, пользу. Безъ сомнѣнія, такъ сказать, наружность статьи «Недѣли» далеко превосходитъ наружность статьи г. Мордочева. Неизвѣстный авторъ прямо заявляетъ, что въ обществѣ борятся силы центробѣжная и центростремительная, изъ которыхъ, смотря по условіямъ борьбы, побѣждаетъ то та, то другая, и что, наконецъ, онъ, авторъ, считаетъ желательною побѣду силы центробѣжной. Еслибы авторъ ограничился этимъ или подобнымъ краткимъ выраженіемъ своихъ мыслей, опровергать его было бы довольно сложнымъ дѣломъ и несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ теперь, когда онъ, развѣсивъ свои формулы, тѣмъ самымъ даетъ оружіе противъ него—авторъ не выбивается изъ круга тѣхъ аналогій, изъ которыхъ вытекаютъ опровергаемыя имъ самимъ воззрѣнія. Всѣ органисты, всѣ дарвинисты, всѣ нелѣпологи, всѣ тѣ, что возводятъ въ общественный принципъ фактъ подбора сильныхъ и приспособленныхъ и гнетъ ихъ надъ слабыми и неприспособленными—всѣ они согласны съ нашимъ авторомъ, что «развитіе общества создается обособленіемъ его функций, дифференцированіемъ отправленій въ различныхъ частяхъ его, какъ и въ индивидуумѣ». Согласны или, по крайней мѣрѣ, должны быть согласны съ этимъ и самые крайніе централизаторы, съ которыми авторъ «Недѣли» полемизируетъ. Они себѣ представляютъ дѣло такъ. Дано обширное общество, называемое Россіей, русскимъ государствомъ. Развиваться оно должно, какъ и всякій индивидъ, путемъ обособленія функций, дифференцированія органовъ и отправленій. Т. е., напримѣръ, Нижнее Поволжье, по естественному характеру своему, должно взять на себя функцію производства хлѣба, быть, какъ говорятъ объ этомъ краѣ, житницей Россіи и ни-ни, отнюдь не помышлять о соперничествѣ съ другими частями русскаго организма въ какихъ нибудь другихъ отрасляхъ матеріальнаго или нематеріальнаго производства: промышленныя издѣлія Поволжье получить изъ центровъ промышленности, потому что такова обособленная функція послѣднихъ; собственныхъ продуктовъ умственнаго творчества Поволжью тоже не полагается, потому что оно будетъ снабжено ими изъ специальныхъ центровъ, заведующихъ умственными отправленіями, и т. д. и т. д. Централизаторы въ состояніи будутъ привести въ пользу этихъ воззрѣній тѣ самыя слова Гёте и другого неизвѣстнаго мнѣ писателя, на которыхъ опирается авторъ «Недѣли». Они это и дѣлаютъ: слова Гёте

весьма часто ими цитируются. Они именно требуют разнообразия, зависимости и подчиненности частей и настаивают, что это необходимо для существования и сохранения блага. Вся разница между спорящими сторонами состоит, таким образом, не столько в аргументах, сколько в намерениях, в субъективной подкладке спора. Централисты хотят, чтобы государственный центр поглотил части, окраины; децентралисты этого не хотят. Тажба при этомъ ведется, собственно говоря, только между государствомъ и тѣми *крутами*, на которыя оно дробится. Хотя тажущіеся и стараются связать каждый свое дѣло съ судьбами личности, индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова, но, такъ какъ судьбы эти играютъ для нихъ все-таки только второстепенную роль, то выплываютъ вещи очень странныя. Напримеръ, авторъ «Недѣли» категорически заявляетъ: «Тамъ, гдѣ централизація достигала высшаго предѣла, тамъ падала человѣческая дѣятельность и талантливость, а гдѣ развивалась децентрализація, тамъ силы общества поднимались». При этомъ, равнужются паденіе и ростъ «индивидуальности человѣческихъ способностей». Въ доказательство приводятся кѣкоторые историческіе примѣры. Почти всѣ они могутъ быть истолкованы совсѣмъ иначе. Но я напомиу крупный примѣръ — феодальную систему, представлявшую полнѣйшую децентрализацію и, однако, страшно давившую «индивидуальность человѣческихъ способностей». Не безъ всякаго же основанія многіе историки видятъ въ среднихъ вѣкахъ со всей ихъ децентрализаціей какаго-то мрачный провалъ въ исторіи. Я это не въ норицаніе принципъ децентрализаціи и федерализма говорю—объ нихъ у насъ въ свое время особая рѣчь будетъ. Я только пользуюсь случаемъ лишній разъ выяснитъ основанія моей теоріи, съ которою теоріа автора «Недѣли», повидимому, такъ близка. Я готовъ согласиться и съ нимъ, и со всѣми аналогистами, что всякая индивидуализированная единица, будь то растительная клѣточка, зародышъ животнаго, единица національная, сословная, государственная, развивается, дифференцируясь на части и обособляя свои отправления. Но я предлагаю идти дальше. Существуютъ различныя ступени индивидуальности, которыя борются между собой, стремятся подчинить другъ друга. Эта борьба (обнимающая Дарвинову борьбу за существованіе, какъ частный случай) ведется различными ступенями индивидуальности съ весьма различнымъ успѣхомъ. Въ высшихъ организмахъ, напримеръ, въ человѣкѣ, всѣ тѣ 60,000,000,000,000 клѣточекъ, которыя, по расчету Фирордта и Валькера, обращаются ежесекундно въ его тѣлѣ, всѣ его ткани, органы чувствъ и движе-

жонія—закрѣпощены своему цѣлому окончательно. Въ низшихъ организмахъ побѣда цѣлаго надъ частями далеко слабѣе. Въ муравейникѣ, индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова побѣждаетъ обществомъ; въ полипнэгѣ эта побѣда еще рѣшительнѣе. Фабрика, какъ экономическая единица, стремится подчинить себѣ, поглотить рабочаго. Въ исторіи намъ извѣстны національныя индивидуальности, побѣжденные и непобѣжденные единицами государственными. Внутри національной индивидуальности борются индивидуальности сословныя, а внутри послѣднихъ—индивидуальности человѣческія. Достигая строго обособленной ступени развитія касты, сословіе побѣждаетъ какъ высшую, національную индивидуальность, такъ и низшую—человѣческую и т. д. и т. д. Таковы факты, картину которыхъ должны представить предлагаемые очерки, если имъ суждено достаточно долго занимать вниманіе читателя; такова, собственно, объективная часть теоріи борьбы за индивидуальность. Здѣсь нѣтъ ничего такого, что не могло бы быть доказано съ почти математическою ясностью. Факты такъ просты, что сами по себѣ не могли бы породить никакихъ споровъ. Не такова субъективная сторона дѣла. Историки, социологи, политики, публицисты, имѣя дѣло съ различными степенями общественной индивидуальности, произвольно выбираютъ центромъ своихъ изслѣдованій то одну, то другую. Одни принимаютъ близко къ сердцу судьбу «общественнаго организма» вообще (это—самые поверхностные, изъ нихъ то и выходятъ нелѣпологи, нелѣпософы и нелѣпоманы) и радуются, если организмъ этотъ поглощаетъ и уродуетъ человѣка, т. е. индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова. Другіе желаютъ побѣды, это группѣ національной, это сословной, это государственной и т. д. Отсюда идетъ большинство разногласій между людьми, изслѣдующими общественныя явленія, отсюда и ихъ взаимное непониманіе. На какомъ основаніи каждый изъ нихъ желаетъ побѣды именно такой-то ступени индивидуальности? Они, либо не задаютъ себѣ этого вопроса, а истинно, въ силу преданія или *безотчетности* личныхъ склонностей, выбираютъ свой центръ изслѣдованія; либо же, будучи поставлены въ необходимость отвѣчать, скажутъ: я стою, напримѣръ, за національные интересы потому, что они наилучше способствуютъ благосостоянію, умственному развитію и нравственному совершенствованію личностей. Я не могу себѣ, по крайней мѣрѣ, представить возможности иного вѣчнаго отвѣта. Его должны, хотя бы для виду, дать даже тѣ ученые и писатели, которые завѣдомо своевременно или въ интересахъ какой нибудь касты гнутъ и ломаютъ факты общественной жизни. Но дѣло въ томъ, дѣйстви-

тельно ли и насколько и при какихъ условіяхъ интересы національныя или какойнибудь другой группы политической, экономической, родственной и т. д. совпадаютъ съ интересами личности. Нужна, слѣдовательно, прежде всего провѣрка отношеній различныхъ общественныхъ индивидуальностей къ индивидуальности человѣческой. Я предлагаю для этого мѣрило крайне простое, не требующее для успѣшнаго приложенія ничего, кромѣ вниманія и добросовѣстности. Оно непосредственно примыкаетъ къ тѣмъ несомнѣннымъ фактамъ, совокупность которыхъ я называю борьбой за индивидуальность и которые не только ни кѣмъ не отрицаются, но множествомъ весьма ученыхъ людей съ особенною охотою, хотя и не слишкомъ логично, выставляются на первый планъ. Такъ какъ я не въ первый разъ предлагаю читателю это мѣрило, то, чтобы не надоесть ему, постараюсь здѣсь вкратцѣ изложить свои взгляды въ нѣсколько новомъ видѣ. При этомъ выяснятся кое-какія обстоятельства, которыя ниже сослужатъ намъ службу.

Исчезнувшая, какъ говорится, допотопная животная жизнь представляетъ не мало образцовъ поразительныхъ типовъ, которые Агассицъ называетъ пророческими или синтетическими (онъ дѣлаетъ нѣкоторую разницу между этими двумя терминами, но она для насъ не важна; см. его *De l'espèce et de la classification en zoologie, tr. par Vogeli, 182*). Они представляютъ собою соединеніе (синтезъ) и какъ бы предвосхищеніе (пророчество) нѣсколькихъ животныхъ типовъ, которые, въ послѣдующіе геологическіе періоды, въ томъ числѣ и въ наше время, существуютъ только въ раздѣльномъ видѣ. Таковы, на примѣръ, чудовищныя ихтиозавры, т. е. рыбо-ящеры, совмѣщающіе въ себѣ такія черты организаціи, которыя нынѣ встрѣчаются только порознь въ рыбахъ и въ пресмыкающихся. Таковъ не менѣе чудовищный лабиринтодонтъ, въ которомъ совмѣщаются особенности нынѣшнихъ лягушекъ, черепахъ и ящерицъ. Въ настоящее время, такія смѣшанныя, переходныя формы очень рѣдки, имѣютъ очень слабую организацію и очень бѣдны видами, какъ, на примѣръ, летучая рыба. Но нѣкогда это были цари земли, передъ которыми все дрожало. Какое употребленіе дѣлаетъ изъ этихъ фактовъ Агассицъ—до этого намъ нѣтъ дѣла: онъ измѣненія видовъ, какъ извѣстно, не признавалъ и видѣлъ въ органическихъ формахъ какъ бы застывшія идеи нѣкотораго міроваго разума. Поучительнѣе мнѣнія нѣмецкаго ученаго Снелля, изложенныя въ фантастической, но чрезвычайно умной брошюрѣ *Die Schöpfung des Menschen*. Снелль сводитъ типы организаціи къ двумъ разрядамъ—типовъ идеальныхъ и практи-

ческихъ. Идеальные, это—тоже, что пророческіе или синтетическіе типы Агассица. Снелль именно въ нихъ видитъ носителей прогрессивнаго развитія; самое даже разнообразіе органической жизни въ значительной степени обуславливается разносторонностью и богатствомъ ихъ природы, изъ которой, какъ изъ общаго источника, расходятся во всѣ стороны рѣзко различныя формы. Типы практическіе, напротивъ, односторонніе и скудные, приспособляются къ тѣмъ или другимъ замкнутымъ условіямъ существованія и все болѣе и болѣе суживаютъ формулу своей жизни. Само собою разумѣется, что рѣзкой перегородки между практическими и идеальными типами нѣтъ. Могучіе ихтиозавры, птеродактили и т. п. не вынесли своей мощи. Какъ у Ильи Муромца калики переходящіе сбавили половину его силы, потому что иначе землѣ было бы тяжело носить его, такъ и у этихъ древнихъ чудищъ природа обобрала ихъ мощь и раздала ее по частямъ узкимъ, приспособленнымъ къ одной водной стихіи рыбамъ, жалкимъ пресмыкающимся и т. п. Это обстоятельство, между прочимъ, должно бы было нѣсколько затуманить радость тѣхъ дарвинистовъ, которые вѣрятъ въ творческую силу подбора и борьбы за существованіе. Даровитѣйшій изъ нихъ, Геккель, долженъ былъ признаться, что «естественный подборъ вездѣ (überall) способствуетъ развитію типовъ практическихъ въ ущербъ идеальнымъ» (Generelle Morphologie, II, 262). Не все, значить, пахнетъ розой въ процессѣ борьбы и не только относительно средствъ, но и относительно результатовъ: вмѣсто одного цѣлковаго положимъ даже десять (конечно, меньше) гривенниковъ, сильно потертыхъ процессомъ размѣна—это не особенно, кажется, выгодно. И, еслибы природа не возмѣщала этой убыли тѣмъ закономъ развитія, о которомъ говорено было въ прошлой статьѣ, на землѣ жить было бы довольно скучно, да, по правдѣ сказать, и не стоило бы. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Въ чемъ собственно состоитъ разница между практическими и идеальными типами, напримѣръ, между нынѣшними рыбами и ащерицами съ одной стороны, и древними рыбо-ащерицами—съ другой? и въ чемъ состоитъ процессъ распадѣнія одного идеальнаго типа на нѣсколько практическихъ? Читатель видитъ, что все дѣло здѣсь опять таки, въ томъ же принципѣ раздѣленія труда, который даетъ диаметрально противоположные результаты, будучи приложенъ къ органамъ одного и того же индивида и къ нѣсколькимъ индивидамъ. Въ предѣлахъ индивидуальности ихтиозаура физиологическое раздѣленіе труда, т. е. раздѣленіе труда между органами достигаетъ извѣстной, довольно высокой степени, потому что тутъ есть на лицо и органы, необходимыя для жизни

въ водѣ, и органы, необходимыя для жизни на сухомъ пути. Когда идеальный типъ ихтиозаура распался на практическіе типы рыбъ и ящеряцъ, произошло раздѣленіе труда между индивидами, причемъ въ каждомъ изъ нихъ степень физиологическаго раздѣленія (въ предѣлахъ рассматриваемыхъ нами свойствъ организаціи) понизилась: одни стали способны только къ водной жизни, другіе только къ сухопутной. Понизился *типъ* развитія. Затѣмъ, этотъ новый, пониженный практическій типъ можетъ достигать весьма высокой *степени* развитія: рыбы вырабатывали себѣ чрезвычайно сложные аппараты, приспособленные къ водной жизни, каковыхъ у ихтиозаура, конечно, не было. Приложите теперь это разсужденіе къ явленіямъ общественной жизни. Подставьте вмѣсто вида ихтиозаура какую нибудь социальную группу, какую нибудь общественную индивидуальность. Если внутри этой индивидуальности и подъ вліаніемъ ея развитія, состоящаго въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному, въ дифференцированіи частей, въ усиленіи раздѣленія труда (общественнаго), обособляются рѣзко различныя индивиды, то *типъ* послѣднихъ понижается, какъ бы ни была высокая *степень* ихъ развитія: общественная индивидуальность можетъ торжествовать побѣду надъ индивидуальностью человѣческой. Типъ безполаго рабочаго муравья далеко ниже типа его отдаленнаго плодovitаго предка, хотя въ предѣлахъ своей односторонности онъ, можетъ быть, достигъ чрезвычайно высокой степени развитія. Теперь сравните съ этой точки зрѣнія два муравейника: одинъ—древній, въ которомъ раздѣленіе труда не произвело еще никакого полиморфизма (многоформности), и другой—нынѣшній, въ которомъ имѣется 3—5 кастъ, различающихся и наружнымъ видомъ, и общественною дѣятельностью, и характеромъ организаціи. Который изъ нихъ выше? Съ объективной точки зрѣнія, выше нынѣшній муравейникъ, потому что его части (муравьи) сильнѣе дифференцированы. Но съ субъективной точки зрѣнія самого муравья, выше древній муравейникъ. Чтобы не повторять того, что было доказываемо много разъ, я только просто заявляю, что становлюсь на точку зрѣнія муравья. Пусть совокупными усиліями полиморфныхъ индивидовъ созданы огромныя богатства и даже цѣлая муравьиная цивилизація, это—только *высокая степень* развитія *пониженнаго типа*. Типъ древняго муравейника выше, хотя онъ и не успѣлъ достигнуть высокой степени развитія; онъ выше потому, что въ немъ побѣда въ борьбѣ за индивидуальность осталась на сторонѣ муравья, т. е. индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова. Побѣдѣ высшей индивидуальности, т. е. общественной (какая бы

она ни была—национальная, экономическая, родственная, политическая) и радоваться не могу. Какоенибудь высшее существо, передъ всеобъемлющимъ взоромъ котораго субъективная сторона историческаго процесса ступшевывается, которое равно безразлично относится и къ муравью, и къ муравейнику, такое высшее существо можетъ надо мной посмѣяться и уличить меня въ противорѣчїи. Въ самомъ дѣлѣ, я признаю низшимъ то, что, съ объективной точки зрѣнія, есть высшее, ибо я и самъ готовъ цитировать нѣмецкаго олимпійца: «тѣмъ несовершеннѣе существо, тѣмъ болѣе сходства замѣчаемъ мы между отдѣльными частями его и цѣлымъ: тѣмъ совершеннѣе оно, тѣмъ болѣе различїя въ его частяхъ». Значить, заключаютъ отсюда социологи, историки, политики, публицисты, значить и общество тѣмъ совершеннѣе, тѣмъ болѣе различїя между его членами. Затѣмъ социологи, политики и т. д. начинаютъ путаться и прешираться, принимая за центръ изслѣдованїя одинъ одну, другой другую общественную индивидуальность. Я думаю, они оттого путаются, и препираются, что берутъ на себя въ своей исходной точкѣ (можетъ быть, по недоразумѣнїю) непосильное бремя олимпійскаго величїя, передъ которымъ «все—все равно». Я—не олимпіецъ, а только человекъ, т. е. индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а потому и сочувствовать могу только такому же индивиду, и радоваться только его побѣдѣ, и горевать только о его пораженїи. Вънѣ этого, и мнѣ «все—все равно», въ томъ числѣ и централизація и децентрализація.

Надѣюсь, что мнѣ уже больше не придется утомлять вниманїе читателя отвлеченными изложениемъ теорїи борьбы за индивидуальность, которая ближе выяснится на конкретныхъ примѣрахъ.

Начнемъ съ семьи, какъ съ самой элементарной общественной единицы и, притомъ, во многихъ отношенїяхъ рѣзко отличающейся отъ всѣхъ другихъ общественныхъ единицъ. Элементарность ея слѣдуетъ, однако, разумѣть только въ томъ смыслѣ, что она обнимаетъ собой наименьшее число людей: мужъ, жена, сынъ или дочь—эти три лица уже составляютъ семью. Было бы ошибочно думать, что семья элементарна еще въ другомъ смыслѣ—именно какъ самая древняя форма общегитїя. Это, впрочемъ—мнѣніе очень распространенное и раздѣляемое многими высокими авторитетами. Такъ, Манъ («Древнее право») полагаетъ, что прототипъ древнѣйшаго человѣческаго общества долженъ быть признанъ патриархально семейный бытъ, изображенный въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Мы скоро увидимъ, что этотъ бытъ есть плодъ уже довольно высокой цивилизаціи и не даетъ никакого понятїя

о «состояніи, въ какомъ находилось человѣчество въ началѣ своей исторіи» (Мэнъ, 98). Дарвинъ, поднимающійся, конечно, гораздо дальше въ глубь времени, также склоняется къ мнѣнію, что наши отдаленнѣйшіе предки обладали уже извѣстной, вѣроятно, полигамической формой брака и семьи, подобно многимъ нынѣшнимъ четвероукиимъ. Однако, онъ убѣждается въ этомъ единственно априорными соображеніями. Онъ признаетъ, что «всѣ, внимательно изучившіе этотъ предметъ», смотрятъ на дѣло иначе и что «кажется несомнѣннымъ, что обычай брака развивался постепенно» («Происхожденіе человѣка и половой подборъ», пер. Сѣченова, II, 399, 402). Конечно, данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ времени, когда человѣкъ сталъ человѣкомъ, не имѣется. Но несомнѣнно, съ чѣмъ согласенъ и Дарвинъ, что было такое время, когда простое общее смѣшеніе половъ «было чрезвычайно распространено на всемъ земномъ шарѣ». Дарвинъ, слѣдовательно, полагаетъ, что учрежденіе брака и семьи, хотя бы только въ такой формѣ, въ какой оно нынѣ существуетъ у гориллы, было нѣкогда присуще и человѣку, но затѣмъ имъ утеряно. Интересно сопоставить этотъ выводъ съ мнѣніями одного русскаго ученаго, г. Воеводскаго. Исслѣдованіе греческихъ мифовъ привело его къ вопросу: насколько дѣтубійство могло считаться нѣкогда не только безразличнымъ, а прямо нравственнымъ поступкомъ, и какъ мы должны смотрѣть на него съ точки зрѣнія исторіи развитія нравственности. Я уже имѣлъ случай упоминать въ «Запискахъ профана» о точкѣ зрѣнія г. Воеводскаго, который не допускаетъ возможности понятнаго движенія въ исторіи человѣческой нравственности. Сообразно этому, предствало объяснить и дѣтубійство, какъ нѣкоторый шагъ впередъ. Онъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ Силезіи и Саксоніи у городскихъ воротъ до сихъ поръ висятъ палицы съ надписью:

Wer seinen Kindern giebt das Brot
Und leidet dabei selber Noth,
Den schlage man mit dieser Keule todt.

Т. е.: кто дѣтямъ своимъ даетъ хлѣбъ и при этомъ самъ терпитъ нужду, тотъ да будетъ убитъ этой палицей. Я полагаю, что надпись эта должна быть объясняема просто какимъ нибудь частнымъ случаемъ или цѣлымъ рядомъ случаевъ (въ родѣ исторіи короля Лира), который поразили современниковъ. Но г. Воеводскому они «напоминаютъ, что дорожить чрезмѣрно жизнью ребенка могло когда-то считаться порокомъ. Если мы вспомнимъ при этомъ, продолжаетъ онъ, какъ сильно развита у большей части извѣстныхъ намъ животныхъ любовь къ дѣтенышамъ, при-

нимающая иногда даже отвратительные размеры, например, у обезьян, которая нянчится даже съ мертвымъ ребенкомъ по нѣскольку дней послѣ его смерти, то всякій шагъ, сдѣланный человѣчествомъ въ противоположную сторону, получить для насъ новое значеніе. Дѣйствительно, любовь матери къ своему ребенку, особенно въ первое время его существованія, вытекаетъ даже просто изъ физиологическихъ условій и поэтому уже никакъ не можетъ считаться исключительнымъ плодомъ гуманнаго развитія, а напротивъ, однимъ изъ самыхъ элементарныхъ, всегда существовавшихъ инстинктовъ, безъ котораго, подобно какъ безъ полового влеченія, немислимо было бы ни человѣчество, ни вообще міръ животныхъ. Смотри съ этой точки зрѣнія, намъ уже не представляются столь неблагоприятными и древнѣйшіе миомъ дѣтоубійствѣ... представится возможность уразумѣть и этическое значеніе дѣтоубійства, какъ фактора въ культурномъ развитіи человѣчества («Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ», 129 и слѣд.). Здѣсь не мѣсто говорить, насколько законна точка зрѣнія, признающая шагомъ впередъ *ослабое* уклоненіе, въ чемъ бы оно ни состояло, человѣческаго типа отъ нравовъ и обычаевъ животныхъ. Замѣчу только, что она нѣсколько напоминаетъ образъ мыслей дикаря, который привелъ европейскому путешественнику тотъ аргументъ противъ моногаміи, что одной женой довольствуется мѣстный видъ обезьянъ, или тѣхъ жителей Малайскаго Архипелага, которые считаютъ поворомъ имѣть бѣлые зубы, «какъ у собакъ».

Какъ бы то ни было, но, при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній, пробѣлъ между семейнымъ общегитіемъ высшихъ животныхъ и отсутствіемъ семьи у нашихъ отдаленныхъ предковъ можетъ быть наполненъ только отвлеченными соображеніями, съ чѣмъ согласенъ и г. Воеводскій. Фактическая исторія супружескихъ и родительскихъ отношеній въ человѣчествѣ начинается отсутствіемъ семьи, тѣмъ состояніемъ, которое различными изслѣдователями называется то общимъ смѣшеніемъ половъ, то общиннымъ или коммунальнымъ бракомъ, то гетеризмомъ. Намъ, конечно, трудно себѣ представить порядокъ вещей, въ которомъ не имѣютъ мѣста понятія отца, матери, мужа, жены, сына, дочери, т. е. тѣ самыя понятія, которыми полна нравственная атмосфера, окружающая насъ съ ранняго дѣтства. Мы готовы даже признать, отпрявляясь отъ привычныхъ намъ взглядовъ и чувствъ, такой порядокъ безпорядкомъ, совершеннымъ хаосомъ. Между тѣмъ, это былъ несомнѣнно порядокъ, т. е. нѣчто прочное, всѣми признанное и, такъ сказать, уравновѣшенное. Очень долго этотъ порядокъ совершенно удовлетворялъ потребностямъ и взгля-

дамъ людей и затѣмъ, когда народились новыя силы, уступилъ ихъ напору только съ большимъ трудомъ, оставивъ и понынѣ многочисленныя слѣды своего когда-то безграничнаго господства.

Разскажите малообразованному европейцу о русскомъ общинномъ землевладѣннн. Онъ будетъ, вѣроятно, удивленъ этими порядками и назоветъ ихъ страннымъ хаосомъ, который въ самомъ себѣ носить залогъ разрушенія, потому что, дескать, люди, въ ряду поколѣннн, не могутъ терпѣть такого систематическаго посяганія на личную собственность, какъ передѣлы земли и круговая порука. И это будетъ, повидимому, даже очень удовлетворительное разсужденіе, а, между тѣмъ, община существуетъ цѣлыя вѣка. Такимъ же хаотическимъ состояніемъ представляется намъ, на примѣръ, жизнь кавказскихъ горцевъ, у которыхъ господствуетъ кровная или родовая месть. Намъ поражаетъ, при этомъ не только отсутствіе специальныхъ судебныхъ органовъ, а и невозможная для насъ идея, что нѣтъ личныхъ преступленнн, что въ убійствѣ виноватъ не убійца, а весь его родъ. Съ точки зрѣннн горцевъ, однако, это—вовсе не нелѣпая идея: они съ ней испоконъ вѣка живутъ. Возьмите еще, на примѣръ, хоть цыганскій таборъ, съ его поразительной организаціей, въ которой личная воля, личные вкусы, личное достояніе, личные симпатн совершенно утопаютъ. Намъ странно, что люди могутъ такъ жить. Прикидывая на свой аршинъ, представляя себѣ себя и окружающихъ людей въ положеннн членовъ цыганскаго табора, мы видимъ, что намъ не выдержать бы и недѣли такой жизни. Однако, цыгане живутъ, много вѣвовъ живутъ и, вѣроятно, считаютъ хаосомъ именно наши порядки. Все это—остатки обычаевъ, когда-то повсемѣстно распространенныхъ, только остатки, дающіе лишь слабое понятіе о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, которыя господствовали на отдаленной зарѣ исторнн человѣчества. Надо себѣ представить, что въ ту неизмѣримо далекую отъ насъ пору личность утопала отнюдь не въ семьѣ (какъ думаетъ Мэнъ) и даже не въ такой опредѣленной общественной единицѣ, какъ русская община, горскій родъ или цыганскій таборъ, а въ чемъ-то такомъ, чему мы и имени не знаемъ. Это было нѣчто въ родѣ стада. Супружескія и родительскія отношенія едва ли не лучше всего обрисовываютъ духъ и характеръ такого общежитія. Однако, даже всѣ имѣющіяся этого рода свѣдѣннн, какъ о вымершихъ уже народахъ, такъ и о нынѣ живущихъ диваряхъ, только въ совоупности, взаимно дополняясь, могутъ помочь возстановить полную картину древнѣйшаго гетеризма.

Въ замѣчательномъ сочиненіи Бахофена «Материнское право» (*Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaekokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur*) собраны относящіяся сюда свидѣтельства древнихъ писателей. Я приведу нѣкоторыя изъ нихъ. По Геродоту и Страбону, массагеты и назамоны, хотя и имѣли женъ, но никто никому не препятствовалъ совершать публично половой актъ съ чьей бы то ни было женой. Подобныя же нравы поразили, по Ксенофону и другимъ, солдатъ Кира въ нѣкоторыхъ народахъ, встрѣченныхъ ими въ походѣ. Объ эоіопскихъ аусеяхъ Геродотъ говоритъ, что они «пользуются женами сообща, не живутъ съ ними въ домахъ и совершаютъ половой актъ подобно скотамъ». При этомъ, массагетъ, вступая въ сношеніе съ первой попавшеюся женщиной, вывѣшивалъ свой колчанъ съ переду кибитки и втыкалъ въ землю свою палку: это была какъ бы вывѣска, символъ того, что происходило въ это время въ кибиткѣ. Съ тою же цѣлью, современный Страбону арабъ оставлялъ свою палку съ наружной стороны двери, и т. п. Относительная малочисленность такихъ прямыхъ свидѣтельствъ о грубѣйшихъ формахъ гетеризма нисколько не удивительна. Удивительна, напротивъ, крайняя живучесть этихъ, въ полномъ смыслѣ слова, первобытныхъ порядковъ. Въ болѣе мягкихъ формахъ общинный бракъ и понынѣ существуетъ, напримѣръ, у бушменовъ; у каировъ (въ Индіи) «никто не знаетъ своего отца, и всякій смотритъ на дѣтей своей сестры, какъ на своихъ наследниковъ» (при чемъ тутъ сестра, мы увидимъ впоследствии); тигуры въ Оудѣ «живутъ обширными общинами въ почти безразличномъ смѣшеніи, и даже для тѣхъ лицъ, которыя считаются въ супружествѣ, брачныя узы существуютъ только по имени»; у туземцевъ острова Королевы Шарлотты «женщины, повидимому, смотрятъ на всѣхъ мужчинъ своего племени, какъ на своихъ мужей.» И т. д. (Дж. Лёббокъ. Начало цивилизаціи. Пер. Коропчевскаго, 65). Я не стану, однако, перечислять и описывать этого рода факты. Гораздо любопытнѣе обширный разрядъ очень разнообразныхъ фактовъ, относящихся къ гораздо болѣе позднимъ историческимъ моментамъ, но косвенно характеризующихъ и стародавнее отсутствіе семьи. Они любопытны потому, что рисуютъ самый процессъ образованія семьи и ея борьбы съ высшею индивидуальностью.

Диодоръ Сицилійскій съ удивленіемъ отмѣчаетъ «странный обычай» жителей Балеарскихъ Острововъ. У нихъ, говоритъ онъ, въ свадебную ночь молодая считается общею собственностью всѣхъ гостей, которые пользуются ею въ порядкѣ старшинства. Мужъ вступаетъ въ свои права послѣднимъ. Подобныя

же обычаи существовали въ Вавилонѣ, Арменіи, у многихъ эіопскихъ племенъ, кажется, въ Кароагенѣ, отчасти въ Греціи. Кое-гдѣ и теперь господствуетъ этотъ обычай съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, у санталовъ (одного изъ туземныхъ племенъ Индіи), говоритъ Лѣббокъ, браки совершаются только однажды въ годъ—по большей части, въ январѣ. Въ теченіе шести дней всѣ, готовящіеся вступить въ бракъ, живутъ вмѣстѣ, и только послѣ этого за отдѣльными парами признается право вступать въ бракъ. Факты эти не могутъ быть объяснены ничѣмъ, кромѣ сознанія коллективнаго права племени на всѣхъ женщинъ. Право это во всемъ своемъ объемѣ уже утрачено; мужъ и жена на другой день свадьбы принадлежать уже только другъ другу; но страшное давленіе племени еще выражается безропотнымъ предоставленіемъ первой ночи всѣмъ и каждому. Этотъ компромиссъ лучше всего характеризуетъ совершенно для насъ непонятную степень поглощенія личности племенемъ. Я говорю «племенемъ» за невозможностью найти соотвѣтственное имя для той странной общественной индивидуальности, которая, съ нынѣшней точки зрѣнія, такъ грубо и безапелляціонно давила индивидуальность человѣческую. Это, конечно, была не семья, потому что семья въ пору упомянутаго компромисса только начала еще складываться. Но это—и не племя, и не община, какъ видно изъ многихъ другихъ остатковъ старины, сохранившихся до нашихъ дней. Хотя относительно многихъ нынѣшнихъ дикарей и извѣстно, что свобода половыхъ отношеній не выходитъ у нихъ за предѣлы племени, но совокупность относящихся сюда фактовъ заставляетъ, мнѣ кажется, думать, что несовсѣмъ такъ было на зарѣ исторіи, тѣмъ болѣе, что вѣдь мы, собственно говоря, не знаемъ, какъ сложилась единица, называемая нами теперь племенемъ. Въ вышеупомянутомъ показаніи Діодора Сицилійскаго о жителяхъ Балеарскихъ Острововъ говорится, что жена уступалась всѣмъ «друзьямъ и знакомымъ» (Бахофенъ, 12). Извѣстно далѣе, какъ распространена и донныѣ такъ называемая (несовсѣмъ правильно) «гостепріимная проституція», т. е. обычай, въ силу котораго жена или дочь хозяина предоставляются гостю. У коряковъ и чукчей сила этого обычая доходитъ до того, что хозяинъ оскорбляется отказомъ гостя и можетъ даже убить его (Е. Якушкинъ. Обычное право, VII). У алеутовъ всякій, возвратившійся изъ дальняго пути, имѣетъ право на всѣхъ женщинъ юрты (Путешествіе флота капитана Сарычева, 1804 г.). У насъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до послѣдняго времени рекрутъ-наемщикъ имѣлъ право на всѣхъ молодыхъ женщинъ семьи нанявшаго его крестьянина (Якушкинъ, VIII). Бразильскіе людоѣды счи-

*

тають обязанностью уступать своихъ женъ и дочерей военноплѣннымъ, обреченнымъ на съѣденіе. Всѣ эти обломки несомнѣнно глубокой древности показываютъ, что древнѣйшая общественная индивидуальность, вторгавшаяся въ супружескія отношенія, не можетъ быть названа племенемъ. Лѣббокъ говорить: «Повидимому, обычаемъ признается извѣстное право за каждымъ членомъ общины и за посѣтителеми ея, какъ временными членами; эти послѣдніе не могли бы быть лишены означеннаго права какими либо распоряженіями, сдѣланными до ихъ прібытія и, слѣдовательно, безъ ихъ согласія» (I. с. 92). Вторая половина этого замѣчанія для меня совершенно непонятна, тѣмъ болѣе, что самъ же Лѣббокъ приводитъ поразительный обычай бразильскихъ людоедовъ: ужь, конечно, согласіе или несогласіе обреченныхъ на съѣденіе не могло имѣть никакого значенія. Приходится, кажется, признать, что тутъ передъ нами полнѣйшій «мракъ неизвѣстности». Позже, гораздо позже, всесильная, но неопредѣленная первобытная общественная индивидуальность выдѣлила изъ себя семью и, въ то же время, сама подверглась кореннымъ измѣненіямъ, обособивъ внутри себя различные общественные классы. На нѣкоторыхъ ея членовъ перешло при этомъ древнее коллективное право, чтѣ и выразилось въ учрежденіяхъ «княздо» у насъ и *juris primae noctis* въ Европѣ. Этотъ замѣчательный процессъ сосредоточенія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ мы увидимъ еще много разъ. Но здѣсь не онъ насъ интересуетъ. Намъ нужно было только убѣдиться, что исторія супружескихъ и родительскихъ отношеній начинается отсутствіемъ семьи.

Въ такому же результату приводитъ другой разрядъ крайне любопытныхъ фактовъ. За послѣднее время, этнологи, обративъ вниманіе на понятія о родствѣ у различныхъ народовъ, пришли ко многимъ совершенно неожиданнымъ и чрезвычайно важнымъ заключеніямъ. Самая поразительная сторона этихъ изслѣдованій ждетъ еще насъ впереди. Здѣсь намъ нужно только отмѣтить крайнюю неопредѣленность понятій о родствѣ у первобытныхъ народовъ. Ясныя и совершенно раздѣльныя для насъ понятія мужа, жены, отца, дяди, тетки и т. д. у первобытныхъ народовъ болѣе или менѣе сливаются съ сосѣдними степенями родства. Напримѣръ, у гавайцевъ (Сандвичевы Острова) одно и то же слово «вагена» означаетъ жену, свояченицу (сестру жены), невѣсту (жену брата), жену шурина (брата жены), женъ племянниковъ съ отцовской и материнской стороны. То же самое слово означаетъ и женщину вообще. Дѣло тутъ не въ бѣдности языка, какъ замѣчаетъ Лѣббокъ, потому что въ гавайской си-

стемъ различаются нѣкоторыя такія степени родства, для которыхъ въ европейскихъ языкахъ нѣтъ особыхъ названій. Такъ, у гавайцевъ есть особыя имена для усыновленнаго сына, для старшаго и для младшаго брата. «Легко замѣтить, продолжаетъ Лѣббокъ:—что дитя принадлежитъ здѣсь цѣлой группѣ, не имѣя болѣе близкаго отношенія ни къ своему отцу, ни къ своей матери, которые стоятъ къ нему въ такой же степени родства, какъ дяди и тети; такимъ образомъ, у каждаго ребенка бываетъ по нѣскольку отцовъ и матерей». У Лѣббока читатель найдетъ довольно подробный анализъ различныхъ системъ родства, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Морганомъ. Общій выводъ, выраженный въ принятыхъ нами терминахъ, будетъ слѣдующій: семейная индивидуальность развивалась, переходя отъ простаго къ сложному, дифференцируя свои отправленія, устанавливая между своими членами раздѣленіе труда. Только исподоволь и въ теченіи долгаго времени обособлялись тѣ спеціальныя, исключительныя функціи мужа, жены, отца, матери, дяди и т. д., которыми они облечены нынѣ у цивилизованныхъ европейскихъ народовъ. Первоначально же, функціи, напримѣръ, отца и мужа или брата и мужа могли совпадать. Возникающія отсюда семейныя узы съ перваго взгляда очень тѣсны и прочны, но въ сущности они свидѣтельствуютъ опять-таки, что исходною точкою супружескихъ и родительскихъ отношеній было отсутствіе семейной индивидуальности. Они относятся къ тому моменту развитія, когда семья уже сложилась, но находится еще въ зародышевомъ состояніи. Въ такомъ видѣ исторія во многихъ мѣстахъ и до нашего времени донесла семейныя отношенія. У тоттиаровъ въ Индіи, братья, дяди и племянники имѣютъ общихъ женъ. По обычаю сіуэсовъ и нѣкоторыхъ другихъ сѣвероамериканскихъ племенъ, покупкою старшей изъ дочерей начальника вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтается право на всѣхъ остальныхъ ея сестеръ. У тодасовъ, обитателей Нейльгеррійскихъ Горъ, дѣвушка, выходя замужъ, въ то же время становится женою всѣхъ братьевъ своего мужа, по мѣрѣ достиженія ими періода возмужалости, а они становятся вмѣстѣ съ тѣмъ мужьями всѣхъ ея сестеръ, какъ скоро возрастъ этихъ послѣднихъ позволяетъ имъ выдти замужъ. Въ этомъ случаѣ, говоритъ цитируемый Лѣббоккомъ Шортъ, «первый рождающійся ребенокъ считается принадлежащимъ старшему брату, слѣдующій второму и, несмотря на эту противоестественную систему, тодасы, нужно признаться, обнаруживаютъ много нѣжности къ своему потомству, болѣе, чѣмъ, казалось бы, могъ способствовать тому ихъ обычай смѣшаннаго сожителства». Тотъ же писатель такъ описываетъ

обычай, господствующій между реддіями въ южной Индіи: «Молодая женщина шестнадцати или двадцати лѣтъ можетъ видѣть замужъ за мальчика пяти или шести лѣтъ. При этомъ, однако, она живетъ обыкновенно съ какимъ нибудь взрослымъ мужчиной, напримѣръ, съ дядей или съ двоюроднымъ братомъ со стороны матери, но никакъ не съ родственниками отца; случается, что она живетъ съ отцомъ своего малолѣтняго мужа, т. е. съ своимъ свекромъ! Если отъ какой-либо подобной связи у нея появятся дѣти, они считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Въ тому времени, когда мальчикъ выростетъ, жена его обыкновенно оказывается уже слишкомъ старой или неспособной производить дѣтей; тогда и онъ въ свою очередь живетъ съ женой какого нибудь мальчика» (Лёббокъ, 59). Англійскій писатель ставитъ восклицательный знакъ, отмѣтивъ поразительный для него фактъ сожителства женщины съ свекромъ. Намъ, русскимъ, восклицательнаго знака тутъ ставить не приходится, потому что у насъ существуетъ даже особенный терминъ для выраженія этого факта: снохачество. Несмотря на страшныя легенды о кровосмѣсителяхъ (въ которыхъ, впрочемъ, караются, кажется, исключительно только совершившіе блудъ съ матерью), сожителство ближайшихъ родственниковъ—не Богъ знаетъ какая рѣдкость въ Россіи, не говоря уже о старинѣ, которая оставила свои слѣды въ символическихъ свадебныхъ обрядахъ. «Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ» рассказывалъ г. Шашкову слѣдующую сцену изъ крестьянской жизни Вятской Губерніи. Парень лежитъ на печи и стонетъ. Оказывается, что онъ боленъ вслѣдствіе несчастнаго любовнаго похищенія. «Мать читаетъ ему нотацию за то, что онъ связывается съ разными посторонними потаскухами: «вонъ, вѣдь есть свои кобылы», говорила она, указывая на дочерей» (Очеркъ исторіи русской женщины, 30). Собственно снохачество, конечно, несравненно распространениѣ. И тамъ, гдѣ русское населеніе примыкаетъ къ инородческому, что, понятно, даетъ удобную почву для сохраненія самыхъ архаическихъ формъ общегитія, снохачество имѣетъ или имѣло недавно совершенно тотъ же видъ, въ какомъ оно существуетъ въ Индіи у реддіевъ. Тамъ, въ архивѣ томскаго монастыря хранится дѣло, изъ котораго видно, что въ 1735 г. по улицамъ Ачинска ходила, вмѣстѣ съ своими знакомыми, подгулявшая сватья ачинскаго попа Никифора «и сказывала на него, попа, духовное дѣло. А невѣстка его, попова, сказывала, что-де она пошъ, взялъ ее, Пелагею, въ замужество за сына своего, малолѣтняго сына и растлилъ дѣвство ея и прижилъ съ нею младенца». Г. Серафимовичъ, у котораго я заимствую это свѣдѣ-

ніе, продолжаетъ: «Подобное пользованіе женами своихъ малолѣтнихъ сыновей было весьма распространено въ Сибири, и такіе браки взрослыхъ дѣвицъ съ малолѣтними не разъ запрещались указами. Эти браки поставляли въ самое невыгодное положеніе малолѣтнихъ мужей. Мужъ вырасталъ, и, въ то время, когда у него являлась потребность быть мужемъ, его жена оказывалась старухой. Оставалось одно—или заводить вторую жену на сторонѣ или сойтись съ чужой женой. Впрочемъ, если у мужа доставало энергіи и были деньги, то онъ могъ добиться и развода у духовнаго начальства. Такъ, въ 1749 году, одинъ енисейскій крестьянинъ жаловался, что отецъ женилъ его, семилѣтняго, на сороколѣтней дѣвкѣ, что теперь ей уже 60 лѣтъ и она положительно неспособна быть женой. Крестьянинъ просилъ развода и получилъ его» (Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири. «Отечественныя Записки» 1867, № 10). Степень распространенности снохачества въ настоящее время лучше всего характеризуется слѣдующимъ любопытнымъ случаемъ. Въ Воронежской Губерніи одно сельское общество купило для церкви колоколь, который, несмотря на всѣ усилія собравшихся крестьянъ, не поднимался на колокольную. Дьячекъ, полагая, что колоколь не идетъ оттого, что между прихожанами много грѣшниковъ, предложилъ выдти изъ толпы снохачамъ: отступила почти половина собравшихся крестьянъ (Кузнецовъ. Историко-статистическій очеркъ проституціи и сифилиса въ Москвѣ. Архивъ судебной медицины, 1870, № 4). Живучесть снохачества объясняется, вѣроятно, тѣмъ же процессомъ сосредоточенія коллективныхъ правъ всѣхъ мужскихъ членовъ семьи въ рукахъ главы—отца.

Не удаляясь отъ русской жизни, мы можемъ наметить еще одинъ разрядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о трудностяхъ, которыя должна была преодолѣть семья, чтобы вылупиться изъ неопредѣленной первобытной общественной индивидуальности. Замокли веселые праздники Купалы и Ярилы или, по крайней мѣрѣ, утратили свой древній элементъ полнѣйшей свободы половыхъ отношеній. Но и сами они были только остатками еще болѣе глубокой древности, когда свобода половыхъ отношеній, отличаясь чисто животною откровенностью, имѣла, такъ сказать, хроническій, а не острый характеръ, т. е. когда она имѣла мѣсто не въ торжественные или праздничные дни, а составляла будничное, заурядное явленіе. Процессъ выдѣленія семьи, сопровождаемый образованіемъ религіозныхъ и поэтическихъ представленій, сконцентрировалъ это заурядное явленіе, приурочивъ его къ опредѣленной торжественной или веселой обстановкѣ.

Предразсудокъ есть обломокъ древней правды, какъ превосходно сказалъ, кажется, Баратынскій. Сѣдая древность оставляетъ по себѣ болѣе или менѣе широкіе прожилки, оберегаемые религіей или обычаями, безсознательно окружаемые ореоломъ почтенія и величія. Христіанство сильно боролось съ древнимъ гетеризмомъ, но явственныя слѣды его остаются въ русской жизни и по сѣ пору. Уже древнѣйшія лѣтописи съ негодованіемъ отмѣчаютъ, что радимичи, вятичи и сѣверяне «брати не возлюбиха; но *игрища* межѣ сель и ту слѣтахуся рещиюще на плясаніа, и отъ плясаніа познаваху которая жена или дѣвица до младыхъ похотеніе имать, и отъ очнаго возрѣніа и отъ обнаженія мышца и отъ прѣсть ручныхъ показанія и отъ прѣстней доралаганія на прѣсть чужая, тожь потомъ целованія съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ разжегшися слегахуся, иныхъ поймающа, а другихъ, поругавше, метаху на насмѣяніе до смерти». (Переяславская лѣтопись). Эти неистовыя игрища, такъ далекія отъ зауряднаго спокойствія любовныхъ сношеній какихъ нибудь дикихъ массагетовъ или назамоновъ, сами были уже «обломкомъ древней правды», на что указываетъ ихъ острый характеръ. Такія неистовства могли, конечно, совершаться только периодически, въ дни, назначенныя религіей и обычаями, какъ отълики старины. Съ теченіемъ времени, обломокъ древней правды все больше обтирался, такъ сказать, историческимъ треніемъ, таялъ какъ таетъ комъ снѣгу, все уменьшаясь въ объемъ. Въ XIII вѣкѣ, митрополитъ Кириллъ писалъ: «Мы слышали, что въ субботу вечеромъ собираются вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно и сѣверну творять въ ночь святаго воскресенія». Въ XVI вѣкѣ, Стоглавъ отмѣчаетъ, что подобныя игрища происходятъ въ Ивановъ день и наканунѣ Рождества и Богоявленія, и такъ описываетъ это времяпровожденіе: «Сходятся народы, мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ, на бѣсовскія пѣсни и плясаніе и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвкамъ растлѣніе. И егда нощъ мимо идетъ, къ рѣцѣ тогда отходятъ ерѣпци и съ великимъ кричаніемъ, аки бѣснѣи, омываются водою» (Стоглавъ, гл. 41, вопр. 24). И много подобныхъ громовъ металъ христіанскій аскетическій идеалъ противъ языческаго веселья, сильнаго своей связью съ стародавнимъ обычнымъ правомъ. Но и до нынѣ, напримѣръ, въ Нижегородской Губерніи, по словамъ мѣстныхъ этнографовъ, «сходятся на красную горку женихи и невѣсты, нарядясь какъ можно лучше; при этомъ бываютъ и умыванія. Купальныя ночи (*купальни*) начинаются съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжаются до осени во всѣ празд-

ники. Отъ этихъ ночей сначала завязывается *лада*, потомъ сватовство» (Е. Якушкинъ, I с., VI). Въ малороссійскихъ губерніяхъ на «вечерникахъ» веселье въ складчину продолжается до полуночи, а потомъ парубки и дѣвушки тутъ же въ хатѣ ложатся спать попарно. Родственники дѣвушекъ противъ этого ничего не имѣютъ, пока дѣвушка не забеременѣетъ (Кузнецовъ). Въ Уссурійскомъ Краѣ «на зимнихъ вечернихъ сходбищахъ или такъ называемыхъ «вечоркахъ» постоянно разыгрываются такія сцены, о которыхъ даже и неудобно говорить въ печати» (Пржевальскій. Путешествіе въ Уссурійскій Край, 30). «Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Пинежскаго Уѣзда (Арханг. Губ.) допускается полная свобода половыхъ сношеній. Сношенія эти не считаются тамъ предосудительными; напротивъ того, дѣвушка, не выбранная парнемъ на вечеринкѣ, нерѣдко должна бываетъ выслушивать горькіе упреки отъ своей матери» (Е. Якушкинъ, VII). Въ извѣстныхъ «Путевыхъ письмахъ изъ Новгородской Губерніи» покойнаго П. И. Якушкина также говорится о «посидѣяхъ», послѣ которыхъ «всякъ дружень схватитъ друженицу, да и поидетъ куда нужно» (Русская Весѣда, 1859, № 4). И проч. и проч. Всѣ эти отклики первобытныхъ половыхъ отношеній слабѣютъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Такъ, г. Якушкинъ приводитъ рѣшеніе воржскаго волостнаго суда (Ярославской Губ., Ростовск. Уѣзда), изъ котораго видно, что въ 1868 году, «по общему согласію запрещено сходиться *бесѣдамъ* собственно отъ соблазновъ и неприяностей, и всѣмъ домохозяевамъ пускать въ свои дома сходбища запрещено». Такъ постепенно таетъ древнее право всякаго мужчины на всякую женщину. Причины этого процесса сводятся, во первыхъ, къ образованію семейной индивидуальности, которая развивается и крѣпнетъ въ борьбѣ съ индивидуальностью племенной; а, во вторыхъ, къ вліянію враждебнаго древнему праву христіанства и, въ частности, православія, легшаго въ основаніе возрѣвній государственной власти на супружескія отношенія. Но иногда семья лишается этой религіозной поддержки и религія, напротивъ, покровительствуетъ древнему праву. Въ такомъ случаѣ слагается то, что принято называть религіозной проституціей. Какъ, напримѣръ, на Балеарскихъ Островахъ брачующіеся должны были выкупать у «племени» цѣною первой ночи свое право на исключительное сожителство, такъ въ Индіи, Вавилонѣ, Арменіи, Персіи, Египтѣ, Финикіи и проч. дѣвушка передъ вступленіемъ въ бракъ должна была купить право на это проституціей въ храмѣ. Въ этихъ случаяхъ боги какъ бы олицетворяютъ собою первобытную общественную индивидуальность, являются ея представителями и

врагами нарождающейся семьи. Они только подъ условіемъ жертвы дѣвственности, терпятъ исключительный, личный бракъ. Дѣвушка обязана отдаваться въ храмѣ Милиты, Афродиты и т. д. каждому, кто потребуеъ, а плата за проституцію идетъ ей въ приданое. И это не помѣшаетъ ей найти мужа, напротивъ—чѣмъ больше ее любили, тѣмъ больше она значить достойна любви. Такъ разсуждали не только въ древности, такъ смотрятъ многіе народы и теперь. И замѣчательно, что вездѣ, послѣ жертвы или, собственно говоря, цѣлаго ряда жертвъ богамъ—представителямъ древнѣйшей общественной индивидуальности, женщина становится вѣрной женой или, по крайней мѣрѣ, отъ нея требуется строжайшая вѣрность мужу. Многими наблюдателями замѣчено, что въ Россіи цѣломудріе дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ находится въ обратномъ отношеніи: тамъ, гдѣ дѣвки гуляютъ въ волю, онѣ отличаются крайнею строгостью нравовъ въ замужествѣ—и наоборотъ. Это—не случайное явленіе, это—результаты борьбы двухъ ступеней общественной индивидуальности. Впослѣдствіи мы нѣсколько ближе посмотримъ на одинъ крупный историческій фактъ этого рода, на положеніе женщины, въ Афинахъ, гдѣ гетеры, представительницы древняго права свободы половыхъ отношеній, пользовались несравненно большимъ почетомъ, чѣмъ законныя жены. Въ Египтѣ незаконныя дѣти, плодъ свободной любви, ставились иногда выше законныхъ (Бахофенъ, 125). Будда воздалъ величайшій почетъ главѣ куртизанокъ города Везали (Лѣббокъ, 94). Въ нѣкоторыхъ частяхъ Западной Африки негры съ уваженіемъ смотрятъ на публичныхъ женщинъ (тамъ же). Истинный смыслъ этихъ странныхъ для насъ явленій лучше всего раскрывается слѣдующимъ разсказомъ Карвера, приводимымъ Лѣббоккомъ. Во время пребыванія своего у одного сѣверо-американскаго племени, Карверъ замѣтилъ, что всѣ съ необыкновеннымъ почтеніемъ относятся къ одной женщинѣ. Оказалось, что «однажды она пригласила сорокъ главнѣйшихъ воиновъ въ свой шатеръ, приготовила для нихъ пиръ и относилась къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ, какъ бы они были ея мужьями. При дальнѣйшихъ разспросахъ Карверу было сообщено, что это—древній обычай, уже пришедшій въ забвеніе, и что едва въ цѣломъ поколѣніи найдется одна женщина, достаточно смѣлая, чтобъ устроить таковой пиръ, несмотря на то, что полный успѣхъ общаетъ ей самаго завиднаго мужа».

Читатель понимаетъ, конечно, что я далеко отъ мысли представить что-нибудь похожее на полную исторію семьи. Моя цѣль сдѣлать иная. Всѣ вышеупомянутые факты приведены, вопер-

выхъ, для того, чтобы утвердить отсутствіе семьи, какъ исходную точку супружескихъ и родительскихъ отношеній, и, восторыхъ, чтобы показать общій процессъ выдѣленія семьи изъ «племени», если это слово здѣсь уместно, процессъ борьбы этихъ двухъ ступеней общественной индивидуальности. Многія изъ относящихся сюда явленій ниже опять привлекутъ наше вниманіе. Будутъ указаны и другія, изъ которыхъ я долженъ теперь же упомянуть нѣкоторыя. Мы увидимъ впоследствии, что первобытная женщина занимала въ обществѣ совсѣмъ не такое мѣсто, какое она занимаетъ нынѣ у цивилизованныхъ народовъ и дикарей. Она не была ни явной, ни замаскированной рабой она была, по малой мѣрѣ, равна мужчинамъ. Эту черту, разъясненіе которой я принужденъ до поры до времени отложить въ сторону, читатель долженъ постараться ввести въ неясную картину отдаленнаго отъ насъ на тысячи лѣтъ человѣческаго быта.

Историки, социологи, публицисты и т. д., занимавшіеся изученіемъ семейныхъ отношеній, брака, «женскаго вопроса» и т. д., брали обыкновенно подъ свое покровительство ту или другую форму брака, т. е. ту или другую ступень общественной индивидуальности, и приглашали читателей торжествовать ея побѣду, видѣли въ приближеніи къ ней прогрессъ, а въ удаленіи отъ нея—регрессъ. Мы поступимъ иначе. Мы опредѣлимъ прежде всего отношеніе различныхъ формъ супружескихъ и родительскихъ связей къ индивидуальности человѣческой; насъ будутъ занимать ея побѣды и пораженія. Оставляя пока въ сторонѣ связь родителей съ дѣтьми, посмотримъ, что связывало и связываетъ мужчину и женщину. Конечно, любовь. Но многимъ кажется неудобнымъ давать это названіе связи первобытныхъ людей. Лёббокъ приводитъ увѣренія многихъ путешественниковъ, что дикари любви собственно не знаютъ и не чувствуютъ. Онъ и самъ утверждаетъ, что «низшія расы не имѣютъ брачныхъ установленій; истинная любовь почти неизвѣстна имъ, и бракъ, въ низшихъ фазахъ своего развитія, вовсе не является дѣломъ привязанности и взаимнаго влеченія». Это—разсужденіе типическое. Не одинъ Лёббокъ отказывается понимать любовь независимо отъ «брачныхъ установленій», которыя, какъ показываетъ ежедневный опытъ, въ дѣйствительности, далеко не всегда завершаютъ «привязанность и взаимное влеченіе». Что супружескія отношенія дикарей не имѣютъ того напряженно, исключительно личнаго характера, которымъ отличается любовь въ цивилизованныхъ обществахъ, это, конечно, вѣрно. Но отрицать у дикарей взаимное влеченіе очень мудро. Какъ видно изъ словъ цитируемыхъ Лёббоккомъ путешественниковъ, ихъ смущаетъ

варварское обращеніе дикарей съ женами. Но этотъ фактъ только ставить передъ изслѣдователемъ новую задачу и задачу очень любопытную. По словамъ г. Н. Львова, у дагестанскихъ горцевъ «мужчина смотритъ на женщину, какъ на рабочей скотъ»; «доволенъ ли мужъ своей женой или нѣтъ, послѣдняя, всетаки, играетъ роль служанки, дѣйствующей по волѣ своего господина»; «женскій полъ долженъ довольствоваться остатками отъ стола откушавшихъ уже гостей»; «ласки горцевъ къ женамъ своимъ выражаются ударами; вмѣсто нѣжныхъ словъ; они дарятъ своихъ женъ кличкою и бранью въ родѣ: большонъ—свинья, гяуръ—невѣрный, чурувай—гадкая, наджась—поганая и т. п.; горянки такъ привыкли къ подобнымъ нѣжностямъ, что едва ли имъ понравились бы ласки европейскія. Взамѣнъ грубыхъ ласкъ мужчинъ, женщины отвѣчаютъ имъ самыми нѣжными именами, въ родѣ: свѣтъ очей моихъ, лекарство изъ лекарствъ, да останешься ты живъ для меня, да продлится твой вѣкъ и т. п.» Кажется, далеко ли это отъ варварскаго обращенія съ женщинами какихъ-нибудь готтентотовъ или кафровъ, которымъ путешественники отказываютъ въ любви? А, между тѣмъ, «любовь у горцевъ считается священнымъ чувствомъ; они говорятъ, что гдѣ-то въ книгѣ написано, что, если мусульманинъ умретъ отъ чистой любви къ женщинѣ, то наследуетъ царство небесное». («Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени», въ III-мъ выпускѣ «Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ»). А извѣстныя рассказы о русскихъ женщинахъ и ответственная имъ пословица «ого люблю, того и бю»? Ясно, что выкидывать взаимное влеченіе изъ супружескихъ отношеній грубыхъ варваровъ, тиранищихъ своихъ женъ, нельзя. Нужно, напротивъ, разрѣшить вопросъ, какъ можетъ это варварство уживаться съ любовью?

Что же такое любовь?

Ihr, Weisen, hoch und tief gelahrt,
Die ihr's ersinnt und wisst,
Wie, wo und wann sich Alles paart?
Warum sich's liebt und küsst?
Ihr, hohen Weisen, sagt mir's an!
Ergrübelt was mir da,
Ergrübelt mir wo, wie und wann,
Warum mir so geschah?

Ergrübeln пытались многіе, слышомъ многіе. Но изъ всей колоссальной массы отвѣтовъ на этотъ вопросъ можно выбрать только очень мало дѣйствительно дѣннаго. Прототипомъ огромнаго большинства отвѣтовъ можетъ служить рѣшеніе Виктора Гюго: l'amour c'est être deux et n'être qu'un; un homme et une femme qui se fondent en un ange, c'est le ciel. Это до такой

степени скудно и бессмысленно, что даже непереводимо. Мнѣ известна только одна теорія любви, заслуживающая вниманія— теорія Шоппенгауера-Гартмана, т. е. собственно Шоппенгауера, потому что Гартманъ только обокралъ своего мрачнаго философскаго отца, обокралъ и съ выгодой пустилъ наворованное въ оборотъ.

Вотъ какъ разсуждаетъ Шоппенгауеръ (см. *Die Welt als Wille und Vorstellung*, В. II, *Metaphysik der Geschlechtsliebe*).

Всякая любовь, со всѣми ея тревоженіями и то трагическими, то комическими, то идиллическими аксессуарами, есть только строго опредѣленное, специализированное, къ известному индивиду направленное половое стремленіе. «Вся исторія въ томъ, что каждый Гансъ ищетъ своей Гретхенъ» (при этомъ, Шоппенгауеръ замѣчаетъ, что онъ не можетъ выразиться такъ ясно, какъ это сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Аристофанъ). Но почему же такая мелочь, такое ничтожество играетъ въ жизни такую важную роль? Почему любовь такъ властно вторгается въ жизнь и глубокомысленнаго ученаго, и государственнаго человѣка, занятаго дѣлами высокой важности; почему изъ-за такой мелочи люди готовы жертвовать и жизнью, и имуществомъ, и честью? Дѣло въ томъ, что это—вовсе не мелочь. Конечная цѣль всѣхъ любовныхъ шапней вполне соотвѣтствуетъ тому жару и той беззабѣтности, которая въ нихъ владычествуетъ. Она важнѣе всѣхъ другихъ цѣлей человѣческой жизни, потому что ея обуславливается ни больше, ни меньше, какъ образованіе новаго поколѣнія. Судьба тѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы человѣческаго бытія, которые выступаютъ на сцену, когда мы сойдемъ съ нея, вполне опредѣляется, и по существу, и по своимъ особенностямъ, нашими любовными дѣлами. Только этою внутреннею и несознаваемою ихъ важною можно объяснить то обстоятельство, что поэты всѣхъ временъ и народовъ неустанно черпали изъ любви свои сюжеты и, всетаки, не исчерпали ея. Возрастающая склонность двухъ любящихъ сердецъ есть уже, собственно говоря, жизненная воля новаго индивида, котораго они могутъ и хотятъ произвести; въ ихъ страстныхъ взглядахъ уже загорается новая жизнь, имѣющая сложиться въ новую гармоническую индивидуальность. Они стремятся слиться въ одно существо и достигаютъ этого въ лицѣ ребенка, который наследуетъ качества и отца, и матери. Наоборотъ: взаимное и рѣшительное отвращеніе мужчины и женщины показываетъ, что новый индивидъ, котораго они могли бы вызвать къ жизни, былъ бы существомъ, дурно организованнымъ, негармоническимъ, несчастнымъ. Какъ только мужчина и женщина полюбили другъ друга, такъ возникаетъ

уже зародышъ будущаго человѣка въ видѣ Платоновской идеи. Какъ и всѣ идеи, она съ страшною силою стремится выразиться въ явленіи, воплотиться, реализироваться, и эта-то мощь и стремительность и составляетъ взаимную страсть двухъ будущихъ родителей. Дѣло въ томъ, что эгоизмъ есть такое глубокое и коренное свойство всякаго индивида, что только эгоистическими цѣлями и можно навѣрное подѣйствовать на него возбуждательнымъ образомъ. Поэтому для достиженія своихъ цѣлей природа внушаетъ индивиду извѣстную иллюзію, благодаря которой нѣчто, составляющее благо вида или рода, представляется ему его личнымъ благомъ. Эта иллюзія есть инстинктъ. Такимъ именно характеромъ иллюзіи, самообмана, отличается и любовь. Человѣкъ думаетъ, что, стремясь соединиться съ извѣстной, опредѣленною особою другого пола, и только именно съ ней одной, онъ дѣйствуетъ исключительно въ видахъ своего личнаго наслажденія. Между тѣмъ, во всѣхъ своихъ скорбяхъ и радостяхъ любви онъ — только игралице верховной воли природы, того генія рода или вида, который одинъ пожинаетъ плоды страсти. Наслажденіе пологого акта, само по себѣ, не увеличивается и не уменьшается, на примѣръ, красотой или безобразіемъ супруговъ. Однако, стремясь къ этой цѣли, повидимому, вполне личной, человѣкъ терзаетъ свою личность на всѣ лады, топчетъ свой разумъ, честь, наконецъ, прямо лишаетъ себя жизни. Это — потому, что природа обманнымъ образомъ вдохнула въ него страсть именно къ такому-то лицу; для ея и только для ея цѣлей нужно было связать такого-то съ такой-то, а сами они, удовлетворивъ своей страсти, съ разочарованіемъ видятъ, что любовь, въ концѣ концовъ, дала имъ только то наслажденіе, которое можетъ быть получено безъ всякой борьбы, безъ долгихъ и часто мучительныхъ стараній связать свою жизнь именно съ такимъ-то мужчиной или съ такой-то женщиной. Цѣли, преслѣдуемыя при этомъ природой и ради которыхъ она обманываетъ людей и часто губитъ ихъ, какъ индивидовъ, суть, во первыхъ, размноженіе человѣческаго рода, во вторыхъ, поддержаніе его типа въ возможно чистомъ видѣ, словомъ — количественное и качественное сохраненіе человѣческаго рода. Она мучитъ и счастливитъ индивидовъ для общаго блага, для блага всего человѣчества въ нескончаемой цѣпи его поколѣній. Цѣль индивидовъ — ихъ личное наслажденіе, которое они или не получаютъ или оплачиваютъ слишкомъ дорого. Цѣль природы — новое, многочисленное и типическое, гармонически развитое поколѣніе. И вотъ какъ дѣйствуетъ природа. Прежде всего надо замѣтить, что мужчина склоненъ къ непостоянству въ любви, женщина — наоборотъ. Лю-

бовъ мужчины убываетъ, а любовь женщины прибываетъ послѣ удовлетворенія страсти. Это очень мудро со стороны природы. Мужчина можетъ произвести больше ста дѣтей въ годъ; женщина—только одного ребенка. Мужчина и стремится исполнить свою оплодотворяющую функцію, а женщина, напротивъ, инстинктивно, т. е. по тайному внушенію природы, держится одного мужчины, какъ охранителя и кормильца будущаго ребенка. Такимъ образомъ гарантируется размноженіе и сохраненіе потомства. Но природа пускаетъ въ ходъ и гораздо болѣе сложныя и тонкія средства. Они могутъ быть раздѣлены на абсолютныя, одинаково на всѣхъ дѣйствующія, и относительныя, вліяніе которыхъ индивидуально. Мы замѣчаемъ, что, несмотря на безразличіе собственно полового наслажденія, любовь вызывается почти исключительно людьми извѣстнаго возраста, именно въ предѣлахъ способности дѣторожденія. Женщина, съ окончаніемъ менструацій, любви не вызываетъ. Ясно, что руководящій при этомъ нами инстинктъ направленъ исключительно на созданіе новаго поколѣнія. За извѣстнымъ возрастомъ слѣдуетъ, какъ мотивъ выбора, здоровье: острые болѣзни мѣшаютъ любви только временно, хроническія же положительно отталкиваютъ насъ, потому что они передаются дѣтямъ, хотя, опять таки, мы не сознаемъ и не принимаемъ въ соображеніе этого невыгоднаго для потомства результата. Далѣе на насъ вліяютъ отталкивающимъ образомъ несоразмѣрный ростъ, уродство въ строеніи скелета. Маленькія ноги важны, какъ одна изъ характеристичнѣйшихъ особенностей человѣческаго типа. Зубы играютъ роль въ бессознательномъ выборѣ предмета любви потому, что важны для пищеваренія и еще потому, что качества ихъ унаследываются съ особеннымъ постоянствомъ. Извѣстная полнота въ женщинѣ привлекаетъ насъ той гарантіей, которую она представляетъ для обильнаго питанія зародыша. Наконецъ, важное значеніе имѣетъ красота лица, при чемъ особенно выдается привлекательность правильнаго носа и небольшого подбородка: и то, и другое характерно для человѣческаго типа. Прекрасныя глаза и красивый лобъ связаны съ психическими и преимущественно интеллектуальными качествами, которыя наследуются главнымъ образомъ отъ матери. (Шопенгауеръ убѣжденъ, что дѣти наследуютъ волю и характеръ, а также физическое строеніе, отъ отца, а интеллектуальныя качества и физическій ростъ отъ матери. Соображеніе это играетъ видную роль въ его очеркѣ мужскихъ качествъ, привлекательныхъ для женщинъ; этого очерка я касаться не буду, потому что и предъидущаго достаточно для уясненія точки зрѣнія нѣмецкаго философа). Таковы

абсолютные, т. е. на всѣхъ распространяющіеся мотивы выбора предмета любви. Само собою разумѣется, что тутъ дѣло идетъ именно только о страстной любви. Выборъ расудочный можетъ руководиться самыми разнообразными побужденіями и совершенно противорѣчить всѣмъ цѣлямъ природы. Мотивы относительные всѣ сводятся, въ сущности, къ стремленію природы исправить уклоненія отъ видового типа или недостатка одного изъ влюбленныхъ противоположными качествами другого, и такимъ образомъ, создать въ лицѣ новаго поколѣнія нѣчто уравновѣшенное, гармоническое, нормальное. Поэтому-то, между прочимъ, совершенно правильная красота рѣдко возбуждаетъ страстную любовь. Для страсти нужно нѣчто такое, что можетъ быть выражено только химической метафорой: влюбленные должны другъ друга нейтрализовать, какъ кислоты и щелочи нейтрализуются въ соляхъ. Мужской и женскій полъ суть односторонности. Въ одномъ индивидѣ эта односторонность выражена рѣзче, въ другихъ слабѣе; поэтому каждый индивидъ всего удобнѣе восполняется и нейтрализуется *известною* степенью мужественности или женственности, и эти-то степени и ищетъ человѣкъ въ представителяхъ другого пола; ищетъ совершенно безсознательно, инстинктивно, въ интересахъ природы, которая имѣетъ въ виду восполненіе человѣческаго типа въ ребенкѣ. Наиболѣе мужественный мужчина всегда ищетъ болѣе женственной женщины и наоборотъ. Влюбленные совершенно напрасно толкуютъ о «гармоніи ихъ душъ». Гармонія эта можетъ оказаться жесточайшимъ диссонансомъ тотчасъ послѣ свадьбы, т. е. тотчасъ по достиженіи цѣли природы, которая состоитъ въ зачатіи ребенка, приближающагося къ нормальному человѣческому типу. Природа жестоко надуваетъ влюбленныхъ, заставляя ихъ думать, что они созданы другъ для друга, тогда какъ все дѣло въ нейтрализаціи ихъ односторонностей не въ нихъ самихъ, а въ будущемъ поколѣніи. Съ этою только цѣлью природа сводитъ слабаго въ мускульномъ отношеніи мужчину съ сильной женщиной и, наоборотъ, маленькаго мужчину съ высокой женщиной и, наоборотъ, блондиновъ съ брюнетками, тупоносыхъ съ длинноносыми и горбоносыми, стройныхъ и худыхъ съ толстыми и т. п. Очень совершенный въ какомъ нибудь отношеніи человѣкъ, хотя, можетъ быть, и не придастъ высокой цѣны соответственному несовершенству, но, по крайней мѣрѣ, легче другихъ примирится съ нимъ, и это единственно потому, что въ немъ самомъ лежитъ уже гарантія противъ несовершенства дѣтей на этомъ пунктѣ. Благо самихъ брачующихся, самихъ влюбленныхъ и вообще отдѣльныхъ индивидовъ тутъ не при чемъ. Въ страшномъ

звидоворотъ любви безраздѣльно царить геній вида. Не влюбленный горюеть о своей возлюбленной или о невозможности съ ней соединиться—то вопль генія вида, которому стоять поперекъ дороги препятствія. Но большинство этихъ препятствій онъ ломить. Какъ говорить Шамфоръ:—*quand un homme et une femme ont l'un pour l'autre une passion violente, il me semble toujours que, quel que soient les obstacles qui les séparent, un mari, des parents etc., les deux amans sont l'un à l'autre, de par la Nature, qu'ils s'appartiennent de droit divin, malgré les lois et les conventions humaines.* Большая часть «Декамерона» Боккаччо есть не что иное, какъ гнѣвъ и насмѣшка генія вида надъ попираемыми имъ правами и интересами отдѣльныхъ индивидовъ. Ребенокъ, ради котораго единственно происходитъ вся исторія любви, тоже, только индивидъ. Онъ вырастетъ и точно также будетъ, инстинктивно повинувся волѣ генія вида, исцѣать счастья въ любви и тоже его не найдетъ. Онъ принужденъ будетъ бороться съ тысячами препятствій, будетъ весь израненъ, потерять, можетъ быть, и честь и совѣсть и растопчетъ даже, можетъ быть, наконецъ свою собственную индивидуальность. Извѣстны случаи, что люди, питая другъ къ другу пламенную страсть, вмѣстѣ съ тѣмъ, презирають предметъ любви, даже ненавидятъ его внѣ полового акта. А когда страсть удовлетворена—любви конецъ, потому что ея метафизическая цѣль достигнута; затѣмъ наступаютъ уже другія чувства, можетъ быть, и высокія, и пріятныя, но это—уже не любовь, а дружба, привычка, уваженіе, чувство общности жизненныхъ задачъ и т. д. Если бы страсть Петрарки была удовлетворена, мы бы не имѣли его пѣсень, потому что и птица перестаетъ пѣть, когда яйца положены. Браки по любви, заключаемые въ интересахъ вида (опять-таки, конечно, безсознательно), бывають болѣею частью несчастны, потому что, разъ исчезаетъ иллюзія, наступаетъ разочарованіе и скорбь объ отсутствіи гармоніи душъ. Совсѣмъ иное съ браками по расчету, въ которѣхъ иллюзія не участвуетъ. Но если такіе браки и бывають счастливы, то счастье это дается не любовью.

Такова теорія Шоппенгауера, которой нельзя отказать ни въ глубинѣ, ни въ послѣдовательности. Гартманъ, какъ уже сказано, только повторилъ ее и тѣмъ самымъ, относительно говоря, сдѣлалъ шагъ назадъ (что, впрочемъ, относится не къ одной теоріи любви). Со времени Шоппенгауера утекло воды совершенно достаточно для того, чтобы человекъ, видящій въ философіи, какъ Гартманъ, «умозрительные результаты индуктивнаго естественно-научнаго метода», нѣсколько поохладѣлъ къ идеѣ цѣл-

Т. ССХІV. — Отд. I. 13

сообразности явленій природы. Между тѣмъ, какъ извѣстно, цѣли природы составляютъ фундаментъ всей пресловутой философіи Безсознательнаго. Здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ предметѣ, но я долженъ упомянуть о возможности совершенно иного, дистелеологическаго, какъ сказала бы Геккель, объясненія явленій полового инстинкта и любви. Трудно найти область явленій, въ которыхъ таинственная мощь инстинкта заявляла бы себя такъ ярко и, въ то же время, такъ трудно объяснимо. Откуда берется и чѣмъ обуславливается это весеннее ликование природы, когда цвѣты блистаютъ своими разукрашенными половыми органами и птицы запѣваютъ свои пѣсни любви? Какъ объяснить, что даже многія рыбы, существа, вошедшія въ поговорку своей холодностью и нѣмотою, въ пору размноженія, приобретаютъ яркую окраску и даже способность издавать звуки? Какъ объяснить инстинктъ самца, безошибочно узнающаго икру своего вида и оплодотворяющаго ее? Какъ объяснить, наконецъ, ту нескончаемую поэму любви, которою полна исторія человечества? Во всемъ этомъ и въ другихъ безчисленныхъ проявленіяхъ полового инстинкта столько поразительнаго, что гдѣ же и искать цѣлей природы, какъ не здѣсь, въ этомъ архитаинственномъ мірѣ, гдѣ все такъ дивно прилажено и сообразно! Не даромъ народъ видитъ въ любви чары, волшебство и для объясненія ея симптомовъ придумалъ разныя приворотныя зелья, напускающія сухоту на добрыхъ молодцовъ и красныхъ дѣвицъ. Людямъ ученымъ естественно было приплести сюда цѣли природы. И дѣйствительно, извѣстное разсужденіе Вольтера о часахъ и часовщикѣ наичаще примѣнялось и примѣняется къ области полового инстинкта и любви. Но бѣда въ томъ, что всякій, разсуждающій о цѣляхъ природы, рисуетъ эту природу съ самого себя и своей собственной личности и подсовываетъ ей тѣ цѣли, которыя онъ самъ считаетъ достойными достиженія. Я не буду говорить о томъ, какъ явно проходитъ эта тенденція сквозь всю исторію метафизики, и замѣчу только, что уже очень давно родилась, хотя и не получила должнаго развитія, мысль, вполне объясняющая видимую цѣлесообразность явленій природы, не прибѣгая къ гипотезѣ цѣлей природы. Еще Эмпедоклъ доказывалъ, что поразительная законченость многихъ явленій, ставящая насъ въ тупикъ, есть просто дѣло случая, а не результатъ воли обдумывающей, соображающей, вообще, мыслящей природы. При этомъ, подъ случаемъ только и слѣдуетъ разумѣть независимость отъ чьей бы то ни было цѣлесообразной дѣятельности, а не отъ закона причинности. Дѣло въ томъ, что могли возникать тысячи, миллионы формъ, устроенныхъ вовсе не цѣле-

сообразно, но, именно вслѣдствіе этой нецѣлесообразности, они не могли продержаться на аренѣ жизни и должны были гибнуть. Слѣдовательно, какъ бы слѣпо ни творила природа, но, въ концѣ концовъ, существуютъ и подлежатъ нашему изученію только тѣ, сравнительно, очень рѣдкія ея созданія, которыя прилажены къ цѣлямъ существованія. И въ этомъ весь секретъ цѣлесообразности. «Если бы кто-нибудь, говоритъ Ланге: — чтобы убить зайца, выпустилъ миллионы выстрѣловъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ; если бы онъ, чтобы попасть въ запертую комнату, купилъ десять тысячъ разныхъ ключей и перепробовалъ ихъ всѣ; если бы онъ, чтобы имѣть домъ, выстроилъ цѣлый городъ и затѣмъ всѣ лишніе дома предоставилъ на волю вѣтровъ и непогоды — то никто не назвалъ бы его дѣйствія цѣлесообразными; еще менѣе можно бы было увидѣть въ нихъ какую-нибудь высшую мудрость». (Geschichte des Materialismus, В. II, 246). Между тѣмъ, такъ именно дѣйствуетъ природа, порождая миллионы жизней, изъ которыхъ лишь немногимъ, лишь въ видѣ исключенія, суждено дѣйствительно жить, а все остальное погибаетъ отчасти еще въ состояніи зародышей или яицъ, отчасти едва достигнувъ зрѣлаго возраста. Это разсужденіе, лежащее въ основѣ всей теоріи Дарвина, приложимо и къ частностямъ органической жизни, и къ явленіямъ полового инстинкта. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы видимъ только способные къ размноженію организмы, потому что никакіе другіе не могли бы, вѣдь, и существовать. Природа дѣлала, можетъ быть, миллионы пробъ, извергая изъ своей творческой утробы, напримеръ, рысь, не умѣющихъ распознавать икру своего вида, но всѣ эти пробы необходимо должны были потерпѣть фіаско — «не расцвѣсть и отцвѣсть». Такъ что та степень цѣлесообразности, которую мы видимъ воевругъ насъ, отнюдь не должна удивлять насъ. Вотъ еслибы ея не было, это было бы дѣйствительно удивительно и совершенно необъяснимо съ точки зрѣнія научныхъ понятій о природѣ. Теперь же, намъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ гипотезѣ мыслящей природы — гипотезѣ, вызвавшей вопросъ Дюбуа-Рамона: гдѣ же мозгъ или вообще органъ мысли природы? Возьмите исторію любого многочисленнаго семейства. Въ немъ случались, вѣроятно, и выкидыши, и преждевременныя рожденія, можетъ быть, и двойни, и уроды; матери рожали и красивыхъ, и некрасивыхъ, и умныхъ, и глупыхъ, и живучихъ и неживучихъ дѣтей; рожали онъ, разумѣется, не задываясь цѣлями произвести на свѣтъ именно такое-то потомство, хотя, конечно, желали имѣть дѣтей умныхъ, здоровыхъ и т. д. Такъ и всеобщая мать — природа. Но надо еще прибавить,

что эта всеобщая мать творить безстрастно и хоронить без слезъ свои дѣтища. Вѣчно бьетъ изъ ея утробы роднияз жизни, вѣчно созидаетъ она новыя и разнообразныя формы, но лишь очень немногія, исключительно немногія, лишь тѣ, которыя случайно (въ вышеупомянутомъ смыслѣ случайно) носятъ въ себѣ залогъ возможности существованія, лишь онѣ не затираются новыми потоками жизни и живутъ, и плодятся, и множатся. Понятно, какъ просто объясняется съ этой точки зрѣнія та страшная мощь полового инстинкта, которую Шоппенгауеръ и Гартманъ ставятъ на счетъ, будто бы, очень хитрой и постоянно насъ надвухающей природы или «Генія вида» или «Бессознательнаго».

Однако, это только до тѣхъ поръ просто, пока мы разсматриваемъ явленія полового инстинкта въ общихъ чертахъ, пока мы не выходимъ изъ предѣловъ тѣхъ понятій о происхожденіи и укрѣпленіи инстинкта *вообще*, которыя Дарвинъ представилъ еще въ первомъ своемъ знаменитомъ сочиненіи. Но собственно половымъ инстинктомъ и самъ Дарвинъ и всѣ дарвинисты занимались весьма мало, хотя Дарвинъ и вынужденъ былъ выдѣлать «половой подборъ», какъ самостоятельный факторъ органическаго прогресса. Несмотря на это выдѣленіе, на первый взглядъ такъ много общающееся для интересующихъ насъ здѣсь вопросовъ, половой подборъ объясняетъ вѣдь только возникновеніе и развитіе такъ называемыхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, т. е. такихъ половыхъ отличій, которыя не состоятъ въ прямой связи съ актомъ дѣторожденія: таковы, на примѣръ, присутствіе бороды у мужчинъ и отсутствіе ея у женщинъ и т. п. Самъ половой инстинкъ остается при этомъ въ сторонѣ. Чтобы показать читателю, какъ скудны въ этомъ отношеніи воззрѣнія дарвинистовъ, я сдѣлаю довольно длинную выписку изъ послѣдняго сочиненія гениальнѣйшаго изъ нихъ — Геккеля:

«Для полового размноженія, въ его простѣйшей формѣ, не требуется ничего, кромѣ сліянія или сращенія двухъ различныхъ клѣточекъ: женской, зародышевой, и мужской, сѣменной. Всѣ другія крайне сложныя явленія, группирующіяся около полового акта въ высшихъ животныхъ, играютъ только подчиненную и второстепенную роль; они только въ послѣдствіи примыкаютъ къ первичному простѣйшему процессу и суть результаты «дифференцированія». Но когда мы подумаемъ, какую необычайно важную роль играютъ половыя отношенія во всей органической природѣ, каковыя могучиыя мотивомъ въ разнообразнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ процессахъ является взаимная склонность, притяженіе двухъ половъ, *любовь* — то представится очень важнымъ свести эту любовь къ ея первоначальному источнику,

къ силѣ притяженія (Anziehungskraft) двухъ различныхъ клѣточекъ. Во всемъ органическомъ мірѣ эта малая причина производитъ величайшія слѣдствія. Подумайте только о роли, которую играютъ въ природѣ цвѣты, объ удивительныхъ явленіяхъ, порождаемыхъ половымъ подборомъ въ мірѣ животныхъ, наконецъ, о высокомъ значеніи любви въ жизни человѣка, и вездѣ сліянiе двухъ клѣточекъ есть первичный и единственный мотивъ; вездѣ этотъ невидный процессъ оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на развитіе самыхъ разнообразныхъ отношеній. Можно смѣло сказать, что никакой другой органической процессъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ этимъ по обширности и напряженности дифференцирующаго дѣйствія. Древняя греческая сказка о Парисѣ и Еленѣ и множество другихъ подобныхъ исторій представляютъ только поэтическое выраженіе того неизмѣримаго вліянія, которое любовь и связанный съ нею половой подборъ имѣли на исторію дифференцированія половъ. Всѣ другія страсти, волнующія грудь человѣка, даже въ совокупности своей, далеко не такъ могучи, какъ воспламеняющая чувство и отуманивающая разумъ любовь. Съ одной стороны, мы благодарно идеализируемъ любовь, какъ источникъ возвышеннѣйшихъ созданий поэзіи, пластическихъ искусствъ и музыки; мы почитаемъ въ ней могучаго фактора человѣческой нравственности, основаніе семейной жизни, а черезъ нее и государственнаго развитія. Съ другой стороны, мы боимся въ ней всепожирающаго пламени, которое губить несчастныхъ и причиняетъ больше горя, порока и преступленій, чѣмъ всѣ другія бѣды человѣчества, вмѣстѣ взятая. Любовь такъ полна чудесъ и такъ безконечно важно ея вліяніе на психическую жизнь, что здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, кажется неумѣстнымъ естественное (механическое) объясненіе. И, несмотря на все это, сравнительная біологія и эмбриологія совершенно ясно и несомнѣнно сводятъ любовь къ ея древнѣйшему и простѣйшему источнику—къ *избирательному средству (Wahlverwandschaft) двухъ различныхъ клѣточекъ: зародышевой и стѣнной*» (Anthropogenie, 656).

Ни одинъ дарвинистъ не сказалъ больше этого, а, между тѣмъ, далеко ли мы въ сущности отошли, ведомые знаменитымъ ученымъ Геккелемъ, отъ теоріи забытаго метафизика Шоппенгауера? Очень недалеко и, притомъ, не совсѣмъ впередъ, не во всѣхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ. Мы ушли, конечно, впередъ, переставъ подсовывать бездушную и безумную природѣ цѣли и цѣлесообразную дѣятельность. Но это—единственный, правда, очень крупный шагъ впередъ. Чѣмъ, въ сущности, «избирательное средство двухъ клѣточекъ» лучше бессознательнаго взаимнаго тяготѣнія

двухъ индивидовъ? Не только не лучше, а даже хуже, потому что разрѣшеніе вопроса отодвигается въ область, недоступную наблюденію. Это, конечно, отчасти зависитъ отъ самаго предмета, подлежащаго объясненію, потому что, въ концѣ концовъ, сила любви такъ же мало намъ понятна, какъ и сила тяготѣнія или химическаго средства. Кто скажетъ, что такое тяготѣніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно только прибѣгнуть къ описанію или распространенію, т. е. въ нѣсколькихъ или многихъ словахъ сказать тоже самое, что заключается въ одномъ словѣ «тяготѣніе». Такъ и съ любовью. Но дѣло въ томъ, что всякая теорія должна обнимать болѣе или меньшій кругъ фактовъ и, при равенствѣ другихъ условій, та теорія лучше, которая охватываетъ наибольшее число фактовъ. Очевидно, что теорія Шоппенгауера, оставляя въ сторонѣ ея телеологическій характеръ, съ этой точки зрѣнія лучше теоріи Геккеля. Она больше даетъ уму, оставляетъ въ рядѣ явленій полового инстинкта меньше пробѣловъ. Геккель не умѣетъ объяснить, съ точки зрѣнія избирательнаго средства двухъ влѣточекъ, ни страшной силы любви, ни того несомнѣннаго факта, что любовь требуетъ известной степени контраста между любящими, ни другихъ вещей, которыя Шоппенгауеръ, худо ли, хорошо ли, объясняетъ. Мы не можемъ, конечно, примириться съ его объясненіемъ, потому что оно противорѣчитъ самымъ основнымъ требованіямъ научнаго мышленія. Однако и формулы Геккеля намъ маловато, потому что она тѣсна и узка. Но, можетъ быть, теорія достаточно широкая и невозможна безъ примѣси такой лигатуры, какъ цѣли природы? Къ счастію, дѣло, кажется, стоитъ не такъ безнадежно, и у самихъ дарвинистовъ можетъ быть почерпнуто нѣчто весьма пригодное для нашей цѣли.

Читатель замѣтилъ, что Геккель видитъ въ явленіяхъ полового инстинкта и высшаго изъ нихъ, любви, результаты «дифференцірованія» и затѣмъ имъ самимъ приписываетъ сильное дифференцирующее вліяніе. «Дифференцірованіе» стало нынѣ моднымъ словомъ, и съ нимъ случилось тоже, что обыкновенно случается съ модными словами: его употребляютъ, какъ говорится, зря, вкладывая въ него неопредѣленно одобрителный смыслъ. Когда слово «свобода» стало моднымъ, то дѣло дошло до знаменитой «свободы отъ земли» и до анекдота о «свободномъ» извоцикѣ, которому мимо ходяще хлыщи предлагаютъ кричать: «да здравствуетъ свобода». Такъ и съ дифференцірованіемъ. Предполагается, что оно есть всегда или спутникъ чего-то очень хорошаго и для кого-то выгоднаго, или же составляетъ самую суть этого хорошаго. Изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ писа-

телей наиболее злоупотребляет этимъ словомъ Спенсеръ. Я предлагаю читателю, всякій разъ какъ онъ въ разговорѣ или въ печати встрѣчаетъ слово «дифференцирование», задавать себѣ или собесѣднику вопросъ: что именно въ данномъ случаѣ дифференцируется и къ какимъ результатамъ дифференцирование приводитъ? Такъ мы поступимъ и въ занимающемъ насъ случаѣ.

Всѣ разнообразныя процессы размноженія сводятся къ отдѣленію отъ организма-производителя одной или нѣсколькихъ клѣточекъ, изъ которыхъ развивается новый индивидъ. Самый простой случай представляетъ размноженіе дѣленіемъ: организмъ-производитель просто распадается на двѣ или нѣсколько частей. Этотъ процессъ можетъ имѣть мѣсто только въ наименѣе дифференцированныхъ организмахъ, т. е. въ такихъ, части которыхъ ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, очень мало зависятъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ своего цѣлаго, и способны каждая составить изъ себя новое, самостоятельное цѣлое. Поднимаясь выше по лѣстницѣ организмовъ, мы встрѣчаемъ послѣдовательно почкованіе, размноженіе спорами, два вида гермафродитизма и, наконецъ, чистое половое размноженіе. Эта градация идетъ параллельно усложненію, дифференцированію организмовъ. Развиваясь, дифференцируясь, организмъ побуждаетъ входящія въ него низшія индивидуальности именно тѣмъ, что водворяетъ между ними несходство, специализацию и раздѣленіе труда. Уже на ступени почкованія не всѣ части организма способны произвести новый индивидъ: почки вырастаютъ обыкновенно только на извѣстныхъ мѣстахъ организма-производителя. Наконецъ, въ высшихъ животныхъ только ничтожная доля эпителиальныхъ клѣточекъ, именно клѣтки зародышевыя и сѣменные, способны развиваться въ самостоятельный индивидъ. Только онѣ сохраняютъ еще всю сумму свойствъ необходимыхъ для самостоятельной, свободной жизни, только онѣ не побуждены высшею индивидуальностью, а всѣ остальные клѣтки сгруппированы въ служебныя, подчиненныя органы и усвоили себѣ только одну какую нибудь специальную сторону жизни.

Самымъ процессомъ своего развитія организмъ, какъ и всякая другая ступень индивидуальности, устанавливаетъ между своими частями раздѣленіе труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависимость и рабство. Подвергшіяся дифференцированію части всякаго побѣдоноснаго цѣлаго другъ безъ друга жить не могутъ и, въ то же время, суть рабы или цѣлаго, или другъ друга. Дѣло въ томъ, что всякое побѣдоносное цѣлое можетъ, въ свою очередь, ока-

заться побѣжденнымъ другою, еще высшею индивидуальностью. И это именно явленіе можно прослѣдить въ градаціи способствъ размноженія. Въ этой градаціи замѣчается не только усиленіе раздѣленія труда, дифференцированія между клѣточками и органами и, слѣдовательно, не только ростъ побѣды индивида въ тѣсномъ смыслѣ, а и усиленіе раздѣленія труда, дифференцированія между индивидами и, слѣдовательно, зачатки ихъ пораженія новою, высшею индивидуальностью. *Процессы дифференцированія двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности необходимо враждебны одинъ другому.* Вотъ неизбѣжное правило, котораго, къ сожалѣнію, не хотятъ знать господа, зря толкующіе о дифференцированіи и выдающіе въ немъ всегда какое-то безусловное благо—для кого? они не говорятъ и сами не знаютъ. Дифференцированіе есть всегда побѣда для извѣстной ступени индивидуальности, но вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда, неизбѣжно, составляетъ пораженіе для другой ступени. Спрашивается: какая же это новая ступень индивидуальности дифференцируетъ мужской и женскій полъ, устанавливаетъ раздѣленіе труда въ актѣ воспроизведенія новыхъ поколѣній? Семья. Зачатки ея даны уже въ двуполомъ гермафродитизмѣ, потому что такіе гермафродиты въ періодъ размноженія сходятся другъ съ другомъ, сближаются, и это сближеніе достигаетъ иногда полнѣйшаго слитія, такъ что два индивида совершенно сливаются въ одно цѣлое, и уже въ этомъ новомъ цѣломъ образуется будущее поколѣніе. При чистомъ половомъ размноженіи, трудъ произведенія новаго поколѣнія окончательно дѣлится между самцемъ и самкой, и тѣмъ кладется начало семьѣ. Но благодѣтельный для побѣдителей, роковой для побѣжденныхъ законъ дифференцированія и раздѣленія труда на этомъ не останавливается. Онъ все глубже и рѣзче отдѣляетъ самку и самца, дѣлаетъ ихъ все менѣе другъ на друга похожими и все болѣе другъ отъ друга зависимыми. Дарвинъ предполагаетъ, что долго послѣ того, какъ предки млекопитающихъ перестали быть гермафродитами, оба пола могли отдѣлять молоко и оба кормить дѣтенышей, а у сумчатыхъ оба пола могли носить дѣтенышей въ брюшныхъ сумкахъ. Еще и теперь нѣкоторыя рыбы-самцы носятъ яйца самокъ въ мѣшкахъ до выхода молодыхъ рыбъ, а потомъ, говорятъ, даже кормятъ ихъ; самцы другихъ рыбъ выводятъ икру во рту или жаберныхъ полостяхъ; самцы нѣкоторыхъ жабъ наматываютъ четкообразную икру, которую мечутъ самки, на свои бедра, гдѣ она и остается до выхода головастиковъ; у нѣкоторыхъ птицъ самцы берутъ на себя весь трудъ вывода птенцовъ; у голубей самцы наравнѣ съ самками кормятъ птенцовъ совомъ,

отдѣляемымъ ихъ зобомъ. Есть, слѣдовательно, полное основаніе предполагать, что предки млекопитающихъ, хотя уже раздѣльно-полне, были, однако, настолько всѣ сходны, равны между собой, что трудъ кормленія дѣтей не дѣлился между самцами и самками. На это указываютъ и многія другія обстоятельства. «Если мы предположимъ, говорить Дарвинъ:— что, въ теченіи продолжительнаго прошлаго періода, самцы помогали самкамъ въ уходѣ за дѣтенышами и что, впоследствии, по какой-либо причинѣ — напимѣръ, вслѣдствіе уменьшенія числа рождавшихся дѣтенышей—самцы перестали оказывать самкамъ эту помощь, то намъ будетъ понятно, какимъ образомъ неупотребленіе органовъ въ періодъ зрѣлости должно было повести къ ихъ недѣятельности» (Происхожденіе человѣка и половой подборъ, I, 238). Такимъ образомъ, объясняется атрофированіе молочныхъ желѣзъ у самцовъ млекопитающихъ. Далѣе развиваются другіе, такъ называемые, вторичные половые признаки, т. е. такіе, которые есть у самцовъ, но нѣтъ у самокъ и наоборотъ. Идите дальше, въ человѣческое общество, и вы увидите, что вторичные половые признаки становятся, вмѣстѣ съ развитіемъ семьи, все рѣзче. На этомъ результатѣ сходятся самыя разнообразныя отрасли новейшей науки: исторія, этнографія, фивіологія, анатомія. У нынѣ существующихъ низшихъ расъ и въ низшихъ классахъ цивилизованныхъ народовъ, а также у исчезнувшихъ древнихъ народовъ, насколько исторія можетъ возстановить ихъ характеръ — половныя различія несравненно слабѣе, чѣмъ въ культурныхъ классахъ и у культурныхъ народовъ. Такъ, напимѣръ, Ретціусъ нашель, что «женскіе черепа высшихъ классовъ въ Швеціи обнаруживаютъ несравненно рѣзче половые особенности, нежели черепа простыхъ крестьянокъ» (Мечниковъ. Антропология и дарвинизмъ, «Вѣстн. Европы» 1875, № 1). Риль, какъ и многіе другіе наблюдатели, замѣчаетъ, что разница въ ростѣ и фивіономіи между мужчинами и женщинами гораздо замѣтнѣе въ высшихъ классахъ, чѣмъ въ низшихъ. Тотъ же Риль замѣчаетъ, что это самое отношеніе можетъ быть усмотрѣно даже въ звукѣ голоса мужчины и женщины на различныхъ стадіяхъ цивилизаціи. Онъ указываетъ, что въ Европѣ постепенно исчезаютъ контральты и высокіе тенора, а вырабатываются наиболѣе рѣзкіе контрасты: для мужчинъ басы, для женщинъ сопрано. (Die Familie, 27). Негры, монголы, американскіе, малайскіе народы въ обоихъ полахъ почти безбороды, тогда какъ въ кавказской расѣ мужчины рѣзко отличаются отъ женщинъ бародой и усами, такъ что нѣмки даже выработали пословицу: ein Kuss ohne Bart ist ein Ei ohne Salz, т. е. пожалуй безбородого человѣка все равно, что

яйцо безъ соли. Анатоми Гукке и Велькеръ пришли къ тому заключенію, что, «по мѣрѣ увеличенія совершенства расы, увеличивается и разница между полами по отношенію къ вмѣстимости черепной полости; особенно же сильно превосходить въ этомъ отношеніи европеецъ европейку сравнительно съ негромъ и негритянкой» (Мечниковъ). По изслѣдованіямъ одного англичанина, вѣсъ мозга цыгана равенъ 1245 граммамъ, цыганки — 1224; у лапландцевъ это отношеніе выразится цифрами 1350 и 1264, у ирландцевъ — 1406 и 1261, у шѣмцевъ—1499 и 1160 (Reich. Studien über die Frauen, 45). Хотя всѣмъ подобнымъ вычисленіямъ слѣдуетъ довѣрять только съ большою осторожностью, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ фактовъ, и они могутъ имѣть свое значеніе, какъ одно изъ свидѣтельствъ, что, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, половыя различія усиливаются, т. е. усиливается половое дифференцированіе. Но намъ извѣстно уже, что исходною точкою супружескихъ отношеній должно быть признано отсутствіе семьи и что народы вымершіе и нынѣ существующія низшія расы, и низшіе классы цивилизованныхъ народовъ до сихъ поръ сохранили многочисленныя слѣды первобытныхъ формъ общезжитія. Слѣдовательно, развитіе семьи и усиленіе половыхъ различій идутъ рука объ руку. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Семья, какъ высшая индивидуальность, развиваясь, устанавливаетъ между своими частями раздѣленіе труда, назначаетъ своимъ членамъ различныя званія, а приспособленіе къ этимъ специальнымъ занатіямъ отражается на физической организаціи членовъ.

Намъ говорятъ, что въ этомъ состоитъ прогрессъ. Нѣкоторые говорятъ это прямо, какъ напримѣръ г. Шляревскій (Объ отличительныхъ свойствахъ мужского и женскаго типовъ), Риль (Die Familie). Но, напримѣръ, Риль, дойдя до извѣстныхъ фактовъ, до которыхъ и мы въ свое время дойдемъ, съ негодованіемъ говоритъ объ Ueberweiblichkeit и объ übertriebene Sonderung der Geschlechter, т. е. о чрезмѣрной женственности и чрезмѣрномъ различіи половъ. Тогда какъ вызывающіе его негодованіе факты логически неизбѣжны съ его собственной точки зрѣнія, составляютъ дальнѣйшее развитіе того, что онъ самъ признаетъ хорошимъ и желательнымъ. Другіе, какъ напримѣръ, многіе выше цитированные авторы, освоившись съ идеей равноправности половъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣчаютъ тотъ фактъ, что у болѣе «совершенныхъ» расъ и «болѣе цивилизованныхъ» классовъ, половыя различія становятся все сильнѣе и что, слѣдовательно, цивилизація несетъ съ собою не равноправность половъ, а нѣчто совсѣмъ противоположное. И въ са-

момъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія ходячаго либерализма, мы имѣемъ тутъ поразительное, необъяснимое явленіе. Какъ бы мы ни толковали о варварствѣ дикарей, которые бьютъ своихъ женъ, но, вѣдь, драка—это общій фонъ жизни дикарей. Они и другъ друга бьютъ, и жены ихъ бьютъ и очень сильно, какъ увидимъ, а нѣкогда били еще сильнѣе. Во всякомъ случаѣ, фактъ относительнаго равенства половъ въ первобытномъ обществѣ несомнѣненъ. Это равенство изгнано, какъ говорятъ, «цивилизацией». Если бы мы имѣли право связывать умственные способности съ вѣсомъ мозга, то, на основаніи цифръ, приводимыхъ Рейхомъ, должны бы были сдѣлать слѣдующее заключеніе: съ развитіемъ цивилизаціи женщины глупѣютъ не только относительно, т. е. отстаютъ отъ развитія умственныхъ способностей мужчинъ, а даже и абсолютно: вѣсъ мозга цыганки равенъ 1224, лапландки 1264, а у нѣмки—1160. Повторяю. всѣ подобныя вычисленія, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ основанныя, не заслуживаютъ довѣрія. Но они все-таки наглядно, хоть, можетъ быть, и грубо, освѣщаютъ тотъ коренный фактъ, который ставитъ въ тупикъ точку зрѣнія ходячаго либерализма. Противники такъ называемой эмансипаціи женщинъ находятся въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, потому что они могутъ острить, какъ и дѣлаетъ Рейхъ, что, дескать, эмансипація наипроще можетъ осуществиться у цыганъ и вообще у какихъ нибудь дикарей, забытыхъ исторіей.

Но для насъ обязательно ни недоумѣніе либераловъ, ни остроуміе такъ называемыхъ консерваторовъ, потому что мы умѣемъ различать типы и степени развитія, знаемъ, что очень высокій типъ можетъ находиться на очень низкой степени и наоборотъ. Важность этого обстоятельства даетъ мнѣ смѣлость съ совершенно серьезными намѣреніями рассказать полу-комическую, полу-фантастическую, но превосходную сказку, которую Платонъ, въ одномъ изъ своихъ разговоровъ («Пиршество»), влагаетъ въ уста Аристофану.

На «пиршествѣ», поочереды, объ Эротѣ, о Любови, говорятъ все очень умныя вещи и умнѣе всѣхъ, конечно, Сократъ. Только одна рѣчь проходитъ безъ всякихъ одобрительныхъ возгласовъ, рѣчь Аристофана, но я только ее и приведу, нѣсколько сокративъ и перемѣнивъ, потому что тамъ есть «нецензурныя» подробности.

Въ старину, говоритъ Аристофанъ:—люди были совсѣмъ не то, что теперь. Съ виду это были существа шарообразныя, съ четырьмя руками, четырьмя ногами, съ двумя совершенно схожими лицами, съ четырьмя ушами, съ двойными половыми др-

ганами. Ходить они могли также, какъ и мы ходимъ, но, для скорости, перекатывались колесомъ на своихъ восьми конечно-стяхъ. И это были не мужчины и женщины, а нѣчто единое и цѣлое, мужчина и женщина вмѣстѣ. Сила у нихъ была громадная, какъ физическая, такъ и умственная. Разсказъ Гомера объ исполинахъ, которые вздумали проложить себѣ дорогу на Олимпъ, относится собственно къ этимъ могучимъ цѣльнымъ людямъ. Боги призадумались. Оставлять дерзость людей безнаказанною было нельзя, а истребить ихъ въ конецъ — не хотѣлось, потому что тогда некому бы было приносить богамъ жертвы и воздавать почести. Наконецъ, Зевесъ придумалъ выходъ. Онъ рѣшилъ разрубить людей пополамъ. Такимъ образомъ, они ослабѣютъ, разсуждалъ мудрый богъ и, кромѣ того, ихъ станетъ вдвое больше, значить, и жертвоприношеній больше. Пусть они ходятъ на двухъ ногахъ, связалъ Зевесъ, а если они все-таки не успокоятся и будутъ продолжать свои бунты, я разрублю ихъ еще разъ, и они будутъ двигаться на одной ногѣ, какъ волчки. Сказано, сдѣлано. Зевесъ разрѣзалъ людей пополамъ, какъ рѣжутъ яблоко или яйцо. Затѣмъ онъ велѣлъ Аполлону повернуть имъ шеи и лица напередъ, къ сторонѣ разрѣза, чтобы они его всегда видѣли и казнили. Кромѣ того, нужно было натянуть кое-гдѣ кожу и, вообще, вылечить разрѣзанныя половинки, что Аполлонъ и исполнилъ. Разрѣзанныя половины устремились одна къ другой, обнялись, схватились руками и не хотѣли разлучаться ни на минуту, такъ что многія изъ нихъ умерли съ голоду. Если умирала одна изъ нихъ, то другая искала новую. Наконецъ, Зевесъ сжалился надъ ихъ несчастнымъ положеніемъ и сдѣлалъ въ ихъ строеніи еще нѣкоторыя измѣненія, которыя окончательно дали разрѣзаннымъ половинкамъ теперешнюю форму мужчинъ и женщинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, породили то, что мы называемъ любовью... Любовь, слѣдовательно, есть стремленіе къ цѣлостности, стремленіе людей другъ къ другу съ цѣлью восстановленія первостепенной могучей природы человѣка. Каждый изъ насъ есть только полчеловѣка, и каждая половина ищетъ своей половины. Счастливый бракъ есть случай удачнаго подбора половинокъ, несчастный — неудачнаго.

Этотъ превосходный, глубоко-поэтический и глубокомысленный мнѣ дѣрогъ намъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, потому, что онъ рѣзко ставитъ превосходство гермафродитизма (какъ физиологическаго *типа*) передъ раздѣльно-полымъ существованіемъ, а во-вторыхъ — потому, что не менѣе рѣзко указываетъ на болѣзненный источникъ половой любви. Люди гермафродитами никогда не были. Надо спуститься по нашему генеалогическому

дереву, вмѣстѣ съ Дарвиномъ и Геккелемъ, до асцидій, чтобы встрѣтить гермафродитизмъ. Поэтому, людей мы теперь изъ счета выкинемъ. Но несомнѣнно, что, когда впервые обозначилось раздѣльно-полое существованіе и для образованія новаго индивида, потребовалась встрѣча *двухъ* половыхъ продуктовъ, сѣменной и зародышевой кѣлочкы—*типъ* животныхъ понизился, и произошло нѣчто описываемое Аристофаномъ; сравнительно сильный, высоко развитый типъ какъ бы былъ разрубленъ на двѣ сравнительно слабыя половины. Образовался *sexe, Geschlecht*, нѣчто разрубленное, или *полъ*, т. е. половина. Люди, зря толкующіе о дифференцированіи и раздѣленіи труда, доказываютъ, что «освобожденіе гермафродитовъ отъ соотвѣтственной половины генетической дѣятельности открываетъ имъ возможность тѣмъ большаго совершенствованія относительно другихъ отпавленій» (Шкляревскій). Пусть такъ, но всѣ эти усовершенствованія, еслибы они были дѣйствительно такъ велики, какъ говорить, и даже больше, должны быть исключительно отнесены къ *степени* развитія, а типъ все-таки понизился, поскольку раздѣленіе труда произошло между индивидами, а не между органами въ предѣлахъ одной и той же индивидуальности. Тамъ, гдѣ половой актъ сопровождается полнѣйшимъ слитіемъ двухъ индивидовъ въ одинъ, внутри котораго развивается молодое поколѣніе, тамъ «всегда (in der Regel) этотъ новый индивидъ обладаетъ болѣе высокою организаціей, чѣмъ тѣ два, изъ сліянія которыхъ онъ произошелъ». (Häckel. Anthroprogenie, 130). Это же развитіе приложимо и къ болѣе важнымъ изъ вторичныхъ половыхъ признаковъ. Человѣкъ получилъ раздѣльнополое существованіе по наслѣдству; но отдаленнѣйшій его типъ, который мы имѣемъ уже, однако, право называть человѣкомъ, не зналъ тѣхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, тѣхъ половыхъ различій, которыя выросли и растутъ съ тѣхъ поръ. Какими бы побочными усовершенствованіями ни сопровождался этотъ ростъ половыхъ различій, но въ суммѣ они представляютъ все-таки высокую, колоссальную, если хотите, степень развитія пониженнаго типа. Индивидуальность человѣческая, при этомъ, какъ мужчины, такъ и женщины, терпитъ коренной ущербъ, совсѣмъ не восполняемый побочными побѣдами. Если будетъ кѣмъ нибудь доказано (чего однако, быть не можетъ), что это—ущербъ неизбѣжный, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что ущерба нѣтъ.

Индивидуальность человѣческая при этомъ побѣждается вышешою, семейною индивидуальностью, въ которую входятъ, какъ подчиненные члены, супруги, дѣти и, затѣмъ, рядъ болѣе дальнихъ родственниковъ. Мы пока заняты только супругами. Ихъ

связывает любовь. И здѣсь намъ опять поможетъ Платоновскій мнѣ. Половой инстинктъ и его высшее проявленіе, любовь, люди, опять-таки, получили по наслѣдству. Происхожденіе полового инстинкта должно быть отнесено къ тому же рѣшительному въ исторіи жизни на землѣ моменту, когда впервые помы обособились, дифференцировались. И для этого момента картина, нарисованная Аристофаномъ или Платономъ, совершенно вѣрна въ основаніи. Геніальный фантазеръ угадалъ. Сравните процессы размноженія при простомъ дѣленіи одного индивида и при предварительномъ полномъ сліянніи двухъ индивидовъ въ одно цѣлое. Въ первомъ случаѣ нѣсколько клѣточекъ, повинуваясь закону развитія, достигаютъ извѣстной степени возможности самостоятельно относиться къ внѣшнему міру и отдѣляются. При сліянніи, напротивъ, два индивида въ извѣстный моментъ своей жизни оказываются слишкомъ слабыми для самостоятельнаго существованія, оказываются половинками, которыя стремятся слиться и образовать одно цѣлое. Ощущенія этихъ половинокъ намъ, конечно, неизвѣстны, но вѣрно, что они порознь существовать не могутъ. Если мы примемъ указанный въ первомъ очеркѣ законъ развитія, то это явленіе значительно уяснится намъ. По закону развитія, организмы стремятся къ постоянному усложненію или, что то же, усовершенствованію. Механическія причины этого стремленія намъ неизвѣстны, но оно столь же неуклонно, какъ стремленіе ртути вверхъ по трубкѣ термометра; только послѣдняго движенія мы не называемъ неопредѣленнымъ словомъ «стремленіе», потому что свели его на механическія причины. Такъ какъ всякая индивидуальность стремится къ усложненію, а усложненіе двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности вѣдетъ, какъ мы знаемъ, къ враждебному ихъ столкновенію, то въ результатѣ могутъ оказаться очень разнообразныя явленія, между прочимъ, и упрощеніе организаціи; упрощеніе можетъ быть только въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ, а въ другихъ развитіе, усложненіе можетъ идти своимъ чередомъ и достигать очень высокой степени. Такой именно случай представляетъ обособленіе половъ. Какъ и всякое раздѣленіе труда между индивидами одного и того же вида, оно—явленіе болѣзненное. Простой гермафродитъ внутри себя развиваетъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ оба половые инстинкта — сѣменные и зародышевыя клѣточки. И это, съ точки зрѣнія индивидуальной жизни—высшій типъ размноженія. Рядъ случайныхъ уклоненій, поддержанныхъ наслѣдственною передачею и, очевидно, невыгодныхъ съ точки зрѣнія богатства индивидуальной жизни, мало-по-малу атрофировалъ въ однихъ индивидахъ мужскую, въ другихъ женскую

способность. Встрѣтивъ на этомъ пунктѣ задержку, законъ развитія обходитъ преграду и восстанавливаетъ первичное единство и совершенство, цѣльность, сложность—слияніемъ. Мы видѣли, что индивидъ, образованный слияніемъ, дѣйствительно выше вошедшихъ въ него отдѣльныхъ индивидовъ. Это-то замѣчательное выраженіе закона развитія, будучи увѣковѣчено наслѣдственной передачей, развивается съ теченіемъ времени въ половой инстинктъ, а, затѣмъ, въ любовь. Безъ него раздѣльно-полые организмы не могли бы существовать, потому что не давали бы потомства. Постепенно глохли бы да глохли тѣ осужденные на гибель гермафродиты, у которыхъ способность выдѣлять мужскіе или женскіе половые продукты атрофировались. Первоначально сливаться раздѣльно полые организмы должны были въ силу чисто механическихъ причинъ, на которыя имѣть быть разложенъ законъ развитія. О стремленіи въ силу наслажденія, конечно, тутъ не можетъ быть рѣчи, какъ не можетъ быть рѣчи о мукахъ родовъ при распаденіи какого-нибудь простѣйшаго организма на два или нѣсколько новыхъ индивидовъ. Наслажденіе и страданіе, вся страшная и увлекательная сторона любви развивалась постепенно, вмѣстѣ съ развитіемъ нервной системы и психической жизни. Но первый толчокъ былъ именно таковъ, какъ его изобразилъ Аристофанъ. Любовь—не надувательство природы, или Безсознательнаго, или генія вида, преслѣдующихъ какія-то свои цѣли. Она—и не неудобопонятное избирательное сродство двухъ клѣточекъ. Она—одно изъ выраженій великаго закона развитія, сдерживаемое другими проявленіями того же закона. Платонъ правъ: любовь — взаимное тяготѣніе двухъ разрѣзанныхъ половинокъ. Но слиться эти половинки могутъ только въ низшихъ организмахъ. Въ силу все того же закона развитія, высшіе организмы приспособляютъ всѣ свои клѣточки къ цѣлямъ своего индивидуальнаго, личнаго существованія, даютъ ихъ, группируютъ ихъ въ служебные, подчиненные органы. Лишь сѣменные и зародышевыя клѣточки избавлены отъ этого гнета, и только онѣ и сливаются въ новый индивидъ, который, въ первую пору своего эмбриональнаго развитія, дѣйствительно оказывается не половинкой, а цѣльнымъ существомъ—онъ имѣетъ и мужскія, и женскія желѣзы. Только съ теченіемъ времени сказывается наслѣдственная сила раздѣленія половъ, и человекъ рождается мужчиной или женщиной, во всякомъ случаѣ—половинкой. Опять и опять начинается свою работу неустанный и слѣпой законъ развитія; опять и опять загорается онъ пламенемъ любви и вновь сливается зародышевыя и сѣменные клѣточки и т. д.

Понятенъ съ этой точки зрѣнія и отмѣченный Шоппенгауеромъ фактъ важности контрастовъ въ любви. Природа раздѣзала половинки не совсѣмъ такъ правильно, какъ рассказываетъ Аристофанъ. Или, можетъ быть, она исполнила угрозу Зевеса и, такъ какъ раздѣльно-полые люди были, всетаки, еще слишкомъ сильны и могущественны, то разрубилъ ихъ еще разъ и, можетъ быть, не одинъ разъ или хотъ такъ, слегка надрубилъ. Есть и другіе контрасты, которые законъ развитія стремится слить для возстановленія первичной цѣльности...

Понятенъ далѣе и тотъ фактъ, что любовь уживается рядомъ съ взаимнымъ отчужденіемъ, враждебностью, презрѣніемъ, вообще съ отрицательнымъ отношеніемъ представителей обоихъ половъ. Это отрицательное отношеніе, выражаясь въ крайне грубой формѣ у дикарей, въ сущности, однако, гораздо менѣе сильно у нихъ, чѣмъ у народовъ и классовъ цивилизованныхъ, гдѣ оно закутывается въ формы тонкія и мягкія. Зависитъ это оттого, что между дикаремъ и дикаркой нѣтъ сильныхъ контрастовъ, которые, дѣлая ихъ другъ другу необходимыми, въ тоже время взаимно отчуждали бы ихъ. Мы знаемъ, что подвергшіяся дифференцированію части всякаго побѣдоноснаго цѣлага другъ безъ друга жить не могутъ и, въ тоже время, суть рабы или цѣлага, или другъ друга. Допустите теперь сюда мысленно свѣтъ сознанія. Представьте себѣ, что дифференцированныя части одушевлены самосознаніемъ. Тогда надо будетъ сказать, что онѣ другъ друга любятъ до безумія, потому что даже жить врознь не могутъ, и, въ тоже время, сознаніе взаимнаго рабства можетъ имъ внушать нѣчто въ родѣ взаимной вражды, если, разумѣется, предположить сознаніе достигшимъ достаточно высокой степени развитія. Въ человѣчествѣ эта степень, конечно, достигнута...

Да не подумаетъ читатель, чтобы я хотѣлъ этими нѣсколькими строками отдѣлаться отъ контрастовъ, какъ источника притягательной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отталкивающей силы. Объ этомъ рѣчь будетъ далѣе, и тогда для насъ окончательно выяснится значеніе любви, какъ одного изъ проявленій великаго закона развитія.

Ник. Михайловскій.

МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

ЭДВАРДА ДЖЕНКИНСА.

Автора «Джиньсова Младенца».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ союзѣ и видѣ его.

I.

Вопросъ жизни и смерти.

— Три фунта пять съ половиною унцовъ, сказалъ поварь приходскаго союза для бѣдныхъ, бросая пол-унца на одну изъ чашекъ вѣсовъ.

На другой оловянной чашкѣ лежалъ завернутый въ бѣлую салфетку наименьшій образецъ человѣческой породы, когда-либо появлявшійся на свѣтъ.

— Ну, произнесъ докторъ:—я никогда не видалъ такого маленькаго ребенка. Не стоило страдать изъ-за него бѣдной женщи.

— Гм! замѣтилъ мистеръ Ми, смотритель союза:—этотъ народъ, рожая дѣтей, никогда не думаетъ, сколько заботъ и расходовъ онъ причиняетъ союзу. Станный, право, сочинили законъ, чтобы кормить и воспитывать нищенское отродье.

— Бѣдное созданіе! сказала сидѣлка, снимая маленькое живое существо съ чашки вѣсовъ, которые были нарочно принесены изъ кухни для опредѣленія его удѣльнаго вѣса:—какое маленькое тѣло! негдѣ и жизни-то пріютиться. Его легкія, вѣрно, не больше зернышка—не такъ ли, докторъ?

— Этотъ ребенокъ, отвѣчалъ медикъ, не останавливаясь на

невѣжественномъ понятіи сидѣлки о сравнительной анатоміи и указывая на красный кусокъ мяса, который она заворачивала въ пеленку:—очень золотушень и въ головѣ у него вода; не даромъ голова такъ велика и вѣситъ почти тоже, что все остальное тѣло. Я никогда не видывалъ живаго существа съ такими ногами и руками. Онѣ годились бы любому жуку. Въ Спартѣ немедленно утопили бы такого щенка, а живи вы, мистрисъ Гуссетъ, среди индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, то вамъ пришлось бы, увидавъ такую ошибку природы, прижать пальцами дыхательное горло этого маленькаго чудовища и тѣмъ спасти племя отъ лишней обузы.

Въ эту минуту глухой стонъ прервалъ разговоръ, происходившій въ приемномъ повоѣ кодльтонскаго приходскаго союза въ Руссетширѣ. Стонъ раздался съ кровати, на которой лежала мистрисъ Годжъ, жена Джона Годжа изъ Ганкерлея, которая явилась сюда родить на счетъ прихода въ восьмой и послѣдній разъ. Она только-что произвела на свѣтъ рѣдкую диковину, вызвавшую глубокія историческія и социальныя размышленія доктора.

— Бѣдная женщина! ей недолго прожить, сказала мистрисъ Гуссетъ, поспѣшно подходя къ кровати.

Она нѣжно наклонилась къ больной и ласково спросила, что ей нужно; но, вмѣсто отвѣта, больная съ неожиданной энергіей схватила маленькое живое существо, лежавшее на ея рукѣ и, прижавъ его къ своей груди, залилась горькими слезами. По ея блѣднымъ, изнуреннымъ ничтою щекамъ неудержимо лился потокъ горчюихъ слезъ, и въ этой купели материнской любви окрещена была молодая жизнь, грустно, печально являвшаяся на свѣтъ. Изумленная сидѣлка старалась успокоить больную и взяла назадъ ребенка, но она все крѣпче и крѣпче прижимала его къ себѣ. Черезъ минуту, однако, слезы ея изсякли; порывистое дыханіе пресѣлось, и ребенокъ выпалъ изъ судорожно сжатыхъ рукъ. Приходскій союзъ сдѣлалъ все, что могъ, для живой мистрисъ Годжъ; для мертвой не нужно было ничего, кромѣ могилы.

Сидѣлка невольно вскрикнула; докторъ подошелъ и взялъ руку умершей, но тотчасъ ее опустилъ.

— Я этого ожидалъ, сказалъ онъ холодно:— у нея почти не оставалось крови. Она жила, вѣрно, всегда на капустѣ, рѣпѣ и моркови, безъ малѣйшей питательной пищи. Удивительно, какъ этотъ народъ имѣетъ еще дѣтей.

— Однако, они родятъ безъ счета, замѣтилъ мистеръ Ми:— и еще приходятъ родить сюда. Этотъ союзъ пренесчастный. Те-

перь ребенка придется вскормить на рождѣ, и, конечно, отецъ возложить это на насъ.

— Мать не могла бы его сама вскормить, сказала мистрисъ Гуссетъ, держа въ одной рукѣ ребенка, а другою, сдернувъ простыню, указала на блѣдно-синеватую, изсохшую отъ тридцатипятилѣтнихъ трудовъ и нищеты бездыханную грудь умершей женщины:—хорошо, что она умерла, бѣдная!

Сидѣлка почтительно покрыла мертвое тѣло и отвернулась съ ребенкомъ отъ преждевременной могилы всѣхъ его надеждъ.

— Подождите, я запишу въ книгу, произнесъ докторъ:—не нужно никакого слѣдствія, не правда ли, мистеръ Ми? Смерть произошла отъ истощенія силъ послѣ родовъ. Знаете чтò, мистрисъ Гуссетъ? попробуйте отдать ребенка молодой дѣвушкѣ, которую вчера прислали изъ замка. Она довольна здорова для двухъ дѣтей. Нѣчего сказать, грустный канунъ Рождества. Впрочемъ, желаю вамъ обоимъ веселыхъ праздниковъ. Прощайте.

II.

НАПРАСНОЕ ГОРЕ.

На слѣдующее утро, Джонъ Годжъ съ помощью тринадцатилѣтней дочери одѣлъ своихъ остальныхъ дѣтей и, приготовивъ имъ похлебку изъ большого количества воды, небольшой доли хлѣба, капусты и маленькаго, не болѣе вершка, кусочка ветчины, отправился въ пріемный покой приходскаго союза узнать о здоровьѣ своей жены.

Привратникъ грустно взглянулъ на него, зная, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ принесли гробъ для его жены.

— Съ праздникомъ, сказалъ Джонъ Годжъ.

— Сегодня—грустный для васъ день, отвѣчалъ привратникъ:—идите въ комнату смотрителя.

— Такъ ребенокъ родился?

Привратникъ молча кивнулъ головою.

— Родился мертвый? продолжалъ Джонъ Годжъ, не подозрѣвая о случившемся:—ну, трудно ихъ теперь вскармливать. У ней бѣдной и безъ того много труда и заботы. Но я знаю, она будетъ сильно горевать.

— Гм! возразилъ привратникъ:—ребенокъ-то здоровъ, хотя, говорятъ, никогда не рождалось на свѣтъ такого крошки.

— Ребенокъ здоровъ, а сегодня—грустный для меня день, про-

*

изнесъ Джонъ, припоминая первыя слова привратника и внезапно постигая ихъ смыслъ:—такъ, значить, не ладно съ Мэри?

Привратникъ опять молча кивнулъ головою.

— О, она поправится! продолжалъ Джонъ, съ увѣренностью:—она и прежде бывала очень больна, но всегда поправлялась. Она сильнѣе, чѣмъ кажется, моя Мэри.

— Она никогда не поправится, Джонъ, сказалъ привратникъ нѣжно, но твердо.

— Чтò! воскликнулъ Джонъ, и слезы мгновенно брызнули изъ его глазъ.—Чтò, моя Мэри умерла? Вы говорите, Томасъ, что Мэри умерла? Это невозможно! Невозможно!

Джонъ Годжъ былъ пораженъ, уничтоженъ. У него какъ будто оборвалась послѣдняя опора подъ ногами. Не стало соучастницы его низкаго заговора противъ общественнаго благосостоянія и экономическаго закона; подруга его тяжелой, адской жизни оставила теперь его одного съ одиннадцатью дѣтьми—плодомъ ихъ обоюдной глупости и преступнаго легкомыслія. Уста, уничтожавшія часть его скуднаго заработка—хотя, видитъ Богъ, эта часть была самая незначительная и самая послѣдняя—были теперь на вѣки закрыты. Зачѣмъ же Джонъ Годжъ предавался тяжелому горю въ сѣняхъ кодльтонскаго приходскаго союза, при извѣстіи, что его Мэри умерла!

Наревѣвшись вдоволь надъ скромнымъ гробомъ, вмѣщавшимъ въ себѣ все, чтò оставалось отъ его жены, онъ прошелъ въ другую комнату, гдѣ его птенецъ всасывалъ въ себя жизнь изъ полной, здоровой груди молодой дѣвушки, съ которой случилось несчастье въ замкѣ.

— Господи, какой маленькій! воскликнулъ онъ, увидавъ сквозь туманную дымку слезъ миниатюрное созданіе:—у него силъ не хватить и жить!

На минуту горе Годжа какъ бы ступевалось предъ уморительнымъ фактомъ, что онъ былъ отцомъ самаго маленькаго ребенка въ свѣтѣ.

III.

Достатокъ земледѣльца.

Крошка Годжъ оставался въ продолженіи недѣли на попеченіи бѣдной дѣвушки, прогнанной изъ замка. Благодаря своимъ миниатюрнымъ размѣрамъ, онъ требовалъ немного нищи и казался отъ природы довольно тихимъ. Во всякомъ случаѣ, его

крики не могли достигнуть далеко. Если бы общество и приходъ оставили его тамъ, гдѣ онъ случайно родился, то была бы достигнута идеальная цѣль консервативной политики, именно: онъ спокойно выросъ бы и сдѣлался обыкновеннымъ человѣкомъ, неимѣющимъ никакой исторіи. Но печать завладѣла имъ; а когда печать завладѣваетъ ребенкомъ или человѣкомъ, то для этого ребенка или человѣка на-вѣки пропадаетъ всякое спокойствіе. Въ мѣстной газетѣ появилось извѣстіе, что въ Кодльтонскомъ приходскомъ союзѣ родился самый маленькій ребенокъ въ свѣтѣ. Конечно, это извѣстіе перешло въ столичныя газеты и такимъ образомъ достигло Америки, Австраліи и Сандвичевыхъ Острововъ. Безъ всякихъ усилій съ своей стороны, крошка Годжъ приобрѣлъ славу. Многіе посѣтители явились въ Кодльтонъ, именно: доктора, анатомы, естествоиспытатели и два соціальные философа. Они пришли всѣ къ тому заключенію, что онъ былъ очень малъ и не могъ долго жить. Одинъ джентльменъ, извѣстный своимъ участіемъ въ различныхъ выставкахъ, рѣшился извлечь изъ этой диковины общую пользу. Онъ просилъ, общая хорошее вознагражденіе, чтобы, послѣ смерти крошки Годжа, смотритель заведенія старательно положилъ бы его въ банку со спиртомъ и прислалъ въ Поктонскій музей. Такимъ образомъ, Крошкѣ Годжу предстояла счастливая судьба, сидя въ банкѣ, способствовать успѣхамъ просвѣщенія народныхъ массъ. Но принесла ли бы его смерть такую же пользу, какъ принесла его жизнь—это вопросъ. Между тѣмъ, мѣстная его популярность была громадна. Сквайръ съ женою и дѣтьми и другіе сосѣдніе аристократы посѣтили его, предсказывая этому малюткѣ успѣшную карьеру Тома Пуса.

Замѣчательно, что всякое физическое уродство возбуждаетъ въ насъ большой интересъ, а самыя чудовищныя явленія, нравственныя и соціальныя, оставляютъ насъ холодными зрителями. Ни ученые, ни сквайръ, ни пасторъ, ни судья не признали въ этомъ ребенкѣ признаковъ вырожденія класса, который доставляетъ намъ всѣ необходимые предметы жизни. Какъ часто мы предпочитаемъ смотрѣть на стекло, вмѣсто того, чтобы смотрѣть чрезъ него; какъ часто мы съ любопытствомъ изслѣдуемъ конкретный фактъ и забываемъ отвлеченные принципы, лежащіе въ его основѣ. Еслибы мы глядѣли въ микроскопъ на многіе факты, чрезъ которые скользятъ нашъ взглядъ, не сознавая настоящаго ихъ значенія, то развѣ мы могли бы по совѣсти дозволить дальнѣйшее существованіе этихъ фактовъ.

Но еще другая власть, ближе касавшаяся Крошки Годжа, обратила на него свое вниманіе: это былъ приходъ, въ рукахъ кото-

раго находилась его судьба по волѣ провидѣнія и англійскихъ законовъ. Его отецъ, Джонъ Годжъ, былъ земледѣлецъ у сосѣднаго фермера, который, не смотря на свою грубую одежду и грубыя манеры, назывался джентльменомъ - фермеромъ. Джонъ Годжъ получалъ въ недѣлю девять шиллинговъ, рыночную цѣну въ той мѣстности; кромѣ того, онъ имѣлъ бесплатное жилище, которое я впоследствии опишу. Передъ его хижиной находился уголокъ земли въ тридцать футовъ длины и шестнадцать ширины, на которомъ трудами покойной мистрисъ Годжъ весной зеленѣлъ горохъ, а осенью видѣлись картофель и капуста.

Все это, однако, не истощало достатковъ Годжа. Во время жатвы мистеръ Джоли, такъ звали джентльмена-фермера, давалъ каждому изъ своихъ рабочихъ награду въ тридцать шиллинговъ, увеличивая такимъ образомъ общій ихъ годовою доходъ до 24 ф. 18 ш. Во время уборки хлѣба и молотбы они получали ежедневно по кружкѣ слабого домашняго пива, которое самъ фермеръ всегда пробовалъ на полѣ для доказательства его отличнаго качества; онъ легко выносилъ этотъ напитокъ, но полуголодные желудки рабочихъ не всегда съ ними мирились. Семейство Годжа имѣло также свою долю въ ежегодномъ сборѣ колосьевъ послѣ жатвы, служившемъ значительнымъ прибавленіемъ къ запасу продовольствія. На Рождествѣ семейство каждаго рабочаго получало отъ сквайра кусокъ говядины, мѣшокъ картофеля и полтонны угля, а отъ прихода два одѣяла. Второй сынъ Годжа получалъ по два шиллинга въ недѣлю, въ продолженіи полутора или двухъ мѣсяцевъ въ году, за работу на полѣ.

Итакъ, мы можемъ опредѣлить слѣдующимъ образомъ всѣ доходы семейства Джона Годжа, состоявшаго изъ двухъ взрослыхъ людей и десяти дѣтей, не принимая въ расчетъ Крошки Годжа:

Денгами:

	ф. ст.	ш.	в.
Жалованье Годжа за 52 недѣли по 9 шил.	23	8	—
Прибавокъ за жатву	1	10	—
Жалованье Джэка—8 недѣль по 2 шил.	—	16	—
Итого въ годъ	25	14	—

Натурой:

Сборъ колосьями послѣ жатвы	3	—	—
60 кружекъ слабого пива по 3 п. (?)	—	15	—
10 фунт. говядины по 11 пен.	—	9	2
1 мѣшокъ картофеля	—	6	—
Полтонны угля въ 21 ш.	—	10	6
Два одѣяла	—	12	—
Итого	5	12	8

Если мы положимъ за домъ съ маленькимъ уголкою земли громадную ренту въ 80 ш., окажется, что весь достатокъ Джона Годжа равнялся 35 ф. ст. въ годъ. На эту сумму онъ долженъ былъ поддерживать свои силы для работы и кормить, одѣвать и учить, если возможно, многочисленныхъ дѣтей. Онъ и его жена одинаково ненавидѣли просить помощи у прихода, но въ послѣднее время они принуждены были это дѣлать, въ критическія минуты, подобныя той, которой открылся нашъ рассказъ. Такимъ образомъ, каждый мѣстный плательщикъ податей долженъ былъ фактически увеличивать хоть на небольшую сумму доходъ Годжа и на гораздо значительнѣйшую доходы другихъ поселянъ, которые не отличались такимъ же трудолюбіемъ и совѣстливостью. Всѣмъ понятно, почему мистеръ Джоли былъ яримъ противникомъ увеличенія заработной платы и въ доказательство своего мнѣнія многозначительно указывалъ на переполненные приходскіе союзы. Но дешевле ли было платить налогъ для бѣдныхъ для содержанія приходскаго союза, чѣмъ платить рабочимъ такую заработную плату, которая могла бы удержать ихъ отъ приходскаго союза?

IV.

Иронія надежды.

Я уже сказалъ, что приходъ занялся судьбою Крошки Годжа. «Что онъ будетъ съ нимъ дѣлать?» — вотъ вопросъ, который могъ естественно поставить въ тупикъ торійскаго романиста и въ продолженіи еще многихъ лѣтъ будетъ ставить въ тупикъ подобныхъ писателей. Предавъ землѣ свою жену, Джонъ Годжъ, держа за руки двухъ старшихъ дѣтей, которыя одни только понимали понесенную ими потерю, возвратился домой. Первою его мыслью теперь было:

— Что дѣлать съ Крошкой?

Онъ слышалъ отъ пастора, что его жена умерла съ надеждой, вполне достовѣрной, на блаженную будущую жизнь. Но какая надежда была у тѣхъ, которыхъ она оставила на землѣ? Сердце Годжа болѣзненно сжалось, когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ. Пасторъ, приходъ, мистеръ Джоли и его собственное положеніе, казалось, торжественно издѣвались надъ всякою надеждой. Онъ мрачно предчувствовалъ, что законъ обяжетъ его воспитывать Крошку и что онъ не можетъ надѣяться на дальнѣйшую помощь прихода. Онъ никогда не подозрѣвалъ, что самъ

неправильно отягощаль себя излишнимъ семействомъ. Онъ считаль дѣтей естественнымъ учрежденіемъ или даромъ Провидѣнія, такой же необходимостью, какъ дождь и вѣдро. Его сердцу точно такъ же, какъ инстинкту животныхъ, не былъ доступенъ экономическій законъ Мальтуса. Какія же могъ онъ питать сомнѣнія? Поэтому онъ естественно считаль Провидѣніе, приходъ, своего хозяина или кого-нибудь иного обязаннымъ доставить ему возможность поддерживать семейство. Въ ту минуту, когда второй столбъ семьи исчезъ, это заключеніе казалось ему еще убѣдительнѣе, чѣмъ тогда. Впослѣдствіи мы поговоримъ о результатахъ размышленій Джона Годжа по этому предмету, а теперь расскажем, что сдѣлалъ приходъ въ отношеніи его младшаго сына.

V.

Приходскій совѣтъ.

Мистеръ Бондъ, секретарь приходскаго союза для бѣдныхъ, мистеръ Ми, смотритель, и мистеръ Кольманъ, надзиратель, созвали чрезвычайное собраніе совѣта. Предстояло разрѣшить нѣсколько важныхъ вопросовъ: о контрактѣ на мясо, о доставкѣ угля, объ Аннѣ Симонсъ, 18-ти-лѣтней служанкѣ, позорно выгнанной изъ замка при открытіи нѣкоего несчастнаго обстоятельства и искавшей убѣжища въ союзѣ, тогда какъ причина ея несчастія, красивый грумъ, остался въ услуженіи сэвайра, и, наконецъ, о Крошкѣ Годжѣ. О всѣхъ этихъ вопросахъ, кромѣ послѣдняго, мистеръ Ми составилъ себѣ заранѣе определенное мнѣніе, но относительно Годжа онъ былъ въ сильномъ сомнѣніи. Онъ зналъ, въ какомъ положеніи находился этотъ бѣднякъ. У него было на рукахъ десять дѣтей, старшему изъ которыхъ тринадцать лѣтъ; жена его только что умерла, и онъ проводилъ отъ десяти до одиннадцати часовъ въ день на тяжелой работѣ внѣ дома; поэтому, отдавъ ему новорожденного младенца, союзъ поставилъ бы его въ самое безвыходное положеніе. Но, съ другой стороны, законъ обязываль Годжа разрѣшить неразрѣшимый вопросъ о прокормленіи ребенка. Однако, мистеръ Ми все-же надѣялся, что онъ самъ или кто-нибудь изъ попечителей придумаеъ хорошей предлогъ для оставленія маленькой диковины въ союзѣ, а потому не исполнилъ тотчасъ своей обязанности и не отправилъ Крошки Годжа къ его отцу на другой день послѣ похоронъ матери. Мистеръ Ми былъ чиновникъ и, слѣдовательно, обя-

занъ смотрѣть на все съ официальной точки зрѣнія, недопуская никакой проявленій естественныхъ человѣческихъ чувствъ; но въ глубинѣ его сердца теплилась нѣкоторая доля человѣколюбія, которая невольно отделилась на жалобные крики Крошки Годжа. Онъ убѣдился изъ словъ молодой дѣвушки, на попеченіе которой былъ отданъ ребенокъ, что онъ, благодаря своимъ миниатюрнымъ размѣрамъ и требованіямъ, нисколько не вредитъ ни ей, ни ея дѣтищу, и въ этомъ обстоятельствѣ старался найти себѣ оправданіе въ отступленіи отъ буквы закона.

Составъ совѣта попечителей приходскаго союза не представляеть, быть можетъ, для насъ ничего любопытнаго, но въ сельскихъ округахъ его вліяніе чрезвычайно велико и его юрисдикція обнимаетъ тысячи нашихъ соотечественниковъ, интересами которыхъ мы слишкомъ часто пренебрегаемъ, въ виду ихъ разрозненности и разбросанности по громадному пространству. Кодлтонскій союзъ заключалъ въ себѣ шестнадцать приходовъ, и членами его были ex-officio пасторы и мировые судьи, кромѣ того, нѣсколько мѣстныхъ сквайровъ и довольно значительное количество фермеровъ; послѣдніе не часто являлись на собранія, но все-же ихъ можно было завербовать въ важныхъ случаяхъ. Въ тотъ день, когда должна была рѣшиться судьба Крошки Годжа, въ собраніи присутствовали: достопочтенный мистеръ Винвудъ Лестеръ¹, капитанъ Колингсби, Сидней Биртонъ, владѣлецъ соседняго замка и предсѣдатель совѣта, мистеръ Кальдвель, стряпчій, мистеръ Гаррисъ, оптовый торговецъ, и нѣкоторые другіе.

Контрактъ на мясо былъ быстро обсужденъ, и рѣшено испробовать въ палатѣ старухъ австралійскую говядину; поставка угля была отдана племяннику мистера Гарриса, и состоялось опредѣленіе обязать красиваго грума вносить извѣстную сумму на содержаніе ребенка молодой служанки, не смотря на протестъ сквайра, который увѣрялъ, что «ея вины было гораздо болѣе, чѣмъ его». Вслѣдъ за этимъ, на очереди стоялъ вопросъ о Крошкѣ Годжѣ. Его мать похоронили на счетъ прихода, и, по словамъ мистера Ми, невозможно было взыскать эти расходы съ ея мужа, съ чѣмъ, послѣ непродолжительныхъ преній, совѣтъ вполне согласился.

— Ребенокъ тоже умеръ? спросилъ пасторъ, помощникъ котораго хоронилъ бѣдную женщину.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Ми.

— Чтò-жь отецъ съ нимъ сдѣлалъ?

— Вотъ видите, сэръ, мы не хотѣли взять на свою отвѣст-

¹ Ректоръ Ганкерлея.

венность, при таких тяжелых обстоятельствах, отсылку ребенка. Молодая служанка Симонс кормить его, не находя в этом для себя никакого затруднения, и, такъ какъ союзу это ничего не стоитъ, то я оставилъ ребенка до разрѣшенія совѣтомъ этого вопроса.

— Совершенно незаконно, мистеръ Ми, сказалъ стряпчій:— *contra legem*.

— Но, вотъ видите, мистеръ Кальдвель, возразилъ пасторъ:— намъ это ничего не стоитъ, и потому распоряженіе мистера Ми совершенно благоразумно. Вѣроятно, у Годжа нѣтъ никого, кто бы могъ присмотрѣть за ребенкомъ.

— Ни души, отвѣчалъ мистеръ Ми.

— Ни матери, ни сестры покойной? спросилъ стряпчій.

— Никого.

— Все-же это неправильно. Благодаря новому закону о бѣдныхъ, нерадѣнію попечителей и излишней филантропіи, наши интересы теперь постоянно пренебрегаются самымъ позорнымъ образомъ.

— Какъ-бы то ни было, продолжалъ мистеръ Ми, чувствуя, что почва подъ его ногами становится тверже:— вотъ факты, господа. У Годжа десять человѣкъ дѣтей, и старшему тринадцать лѣтъ; онъ получаетъ десять шиллинговъ въ недѣлю, работа шесть дней съ утра до вечера. Кто-же будетъ заботиться о новорожденномъ младенцѣ?

Это простое изложеніе обстоятельствъ дѣла произвело поразительное впечатлѣніе на всѣхъ членовъ совѣта, точно такъ же, какъ подобныя лавоническія, но фактически ясныя изреченія благороднаго англійскаго государственнаго человѣка нашего времени возбуждаютъ восторгъ печати и публики.

— Это до насъ не касается, возразилъ стряпчій:— человѣкъ, родившій ребенка, долженъ самъ его содержать. Будьте увѣрены, если мы оставимъ ребенка у себя, то центральное управленіе намоеетъ намъ голову. Вѣдь это—только пустыя слова, что ребенокъ намъ ничего не стоитъ, такъ какъ его кормить ваша служанка, господинъ предсѣдатель.

— Я попрошу васъ, милостивый государь, воскликнулъ гордый сквайръ:— придерживаться фактовъ. Она—не моя служанка!

— Все равно, продолжалъ стряпчій:— она была вашей служанкой прежде, чѣмъ явилась сюда. Повѣрьте, я не желалъ сказать ничего для васъ обиднаго. Но дѣло въ томъ, что эта женщина, какъ ее тамъ зовутъ, будетъ болѣе ѣсть бульона и пить

пива при своей двойной работѣ, если я могу такъ выразиться; и, конечно, на это обратить вниманіе мистеръ Мордаунтъ.

Мистеръ Мордаунтъ былъ начальникомъ центрального управленія. Но члены совѣта были въ веселомъ настроеніи духа и рѣшили на время оставить Крошку Годжа. Такимъ образомъ, Джонъ Годжъ освободился отъ разрѣшенія неразрѣшимого вопроса или, лучше сказать, вопросъ этотъ былъ отсроченъ.

VI.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Въ послѣднее время, одно изъ центральныхъ правительственныхъ управленій въ Англіи, путемъ цѣлаго ряда успѣшныхъ хитростей, забрало въ свои руки почти все мѣстное самоуправленіе. Бывало, и еще не очень давно, англійскій народъ ревниво охранялъ свое самоуправленіе. Всякое попомзновеніе центральной власти встрѣчало отпоръ въ безчисленныхъ, могущественныхъ учрежденіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ приходовъ. Могучъ, даже слишкомъ могучъ былъ въ тѣ дни этотъ духъ самоуправления. Мѣстные администраторы, судьи, попечители бѣдныхъ, дорожныя комиссіи, всѣ возможные совѣты и комиссары были полными господами въ своихъ округахъ; всякій инспекторъ, присланный для ревизіи ихъ книгъ, изслѣдованія ихъ дѣйствій и представленія отчета о замѣченныхъ неправильностяхъ, былъ-бы невозможной диковиной, такъ что, по всей вѣроятности, его отправили-бы ни съ чѣмъ къ тому министру, который его прислалъ. Конечно, приходъ былъ дурной администраторъ и онъ съ болѣею справедливостію, чѣмъ кто другой, могъ похвалиться, «что дѣлалъ то, чего не слѣдовало, и не дѣлалъ того, что слѣдовало». Слишкомъ часто онъ былъ медлитель, слѣпъ, легкомысленъ, корыстенъ, и его услуги слишкомъ дорого стоили. Но въ немъ было одно великое достоинство, которое свободный народъ не могъ не цѣнить высоко: онъ развивалъ и поддерживалъ мѣстную независимость, мѣстное самоуправленіе. Примѣняя чудовищно-скверные законы о помощи бѣднымъ, онъ былъ достаточно человѣченъ, чтобъ обходить ихъ, если это клонилось въ его пользу, и щедро распоряжался фондами, конечно, тѣми, которые ему не принадлежали. Онъ смотрѣлъ на законъ для бѣдныхъ, какъ на средство для развитія земледѣлія, и дѣйствовалъ согласно этому взгляду. Его дѣятельность въ санитарномъ отношеніи была очень плоха, такъ какъ онъ отличался под-

нымъ невѣденіемъ естественныхъ законовъ народнаго здравія, подобно большинству законодателей. Для устранения этихъ недостатковъ мѣстнаго самоуправления современные законодатели, вмѣсто того, чтобъ образовать членовъ прихода и сдѣлать ихъ способными на лучшую дѣятельность, связали приходъ по рукамъ и по ногамъ, подчинивъ его верховной, центральной власти. Эта мѣра примѣнялась и примѣняется съ такой геройской рѣшимостью, что вскорѣ бѣдный приходъ превратится въ ученую собаченку, танцующую на веревкѣ, приводимой въ движеніе искуснымъ министромъ, засѣдающимъ въ старинномъ, полуразвалившемся храмѣ общественнаго милосердія въ Вайтголлѣ. Велика его власть и иногда совершенно необходима, но только иногда; а чѣмъ рѣже она примѣняется, тѣмъ лучше. Но если это распространеніе централизаціи будетъ продолжаться такъ-же энергично, какъ до настоящей минуты, то мы скоро дойдемъ въ Англии до того, что никто не будетъ смѣть высморкаться безъ привязанія правительства, изъ боязни распространить міазмы, или, высморкавшись, всякій будетъ обязанъ послать свой платокъ для анализа къ правительственнымъ химикамъ. Конечно, каждому понятно, какъ проста и легка эта система, какъ неизмѣримо она легче всякихъ другихъ средствъ, напримѣръ, приведенія законовъ въ лучшую и болѣе систематическую форму и реорганизаціи мѣстнаго самоуправления съ цѣлью сдѣлать его болѣе разумнымъ и энергичнымъ.

Какъ-бы то ни было, великій народъ и его передовая пресса обоюдными усиліями предали себя въ руки вышесказаннаго министра, кто-бы онъ ни былъ, смотря по требованіямъ партій. Этотъ великій министръ съ гордостью засѣдаетъ въ своемъ центральномъ управленіи, вполне сознавая, что всѣ мѣстныя, административныя власти и попечительные совѣты для бѣдныхъ находятся въ его рукахъ. Онъ знаетъ все: поселянинъ, заболѣвшій животомъ, старая лошадь, начавшая кашлять, сидѣлка, уволенная изъ приходской больницы—составляютъ предметъ подробнаго донесенія этому могучему директору. Я нисколько не оспариваю безспорной пользы, доставляемой въ иныхъ случаяхъ этимъ надзоромъ, или необходимости какого-нибудь контроля; но, конечно, тотъ фактъ, что дурные законы дурно примѣнялись дурно составленными мѣстными учреждениями, не доказываетъ еще необходимости отказаться отъ своей вѣковой системы и броситься въ объятія централизаціи. Простому человеку казалось бы гораздо раціональнѣе прежде испытать, какіе результаты дали-бы лучшіе законы, примѣняемые лучше составленными мѣст-

ными учрежденіями, подъ высшимъ надзоромъ контролирующей, но не диктаторской власти.

Крошкѣ Годжу было суждено обратить на себя бдительное вниманіе этого могущественнаго министра. Это произошло не отъ того, чтобы приходскій питомецъ производилъ много шума; нѣтъ, его жалобные крики и требованія были не особенно назойливы. Но однажды великій министръ, сидя за письменнымъ столомъ и обсуждая съ своими двумя секретарями полученныя отвсюду донесенія, остановился на слѣдующей выпискѣ изъ отчета кодльтонскаго приходскаго союза:

«Положеніе удовлетворительно. Число лицъ, получившихъ вспомошествованіе въ истекшую четверть года:

Въ зданіяхъ союза (обоего пола) .	567
На дому	1,643
Умерло	8
Родилось	5

«Смотритель доносить, что одинъ изъ родившихся дѣтей, сынъ женщины, по имени Годжъ, умершей послѣ родовъ, менѣе всѣхъ дѣтей, когда либо виданныхъ въ тѣхъ краяхъ, и вѣсилъ при рожденіи только три фунта. Въ виду его миниатюрности и невозможности со стороны отца, Джона Годжа, работника, имѣющаго десять другихъ дѣтей, оказать ему необходимое попеченіе, ребеновъ оставленъ въ союзѣ, но безъ всякихъ расходовъ, такъ какъ его кормить вышеназванная въ отчетѣ Анна Симонсъ».

Прочитавъ эти слова, великій министръ насупилъ брови.

— Вотъ еще доказательство, сказалъ онъ:—всей мудрости нашей недавней мѣры. Посмотрите, какъ этотъ совѣтъ попечителей самымъ незаконнымъ образомъ содержитъ ребенка на счетъ плательщиковъ податей, когда у него есть отецъ, обязанный о немъ заботиться. Мы должны обратить на это особенное вниманіе.

— Но, позвольте мнѣ замѣтить, произнесъ младшій секретарь:— что этотъ случай «sui generis». Дѣло въ томъ, что отецъ не имѣетъ возможности содержать ребенка и онъ ничего не стѣитъ союзу, такъ какъ его кормить Симонсъ.

— Во-первыхъ, отвѣчалъ министръ:—для здороваго человѣка въ Англіи нѣтъ ничего невозможнаго. Во-вторыхъ, кто кормитъ Симонсъ? Вѣдь ее содержитъ союзъ, и неужели я повѣрю, что она можетъ кормить двухъ дѣтей при той же самой пищѣ и питьѣ, которыхъ было бы достаточно для прокормленія одного. Вѣдь это противорѣчило бы логикѣ и всѣмъ законамъ природы.

— Я только что хотѣлъ это сказать, замѣтилъ старшій секретарь.

— Да, прибавилъ младшій секретарь:—это совершенно справедливо для большинства случаевъ; но этотъ ребенокъ чрезвычайно миниатюрень, и я позволяю себѣ сказать, измѣняя нѣсколько текстъ, «de minimis non curat lex».

— М-ръ Докстеръ, сказалъ министръ, строгимъ тономъ:—я удивляюсь, какъ вы, прослуживъ столько лѣтъ въ этомъ управленіи и вполне ознакомившись съ нашей новой системой, рѣшаетесь повторять такой избитый, давно выдохшійся афоризмъ. Знайте, сэръ, что, при теперешнемъ управленіи, нѣтъ ничего слишкомъ мелкаго и недостойнаго нашего надзора, и я всѣми силами стараюсь организовать столь совершенную систему инспекціи, чтобы каждый атомъ въ нашей странѣ былъ подвергнутъ микроскопическому наблюденію центральной власти.

М-ръ Докстеръ былъ совершенно пораженъ и уничтоженъ такимъ выговоромъ.

— Это дѣло должно быть вполне изслѣдовано, сказалъ старшій секретарь.—Вы, м-ръ Докстеръ, напишите совѣту попечителей и потребуйте подробнаго объясненія.

И почтенная административная тройка перешла къ другимъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, инстинктъ стряпцаго, мистера Кальдвеля, оказался вѣрнымъ, и высшіе администраторы обратили вниманіе на Крошку Годжа, злоупотреблявшаго общественной благотворительностью.

О, господинъ великій министръ, господинъ первый секретарь и господинъ второй секретарь! есть точка зрѣнія, съ которой приведенный выше афоризмъ является исторической истиной. Какъ долго законъ не заботился о подобныхъ мелочахъ! Какъ мало беспокоились законъ и общество, источникъ закона, о бѣдныхъ, слабыхъ, униженныхъ, мелкихъ людяхъ, разбросанныхъ по нашей обширной, богатой родинѣ! Если теперь, когда мелкие люди возвышаютъ голосъ, заставляютъ себя слушать и приобретаютъ могучую силу, трудно и даже опасно о нихъ заботиться, то кто-жъ въ этомъ виновать? Во всякомъ случаѣ, благословенъ будетъ тотъ день, когда мы станемъ заботиться объ этихъ мелкихъ, забытыхъ людяхъ.

VII.

БОРЬБА МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ И МѢСТНЫМЪ САМОУПРАВЛЕНІЕМЪ.

На первомъ засѣданіи кодльтонскаго приходскаго совѣта, послѣ переданнаго выше разговора, снова былъ поднятъ вопросъ о Крошкѣ Годжѣ. Секретарь прочелъ слѣдующее письмо:

«Центральное управленіе. Вайтмоль, 30 іюня 18—».

«Сэръ, мнѣ поручено увѣдомить господъ попечителей, что вниманіе начальника центрального управленія обращено на одинъ изъ фактовъ, обозначенныхъ въ послѣднемъ отчетѣ кодльтонскаго союза, а именно: что Годжъ, сынъ Джона Годжа изъ Ганкерлея, содержится союзомъ, хотя его отецъ не находится въ его учрежденіяхъ, не сумасшедшій, не умеръ и не пользуется никакою помощью союза.

«Мнѣ поручено господиномъ начальникомъ указать на эту важную неправильность, которая, если не будетъ удовлетворительно объяснена, можетъ возбудить слѣдствіе и ревизію особымъ комиссаромъ. Между тѣмъ, попечительный совѣтъ приглашаетъ представить подробное объясненіе фактовъ и причинъ, если таковыя имѣются, для отступленія отъ закона.

Честь имѣю быть

Джереми Докстеръ».

По прочтеніи этого письма, попечители взглянули молча другъ на друга. Лицо мистера Кальдвеля сіяло удовольствіемъ, какъ чловѣка, который предсказалъ дурное и оно, по счастью, совершилось. Сквайръ первый прервалъ молчаніе. Щеки его гнѣвно пылали подъ тѣнью высокихъ воротничковъ и сѣдыхъ бакенбардъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ. — Центральное управленіе слишкомъ стало придирчиво. Какое дѣло начальнику этого управленія до того, что мы расходуемъ свои деньги на Крошку Годжа? Весь разговоръ о какихъ-нибудь сорока шиллингахъ, а онъ грозитъ намъ слѣдствіемъ. Увѣряю васъ, господа, что, если дѣла будутъ такъ идти, то ни одинъ порядочный чловѣкъ не пойдетъ въ попечители. Неужели представители лучшихъ, стариннѣйшихъ родовъ графства дозволятъ, чтобъ ими помыкалъ какой-нибудь демократическій выскочка, покровительствуемый радикальнымъ министерствомъ? Нѣтъ, господа...

Тутъ раздраженіе сквайра дошло до того, что онъ не могъ продолжать своей рѣчи и гнѣвно ударилъ рукою по столу.

— Да, замѣтилъ пасторъ, спокойнымъ тономъ: — подобными дѣйствіями мѣстное самоуправленіе доводится до абсурда. Мы собираемся сюда, какъ люди мыслящіе (глаза пастора сомнительно остановились на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ), только для того, чтобъ помѣчать предписанія мистера Мордаунта. Еслибъ я не былъ обязательнымъ членомъ, то, конечно, вышелъ бы изъ собранія, имѣющаго столь комическое значеніе.

Сквайръ бросилъ ободрительный взглядъ на пастора.

— Но что же мы будемъ дѣлать съ ребенкомъ? сказалъ страпцій. — Стоить ли бороться съ центральнымъ управленіемъ изъ-за такого пустяка? Если я не ошибаюсь, единственное основаніе нашего предъидущаго рѣшенія — миниатюрные размѣры ребенка. Не правда ли, господинъ секретарь?

— Я не знаю другого предлога къ нашему оправданію, отвѣчалъ секретарь: — вѣдь мы на самомъ дѣлѣ содержимъ ребенка.

— Весь этотъ шумъ изъ ничего, замѣтилъ мистеръ Гаррисъ: — ребенокъ — ничто и онъ ничего не стоить; не такъ ли, мистеръ Кальдвелъ?

— Ха, ха, ха! Очень остроумно, произнесъ страпцій, имѣвшій уважительныя причины соглашаться съ Гаррисомъ, но видя, что сквайръ и пасторъ даже не улыбнулись, онъ принялъ немедленно серьезный тонъ: — впрочемъ, теперь, мистеръ Гаррисъ, не до шутокъ. Это — очень важный вопросъ. Что намъ дѣлать?

— Бороться до смерти! воскликнулъ капитанъ Колингсби, который въ свое время воевалъ не только на словахъ, но на дѣлѣ, и безъ малѣйшаго укора совѣсти навелъ бы шестидесяти-четырехъ-фунтовую пушку на центральное управленіе. — Тутъ дѣло не въ ростѣ; еслибъ ребенокъ былъ великанъ, то это нисколько не измѣнило бы нашего положенія. Я говорю о принципѣ. Если начальнигъ центральнаго управленія будетъ совать свой носъ въ подобныя дѣла, которыя совѣтъ вполне способенъ разрѣшать по своему, то пусть онъ самъ пріѣзжаетъ сюда и распоряжается. Лопни мои глаза, если я стану засѣдать здѣсь для того, чтобъ исполнять его приказанія.

— Э, капитанъ! сказалъ мистеръ Гаррисъ, который, какъ опытный торговецъ и радикалъ, не нравился многимъ членамъ прихода, отличавшагося чрезвычайно отсталыми понятіями: — я полагаю, что приходскія дѣла могли бы вестись гораздо лучше, еслибы обращалось побольше вниманія на интересы плательщиковъ налога, чѣмъ на титулы. Можетъ быть, еслибы вы удали-

лись, то мы замѣнили бы васъ какимъ нибудь болѣе практиче-скимъ человѣкомъ.

— Который умѣлъ бы обдѣлывать свои дѣлишки, прибавилъ капитанъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, произнесъ сквайръ, не глядя на мистера Гарриса:—вы знаете близко все, что касается торговли углемъ, свѣчами и т. д. и, вѣроятно, мы могли бы найти другихъ подобныхъ вамъ лицъ, которые согласились бы вступить въ совѣтъ; но я позволю себѣ сказать, что, если страна жаждетъ хорошей администраціи, то въ совѣтъ должны быть только люди способные и вліятельные.

— Хорошо, отвѣчалъ Гаррисъ добродушно;—но если джентльменъ откажется отъ своего мѣста, то его замѣнить торговецъ.

— Вопросъ теперь ясенъ, сказалъ мистеръ Кальдвелъ;—что же намъ дѣлать съ Годжемъ? Кстати, зачѣмъ его до сихъ поръ не крестили, г. секретарь?

— Онъ—не крещеный! воскликнулъ пасторъ.—Этого быть не можетъ. Кто нибудь да окрестилъ его?

Паника была общая. Всѣ обратились къ мистеру Ми, и тотъ объяснилъ, что ребенокъ не былъ еще принятъ въ лоно церкви. Тогда пасторъ, къ явному неудовольствію страпчачаго и оптоваго торговца, объявилъ, что онъ не можетъ участвовать въ дальнѣйшихъ преніяхъ и по совѣсти обсуждать интересы ребенка прежде, чѣмъ онъ получитъ какія нибудь права черезъ святое крещеніе. Еслибъ онъ умеръ въ такомъ положеніи, то его не похоронили бы на кладбищѣ. Пламенная энергія пастора подѣйствовала на присутствующихъ, и было рѣшено немедленно окрестить младенца.

Анна Симонсъ принесла Крошку Годжа, и пасторъ, прочитавъ установленныя молитвы, приступилъ къ обряду крещенія.

— А какое ему дать имя? неожиданно спросилъ онъ.

— Вы можете воспользоваться священнымъ писаніемъ, отвѣчалъ страпчій:—назовите его Веніаминомъ.

— Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, произнесъ пасторъ:—крестится младенецъ Веніаминъ.

Такимъ образомъ, Крошка Годжъ сдѣлался христіаниномъ.

Когда обсужденіе спорнаго вопроса снова возобновилось, присутствовавшіе фермеры присоединились къ капитану и сквайру. Они сдѣлали это, сознавая, что вопросъ былъ серьезный. Очевидно, министръ хотѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть, сдѣлать попечителей простыми пѣшвами, на что англичане никогда не согласятся. Уничтоживъ ихъ власть, онъ уменьшить ихъ вліяніе на рабочихъ и заработную плату. Поэтому бы-

ло рѣшено, несмотря на протесты обязательныхъ членовъ совѣта и нѣкоторыхъ другихъ, послать министру отвѣтъ, въ которомъ, сожалѣя объ его вмѣшательствѣ въ дѣло, касающееся исключительно попечителей, совѣтъ, указывая на всю безвыходность положенія Годжа, объявить рѣшеніе попечителей объ оставленіи Крошки Годжа на попеченіи Анны Симонсъ.

Только англичане могутъ понять смыслъ всего, что послѣдовало за этимъ постановленіемъ совѣта. Особый правительственный чиновникъ былъ посланъ въ Кодльтонъ для изслѣдованія дѣла. Онъ посѣтилъ всѣ учрежденія союза, подвергъ допросу Анну Симонсъ и смотрителя заведенія, освидѣтельствовалъ ребенка и опредѣлилъ точное количество пищи и питья, которое эта молодая женщина употребляла сверхъ обыкновеннаго количества, отпускаемаго кормилицамъ. Результатомъ этого слѣдствія былъ ученый докладъ, въ которомъ докторъ Сурчасъ, послѣ химическаго анализа, пришелъ къ заключенію, что Анна Симонсъ ѣстъ болѣе въ день на четыре унца и пьетъ пива болѣе на полкружки, чѣмъ еслибы кормила одного ребенка, а слѣдовательно, плательщики налога для бѣдныхъ подвергаются явному обману.

Вслѣдствіе этого доклада, центральное управленіе предписало совѣту попечителей водльтонскаго приходскаго союза немедленно прекратить незаконное покровительство, оказываемое Крошкѣ Годжу, и внушить отцу его, что онъ обязанъ содержать своего ребенка. Совѣтъ исполнилъ это предписаніе, хотя и противъ воли. Англичане походятъ въ этомъ отношеніи на Фальстафа: они не любятъ исполнять даже свои обязанности изъ подъ палки, что составляетъ характеристическую черту, достойную вниманія законодателей и администраторовъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изъ одного союза въ другой.

I.

Безвыходное положеніе.

Годжъ очень нелюбезно принималъ извѣстіе о возвращеніи ему крошки сына, котораго ему приходилось теперь кормить, одѣвать и воспитывать. Безпристрастное отношеніе къ дѣлу немислимо, когда ницета своей тяжелой пятой давить человѣка. Нельзя въ такихъ случаяхъ привлекать его къ отвѣтственности за то, что онъ думаетъ и говорить.

Страшный вопросъ, представившійся ему передъ открытой могилкой жены, теперь требовалъ немедленнаго разрѣшенія. На него нельзя было уже смотрѣть съ спокойствіемъ философа и ждать разрѣшенія его въ будущемъ; онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ грозной задачей. Долго откладывалъ Годжъ разрѣшеніе этой злой шутки судьбы; наконецъ, на другой день, послѣ полученія имъ извѣстія, онъ, возвратясь домой, увидалъ Крошку Годжа на рукахъ своей старшей дочери Мэри. Начиная съ шести лѣтъ, Мэри постоянно нянчила дѣтей, такъ что даже ея юная спина нѣсколько сгорбилась; но никогда у ней не было питомца, который бы такъ подходилъ къ ея росту. По крайней мѣрѣ, такъ показалось Годжу, когда онъ увидалъ маленькую няньку, ухаживавшую на своей ладони ребенка, походившаго на кукулу. Всѣ остальные дѣти окружали ее, оглашая воздухъ восклицаніями, которыя показались бы Годжу очень забавными, еслибъ онъ былъ въ духѣ.

Въ глазахъ бѣдняка потемнѣло при видѣ этой сцены, прелестной на словахъ или на полотнѣ, но не въ дѣйствительности. Она казалась Годжу грустной, мрачной, и не могло быть иначе. Что было ему дѣлать? Двѣнадцати-лѣтняя Мэри не могла быть постоянной нянькой грудного ребенка. Ей было забавно поддерживать на рукахъ, впродолженіи часа или двухъ, здоровую, хорошо откормленную кукулу, но какъ могла она ухаживать, печься

*

и заботиться о ней постоянно? Нанять кого-нибудь для исполненія этихъ обязанностей онъ не имѣлъ средствъ, а для того, чтобъ самому взяться за это, надо было бросить работу, доставлявшую ему единственное средство къ жизни. Погруженный въ эти тяжелыя думы, онъ протянулъ палецъ къ своему миниатюрному дѣтищу, и Брошка Годжъ съ веселой улыбкой старался обвить этотъ грубый палецъ своими маленькими рученками. Потомъ онъ взялъ ребенка на руки или, лучше сказать, на одну руку, которая сильно задрожала при мысли, что достаточно было мгновеннаго движенія для отсрочки навсегда терзавшей его задачи. Но рука эта тотчасъ окрѣпла и нѣжно сжала ребенка, потому что въ этомъ простомъ поселенинѣ сердце было доброе, благородное.

— Мэри, сказалъ онъ наконецъ:—что мы будемъ съ нимъ дѣлать? Кто ему будетъ матерью?

— Я, отвѣчала Мэри, принимая на себя материнскій тонъ, который никакъ не согласовался съ ея маленькимъ ростомъ:—я могу отлично ходить за нимъ, если вы только, батюшка, будете одѣвать другихъ дѣтей. Томасъ такъ же можетъ намъ помочь, онъ—ловкій мальчикъ. Не правда ли, Томасъ, ты намъ поможешь?

Въ сущности, Томасъ предпочиталъ домашнимъ заботамъ ловлю птицъ и игры съ товарищами, но, подъ вліяніемъ присутствія отца, онъ милостиво выразилъ свое согласіе.

— Нѣтъ, это невысказано! воскликнулъ Годжъ, топнувъ ногою:—ты не можешь, Мэри, нянчиться съ нимъ. Кто тогда станетъ варить дѣтямъ супъ, одѣвать ихъ, чинить ихъ платья? Но какъ онъ похожъ на свою мать! Бѣдная женщина! Ахъ, еслибъ только она была въ живыхъ! Ну, Мэри! возьми ребенка.

Съ этими словами онъ отдалъ Брошку его импровизированной нянькѣ и вышелъ изъ комнаты. Мэри смотрѣла ему вслѣдъ и увидала, какъ онъ съ поникшей головой медленно направился къ кладбищу. Она не могла удержаться отъ слезъ, а всѣ остальные дѣти стали ей вторить, такъ что составилъ раздирательный хоръ.

II.

Предувѣдомленіе.

Видя, что попечители о бѣдныхъ отвернулись отъ него, Джонъ Годжъ счелъ себя въ правѣ обратиться къ своему хозяину. По его мнѣнію, или кто-нибудь долженъ былъ взять ребенка на свое попеченіе, или самъ онъ долженъ былъ увеличить свои средства,

чтобъ имѣть возможность платить за попеченія о ребенкѣ. Мы не можемъ очень строго отнестись къ логичности этого вывода. Логика Годжа была не строго-научная, но естественная. Конечно, не подлежитъ спору, что каждый новый ребенокъ не составляетъ уважительной причины къ увеличенію заработной платы, получаемой отцомъ. Но когда человекъ получаетъ столь скудную плату за свой трудъ, что, при всей его честности и энергіи, приращеніе семейства переворачиваетъ вверхъ дномъ всѣ экономическія условія его жизни, то подобный фактъ достоинъ вниманія хозяина. Человекъ, стоящій такъ близко отъ голодной смерти, не можетъ получать справедливой заработной платы и, конечно, не можетъ хорошо работать. Годжъ не былъ въ состояніи теперь развивать такіе тонкіе аргументы, и, хотя онъ рѣшился говорить съ хозяиномъ о прибавкѣ жалованья, но никакъ не могъ привести въ исполненіе своей рѣшимости. Два или три раза онъ отправлялся съ этой цѣлью къ мистеру Джоли, но, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ фермеромъ, онъ терялъ всякое мужество и съ трусостью голоднаго человека не смѣлъ громко выразить своихъ желаній.

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ, его сердце все болѣе и болѣе обливалось кровью. Онъ долженъ былъ сократить скудную пищу другихъ дѣтей, чтобъ имѣть возможность платить за бутылку снятого молока, которое, смѣшанное съ мукой, составляло пищу Крошки Годжа, и за попеченія сосѣдки, спасавшей отъ времени до времени его домъ отъ ужаснаго хаоса. Но несмотря на всѣ его усилія, на блѣдныхъ лицахъ его дѣтей ясно видѣлись изнуреніе и голодъ. Маленькое тѣло Крошки Годжа съживалось каждый день все болѣе и болѣе. Самъ Годжъ отправлялся по утрамъ на работу безъ пищи, съ нестерпимыми спазмами въ желудкѣ и, подобно блудному сыну (онъ—блудный сынъ, какая злобная насмѣшка судьбы!), питался желудками.

Представьте себѣ, читатель сытый, счастливый—все равно мужчина вы, женщина или ребенокъ—представьте себѣ положеніе человека, работающаго двѣнадцать часовъ къ ряду съ пустымъ желудкомъ и знающаго, что послѣ тяжелой работы ему нечѣмъ утолить голода, что онъ будетъ такъ работать и голодать день за днемъ, недѣлю за недѣлей, годъ за годомъ! И однако, сколько несчастныхъ воздѣлывателей земли терпѣливо несутъ бремя своего дурно оплаченнаго труда и тщетно стараются сырыми кореньями поддержать въ себѣ настолькоъ жизни, чтобы можно было продолжать работу.

Маленькая Мэри съ вдохновеннымъ материнскимъ инстинктомъ умѣла отказывать себѣ даже въ той скудной пищѣ, которая при-

ходила на ея долю и, благодаря постояннымъ заботамъ о чахнувшемъ маленькомъ созданіи, она сама съ каждымъ днемъ становилась все блѣднѣе и изнуреннѣе, такъ что Джонъ Годжъ невыразимо терзался, смотря на нее. Боже мой! образъ этого человѣка, сидящаго по вечерамъ послѣ тяжелаго труда передъ одинадцатью изнуренными дѣтьми и вполне сознающаго, что въ будущемъ его ожидаютъ еще болѣе печальные дни, возстаетъ передо мною такъ ясно, такъ живо, съ такой убійственной дѣйствительностью, что рука у меня дрожитъ, перо выпадаетъ и я не могу, не смѣю сказать всего, что хотѣлъ бы. Я только удивляюсь терпѣнью этого труженика.

Наконецъ, плоть и кровь не могли вынести долѣе подобную пытку. Отчаяніе придало Годжу смѣлости и, увидавъ однажды утромъ на сѣнокосѣ мистера Джоли, онъ подошелъ къ нему, искоса поглядывая на жирную фигуру богатаго фермера.

— Позвольте мнѣ, сэръ, сказать вамъ два слова.

— Два слова, отвѣчалъ фермеръ, пристально взглянувъ на Годжа:— о чемъ?

Годжъ. Вотъ видите (и онъ переминался съ ноги на ногу):— вы, конечно, слышали...

Джоли. Чего-жъ вы хотите, чортъ возьми? Чтò вамъ нужно? бутылку молока для Крошки или шиллингъ въ займы? Или вы, быть можетъ, убили зайца; я, въ такомъ случаѣ, не могу вамъ помочь. Мы рѣшились всѣми силами уничтожить противозаконную охоту.

Годжъ. Нѣтъ, сэръ, дѣло не въ этомъ. Вотъ видите, сэръ, моя бѣдная жена Мэри умерла и у меня нѣтъ никого, кто бы могъ печься о ребенкѣ, кромѣ маленькой дочери Мэри... а она слишкомъ молода, она не умѣетъ...

Джоли. Вы хотите, чтобъ я взялъ вашего ребенка?

Годжъ. Нѣтъ, сэръ, но вотъ видите, сэръ, еслибъ я могъ платить сосѣдѣ за попеченія о ребенкѣ, то дѣло бы еще пошло. Да вотъ бѣда, на это нужно три или четыре шиллинга. А откуда мнѣ ихъ взять изъ моего малаго жалованья?

Джоли. Такъ обратитесь въ приходскій союзъ. Вы знаете, я—одинъ изъ попечителей. Достаňte докторское свидѣтельство о болѣзни вашихъ дѣтей, и мы вамъ отпустимъ вдоволь всякой пищи.

Годжъ. Нѣтъ, сэръ, благодарствуйте. Я—не такой человѣкъ. Я не стану просить милостыни, когда могу честно работать. Я никогда не просилъ Христа-ради и не буду. Лучше съ голода умру.

Джоли. Очень глупо. Для чего же устроены приходскіе сою-

зы, какъ не для помощи вашему брату въ такихъ обстоятельствахъ. Напрасно вы себя считаете лучше другихъ.

Фермеръ сдѣлалъ саркастическое удареніе на послѣднихъ словахъ; онъ, казалось, былъ очень доволенъ, что нашелъ выходъ изъ безвыходнаго положенія, повидимому, въ прекрасномъ, нравственномъ принципѣ.

Годжъ. Это не потому, чтобъ я былъ лучше сосѣдей; но мы съ Мэри никогда не обращались за помощью въ приходъ, исключая самыхъ крайнихъ случаевъ, и съ Божьей помощью я не отступлю отъ этого правила. Но мое жалованье можно бы увеличить на нѣсколько шиллинговъ, не правда ли, сэръ? (Эти слова были произнесены Годжемъ отрывисто, съ необыкновеннымъ усиленіемъ). Вы знаете, сэръ, что я всегда былъ хорошимъ рабочимъ: я могу сдѣлать почти вдвое противъ любого работника въ Ганверлеѣ и стою больше ихъ всѣхъ.

Это была совершенная правда. Годжъ стоилъ гораздо болѣе всѣхъ рабочихъ на фермѣ, какъ по искуству, такъ и по опытности, и, еслибъ заработная плата была соотвѣтственна труду, то, конечно, онъ получалъ бы отъ двѣнадцати до пятнадцати шиллинговъ въ недѣлю. Фермеръ Джоли, какъ истый англичанинъ, не могъ не признать справедливости словъ Годжа, но по той же причинѣ не могъ этого высказать, такъ какъ въ дѣлѣ замѣшанъ былъ его личный интересъ.

Джоли. Вы хорошо знаете, что жалованье выдается всѣмъ равное, а не по достоинству работы. Къ тому же, развѣ я вамъ не даю даромъ жилища, дровъ, пива? Вы понимаете, что я не могу увеличить вашего жалованья. Сдѣлай я это, всѣ сосѣдніе фермеры возстанутъ противъ меня.

Годжъ. Но вѣдь это—не причина оказывать мнѣ несправедливость. Если вы признаете, что я работаю болѣе другихъ и что они получаютъ такъ же, какъ я, жилище, дрова и пиво, то развѣ мнѣ не слѣдуетъ прибавить жалованья?

Джоли. Я не хочу вступать съ вами въ споръ. Хотите—такъ работайте, а нѣтъ—такъ убирайтесь.

Годжъ. Вы правы, сэръ, я не могу долѣе такъ жить. Мы дома всѣ умираемъ съ голода, и вотъ ужъ десять дней, какъ я не обѣдалъ.

Фермеръ увидалъ въ глазахъ Джона Годжа что-то недоброе и поспѣшно сказалъ:

— Если дѣло дошло до этого, то ступайте ко мнѣ въ домъ и спросите у жены каравай хлѣба, кусокъ свинины и кружку парного молока для ребенка. Но помните, сэръ, вы не должны никогда болѣе ни мнѣ, никому другому говорить о возвышеніи

заработной платы. Если мы увеличимъ жалованье одному, то должны сдѣлать это для всѣхъ и, конечно, разоримся въ пухъ.

Онъ повернулся и хотѣлъ уйти, но Годжъ дошелъ до отчаянія и воскликнулъ съ неожиданной энергіей:

— Нѣтъ, сэръ, этого мнѣ недостаточно. Благодарю васъ за хлѣбъ, свинину и молоко, но вѣдь этого хватитъ только на одинъ обѣдъ. Я вамъ сказалъ, сэръ, что не могу работать на васъ за десять шиллинговъ въ недѣлю, не могу и не хочу.

Годжъ мало-по-малу выработалъ себя до этого смѣлаго гнѣвнаго протеста, столь противорѣчившаго его обычному, пассивному тону. Такая неожиданная перемяна удивила и обезпокоила фермера. Хлыстъ задрожалъ въ его рукахъ.

— Чортъ возьми! произнесъ онъ.— Вы забываете, съ кѣмъ вы говорите, неблагодарное животное! Вы съ своимъ семействомъ живете на моей землѣ вотъ ужъ двадцать лѣтъ; я акуратно плачу вамъ жалованье, зимою и лѣтомъ, въ хорошую и дурную погоду; я былъ всегда для васъ добръ и дѣлалъ вамъ подарки на Рождество, а теперь, испытавъ впервые бѣду, вы требуете у меня прибавки жалованья. Но послушайте, Годжъ, я на этотъ разъ вамъ прощаю; но если услышу когда-нибудь отъ васъ еще слово о прибавкѣ жалованья, то въ тотъ же день выгоню васъ съ фермы и обѣщаю вамъ, что никто въ нашемъ окологдѣ, миль на двадцать вокругъ, не дастъ вамъ работы. Вотъ вамъ мой дружескій совѣтъ: подумайте хорошенько объ этомъ и постарайтесь сами выпутаться изъ бѣды, а если вашихъ силъ не хватитъ, то обратитесь за помощью туда, куда обращаются всѣ другіе. Приходскій союзъ обязанъ оказать вамъ содѣйствіе.

— Онъ возвратилъ мнѣ моего ребенка! воскликнулъ Годжъ вслѣдъ уходившему фермеру.

Въ эту минуту въ сердцѣ Годжа боролись невозможныя чувства, а, главнымъ образомъ, сожалѣніе и негодованіе. Онъ не могъ затушить въ себѣ укора совѣсти (такъ несовершенны были его нравственныя идеи) за мгновенное пресѣченіе добрыхъ отношеній къ хозяину, существовавшихъ столько лѣтъ; но, съ другой стороны, Годжъ вполне понималъ, что его требованія, помимо его крайняго положенія, совершенно справедливы и что доводы фермера были далеко не серьезными доводами. Я вовсе не желаю анализировать мысли фермера Джоли, но въ своемъ родѣ это былъ добродушный человѣкъ, и мы не должны быть слишкомъ къ нему строги. Онъ столько же былъ жертвою ложной общественной системы, сколько и бѣдный Джонъ Годжъ.

III.

У пастора.

Горьки, хотя естественно узки и туманны были размышленія Годжа объ его свиданіи съ фермеромъ. Но нищета его была такъ велика и голодъ его дѣтей такъ силенъ, что онъ почти автоматически пошелъ въ домъ Джоли и получилъ обѣщанную ему подачку. Его занимала теперь только одна мысль, что онъ имѣлъ возможность отдохнуть хотя двадцать четыре часа и обдумать свое положеніе.

Приходъ отвернулся отъ него; хозяйнѣ отказалъ ему въ помощи; ему оставалось еще обратиться къ пастору.

Достопочтенный Винвудъ Лестеръ, ректоръ Ганкерлея, прибылъ въ этотъ приходъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ университета сквайра Виртона, отъ котораго зависѣло назначеніе пастора. Онъ происходилъ изъ хорошаго, но бѣднаго семейства, и привезъ изъ Оксфорда столько знанія и такую хорошую репутацію, что жалъ было видѣть его въ скромной обстановкѣ сельскаго пастора. Однакожь, онъ вскорѣ привыкъ къ своей тихой, монотонной дѣятельности; его всѣ уважали, и своимъ добродушіемъ онъ снискалъ довѣріе богатыхъ и бѣдныхъ; что же касается сквайра, то онъ былъ его завадычнымъ другомъ. Въ религіозномъ отношеніи, пасторъ былъ приверженцемъ умѣренной партіи высокой церкви. Одежда его была приличная, степенная, хотя по формѣ она нѣсколько приближалась къ облаченію католическаго патера, сходство съ которымъ увеличивалось еще круглой, полярковой шляпой, не отличавшейся, однакожь, небрежностью, какъ у многихъ представителей англійскаго духовенства.

У мистера Лестера былъ помощникъ—пасторъ Линкбой, котораго рекомендовало ему такое авторитетное лицо, какъ докторъ Фуссей; но мистеръ Лестеръ вскорѣ нашелъ, что его слѣпое довѣріе къ авторитетной рекомендаціи поставило его въ очень неловкое положеніе. Мистеръ Линкбой принадлежалъ къ новой, передовой школѣ ритуалистовъ; онъ превосходилъ во всѣхъ отношеніяхъ своего духовнаго главу—мистера Лестера. Его сюртукъ былъ длиннѣе, жилетъ походилъ на расу, бѣлая манишка была почти невидима, а горло также религіозно грязно, какъ у любого католическаго патера, а главное, онъ носилъ большую, мягкую, съ полярковыми полями шляпу, которая была такихъ

громадныхъ размѣровъ, что его во всемъ околотеѣ прозвали чернымъ грибомъ. Несмотря на все это, мистеръ Линкбой энергично трудился и совѣстливо боролся съ міромъ, плотью и дяволомъ. Онъ избѣгалъ перваго, умерщвлялъ вторую и вступалъ въ единоборство съ третьимъ, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся. Народъ смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, какъ на паписта; и его поведеніе, какъ въ церкви, такъ и внѣ ея, давало полное основаніе подобному предположенію. Многіе утверждали, что онъ дѣлалъ себя предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ ради полученія за это награды въ будущей жизни.

Схоронивъ Мэри Годжъ, мистеръ Линкбой далъ себѣ слово посѣщать семейство бѣдной женщины. Онъ дѣйствительно заходилъ два раза къ маленькой Мэри, но его строгія, торжественныя манеры и удивительная шляпа не только возбудили въ ней сомнѣнія, но вызвали громкіе вопли со стороны большинства дѣтей. Среди такого плачевнаго хора, пасторъ смѣло опустился на колѣни, произнесъ нѣсколько молитвъ и, обѣнивъ крестнымъ знаменіемъ ревушихъ дѣтей, призвалъ на ихъ головы благословеніе Божіе. Услыхавъ объ этихъ посѣщеніяхъ, Годжъ, съ чувствомъ какой-то презрительной благодарности, сказалъ своей старшей дочери: «Не обращай на него вниманія, Мэри, это—не пасторъ; это—его помощникъ, у котораго, говорятъ, голова не совсѣмъ въ порядкѣ, но, впрочемъ, онъ старается дѣлать добро».

Такимъ образомъ, не смотря на ясно выраженное сочувствіе къ нему со стороны мистера Линкбоя, Джонъ Годжъ обратился къ мистеру Лестеру, какъ человѣку, болѣе симпатичному. Однажды, въ прекрасный, весенній вечеръ, онъ прошелъ съ владѣща, гдѣ находилась могила его жены, къ пасторскому дому. Онъ смиренно остановился у небольшой галлерей, украшенной цвѣтами, а пасторъ, увидавъ его изъ окна, выслалъ ему стаканъ пива, хлѣба и сыру. Эта любезность имѣла прекрасное вліяніе на Годжа и измѣнила къ лучшему его настроеніе. Послѣ обѣда, пасторъ вышелъ къ нему; такъ какъ Годжъ рѣдко ходилъ въ церковь, то мистеръ Лестеръ почти не зналъ его лично, но его недавняя потеря и необыкновенная исторія Крошки сына возбуждали сочувствіе добродушнаго человѣка.

— Вы желаете со мною поговорить, Годжъ? сказалъ пасторъ съ любезной улыбкой.

Этотъ, высокаго роста, широкоплечій человѣкъ, съ сѣдыми бакенбардами и такими же сѣдыми, вьющимися волосами, былъ вѣрнымъ олицетвореніемъ доброй, свѣтлой, сочувственной церкви.

— Если позволите, сэръ, отвѣчалъ Годжъ, снимая шляпу.

— Хорошо, сядьте на скамейку, произнесъ пасторъ, небрежно опускаясь на стулъ и вынимая изъ кармана зубочистку.— Ну, какъ здоровье ребенка? Я, кажется, окрестилъ его Вениаминомъ. Не такъ ли? Хорошо ли за нимъ ухаживаютъ?

— Нѣтъ; въ этомъ-то и дѣло, сэръ, что за нимъ нѣтъ хорошаго ухода и онъ очень захирѣлъ. У меня, вы знаете, одиннадцать дѣтей...

— Дѣ, дѣ, помню. Вамъ вернули ребенка изъ приходскаго союза. Неужели вы не нашли никого, кто бы взялся ходить за нимъ?

— Нѣтъ, сэръ, гдѣ мнѣ найти такого человѣка? Я получаю всего девять шиллинговъ въ недѣлю—выходить на каждаго ребенка менѣе шиллинга.

— Дѣ, вы правы. Вамъ надо бы обратиться за помощію къ приходскому союзу.

— Я не желаю получать милостыню; я предпочитаю быть независимымъ, сэръ...

— Но если это невозможно?

— Тогда я лучше умру съ голода.

— Не говорите такъ, это грѣшно. Вы—отецъ одиннадцати дѣтей и поставлены Богомъ въ такое положеніе, что должны пользоваться всѣми средствами для ихъ поддержки. Если вы сами не можете содержать вашихъ дѣтей, вы должны просить помощи у прихода; это совершенно просто и очевидно. Вамъ слѣдуетъ пригласить доктора для освидѣтельствованія вашихъ дѣтей, и онъ, конечно, пропишетъ имъ хорошую, здоровую пищу.

— Нѣтъ, сэръ, я предпочитаю содержать ихъ своимъ трудомъ.

— Но вы сами хорошо знаете, что это невозможно при жалованьи въ девять шиллинговъ въ недѣлю.

— Вотъ, сэръ, гдѣ настоящая загвоздка, отвѣчалъ Годжъ, и лицо его нѣсколько прояснилось:—я самъ тоже говорю. Я не могу долѣ существовать на девять шиллинговъ въ недѣлю, но еслибъ наше жалованье распредѣлялось справедливѣе, я могъ бы обойтись и безъ помощи прихода. Жалованье мое слишкомъ ничтожно, вы совершенно правы, сэръ.

— Однако, возразилъ пасторъ, видя, что онъ неосторожно зашелъ слишкомъ далеко:—девять шиллинговъ—хорошая плата въ нашихъ мѣстахъ, и, вѣроятно, мистеръ Джели даетъ вамъ пиво, дровъ и т. д. Вы не можете получить болѣе обыкновенной цѣны. Вы знаете, что мы съ вами не можемъ возвышать заработной платы выше существующей цѣны.

— Но вы сами говорите, сэръ, что я за свой, вполне хороший трудъ получаю такую сумму денегъ, на которую не могу

жить; при этой платѣ, я почти умираю съ голоду; повторяю, сэръ, ее должны увеличить.

— Говорили вы съ мистеромъ Джоли?

— Да, сэръ; онъ отвѣчалъ, что не можетъ платить болѣе и что, къ тому же, остальные фермеры не потерпятъ возвышенія заработной платы.

— Я того же мнѣнія, Годжъ, особливо при теперешнемъ положеніи приходскаго союза. Вы должны быть довольны тѣмъ, что у васъ есть, и не желать невозможнаго. Если вы не въ состояніи пещься о своихъ дѣтяхъ, то законъ предоставляетъ вамъ право пользоваться помощью прихода, и вы обязаны принять ее. Какъ я уже сказалъ, Провидѣнію угодно было поставить васъ въ одно положеніе, а меня въ другое. Я не совершенно доволенъ моимъ положеніемъ; вы жалуетесь на ваше. Но нашъ долгъ мириться съ своею судьбою и принимать съ благодарностью то, что Богъ намъ ниспосылаетъ. Любезный другъ, прибавилъ онъ очень добродушно:—не поддавайтесь духу своеволія; подобными разговорами вы заслужите дурную репутацію и навлечете большія несчастія во всемъ околодѣѣ.

— Я боюсь, что ваши слова исполнятся, сэръ, отвѣчалъ Годжъ:—я не могу смотрѣть, сложа руки, какъ мои дѣти умираютъ съ голоду, я знаю, что многіе раздѣляютъ мое мнѣніе. Я надѣялся, сэръ, что вы поможете намъ и уговорите фермеровъ платить намъ немного болѣе тепершняго жалованья.

— Я вижу, вы сами не понимаете, чего просите, сказалъ мистеръ Лестеръ, качая головою:—я—служитель церкви; что скажутъ фермеры, если я стану вступаться въ ихъ дѣла съ рабочими? Нѣтъ, это невозможно. Ступайте домой и обдумайте все это хорошенько. Я увѣренъ, что вы переимѣните свое мнѣніе. Я вамъ пришлю завтра мистера Линбоя; онъ съ вами поговоритъ.

— Извините, сэръ, отвѣчалъ Годжъ, комкая въ своихъ рукахъ шляпу:—не присылайте вашего помощника; онъ только пугаетъ дѣтей своими странными манерами. Къ тому же, онъ не можетъ оказать намъ никакой пользы; развѣ только если принесетъ молока и извѣстіе объ увеличеніи жалованья. Мы въ грошъ не ставимъ, сэръ, его папистскихъ выходокъ. Вотъ, еслибъ вы зашли—дѣло другое, мы всегда рады васъ видѣть. Прощайте, сэръ, очень вамъ благодаренъ.

Пасторъ кивнулъ головою уходившему Годжу и не могъ скрыть улыбки при мысли объ уморительномъ видѣ, который долженъ былъ представлять мистеръ Линбой, въ своей странной одеждѣ, среди плачущихъ дѣтей. Эта уморительная картина изгнала на время изъ его головы болѣе серьезныя мысли, возбужденныя сло-

вами Джона Годжа; но вскорѣ онъ сталъ съ беспокойствомъ спрашивать себя, не былъ ли этотъ разговоръ отголоскомъ общественнаго мнѣнія всего прихода; не дошло ли, въ самомъ дѣлѣ, положеніе скромныхъ и терпѣливыхъ сельскихъ рабочихъ до такой крайности, что необходимо немедленно и разомъ оказать имъ радикальную помощь, измѣнивъ существующія низкія цѣны на трудъ. Пасторъ хорошо зналъ, что цѣны на жизненные припасы въ этой мѣстности увеличивались далеко не соразмѣрно съ увеличеніемъ платы за трудъ земледѣльца, и потому нынѣшнимъ рабочимъ было труднѣе существовать, чѣмъ ихъ отцамъ и дѣдамъ.

IV.

Последнее средство.

Изъ пасторскаго дома Годжъ пошелъ къ своему пріятелю Тимоти Нолеенсу, служившему пахаремъ у фермера Трускота. Мистеръ Трускотъ арендовалъ отъ сквайра Чарлейскую ферму. На скатѣ горы, близъ маленькаго серебрястаго ручья, который, пробѣгая по миниатюрной долинкѣ, отдѣлялъ землю Джоли отъ Чарлейской фермы, находился рядъ хижинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Трускотскихъ Котеджей. Онѣ были построены еще отцомъ Трускота, который былъ, такимъ образомъ, наследственнымъ фермеромъ, и объ этомъ фактѣ легко было догадаться при самомъ бѣгломъ взглядѣ на ферму. Трускотъ заботился только о томъ, чтобы свести концы съ концами; но, хотя къ его фермѣ принадлежала лучшая во всемъ помѣстьи земля, которая, при хорошей обработкѣ, могла бы принести втрое болѣе дохода, сквайръ не беспокоилъ своего арендатора: во-первыхъ, изъ ложнаго чувства доброты и, во-вторыхъ, ради давности арендныхъ отношеній Трускотовъ къ его семейству, которыя начались еще при его дѣдѣ. Что же касается настоящаго Трускота, то, какъ это хорошо было извѣстно управляющему сквайра, онъ не могъ употребить и ста фунтовъ для какой бы то ни было полезной дѣли. Землевладѣльцы, поселяне и капиталисты принуждены имѣть дѣло съ тысячами подобныхъ людей, которые только прозабавлять на богатой, плодородной землѣ, даже въ наши дни научно-земледѣльческаго прогресса. Земледѣльцы, однако, теряютъ всего болѣе отъ этого положенія; другіе классы, если и страдаютъ, то могутъ утѣшаться тѣмъ, что они—самовольные мученики.

Тимоти Нолекенсъ жилъ въ одномъ изъ Трускотскихъ Котеджей. Это былъ человекъ небольшого роста, съ кривыми ногами, чрезвычайно смирный и тихій; но руки у него были очень длинныя и способны на всякій трудъ, такъ что онъ иногда безропотно работалъ четырнадцать часовъ въ ряду. Мистрисъ Нолекенсъ была во всѣхъ отношеніяхъ совершенной противоположностью своего мужа и, такимъ образомъ, составляла прекрасное къ нему дополненіе. Отличаясь большимъ ростомъ и большою сметливостью, она до рожденія своего пятого ребенка принимала участіе въ полевыхъ работахъ; но съ тѣхъ поръ она уже довольствовалась одними заботами по хозяйству. Изъ девяти дѣтей онъ потеряла трехъ: двухъ отъ скарлатины и одного отъ тифа, произведеннаго ядовитыми миазмами бѣднаго жилища и усугубленнаго дурнымъ леченіемъ приходскаго доктора. Удивительно было, что другія дѣти избѣгли роковой эпидеміи, но Провидѣнію угодно ставить невидимыя преграды между нѣкоторыми людьми и недугами. Присмотръ за больными дѣтьми былъ таковъ, что можно было подумать со стороны, будто сама мистрисъ Нолекенсъ желаетъ создать лучшія условія для заразы въ своемъ домѣ. Правда, остальныхъ дѣтей держали въ нижней комнатѣ, тогда какъ двое больныхъ лежали на чердакѣ; но мистрисъ Нолекенсъ постоянно бѣгала взадъ и впередъ по лѣстницѣ, одѣвала и раздѣвала больныхъ и здоровыхъ дѣтей одними и тѣми же руками, въ одномъ и томъ же платьѣ. Похоронивъ умершихъ, она прибѣгала къ одному дезинфицирующему средству, именно къ мылу, и то въ очень умѣренномъ количествѣ; бѣлье умершихъ было отдано въ общую стирку и поступило къ другимъ дѣтямъ. Въ тѣ времена доктора для бѣдныхъ довольствовались леченіемъ больныхъ и нисколько не думали о предохранительныхъ средствахъ; это не входило въ ихъ обязанность.

Источникъ, изъ котораго черпали воду семейство Нолекенсовъ и всѣ другіе обитатели Трускотскихъ Котеджей, былъ маленькій ручей, протекавшій у подножія горнаго откоса, а на самомъ свѣтѣ, за хижинами, были вырыты въ землѣ помойныя ямы. Свинья, которую держала мистрисъ Нолекенсъ, жила подъ окномъ кухни, откуда ей и выбрасывали всѣ остатки. Не очень давно одинъ изъ членовъ англійскаго парламента, строго относясь къ новымъ санитарнымъ теоріямъ, сослался, какъ на вполне убѣдительный примѣръ, на здоровье обитателей сѣверныхъ странъ, которые живутъ среди всевозможныхъ нечистотъ. Очень полезно было бы заставить этого господина высунуть носъ изъ кухни мистрисъ Нолекенсъ. Выставка его у подобнаго позорнаго столба въ продолженіи часа или двухъ, конечно, уничтожила бы или его сани-

тарный скептицизмъ, или самую его жизнь. Однако, мы не можемъ осуждать Полеенса и его жену за то, что они считали этотъ запахъ полезнымъ, когда съ ними вполне согласенъ этотъ представитель современнаго законодательства.

Мистрисъ Полеенсъ съ самаго начала отнеслась сочувственно къ несчастнымъ Годжа. Иногда, по воскресеньямъ, она посѣщала могилу его жены и постоянно заходила къ Мэри, чтобы помочь ей въ хозяйствѣ; кромѣ того, позволяла ей приходиться съ Крошкой Годжъ къ ней въ хижину, чтобы посидѣть нѣсколько часовъ у пылающаго камина. Но, съ одной стороны, мистрисъ Полеенсъ не могла оставаться долго у Годжа, а съ другой— Мэри боялась часто отлучаться изъ дома, гдѣ оставались другія девять дѣтей; поэтому помощь, оказываемая мистрисъ Полеенсъ, была не очень велика. Но все же она ясно выказывала свое сочувствіе къ семейству Годжа, и онъ это очень цѣнилъ. Онъ откровенно бесѣдовалъ съ Полеенсомъ и его женою или, скорѣе, съ Полеенсомъ черезъ посредство его жены о своемъ положеніи и не скрылъ отъ нихъ намѣренія просить у хозяина прибавки жалованья.

— Совершенно излишне тратить слова, отвѣчала на это мистрисъ Полеенсъ:—неужели вы думаете, фермеръ Джоли дастъ вамъ больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, или что остальные дозволить вамъ получать болѣе? Если онъ вамъ прибавитъ, то долженъ прибавить и моему старику. Вотъ и Джэкъ Горнеръ давно говорить, что жалованье слишкомъ скудное и работы мало. Но какое до того дѣло фермерамъ! Вы сами вредите другъ другу; васъ слишкомъ много въ здѣшнихъ мѣстахъ. Вотъ что!

Говоря это, мистрисъ Полеенсъ, вѣроятно, думала о своихъ девятихъ дѣтяхъ.

— Она права, Джонъ, прибавилъ Полеенсъ, значительно кивая головой.

Она, какъ мы видѣли, была дѣйствительно права. Попытка Джона Годжа не удалась, но его тяготило положеніе, котораго они еще не испытали, и это положеніе заставляло его разрѣшать задачу, отъ которой они отвергивались. Онъ стоялъ ступенью ниже ихъ на лѣстницѣ отчаянія. Онъ и его дѣти медленно, терпѣливо умирали съ голода; а когда человѣкъ дошелъ до этого, то онъ долженъ или дѣйствовать, или окопѣть, какъ собака.

И такъ, Джонъ Годжъ отправился къ Полеенсу, чтобы передать результатъ его разговора съ фермеромъ Джоли. По дорогѣ, онъ встрѣтилъ Джэка Горнера и пригласилъ его съ собою.

— Чтò я вамъ говорила, Джонъ? произнесла мистрисъ Полеенсъ, причисывавшая съ неимоверной энергіей своего младша-

го ребенка:—вы видите, вышло по моему! Ну, мальчишка, стой смирно! Фермеръ Джоли—не дуракъ. Еслибъ онъ послушался васъ, то мы всѣ потребовали бы того же. Что бы тогда сказали ему другіе фермеры?

— Подождите минутку, Салли Нолекенсъ, перебилъ ее Годжъ:— а что бы вы сказали, еслибъ всѣ думали такъ же, какъ я; неужели вы полагаете, что мы не добились бы прибавки двухъ шиллинговъ въ недѣлю?

— Еслибъ! Еслибъ! воскликнула съ презрѣніемъ мистрисъ Нолекенсъ:—а еслибъ вы зарѣзались?

Предложеніе Годжа было такъ ново и смѣло, что всѣ присутствовавшіе разинули рты отъ изумленія, и самъ Годжъ, впервые высказавшій свою мысль, едва переводилъ дыханіе отъ волненія.

— Съ вами что-то нехорошее дѣлается, Джонъ, со дня смерти вашей жены, прибавила черезъ минуту мистрисъ Нолекенсъ.

— Я умираю съ голода, Салли Нолекенсъ: я не обѣдалъ двѣ недѣли. Мой маленький Бенъ чахнетъ отъ недостатка пищи, хотя я достаю ему молока, сколько могу; но вы знаете, какъ трудно у насъ достать его: многіе поятъ молокомъ поросятъ, но вамъ не дадутъ его даже за деньги. Мэри совершенно изнурена, а другимъ дѣтямъ нѣчего ѣсть; одежда ихъ въ лохмотьяхъ, и они растутъ безъ матери, какъ волчата. Еслибъ даже и можно было найти какую нибудь женщину для ухода за ними, то мнѣ нечѣмъ ей заплатить.

— Но, отвѣчала сочувственно Салли:— еслибъ вы ходили на другихъ людей, вы бы отлично обдѣляли свое дѣло. Посмотрите на Абсалома Гичкова: онъ—самый гнѣвный нищій во всемъ приходѣ, но умѣетъ ловко обманывать попечителей. У него всегда одинъ изъ дѣтей боленъ—вѣроятно, поочереди—и докторъ ему постоянно прописываетъ супъ и бѣлый хлѣбъ, такъ что у него не переводится ни то, ни другое. И вы могли бы также жить припѣваючи.

— Я на это никогда не соглашусь, сказалъ рѣшительно Годжъ:—но что-нибудь надо сдѣлать. Еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, Салли Нолекенсъ, вы сказали бы то же самое. Предположимъ, наприимѣръ, что вы умерли бы завтра...

— Боже избави! воскликнула мистрисъ Нолекенсъ.

— Это невозможно! прибавилъ ея мужъ.

— Но предположимъ, что она умерла бы завтра, что бы вы сдѣлали, Томъ, со всѣми вашими дѣтьми? Нѣтъ, болѣе терпѣть невозможно: мы должны, наконецъ, добиться прибавки жалованья!

Побуждаемый своимъ отчаяннымъ положеніемъ, Годжъ дошелъ

до Рубикона. Его слова о возможности внезапной смерти мистрисъ Нолекенсъ поразили въ самое сердце эту добрую женщину. Она вполне сознавала, что не было человѣка на свѣтѣ, который менѣе ея мужа былъ способенъ ухаживать за дѣтьми: меньшіе всегда вываливались у него изъ рукъ, а старшіе получали при малѣйшемъ его раздраженіи сильныя пинки. Мысль оставить на его попеченіи все семейство казалась мистрисъ Нолекенсъ до того страшною и нелѣпою, что она вполне поняла всю шаткость положенія своей семьи. Она стояла на краю бездны, лицомъ къ лицу съ голодной смертію. Или уже не переступила ли она одной ногой черезъ край бездны?

Джэкъ Горнеръ уже давно обдумывалъ вопросъ о низкой платѣ за трудъ земледѣльца. Онъ былъ женатъ, но не имѣлъ дѣтей—счастье, рѣдко встрѣчающееся между бѣдными, и несчастье, часто посѣщающее богатыхъ. Онъ пришолъ къ тому убѣжденію, что лучшій исходъ—эмиграція, и то благодаря разговорамъ съ рабочими, прокладывавшими полотно желѣзной дороги въ окрестностяхъ Кодльтона. До сихъ поръ мало обращаютъ вниманія на ту пользу, которую приносятъ мирнымъ, уединеннымъ уголкамъ Англии желѣзныя дороги, способствующія вездѣ развитію торговли и промышленности. Энергичные работники, строящіе эти желѣзныя дороги и посѣщающіе не только различныя части своего отечества, но и различныя страны, распространяютъ между грубыми поселянами новыя идеи и понятія объ ихъ правахъ, обязанностяхъ и проч., и проч. Вездѣ желѣзныя дороги отнимаютъ у земледѣльческаго труда лучшія руки, превращая ихъ въ новыхъ людей, болѣе энергичныхъ и предприимчивыхъ. Этой одной причины достаточно для объясненія того движенія, которое теперь замѣчается во всемъ земледѣльческомъ рабочемъ классѣ.

Услыхавъ предложеніе Годжа, Джэкъ Горнеръ хлопнулъ его по плечу.

— Ура, Джонъ! воскликнулъ онъ. — Вы попали на вѣрную мысль. Дѣ, Салли Нолекенсъ, онъ говорить дѣло. Единство — сила, говорить девизъ нашего общества для похоронъ; если же мы умѣемъ соединить свои силы, чтобы хоронить другъ друга, то соединимся же, чтобы жить!

— Не дѣлайте вы этого, сказала Нолекенсъ, качая головою:— вы перевернете всю страну вверхъ дномъ своими новыми идеями и только возстановите противъ себя фермеровъ. Нѣтъ, нѣтъ! будьте довольны своимъ положеніемъ. Вотъ я работаю сорокъ лѣтъ на той же фермѣ, на которой работалъ отецъ мой, и я полагалъ прежде семь, потомъ восемь и, наконецъ, девять шил-

лингвовъ въ недѣлю, и хотя никогда не получалъ столько, сколько зарабатывалъ, но все же не умеръ съ голода. Иногда я былъ сытъ, иногда нѣтъ; но все же прожилъ до сихъ поръ. Вы оставьте дѣла идти такъ, какъ они идутъ, работайте хорошо — и все обойдется. Я работаю и живу, и вы будете работать и жить.

— Ну, замолчи! возразила мистрисъ Полевенсъ, которая быстро поняла, что въ безуміи Годжа было много разумнаго: — ты бы ужъ давно умеръ съ голоду, еслибъ я тебѣ позволила. Ты трусливъ, какъ кроликъ. Но, слушай меня: если союзомъ всѣхъ рабочихъ можно увеличить нашъ заработокъ, то будь человекъ, соединишь съ своими сосѣдами и стой крѣпко за свои права. Еслибъ я была мужчиною, я бы вамъ показала, какъ надо дѣйствовать.

И мужественная матрона грозно сжала свои мощные кулаки.

Джекъ Горнеръ не отличался краснорѣчіемъ, но былъ человекъ практической и потому предложилъ, чтобы всѣ сельскіе работники Ганкерлейскаго прихода, около ста восьмидесяти человекъ, составили бы союзъ въ родѣ городскихъ рабочихъ союзовъ, существующихъ по всей Англiи, признанныхъ и покровительствуемыхъ закономъ, и прежде всего пригласили бы на совѣтъ Самми Стедмана, методическаго проповѣдника въ Говельбѣри. Какъ только вѣсть объ этомъ распространилась, то всѣ поселане единогласно объявили, что они вполне согласны съ этимъ планомъ и готовы немедленно привести его въ исполненіе.

V.

Самми Стедманъ.

Самми Стедманъ, къ которому обратились поселане, жилъ въ сосѣдномъ приходѣ Говельбѣри, въ маленькомъ собственномъ коттеджѣ. Тотъ фактъ, что онъ былъ собственникомъ своего жилища и прилегавшаго къ нему участка земли, имѣлъ большое вліяніе на его положеніе среди сосѣдей. Дѣдъ Стедмана, отличавшійся рѣдкимъ трудолюбіемъ, собралъ небольшую сумму денегъ и купилъ хижину на концѣ общественнаго выгона. Мало-помалу онъ присоединялъ къ своему жилищу сосѣднюю землю, отнимая ее отъ общественной, на что въ то время не обращали никакого вниманія. Такимъ образомъ, онъ кончилъ тѣмъ, что округлилъ свой участокъ и довелъ его до трехъ четвертей акра.

Въ юности Самми Стедманъ вполне сознавалъ себя наследникомъ помѣстья, приносившаго десять фунтовъ ежегоднаго дохода, и игралъ видную роль въ ряду сельскихъ франтовъ. Но въ то время въ Говельбери явились методисты, учредили тамъ молитвенный домъ, и однажды вечеромъ совѣсть Самми проснулась и онъ сдѣлался не только методистомъ, но и энтузіастомъ. Въ немъ произошла громадная умственная и нравственная перемѣна: онъ началъ заниматься и читать все, что ни попадало подъ руку. Мало-по малу его умъ развился и принялъ прагматическій оборотъ; онъ уже не довольствовался одною религіею и сталъ заниматься другими предметами—между прочимъ, политикою. Газеты сдѣлались необходимой для него пищей, и часто онъ отказывалъ себѣ въ обѣдѣ, чтобъ купить газету, которую вытверживалъ наизусть. Вскорѣ онъ сдѣлался мѣстнымъ методистскимъ проповѣдникомъ. Трезвый и честный, онъ всѣми считался отличнымъ работникомъ, хотя его проповѣдническая дѣятельность дѣлала его подозрительнымъ въ глазахъ нѣкоторыхъ хозяевъ и товарищей. Самми Стедманъ много читалъ, много работалъ надъ своимъ развитіемъ; онъ убѣдился, что болѣе не можетъ довольствоваться своимъ незавиднымъ положеніемъ, счелъ себя достойнымъ лучшей доли и рѣшился достигнуть ея. Вслѣдствіе этого, онъ объявилъ своему хозяину, приводя тексты изъ библіи и цитаты изъ газетъ, что вполне заслуживаетъ болѣе восьми шиллинговъ въ недѣлю и надѣется, что хозяинъ не замедлитъ исполнить его требованіе. Фермеръ, удивленный такимъ запасомъ знаній въ двадцатилѣтнемъ юношѣ, послалъ его къ чорту—и надо сознаться, что ему ничего болѣе не оставалось, если онъ не хотѣлъ удовлетворить справедливымъ требованіемъ Стедмана. Тогда Самми отправился въ сѣверныя графства Англіи, гдѣ, по газетамъ, заработная плата была гораздо выше. Его жена осталась дома смотрѣть за дѣтьми и хозяйствомъ; такимъ образомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, Стедманъ посѣщалъ различныя части Англіи и набирался всевозможныхъ знаній. Конечно онъ былъ самымъ вреднымъ, безпокойнымъ человекомъ для пасторовъ и фермеровъ, но современемъ, когда, благодаря тяжелымъ трудамъ и бережливости, составилъ себѣ независимое положеніе и приобрѣлъ репутацію вполне искуснаго и знающаго работника, онъ достигъ общаго уваженія и получалъ почти двойную плату въ сравненіи съ другими. Фермеры и рабочіе одинаково прибѣгали къ нему за совѣтами въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и эти совѣты всегда были честные, искренніе. Онъ дѣйствовалъ вообще очень благоразумно и осторожно, но умъ его былъ постоянно занятъ вопросами о положеніи англій-

*

ских рабочих. Седманъ всегда знакомилъ товарищей съ своими выводами и наблюдениями. Поэтому естественно, что Годжъ и Горнеръ обратились за совѣтомъ къ Самми Седману.

Вскорѣ во всей окрестности распространилась вѣсть, что нѣсколько челоѣкъ на Чернлейской фермѣ составили союзъ, и это извѣстіе вездѣ произвело сильное впечатлѣніе. Въ чемъ состоялъ этотъ союзъ, чего онъ требовалъ отъ членовъ, что могъ онъ сдѣлать и чего не могъ—всѣ эти вопросы лихорадочно обсуждались въ ганверлейской гостинницѣ и на поляхъ во время работы. Наконецъ, разнесся слухъ, что въ гостинницѣ будетъ собранъ митингъ и, дѣйствительно, однажды, въ среду вечеромъ, собралась со всѣхъ сторонъ такая толпа людей, что первые виновники этого движенія не могли скрыть своей радости. Гостинница переполнилась посѣтителями, но пользы отъ этого ея хозяину было мало, такъ какъ всѣ собравшіеся люди казались очень серьезными и не требовали ни водки, ни пива. Тутъ были на лицо Джэкъ Горнеръ, Джонъ Годжъ, Джо Вельсби, который состоялъ прежде членомъ городского рабочаго союза, и Томъ Нолененсъ, который хотѣлъ-было отказаться отъ участія въ дѣлѣ, но жена насильно притащила его. Тутъ присутствовало также много женщинъ въ старинныхъ чепцахъ и короткихъ юбкахъ; засунувъ руки въ карманы своихъ передниковъ, онѣ говорили между собою въ полголоса, вполне сознавая всю торжественность настоящей минуты. Самми Седманъ явился рано и вступилъ въ предварительную бесѣду съ нѣсколькими избранными лицами въ столовой гостинницы. Въ виду собравшейся толпы въ нѣсколько сотенъ лицъ, митингъ существенно не могъ состояться внутри дома, и Самми Седманъ вышелъ на поляну передъ гостинницей, взобрался на скамейку и, снявъ шляпу, обвелъ глазами громадную толпу, представлявшую невиданное еще въ земледѣльческихъ графствахъ Англій зрѣлище.

Тутъ были люди молодые и старые, сильные и слабые, выпрямившіеся во весь ростъ и согбенные; на лицахъ нѣкоторыхъ игралъ здоровый румянецъ, другіе были блѣдны, изнурены; на всѣхъ лежала печать тяжелаго труда и заботъ, ни на однихъ губахъ не было видно улыбки. Однако, всѣ они представляли изрядное зрѣлище людей, рѣшившихся, послѣ долгихъ лѣтъ невѣжественнаго прозябанія подъ тяжелымъ ярмомъ, начать новую, лучшую жизнь.

Лицо Самми Седмана было также серьезно, неподвижно, и, когда онъ махнулъ рукою, требуя молчанія, всѣмъ казалось, что онъ начнетъ говорить проповѣдь; но не успѣлъ онъ открыть рта, какъ лицо его мгновенно просвѣтлѣло. Онъ былъ вроден-

ный ораторъ и началъ свою рѣчь тихимъ, яснымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Братья, мы собрались сюда для важнаго дѣла, и я радъ, что вижу вокругъ себя столько народа. Я ждалъ этого дня всю мою жизнь, ждалъ пламенно, но часто съ отчаяніемъ. Я всегда считалъ земледѣльцевъ-рабочихъ самыми угнетенными созданіями въ нашей странѣ (слушайте, слушайте!). Сегодня мы собрались, чтобъ поразмыслить о нашемъ положеніи, и, если мы найдемъ, что это положеніе неудовлетворительно, то намъ предстоитъ рѣшить, какія мѣры слѣдуетъ принять для улучшенія нашего быта. Не такъ-ли? (да, да, такъ, такъ!) Ну, братья, прежде всего надо рѣшить, что намъ нужно, потомъ, какъ достигъ того, что намъ нужно. И такъ, что-же вамъ нужно? Я съ радостью вижу, что вы, наконецъ, дошли до того убѣжденія, что у васъ есть нужды и потребности. Это первый шагъ къ прогрессу. Вы должны убѣдиться, что ваше положеніе дурно, прежде чѣмъ приниматься за его улучшеніе; точно также, въ религиозномъ отношеніи, человѣкъ прежде долженъ раскаяться въ своихъ дурныхъ поступкахъ, а потомъ уже стараться поступать хорошо. Если между вами есть человѣкъ довольный своимъ положеніемъ, то онъ—или гусь, или дуракъ. Поворность судьбъ можетъ быть двоякая: во-первыхъ, преклоненіе передъ волей Божіей, не влекущее, однакожъ, за собою бездѣйствія, основаннаго на увѣренности, что Богъ не шлетъ намъ большихъ благъ хотя-бы мы и старались достигъ ихъ; и во-вторыхъ, лѣнливое равнодушіе, которое побуждаетъ насъ сидѣть, сложа руки, не стараясь улучшить своего положенія. Последняго рода покорность судьбъ приводитъ человѣка въ богадельню.

— Слушайте, слушайте! воскликнула мистрисъ Нолекенсъ такимъ громкимъ голосомъ, что вся толпа разразилась единодушнымъ хохотомъ.

— Ваши друзья, члены комитета (о! уже образованъ комитетъ!) сообщили мнѣ, что вы недовольны заработкомъ (крики одобренія), своимъ образомъ жизни и вѣроятной будущностью вашихъ дѣтей (громкое одобреніе со стороны мистрисъ Нолекенсъ). Между вами находится Джонъ Годжъ, положеніе котораго доходитъ до абсурда; онъ остался какъ боровъ съ одиннадцатью поросятами и безъ всякихъ средствъ къ ихъ пропитанію.

Эта грубая шутка была встрѣчена общимъ смѣхомъ, къ которому присоединился и самъ Годжъ.

— Вотъ до чего вы дошли теперь и до чего я дошелъ уже давно. Вы не имѣете никакихъ политическихъ правъ и въ пар-

ламентъ нѣтъ вашихъ представителей. Вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о великихъ вопросахъ, касающихся вашего благосостоянія. Вы связаны по рукамъ и по ногамъ фермеромъ, а фермеръ зависитъ вполне отъ землевладѣльца; такимъ образомъ, въ настоящее время, въ свободной, веселой Англии существуютъ два разряда невольниковъ, прикованныхъ другъ къ другу. Если болѣе счастливые невольники-фермеры не хотятъ проснуться отъ долгаго сна и сбросить съ себя тяготящее надъ ними ярмо, то, что сдѣлаютъ ихъ болѣе несчастные товарищи?

Краснорѣчіе Самми Стедмана превосходило нѣсколько пониманіе его слушателей, но, благодаря ясному, звучному голосу и пламенной энергіи, его слова производили сильное впечатлѣніе, служа какъ бы закваской для прѣсныхъ умовъ его слушателей. Они громкими криками выражали свое сочувствіе. Между тѣмъ, необыкновенное собраніе поселянъ привлекло на мѣсто митинга нѣсколько фермеровъ, и на заднемъ планѣ видѣлась странная, похожая на грибъ шляпа пастора Линкбоа.

— Потомъ, продолжалъ Самми: — на очереди вопросъ о нашихъ отношеніяхъ съ пасторомъ. Я лично не имѣю ничего противъ духовенства нашего околodka. Пасторы получаютъ свое жалованье, служатъ обѣдни и управляютъ приходами, вѣроятно, какъ нельзя лучше. (Они получаютъ 800 фунтовъ въ годъ и живутъ въ пасторскихъ домахъ! раздалось въ толпѣ). Но я говорю о всѣхъ пасторахъ вообще и надѣюсь, что присутствующій здѣсь ихъ представитель (при этомъ Самми указалъ на круглую шляпу пастора Линкбоа) нисколько не обидится. Я говорю, что они должны бы уже давно обратить вниманіе на то, что совершается вокругъ, и смѣло указать фермерамъ на ихъ долгъ. Они проповѣдуютъ намъ покорность волѣ Провидѣнія, но зачѣмъ же они не учатъ фермеровъ ихъ обязанностямъ, согласно священному писанію? Есть одинъ текстъ въ посланіи апостола Іакова, который достопочтенный пасторъ, слушающій мои слова, могъ бы взять предметомъ своей будущей проповѣди: «Приндите ныне богатін, плачтитеся и рыдайте—се мзда дѣлателей, дѣлавшихъ нивы ваша, удержаная отъ васъ вопіеть, и вопіенія жавшихъ во уши Господа Саваога видоша».

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ необыкновеннымъ жаромъ, двое или трое изъ присутствующихъ фермеровъ стали шикать, что возбудило мгновенно бурю. Со всѣхъ сторонъ раздались страшные крики, громче всѣхъ раздавался голосъ мистрисъ Полекенсъ, и вся толпа съ угрозами обратилась противъ непрощенныхъ гостей. Въ эту минуту, пасторъ въ шляпѣ, похожей

на грибъ, бросился между работниками и небольшой группой фермеровъ.

— Господа! воскликнулъ онъ, снимая шляпу и размахивая ею по воздуху:—ради Бога, не раздражайте ихъ ненужными оскорблениями. Можетъ быть, они справедливы, можетъ быть, они ошибаются, но законъ даетъ имъ право говорить, чтò хотятъ; умоляю васъ не возбуждайте беспорядковъ.

— Продолжайте, сказалъ Джоли:—мы вамъ мѣшать не будемъ. Здѣсь не мѣсто обсуждать этотъ вопросъ.

Пасторъ надѣлъ свою шляпу и продолжалъ стоять между враждебными сторонами. Толпа, чрезвычайно взволнованная, обернулась снова къ своему оратору.

— Ну, продолжалъ Самми Стедманъ:—вы убѣдились, наконецъ, что вамъ слѣдуетъ искать помощи въ самихъ себѣ. Будьте же люди и постоитъ за себя. Говорю вамъ прямо: это—дѣло не легкое. Вамъ, можетъ быть, придется перенести много лишений. И такъ, если мы всѣ соединимся для улучшенія нашего быта, то чего же мы станемъ добиваться?

— Прибавки жалованья, произнесъ извѣстный въ окологдѣ лѣнтяй и плохой работникъ.

— Лучшаго жилища! раздался голосъ Салли Нолекенсъ:—приличнаго жилища съ садомъ и двадцать шиллинговъ въ недѣлю.

Толпа громко захохотала. Простота поселянъ, столь очаровательная для поэтовъ и сантиментальныхъ людей, столь полезная для козьяевъ, вполне выразилась при вопросѣ Самми Стедмана, какъ формулировать требованія рабочихъ. Они не могли этого сдѣлать. Они только погрузились въ воду по шиколку и не были готовы нырнуть въ самую глубину. Они даже не знали еще, слѣдуетъ ли имъ быть откровенными; они только чувствовали, что ихъ положеніе крайне тяжело, но опасались высказать прямо свое мнѣніе о средствахъ къ его улучшенію. Эта застѣнчивость—результатъ невѣжества и долгаго гнета—послужила впоследствии аргументомъ для ихъ противниковъ, которые приписали все движеніе какимъ-то агитаторамъ, которыхъ здѣсь и не могло быть. Эти люди такъ долго дѣйствовали и думали по приказанію, что готовы были поблагодарить всякаго, кто, явившись, какъ Deus ex machina, научилъ бы ихъ, въ чемъ состояли ихъ скромныя требованія и какъ ихъ добиться. Въ настоящее время, подобнымъ оракуломъ былъ Самми Стедманъ.

— Нѣтъ, мистрисъ Нолекенсъ, продолжалъ онъ:— не надо запрашивать слишкомъ много. Рѣдкіе изъ фермеровъ при те-перешнемъ хозяйствѣ, могутъ платить рабочимъ двадцать шиллинговъ въ недѣлю, да и немногіе рабочіе, при нынѣшнихъ цѣ-

нахъ, заслуживаютъ этой платы. Я не стою за то, чтобъ всѣ получали одинаковую плату. Извѣстную цифру должны получать всѣ, а сверхъ того, каждый, сколько можетъ, по своему достоинству. Но посмотримъ, въ чемъ дѣло. Вы, большею частію, получаете по 9 или 10 шиллинговъ въ недѣлю деньгами; пива въ годъ на 1 ф. 13 шил. 6 пенсовъ; сметку послѣ жатвы и подарки на Рождество. Соединяя все это вмѣстѣ и принимая въ соображеніе, что пиво идетъ въ ваши желудки, мы приходимъ къ вопросу: можете ли вы жить, работать и прилично содержать свои семейства на эти средства?

— Нѣтъ, громовымъ хоромъ произнесли всѣ присутствующіе.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны ограничить свои требованія той суммой, которая можетъ васъ обезпечить. Вы—часть машины, работающей для фермеровъ, и вы не можете работать, если вамъ не дадутъ достаточно средствъ поддержать огонь и пары, а также смазать машину. Необходимая для этого сумма называется «минимумъ». Достигнувъ подобной платы, имѣете ли вы права на что-нибудь большее?

— На долю барыша, произнесло нѣсколько голосовъ.

— Да, вы имѣете полное право требовать большей или меньшей доли барыша. Вашъ трудъ—тотъ же капиталъ, и вы имъ рискуете такъ же, какъ хозяева своими деньгами, а всякая часть общаго капитала должна получать и долю общаго барыша.

Я не намѣренъ приводить дальнѣйшей рѣчи Самми Стедмана. Онъ говорилъ долго и ясно доказалъ, что единственнымъ практическимъ и вѣрнымъ средствомъ къ уравнию взаимныхъ отношеній хозяина и рабочаго было соединеніе рабочихъ въ союзы, основанные на принципахъ взаимной помощи и справедливости, какъ къ рабочимъ, такъ и къ хозяевамъ.

Впечатлѣніе этой длинной рѣчи, которую терпѣливо слушала толпа въ продолженіи двухъ часовъ, было громадно и вполне очевидно. Дѣйствительно, какъ выразился одинъ изъ присутствовавшихъ на этомъ собраніи, можно было ясно видѣть, какъ бѣлыя спадали съ глазъ слѣзы, невѣжественныхъ поселянъ. Эти люди вдругъ преобразились и сдѣлали гигантскій шагъ впередъ, какъ теоретически, такъ и практически. Фактическимъ результатомъ этой нравственной перемѣны была единодушная рѣшимость образовать союзъ. Немедленно была составлена извѣстная «Кодльтонская хартія правъ земледѣльцевъ», и такъ какъ, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ моихъ читателей она неизвѣстна, то я приведу ее цѣликомъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, кодльтонскіе рабочіе, находимъ, что съ нами обращаются не такъ, какъ слѣдуетъ обращаться чело-

вѣку съ человѣкомъ, и мы желаемъ, чтобы съ нами обращались иначе.

«1) Наша жалоба заключается въ томъ, что мы мало получаемъ жалованья и должны получать больше. Мы получаемъ только отъ 9 до 11 шил. въ недѣлю (нѣкоторые 8), и тѣ изъ насъ, которые имѣютъ семейства, заявляютъ, что имъ невозможно содержать семью при такомъ заработкѣ. Кромѣ того, мы почтительно указываемъ на несомнѣнный фактъ, что заработная плата увеличилась для всѣхъ рабочихъ, кромѣ сельскихъ, остающихся въ положеніи невольниковъ.

«2) Наши жилища, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, не годны для человѣческихъ существъ.

(Во время принятія этой статьи происходитъ бурная сцена; мистрисъ Нолекенсъ съ необыкновенной энергіей требуетъ прибавленія слѣдующаго примѣчанія: «Особливо хижины на чарнлейской фермѣ и, главнымъ образомъ, хижина Нолекенса, въ которой нельзя жить отъ сырости». Но собраніе настаиваетъ на общихъ выводахъ и предоставляетъ мистрисъ Нолекенсъ выйти своими средствами изъ ея затруднительнаго положенія).

«Кромѣ того, хижины нанимаются отъ фермеровъ понедѣльно: слѣдовательно, они могутъ выгнать насъ, когда угодно, безъ малѣйшаго предупрежденія. Поэтому мы просимъ, чтобы приличныя и близъ фермы жилища отдавались намъ въ годичную аренду за благоразумную плату, которую вычитали бы изъ нашего жалованья.

«3) Точно также во многихъ случаяхъ при хижинѣ нѣтъ огорода, и поэтому негдѣ садить картофеля или другихъ овощей. Мы почтительно просимъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ намъ отдавался въ аренду, вмѣстѣ съ хижинной, и небольшой кусокъ земли.

«4) Еще важное соображеніе составляютъ коровы. Мы полагаемъ, что каждый отецъ семейства долженъ быть въ состояніи содержать корову и поить молокомъ своихъ дѣтей. Нѣкоторые хозяева даютъ возможность содержать корову лучшимъ изъ рабочихъ, но мы просимъ, чтобы это было дозволено всѣмъ семейнымъ людямъ.

(Тутъ снова выѣшивается мужественная Салли Нолекенсъ и требуетъ, чтобы, кромѣ коровъ, были упомянуты и свиньи; нѣкоторые изъ присутствующихъ ее поддерживаютъ, но большинство высказывается противъ нея, и она громогласно восклицаетъ при общемъ хотѣ: «Какую-же послѣ этого вы пишете бумагу? Чортъ возьми! Если писать, такъ надо все, а не оста-

навливаться на полдорогѣ. Труссы вы всё! Вотъ, еслибы я написала бумагу, такъ задала бы страха фермерамъ»).

<5) Мы согласились, что жалованье должно быть 16 шил. въ недѣлю лѣтомъ и 14 зимою; точно также задѣльную плату мы не будемъ брать менѣе 3 пенс. въ часъ.

<6) Мы, нижеподписавшіеся, сямъ обязываемся составить союзъ для достиженія означенныхъ цѣлей и дружно стоять другъ за друга, пока не добьемся успѣха.

Такова была резолюція, принятая сельскими рабочими, собравшимися въ памятный майскій вечеръ на ганкерлейской полянѣ. Рабочіе союзы, составлявшіе исключительное достояніе городовъ, распространились по забытымъ, отдаленнымъ уголкамъ сельской Англій. Кто могъ оцѣнить или предсказать результаты этого знаменательнаго явленія?

Прежде чѣмъ разойтись, члены перваго земледѣльческаго союза обложили себя взносомъ трехъ пенсовъ для покрытія предварительныхъ издержекъ, выбрали комитетъ подъ предсѣдательствомъ Самми Стедмана для переговоровъ съ фермерами и рѣшили прекратить работу, если имъ откажутъ въ прибавкѣ заработной платы.

VI.

Бѣгство.

Я еще не описалъ жилища Годжа. Это была старая хижина, стоявшая особнякомъ въ углу фермы близъ дороги. Стѣны ея были изъ бурога бута, крыша чрезвычайно ветхая, соломенная, окна маленькія съ свинцовыми рамами и гранеными стеклами. Хижина эта стояла въ саду, о которомъ я уже говорилъ. Внутри полъ былъ устланъ неровными плитами, а единственная комната очень низкая, безъ потолка и когда-то выбѣленная, имѣла въ ширину десять футовъ, а въ длину двѣнадцать, изъ которыхъ два были заняты каминомъ. Вся мебель состояла изъ стола сосноваго дерева, чрезвычайно чисто содержаннаго во времена мистрисъ Годжъ, двухъ или трехъ прибитыхъ къ стѣнѣ полковъ, старой скамьи, трехъ стульевъ и табуретки. На высокомъ каминѣ видѣлись три пестрыя фаянсовыя фигуры: герцогъ Веллингтонъ въ зеленомъ мундирѣ, съ краснымъ носомъ и такими же щеками, желтый левъ и спящій баранъ на зеленой травѣ. Кромѣ этого, единственнымъ украшеніемъ комнаты былъ старый стѣнной календарь, пожелтѣвшій отъ времени и испещренный

мухами. На полвахъ стояли два мѣдныхъ подсвѣчника, изъ которыхъ одинъ сгорбился отъ старости, и семейная посуда, прикрытая шерстяной занавѣской; что же касается до родового серебра, то оно заключалось въ большой желѣзной ложкѣ и въ нѣсколькихъ оловянныхъ чайныхъ. Дверь въ задней стѣнѣ выходила на маленькую четырехугольную площадку, съ которой шла наружная лѣстница на чердакъ. Въ верхній этажъ ступенекъ было немного, такъ какъ нижняя комната имѣла всего восемь футовъ вышины; что же касается до верхней, освѣщенной слуховымъ окномъ, то она находилась подъ самой крышей, и Годжъ могъ стоять выпрямившись только въ срединѣ ея. Въ ней была кровать или, вѣрнѣе сказать, низенькая, деревянная рамка, поддерживающая тощій матрасъ; подлѣ на полу лежалъ единственный въ дому коверъ въ видѣ стараго, изношеннаго куска войлока. Я надѣюсь, что меня не сочтутъ скандальнымъ хроникеромъ, если я скажу, что при жизни мистрисъ Годжъ и послѣ ея смерти, маленькая Мэри спала на одной постелѣ съ отцомъ. Слава Богу, они были люди простые!

Таково было жилище Джона Годжа. Однако, снаружи съ темной соломенной крышей, маленькими окнами и низенькими стѣнами, оно было очень живописно, и каждый прохожій могъ удивиться роскошной прелести англійской сельской жизни, ибо жасминъ, жимолость и другія ползучія растенія вились вокругъ оконъ и дверей. Если бы удобства жизни могли зависѣть отъ удовлетворенія эстетическаго вкуса, то эти бѣдные люди, вѣроятно, жили бы припѣваючи.

Въ то время, какъ въ Кодльтонѣ составлялся первый земельческій союзъ, въ этой обстановкѣ сельскаго благоденствія семья Годжа быстрыми шагами шла къ голодной смерти. Ея ужасное положеніе ухудшалось съ каждымъ днемъ въ геометрической прогрессіи. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, одежда, въ которой покойная мистрисъ Годжъ ухитрилась водить своихъ дѣтей, дошла до такого положенія, что обращала на себя вниманіе даже неопытнаго глаза Годжа. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда Мэри удавалось заглушить ревъ Крошки Годжа и его инстинктивныя требованія пищи, что было очень трудно, ее можно было видѣть за стиркой семейнаго бѣлья или съ иглой въ рукахъ, старающейся привести въ порядокъ лохмотья, покрывавшія бѣдныя, изнуренныя тѣла ея братьевъ и сестеръ. Блѣдное, съ посинѣвшими губами и черной полосой подъ глазами, это мужественное маленькое созданіе геройски смотрѣло прямо въ лицо своему безвыходному положенію и старалось пѣснями и веселыми разказами занимать младшихъ дѣтей, а старшихъ посы-

лала собирать вележники для топлива. Только изрѣдка, оставшись наединѣ, она, поникнувъ головою, горько плакала объ умершей матери и о своей несчастной, горькой участи.

Крошка Годжъ съ каждымъ днемъ становился все блѣднѣе и болѣзненнѣе. Мэри раза два или три получала для него лекарства изъ приходской аптеки, но мятныя капли не могли изцѣлить его отъ болѣзни—голода. Ему нужны были молоко и пища. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Мэри видѣла, что нельзя было долѣе скрывать отъ отца крайнюю нужду остальныхъ дѣтей въ одеждѣ. Дѣйствительно, по словамъ мистрисъ Нолевенсъ, имъ надо было спать новое платье или положить ихъ въ постель. Бѣдный Годжъ самъ нѣсколько разъ замѣчалъ ихъ лохмотья и даже легкомысленно упрекалъ Мэри, говоря, что при жизни матери они были совершенно иныя дѣти. Какъ мало понималъ онъ, чего стоило это несчастной женщинѣ! Впрочемъ, кто изъ мужей это понимаетъ?

Однажды Годжъ возвратился съ работы и ждалъ ужина. На столѣ былъ приготовленъ каравай ситнаго хлѣба, пучекъ креса, собраннаго маленькимъ Томасомъ, и щепотка соли. Въ каминѣ варился чай, то-есть ложка самаго простого чая, разведеннаго такимъ количествомъ воды, какое можетъ выпить человекъ послѣ тяжелаго дневнаго труда. Крошка Годжъ лежалъ въ старомъ, грязномъ ящикѣ, служившемъ колыбелью для всего семейства.

— Батюшка, сказала Мэри, пристально смотря на отца:—что съ нами будетъ?

Въ эту минуту Годжъ подносилъ ко рту большой кусокъ хлѣба и щепотку креса, но, услыжавъ слова Мэри, онъ невольно остановился. Его поразило, что Мэри дошла сама до того вопроса, который мучилъ его и днемъ, и ночью.

— Ахъ, Мэри! отвѣчалъ онъ.—Что будетъ съ нами? Это известно Богу, а не мнѣ.

— Батюшка, продолжала жалобнымъ тономъ бѣдная дѣвочка:—я берегла деньги, какъ могла, но онѣ всѣ вышли, и мы должны четыре шиллинга булочнику, а молочница въ Чарилѣ сказала Томасу, что не отпустить молока прежде, чѣмъ мы не уплатимъ ей долга. Потомъ, батюшка, у дѣтей не осталось почти никакой одежды; право, я не виновата, все у нихъ износилось, а, чтобъ купить новое, надо много денегъ. Я чинила уже сколько могла, но теперь ничего не подѣлаешь.

Съ этими словами Мэри горько расплакалась, и мрачное лицо Годжа еще болѣе омрачилось.

— Боже милостивый! произнесъ онъ, бросая на Мэри какой-то странный взглядъ:—я не могу болѣе этого терпѣть.

— А вотъ бѣдный Крошка, батюшка, почти два дня ничего не ѣлъ. Посмотрите на него; онъ скорѣе походить на трупъ, чѣмъ на живого ребенка.

— Бѣдный Бенъ! отвѣчалъ отецъ, тяжело вздыхая:—и все это мы терпимъ по его милости. Мы могли бы обойтись безъ него, Мэри, если бы Богу было такъ угодно.

— О, нѣтъ, батюшка! воскликнула Мэри, съ нѣжностью обнимая ребенка:—я не могу обойтись безъ него! Ну, ну, шш, шш! Годжъ не могъ вынести долге этого зрѣлища и поспѣшно вышелъ изъ дома, а Мэри принялась убаюкивать бѣднаго ребенка, разбуженнаго ея неожиданными ласками.

Возвратясь домой, Джонъ Годжъ уже засталъ Мэри спящею. Онъ зажегъ огарокъ, и, при мерцающемъ свѣтѣ, лицо его, нѣкогда столь чисто выбритое, а теперь заросшее волосами, имѣло какой-то странный видъ; глаза его дико блестяли. Онъ прибралъ кое-что въ комнатѣ, потомъ, снявъ сапоги, пошелъ наверхъ и, взявъ изъ комоды нѣсколько вещей, снесъ ихъ внизъ. Тамъ онъ связалъ эти вещи въ узелъ и, улегшись на полу, вскорѣ заснулъ.

При первыхъ лучахъ утренней зари, Джонъ Годжъ поднялся съ своего жесткаго ложа. Онъ сосчиталъ деньги, находившіяся у него въ карманѣ, всего 2 ш. 9 пенс. и, оставивъ половину себѣ, остальные завернулъ въ бумагу и положилъ на столъ. Потомъ, онъ принесъ воды и дровъ, положилъ на столъ, подлѣ денегъ, ножъ и двѣ моркови, такъ чтобъ Мэри, вставъ, могла тотчасъ приготовить похлебу для дѣтей. Тутъ же на столѣ лежали его шляпа, пальто и узелъ, а тяжелые башмаки стояли на полу, у ступа. Покончивъ со всѣми приготовлениями, онъ пошелъ тихоно къ наверхъ, чтобъ проститься съ дѣтьми. Нѣкоторые изъ нихъ лежали на кровати, а остальные на полу въ живописномъ беспорядкѣ. Онъ поцѣловалъ каждаго изъ нихъ и устремилъ на Мэри, крѣпко спавшую съ Крошкой Годжемъ въ объятіяхъ, взглядъ, полный слезъ.

— Христось съ тобою, милая Мэри, думалъ онъ:—какъ ты похожа теперь на свою мать! Богу извѣстно, какъ тяжело мнѣ оставлять тебя одну со всей этой ордой! Но что жъ мнѣ дѣлать, что-жъ мнѣ дѣлать? Если я уйду, то приходъ будетъ о нихъ печься и, можетъ быть, дать имъ воспитаніе; я могу только уморить ихъ съ голода. Прощай, Мэри. Горько съ тобою разставаться!

Онъ нагнулся надъ спавшей дѣвочкой, и крупная слеза упала ей на щеку. Она встряхнула головой, полуоткрыла глаза, но тотчасъ снова уснула отъ усталости и изнуренія, нисколько не сознавая, что ее разбудила послѣдняя дань родительской любви.

Тогда Джонъ Годжъ выпрямился во весь ростъ, причемъ за-
дѣлъ головою за потолокъ, и торжественно произнесъ:

— Если Богу будетъ угодно благословить мой трудъ въ чу-
жной странѣ, и зарабатываемыхъ мною денегъ будетъ достаточно
для содержанія васъ всѣхъ въ Канадѣ, то я васъ выпишу къ
себѣ. Клянусь, что я это сдѣлаю, и да поможетъ мнѣ Богъ.

Потомъ онъ поспѣшно сошелъ съ лѣстницы, машинально на-
дѣлъ башмаки, взялъ палку и узелъ, нахлобучилъ на глаза свою
старую поярковую шляпу и безъ оглядки бѣжалъ изъ дома отъ
своихъ дѣтей, отъ прихода, отъ пастора, отъ хозяина, отъ по-
печителей о бѣдныхъ и отъ англійскихъ законовъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Союзъ и вражда.

I.

БОРЬБА.

Въ то время, какъ Годжъ слѣпо старался перерубить узелъ
своей мрачной судьбы, событіе, побудительной причиной котора-
го были онъ и его крошка сынъ, возбудило говоръ во всей стра-
нѣ. Для однихъ вѣсть объ этомъ событіи была роковымъ пред-
знаменованіемъ грядущихъ бѣдствій, а для другихъ, напротивъ,
радостной надеждой на улучшеніе быта безпомощнаго класса
людей. Филантропы, социологи, радикалы, чартисты, защитники
женскихъ правъ, противники законовъ объ охотѣ, наборники ра-
бочихъ союзовъ и всякіе политическіе и социальныя реформато-
ры воспламенились сочувствіемъ къ Годжу, исторія котораго опи-
сывалась въ газетахъ на всевозможные лады, какъ простодуш-
ными провинціальными репортерами, такъ и знаменитѣйшими
военными корреспондентами. Дѣйствительно, въ наши промыш-
ленные дни нѣтъ ни одного событія религіознаго, скандальнаго,
страшнаго или патетическаго, котораго газеты не сдѣлали бы
источникомъ блестящихъ, цвѣтистыхъ статей, увеличивающихъ
мгновенно ихъ розничную продажу. И въ этомъ случаѣ газеты
раскупались на расхватъ и читались съ жадностью. Хотя ярые

редакторы съ пламеннымъ негодованіемъ заступались за своихъ сельскихъ патроновъ, хотя землевладѣльцы выходили изъ себя, но всѣ одинаково признавали, что многое можно было сказать и многое слѣдовало сдѣлать для бѣдняковъ, воздѣлывавшихъ землю. Несмотря на это, для нихъ было ясно, чего во всякомъ случаѣ не слѣдовало дѣлать: именно нарушать мирный покой и тихую гармонію сельскихъ отношеній введеніемъ рабочихъ союзовъ и ознакомленіемъ Годжа, Стайлса и Полекенса съ экономическими теоріями. Все это было наслѣдіемъ городовъ, а отношенія хозяевъ и рабочихъ въ селеніяхъ были естественнымъ плодомъ вѣковой патриархальной простоты; поэтому грѣшно было эти отношенія нарушать наплывомъ грубыхъ коммерческихъ принциповъ. Подобные аргументы постоянно встрѣчались въ печати.

Съ другой стороны, всѣ городскіе рабочіе союзы выразили свое сочувствіе новорожденному земледѣльческому союзу и по братски подѣлились съ нимъ своими средствами; всѣ либеральныя учрежденія открыли подписки въ пользу кодльтонскихъ поселенъ, и во многихъ мирныхъ жилищахъ Англій сердца добрыхъ людей забились сочувственно при радостной вѣсти, что «умершій братъ воскресъ и погибшій найденъ». Подобная радость была понятна и естественна; только богатый старшій братъ съ негодованіемъ возсталъ противъ общаго ликованія при возвратѣ погибшаго сына. Чтò стало съ воскресшимъ Годжемъ, мы увидимъ изъ послѣдующаго разсказа; чтò будетъ съ дѣломъ, начатымъ Годжемъ, повѣдуетъ намъ великая книга судебъ челоувѣческаго рода.

Хартія правъ земледѣльцевъ была напечатана и роздана всѣмъ фермерамъ кодльтонскаго прихода. Въ то же время, было объявлено, что рабочіе будутъ твердо стоять на увеличеніи заработной платы до той цифры, которая опредѣлена въ хартіи. Большая часть фермеровъ смотрѣла на эти заявленія рабочихъ, какъ на шутку, но тѣ изъ нихъ, которые присутствовали на ганкерлейскомъ собраніи, вскорѣ разсѣяли это заблужденіе. Джоли, Трускотъ и ихъ товарищи убѣдились въ тотъ памятный вечеръ, что рабочіе дѣйствовали искренно. Дѣйствительно, по истеченіи недѣли, всѣ ганкерлейскіе рабочіе, получивъ свое жалованье, прекратили работу. Фермеры, вставшіе рано въ понедѣльникъ въ полномъ убѣжденіи, что все это—шутка, горько разочаровались. Лошади, плуги, сохи и другія земледѣльческія орудія одышали отъ своего тяжелаго труда, и ни одного поселенина не было видно. На слѣдующій день фермеры собрали митингъ. Сквайръ Биртонъ предсѣдательствовалъ, а вокругъ него сидѣ-

ли многіе достопочтенные изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, а также мистеръ Лестеръ и пасторы двухъ другихъ ближайшихъ приходоѡ. Прочитавъ объ этомъ собраніи въ мѣстной газетѣ, Самми Стедманъ лукаво улыбнулся: пасторы играли ему въ руку. Естественно, что на этомъ собраніи болѣе кипятились, чѣмъ разсуждали, и только рѣшили, что необходимо «противодѣйствовать введенію въ земледѣльческую систему пагубнаго принципа рабочихъ союзовъ, возбуждавшаго борьбу классовъ и уничтожавшаго счастливыя отношенія между хозяевами и рабочими». Эти слова произнесъ пасторъ Лестеръ, ихъ повторилъ предсѣдатель, и они были встрѣчены всеобщими рукоплесканіями. Двое или трое изъ присутствующихъ признали, что заработная плата была дѣйствительно слишкомъ низка и что ее слѣдовало увеличить, но всѣ единогласно рѣшили, что прежде, чѣмъ исполнить свой долгъ въ этомъ отношеніи, необходимо уничтожить организацію, отерывшую имъ глаза. Между прочимъ, фермеръ Джоли, отказавшій въ прибавкѣ Годжу, теперь заявилъ, что было бы благоразумно возвысить плату тѣмъ рабочимъ, которые не войдутъ въ составъ союза. Чтѡ же касается до членовъ союза, то рѣшено было не допускать ихъ до работъ, а севайръ Биртонъ объявилъ, что онъ выгонитъ тѣхъ изъ нихъ, которые жили на его землѣ.

Этотъ вызовъ на бой со стороны хозяевъ возбудилъ въ ихъ слабыхъ противникахъ ту энергію, которая одна могла придать имъ силу. Многіе изъ рабочихъ, не вступавшіе въ союзъ, теперь применили къ нему; его организація получила окончательное устройство: Самми Стедманъ выбранъ предсѣдателемъ, а Джекъ Горнеръ секретаремъ. Рабочій классъ во всей странѣ пришелъ въ волненіе, и движеніе грозило распространиться по всѣмъ земледѣльческимъ округамъ, но, по совѣту одного изъ лондонскихъ союзовъ, было рѣшено ограничить борьбу коддтонскимъ приходомъ, и потому всѣ согласились, что ни одинъ рабочій не перейдетъ черезъ границу прихода для подаванія помощи фермерамъ. Такимъ образомъ, фермеры должны были сами одинъ на одинъ разрѣшить свой роковой споръ съ рабочими. Теперь еще они чувствовали себя могучими: стоялъ май мѣсяцъ, всѣ поля были засѣяны, и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль они могли обойтись безъ рабочихъ рукъ; а во времени жатвы, они были увѣрены, что все измѣнится и рабочіе придутъ къ нимъ съ повинной головою.

II.

Безспорный вопросъ.

Хартія правъ земледѣльцевъ возбудила всего болѣе негодованія въ сквайрѣ, Биртонѣ. Этотъ благородный, чистосердечный человѣкъ относился съ любовью къ преданнымъ, послушнымъ слугамъ и съ презрѣніемъ отвергивался отъ джентльменовъ-холоповъ; онъ высоко чтилъ англиканскую церковь и питалъ отвращеніе ко всѣмъ темнымъ сектамъ, плодившимся, какъ грибы, подъ ея великими готическими сводами; онъ съ восторгомъ и уваженіемъ смотрѣлъ на существовавшій порядокъ вещей и съ неописаннымъ презрѣніемъ относился къ тѣмъ, которые хотѣли его пошатнуть. Поэтому неудивительно, что у него вспыхнула жолчь при видѣ «роковой вспышки всѣхъ вредныхъ человѣческихъ чувствъ» передъ самыми окнами его стариннаго, родового жилища.

Возвратясь съ кодльтонскаго митинга, онъ былъ такъ взволнованъ, что его семейство невольно обратило на это вниманіе. Семейство мистера Биртона было большое, почтенное; достойная, благородная жена, красивая, златокудрая старшая дочь съ голубыми глазами и налитыми, какъ вишня, губами, живой портретъ отца, двѣ младшія дочери съ каштановыми волосами и карими глазами, напоминавшими мать, здоровые загорѣлые мальчики и малютка Каролина, любимица всего дома — по истинѣ дозволяли сквайру съ гордостью и надеждою смотрѣть на свою судьбу.

Старшей дочери его, Эмили, недавно минуло двадцать одинъ годъ, и неудивительно, что эта прелестная, граціозная, стройная, какъ пальма, молодая дѣвушка побѣдила сердце Генри Юбанна, сквайра, адвоката, сына сэра Генри Юбанна, владѣльца большаго помѣстья въ десяти миляхъ отъ Биртонъ-Голла. Точно также неудивительно, что этотъ молодой англичанинъ съ красивымъ, хотя обыкновеннымъ, широкимъ лицомъ, съ благороднымъ выраженіемъ, мужественнымъ характеромъ и большими природными способностями, снискалъ любовь молодой дѣвушки, которая вела очень уединенную жизнь. Выйдя изъ кембриджскаго университета, молодой Юбаннъ бросилъ всѣ юношескія забавы, несмотря на то, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ гребцовъ между товарищами, и предпочелъ заняться адвокатствомъ, чѣмъ ничего не дѣлать, ожидая смерти отца. Сэръ Ген-

ри и мистеръ Биртонъ были большіе пріатели и вполне сходились въ политическихъ мнѣніяхъ; поэтому сквайръ съ удовольствіемъ ожидалъ скорого вступленія въ родственную связь съ семействомъ баронета. Одно только было ему непріятно: молодой человѣкъ имѣлъ свои собственныя мнѣнія. Онъ съ гордостью носилъ имя своего отца, но презрительно смѣялся надъ его политическими мнѣніями; онъ самъ составилъ себѣ самостоятельныя убѣжденія въ религіи и политикѣ, совершенно отрѣпясь отъ предразсудковъ своей касты. Въ виду этого, сквайръ постоянно упрекалъ дочь, что она выходитъ замужъ за радикала. Эмили Биртонъ совершенно спокойно переносила эти упреки. По правдѣ сказать, она съ пользою употребляла свои способности и свободное время, такъ что была далеко не такой куклою, какъ обыкновенная современная женщина, о развитіи которой такъ хлопочетъ социологія нашихъ дней. Генри Юбанкъ съ восторгомъ смотрѣлъ на ея чистосердечныя, юношескіе порывы и благородныя мысли.

Возвратясь домой съ митинга, сквайръ поспѣшно переодѣлся и явился къ обѣду съ пурпурнымъ отъ негодованія лицомъ. Быть можетъ, Эмили слѣдовало бы оставить его въ покоѣ, пока его гнѣвъ прошелъ бы самъ собою, но, видя волненіе отца, она не могла отказать себѣ въ удовольствіи его помучить и, кромѣ того, ея сердце, переполненное сочувствіемъ къ несчастнымъ поселянамъ, просилось наружу.

— Чтò папа, спросила она:—какъ у васъ прошелъ митингъ?

— О, отлично! Мы приняли единогласно такую систему дѣйствія, которая непременно образумитъ этихъ бѣдныхъ дураковъ.

— Чтò же, вы ихъ посадите въ тюрьму?

— Нѣтъ, а хорошо было бы, еслибъ мы могли это сдѣлать. Еслибъ не подлые радикалы, то законы о сходкахъ еще существовали бы. Никогда не было такого нечестиваго заговора.

— Увѣрены ли вы, что это—заговоръ. Не правильнѣе ли признать, что бѣдные люди вынуждены къ этому недостаточнымъ жалованьемъ? Вы знаете, что Генри, пріѣзжая сюда, постоянно бесѣдуетъ съ поселянами, и онъ мнѣ передавалъ, что дѣйствительно они получаютъ ужасно мало. Онъ старается побудить своего отца принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

— О, о! Онъ бесѣдуетъ съ поселянами, скажите, пожалуйста? Я теперь понимаю, откуда все это явилось. Вотъ кто главный заговорщикъ!

— Но вѣдь онъ не проповѣдывалъ имъ никакихъ идей, а только задавалъ вопросы, потому что, по его словамъ, не хорошо всту-

пать имъ надежды, которыя въ ихъ настоящемъ положеніи не могутъ осуществиться.

— Въ настоящемъ ихъ положеніи! Да откуда онъ знаетъ, чортъ возьми! въ какомъ положеніи находятся поселяне? Углубленный въ математику и законы, онъ совсѣмъ отсталъ отъ нашихъ дѣлъ.

— Это правда. Но, папа, онъ знаетъ очень многое объ этомъ вопросѣ. Онъ изучилъ, вы знаете, политическую экономію, системы пользованія землею, плодоперемѣнную систему и пр.

— Нѣтъ, слава Богу, я этого не знаю. Политическая экономія сочинена только для пользы радикальной партіи. Она почти совершенно разорила Англію. Зачѣмъ политической экономіи вмѣшиваться въ систему, которая существуетъ столько вѣковъ и хорошо до сихъ поръ дѣйствовала. Мы всегда радовались, что въ деревняхъ освобождены отъ проклятыхъ, городскихъ рабочихъ союзовъ, и вотъ, они появились въ нашемъ приходѣ. Впрочемъ—не бѣда: мы справимся съ этими молодцами!

— Но, милый папа, неужели вы въ своемъ сердцѣ не признаёте, что многое можно сказать за нихъ. Я сама не знаю, но Генри говорить...

— Я вовсе не желаю знать, что говорить твой Генри. Это—вопросъ безспорный. Но вотъ что я тебѣ скажу, голубушка: если Генри Юбанкъ пріѣзжаетъ сюда для того только, чтобъ учить тебя радикальнымъ и революціоннымъ идеямъ, то...

— Шш! шш! воскликнула Эмили, зажимая ротъ отца своею маленькою ручкой.

— Я его выгоню въ шею! произнесъ сквайръ, съ трудомъ освобождая свой ротъ отъ неожиданной преграды.

Эмили размѣялась, и сквайръ послѣдовалъ ея примѣру, такъ что неприятный разговоръ болѣе не продолжался. Мы должны здѣсь прибавить, что Эмили утромъ получила письмо отъ Генри Юбанка, который извѣщалъ о своемъ прибытіи на другой день; но теперь она благоразумно не сказала ни слова объ этомъ отцу.

III.

Ректоръ и его помощникъ.

Мистеръ Лестеръ всей душою сочувствовалъ сквайру и сосѣднимъ землевладѣльцамъ, что вполне объяснялось его положеніемъ, идеями и воспитаніемъ. Хотя онъ охотно произнесъ бы въ поль-

*

зу миссіонернаго общества краснорѣчивую проповѣдь на текстъ: «Господь создалъ всѣ народы изъ одной плоти и крови»; но онъ не могъ не допустить теоретически и практически въ этой теоріи исключенія въ пользу англійской аристократіи. Онъ готовъ былъ всегда снизойти до выраженія сочувствія къ бѣднымъ рабочимъ и оказать помощь, но онъ никогда не протянулъ бы имъ руки на почвѣ человѣческаго и христіанскаго равенства.

Достопочтенный пасторъ почелъ своимъ долгомъ произнести къ ганкерлейской паствѣ проповѣдь на текстъ «имѣющіе пищу и одежду да будутъ дорогими». Цѣль ея не была совершенно достигнута, такъ какъ большинство тѣхъ, для которыхъ она предназначалась, не явились въ церковь, но краснорѣчивыя слова пастора чрезвычайно понравились сквайрамъ и фермерамъ. Они съ удовольствіемъ видѣли, что ихъ идеи выражались правильнымъ, красивымъ языкомъ и поддерживались авторитетомъ церкви. Въ этой умильной картинѣ союза церкви и мѣстной аристократіи представлялъ мрачное пятно помощникъ ректора, пасторъ Линкбой. Его поведеніе во время митинга рабочихъ возбудило негодованіе ганкерлейскихъ фермеровъ и послужило предметомъ замѣчанія со стороны сквайра, который прямо сказалъ своему другу, мистеру Лестеру:

— Что будетъ съ этой страной, съ обществомъ, со всѣми нами, если духовенство станетъ поддерживать или даже терпѣть распространеніе революціонныхъ идей?

Внѣ ганкерлейскаго прихода, поступокъ мистера Линкбоа обсуждался двояко. Нѣкоторые изъ клерикальныхъ газетъ самымъ грубымъ образомъ характеризовали его вмѣшательство въ дѣла, не касавшіяся до церкви, а другія газеты, напротивъ, старались его оправдать. Что же касается до органовъ печати, поддерживавшихъ еретическій радикализмъ, то они первые единодушно рукоплескали представителю высокой церкви. Въ такомъ положеніи дѣлъ мистеръ Лестеръ считалъ своею обязанностью сдѣлать внушеніе молодому человѣку по поводу его излишней смѣлости.

— Любезный сэръ, сказалъ онъ:—мы съ вами расходимся по многимъ вопросамъ, но я смотрю на это сквозь пальцы въ виду вашей ревностной и энергичной дѣятельности. Я могу не обращать на это вниманія, пока дѣло идетъ о личномъ убѣжденіи и церкви не приходится въ столкновеніе съ обществомъ; но когда вы идете далѣе, вмѣшиваясь въ чуждую намъ борьбу и кладете на ту или другую чашку вѣсовъ свое вліяніе, какъ служителя алтаря, то вы злоупотребляете своими обязанностями и ставите себя и меня въ самое затруднительное положеніе.

— Мнѣ очень прискорбно слышать, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Линкбой:—что вы считаете обязанности миротворца выходящими изъ круга дѣятельности служителя алтаря. Развѣ прошло то время, когда миротворцы именовались сынами Божиими? Тѣ, которые вамъ жаловались на меня, должны быть страшными фанатиками, ибо я не перешелъ ни на ту, ни на другую сторону, а только предотвратилъ опасное столкновеніе. Я увѣренъ, что вы поступили бы точно также, еслибъ находились на моемъ мѣстѣ.

Мистеръ Лестеръ насунилъ брови; онъ, дѣйствительно, при случаѣ поступилъ бы именно такъ, какъ поступилъ его помощникъ, и потому онъ возсталъ противъ него съ тѣмъ болѣею строгостію.

— Это дѣло вовсе до насъ не касается, началъ онъ торжественно.

— Извините, сэръ, перебилъ его Линкбой:—я совершенно противнаго мнѣнія. Я полагаю, что мы обязаны принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Многочисленныя посѣщенія поселянъ, которые, однако, не всегда принимали меня такъ радушно, какъ я желалъ бы, вполне меня убѣдили, что современное положеніе земледѣльцевъ составляетъ позоръ для нашей страны.

— Да, мы всё это признаемъ, но излишнее сочувствіе—только сантиментальность и вовсе непрактично. Положеніе сельскихъ рабочихъ обуславливается такими обстоятельствами, которыхъ мы не можемъ ни измѣнить, ни улучшить. Мы можемъ только оказать помощь несчастнымъ частной благотворительностію и правильнымъ примѣненіемъ закона для бѣдныхъ. Нашъ вѣтъ не допускаетъ вмѣшательства энтузіастовъ въ разрѣшеніе вопросовъ, чисто экономическихъ. Наша обязанность, какъ служителей алтаря, не заключается въ уничтоженіи общественныхъ золъ политической дѣятельностію; мы должны довольствоваться распространеніемъ христіанскихъ принциповъ.

— Не указывая ихъ практическаго примѣненія? воскликнулъ мистеръ Линкбой съ жаромъ.—Нѣтъ, сэръ, я не такъ понимаю свой долгъ. Моя совѣсть побуждаетъ меня идти далѣе.

— Я нисколько не желаю ограничивать вашей свободы совѣсти, отвѣчалъ мистеръ Лестеръ:—но вашъ человѣколюбивый, хотя ошибочный взглядъ на этотъ вопросъ грозитъ всѣмъ такими опасностями, что я принужденъ говорить съ вами откровенно. Я рѣшительно не могу дозволить вамъ принимать дальнѣйшее участіе въ этой серьезной борьбѣ. Несмотря на все мое уваженіе къ вамъ, я буду вынужденъ принять свои мѣры, и, если вы будете попрежнему открыто выражать ваше сочувствіе

къ одной сторонѣ, то это приведетъ къ очень грустнымъ послѣдствіямъ для насъ обоихъ. Вы своими поступками поставите церковь въ ложное положеніе врага установленнаго порядка и спокойствія.

— Въ ложное положеніе? воскликнулъ мистеръ Линкбой съ необыкновеннымъ оживленіемъ: — но церковь всегда борется съ зломъ, существующимъ въ мірѣ!

— Мой юный другъ, торжественно произнесъ мистеръ Лестеръ:—позвольте мнѣ вамъ посовѣтовать обращаться осторожнѣе съ общими фразами. Онѣ нарушаютъ равновѣсіе въ умахъ многихъ людей и мѣшаютъ имъ быть полезными дѣятелями.

Этой торжественной, общей фразой достопочтенный пасторъ прекратилъ разговоръ, грозившій зайти слишкомъ далеко.

IV.

Ноевъ голубь.

Въ то утро, когда Годжъ бѣжалъ изъ своего дома, Мэри, проснувшись, съ удивленіемъ увидала, что отца ея не было на постелѣ. Взглянувъ въ окно и замѣтивъ, что солнце уже высоко, она немного успокоилась; она просто проспала, и отецъ ушелъ на работу. Она тотчасъ одѣла двухъ или трехъ изъ дѣтей и, предоставивъ прочимъ прикрыть, какъ умѣли, свои бранныя тѣла, она сошла внизъ съ Крошкой Годжемъ на рукахъ. Сдѣланныя отцемъ приготовленія ее нѣсколько смутили, но она тотчасъ догадалась, что онъ вѣрно ушелъ на цѣлый день. Одно только ее грустно поразило—деньги на столѣ, которыя доказывали, что его отсутствіе имѣло какую-то связь съ разговоромъ, происходившимъ наканунѣ; но и тутъ она утѣшала себя мыслью, что онъ отправился куда-нибудь исвать лучшаго заработка или какой-либо другой помощи. Часы шли за часами; Мэри, какъ всегда, работала, убирала, чистила, мыла, штопала; на деньги, оставленныя отцомъ, Томасъ досталъ для Крошки Годжа хорошаго молока, такъ что семейство бѣглеца, лишившись своего главы, не представляло такого грустнаго зрѣлища, какового можно было ожидать. Вечеромъ, зашла навѣстить Мэри мистрисъ Полекенсъ, которая принесла кое-что для малютки и помогла молодой дѣвушкѣ пересмотрѣть несчастные остатки дѣтской одежды. Ея приговоръ въ этомъ отношеніи былъ рѣшительный, безапелляціонный.

— Эти дохмотья не годятся даже для цыганъ и бродягъ, а не то что для приличнаго семейства, сказала она.

— Батюшка говоритъ, что ему не на что насъ долѣе содержать, отвѣчала Мэри.—Мнѣ что-то страшно. Онъ ушелъ сегодня до разсвѣта, безъ завтрака. Какъ вы думаете, мистрисъ Полекенсъ, у него, кажется, голова не въ порядкѣ?

Мистрисъ Полекенсъ подвергла Мэри искусному допросу и, хотя не сказала ни слова, но стала подозрѣвать горькую истину. Это казалось ей тѣмъ вѣроятнѣе, что въ подобныхъ обстоятельствахъ ея мужъ поступилъ бы точно также. Кромѣ того, она не могла не почувствовать укора совѣсти при воспоминаніи о той роковой идеѣ, которую она, быть можетъ, впервые вселила въ голову Годжа. Однако, она осталась сколько могла у Мэри, причесала всѣхъ дѣтей съ такою энергіею, какую они никогда впоследствии не забыли, и, уходя домой, оставила бѣдную семью въ болѣе приличномъ положеніи.

Въ эту ночь Мэри долго сидѣла, поджидая отца и вперивъ тревожные взгляды въ окружающій мракъ. Онъ не явился. Она, наконецъ, взяла на руки Крошку Годжа и пошла на верхъ. Улегшись на постель, она не могла сомкнуть глазъ и прислушивалась къ малѣйшему шороху въ ночной тиши. Но ничто не нарушало гробоваго безмолвія; мало по малу она забылась и заснула, но и во снѣ она по временамъ восклицала тревожно: отецъ! отецъ! Настало утро, и, открывъ глаза, она снова не увидала подлѣ себя спящей, неуклюжей фигуры дорогого человѣка.

Такимъ образомъ прошли день, два, три; Мэри и всѣ сосѣди стали сильно безпокоиться.

— Это все—твоя вина, говорилъ Полекенсъ женѣ:—ты обошлась съ нимъ слишкомъ жестоко. Помнишь, какъ ты посовѣтовала ему повѣситься? Онъ, можетъ быть, это и сдѣлалъ. Его смерть будетъ на твоей душѣ.

Молчаніе со стороны мистрисъ Полекенсъ служило лучшимъ доказательствомъ, что ей доступны были укоры совѣсти.

На третій день извѣстіе объ исчезновеніи Джона Годжа распространилось повсюду. Мистеръ Джоли навелъ всѣ справки и послалъ за смотрителемъ бѣдныхъ. Между тѣмъ, Мэри находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи. У нея оставались только нѣсколько пенсовъ, а вопросъ объ одеждѣ съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе упрощался. На четвертый день явился смотритель и подвергнулъ ее допросу; ясно было, что одиннадцать дѣтей безъ пищи и одежды должны были поступить на попеченіе союза для бѣдныхъ: Однако, комитетъ Земледѣльческаго Союза, не смотря на скудость своихъ средствъ, рѣшился взять

на свое содержаніе Мэри и Крошку Годжа, которые были отданы мистрисъ Полеженсъ. Остальные были немедленно отправлены въ союзъ для бѣдныхъ. Между тѣмъ, было выставлено во всѣхъ окрестностяхъ громадное объявленіе о наградѣ за поимку Джона Годжа. Это объявленіе было написано такимъ торжественнымъ слогомъ и такими большими буквами, словно дѣло шло о розысканіи убійцы. Мистеръ Ми взялъ у судьи, который былъ не кто иной, какъ пасторъ Лестеръ, исполнительный листъ для ареста Годжа, «какъ бродяги и мошенника», и мѣстный полицменъ былъ отправленъ въ сосѣднія графства для розысканія бѣглеца.

Что касается самого Годжа, то онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, подъ влияніемъ самыхъ смутныхъ идей. Ближайшей цѣлью его было достигнуть какого нибудь приморскаго города, откуда онъ хотѣлъ отправиться въ Канаду. Въ Ганкерлеѣ сохранялось преданіе объ одномъ мѣстномъ жителѣ, который, переселившись въ Канаду, нажилъ большое состояніе, и оно засѣло глубоко въ умы невѣжественнаго народа, что ясно доказываетъ, какое громадное влияніе на сельское населеніе могутъ имѣть подобныя обстоятельства, еслибъ администрація умѣла понимать свой долгъ и желала общественной пользы. Вотъ подъ влияніемъ какой смутной идеи дѣйствовалъ Годжъ, и это неудивительно, если мы вспомнимъ его недостаточное образованіе и недостаточную опытность. Втеченіи трехъ дней, онъ все шелъ впередъ, разспрашивая дорогу въ Лондонъ, который онъ считалъ ближайшимъ приморскимъ городомъ. Тамъ и самыя добрыя люди оказывали помощь бѣдному скитальцу. Но съ каждымъ часомъ будущее становилось для него страшнѣе, и передъ нимъ грозно возставалъ вопросъ: чѣмъ онъ будетъ существовать до отъѣзда въ Канаду? Наконецъ, онъ достигъ одного изъ провинціальныхъ городовъ и, проходя по улицѣ, изнуренный, голодный, онъ остановился передъ ратушей, на которой красовалось объявленіе объ его поимкѣ. Онъ былъ неграмотный и потому самъ не могъ его прочитать, но вниманіе его было обращено на этотъ документъ знакомымъ ему голосомъ, и въ ту же минуту ганкерлейскій полицменъ Филиппъ Ноксъ ударилъ его по плечу и объявилъ, что арестуетъ его именемъ закона. Годжъ былъ такъ убитъ, что не сказалъ ни слова и пошелъ за полицейскимъ, какъ ребенокъ. Филиппъ не проиънесъ ни малѣйшаго упрека, а, напротивъ, выразилъ сожалѣніе, что обязанъ его отвезти обратно въ Ганкерлей. Такимъ образомъ, они безмолвно достигли арестантскаго дома въ Ганкерлей, куда Годжъ и былъ заключенъ до преданія его суду.

V.

ДЕКРЕТЪ НА АНГЛІЙСКОЙ ПОЧВѢ.

Женихъ Эмили, прибывъ въ Биртонъ-Голлъ, встрѣтилъ тамъ самый радушный приемъ отъ всѣхъ старихъ и молодыхъ, кромѣ самого сквайра, который въ подобныхъ обстоятельствахъ не желалъ имѣть подлѣ себя юнаго радикала. Мистеръ Биртонъ находился въ нервномъ, взволнованномъ положеніи и не чувствовалъ себя въ состояніи спокойно переносить присутствіе чужака, не раздѣлявшаго его мыслей и убѣждений.

Только что передъ прїѣздомъ молодого Юбанка онъ приказалъ своему управляющему обнаруживать прокламацію ко всѣмъ арендаторамъ и работникамъ, жившимъ на его землѣ. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ онъ, какъ феодальный владѣлецъ, заявлялъ, что «онъ чувствовалъ всю тяжелую отвѣтственность, которая лежала на немъ, касательно поддержанія добрыхъ отношеній между всѣми обитавшими на его землѣ, и потому съ грустью замѣчалъ что хорошее расположеніе и доброжелательство, долженствовавшія существовать между рабочими и фермерами, могутъ быть нарушены вмѣшательствомъ агитаторовъ, встающихъ противъ престола, церкви и конституціи». «При такихъ обстоятельствахъ (sic!), говорилось далѣе въ этомъ декретѣ землевладѣльца:—я чувствую себя вынужденнымъ принять мѣры, которыя обезпечать, съ одной стороны, фермеровъ отъ опасныхъ послѣдствій незаконныхъ ассоціацій, а съ другой—рабочихъ отъ происковъ агитаторовъ. Для достиженія этой двойной цѣли я приказалъ заявить всѣмъ рабочимъ, нанимающимъ у меня жилища или землю, что каждый изъ нихъ, поступившій въ члены земледѣльческаго союза, будетъ мною немедленно удаленъ изъ занимаемаго имъ жилища или съ обрабатываемой имъ земли; теперь же я приглашаю всѣхъ моихъ арендаторовъ содѣйствовать мнѣ въ строгомъ примѣненіи этого правила. Только подобными мѣрами можно сохранить фермерамъ необходимыя для нихъ руки, предотвратить уничтоженіе всегда существовавшихъ добрыхъ отношеній между рабочими и фермерами и пресѣчь распространеніе вредныхъ принциповъ, подрывающихъ общественный порядокъ и здравые экономическіе законы».

Молодой Юбанкъ прочелъ этотъ документъ съ удивленіемъ и сожалѣніемъ. Онъ умолялъ своего нарѣченнаго тестя отиѣнить его распоряженіе, но получилъ въ отвѣтъ только строгій выго-

воръ. Такъ какъ отецъ его вполне одобрялъ всѣ дѣйствія мистера Биртона, то излишне было обращаться къ нему, и потому Генри довольствовался частыми посѣщеніями рабочихъ, которыхъ онъ уговаривалъ быть умѣренными въ своихъ требованіяхъ, избѣгать крайностей рабочихъ союзовъ и твердо держаться ихъ программы. Около этого времени комитетъ уже собралъ значительную сумму денегъ и имѣлъ возможность содержать всѣхъ земледѣльцевъ, лишившихся работы. Кромѣ того, сквайръ и его сторонники съ негодованіемъ увидѣли, что фермеры, какъ ни были они сердиты на своихъ работниковъ, не желали раззориться ради принципа и потому мало по малу, въ виду созрѣвшей жатвы, нанимали рабочихъ, принадлежавшихъ къ союзу, по повышенной цѣнѣ. Всегда такъ бываетъ: вы можете рассчитывать на содѣйствіе людей, затронувъ ихъ самолюбіе, до той минуты, пока подобное содѣйствіе имъ выгодно, но лишь только личный интересъ потянетъ ихъ въ другую сторону, они немедленно бросятъ васъ и ваши принципы.

VI.

Правосудіе законовъ и судей.

Годжъ предсталъ передъ судомъ въ малую сессію. Судьями были пасторъ Лестеръ и сквайръ Биртонъ. Въ провинціальной жизни многое очень спутано и смѣшано. Такъ одинъ судья-пивоваръ спрашиваетъ позволеніе открыть пивную лавку у своего товарища, другого судьи, который, быть можетъ, соединенъ съ нимъ узами родства или, во всякомъ случаѣ, постоянно съ нимъ охотится; или арендаторъ судится съ своимъ работникомъ у ихъ общаго землевладѣльца. Въ настоящемъ случаѣ два попечителя о бѣдныхъ ex-officio судили дѣло, въ которомъ былъ заинтересованъ совѣтъ попечителей. И это дѣлалось согласно строгому смыслу парламентскаго акта. Годжъ не замѣчалъ этой аномаліи: онъ въ продолженіи всей своей жизни видѣлъ, что эти господа судили и радили по всѣмъ дѣламъ, касавшимся поселенъ, и, еслибъ они приговорили его къ висѣлицѣ, то и тогда онъ едва ли бы сталъ сомнѣваться въ ихъ компетентности.

Мрачный, съ поникшей головой, съ красными влажными глазами, съ всклокоченными волосами, съ чертами лица, искаженными страданіями, стоялъ въ залѣ суда этотъ безпомощный, безнадѣжный бѣднякъ. Сквайръ придалъ своему почтенному, сіявшему здоровьемъ лицу неподвижную маску безчувственнаго сфинкса.

са. Зубы мистера Лестера не сіяли, какъ всегда, между улыбающимися губами, а были скрыты стиснутымъ ртомъ. Оба они полагаали, что Джонъ Годжъ былъ виновенъ въ одномъ изъ самыхъ неблагородныхъ проступковъ, въ которыхъ могъ бы быть обвиняемъ англичанинъ, и смотрѣли на него съ той безжалостной строгостью, съ которою они взглянули бы, напримѣръ, на чело-вѣка, обвиняемаго въ незаконной охотѣ на чужой землѣ, а это легко сказать!

Однако, они говорили тихо, спокойно, торжественно.

Обведя глазами залу суда, Годжъ остановился на мистрисъ Полекенсъ и Мэри съ крошкой Беномъ на рукахъ. Онъ не хотѣлъ встрѣтить ихъ взглядовъ и еще ниже понизъ головою. При этомъ бѣгломъ обзорѣ присутствующихъ онъ не замѣтилъ молодого чело-вѣка, сидѣвшаго близъ скамьи подсудимыхъ, въ мѣстахъ, отведенныхъ для лицъ судебного вѣдомства; это былъ Генри Юбанъ, который такъ волновался и переминался съ ноги на ногу, что обратилъ на себя вниманіе сквайра.

Первыми были допрошены мистеръ Ми и смотритель бѣдныхъ. Они были вызваны для доказательства того факта, что дѣти Годжа были оставлены безъ всякаго присмотра, безъ одежды и пищи. Послѣ несовѣмъ связныхъ показаній этихъ свидѣтелей сквайръ спросилъ смотрителя:

— Обвиняемый пилъ?

— Я всегда слышалъ, сэръ, что онъ—трезвый чело-вѣкъ, и ничего не могу сказать противъ него въ этомъ отношеніи.

— Такъ что же онъ дѣлалъ съ своими деньгами?

О, небесное правосудіе, отвѣтъ этому англійскому судѣ, что дѣлалъ несчастный бѣднякъ съ своими деньгами!

— Никто этого не знаетъ, отвѣчала чиновникъ:—но, судя по внѣшнему виду его жилища, онъ, вѣрно, не дома проживалъ всѣ свои деньги.

Въ эту минуту раздался звонкій дѣтскій голосъ, поразившій всѣхъ присутствовавшихъ:

— Это—ложь: отецъ отдавалъ мнѣ каждый грошъ, который онъ зарабатывалъ. Но онъ получалъ только девять шиллинговъ въ недѣлю.

— Да, и на эти деньги надо содержать одиннадцать дѣтей! воскликнула съ жаромъ мистрисъ Полекенсъ:—зачѣмъ же вы не сете такую чушь господамъ судьямъ?!

— Не прерывать типины въ судѣ! произнесъ секретарь.

Мистеръ Лестеръ сдѣлалъ внушеніе нарушителямъ спокойствія и потомъ прибавилъ:

— Это—дочь обвиняемаго?

— Да, сэръ.

— Подойдите сюда.

Мэри, держа на рукахъ Крошку Годжа, который съ улыбкой смотрѣлъ на судей, вышла впередъ и, подвергнутая допросу, рассказала исторію несчастной жизни Годжа за послѣдніе три мѣсяца. Годжъ слушалъ ея рассказъ, закрывъ лицо руками; черты судей потеряли свою строгую неподвижность, и сквайръ пересталъ походить на безчувственнаго сфинкса.

— Отецъ не сдѣлалъ ничего дурного, сэръ. Онъ не въ состояніи обидѣть даже мухи. Онъ ушелъ изъ дома для пріисканія лучшей работы, сэръ. Не наказывайте его. Это все по милости крошки Бана: до смерти матери все шло кое-какъ. Отпустите его, сэръ, на этотъ разъ.

Тутъ Мэри и Крошка Годжъ подняли такой ревъ, что ихъ на время удалили изъ суда. Еслибъ дѣло кончилось на показаніи Мэри, то Годжъ отдѣлался бы очень легко. Умѣйте привести здравомыслящихъ людей въ хорошее расположеніе духа, и они всегда найдутъ способъ обойти чудовищныя ошибки англійскихъ законовъ. Но секретарь предложилъ обвиняемому обычный вопросъ: чтó онъ имѣетъ сказать въ свою защиту? И Джонъ Годжъ, внѣ себя отъ отчаянія, терзаемый укорами совѣсти и сознаниемъ причиненнаго ему зла, воскликнулъ:

— Чтó я скажу въ свою защиту? — ничего; я не намѣренъ защищаться. Вы, господа, знали меня всю мою жизнь, и нѣтъ человѣка, который бы до настоящей минуты сказалъ про меня дурное слово. Я всегда жилъ честно и хотѣлъ умереть честно, но вы мнѣ не позволили. Я пошелъ къ фермеру Джоли — онъ здѣсь и можетъ подтвердить мои слова — и спросилъ у него прибавки жалованья, чего вполнѣ заслуживалъ, но онъ мнѣ отказалъ; я пошелъ тогда къ вамъ, сэръ, и вы не хотѣли ничего сдѣлать для нашего брата. Стоило ли послѣ этого поддерживать себя и дѣтей въ положеніи голодной смерти? Я бы еще кое-какъ продержался, еслибъ мистеръ Джоли увеличилъ жалованье или попечители бѣдныхъ взяли бы моего маленькаго Вениамина до тѣхъ поръ, пока я не нашелъ бы себѣ другую жену для ухода за дѣтьми; но я умиралъ съ голоду, господа, и еслибы вы умирали съ голоду, то поступили бы такъ же, какъ я. Не стоило и пытаться одному мнѣ ухаживать за дѣтьми и работать цѣлый день при такой скудной пищѣ. Нѣтъ, человѣкъ не можетъ оставаться честнымъ при такомъ жалованьи, какое мы получаемъ. Мнѣ оставалось только бѣжать и дожидаться того времени, когда союзъ побудитъ фермеровъ возвысить заработную плату.

— Чтò? Вы принадлежите къ земледѣльческому союзу? спросилъ сквайръ.

— Дѣ, отвѣчалъ угрюмо Годжъ.

— Извините, сэръ, онъ—одинъ изъ основателей союза, произнесъ фермеръ Джоли, являясь, такимъ образомъ, безприсяжнымъ и самовольнымъ свидѣтелемъ.

Молодой Юбанкъ еще болѣе, чѣмъ прежде, заметался на своемъ мѣстѣ.

— Я этого не зналъ, сказалъ судья:—онъ—опасный человѣкъ, очень опасный. Бросилъ своихъ дѣтей и состоитъ членомъ союза. Ну, господинъ секретарь, прибавилъ мистеръ Биртонъ въ полголоса:—я полагаю, дѣло кончено. Онъ самъ призналъ себя виновнымъ. Теперь остается только произнести приговоръ.

Секретарь кивнулъ головою и, подыскавъ подлежащій законъ, подалъ его судьямъ. Вслѣдъ за этимъ, произошло совѣщаніе, въ которомъ принималъ участіе и секретарь. Волненіе Генри Юбанка все увеличивалось, и онъ вскочилъ, какъ бы желая чтò-то сказать, но потомъ снова сѣлъ. Между тѣмъ, сквайръ Биртонъ откашлялся и торжественно произнесъ:

— Джонъ Годжъ! Вы обвиняетесь въ проступкѣ, по счастью, рѣдкомъ въ нашихъ краяхъ. Въ теченіи двадцатипятилѣтней практики судьи и попечителя бѣдныхъ я никогда не встрѣчалъ такого возмутительнаго дѣла. Я не буду ссылаться на тотъ фактъ, признанный вами, что вы принадлежите къ кружку безнравственныхъ людей, которые стараются ввести въ нашей странѣ вредную и тираническую систему рабочихъ союзовъ. Я упоминаю объ этомъ только, какъ о доказательствѣ того духа, который васъ одушевляетъ, такъ какъ судъ обязанъ принять это въ соображеніе. Вы обвиняетесь попечителями коддтонскаго союза въ томъ, что вы бросили вашихъ дѣтей. Вы—отецъ одиннадцати малютокъ, которыхъ Богъ вамъ даровалъ для того, чтобъ вы пеклись объ нихъ и воспитывали ихъ. Вы подлымъ образомъ бросили ихъ на вѣрную погибель!

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула съ пламеннымъ негодованіемъ маленькая Мэри въ дверяхъ. — Онъ никогда не хотѣлъ намъ сдѣлать вреда!

— Выведите ее изъ суда, произнесъ сквайръ, и, послѣ исполненія этого приказанія, среди неодобрительныхъ комментариевъ въ полголоса со стороны мистрисъ Нолекенсъ и безмолвнаго отчаянія Годжа, судья продолжалъ:

— Законъ предвидѣлъ подобный случай. Вы обвиняетесь сегодня совершенно справедливо, какъ бродяга и мошенникъ...

Годжъ вскочилъ съ мѣста, и въ глазахъ его блеснулъ огонь.

— Да, какъ бродяга и мошенникъ, и вы будете подвергнуты подобающему наказанію. По акту о бродяжничествѣ, изданному при Георгѣ IV, глава 83, «всякій, обращающійся въ бѣгство и оставляющій жену и своихъ или ея дѣтей на попеченіе прихода или городского общества, признается мошенникомъ и бродягой». Это постановленіе, чрезвычайно здравое и полезное, почти такъ же древне, какъ законъ о бѣдныхъ, такъ какъ въ гораздо древнѣйшемъ актѣ сказано, «что всякій, обращающійся въ бѣгство, долженъ быть признанъ неисправимымъ мошенникомъ и подвергнутъ наказанію, положенному для неисправимыхъ мошенниковъ». Ваша вина усиливается еще вашей защитой.

Въ эту минуту, въ залу суда вошелъ человекъ, появленіе котораго произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Это былъ Самми Стедманъ, и Генри Юбанкъ вступилъ съ нимъ въ жаркій разговоръ.

— Вы защищали себя, продолжалъ судья:—такими несправедливыми и нестерпимыми аргументами, что судъ считаетъ своею обязанностью наказать васъ примѣрно. Въ виду всего этого, судъ постановляетъ подвергнуть васъ заключенію въ исправительномъ домѣ на шесть недѣль.

— Боже мой! воскликнула мистрисъ Полекенсъ. — Вы за это дорого заплатите! А еще рядомъ сидитъ пасторъ и участвуетъ въ подобномъ нечестіи! Какъ Богъ святъ...

Тутъ ея краснорѣчіе было прервано, и полисменъ вывелъ ее изъ залы суда.

Только что водворилась въ залѣ тишина, какъ она снова была прервана.

— Стойте, господа! рѣзко произнесъ Самми Стедманъ, вставая. — Все производство этого дѣла незаконно. Этотъ судъ не компетентенъ.

— Сядьте, сэръ! Какое право вы имѣете обращаться къ суду?

— Право каждаго честнаго англичанина, который видитъ, что совершается несправедливость, воскликнулъ Генри Юбанкъ, который не могъ болѣе сдерживать себя:—онъ правъ, сэръ. Этотъ судъ не компетентенъ, согласно принципамъ Великой Хартіи, ибо судьи принадлежатъ къ числу обвинителей.

— Генри, вы съума, сошли! воскликнулъ сквайръ, страшно поблѣднѣвъ. — Садитесь, сэръ. — Я... Я... Чтѣ? прибавилъ онъ, обращаясь къ секретарю, который шепталъ ему чтѣ-то на ухо.

— Приговоръ произнесенъ, сказалъ громко секретарь:—компетентность суда, мистеръ Юбанкъ, неизмѣнна и опредѣлена статутомъ. Уведите арестанта.

Молодой адвокатъ сдѣлалъ громадную ошибку. Его убѣжде-

нiя были лучше его знанiй, и не удивительно. Онъ могъ по истинѣ думать, что англiйскiй законъ не можетъ допустить таковой чудовищной аномалiи; но на дѣлѣ это такъ. Видѣ Лондона не можетъ быть ни одного дѣла, касающагося попечителей бѣдныхъ, въ которомъ судьи, сами попечители ex officio, не были бы стороною, и, если кто-нибудь полагаетъ, что одинъ и тотъ же человекъ, какъ обвинитель и судья, можетъ дѣйствовать безпристрастно, то вышеприведенный случай, конечно, убѣдитъ его, что человекъ, рѣшившiй, однажды, дѣло административнымъ порядкомъ, какъ попечитель, не можетъ судить его вторично, какъ судья, тѣмъ болѣе, когда вопросъ идетъ о свободѣ англiйскаго гражданина.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Зенитъ вражды.

I.

Возвращенiе домой.

Быстро вертѣлось колесо рабочей мельницы въ Ганкерлейскомъ исправительномъ домѣ, и въ опредѣленные часы арестантъ Джонъ Годжъ, какъ новый Сизифъ, ходилъ съ монотоннымъ однообразiемъ по его вѣчно опускавшимся и поднимавшимся ступенямъ. Быстро вертѣлось великое колесо времени, и по его неумолимымъ ступенямъ шагала вверхъ и внизъ беспомощная нищета, пока, наконецъ, въ головѣ путались мысли, а въ сердцѣ исчезалъ послѣднiй лучъ надежды, застилаемый мракомъ отчаянiя. Быстро вертѣлось колесо труда, и беспомощно ступали по немъ сильные и слабые, хорошия и дурныя, вѣчно двигаясь, но не дѣлая ни шага впередъ, стараясь по временамъ остановить роковое движенiе или бросить свою сводящую съ ума работу, но удерживаемые на вѣчно вращающихся ступеняхъ притягательной силой необходимости и принуждаемые неустанно идти, никуда не достигая. Быстро вращался годъ, приближаясь къ своему концу со всѣми ознаменовавшими его умственными и физическими страданiями людей, въ томъ числѣ неутѣшнымъ горемъ Эмилии Биртонъ, разлученной съ ея возлюбленнымъ, кото-

рому не дозволяли съ ней видѣться и переступить порогъ дома, гдѣ онъ былъ такъ счастливъ. Въ тотъ день, когда Генри Юбанъ подался въ судѣ благородному, но неосторожному побужденію совѣсти, онъ получилъ записку, наскоро набросанную сквайромъ. Мистеръ Биртонъ увѣдомлялъ его, что онъ навсегда лишился его довѣрія, и воспрещалъ ему видѣться съ дочерью. «Съ глубокимъ сожалѣніемъ, прибавлялъ онъ:—сообщаю я это сыну моего старѣйшаго и лучшаго друга, но побуждаетъ меня къ тому глубокое сознаніе долга. Ваши сочувствія также безсмысленны, какъ ваши сужденія. Ваши юридическія свѣдѣнія такъ же дурны, какъ ваше поведеніе, и вы публично заявили себя дуракомъ». Молодые люди замѣчательныхъ способностей и благороднаго образа мыслей должны быть въ наше время очень осторожны. Опасно высказывать свои идеи. Преждевременное разоблаченіе мыслей и чувствъ, какъ бы онѣ ни были справедливы, можетъ погубить человѣка, хотя, быть можетъ, онъ самъ доживетъ до того времени, когда другіе возвысятся, проповѣдуя тѣ самыя идеи, которыя помѣшали его успѣху. Юбанъ былъ слишкомъ честный человѣкъ, чтобъ во зло употребить любовь Эмили, и потому онъ переносилъ тяжелую разлуку, какъ мужественный человѣкъ, энергично предавшись своей адвокатской дѣятельности.

Мы не станемъ рассказывать грустнаго существованія Джона Годжа въ исправительномъ домѣ, а скажемъ только, что на него дѣйствовалъ болѣе всего стыдъ заключенія. Между тѣмъ, Крошка Годжъ и Мэри процвѣтали, благодаря попеченіямъ мистрисъ Нолекенсъ. По остроумному распоряженію начальства, выходъ Годжа изъ исправительнаго дома совпалъ съ возвращеніемъ изъ пріюта остальныхъ его девяти дѣтей. Придя къ своей хижинѣ съ понижшею головой, онъ увидалъ этихъ бѣдныхъ, безпомощныхъ дѣтей и приведшаго ихъ попечителя бѣдныхъ. Перо мое отказывается описать эту встрѣчу. Попечитель былъ однако человѣкъ добрый и, вмѣстѣ съ ключемъ хижины, принесъ немного пищи. Но все же онъ строго сказалъ:

— Ваша прямая и законная обязанность—заботиться объ этихъ малюткахъ. За вами будутъ зорко слѣдить, и не думайте бѣжать вторично.

Годжъ ничего не отвѣчалъ. Онъ какъ-то безсознательно посмотрѣлъ на дѣтей, которыя подняли такой громкій и жалобный плачь, что попечитель бѣдныхъ быстро удалился.

Приговоръ суда въ дѣлѣ Годжа до того сообразовался съ общимъ духомъ англійскихъ законовъ, что нельзя было придумать болѣе бесполезнаго и дорогого результата. Приведеніе въ испол-

неніе этого приговора стоило странѣ 200 фунтовъ стерлинговъ, на которые все семейство Годжа могло бы существовать, сравнительно съ роскошью, впродолженіи четырехъ лѣтъ.

II.

РАЗРѢШЕНІЕ ВОПРОСА.

Глаза всей страны были сосредоточены теперь на борьбѣ, происходившей въ Кодльтонскомъ округѣ. Старая система, существовавшая искони, переживала тяжелое испытаніе и была сильно поколеблена. Теорія: «будь доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое тебя судьба поставила», руководившая англійскими пасторами и сквайрами изъ поколѣнія въ поколѣніе, оказалась непримѣнимой къ Годжу, Крошеѣ Годжу и всѣмъ будущимъ Годжамъ. Патріархальныя отношенія между землевладѣльцами и поселянами, «столь не похожія на отношенія между другими хозяевами и рабочими и потому не подлежація чуждому вмѣшательству», подвергались опасности и не обнаруживали тѣхъ твердыхъ условій непреодолимаго вѣчнаго учрежденія, какъ воображали люди, полные буколической вѣры. Коммерческіе принципы прокладывали себѣ дорогу въ сельскую, романтическую область. Поселяне заявляли свое право образовывать союзы и дѣйствовать за одно. Политическая экономія проникла изъ нечестивыхъ городовъ въ невинныя селенія. Между тѣмъ, земледѣльческій союзъ успѣшно развивался. Подписка въ пользу его фонда достигла значительныхъ размѣровъ и дала ему твердую, финансовую основу, благодаря чему, онъ могъ выказать необыкновенную силу съ самаго начала своего существованія. Когда фермеры отказывали рабочимъ въ трудѣ, то союзъ давалъ имъ средства переселяться въ Сѣверную Англію или эмигрировать въ Канаду или Новую Зеландію. Еслибъ вожаки этого движенія не отличались здравымъ смысломъ и честностью, то фондъ союза могъ бы сдѣлаться источникомъ опасности, но съ пожертвованными суммами обращались точно такъ же, какъ съ деньгами, поступавшими отъ рабочихъ и излишекъ пускался въ оборотъ. Самми Стедманъ всѣми силами старался убѣдить членовъ союза аккуратно вносить въ теченіи лѣта слѣдующую съ нихъ долю, въ виду тяжелаго зимняго времени, когда—онъ предчувствовалъ—фермеры отомстятъ рабочимъ въ томъ или другомъ видѣ. Такимъ образомъ, причащались къ экономіи многіе, никогда прежде объ этомъ не думав-

шіе. Какъ важенъ былъ этотъ урокъ, доказали послѣдующія событія.

Съ наступленіемъ жатвы забастовка прекратилась. Какъ мы уже видѣли, рабочіе не являлись изъ другихъ частей Англїи. Попытка вывезти ирландцевъ не удалась. Китай и Индія отстояли слишкомъ далеко, чтобы снабдить капиталистовъ жнецами. Правительство не хотѣло вмѣшиваться въ распрю и отказало въ дозволеніи солдатамъ наниматься въ рабочіе. Фермеры были вынуждены пойти на сдѣлку. Заработная плата возвысилась, и землевладѣльцы возвратились на поля. Отношенія между недавними противниками остались холодными; слышались даже угрозы возмездія, но ни одному поселянину не было отказано въ работѣ. Фермеры во время жатвы охотно сознавались, что никогда работа не шла такъ хорошо. Увеличеніе платы произвело удивительную перемѣну въ лѣнтяяхъ прежнихъ лѣтъ. Самми Стедманъ искусно пользовался печальной исторіей Годжа, который вообще выставлялся, какъ первый мученикъ земледѣльческихъ союзовъ, а Крошка Годжъ сталъ эмблемой безпомощнаго и несчастнаго положенія поселянъ. Мистеръ Лестеръ и сивайръ Биртонъ жестоко осуждались либеральными газетами; торійскіе же органы выхваляли ихъ за твердость, вызванную въ такое время, когда было въ модѣ потакать демократіи.

Около этого времени союзъ составилъ правила о прекращеніи работъ, и, еслибы землевладѣльцы прочли ихъ, то уничтожились бы всѣ ихъ опасенія. Всякое насиліе было воспрещено. Никакой рабочій не могъ отстать отъ работы, не предупредивъ хозяина за мѣсяць впередъ, а, чтобъ не употребляли во зло время жатвъ, было постановлено, что, въ случаѣ непредупрежденія хозяевъ или незаключенія особаго условія, заработная плата, существующая въ началѣ жатвы, сохраняется до ея окончанія. Число рабочихъ часовъ въ день было опредѣлено, и всякая излишняя работа должна оплачиваться особо. Не было постановлено никакихъ правилъ о раздѣленіи труда; а самымъ произвольнымъ правиломъ было воспрещеніе жещинамъ производить полевую работу. Это постановленіе, конечно, было очень здравое, но противорѣчащее личной свободѣ. Вообще, земледѣльческой союзъ, при кладнокровномъ обсужденіи, оказывался простымъ и справедливымъ учрежденіемъ, основаннымъ для уравниванія взаимныхъ отношеній между работниками и хозяевами. Но, крупные землевладѣльцы, фермеры и пасторы не хотѣли замѣчать всѣхъ этихъ хорошихъ сторонъ земледѣльческаго союза и придали ему вымышленный ими самими видъ политическаго заговора. Они боролись съ мнѣемъ собственнаго изобрѣтенія и увѣряли, что цер-

ковъ была въ опасности и поземельный вопросъ лежалъ въ основаніи этого движенія. Подобныя, ни на чемъ не основанныя опасенія, подали однако мысль настоящимъ агитаторамъ вмѣшаться въ дѣло, и не было въ Англии политическаго общества, представители котораго не отправились бы въ Кодльтонъ, чтобы привить свои принципы къ только-что возникшей ассоціаціи. Конечно, дѣло земледѣльцевъ отъ этого ничего не выиграло, а благородное, искреннее и честное отношеніе землевладѣльцевъ къ союзу могло бы вполнѣ удержать обѣ стороны отъ совершенно ненужнаго, искусственнаго распространенія борьбы. Къ партіи хозяевъ также применили своего рода агитаторы, но, такъ какъ это были пэры, епископы, баронеты и члены парламента, то ихъ разглагольствованія въ пользу закона и порядка печатались въ газетахъ съ хвалебными отзывами. Остроумнѣйшій карандашъ Англии, такъ часто оказывавшій услуги великому дѣлу прогресса, въ этомъ случаѣ измѣнилъ своему призванію и, угождая богатымъ, сталъ изображать въ грубыхъ карриатурахъ защитниковъ слабыхъ противъ злоупотребленій сильныхъ. Вообще, всѣ сторонники привилегій всякаго рода ополчились противъ кодльтонскаго земледѣльческаго союза и его друзей.

Мистеръ Биртонъ искренно вѣрилъ, что земледѣльцевъ обманывали революціонные агитаторы, и всѣми силами старался распространить между ними правильныя понятія объ эконолическихъ принципахъ и справедливыхъ отношеніяхъ между классами. Онъ пригласилъ къ себѣ извѣстнаго епископа, и тотъ произнесъ къ ганкверлейскимъ поселянамъ краснорѣчивую рѣчь, въ которой доказывалъ, что существовавшія отношенія между трудомъ и капиталомъ были установлены самимъ Провидѣніемъ и что сохраненіе дружеской связи съ хозяевами было дороже для рабочихъ всякаго эгонистическаго возвышенія заработной платы. Его разсужденія объ опасности агитаціи были такъ грубы и рѣзки, что никто не повѣрилъ бы мнѣ, еслибы я ихъ привелъ дословно. Правда, впоследствии онъ раскаялся въ этихъ словахъ, и только по своей непогрѣшимости въ томъ не сознался.

Одинъ изъ англійскихъ пэровъ, извѣстный замѣчательными способностями, счелъ своимъ долгомъ произнести рѣчь къ фермерамъ по этому вопросу. Прежде всего, онъ замѣтилъ, что, такъ какъ земледѣльцы составили союзъ, то невозможно оставить этотъ фактъ безъ вниманія, и потому совѣтовалъ фермерамъ принять это въ соображеніе. Потомъ онъ указалъ на то, что собственно въ ассоціаціи не было ничего незаконнаго, даже если ее учреждали агитаторы, но ихъ самихъ онъ полагалъ полезнымъ и необходимымъ совершенно уничтожить. Далѣе онъ выставилъ но-

*

вый принципъ, что рабочіе имѣли право и должны были получать плату за трудъ, но если, съ одной стороны, они запрашивали слишкомъ дорого, то не получали работы, а если, съ другой, хозяева предлагали слишкомъ малую плату, то не могли имѣть рабочихъ. «Такимъ образомъ, говорилъ онъ: — вы ясно видите, что эти вопросы регулируются твердыми, неизмѣнными принципами, которые и слѣдуетъ примѣнять на практикѣ. Другого выхода нѣтъ... и т. д., и т. д.» Фермеры были изумлены такимъ простымъ разрѣшеніемъ сложнаго вопроса, но громко рукоплескали пѣру, который пользовался большою репутациею здравомыслящаго человѣка.

Но всѣхъ замѣчательнѣе въ числѣ добровольныхъ совѣтниковъ рабочаго класса, былъ сэръ Вальтеръ Вагинтонъ, баронетъ и членъ парламента, политическія мнѣнія котораго были до того смутны, что онъ самъ не вполне ясно ихъ сознавалъ. Никогда не было среди государственныхъ людей такого добраго человѣка; онъ былъ прежде торійскимъ министромъ, а теперь социальнымъ реформаторомъ. Никто такъ не жаждалъ, какъ онъ, примирить непримиримое и одержать консервативную побѣду на социалистическихъ принципахъ. Онъ открылъ великую истину, что нашъ вѣкъ былъ прогрессивный, и потому желалъ, чтобы человѣчество шло впередъ, а торизмъ торжествовалъ бы по всей линіи. Онъ видѣлъ, что рабочіе начинали имѣть надежды на лучшее существованіе, и старался ихъ поддержать. По его мнѣнію, каждый работникъ долженъ былъ имѣть удобную хижину, участокъ земли и корову. Онъ оспаривалъ права рабочихъ добиться подобнаго положенія путемъ насилія, настоятельнаго требованія, измѣненія законовъ или покупки, но желалъ даровать имъ все это, даровать парламентскимъ актомъ, не измѣняя существующаго порядка вещей. Какъ было это сдѣлать, онъ не говорилъ. Его добродушіе и умѣренный либерализмъ возбуждали восторгъ довѣрчивыхъ рабочихъ, а если находились злые языки, смѣявшіеся надъ его краснорѣчивыми, туманными фразами, то это не удивительно. Свѣтъ не былъ достоинъ такого человѣка. Его уже давно слѣдовало бы сдѣлать первымъ министромъ, но объ этомъ никто и не думалъ. Между тѣмъ, вдали отъ власти, онъ оставался все тѣмъ же добродушнымъ джентльменомъ и съ искреннимъ одушевленіемъ говорилъ ганверлейскимъ поселанамъ:

— Друзья мои! счастье не зависитъ отъ богатства. Счастье видится на гораздо высшихъ основаніяхъ: на чувствѣ благодарности и на довольствѣ малымъ. Бѣдный человѣкъ, обладая этими качествами, имѣетъ въ себѣ элементы счастья, которыхъ

лишень богатый, если онъ не исполняетъ обязанностей своего положенія. По моему мнѣнью (а я нисколько не преувеличиваю хорошихъ сторонъ вашего положенія), рабочимъ нѣтъ никакого основанія составлять союзы и поддаваться безпокойнымъ агитаторамъ. Я считаю, что въ этой странѣ они нуждаются въ трехъ вещахъ: въ лучшемъ воспитаніи, въ лучшемъ жилищѣ и въ лучшей пищѣ. Еслибъ эти законныя ихъ потребности были даны имъ парламентскимъ актомъ, то рабочіе перестали бы быть жертвами лицъ, распространяющихъ повсюду недовольство, и стали бы вести лучшую, болѣе благородную жизнь.

Рабочіе восторженно рукоплескали этимъ словамъ. Но большаго они не могли ничего добиться отъ подобныхъ покровителей. Пэръ, епископъ и баронетъ проповѣдывали довольство малымъ, проклинали политическую агитацію и спокойно удалялись, забывая, конечно, что о такой филантропіи сказалъ еще апостолъ Іаковъ: «Аще же братъ или сестра наги будутъ и лишены будутъ дневныя пищи, речетъ же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и насыщайтесь, не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго—какая польза?»

III.

Новый членъ союза.

Фермеръ Джалли не могъ обойтись безо всѣхъ своихъ работниковъ, а потому, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, въ домѣ Годжа царило довольство. Получаемые имъ шестнадцать шиллинговъ въ недѣлю дозволили ему нанять женщину для присмотра за Крошкой Годжемъ, что дало возможность Мэри собирать по прежнему на поляхъ колосья. Годжъ былъ избранъ въ члены комитета союза и выказалъ неожиданныя способности, здравый смыслъ и находчивость. Теперь каждый приходъ имѣлъ свою мѣстную отрасль союза, и, работая въ этихъ комитетахъ, поселяне впервые стали обучаться искусству государственовѣдѣнія или, лучше сказать, обществовѣдѣнія, столь цѣнному англичанами и столь необходимому для безопасности государства.

У мистера Джалли былъ любимый пахарь, по имени Ричардъ Ро, который получалъ шестнадцать шиллинговъ въ недѣлю и до сихъ поръ оставался глухъ на всѣ убѣжденія членовъ союза пристать къ нимъ. Но все же онъ былъ человѣкъ и питалъ нѣкоторое сочувствіе къ Годжу, а также внутренно одобрялъ движеніе, начавшееся между земледѣльцами, хотя изъ хитрости не

высказывалъ своихъ мнѣній хозяину. Мало по малу, онъ однако видѣлъ, что результатомъ союза было увеличеніе заработной платы людей, менѣе его способныхъ, до той цифры, которую онъ самъ получалъ, а фермеръ Джолли нисколько не думалъ возвышеніемъ его жалованья возстановить прежнюю, по его словамъ, справедливую пропорцію. Это его сильно разгнѣвало, и онъ невольно спрашивалъ себя, какую пользу онъ извлекъ изъ того, что отдѣлился отъ своихъ товарищей? Его увѣряли, что, благодаря союзу, установится ровная для всѣхъ заработная плата, но на дѣлѣ оказалось, что Годжъ и нѣкоторые другіе получали двумя или тремя шиллингами болѣе людей, менѣе ихъ способныхъ, что такимъ образомъ союзъ не только побудилъ фермеровъ вообще возвысить заработную плату, но и фактически примѣнять принципъ естественнаго подбора, т. е. платить большее жалованіе лучшимъ работникамъ. Поэтому однажды, въ сентябрѣ, вечеромъ, Ричардъ Ро пошелъ къ Годжу, чтобы переговорить о многомъ, давно его мучившемъ. До насъ касается не этотъ разговоръ, а только его результатъ. Ро, наконецъ, рѣшился вступить въ союзъ и, выходя изъ хижины Годжа, встрѣтилъ проходившаго мимо фермера Джолли, который возвращался домой съ ежемѣсячнаго обѣда ганкерлейскаго земледѣльческаго клуба, и голова его была полна не только гнѣвомъ противъ членовъ союза, но и парами дурнаго вина. Выйдя съ большой дороги на тропинку, проходившую мимо хижины Годжа, онъ увидѣлъ, какъ знакомая фигура его пахаря пробиралась въ сумеркахъ изъ хижины его врага.

— Эй! Дикъ, чортъ возьми! вы были у проклятаго члена союза?

— Да, сэръ.

Джолли бросился на него и схватилъ за шиворотъ. Онъ былъ пьянъ и внѣ себя, а Ро былъ трезвый и сильный человѣкъ.

— Вы поступаете въ союзъ! воскликнулъ Джолли, блѣднѣя отъ злости.

— Оставьте меня, произнесъ пахарь, сверкая глазами и нервно сжимая кулаки.

— Проклятый! Вы поступаете въ союзъ? повторилъ фермеръ.

— Да, поступаю, отвѣчалъ Ричардъ Ро и ударилъ изо всей силы пьянаго по лицу, такъ что тотъ упалъ на землю, какъ срубленное дерево.

Джонъ Годжъ видѣлъ все это съ порога своего дома и слышалъ каждое слово въ ночной тишинѣ. Послѣ удара, Ричардъ Ро преспокойно удалился, а Джолли, присѣвъ на землѣ, сталъ стирать лицо платкомъ, громко проклиная своего пахаря и Год-

жа. Послѣдній подбѣжалъ къ нему и помогъ встать. Фермеръ принялъ его помощь, но, уходя домой, пробормоталъ съ пѣной у рта:

— Проклятый, я тебѣ отомщу!

IV.

Argumentum ad Nominem.

На слѣдующее утро, когда большая часть поселянъ работала на фермѣ, Годжъ отправился съ лошадыю и мальчикомъ пахать на отдаленное поле. Съ 7 часовъ онъ терпѣливо проходилъ борозду за бороздой по большому полю, а около 10 часовъ съ удивленіе увидалъ Джолли, приближавшагося къ нему на сѣрой лошади. Было что-то роковое въ лицѣ фермера и, не смотря по сторонамъ, онъ бѣжалъ прямо къ мѣсту, гдѣ пахалъ Годжъ.

— Стой! воскликнулъ онъ.

Годжъ остановилъ лошадь и снялъ шляпу. Въ рукѣ онъ держалъ толстый бичъ пахара съ мѣдной, тяжелой ручкой, страшное оружіе въ сильныхъ рукахъ. Подбѣжавъ ближе, Джолли выхватилъ бичъ изъ его рукъ.

— Держи лошадь! сказалъ онъ мальчику.

Годжъ видѣлъ во взглядѣ фермера страшную рѣшимость, а подъ его правымъ глазомъ ясные слѣды кулака Ричарда Ро.

— Проклятый! я тебѣ покажу, какъ набирать на моей фермѣ членовъ союза! воскликнулъ Джолли и ударилъ рукояткой бича по плечамъ Годжа, который не устоялъ на мѣстѣ и упалъ на воздѣлываемую имъ землю.

Удары слѣдовали быстро одинъ за другимъ по плечамъ, спинѣ, рукамъ и ногамъ несчастнаго, распростертаго Годжа. Мальчикъ отъ страха бѣжалъ, оставивъ лошадь. Нанеся такимъ образомъ около шестидесяти или семидесяти ударовъ, могучая рука фермера устала, и тогда только онъ остановился, перевелъ дыханіе и преспокойно пошелъ къ своей лошади. Стоны несчастнаго, избитаго человѣка тщетно зывали къ небу.

V.

Всѣ правосудія.

Очнувшись отъ обморока, который послѣдовалъ за побоями, Годжъ увидалъ передъ собою Салли Нолекенсъ, ея мужа, Ри-

чарда Ро и нашего пріятеля, доктора стараго приходскаго союза. Онъ ненавидѣлъ новый союзъ, но у него было доброе сердце, и осмотрѣвъ избитое тѣло Джона Годжа, онъ не могъ удержаться отъ искренняго гнѣва: онъ засвидѣтельствовалъ присутствіе шестидесяти шести ударовъ и шрамовъ. На спи... Но нѣтъ, я не буду этого описывать; Годжъ былъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ тотъ преступникъ, который, достойно принявъ наказаніе, возбудилъ недавно сожалѣніе англійской читающей публики. Вы можете найти подробное описаніе ранъ Годжа въ *Электрическомъ Метеорѣ*, и пусть ваше воображеніе добавитъ остальное. Я прибавлю только, что Годжъ не могъ встать съ постели ранѣ двухъ недѣль.

Общее негодованіе и отвращеніе, возбужденное повсюду этой исторіей, дѣлали честь англійскому обществу. Мистеръ Лестеръ навѣщалъ нѣсколько разъ больного, а свайръ посылалъ постоянно узнавать объ его здоровьѣ, причѣмъ посланный никогда не ходилъ съ пустыми руками. Эмили Биртонъ, какъ истая женщина, была очень рада случаю свободно выказать сочувствіе къ Годжу, что ей дотошъ воспрещали, и часто появлялась въ хижинѣ бѣдняка, то няньчая миниатюрнаго Крошку Годжа, то читая книги старику. Въ одно изъ такихъ посѣщеній совершенно неожиданно вошелъ въ хижину Генри Юбанкъ, пылая негодованіемъ и желая лично убѣдиться, до чего могла дойти жестокость хозяевъ. Положеніе молодыхъ людей было такое неловкое, такое непріятное, особливо, когда глухой Биртонъ, повернувшись къ стѣнѣ, заснулъ. Спустя полчаса, Эмили Биртонъ выбѣжала изъ двери хижины, съ блестящими глазами и раскраснѣвшимся лицомъ, спасаясь отъ удерживавшихъ ее могучихъ рукъ. Вечеромъ въ этотъ день, свайръ съ удивленіемъ замѣчалъ румянецъ на щекахъ дочери, которая была въ послѣднее время такъ страшно блѣдна.

Фермеры и свайры осуждали поведеніе Джолли, хотя заявляли, что, по всей вѣроятности, Годжъ вполне заслужилъ полученные побои. Рабовладѣльцы въ Америкѣ обыкновенно вставали противъ особенныхъ случаевъ жестокости, которые ихъ компрометировали. Друзья всего болѣе бранили фермера за то, что онъ своей глупостью портилъ ихъ дѣло. Очень немногіе изъ нихъ питали сочувствіе къ несчастному, потерпѣвшему человеку. Большинство ихъ сдѣлало бы тоже, еслибъ посмѣло. Гуманность людей вѣситъ очень мало, если на другую чашку вѣсовъ положить ихъ кошелекъ.

Стряпчіе Джолли старались мирно окончить дѣло съ Годжемъ, и жена его ухаживала за больнымъ. Ему предлагали за повреж-

деня и потерянное время значительную денежную сумму, но, несмотря на сильный соблазнъ, онъ отказался. Онъ не былъ герой, однако, и, вѣроятно, взялъ бы деньги, еслибъ его не подстрекали Самми Стедманъ и Генри Юбанкъ, а союзъ не обѣщаль бы его вознаградить. Окончаніе этого дѣла очень поучительно для всякаго изучающаго англійскую жизнь, англійское общество и англійскіе законы. Дѣло разбиралось на обыкновенной сессіи. Мистеръ Лестеръ не присутствовалъ, а судъ состоялъ изъ сквайра и двухъ другихъ, сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Генри Юбанкъ явился адвокатомъ обвинителя, а стряпчачо союзъ выписалъ изъ Лондона, такъ какъ ни одинъ изъ мѣстныхъ стряпчихъ не хотѣлъ взяться за это дѣло. Джоли не имѣлъ защитника, да, впрочемъ, онъ въ немъ и не нуждался. Обвиненіе старалось подвести поступокъ фермера подъ насиліе и нанесеніе ранъ, потому что, въ подобномъ случаѣ, онъ былъ бы преданъ уголовному суду и подлежалъ бы тюремному заключенію на годъ или на два. Но судъ рѣшилъ, что Джоли имѣлъ намѣреніе только подвергнуть Годжа наказанію бичемъ, а не нанести ему раны, а потому, признавъ его поступокъ простымъ буйствомъ, подвергнулъ его штрафу въ пять фунтовъ стерлинговъ.

Въ тотъ же день, въ томъ же самомъ судѣ, тѣми же судьями было разсмотрѣно дѣло по обвиненію правительственной властью Ричарда Ро въ томъ, что онъ, рабъ, напалъ на своего господина и избилъ его. Свидѣтель Годжъ доказалъ, что его господинъ былъ пьянъ, но судъ нашелъ, что онъ долженъ былъ въ такомъ случаѣ уважить слабость и безсознательность Джоли. На основаніи всего этого, онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на двѣ недѣли. При этомъ судъ торжественно заявилъ, что необходимо было для поддержанія общественной безопасности сокрушить мятежный духъ, обнаруживавшійся между поселянами того графства.

О! справедливое, святое правосудіе! Взгляни съ высоты своего величія на твоихъ презрѣнныхъ представителей и пожалѣй насъ, глупыхъ людей, не привлекая насъ къ отвѣтственности за подобное безобразіе!

VI.

ПРОТИВОДѢЙСТВІЕ ФЕРМЕРОВЪ.

Жатва кончилась. Поля и житницы были полны хлѣбомъ и овсомъ, веселившими сердца фермеровъ. Повсюду слышались

стукъ цѣповъ въ ригахъ и шумъ 'молотилокъ. Потомъ ранніе морозы прибили всю растительность, и жестокіе, октябрьскіе вѣтры, обнажая деревья отъ послѣднихъ листьевъ, разносили ихъ цѣлыми тучами по лугамъ или полямъ и нагромождали высокія вучи въ лѣсахъ. Наконецъ, наступилъ ноябрь съ перемежающимися свѣтлыми, холодными днями и страшными бурями, съ туманными ночами и сильными морозами, предвѣщавшими стужу. Въ это печальное время бѣдность и трудъ, соединенные неразрывными узами, съ ужасомъ видѣли, что теплое, благодатное лѣто прошло и что на мрачномъ небѣ и на еще болѣе мрачной землѣ не было для нихъ ни тѣни надежды.

Тогда-то фермеры стали совѣщаться между собою и, рассчитавъ сколько имъ стоило возвышеніе заработной платы, рѣшились обнаружить практически свое противодѣйствіе движенію, начавшемуся между поселянами. Политика сквайра была принята всѣми. Они отказывали многимъ рабочимъ и часто очень жестоко; но въ продолженіи нѣкотораго времени союзъ ограждалъ рабочихъ отъ тяжелыхъ послѣдствій подобныхъ отказовъ и доставлялъ имъ новыя мѣста въ сосѣднихъ графствахъ или отправлялъ ихъ въ колоніи. Въ числѣ ихъ были лучшіе люди околоса, и они уже болѣе никогда не возвращались на родину. «Если вамъ необходима высшая заработная плата, говорили фермеры: — то мы не можемъ платить ее всѣмъ рабочимъ круглый годъ. Мы оставимъ на зиму какъ можно менѣе людей и то самыхъ лучшихъ, а остальныхъ будемъ нанимать по мѣрѣ надобности». Эта система грозила большими бѣдствіями рабочимъ, но она была естественной политикой и никто не могъ сказать слова противъ нея. Нѣкоторые фермеры толковали о превращеніи своихъ полей въ луга, такъ какъ тогда имъ понадобилось бы гораздо менѣе рукъ; но для этого необходимъ былъ значительный капиталъ для покупки скота, который пастись бы на этихъ лугахъ, и потому общее примѣненіе этой системы было невозможно, по крайней мѣрѣ, на время. Фермеру Джоли, послѣ исторіи съ Годжемъ, было совѣстно отказывать ему, но онъ вполне одобрялъ систему отказовъ. Бѣдный мистеръ Трускотъ сердился болѣе своихъ сосѣдей, такъ какъ возвышеніе заработной платы грозило ему вѣрнымъ раззореніемъ. Ясно, что подобный результатъ можетъ послѣдовать отъ борьбы противоположныхъ интересовъ, когда привилегія одного класса или кланки уничтожается на пользу всѣхъ; но нелѣпо было бы проповѣдывать противъ благодѣтельной реформы только потому, что она можетъ погубить нѣсколько слабыхъ, несчастныхъ людей. Фермеры, утверждавшіе, что они не могутъ давать той заработной платы, кото-

рую требовали члены союза, или что ихъ раззорить увеличенная плата за трудъ, просто приводили доводъ *ad misericordiam* въ пользу заработной платы ниже рыночной цѣны. Также благоразумно было бы требовать, чтобъ англійскій банкъ не возвышалъ дисконтнаго процента на томъ основаніи, что легкомысленные спекуляторы и купцы, которыхъ дѣла шли плохо, по всей вѣроятности, раззорились бы. Букволическіе экономисты, ссылавшіеся въ защиту низкой заработной платы, на всемогущее вліяніе закона требованія и предложенія, не могли послѣдовательно утверждать, что этотъ законъ долженъ подчиняться способности нѣкоторыхъ или цѣлаго класса людей получать выгоду изъ обработки земли только при низкой заработной платѣ; это было бы все равно, что купцамъ протестовать противъ высокаго дисконтнаго процента, потому что онъ дѣлалъ прибыль шаткой и невѣрной.

Однако, были ли они нравы, или нѣтъ въ своей политико-экономической теоріи, фермеры дружно рѣшились вести борьбу противъ земледѣльческаго союза. Но нѣкоторые изъ ихъ союзниковъ теперь ихъ покинули. Англиканская церковь могла защищать привилегированное положеніе одного класса, но не жестокую тиранію. Ректоръ Ганкверлея, въ послѣднее время, часто задумывался о томъ, какъ слѣдовало ему поступать въ этомъ социальномъ вопросѣ. Мистеръ Линебой, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, сообщалъ ему всѣ собираемые имъ факты, и мистеръ Лестеръ начиналъ сомнѣваться въ справедливости той стороны, за которую онъ прежде такъ пламенно стоялъ. Онъ очень охладѣлъ къ сквайру, принесшему въ жертву предразсудкамъ счастье дочери, а, узнавъ о побояхъ, нанесенныхъ фермеромъ Джолли Годжу, онъ пришелъ въ благородное негодованіе и, отправившись къ фермеру, такъ пламенно и искренно сталъ выговаривать ему, что послѣдній былъ совершенно ошеломленъ и приведенъ въ гуику. Мало того, мистеръ Лестеръ открыто осуждалъ судебные приговоры по дѣламъ Ро и Годжа. Въ виду всего этого, онъ непремѣнно разсорился бы съ сквайромъ, еслибъ это было возможно для такихъ старыхъ друзей.

VII.

Неожиданный посвѣтитель.

Однажды пасторъ и его помощникъ были заняты бесѣдой о церковныхъ дѣлахъ, какъ вдругъ подъ окнами пасторскаго дома

раздался стук колесъ. Кабриолетъ съ Кодльтонской станціи желѣзной дороги быстро приближался, и рядомъ съ возницею въ немъ сидѣлъ человѣкъ, который обратилъ бы на себя всеобщее вниманіе, какъ въ Уджиджи, на озерѣ Танганикѣ, такъ и на парижскихъ бульварахъ. Чрезмѣрная длина его фигуры, такъ какъ правильнѣе говорить объ его длинѣ, чѣмъ о высотѣ, не уравнивалась пропорціональной толщиной. Впрочемъ, зрителямъ необходимо было отгадывать, какого именно сложенія былъ этотъ человѣкъ, потому что его одежда, очевидно, имѣла въ виду туловище громаднхъ размѣровъ, и такимъ образомъ можно было придти къ заключенію, что незнакомецъ принадлежалъ къ гигантской расѣ и носить платье своихъ праотцевъ, хотя самъ не достигъ полнаго физическаго развитія. Его загорѣлое лицо было испещрено рябинами и морщинами, такъ что имѣло видъ рельефной карты Швейцаріи; всѣ эти впадины и выпуклости казались изваянными изъ алебаstra, пока какая-то внутренняя пружина не приводила въ движеніе этого страннаго хаоса чертъ, представлявшихъ тогда такое зрѣлище, которое невозможно было забыть. Большая голова его изобиловала длинными, сѣдыми волосами, а нижняя часть выдающагося лица была покрыта такой же сѣдой остроконечной бородой. Быстрые, беспокойные, пронизательные глаза, какъ у астреба, сверкали съ необыкновенной магнетической силой въ глубокихъ впадинахъ между густыми, сѣдыми бровями и высокими скуловыми костями.

Этотъ джентльменъ по дорогѣ со станціи велъ бесѣду съ возницей, который замѣчалъ съ удивленіемъ, что онъ постоянно что-то записывалъ въ свою памятную книжку. Возницу также изумляло, что незнакомецъ, повидимому, знаетъ всѣ окрестности, хотя, очевидно, онъ былъ иностранецъ и никогда прежде не являлся въ этомъ окологѣѣ.

— А, произвѣсь незнакомецъ, когда кабриолетъ въѣхалъ въ селеніе: — это—Ганкерлей. Это, если я не ошибаюсь—колыбель свободы угнетенныхъ рабовъ вашей страны. Отсюда раздался трубный гласъ, призывающій къ новой жизни невольниковъ труда. Да, сэръ.

Возница съ любопытствомъ смотрѣлъ на знакомаца и спрашивалъ себя, не имѣетъ ли онъ дѣло съ стумасшедшимъ.

— Ну, продолжалъ странный джентльменъ, выпрямляясь во весь ростъ въ кабриолетѣ и взирая на окружающіе его дома и лавки съ высоты своихъ шести футовъ и трехъ дюймовъ:—прежде всего, мнѣ надо взглянуть на маленькаго человѣчка, изъ-за котораго все загорѣлось. Потомъ, ради простаго любопытства, я

брошу взглядъ отвращенія на подлаго мошенника Джолли, если чортъ еще не унесъ его въ адъ. Наконецъ, я посмотрю на Самюэля Стедмана, величайшаго человѣка нашего времени, сэръ, послѣ Джона Брайта изъ Бирмингама и Генри Варда Бичера изъ Бруклина. Главное же, если Господь продлитъ мнѣ жизнь еще на сутки, я долженъ повидать мистера Биртона, важнѣйшаго землевладѣльца здѣшнихъ мѣстъ и достопочтеннаго Винвуда Лестера, доктора философіи, и высказать имъ мнѣніе американскаго гражданина о настоящемъ кризисѣ въ исторіи этого сгнившаго, стараго государства. Ну, а потомъ можно будетъ и уѣхать.

Говоря это, онъ въ большемъ волненіи махалъ руками, причѣмъ его одежда принимала фантастическія формы, все къ бдльшему и бдльшему изумленію возницы. Прежде всего, незнакомецъ посѣтилъ Годжа и, цѣлуя его Крошку сына, промолвилъ про себя: «еслибъ онъ былъ у меня на Наполеоновской Горѣ, то я привелъ бы его миниатюрную фигурку въ должные размѣры». Шляпа незнакомца и его голова сильно пострадали отъ низкаго потолка хижины, такъ что у него на лбу вскочила шишка, которую, по его словамъ, онъ покажетъ американскимъ дѣтямъ въ доказательство того, какъ ихъ братья и сестры живутъ въ старой Англій. Оставивъ Крошеѣ Годжу цѣлую связку книгъ и брошюръ о трезвости, тюрьмахъ и другихъ филантропическихъ вопросахъ, американецъ отправился къ Джолли и, не заставъ его дома, подѣбжалъ теперъ къ пасторскому дому. Выйдя изъ кабріолета, онъ послалъ пастору печатную карточку слѣдующаго содержанія:

Джегоахинъ Сетль.

Институтъ дѣтскихъ переселенцевъ.

Наполеоновская Гора, Нью-Йоркъ.

Войдя въ гостинную, по приглашенію пастора, незнакомецъ съ странной улыбкой взглянулъ на мистера Линкбоа, странная одежда котораго остановила на себѣ его вниманіе.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ достопочтеннымъ Винвудомъ Лестеромъ, докторомъ философіи? Извините, сэръ, прибавилъ онъ, когда ему объяснили его ошибку:—но я могъ ошибиться, такъ какъ никогда не видалъ ни одного изъ васъ. Я пріѣхалъ къ вамъ, сэръ, ради гуманной цѣли. Дайте мнѣ руку.

Мистеръ Лестеръ протянулъ руку и попросилъ гостя садиться.

— У меня нѣтъ къ вамъ рекомендательнаго письма, сэръ, продолжалъ американецъ:—но, по моему, человѣкъ, посѣщающій человѣка, не нуждается въ рекомендаціи. Вы видите по моей

карточкѣ, сэръ, что я служу дѣлу человѣчества. Я укрываю, кормлю, одѣваю, воспитываю, нахожу положеніе въ свѣтѣ и жену, а также спасаю отъ пьянства, преступленія и грѣха три тысячи пятьсотъ дѣтей ежегодно въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Если это — не рекомендація въ вашихъ глазахъ, сэръ, то я отказываюсь отъ своей вѣры въ человѣчество.

Мистера Лестера, вида съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, увѣрилъ американца, что онъ вполне заслужилъ его сочувствіе.

— Сэръ, снова началъ странный посѣтитель: — путешествуя по Европѣ для ознакомленія съ ея учрежденіями, я узналъ изъ газетъ о Брошѣ Годжѣ, живущемъ въ вашемъ Гангерлейскомъ приходѣ, гдѣ вы, я полагаю — лордъ-ректоръ.

Мистеръ Линкбой и пасторъ не могли удержаться отъ смѣха, за чтó послѣдшіи извиниться.

— Я долженъ сознаться, сэръ, что не знаю подробно устройства вашей епископальной церкви, но, конечно, вы — официальный служитель алтаря въ этой странѣ, и я увѣренъ интересуетесь преобразованиемъ міра. Вотъ видите, сэръ, я составилъ изъ себя односторонній комитетъ отъ имени американской націи, для заявленія вамъ о нашемъ братскомъ сочувствіи къ разрѣшенію вами великихъ соціальныхъ задачъ, а также для объясненія результатовъ дѣятельности нашей новой страны. Сэръ, вы извините меня, если я замѣчу, что, со времени моего приѣзда въ Англію, двѣ недѣли тому назадъ, я замѣчаю у васъ одно общее заблужденіе. Вашъ народъ держится старыхъ идей. Вы поклоняетесь прошедшему, потому, вѣроятно, что у васъ есть прошедшее. Мы, сэръ, американская нація, не имѣя прошедшаго, должны поклоняться настоящему и будущему, такъ что, несмотря на всю нашу энергію, у насъ недостаетъ возможности поклоняться чему-нибудь другому.

— Извините меня, сказалъ пасторъ, боясь, что гость будетъ витать безъ конца въ отвлеченной области и желая возвратить его на практическую почву: — но имѣетъ ли все это что-либо общее съ цѣлью вашего посѣщенія? Я, право, очень занятъ.

— Да, сэръ, воскликнулъ американецъ, вскакивая съ мѣста и вымѣряя комнату громадными шагами: — мои слова касаются великаго вопроса, намѣрены ли вы низвергнуть эту древнюю страну, какъ нѣкогда сказалъ о моемъ отечествѣ вашъ знаменитый Карлейль, въ Ніагарскую пучину, благодаря тому, что вы носитесь съ старыми, кровавыми, нелѣпыми остатками общественнаго строя, который Господь долженъ уничтожить на благо человѣчества, или вы обратите свои взоры къ лучезарному свѣ-

тилу будущаго, обещающему вѣчную свободу и блаженство на землѣ?

Американецъ произнесъ эти слова торжественно и съ жаромъ, такъ что произвелъ бы большой эффектъ въ общественномъ собраніи. Пасторъ не зналъ, что ему дѣлать съ этимъ страннымъ поствителемъ и предложилъ ему стаганъ вина.

— Нѣтъ, сэръ, Джехоахинъ Сетль не пьетъ вина. Этотъ ядъ не касается моихъ губъ. Я—ораторъ общества трезвости и великій мастеръ Каюгской Ложи Масоновъ.

— Позвольте узнать, чѣмъ могу вамъ служить?

— Служить мнѣ, сэръ? *Служить*—слово не американское съ тѣхъ поръ, какъ Авраамъ Линкольнъ уничтожилъ рабство. Мы, въ нашей странѣ не служимъ и не требуемъ служенія отъ другихъ. Нѣтъ, сэръ, мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Я пріѣхалъ, чтобъ посмотрѣть, не могу ли я вамъ помочь, сэръ. Вы здѣсь разрѣшаете великую задачу нашего времени, хотя, быть можетъ, и сами этого не знаете. Дѣ, господа, несчастныя существа, которыхъ вы называете сельскими рабочими, начинаютъ просыпаться подъ звуки свободы, и положеніе вашей страны мнѣ напоминаетъ старую курицу на моей фермѣ въ Каюгѣ. Главнымъ ея недостаткомъ было самолюбіе. Она, однажды, снесла двѣ дюжины яицъ и вздумала высидѣть ихъ всѣ. Вытагнувъ свои крылья такъ, что каждое перо исполняло двойную обязанность, она успѣла поддержать въ нихъ значительную теплоту до того времени, когда приблизилось время цыплятамъ вылупляться. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за ней; она ловко повертывала яйца, поддерживая во всѣхъ равную температуру, которая, однако, была не очень высока. Наконецъ, прошло время появленія на свѣтъ ея семейства, и она, понизивъ головою, серьезно задумалась. Послѣ такого двухъ-дневнаго размышленія она разбила одно изъ яицъ, чтобъ посмотрѣть въ чемъ дѣло. На повѣрку оказалось, что теплота, сообщенная курицей яйцамъ, была только достаточна для приведенія въ движеніе цыплятъ, но они не могли открывать рта для сохраненія жизни. Этимъ яйцемъ она пожертвовала, но зато просидѣла на остальныхъ еще недѣлю и, наконецъ, съ отчаянія, разбивъ всѣ яйца, выпустила цыплятъ на солнечный свѣтъ; хотя они сначала были очень щедушны, но мало-по-малу развились и стали до того сильными и красивыми, что я продалъ ихъ за двадцать шесть центовъ штуку. Но старая мать такъ утомилась этой работой, что разстроила себѣ совершенно здоровье и вскорѣ умерла. Точно также, сэръ, ваша нація сидитъ цѣлыми вѣками на невысиденныхъ яйцахъ, и я увѣренъ, что они никогда не будутъ высидены, если вы са-

ми не разобьете ихъ и не выпустите цыплятъ на свѣтъ божій. Я видѣлъ бѣднаго Годжа и полагаю, что онъ—первое разбитое лицо, которое подаетъ примѣръ, но ваша аристократія и епископальная церковь не походятъ на ту благоразумную насѣдку и наврядъ ли помогутъ невнсиженнымъ цыплятамъ вылупиться изъ скорлупы.?

Пасторъ и мистеръ Линкбой съ любопытствомъ слушали оригинальную, чисто американскую рѣчь незнакомца, но не понимали, чего онъ хотѣлъ.

— Позвольте спросить, сказалъ мистеръ Линкбой, желая перемѣнить разговоръ: — что за учрежденіе институтъ дѣтскихъ переселенцевъ?

— Да, сэръ. Этотъ институтъ я основалъ съ цѣлю подбирать дѣтей изъ нью-іорскихъ трущобъ и переселять ихъ въ Каюгу, гдѣ мы ихъ чистимъ и обмываемъ, а потомъ уже снова переселяемъ на фермы далекаго запада. Не одна бездѣтная женщина на этихъ фермахъ благословляетъ меня теперь за доставленіе готовыхъ сыновей или дочерей, не требующихъ заботъ и труда на рожденіе и воспитаніе. Да, сэръ, съ помощью Божіей, это учрежденіе спасло сотни маленькихъ человѣческихъ душъ отъ преступленія, голодной смерти и вѣчной гибели.

Американецъ произнесъ эти слова съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ, и оба пастора взглянули на него съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ прежде.

— Ну, сэръ, продолжалъ онъ: — въ послѣдніе три дня, я изучилъ вопросъ о вашихъ сельскихъ рабочихъ и полагаю, что попалъ на его суть. Прочитавъ все, что писалось объ этомъ въ вашихъ газетахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ ваши мыслители и ораторы сильно заблуждаются: они ищутъ одного всеобщаго цѣлебнаго средства. Въ этомъ отношеніи, они впадаютъ въ ту же ошибку, какъ и докторъ Джейнъ изъ Филадельфіи. Онъ сочинилъ всеобщее цѣлебное средство, но, спустя немного, долженъ былъ пустить въ продажу *новое средство отъ червей*. Вамъ необходимы съ полдюжины цѣлебныхъ средствъ. У васъ есть поземельный вопросъ... Я не буду его разбирать, но только упоминаю о немъ. Потомъ, на очереди стоитъ кооперація; она не спасетъ общества и не насытитъ всѣхъ, подобно тому, какъ этого не сдѣлало и открытіе пара; но она, конечно, омажетъ большую пользу человѣческому развитію. Рабочіе союзы одинаково не спасутъ сельскаго населенія, но это—могучій рычагъ и въ рукахъ могучихъ людей принесетъ много добра. Наконецъ, у васъ есть эмиграція, это—по моей части. Вотъ видите, сэръ, еслибъ Британская Имперія, въ которой солнце ни-

когда не садится, принадлежала намъ, американцамъ, то мы обработали бы это маленькое помѣстье въ такомъ видѣ, что вы туземцы ахнули бы отъ изумленія. Вы, можетъ быть, удивитесь, сэръ, если я вамъ скажу, что главной причиной нашего презрѣнія къ вамъ, англичанамъ, служить ваше неумѣлое управление столь могущественной страной. Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что вашъ народъ испробуетъ всѣ эти средства и вскорѣ бросить, какъ неудобную одежду, ваши приходскіе союзы для бѣдныхъ, замѣнивъ ихъ училищами для дароваго воспитанія.

— Я боюсь, что вы тѣшите себя слишкомъ радужными надеждами, отвѣчалъ мистеръ Лестеръ:—законы для бѣдныхъ вкоренились глубоко въ этой странѣ, а средства, о которыхъ вы говорите, всѣ уже испробованы за исключеніемъ рабочихъ союзовъ; что же они дадутъ въ результатъ—нигило не можетъ сказать.

— Что они дадутъ въ результатъ? Ну, сэръ, я не могу ругаться ни за что въ этой выжившей изъ ума странѣ, но полагаю, что, во всякомъ случаѣ, гора не родитъ мыши. Пора взборонить подпочву вашей аристократіи, такъ какъ паханье поверхности ни къ чему не поведетъ. Я изучилъ этотъ вопросъ, сэръ, и полагаю, что настоящее движеніе измѣнить англійское общество, сельское хозяйство и поземельные законы, улучшить положеніе рабочаго класса, возбудить въ большихъ размѣрахъ эмиграцію фермеровъ и земледѣльцевъ, очистить англиканскую церковь!..

— Я бы очень желалъ, перебилъ его мистеръ Лестеръ, услышавъ столь революціонныя предсказанія:—побесѣдовать съ вами объ этихъ важныхъ вопросахъ, но увѣряю васъ, сэръ, у меня нѣтъ ни минуты свободнаго времени; прошу васъ меня извинить.

— Сэръ, сказалъ добродушно американецъ:—дайте мнѣ вашу руку. Вы—англійскій джентльменъ, и я понимаю вашъ намѣкъ. Я сейчасъ уйду, но позвольте сказать на прощанье два слова: вы, какъ служитель Господа, которому я также служу, хотя иначе, чѣмъ вы, конечно, облумаете серьезно мои слова; помните, что не пройдетъ и года, какъ вы будете смотрѣть на всѣ эти вопросы съ совершенно новой точки зрѣнія, и, если тогда Джекоахинъ Сетль будетъ все еще странствовать по вашей безумной странѣ, то вы можете послать за нимъ. Онъ явится на вашъ зовъ и поможетъ разрѣшить всѣ ваши затрудненія.

Съ этими словами американецъ крѣпко пожалъ своими большими, холодными руками нѣжные пальцы пастора и, продѣлавъ ту же церемонію съ его помощникомъ, вышелъ изъ комнаты. Черезъ минуту, кабриолетъ съ его неуклюжей, громадной фигу-

рой отъѣхалъ отъ пасторскаго дома. Но мистеръ Линкбой очень заинтересовался страннымъ посѣтителемъ и вечеромъ того же дня имѣлъ съ нимъ длинную бесѣду въ сельской гостинницѣ.

VIII.

Мрачный декабрь.

Когда Годжъ могъ выдти изъ дома, на дворѣ уже стоялъ декабрь. Длинные, мрачныя, холодныя ночи и короткіе, туманныя, дождливыя, бурныя дни, сѣрыя, навислыя тучи на небѣ, бѣлый иней на деревьяхъ и кустахъ, грязь, снѣгъ, леденящій сѣверо-восточный вѣтеръ, краснорѣчиво свидѣтельствовали безпомощной нищетѣ о роковомъ наступленіи зимы. Десятки и сотни рабочихъ въ Кодльтонскомъ округѣ были теперь безъ работы или работали только полдня. По выздоровленіи Годжа, мистеръ Джолли, обладая извѣстной долей англійскаго благородства, далъ, сколько могъ, работы своей несчастной жертвѣ, но ея было очень мало, и онъ строго придерживался правила платить только за то, что сдѣлано. Рабочій союзъ, поддерживавшій Годжа во время его болѣзни, теперь имѣлъ столько другихъ расходовъ, что рѣшительно не могъ долѣ оказывать ему помощи. Единственнымъ его средствомъ къ существованію были нѣсколько шиллинговъ, отложенныхъ отъ высокой заработной платы, въ теченіи шести или семи недѣль. Дѣти его находились въ самомъ несчастномъ положеніи. Лѣтняя одежда, выданная изъ богадельни, плохо предохраняла ихъ отъ стужи. Были дни, когда въ хижинѣ вовсе не разводили огня, и единственное существо, получавшее въ домѣ пищу, былъ Крошка Годжъ. Мэри не знала, что ей дѣлать. Такъ шли дни и ночи до Рождества. Веселый праздникъ обѣщаль хотя минутный роздыхъ отъ голода и холода; рабочіе ожидали обычныхъ подарковъ отъ хозяевъ: уголь, одѣяла, вкусный обѣдъ. Весь околodoкъ былъ въ большомъ волненіи. Но фермеры рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы окончательно уничтожить рабочій союзъ, и грозили выселить поселянъ изъ ихъ жилищъ и лишить обычныхъ праздничныхъ подарковъ, если они не обяжутся покинуть союзъ и не подпишутъ условія на годъ по низкой заработной платѣ. Въ виду подобныхъ угрозъ и подъ вліяніемъ голода, такъ какъ союзъ не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, рабочіе стали давать волю своей злобѣ. Полусдержанныя проклятія замѣнились открытыми насильственными дѣйствіями. Они начали подбрасы-

вать угрожающія письма, жечь стога и стрѣлять дичь на воспрещенныхъ мѣстахъ; нѣсколько серьезныхъ стычекъ съ лѣсниками еще болѣе разожгли страсти съ обѣихъ сторонъ. Полицейская сила была увеличена и постоянно находилась наготовѣ.

Такимъ образомъ, когда богатая нація радовалась невѣроятному увеличенію своего благосостоянія въ истекавшемъ году, когда всѣ, старые и молодые, въ пасторскихъ домахъ и частныхъ жилищахъ приготовлялись весело отпраздновать великій праздникъ, возвѣщавшій «на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе», причемъ богатые ликовали среди своего благоденствія, а бѣдные надѣялись, что имъ перепадутъ крохи со стола богатыхъ, надъ несчастнымъ Кодльтонскимъ округомъ собрались мрачныя тучи, а въ сердцахъ хозяевъ и рабочихъ свирѣпствовалъ роковой, братоубійственный духъ Каина.

IX.

Конецъ ввнчаетъ дѣло.

Настроеніе ума мистера Биртона было очень трудно анализировать, и вообще его положеніе было далеко незавидное. Онъ съ пламенной энергіей принялъ сторону эгоизма, а въ подобномъ случаѣ совѣсть необходимо усыплять искусственными средствами. Онъ очень тяжело чувствовалъ такъ же, какъ бѣдная Эмили Биртонъ, потерю драгоценнаго для него общества молодого Генри тѣмъ болѣе, что сэръ Генри Юбанкъ очень оскорбился его поведеніемъ въ отношеніи сына. Мистеръ Лестеръ также покинулъ его, и онъ еще болѣе поколебался въ своей вѣрѣ въ себя. Но, чѣмъ окружающія обстоятельства становились печальнѣе, тѣмъ болѣе упорствовалъ онъ въ своей ненависти къ рабочему союзу. Онъ считалъ его единственной причиною всѣхъ непріятностей, и потому его злоба усиливалась, по мѣрѣ того, какъ его положеніе становилось слабѣе и совѣсть менѣе оправдывала его дѣйствія. Грустное лицо Эмили Биртонъ становилось все грустнѣе, чѣмъ ближе подходило время къ Рождеству. Это было постояннымъ, живымъ упрекомъ для сквайра и такъ тревожно волновало его сердце, такъ сильно колебало его рѣшимость, что, по какому-то странному извращенію нравственныхъ понятій, онъ утѣшалъ себя мыслью, что онъ—мученикъ. Если человѣкъ можетъ дойти до такого самообольщенія, то остается только одинъ шагъ до оправданія убійства.

*

Эмили Биртонъ всегда считала рождественскіе праздники за самое лучшее, веселое время года. Со всѣхъ сторонъ большихъ помѣстій ея отца сходились тогда въ Биртонъ-Голль арендаторы, съ женами и дѣтьми, и, въ продолженіи многихъ лѣтъ, она среди веселаго смѣха, радостныхъ улыбокъ и добрыхъ пожеланій раздавала бѣднымъ поселянамъ различные подарки. Веселѣе и громче всѣхъ слышался при этомъ голосъ самого сквайра, который увеличивалъ цѣнность своихъ подарковъ личнымъ присутствіемъ и добрыми словами. Этотъ обычай такъ вкоренился въ ихъ жизнь, что молодая дѣвушка не могла понять, какъ отецъ могъ отказываться отъ такого любимаго удовольствія; но Рождество приближалось, и обычныя приготовления не дѣлались, нѣтъ Лондона не выписали, какъ всегда, груды одѣялъ; мяснику не заказано было громадныхъ ростбифовъ. Эмили со страхомъ смотрѣла на отца и, хотя встрѣчала на его лицѣ постоянную улыбку, но эта улыбка не могла скрыть страшной перемены, происшедшей въ его сердцѣ.

— О! папа, папа! воскликнула она наивно:—отчего вы стали такъ жестоки, что вамъ сдѣлали эти люди?

Сквайръ поблѣднѣлъ и отвернувшись; большихъ усилий ему стоило, чтобъ не разразиться проклятіями. Но эти слова глубоко запали въ его сердцѣ.

Наконецъ, настала рождественскій сочельникъ, нѣкогда самый веселый и счастливый день во всемъ году въ помѣстьяхъ сквайра, начиная съ его дома до самой скромной хижины. Черныя тучи цѣлый день заволокивали небо, вѣтеръ уныло свисталъ между обнаженными деревьями, и у всѣхъ смотрѣвшихъ на эту мрачную погоду было еще мрачнѣе на сердцѣ. Въ Биртонъ-Голль все происходило по старому обычаю: ранній обѣдъ, сожженіе въ каминѣ рождественскаго чурбана, игры и танцы, но не было истиннаго веселья, и всѣ были какъ-то мрачны, неестественны. Эмили, душа этого праздника, несмотря на всѣ свои усилия, была очень разсѣянна и, по временамъ, грустно задумывалась; сквайръ ни въ чемъ не находилъ удовольствія и надануто, судорожно смѣялся, а мистрисъ Биртонъ съ чисто женскимъ инстинктомъ спрашивала себя, чѣмъ все это кончится. Когда наступило время идти спать, сквайръ радостно зѣвнулъ, а Эмили, ни съ кѣмъ не простившись, схватила свѣчу и убѣжала въ свою комнату, гдѣ долго плакала, спрятавъ лицо въ подушку.

Жестокая, страшная была эта ночь. Буря свирѣпствовала съ неудержимой силой, мракъ окутывалъ своимъ свинцовымъ саваномъ разсвирѣпѣвшую природу. Несчастные, бездомные считаль-

цы, скрываясь подъ тѣмъ утлымъ кровомъ, который можно было найти въ такую ночь, судорожно дрожали, и люто гудѣвшій вѣтеръ обращалъ ихъ унылые стоны въ адскую, раздрающую мелодію. Эта ночь была многимъ долго памятна; веселые собутыльники, возвращаясь домой изъ гостей, забывали свое веселье, среди окружающихъ ужасовъ, и не одинъ сынъ нищеты въ эти мрачные часы предалъ свою жизнь въ кровавыя руки демона отчаянія. Эту ночь сквайръ никогда не забылъ; не смыкая глазъ, онъ безпокойно метался съ боку на бокъ, и въ сердцѣ его отражалась борьба мрачныхъ стихій, происходившая вокругъ его роскошнаго жилища. Наконецъ, уже къ утру, онъ тревожно заснулъ, и большимъ утѣшеніемъ было для него проснуться подъ мелодичные, веселые звуки дѣтскихъ голосовъ, громко распѣвавшихъ рождественскій гимнъ съ аккомпаниментомъ органа.

Утро было ненастное, какъ и слѣдовало ожидать послѣ таковой ночи. Тяжелыя, мрачныя тучи дико носились по небу, холодный, леденящій вѣтеръ свистѣлъ въ трубахъ и глухо стоналъ между сухими сучьями деревь; тамъ и сямъ въ уединенныхъ закоулкахъ видѣлся выпавшій ночью снѣгъ, какъ бы искавшій убѣжища отъ жестокой непогоды.

Сквайръ былъ не въ духѣ, ничего не ѣлъ за завтракомъ и, вставъ изъ-за стола, мрачно смотрѣлъ въ большое окно, выходящее на лужокъ и на простирившіеся далѣе поля и лѣса. Все, что могъ видѣть его глазъ, составляло его собственность, но не радостны были мысли этого крупнаго землевладѣльца въ рождественское утро.

Когда всѣ домашніе ушли въ церковь, сквайръ медленно направилъ шаги въ бібліотеку и усѣлся въ покойное кресло передъ огнемъ, положивъ ноги на рѣшетку камина. Вѣтеръ, холодъ и мракъ могли царствовать извнѣ, но какъ было имъ достичь до этого свѣтлаго, теплаго, роскошнаго уголка? И, однако, сквайръ судорожно посматриваетъ по сторонамъ, недоумѣвая, откуда на него дуетъ стужа, и ближе пододвигается къ огню, весело, ярко пылавшему въ каминѣ. Онъ сидитъ задумчиво, мрачно устремивъ глаза въ пространство. Въ головѣ его невольно гнѣзятся тревожныя мысли; въ ушахъ его раздаются безпокойные звуки. Въ свистѣ вѣтра ему чудятся вопли дѣтей и стоны голодныхъ, холодныхъ. Наконецъ, становятся тщетными всѣ его усилія побороть это тяжелое, отчаянное настроеніе.

— Жаль, что я не пошелъ въ церковь, громко произноситъ онъ и, вставъ съ кресла, подходитъ къ окну.

Въ эту минуту его любимая собака, «Нелли», подбѣгаетъ снаружи къ большому окну бібліотеки и, увидавъ хозяина, бараба-

нить лапами по стеклу съ громкимъ лаемъ и визгомъ полурадостными, полутревожными.

— А! красавица, съ праздникомъ! восклицаетъ сквайръ, отворяя окно и впуская собаку:—но, что съ тобой?

«Нелли» съ минуту радостно лижетъ ему руки, но потомъ продолжаетъ жалобно визжать, беспокойно озираясь по сторонамъ.

— Кушъ, кушъ, красавица! Что тебѣ нужно? А, понимаю, ты хочешь побѣгать! Славная идея! Прогулка разсѣветъ мои мрачныя мысли.

Черезъ нѣсколько мгновений, сквайръ идетъ уже по лужку, а собака прыгаетъ вокругъ него съ веселымъ лаемъ.

— Вотъ что тебѣ было нужно, красавица. Я сейчасъ смекнулъ, произноситъ онъ, поворачивая на лѣво чрезъ громадное поле, въ парю.

На противоположной сторонѣ виднѣлись церковь, домъ фермера Джолли и рядъ хижинъ, въ которыхъ образовался рабочій союзъ. Сквайръ гнѣвно отвернулся. Миновавъ поле съ рѣпою и отворивъ калитку въ изгороди, онъ остановился на перепутьи между тропинкою, которая вела къ хижинѣ лѣсника, и широкой дорогой, пересѣкавшей лѣсъ. Собака побѣжала по тропинкѣ.

— Ты хочешь, красавица, посѣтить Роберта Кэна! промовиль сквайръ:—что тебѣ отъ него нужно?

Тропинка очень крутая, и сквайръ тяжело дышетъ, идя противъ вѣтра, но эти физическія усилія не прогоняютъ его мрачныхъ мыслей. Въ дверяхъ хижины лѣсника стоитъ Кэнь съ женою, издали узнавшій лай собаки.

— Съ праздникомъ, сэръ, произноситъ онъ, почтительно кланяясь.

— А! это вы, Кэнь? съ праздникомъ! отвѣчатъ сквайръ, не замѣчая пріятной улыбки мистрисъ Кэнь и машинально слѣдуя за собакой, бѣжавшей впереди на разстояніи восьми или десяти шаговъ.

Старый охотникъ не спускаетъ глазъ съ Нелли и послушно идетъ за нею по короткой, прибитой морозомъ травѣ, по грудѣ желтыхъ листьевъ, валяющихся на землѣ, среди обнаженныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Вдругъ собака бросается въ сторону и оглашаетъ воздухъ громкимъ лаемъ.

— Кушъ, Нелли, кушъ! произноситъ сквайръ:—сюда, красавица!

Но Нелли продолжаетъ лаять и, возвратясь на минуту къ своему хозяину, снова исчезаетъ за деревьями съ жалобнымъ воемъ.

— Нелли! Нелли! Что такое?

Что такое? Сквайръ сдѣлалъ два шага въ сторону и всплеснулъ руками отъ ужаса.

За кустомъ орѣшника, на сухихъ листьяхъ видѣлись капли крови, а немного далѣе лежалъ бездыханный трупъ Джона Годжа съ окровавленнымъ ножомъ въ рукахъ. Видѣ себя отъ ужаса, сквайръ схватываетъ его посинѣвшія руки, шупаетъ оледенѣвшій лобъ, кладетъ руку на безмолвное сердце и быстро отдергиваетъ ее всю въ крови.

— Годжъ! Годжъ! восклицаетъ онъ съ отчаяніемъ.

Безжизненные губы не шевелятся. Только собака продолжаетъ жалобно выть.

— Эй! Эй! кричитъ во все горло сквайръ, и громкій, звучный его голосъ явственно слышится въ хижинѣ Кэна.

— Это кричитъ хозяинъ! восклицаетъ лѣсникъ:—Боже мой! что случилось?

Онъ схватываетъ ружье и бѣжитъ въ лѣсъ безъ шапки. Собака встрѣчаетъ его за нѣсколько шаговъ до роковаго мѣста.

— Кэнь! Кэнь! Посмотрите, что здѣсь! произносить сквайръ.

Кэнь также поблѣднѣлъ, увидавъ трупъ несчастнаго. И не удивительно. Наканунъ вечеромъ, возвращаясь домой къ рождественскому ужину изъ биртонскаго кабака, онъ встрѣтилъ этого самаго человѣка, лежавшаго теперь бездыханно на землѣ. Онъ украдкою пробирался въ лѣсъ, и лѣсникъ грозилъ его избить за ловлю или стрѣлянье птицъ въ заповѣдномъ, хозяйскомъ лѣсу. «Ступай прочь, Годжъ, сказалъ онъ:—или я тебѣ задамъ, низкій бродяга!» Это были послѣднія слова, которыя слышалъ на землѣ Джонъ Годжъ отъ своего ближняго.

Сквайръ закрылъ лицо мертваго платкомъ и теперь съ помощью Кэна старается его приподнять.

— Понесемъ его въ вашу хижину, произносить онъ.

Но Кэнь замѣчаетъ, что круглое, цвѣтущее лицо сквайра испещрено синеватыми пятнами, а губы судорожно дрожатъ. Онъ приподнимаетъ за руки мертвеца, но вдругъ останавливается и, опустившись на землю, закрываетъ лицо руками и горько плачетъ, какъ рѣдко плачутъ мужчины. Лѣсникъ видѣ себя отъ изумленія почтительно отвертывается и также утираетъ слезы рукавомъ своей новой плисовой куртки. Нелли, сидя передъ ними на корточкахъ, жалобно воетъ, и крупныя слезы текутъ по ея невинной, длинной мордочкѣ. Холодный, пронзительный вѣтеръ поѣтъ *реквизмъ* своимъ несомлеваемымъ свистомъ.

— Лучше отнесите его домой, Кэнь, произносить, наконецъ сквайръ:—я не могу вамъ помочь, но посижу здѣсь, пока вы пойдете за людьми.

Лэскикъ постѣнно бросился исполнять приказаніе хозяина, хотя боялся оставить его наединѣ съ жертвою. Не много минутъ оставался онъ одинъ, но эти минуты стоили дороже золота. Горькія, но здоровыя, цѣлебныя мысли тѣснились въ его головѣ. И, когда сбѣжались люди, сованные Каномъ, то онъ смотрѣлъ на жертва совершенно другимъ, болѣе спокойнымъ взглядомъ и сталь отдавать приказанія прежнимъ тономъ.

Черезъ минуту, печальная процессія тронулась подъ гору по той самой тропинкѣ, по которой наканунѣ долженъ былъ идти несчастный Годжъ. Сквайръ шелъ впереди и, достигнувъ хижины Годжа, вошелъ въ дверь, не постучавъ. За нимъ вбѣжала Нелли, подозрительно втягивая воздухъ въ свои токія ноздри, и ворвался холодный, рѣзкій вѣтеръ, со свистомъ вылетѣвшій въ трубу. Холодно, сыро, мрачно было въ этомъ нищенскомъ жилищѣ; все оставалось въ томъ же положеніи, въ какомъ Годжъ покинулъ свой домъ наканунѣ: обнаженные стѣны, полъ и столъ, открытый шкафъ съ нѣсколькими крошками черстваго хлѣба на полкѣ, а подъ очагомъ небольшая кучка сухихъ листьевъ и щепки, послѣдній трудъ отца передъ смертью. Сердце сквайра ёкнуло. *Неужели онъ убилъ и дѣтей!* Онъ бросился, какъ сумасшедшій, по лѣстницѣ на чердакъ. Слава Богу, тамъ раздаются вопли, но глазамъ сквайра представляется такая сцена, отъ которой навернулись бы слезы даже и у приходскаго совѣта, хотя у него, какъ у юридическаго лица, не полагается сердца. Мэри сидитъ въ углу съ закрытыми глазами и блѣднымъ лицомъ; на рукахъ ея спитъ Крошка Годжъ, завернутый въ юбку, которую она сняла съ себя, чтобъ сохранить въ немъ искру жизни. Вокругъ—лежатъ и сидятъ остальные дѣти; одни спятъ, у другихъ глаза открыты, но очевидно они не могутъ шевелиться. Болѣе сутокъ онѣ оставались безъ нищи и огня. Нелли подбѣгаетъ къ спящей дѣвочкѣ и жалобно лижетъ ей лицо. Она не трогается съ мѣста.

— Господи! восклицаетъ сквайръ, топая ногами: — Эй вы! Какъ васъ тамъ зовутъ! Мэри, Джонъ, Томасъ, Джени, Сузанъ, Бетси! Проснитесь! Я пришелъ вамъ пожелать веселаго праздника!

Томасъ и двое другихъ дѣтей проснулись, но, при видѣ незнакомца, громко заплакали; Мэри не подавала признака жизни.

— Господи! помилуй насъ грѣшныхъ, промолвилъ сквайръ и, сойдя съ лѣстницы, бѣгомъ пустился къ дому фермера Джолли, такъ что люди, несшіе покойника, подумали, что онъ сошелъ съ ума. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ возвращается съ фермеромъ и двумя или тремя женщинами, которыя захватили съ со-

бою вина, мяса и хорошую охапку дровъ. На шумъ прибѣгаетъ и мистрисъ Ноллекенсъ съ своимъ мужемъ; узнавъ грустную вѣсть, она вспоминаетъ о жестокихъ словахъ, сказанныхъ ею нѣкогда покойному, и падаетъ на полъ въ сильной истерикѣ. Между тѣмъ, тѣло Годжа положили на столъ и накрыли плисовой курткой Роберта Кэна, который въ одной рубашкѣ принялся разводить огонь.

— Эй! Джолли! Пойдемте наверхъ! Несите за мною вино! Только ни слова дѣтямъ объ отцѣ! восклицала сквайръ, поспѣшно направляясь къ лѣстницѣ:—а вы, Ноллекенсъ, уймите свою жену.

Вмѣстѣ съ фермеромъ сквайръ переноситъ Мэри на постель, пропускаетъ ей въ ротъ ложку вина и мало по малу приводитъ въ чувство; затѣмъ возвращаютъ къ жизни и остальныхъ дѣтей, полумертвыхъ отъ голода и холода. На время покойника выносятъ въ сарай, а дѣтей согрѣваютъ у пылающаго огня, пока посланный ходитъ въ Биртонъ-Голлѣ за фургономъ. Мистрисъ Ноллекенсъ и мистрисъ Джолли принимаются за мытье и одѣваніе одиннадцати дѣтей, которыя такимъ образомъ принимаютъ христіанскій видъ; во все это время, сквайръ сидитъ подлѣ и съ улыбкою смотритъ на все происходящее вокругъ него; на его лицѣ уже не видно болѣе синихъ пятенъ и никакого облако не завлаживаетъ его ясныхъ, голубыхъ глазъ. Тутъ же лежитъ Нелли, протанувъ морду къ огню и очевидно сочувствуя всему, что дѣлается.

Наконецъ, прибылъ фургонъ; его нагружаютъ дѣтьми, а Крошку Годжа, который все еще внушаетъ опасенія своею неподвижностью, сквайръ беретъ къ себѣ на руки. Такимъ образомъ шествіе движется въ путь, и мгновенный лучъ свѣта исчезаетъ изъ мрачнаго жилища, гдѣ остается одной покойникъ.

Но кто это медленно подходитъ, безъ шляпы, къ сараю, гдѣ временно находилось тѣло несчастнаго Годжа, и, постоявъ съ минуту, удаляется, бормоча про себя: «Господи! прости меня, я горько заблуждался!»

Фермеръ Джолли искренно раскаявался въ эту минуту, и, конечно, это раскаяніе было ему зачтено.

Въ Биртонъ-Голлѣ фургонъ былъ встрѣченъ радостной толпой съ громкими криками сочувствія, и златокудрая Эмили выбѣжала во дворъ, бросилась на шею къ отцу, смѣясь и плача отъ счастья.

— О! милый папа! восклицаетъ она:—дайте мнѣ ребенка!

Мало по малу, всѣхъ дѣтей высаживаютъ изъ экипажа и несутъ въ кухню.

— Нѣтъ, кричитъ во все горло сквайръ:—не въ кухню, а въ гостиную.

Послѣ этого долго царить въ домѣ суматоха; женщины суетятся, собираютъ старыя тряпки и приводятъ въ порядокъ дѣтей Годжа, такъ что много прошло часовъ прежде, чѣмъ кто-нибудь подумалъ объ отдыхѣ или удовольствіи.

Передавъ Крошку Годжа старой нянькѣ, Эмили пошла къ отцу и взявъ его за плечо, взглянула прямо въ глаза.

— Папа, начала она...

— Стой! перебилъ онъ ее, нѣжно цѣлуя:—я знаю, что ты скажешь. Пошли Вильямса верхомъ.

Вильямсъ, изъ любви къ своей юной госпожѣ, проскакалъ маршъ маршемъ десять миль, отдѣлявшія замокъ сэра Генри Юбанка отъ Кодльтона, и съ такою же быстротою возвратился вмѣстѣ съ Генри, который, соскочивъ съ лошади, очутился въ объятіяхъ Эмили Биртонъ.

— О! Гарри, слава Богу, что ты наконецъ вернулся! воскликнула молодая дѣвушка, обвивая его шею руками, несмотря на то, что вокругъ стояли слуги.

— Что вы тамъ дѣлаете, молодежь? произнесъ весело сквайръ, стоя на верху лѣстницы:—какъ вамъ не стыдно!

Я не стану описывать всѣхъ эпизодовъ этого веселаго вечера: вкуснаго, обильнаго обѣда, дружескихъ изліяній между юными аристократами и дѣтьми нищеты, шумныхъ игръ, необыкновенно довольной улыбки, не сходящей съ устъ сквайра, радостнаго блеска прелестныхъ глазъ Эмили, веселаго юмора молодаго Юбанка, неподдѣльнаго счастья хозяйки дома, видѣвшей, наконецъ, мужа и дочь въ прежнемъ радостномъ настроеніи, радушной встрѣчи мистера Лестера, который, узнавъ о происшедшемъ, тотчасъ явился къ своему другу. Все это я могу перечислить, но рѣшительно отказываюсь представить въ живой, вѣрной картинѣ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Союзъ и примиреніе.

I.

Вмѣшательство янки.

Сквайръ откровенно сознался, что событіе, случившееся въ Рождество, произвело въ немъ громадную пережвну. Онъ довелъ сопротивление до крайнихъ предѣловъ и въ результатѣ видѣлъ

одно только горе. Мистеръ Лестеръ, котораго сильно волновало роковое столкновение между хозяевами и рабочими, съ радостью увидалъ перемѣну въ сквайрѣ и тотчасъ выразилъ ему свое глубочайшее сочувствіе. Мистеръ Линебой также примкнулъ къ нимъ, и по его совѣту послали за Самми Стедманомъ. По приѣздѣ этого послѣдняго, мистеръ Биртонъ заявилъ желаніе сдѣлать попытку къ прекращенію той страшной борьбы, которая свирѣпствовала въ Коддлтонѣ, и чистосердечно просилъ его помощи.

— Боже мой! сказала торжественно Стедманъ:—еслибъ вы только, сэръ, поступили такъ сначала! Еслибъ хозяева относились къ рабочимъ не съ злобой и мстью, а разумно, человѣколюбиво, то предотвратили бы много несчастій.

— Напрасно сожалѣть о томъ, что прошло, мой другъ, отвѣчалъ спокойнo сквайръ:— но никогда не поздно исправиться. Хотите вы намъ помочь въ этомъ дѣлѣ?

Съ этого дня сквайръ, при содѣйствіи мистера Джолли, который взялъ къ себѣ двухъ дѣтей Годжа, принялся энергично за уничтоженіе всего, что было сдѣлано ими въ продолженіи послѣднихъ семи или восьми мѣсяцевъ. Они понимали всю трудность предпринимаемаго ими дѣла и не совершенно ясно видѣли его исходъ, но они дѣйствовали искренно и не теряли надежды на успѣхъ. Обсудивъ большое количество плановъ, представленныхъ со всѣхъ сторонъ, сквайръ и Самми Стедманъ согласились, наконецъ, что лучше всего было созвать собраніе фермеровъ и работниковъ для общаго разсмотрѣнія вопроса, какъ улучшить ихъ временныя отношенія. На это предложеніе всѣ рабочіе отозвались радостью, такъ какъ событія послѣднихъ дней были извѣстны всѣмъ, и обѣ стороны горѣли нетерпѣніемъ выйти изъ своего невыносимаго положенія.

На этомъ митингѣ сквайръ занялъ предсѣдательское кресло и, въ нѣсколькихъ теплыхъ словахъ, объяснилъ перемѣну, происшедшую въ немъ, и просилъ обѣ стороны приступить къ обсужденію ихъ взаимнаго положенія терпѣливо, сочувственно и безъ всякой жалчи. Послѣ него говорили мистеръ Лестеръ и Самми Стедманъ, который въ очень осторожныхъ выраженіяхъ заявилъ, что союзъ между рабочими нельзя уничтожить, но если фермеры захотятъ, то онъ можетъ сдѣлаться не врагомъ ихъ, а помощникомъ, и приносить одинаковую пользу, какъ рабочимъ, такъ и хозяевамъ.

Сквайръ просилъ фермеровъ сразу признать правильность заявленія Стедмана. «Я смотрю на союзъ рабочихъ, сказалъ онъ:— совершенно иначе съ тѣхъ поръ, что основательно изучилъ его правила и выслушалъ объясненія Стедмана объ основныхъ его

цѣляхъ. Я вполне сознаю, что каждый работникъ можетъ благородно желать усилить свое положеніе, вступивъ въ союзъ съ своими товарищами; подобное чувство раздѣляется членами всякихъ корпорацій, ремесленныхъ цеховъ и т. д. Опасность, конечно, заключается въ томъ, чтобы рабочіе не употребили силы, приобретенной ими отъ образованія между собою союза, на подчиненіе себѣ капитала; но, подобно тому, какъ образованіе и опытъ побудили другія ассоціаціи благородно пользоваться своей силой, такъ и рабочіе вскорѣ поймутъ, что они не могутъ безнаказанно выходить изъ предѣловъ права и справедливости. Въ концѣ концовъ, тѣ злоупотребленія и насилія, которыя они себѣ позволяютъ, горько отзвучатъ на нихъ самихъ. У насъ также есть орудія противъ нихъ, если дѣло дойдетъ до борьбы, но я убѣжденъ, что, при обоюдномъ, искреннемъ желаніи жить въ мирѣ другъ съ другомъ, подобное столкновеніе никогда не произойдетъ».

Опредѣливъ такъ умѣренно и примирительно свою цѣль, собраніе приступило къ обсужденію средствъ ея достиженія.

Этотъ митингъ происходилъ въ большой залѣ гостиницы «*Биртонскій терръ*», въ Кодьтонѣ. За джентльменами, сидѣвшими вокругъ сквайра, въ переднемъ углу комнаты, находилась дверь, и въ ту самую минуту, какъ собраніе приступило къ обсужденію самаго существеннаго животрепещущаго вопроса, эта дверь неожиданно отворилась и на высотѣ, по крайней мѣрѣ, фута надъ поверхностью обыкновенной человѣческой головы, показалось лицо, такое лицо, какового никогда не видали въ триста присутствовавшихъ людей. Добродушная улыбка освѣщала странныя черты этого лица и громкій голосъ произнесъ:

— Я не помѣшаю вамъ, если войду?

Это былъ Джехоакинъ Сетль, и его неожиданное появленіе, особливо его чудовищно высокій ростъ, возбудили общій хохотъ, къ которому онъ самъ присоединился.

— Я—не Крошеа Годжъ, замѣтилъ онъ:—въ нашей странѣ не рождаются карлики. Впрочемъ, я согласенъ, что меня знатно вытянуло.

Когда новый посѣтитель усѣлся, было приступлено къ преніямъ, и поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Дѣйствительно ли въ округѣ существуетъ излишекъ рабочихъ силъ, и, если—да, то какъ помочь горю?

2) Какъ платить рабочимъ, поденно или попугучно, деньгами или частью натурой?

3) Какъ отнестись къ рабочимъ различныхъ способностей? Что дѣлать съ старыми, слабыми, больными?

4) Могутъ ли фермеры возвысить заработную плату?

5) Необходимо ли и полезно ли давать рабочимъ долю барыша? И, если давать, то на какомъ основаніи?

6) Можетъ ли кооперация быть введена съ успѣхомъ въ земледѣльческихъ работахъ, и на сколько она послужитъ къ улучшенію быта поселянъ?

7) Какими средствами, естественными или искусственными, можно сократить излишекъ рабочихъ силъ, если таковой существуетъ (переселеніе, эмиграція и т. д.)?

Подобнымъ вопросамъ не было конца, и, очевидно, ихъ невозможно было разрѣшить въ одинъ день.

Послѣ непродолжительныхъ преній, сквайръ заявилъ, что они не въ состояніи правильно обсудить эти вопросы, такъ какъ у нихъ не было достаточно фактовъ. Прежде всего, надо собрать свѣдѣнія о числѣ хозяевъ и рабочихъ въ округѣ, о числѣ лицъ, имѣющихъ постоянную или временную работу, о количествѣ людей, немогущихъ вовсе работать, получающихъ помощь отъ смотрителей для бѣдныхъ, о системахъ земледѣнія, о количествѣ производства и т. д. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ составить новый союзъ, для разрѣшенія этой важной задачи должно было собрать всѣ факты. Увы! сколько времени и силъ потребовалось на то, чтобы придти къ такому простому заключенію! Наконецъ, собраніе выбрало комитетъ для изслѣдованія всѣхъ этихъ вопросовъ и представленія полного основательнаго доклада.

Передъ закрытіемъ засѣданія, мистеръ Джехоахинъ Сетль просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ.

— Друзья мои, произнесъ онъ:—я—яни изъ Нью-Йорка, воспитывавшійся въ Массачузетсѣ, и вы можете спросить, какое мнѣ дѣло вмѣшиваться въ ваши семейныя распри. Но у меня нѣтъ дѣтей, нѣтъ своихъ заботъ, и потому я всегда вмѣшиваюсь въ дѣла другихъ; въ настоящемъ случаѣ, какъ братъ и христианинъ, я не могу не интересоваться вашими тревоженіями.

Объяснивъ затѣмъ свой взглядъ на ихъ положеніе, онъ продолжалъ:

— Господа, ваша страна—лучшая въ свѣтѣ почва для разведенія совершеннѣйшихъ видовъ мужчинъ, женщинъ, скота и лошадей, но вы слишкомъ быстро размножаетесь, подобно потомкамъ Авраама. Я рассчиталъ, что черезъ двадцать пять лѣтъ ваше соединенное королевство будетъ биткомъ набито, и тогда я не желаю бы находиться среди васъ. Вамъ придется поубавить ваше число или вы лопнете и дойдете до банкротства. Ну, господа, мой конекъ—эмиграція дѣтей. Въ моей странѣ это дѣло процвѣтаетъ; я не знаю, почему бы вамъ съ вашими коло-

ніями, разбросанными по всему свѣту, не дѣлать того же. У васъ не только излишекъ народонаселенія, но подростаетъ другой излишекъ, а вы родите третій. Ну, я возьмусь за подроставшій излишекъ и его значительно поубавлю. Во-первыхъ, я обяжусь освободить васъ отъ всѣхъ сиротъ; потомъ я облегчу ваши большія семейства. Дайте мнѣ одного или двухъ дѣтей изъ каждаго семейства, въ десять или двѣнадцать человѣкъ, и увези ихъ отсюда, я принесу большую пользу семействамъ, а еще большую дѣтямъ. Я отправлюсь съ этими дѣтьми въ одну изъ вашихъ колоній, положимъ, въ Канаду, и тамъ найду женатыхъ, но бездѣтныхъ людей, которые разберутъ охотно вашихъ дѣтей и будутъ печься о нихъ, словно о своихъ собственныхъ. Вотъ, напримѣръ, Крошва Годжъ, который послужилъ поводомъ всей этой исторіи, онъ ростомъ не больше жука; я возьму его черезъ нѣсколько лѣтъ и помѣщу въ колоніи, гдѣ онъ на хорошей пищѣ выростетъ до человѣческаго образа. Я сдѣлалъ свое дѣло въ Америкѣ; мой институтъ процвѣтаетъ, а теперь, изъ любви къ Богу и ближнимъ, я согласенъ, если вы позволите, посвятить свое время на совершеніе того же самаго для старой Англій.

Это обѣщаніе невооруженнаго вмѣшательства брата Ионафана, возбудило громкіе крики одобренія честныхъ поселянъ, и Джекоахинъ Сетль былъ единогласно избранъ въ члены комитета.

II.

Очень сухая глава.

Комитетъ съ жаромъ принялся за дѣло; количество собранныхъ имъ свѣдѣній было громадно, но всего удивительнѣе былъ представленный имъ докладъ. Я хотѣлъ-было напечатать его въ приложеніи, но издатель полагаетъ, что приложеніе въ свѣточномъ разсказѣ, такъ же, какъ хвостъ на человѣческомъ тѣлѣ, излишне и чудовищно; поэтому я рѣшился поговорить объ этомъ докладѣ въ особой главѣ, и всякій, предпочитающій факты теоріи, можетъ, если угодно, пропустить ее.

Въ этомъ докладѣ доказывалось ясно, фактически, что кодльтонскій округъ не находился въ томъ положеніи, въ какомъ онъ могъ быть при другихъ условіяхъ, что предложеніе труда было одной третью болѣе спроса, что этотъ излишекъ предложенія, главнымъ образомъ, обнималъ ту часть населенія, которая пользовалась въ своихъ жилищахъ пособиями отъ попечителей бѣдныхъ, что заработная плата была недостаточна для приличнаго

существованія рабочихъ съ ихъ семействами, что результатомъ этого положенія было неудовлетворительное качество труда, что фермеры были въ состояннн платитъ гораздо бѣльшую плату хорошимъ рабочимъ, что не только излишекъ предложенія былъ великъ въ настоящее время, но, въ виду быстрого распространенія народонаселенія, грозилъ еще увеличиться, что такимъ образомъ извѣстное количество рабочихъ не могло получать оплачиваемой работы, и въ будущемъ этой возможности не предвидѣлось, что въ трехъ четвертяхъ всего числа рабочихъ замѣчалось отсутствіе бережливости, что нѣкоторые изъ нихъ постоянно пользуются общественною помощію и что, наконецъ, для уничтоженія чрезмѣрнаго распространенія пауперизма необходимо постепенно уничтожить вспомошествованіе, оказываемое бѣднымъ въ ихъ жилищахъ, а оказывать помощь только тѣмъ, которые поступаютъ въ рабочіе дома, благодаря чему, сильно уменьшится количество лицъ, живущихъ налогомъ для бѣдныхъ.

Касательно отношеній между хозяевами и рабочими, докладъ полагалъ, что они должны были сохранить прежнн добродушный, дружескн характеръ, приписываемый старой системѣ, но на лучшихъ основахъ — именно необходимо было уничтожить принципъ зависимости рабочихъ отъ доброй воли хозяевъ, а основать всѣ ихъ взаимныя отношенія на болѣе практическомъ, рациональномъ и справедливомъ принципѣ добровольнаго договора; при этомъ, въ составъ заработной платы не должны были входить никакія выдачи натурой, пиво, мякина, сборъ колосевъ и т. д., а эта плата должна была производиться деньгами по рыночной цѣнѣ.

Переходя къ вопросу о жилищахъ поселенъ, докладъ выражался въ пользу оставленія ихъ въ рукахъ землевладѣльцевъ, которые отдавали бы ихъ въ аренду рабочимъ по одинаковой во всемъ округѣ цѣнѣ, сообразно количеству комнатъ, и, кромѣ того, при каждой хижинѣ былъ бы обязателенъ полуакръ земли, если того пожелалъ бы арендаторъ. Относительно вопроса о коровахъ докладъ не предлагалъ никакого общаго правила, но указывалъ, что вблизи общинныхъ выгоновъ или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно нанять пастбище, было гораздо практичнѣе держать общую молочню между рабочими, чѣмъ стремиться къ приобрѣтенію каждымъ семействомъ своей собственной коровы. Кромѣ того, въ докладѣ выражалось мнѣніе, что сосѣдніе землевладѣльцы могли сговориться между собою и уступить цѣлое селеніе для рабочихъ съ нѣсколькихъ помѣстій, что было бы гораздо удобнѣе и дешевле, но, конечно, это было чисто дѣломъ частной предприимчивости.

Датѣ докладъ разсматривалъ проекты кооперативныхъ фермъ и промышленныхъ товариществъ. Онъ относился съ большимъ сочувствіемъ къ тому и другому и заявлялъ, что можно было испробовать практически систему кооперации на фермѣ бѣднаго Трускота, которая оставалась свободной. Промышленныя товарищества также рекомендовались докладомъ, но подѣ условіемъ предварительнаго опредѣленія суммы, оплачивающей собственно трудъ рабочаго, такъ какъ онъ могъ рисковать только своей чистой прибылью, какъ капиталистъ рискуетъ прибылью съ своего капитала.

Что касается до поземельнаго вопроса, то докладъ только неопредѣленно, хотя и знаменательно упоминалъ о неудовлетворительности современныхъ условій пользованія землею. Но зато докладъ подробно разсматривалъ вопросъ о распредѣленіи и пропорціональности заработной платы. Онъ указывалъ на трудность опредѣленія пропорціональной стоимости рабочихъ при большомъ ихъ числѣ и совѣтовалъ прибѣгать въ этомъ случаѣ къ одному изъ двухъ слѣдующихъ способовъ: принять или систему заключенія контракта съ цѣлымъ обществомъ рабочихъ, подѣ распоряженіемъ избраннаго главы, при чемъ сами рабочіе дѣлили бы между собою заработную плату, или систему задѣльной платы, гдѣ это практически возможно; послѣдній способъ особенно рекомендовался докладомъ.

Наконецъ, относительно излишка предложенія труда надѣ спросомъ, докладъ совѣтовалъ — образовать особый комитетъ для переселенія и эмиграціи рабочихъ, а также одобрительно отзывался о предложеніи Джехоакина Сетля объ отсылкѣ сиротъ и другихъ дѣтей, по согласію родителей, въ Канаду, для помѣщенія ихъ у фермеровъ, лавочниковъ и т. д. Подобная же система переселенія могла быть, по мнѣнію доклада, примѣнена и въ Англіи.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе доклада комитета, составившаго первую попытку разрѣшить распрію между хозяевами и рабочими; конечно, въ немъ было много гадательнаго, требовавшаго практической провѣрки, но главная его заслуга заключалась въ томъ, что онъ признавалъ невозможность одного всеобщаго, чудеснаго средства, а указывалъ на значительное количество мелкихъ способовъ улучшить положеніе рабочихъ и на ассоціацію, какъ орудіе для примѣненія этихъ способовъ. Въ этомъ смыслѣ, подобная попытка формулировать способы разрѣшенія рабочаго вопроса имѣла большое значеніе. Во многихъ общественныхъ вопросахъ самая большая преграда для правиль-

наго ихъ разрѣшенія заключается не въ самомъ вопросѣ, а въ настроеніи, характерѣ и желаніяхъ тѣхъ лицъ, которыя занимаются его разрѣшеніемъ.

III.

МАЛЕНЬКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Года шли за годами. Десять лѣтъ минеть въ слѣдующее Рождество съ того времени, какъ Джонъ Годжъ разрубилъ Гордіевъ уземъ своихъ несчастій и затрудненій его братьевъ рабочихъ. Въ одно прекрасное июньское утро, на Кодльтонской станціи желѣзной дороги замѣтно было необыкновенное движеніе. Вокругъ шумной группы дѣтей всякаго роста и возраста кипѣла толпа мужчинъ и женщинъ. Мистеръ Лестеръ стоялъ среди нихъ и отъ времени до времени утѣшалъ плачущихъ родителей. Тутъ же находился мистеръ Линкбой въ его странной шляпѣ (я надѣюсь, не въ той же, какъ въ былыя времена) и съ дорожной сумкой черезъ плечо. Онъ очень похудѣлъ, и на его щекахъ виднѣлся роковой румянецъ чакотки. Надъ всѣми же царилъ высокая, смѣшная фигура дѣятельнаго американскаго гражданина Джехоакина Сетля.

— Дѣти, и вы, добрые люди! восклицаетъ онъ, вынимая часы:—вамъ остается на прощаніе только двѣ минуты. Поплачьте, дѣти, хорошенько, это будетъ въ послѣдній разъ. Въ обѣтованной землѣ слезамъ нѣтъ мѣста, а только смѣху и радости.

Среди громкихъ рыданій и криковъ толпы, Джехоакинъ усаживаетъ свой маленькій полкъ въ вагоны и послѣднимъ беретъ на руки ребенка миниатюрныхъ размѣровъ, который вѣрнѣе прижимается къ груди красивой молодой женщины.

— Прощай, Мэри, лепечетъ мальчикъ сквозь слезы.

— Прощай, Крошка, Христосъ съ тобою! Не забывай Мэри.

— Всѣ! произносить Сетль. — Ну, молодцы, затаните «Мы идемъ въ обѣтованную землю».

Черезъ минуту поѣздъ двигается среди оглушительныхъ криковъ: ура! маханья платками и громкаго пѣнія Джехоакина Сетля, съ его юной ватагой:

«Мы идемъ въ обѣтованную землю,
Въ счастливую, лучезарную землю!»

Мистеръ Лестеръ долго стоитъ на галлерей, снявъ шляпу и устремивъ сочувственный взглядъ на удаляющійся поѣздъ, а мистеръ Линкбой, въ качествѣ секретаря и распорядителя мѣстна-

го общества для эмиграции, сопровождает до Ливерпула этого четвертый отряд юных переселенцев, высылаемых из Кодльтона. Разговаривая съ Джехоахиномъ Сетлемъ о будущности дѣтей, онъ весь оживляется и глаза его блестятъ грустной радостью. Американецъ хорошо понимаетъ, что мистеру Линебою болѣе не суждено заниматься дѣломъ, которому онъ преданъ всею душой.

Достигнувъ устья Мерси, они перебираются въ маленькомъ пароходикѣ на громадный Канадскій пароходъ, уже готовый къ отплытію. Мистеръ Линебой нѣжно цѣлуетъ и благословляетъ каждого изъ дѣтей, а Джехоахинъ, крѣпко сжавъ пастора въ своихъ могучихъ объятіяхъ, произноситъ со слезами на глазахъ:

— Прощай, братъ! Увидимся по ту сторону Иордана! Прощай.

Громадное судно приходитъ въ движеніе; изъ его мрачныхъ нѣдръ вылетаетъ могучій, глухой стонъ; раздается плескъ воды, и великанъ медленно отходитъ отъ своего Пигмея-товарища. Внизу на кожухѣ парохода стоитъ пасторъ, а на носу удаляющагося судна виднѣются дѣти, посылающія послѣднее прощаніе своей родинѣ. Надъ этой юной группой высится на рукахъ Джехоахина Сетля маленькая фигурка Крошки Годжа, махающаго платкомъ.

IV.

ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Наступило Рождество. Прошло ровно десять лѣтъ, какъ мертвое тѣло Годжа произвело то, чего никогда бы не сдѣлалъ живой Годжъ. Время наложило свою тяжелую руку на головы, но не на сердца (столь же юныя, какъ прежде) пастора и свайра. Громадное зданіе кодльтонскаго союза выпить жизнью и весельемъ. У подъезда останавливаются одни за другимъ экипажи крупныхъ землевладѣльцевъ и тележки фермеровъ; старыя и молодые джентльмены и поселяне радушно здороваются и желаютъ другъ другу веселаго праздника.

Вотъ раздаются звуки колокола, и всѣ спѣшатъ изъ сѣней въ женскій флигель, гдѣ бѣдная Мэри Годжъ и многія другія, родивъ на свѣтъ новаго бѣдняка, поплатились за это жизнью. Но теперь зданіе это не похоже на кодльтонскій союзъ, въ которомъ оно умерло. Комната, гдѣ родился Крошка Годжъ, болѣе не существуетъ; она вошла въ составъ большой залы кодльтонскаго земледѣльческаго общества, членами котораго одинаково свай-

ры, фермеры и поселяне. Старинный приходскій союзъ для бѣдныхъ дожилъ до черныхъ дней; лѣтъ шесть тому назадъ, онъ принужденъ былъ сократить свое помѣщеніе на половину, и несчастный мистеръ Ми завѣдуетъ послѣдними остатками отжившаго учрежденія. Многіе изъ бѣдняковъ, жившихъ на средства приходскаго союза, теперь существуютъ честнымъ трудомъ и въ настоящую минуту съ нетерпѣніемъ ожидаютъ вкуснаго, обильнаго обѣда въ кодльтонской земледѣльческой залѣ.

Сидней Биртонъ сквайръ стойтъ во главѣ средняго стола, а на право отъ него сэръ Вальтеръ Вагинтонъ, баронетъ и членъ парламента, сіяетъ, какъ всегда, добродушной улыбкой. Они ждутъ пастора, чтобъ благословить трапезу; вотъ въ залу входятъ, рука въ руку, ганкерлейскій ректоръ мистеръ Лестеръ и кодльтонскій методистскій пасторъ, мистеръ Роджеръ. Мало этого, въ залѣ находятся еще нѣсколько служителей алтаря различныхъ вѣроисповѣданій. Кто опишетъ этотъ удивительный обѣдъ и веселыя, дружескія бесѣды разнородныхъ членовъ кодльтонскаго земледѣльческаго общества? Я рѣшительно отъ этого отказываюсь.

Послѣ обѣда, достопочтенный мистеръ Роджеръ произнесъ почувствованное, но слишкомъ продолжительное слово, и, наконецъ, всѣ требуютъ прочтенія отчета о дѣятельности общества за истекшій годъ. Самми Стедманъ встаетъ и читаетъ отчетъ, который до того написанъ въ розовомъ цвѣтѣ, что можно было бы заподозрить Стедмана въ написаніи его въ веселомъ, пьяномъ настроеніи, еслибъ, какъ извѣстно, онъ не принадлежалъ къ обществу трезвости. Положеніе Кодльтонскаго округа самое удовлетворительное; заработная плата хороша и достигаетъ отъ 14—20 шиллинговъ въ недѣлю, соразмѣрно способностямъ рабочихъ, причемъ расчетъ почти вездѣ дѣлается задѣльный. Въ теченіи всего года къ посредникамъ ни разу не обращались съ просьбою о разрѣшеніи какаго бы то ни было спора между хозяевами и рабочими. Самми посѣтилъ весь округъ и съ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ, что ни одинъ землевладѣлецъ не нарушалъ заключенныхъ шесть лѣтъ тому назадъ контрактовъ на постройку удобныхъ хижинъ съ принадлежащими къ нимъ участками земли; вообще, рабочіе живутъ очень хорошо, но все же Самми не считаетъ, что достигнута конечная цѣль ихъ стремленій. Онъ надѣется на еще лучшее положеніе рабочаго въ будущемъ поколѣніи, когда распространится повсюду образованіе. Почти всѣ хижины въ округѣ арендуются у землевладѣльцевъ; но строительное общество дѣйствуетъ очень успѣшно, и нѣкоторые изъ рабочихъ приобрѣли въ

собственность хижины и участка земли, что замѣтно «имѣеть благотвѣтельное вліяніе на нихъ». Дѣятельность школьнаго совѣта также очень успѣшна, и дѣти безъ принужденія ходятъ въ школу. Въ этомъ отношеніи пасторы Лестеръ и Роджеръ заслуживаютъ всякихъ похвалъ своими неутомимыми усиліями въ дѣлѣ просвѣщенія. Кооперативная ферма въ Гарлеѣ достигла въ прошломъ году самыхъ счастливыхъ результатовъ. «Она успѣшно соперничаетъ съ лучшими, сосѣдними фермами (слушайте, слушайте!), купила двѣ или три земледѣльческія машины и нанимала одинъ изъ паровыхъ плуговъ изъ земледѣльческаго общества. Есть основаніе полагать, что система обработки земли, принятая на этой фермѣ, берется за образецъ всѣми другими фермами въ округѣ». Кромѣ того, всѣ сознаютъ, что сто членовъ ассоціаціи кооперативной фермы составляютъ великолѣпный резервъ труда для сосѣднихъ фермеровъ, которые приобрѣли возможность имѣть лучшихъ рабочихъ въ околосѣ, послѣ окончанія ими своей работы на фермѣ. Отзывъ Самми о дѣятельности кооперативныхъ складовъ въ селеніяхъ заставилъ бы заскрежетать зубами не одного лавочника. Комитетъ, говорилось въ концѣ отчета:—обращалъ, какъ всегда, бдительное вниманіе на то, чтобы предложеніе труда было пропорціонально потребностямъ нашей мѣстности. Въ этомъ отношеніи, нашему обществу содѣйствовалъ земледѣльческій союзъ. Соединенный комитетъ о переселеніи и эмиграціи рабочихъ заботился объ отправленіи молодыхъ людей въ другія части Англій и колоній; въ виду распространенія по округу практическихъ свѣдѣній о колоніяхъ, многія семейства нашли возможнымъ отложить довольно значительную сумму и съ небольшой помощью вашего комитета эмигрировать. Комитетъ объ эмиграціи дѣтей подъ личнымъ руководствомъ Джексохина Сетля (громкія рукоплесканія) и мистера Линьбоа, смерть котораго вскорѣ послѣ отправки въ Канаду послѣдней группы дѣтей составляетъ горькую потерю для нашего общества, отправилъ за океанъ 22 сироты и многихъ другихъ дѣтей. Въ числѣ этихъ юныхъ переселенцевъ находился и младшій сынъ Джона Годжа. Общества, подобныя нашему, ведутъ постоянную переписку съ комитетомъ о различныхъ вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ земледѣльческаго класса, и приняты уже мѣры къ организаціи всеобщаго національнаго земледѣльческаго союза. Такимъ образомъ, мы всѣ должны быть благодарны милосердному Провидѣнію за дарованное намъ въ прошломъ году благоденствіе и молить Его о продленіи между нами духа братства и единомыслія».

Послѣднія слова Самми Стедмана, сказанныя его обычнымъ

тономъ проповѣдника, вызвали громкія и продолжительныя рукоплесканія. Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель этого знаменательнаго банкета провозгласилъ единственные тосты, допускаемые въ подобный день: «за здоровье королевы» и «за успѣхъ кодытонскаго земледѣльческаго общества». Когда восторженные клики, привѣтствовавшіе эти тосты, умоляли, сквайръ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ:

— Въ этотъ день, десять лѣтъ тому назадъ, я прошелъ чрезъ тяжелое, но благодѣтельное испытаніе, которое меня совершенно переродило. Тоже впоследствии случилось съ нѣкоторыми изъ моихъ друзей, сидящими въ этой залѣ. Одушевлявшіе насъ прежде гордость, холодный эгоизмъ и всевозможные предразсудки уступили мѣсто добротѣ и человѣколюбію, однимъ словомъ, тому чувству, которое мой другъ Стедманъ справедливо называлъ братствомъ. Мы можемъ вѣрить или не вѣрить въ непогрѣшимость экономическихъ законовъ, но должны признать, что ихъ примѣненіе сильно облегчается вліяніемъ этого элемента, т. е. сознаніемъ своего долга не только къ самому себѣ, но и ко всѣмъ ближнимъ на какой бы общественной ступени они ни находились. Политическая экономія безъ человѣколюбія въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова также безпомощна, какъ человѣколюбіе безъ политической экономіи. Сегодня мы празднуемъ результаты нашего перерожденія. Хозяева и рабочіе вели нѣкогда кровавую борьбу, и казалось, что эта борьба должна была кончиться не иначе, какъ совершеннымъ уничтоженіемъ одной изъ сторонъ. Но, когда мы поняли, къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ должна была привести эта распря, и стали искренно заботиться объ ея прекращеніи, то нашлись практическія мѣры къ примиренію. Оказалось, что, въ сущности, наши интересы одни и тѣ же, и теперь я полагаю никто не сомнѣвается, что они совершенно слились въ одно. Вамъ, конечно, будетъ пріятно узнать, что, по статистическимъ свѣдѣніямъ прошедшаго года, земля въ нашемъ округѣ приноситъ болѣе дохода, чѣмъ во всей остальной Англіи; это—очевидное, безспорное доказательство, какъ благотворно дѣйствуетъ перемѣна нашихъ взаимныхъ отношеній. Я долженъ еще упомянуть, какъ о значительномъ фактѣ, о распространеніи бережливости между рабочими, благодаря тому, что они убѣждены въ возможности достигнуть лучшаго положенія. Одна изъ моихъ фермъ, оставшаяся свободной по смерти мистера Гольдинга, взята въ аренду Ричардомъ Ро, нѣкогда протымъ пахаремъ, а въ послѣднее время распорядителемъ кооперативной фермы».

Послѣ сквайра обратился къ присутствующимъ съ характеристической рѣчью сэръ Вальтеръ Ваггингтонъ.

— Господа, сказали онъ между прочимъ:—я однажды протестовалъ противъ введенія комерческихъ принциповъ въ отношенія между земледѣльческимъ трудомъ и капиталомъ, но на практикѣ я убѣдился послѣ перваго же опыта, что примѣненіе этихъ принциповъ не только увеличило цѣнность моихъ владѣній, но способствовало болѣе всего къ распространенію добрыхъ дружескихъ чувствъ между мною и моими, менѣе состоятельными, ближними, чего я прежде не могъ достигъ, несмотря на всѣ усилія.

Вслѣдъ затѣмъ, Самми Стедманъ обратилъ вниманіе своихъ почтенныхъ сочленовъ на слѣдующее письмо, полученное имъ изъ Канады отъ младшаго сына бѣднаго Джона Годжа, перваго и послѣдняго мученика земледѣльческаго движенія въ Англіи:

Ферма Гопъ¹, близъ Отавы, 30-го ноября.

«Любезный сэръ,

«Скажите мистеру Линкбоу, что, послѣ того, какъ мы съ нимъ разстались, большой корабль долго шелъ по морю. Мнѣ было очень тошно и всѣмъ другимъ также. Прибывъ въ Квебекъ, мы сошли на берегъ, и мистеръ Сетль отвезъ насъ въ Монреаль, а потомъ мы приѣхали сюда, въ Отаву. Я живу здѣсь у одного джентльмена и лэди, которые выпросили меня у мистера Сетля. Они очень добры ко мнѣ. Я называю ихъ папа и мама. Она целуетъ меня каждое утро и вечеръ. Мнѣ даютъ вдоволь кушать и у меня красивая одежда. Я очень выросъ. Прежде меня здѣсь не любили, потому что я былъ очень малъ ростомъ, а теперь все болѣе и болѣе меня любятъ. Я также люблю маму. Она дала мнѣ другое имя. Я надѣюсь, что тутъ нѣтъ ничего дурнаго. Меня теперь зовутъ Веніаминъ Гопъ. Пану и маму также зовутъ Гопъ. Надѣюсь, что вы получите это письмо къ Рождеству, когда всѣ господа собираются на большой обѣдъ. Скажите имъ, что я очень-очень благодарю ихъ за то, что они меня прислали сюда. Также скажите мистеру Линкбоу и мистеру Лестеру, что я молюсь о нихъ каждое утро и вечеръ. И вообще прошу васъ, встаньте за обѣдомъ въ день Рождества и пожелайте всѣмъ господамъ отъ меня веселыхъ праздниковъ и счастливаго новаго года.

Вашъ многолюбящій

Крошка Годжъ.

P. S. Мама говоритъ, что въ послѣдній разъ подписываюсь этимъ именемъ.

Веніаминъ Гопъ».

КОНЕЦЪ.

¹ Гопъ (*Hope*), значитъ по-англійски надежда.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Книги и театры. — Эдгаръ Кийе, Викторъ Гюго, Мишле. — Шарль Биво, Тэнъ. — Матерьяльное благосостояніе театровъ и отсутствіе драматическихъ произведеній. — Реакція въ пользу трагедіи Эрнесто Росси. — «Маленькій дождикъ...» — «Ферреоль». — «Вчерашніе скандалы». — «Реджина Сарпи». — «Гордская Венера». — «Сынъ Шоппара». — Возобновленіе «Юности Мухометовъ». — «Креолка». — Лекокъ на распутіи двухъ дорогъ. — «Помпонъ». — «Молоденькая новобрачная». — Обозрѣнія. — Возобновленія въ «Комической Оперѣ» и въ большой оперѣ. — Концерты консерваторіи. — Смерть Лагероньера, Сень-Жоржа и Дежазё.

Политика за послѣднее время получила такое преобладающее значеніе во Франціи, что я вынужденъ былъ въ прошедшей своей хроникѣ совершенно не упоминать ни о какихъ иныхъ новостяхъ, а въ настоящей могу посвятить только весьма небольшое число страницъ коротенькому перечисленію литературныхъ и театральныхъ новостей.

Между тѣмъ, не говоря уже о цѣлой массѣ книгъ, предназначенныхъ для подарковъ къ новому году для большихъ и маленькихъ дѣтей и о которыхъ слѣдовало бы хотя разъ поговорить обстоятельно, въ настоящее время появилось нѣсколько замѣчательныхъ новостей, о которыхъ я и считаю нелишнимъ сообщить читателямъ «От. Зап.», если не со скоростью телеграфа, то съ краткостью телеграммъ.

Упомяну, во-первыхъ, о «Книгѣ изгнанника» (Livre de l'Exilé)— собраніи замѣтокъ, набросковъ и политическихъ писемъ Эдгара Кине за время отъ 1852 по 1875 годъ. Около 60 страницъ этой книги представляютъ собою совершенно новый и ни гдѣ еще не напечатанный матеріалъ. Богатство и глубина мысли въ нихъ равняется только мастерству и художественности изложенія.

Затѣмъ, появился 2-й томъ «Словъ и дѣйствій» Виктора Гюго съ блестящимъ предисловіемъ, озаглавленнымъ «Что такое изгнаніе?», въ которомъ вторая имперія изображена въ самыхъ яркихъ и безпощадныхъ краскахъ, что весьма встаетъ передъ наступленіемъ общихъ выборовъ, чтобы пробудить въ средѣ избирателей все то негодованіе, какого заслуживаетъ это тяжелое, печальное и безнравственное время.

Незадолго до своей смерти, Мишле, какъ извѣстно, издалъ 1-й томъ своей «Исторіи XIX столѣтія», долженствовавшей закончить собою его «Исторію Франціи» и «Исторію французской революціи». Теперь появились 2-й и 3-й томы этого сочиненія, оставшіеся послѣ смерти автора въ рукописи. Второй томъ носитъ названіе «До 2 брюмера», 3-й—«До Ватерлоо». Конечно, это произведеніе Мишле не представляетъ собою той точности, серьезности и методичности, какъ «Исторія» Гервинуса, но за то оно замѣчательно, какъ цѣлый рядъ весьма меткихъ и характерныхъ очерковъ и взглядовъ на недавнее движеніе Европы. Для тѣхъ, кто хорошо знакомъ со всѣми событіями этого времени, замѣчанія и выводы Мишле имѣютъ значительную цѣнность. Никто изъ французскихъ писателей новаго времени не обладаетъ въ одинаковой степени съ Мишле даромъ заставлять размышлять даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ ошибается и заблуждается.

Подъ названіемъ «Управляющіе классы» одинъ еще довольно молодой публицистъ, Шарль Биго, издалъ весьма полезную книгу. Это не памфлетъ на политиковъ «нравственнаго порядка», но довольно сжатый социальный этюдъ, изображающій различныя категоріи гражданъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается власть и богатства, до тѣхъ поръ, пока имъ не суждено перейти въ руки не окончившей еще своего воспитанія демократіи—путемъ ли мира, если сильные и могущественные не станутъ сопротивляться неизбежному ходу вещей, или путемъ насилія, если они этого не сдѣлаютъ. Разсматривая современное духовенство, магистратуру, печать, правительства, партіи, женщинъ и общественное воспитаніе, авторъ высказываетъ мно-

го жестких и горьких истинъ деморализованному современному обществу и особенно тѣмъ безумнымъ индифферентистамъ и апатичнымъ глупцамъ, которые полагаютъ, что все и постоянно будетъ процвѣтать въ «наилучшемъ изъ мировъ», пока въ западѣ на всякой случай можно имѣть достаточное количество ми-тральёвъ, готовыхъ во всякое время «производить чудеса»...

Упомяну также о книгѣ Тэна: «Старый порядокъ». Книга эта составляетъ какъ бы первую часть задуманнаго имъ сочиненія о возникновеніи идей свободы во Франціи. Вторая и третья части (еще не вышедшія) будутъ носить названіе: «Революціи» и «Началь современной Франціи». Хотя я и прочиталъ уже первую часть, но отказываюсь отъ высказыванія объ ней мнѣнія до появленія всего сочиненія въ цѣломъ. Думаю, однако, что едва ли новый трудъ Тэна представитъ собою вѣрное изображеніе успѣховъ новой европейской мысли. Писатель этотъ, отличающійся замѣчательною смѣлостью въ рѣшеніи религиозныхъ вопросовъ, въ разсмотрѣніи вопросовъ политическихъ вноситъ слишкомъ мало скептицизма. Вообще, о Тэнѣ можно сказать, что это—скорѣе остроумный, нежели глубокой мыслитель. Онъ—нѣчто въ родѣ французскаго Мавколея. Тэнъ съ глубокимъ одушевленіемъ готовъ писать цѣлыя филиппики противъ крайностей и увлеченій *черни* и ужасовъ Террора, но найдутъ ли въ душѣ его отголосокъ великодушныя порывы гуманитарнаго духа великой эпохи—я сомнѣваюсь, а, безъ таковаго отношенія къ избранному имъ предмету, едва ли можно быть добросовѣстнымъ историкомъ новой эры европейской цивилизаціи.

Изъ отчета, опубликованнаго ассоціаціями драматическихъ писателей и музыкантовъ, оказывается, что въ 1875 году театрами, публичными балами и концертами собрано съ публики болѣе 25 милліоновъ франковъ! До такой суммы сборы этого рода никогда еще не достигали. Въ 1869 г. сумма эта едва достигала 16 милліоновъ, и даже въ 1867 г., когда всемірная выставка привлекала въ Парижъ сотнями тысячъ гостей со всего міра, она дошла только до 24 милліоновъ трехъ сотъ и нѣсколькихъ тысячъ. Между тѣмъ, никогда число обанкротившихся содержателей театровъ не было такъ велико, какъ именно въ настоящемъ году, не смотря на золотой дождь, безпрестанно лившійся въ ихъ карманы. Вотъ что значитъ погоня за невѣроатными роскошными обстановками, сдѣлавшимися необходимою приманкою пресыщенной публики! Никогда еще, въ тоже время, средній уровень интеллектуальнаго достоинства сценическихъ представлений не падалъ такъ низко. Въ средѣ множества произведеній ниже всякой посредственности даже сказочная мелодрама: «Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней» представляется чуть ли не *chef'd'oeuvre* и пользуется такимъ успѣхомъ, что послѣ 400 представлений еще рассчитываетъ на значительную долготу дней, а блѣдная «Дочь Роланда»—и блѣдная не по сравненію только съ такими произведеніями, какъ «Маріонъ

Делормъ» или «Луcreція Борджіа» Виктора Гюго, но даже съ понсаровскими «Шарлотой Кордэ» или Луcreціей»—кажется, на вѣки вѣчные утвердилась на сценѣ «Французскаго театра». Мало того, ея счастливый авторъ едва на попалъ во французскую академію на ваканцію Шарля Ремюза и для его избранія въ безсмертные не хватило только одного голоса! Впрочемъ, въ публикѣ, которой уже стали надобдаться механическіе фокусы декоративныхъ ухищреній и циническія выставки цѣлыхъ полчищъ полубоженныхъ женщинъ, началась уже реакція въ пользу... трагедій. Во всѣ театры, гдѣ объявляется представленіе трагедій, публика валить валомъ, такъ что, напримѣръ, директоръ «Историческаго театра» площади Шателэ почелъ необходимымъ, среди представленій современныхъ драмъ, попробовать возобновленіе «Сиды» съ энергическою и поэтическою Руссель—въ роли Химены. На драматическихъ утрахъ театра «Renaissance» появились чтенія Корнелевского «Горація»—въ передачѣ высокоталантливой г-жи Агаръ, трагической артистки, осужденной парижскими критиками и публикой на забвеніе и неизвѣстность въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ за то, что она пользовалась значительною популярностью во время коммуны. Наконецъ, и это изъ самыхъ характерныхъ признаковъ упомянутой мною реакціи—итальянскій трагикъ Росси, появившійся на сценѣ театра Вантадуръ и намѣревавшійся пробыть въ Парижѣ всего на все недѣлю или двѣ, несмотря на то, что обстановка пьесъ, въ которыхъ онъ появляется, самая мизерная, принужденъ былъ, по требованію публики, нарушить свой контрактъ съ Соединенными Штатами Америки, заплатить за это 50 тысячъ неустойки и уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду пожинаетъ лавры и значительныя суммы, появляясь передъ публикой то Гамлетомъ, то Оттело, то Макбетомъ. Благодаря Росси, мы видѣли и «Кина» Александра Дюма-отца въ итальянскомъ переводѣ. Гость нашъ собирался явиться и въ пьесахъ Гюго, но автору ихъ показалось страннымъ, что тѣ его произведенія, представленія которыхъ на французскомъ языкѣ не дозволяются, появились бы въ тоже время на сценѣ въ итальянскомъ переводѣ, и своего согласія на это знаменитому трагику не далъ.

«Одеонъ», съ пола и до крыши заново передѣланный (что поставило на шесть недѣль отложить обыкновенный срокъ его открытія), съ великолѣпнымъ фойе, украшеннымъ замѣчательною коллекціею портретовъ свѣтилъ театральнаго искусства и бюстовъ знаменитѣйшихъ изъ драматическихъ писателей—разсудилъ за благо начать свои представленія съ возобновленія «Законной любовницы», которая у васъ услѣха не имѣла, а у насъ пользуется огромнымъ. Вслѣдъ за нею, пойдетъ пьеса изъ русскихъ нравовъ «Данишевы», о которой здѣсь ходитъ много легендъ, которая написана, кажется, вашимъ соотечественникомъ, а только будетъ поставлена подъ фирмою Дюма-сына и надъ которою цезура таки основательно уже поработала. Другая пьеса

Дюма II-го и принадлежащая ему исключительно, «Иностранка», дѣятельно репетируется въ театрѣ Французской Комедіи, и ея появленіи всѣ ждутъ, какъ событія... единственнаго въ настоящій сезонъ въ драматическомъ мірѣ. До сихъ поръ, первый французскій театръ рискнулъ поставить только одну незначительную новинку, небольшую одноактную пьеску посредственнаго стихотворца и сотрудника «Revue des deux Mondes», Эдуарда Пальерона, «Маленькій дождикъ...» Маленькій дождикъ прекращаетъ значительный вѣтеръ, говорить пословица, послужившая мыслью для этой пьески, та пословица, которой Раблэ нѣкогда далъ такое оригинально веселое, хотя и скоромное объясненіе. Дождь и разныя неудобства путешествія безъ паспорта, при существованіи жандармовъ, спасаютъ героиню пьесы отъ «адюльтера». Эти маленькія неприятности дѣйствительной жизни заставляютъ оглянуться на свое положеніе свѣтскую женщину, легкомысленно рѣшившуюся на побѣгъ съ нѣкоторымъ Ловелассомъ изъ подъ крова весьма удобнаго мужа и въ попыткахъ забывшую даже захватить съ собою теплый салопъ... зимою. Вотъ и все.

«Ферреоль», новая пьеса, Викторіена Сарду идущая на сценѣ театра Гимназіи представляетъ всѣ достоинства и недостатки другихъ большихъ произведеній этого автора. Она немножко украдена, такъ какъ и содержаніе, и характеры дѣйствующихъ лицъ безцеремонно заимствованы и очень мало перекроены изъ двухъ извѣстныхъ романовъ: «Первый шагъ въ магистратурѣ» Жюль Сандо и «Убійца красавца Антуана» Ноэля Парфэ, и въ тоже время ведена съ изумительнымъ мастерствомъ. Дѣло въ томъ, что она основана на юридической ошибкѣ, которую необходимо исправить, такъ какъ, благодаря нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, судъ обвинилъ въ убійствѣ человѣка совершенно неповиннаго; но открытіе истины должно скомпрометировать честь женщины и, притомъ, жены предсѣдателя судебного процесса. При огромномъ знаніи сцены, Сарду удалось такъ завязать и развязать интригу, что нѣкоторыя сцены пьесы исполнены глубокаго драматизма и производятъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на зрителей. Похожъ на самого себя Сарду во «Ферреолѣ» еще и тѣмъ, что не обошелся въ немъ и безъ проведенія грязнейшей тенденціи осмѣять учрежденіе присяжныхъ засѣдателей при уголовномъ судопроизводствѣ. Эта мысль олицетворяется въ цѣсѣ эпизодическимъ лицомъ одного изъ присяжныхъ засѣдателей, ничего не понимающаго въ процессѣ, по поводу котораго онъ призванъ высказать свой приговоръ, и обращающагося съ глубочайшимъ низкопоклонствомъ къ обвиняемому, такъ какъ онъ изъ занимающихъ хорошее общественное положеніе. На окраску этого характера Сарду положилъ весьма много комизма, и талантливый Лесюэръ своею художественной игрой создалъ изъ него положительный типъ и вызвалъ немолкавшій смѣхъ... Много было, однакоже, между зрителями и такихъ, которымъ становилось тяжело отъ этого смѣха!

Конечно, и учрежденіе присяжныхъ, какъ всё человѣческія учрежденія, имѣетъ свои слабыя стороны. Еще недавно Парижъ былъ свидѣтелемъ, какъ присяжными были оправданы соучастники Кассаньява въ его белльвильскомъ неистовствѣ, «Gaulois» и «Rauc», но, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, учрежденіе присяжныхъ—главная гарантія невинныхъ, подпадающихъ судебному преслѣдованію, и вообще независимости и непристрастія суда. Осмѣливать подобное учрежденіе на сценѣ—по меньшей мѣрѣ, безтактно и непристойно.

«Вчерашніе скандалы», идущіе на сценѣ театра «Водевилля», хотя и принадлежатъ опытному перу Баррьера, но нисколько не напоминаютъ прежнихъ произведеній этого писателя, когда талантъ его проявлялся въ полномъ блескѣ въ «Faux Vopshomes» или «Мраморныхъ дѣвахъ». Написана эта пьеса небрежно; характеры очерчены только вскользь; дѣйствіе тянется довольно вяло; все дѣло основывается на недоразумѣніи (ошибкѣ газетнаго репортера, изъ-за которой страдаетъ ни въ чемъ не повинная жертва этой ошибки, на которую обрушивается несчастливый скандалъ), которое озаичивается, впрочемъ, благополучно и по извѣстной программѣ наказанія порока и торжества добродѣтели.

Въ числѣ множества криминальныхъ романовъ Бело, находится одинъ особенно сенсационный и написанный этимъ авторомъ въ сотрудничествѣ съ Эрнестомъ Доде (братомъ увѣчаннаго романиста Альфонса Доде)—исторія одной красавицы изъ Арля, осужденной за убійство въ 1862 г. авиньонскимъ уголовнымъ судомъ. Изъ этого романа Бело, уже одинъ, состряпалъ и драму для театра «Ambigu», подъ названіемъ «Гордская Венера», но, вмѣсто того, чтобы сколько нибудь смягчить рѣзкости этого процесса и характеръ полубезумной убійцы—онъ еще съ крайнею неумѣренностью пересолитъ въ другую сторону. Бышло какое-то чудовищное сѣвилье ужасовъ, возмутившее не только знатоковъ драматическаго искусства и критику, но даже и навѣнѣйшихъ изъ посѣтителей дешевыхъ мѣстъ верхнихъ галлерей, такъ что, въ первое представленіе, по окончаніи пьесы, раздался единодушный и оглушительный свистъ. Директоръ «Ambigu» не смутился этимъ свистомъ и дней десять пьеса стояла на афинѣ, хотя смотрѣть драму появлялись только нѣкоторыя дамы «полусвѣта», всё же дешевыя мѣста оставались пустыми. Нѣчего дѣлать, пришлось-таки перестать давать пьесу въ явный ущербъ карману и замѣнить ее другою. На смѣну этой несчастной «Венеры» явилось продолженіе знаменитаго «Courcier de Lyon» (дѣло Лесюра) «Сынъ Шоппара». Пьеса ординарная и имѣла полу-успѣхъ.

Нѣсколько большій успѣхъ имѣла лишь драма двухъ молодыхъ авторовъ гг. Денэруза и Оне: «Реджина Сарпи» изъ корсиканскихъ нравовъ и основанная на неизбѣжной въ этой странѣ вендеттѣ, шедшая на сценѣ «Историческаго театра». Пер-

вый опыт этих двух писателей показываетъ въ нихъ присутствіе таланта и, хотя пьеса и рутинна, но написана хорошимъ языкомъ. Въ настоящее же время, и это случается не часто. Успѣхъ пьесы гарантируется, сверхъ того, отличной игрой талантливой драматической артистки Мари Лоранъ.

На театрѣ Сень-Мартенскихъ воротъ, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ исполнителямъ «Путешествія вокругъ свѣта», которымъ оно, конечно, давно уже набило оскомину, дирекція, не успѣвшая еще въ достодолжной степени прорепетировать давно обѣщаннаго «*Coq-Nardi*», поставила, въ перемежку съ «Путешествіемъ», возобновленную мелодраму Ал. Дюма-отца и Огюста Мажэ: «Юность мушкетеровъ». Публика какъ будто обрадовалась этому возвращенію драмы, такъ нравившейся ей когда-то, въ доброе старое время, да и вообще она въ настоящее время предпочитаетъ смотрѣть мелодрамы, чѣмъ оперетки. Оффенбахъ впалъ въ немилость—и на этотъ разъ, кажется, уже окончательно. Онъ думалъ быть львомъ настоящаго, сезона, оставивъ сразу на три сцены двѣ оперетки («Булочницу», о которой я уже говорилъ, на сценѣ «*Variétés*», и «Креолку»—съ Жюдиэ, въ театрѣ Буффъ) и фэерію «Путешествіе на луну» (*Gaité*); всѣ эти три его произведенія не только не хуже, но даже веселѣе и лучше всего того, что онъ писалъ за послѣднее время, и увн!—оперетки не выдержали даже и ста представленій, хотя еще недавно выдержали бы ихъ гораздо болѣе, и развѣ только одно «Путешествіе на луну» имѣетъ еще нѣкоторые шансы продержаться на сценѣ до наступленія весны. А между тѣмъ, едва сойдетъ со сцены это «Путешествіе № 2-й», какъ новый директоръ «*Gaité*», получившій 200 тысячную субсидію, предназначавшуюся для третьяго лирическаго театра (для котораго не нашлось въ Парижѣ помѣщенія), начнетъ ставить серьезныя произведенія молодыхъ композиторовъ, каковы Викторъ Массе, де-Жонсьеръ, Массене («Павель и Виргинія», «Лже-Дмитрій», Эррини»), которымъ до сихъ поръ не удавалось попасть ни въ раззолоченныя залы «Новой Оперы», ни въ «Комическую Оперу». Царству Оффенбаха, очевидно, наступаетъ конецъ, и этотъ плодовитый маэстро встрѣчаетъ закатъ своей звѣзды почти съ пустыми руками. За все время своихъ нескончаемыхъ триумфовъ онъ даже не сумѣлъ основательно разбогатѣть.

Соперникъ Оффенбаха, Лекокъ, былъ въ настоящій сезонъ счастливѣе его, хотя и его первая оперетка «Помпонъ» продержалась на сценѣ театра «*Folies Dramatiques*» всего на-все одинъ мѣсяцъ, между двумя возобновленіями «Дочери Ангдъ». Эта дочь, обогатившая театръ «*Folies Dramatiques*», продолжаетъ играть, относительно директора этого театра, давшаго ей жизнь, роль Антигоны относительно Эдипа, и, чуть сборы его начинаютъ ослабѣвать, какъ появляется на сцену она, всегда готовая питать его своею грудью. Но за то, въ утѣшеніе за неуспѣхъ «Помпона», Лекокъ былъ вознагражденъ тѣмъ, что другая его

оперетка, «Молоденькая новобрачная», очень понравилась публикѣ. По либретто, это—нѣчто въ родѣ сказокъ Боккачю; въ дѣйствии пьеска идетъ быстро и весело. Музыка ея тоже при- шла въ публикѣ по душѣ больше музыки «Помпона», хотя надобно связать, что и «Помпонъ», въ музыкальномъ отношеніи, лучше всѣхъ прежнихъ произведеній Леккоа, и вообще видно, что композиторъ стремится выйти изъ тѣхъ рамокъ, которыя еще недавно были поставлены опереткамъ. Положимъ, что «Новобрачная», названная на афишѣ комическою оперой, далеко еще не оправдываетъ такого своего опредѣленія; но стремленіе и способность къ серьезной музыкѣ въ ея композиторѣ въ ней очевидны, какъ очевидно и то, что, если во время безусловнаго царствованія оперетокъ, Леккоа и долженъ былъ въ своихъ композиціяхъ подчиняться господствовавшему направленію въ легкой музыкѣ, то онъ положительно можетъ въ будущемъ, и помимо ея, проявиться замѣчательнымъ композиторомъ.

Этимъ исчерпываются всѣ наши театральныя новости. если не упоминать о возобновленіи длиннаго стараго водевиля «Парижскіе флаёры», появившагося на сценѣ театра «Des Arts». Затѣмъ остаются безчисленныя обзорнія (revues), обыкновенно къ концу года появляющіяся на многочисленныхъ сценахъ и сценахъ третьестепенныхъ театровъ, кафе-шантановъ и театровъ выѣшнихъ бульваровъ. Нынѣшній годъ особенно обилень на такія обзорнія, но увъ! всѣ они донельзя однообразны и ограничиваются, по большей части, пародіями на сцену изъ пьесъ, имѣвшихъ въ теченіи года наибольшій успѣхъ или надѣлавшихъ наиболѣе шуму своимъ паденіемъ.

Участники этихъ обзорній подражаютъ обыкновенно голосу, жестамъ и манерамъ лучшихъ парижскихъ артистовъ и иногда копируютъ ихъ очень удачно, но, по большей части, неудовлетворительно. Вотъ и все, если не считать куплетовъ на мотивы изъ оперетокъ, наиболѣе популярныхъ, да безконечнаго числа дешевыхъ остротъ и каламбуровъ. Въ прежнее время, когда «обзорніямъ» была предоставлена нѣкоторая свобода политическихъ намековъ и экскурсій въ живую общественную дѣятельность, они, разумѣется, имѣли гораздо большее значеніе, и представляли собою иногда и интересъ, и занимательность; но цензура проявила надъ ними свое могущество, обезличила ихъ и, такъ сказать, загубила ихъ въ самомъ корнѣ... Нынѣшнія «обзорнія»—только блѣдныя тѣни тѣхъ парижскихъ обзорній, которыя нѣкогда вызывали столько смѣху и доставляли столько веселья безпечнымъ парижанамъ.

Большіе народные концерты, возобновившіеся съ началомъ зимы, какъ и въ прошломъ году, въ «Зимнемъ Циркѣ» и въ «Театрѣ Шатлэ»—по воскресеньямъ, подъ управленіемъ гг. Паделу и Колонна, продолжаютъ попрежнему собирать тысячи слушателей не богатыхъ классовъ, для которыхъ слушаніе серьезной музыки стало необходимою потребностью. Что потребно-

эта въ средѣ парижанъ усиливается—доказательствомъ можетъ служить то, что въ нынѣшнемъ году понадобилось открыть еще одно помѣщеніе для подобныхъ концертовъ, на которыхъ исполняются, впрочемъ, только произведенія современной музыки. Эти концерты происходятъ по воскресеньямъ, въ циркѣ Фернандо, находящемся чуть не у самыхъ монтмартрскихъ высотъ—и всегда бываютъ полны. 5-го декабря, происходилъ обычный годовой концертъ, который въ Парижѣ считается важнѣйшимъ изъ всѣхъ концертовъ. Я говорю о музыкальномъ утрѣ консерваторіи, которымъ сопровождается обыкновенно ея открытіе. На немъ были исполнены произведенія какъ классической, такъ и современной музыки—съ одной стороны Генделя, Баха и Бетховена, съ другой — Гуно и Берлиоза. Пальму первенства заслужилъ, въ нынѣшнемъ году, въ качествѣ исполнителя концерта для органа съ оркестромъ, органистъ «Trinité» — Александръ Гюльманъ, игра котораго отличалась необычайною мягкостью и изумительною тонкостью передачи самыхъ трудно уловимыхъ оттѣнковъ композиціи, гораздо болѣе, чѣмъ силою и блескомъ. Я положительно думаю, что едва ли когда нибудь исполненная имъ чудная мелодія Генделя была кѣмъ-либо лучше и совершеннѣе исполнена.

Смерть продолжаетъ беспощадно выхватывать своихъ жертвъ изъ всѣхъ областей общественной дѣятельности, не щадя ни таланта, ни знанія, ни заслугъ. Наднакъ схороненъ не безъизвѣстный вамъ виконтъ де-Лагероньеръ, бывшій нѣкогда посланникомъ и сенаторомъ, но прославившійся преимущественно въ качествѣ интимнаго публициста Наполеона III, высказывавшаго въ своихъ брошюрахъ личные взгляды седанскаго героя при всѣхъ значительныхъ политическихъ событіяхъ. Одновременно съ нимъ умеръ и ветеранъ-либреттистъ, сотоварищъ Скриба—Сен-Жоржъ, написавшій на своемъ вѣку цѣлыя сотни оперныхъ либреттъ и балетныхъ программъ. Нѣсколько ранѣе погибла и знаменитая Виргинія Дежазё, восхищавшая съ театральныхъ подмостковъ своею вѣчною молодостью *въ теченіе 72 лѣтъ* нашихъ дѣдовъ, отцовъ и насъ. Выступивъ на сцену *пяти лѣтъ* отъ роду, она еще въ настоящемъ году нѣсколько разъ на ней появилась, несмотря на свои 78 лѣтъ! Всякій, кто, со времени Наполеона I, хотя сколько нибудь интересовался театромъ во Франціи, если ея и не видѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, слышалъ о ней какъ объ исполнительницѣ беранжеровской *Лизетты*, *Виконта де-Леторьера*, *Бонапарта въ Бриеннѣ* и *Красавца Бернара*. Два года тому назадъ, въ честь ея, на сценѣ театра Вантадуръ происходилъ торжественный спектакль, на которомъ всѣ, безъ исключенія сколько нибудь замѣчательные парижскіе артисты и артистки приняли участіе, чтобы выразить этимъ ей свое уваженіе и увеличить сборъ, назначавшійся въ ея пользу. Она, за все время своей необычайно продолжительной сценической карьеры, не только не нажила себѣ состоянія, но не обезпечила с

даже отъ нужды. Такою же торжественностью отличилось и ея погребеніе, произведенное на общественный счетъ. Послѣ заупокойной мессы въ «Trinité», въ исполненіи которой принимали участіе лучшіе оперные солисты, погребальная колесница, за которую слѣдовали десятки тысячъ поклонниковъ ея таланта и всѣ артисты и артистки, была провозена по всѣмъ главнымъ парижскимъ улицамъ прежде, чѣмъ направилась къ кладбищу отца Лашеза, гдѣ произошло погребеніе ея трупъ.

II.

Неожиданная перемѣна декораций въ версальскомъ собраніи: окончательное признаніе республики. — Плясъ Бюффе по поводу избранія сенаторовъ. — Списокъ сенаторовъ, заготовленный правомъ сторовомъ по мысли триумvirата: Фаллу, Бюффе и де-Брольи. — Первый день выбора сенаторовъ. — Герцогъ Одифре, ставшій республиканцемъ. — Соглашеніе хвѣныхъ съ чистыми легитимистами. — Затрудненія на второй и третій день выборовъ. — Письмо депутата де-Ла-Рошета противъ орлеанизма. — Бюффе, отказывающійся отъ кандидатуры въ сенатъ. — Шестой день выборовъ: кризисъ конвертовъ. — Министръ безконечныхъ перерывовъ. — Побѣда хвѣныхъ 7-го дня. — Внутреніе трехъ министровъ въ угоду маршалу. — Дюпанлу снова встрѣчается съ Литтрѣ. — 11-й день: любезности, оказанныя Мак-Магону и Тьеру. — Статистика *бессмыслицъ*. — Республиканское большинство въ сенатѣ. — Умѣренность побѣдителей и заявленія нѣкоторыхъ сенаторовъ. — Герцогъ Омальскій. — Результатъ сенатскихъ выборовъ — спасительный для Франціи.

При преніяхъ по поводу избирательнаго закона о депутатскихъ выборахъ, какъ читатели это видѣли изъ моей прошлой хроники, всѣмъ интересамъ свободы во Франціи, повидимому, угрожала конечная гибель, и вотъ почти все вновь спасено, благодаря тому, что версальское собраніе выговорило себѣ по конституціи право выбора 75 пожизненныхъ сенаторовъ. Для лицъ, не посвященныхъ въ таинства парламентскихъ мистерій, подобное превращеніе можетъ показаться просто чудомъ; между тѣмъ какъ для дальновидныхъ политиковъ подобное явленіе составляетъ нечто иное, какъ неизбежное торжество логики въ борьбѣ здраваго смысла съ интригами яростнаго безсилія. Послѣ того, какъ монархія, въ видахъ реставраціи которой былъ смѣщенъ Тьеръ и придуманъ Мак-Магонъ, оказалось неосуществимой ни въ бѣломъ, ни въ трехцвѣтномъ своемъ воплощеніи, всѣ попытки къ сочиненію личнаго или безличнаго септената привели только къ тому, что, для сохраненія хотя какихъ нибудь шансовъ роялистовъ до 1880 года, хитроумные ихъ изобрѣтатели вынуждены были придти къ признанію республики, утвержденной февральскими конституціонными законами.

Бюффе попробовалъ, нельзя ли сдѣлать изъ этой республики, ревизія которой была предусмотрена, нѣчто въ родѣ де-Брольевского септената, изгнать изъ среды ея исполнителей всякихъ

республиканцевъ и все ея зданіе, съ подвала и до крыши, сдать на руки ревизионистовъ: орлеанистовъ, легитимистовъ и даже бонапартистовъ, которыхъ, подъ предлогомъ общественной опасности, рѣшено было тоже принимать въ консервативный союзъ.

До тѣхъ поръ, пока дѣло шло только о преслѣдованіи демократіи, большинство 24-го мая казалось возможнымъ къ осуществленію, а большинство 25-го февраля поддавалось распаденію. Но едва эти три или четыре отрицательныя партіи захотѣли, при помощи своего союза, провести въ будущій сенатъ 75 человекъ своихъ людей — какъ никакое большинство не стало возможнымъ. Пришлось покориться стремленіямъ лѣвой стороны и изъ отрицателей обратиться въ окончательныхъ утвердителей республики.

Можно ли было избѣгнуть подобнаго результата? да, еслибы Бюффе, вмѣсто того, чтобы быть обыденнымъ интриганомъ, способностей самыхъ ординарныхъ, былъ реакціонеромъ талантливымъ. Послѣ своей неожиданной побѣды надъ лѣвыми, онъ имѣлъ полную возможность надѣть на себя маску безпристрастія и предложить правительственное содѣйствіе такому списку 75-ти, который представлялъ бы собою какъ бы весь парламентъ въ сокращеніи, выражая пропорціональными цифрами всѣ, безъ исключенія, парламентскія группы. На подобную комбинацію весьма многіе взглянули бы, какъ на вполне соотвѣтственную стремленіямъ избобрѣтателей сената. Еслибы таковой списокъ прошелъ, то правительство осталось бы во главѣ направленія общими выборами и могло бы, подъ предлогомъ интересовъ отдѣльныхъ мѣстностей, задавить подъ официальными кандидатурами всѣхъ неприятныхъ ему людей, не исключая даже и невиннѣйшихъ представителей лѣваго центра. Настоящіе республиканцы, при этомъ, были бы вынуждены прибѣгнуть къ противоконституціонной оппозиціи, такъ какъ отъ нихъ было бы отнято главное ихъ подспорье, позволяющее имъ разсчитывать на побѣду, даже въ средѣ самыхъ темныхъ крестьянскихъ массъ — являться въ качествѣ настоящихъ консерваторовъ, сохраняющихъ *то, что есть* — законно организованную республику; теперь же такова ихъ характера ничѣмъ нельзя затемнить. Между тѣмъ, триумвиратъ, затѣвавшій всѣ интриги послѣдняго времени и устроивавшій всѣ фюзіонистскіе заговоры: де-Фаллу, суфлёръ, являющійся въ Версали для подсказыванія друзьямъ своимъ всевозможныхъ глупостей, герцогъ де-Брольи, главный машинистъ виѣ-парламентскихъ декораций, и Бюффе, капелмейстеръ, управляющій правительственными кафофоніями, взглянули на дѣло иначе. Они видѣли только одно: что единственно возможный, скольконибудь рациональный планъ обуславливалъ собою необходимость уступки довольно значительнаго числа сенатскихъ вреселъ республиканцамъ, и, такъ какъ при этомъ нельзя было совершенно ожидать, что и при департаментскихъ выборахъ тоже нельзя совершенно избѣгнуть ихъ избранія, то они опасались, что имъ

не удастся устроить такого сената, который отвѣчалъ бы совершенно ихъ тайнымъ вождѣніямъ, то есть, такого, который только и мечталъ бы о томъ, какъ бы привести въ осуществленіе оба свои права, какъ распущенія нижней палаты, такъ и ревизіи конституціи. На основаніи такихъ соображеній, недалновидный триумвиратъ распустилъ такъ: будемъ дѣйствовать натискомъ и раздавимъ республиканцевъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано 24-го мая и въ ноябрѣ, и захватимъ себѣ всѣ 75 мѣстъ несмѣняемыхъ сенаторовъ. Чтобы такой образъ дѣйствій могъ увѣнчаться успѣхомъ, имъ было бы необходимо имѣть на своей сторонѣ всѣхъ легитимистовъ и бонапартистовъ безъ исключенія, да, кромѣ того, заерѣпить за собою окончательно всѣхъ нерѣшительныхъ междуцентральной группы Лаверня, такъ какъ присоединеніе этой группы только и могло обезпечить удачу при всѣхъ предъидущихъ затрудненіяхъ; благодаря ей, только и возможно было низвергнуть Тьера, потомъ создать республику по тьеровскимъ идеямъ подъ управленіемъ Мак-Магона и, наконецъ, еще недавно воскресить старое большинство «борьбы» для противопоставленія его новому конституціонному большинству. Къ несчастію для триумвирата, необходимость дѣйствовать въ видахъ заинтересованія въ свою пользу послѣдней группы усложнилось еще невозможностью дать бонапартистамъ хотя какое нибудь удовлетвореніе за ихъ содѣйствіе. Между тѣмъ, въ средѣ праваго центра находился депутатъ Савари, авторъ знаменитаго доклада противъ комитета воззванія къ народу, и бонапартистамъ очень хорошо было извѣстно, что его ненависть противъ имперіи раздѣляется, по меньшей мѣрѣ, одною третью депутатовъ праваго центра. Триумвиратъ рѣшилъ, что недостающихъ бонапартистовъ можно замѣнить нѣсколькими депутатами лѣваго центра, и не нашель для себя щекотливымъ даже вступить для этой цѣли съ ними въ переговоры. Но республиканскій союзъ не дремалъ; онъ пережилъ свое пораженіе, вынесенное имъ при вотированіи избирательнаго депутатскаго закона, и лѣвый центръ рѣшительно отказался отдѣляться отъ умѣренной лѣвой и, вообще, отъ республиканскаго союза, такъ какъ онъ не сочувствовалъ только однимъ непримиримымъ. Онъ согласился на соединеніе свое въ цѣломъ составѣ съ правымъ центромъ, но не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) рѣшительное отстраненіе изъ списка всякихъ внѣ-парламентскихъ кандидатуръ; 2) исключеніе всѣхъ тѣхъ депутатовъ, которые не вотировали за конституцію 25-го февраля, а только въ послѣдствіи и ради одной формальности къ ней присоединились, и 3) представительство въ кандидатскомъ спискѣ для трехъ лѣвыхъ фракцій. Разумѣется, правый центръ отвергнулъ это предложеніе, и триумвирату пришлось обратиться къ группѣ Лаверня, и, благодаря не особенно похвальному, но за то ловкому манѣвру Антонена Лефевра де-Понталиса (онъ навелъ въ собранія этой группы множество депутатовъ праваго центра и,

воспользовавшись отсутствием Леонса и Лаверня, добился желательнаго для него большинства), онъ достигъ на этотъ разъ своей цѣли. Съ бонапартистами справиться было труднѣе. Они, слѣдя очень усердно за интригами, происходившими между двумя центрами, рѣшили принять на себя видъ людей рѣшительно равнодушныхъ ко всей этой агитаціи: сенатъ, говорили они, былъ учрежденъ для того, чтобы намъ противодействовать, и наше достоинство не позволяетъ намъ, чтобы мы допустили выбирать изъ нашей среды членовъ въ него тому собранію, которое позволило себѣ провозгласить паденіе имперіи. Чтобы быть выбранными въ обѣ палаты, для насъ достаточно общихъ выборовъ, на основаніи права всеобщей подачи голосовъ. Такое рѣшеніе заявлено было на одномъ изъ бонапартистскихъ собраній и самимъ Руэромъ, который не преминулъ при этомъ, не безъ ехидства, высказаться по поводу депутатовъ праваго центра, что они потому такъ жаждутъ нафабриковать изъ своей среды несмѣняемыхъ, что вполне увѣрены, что народнымъ голосованіемъ едва ли ктонибудь изъ нихъ и куданибудь будетъ избранъ. Триумвиратъ, несмотря на всѣ эти торжественныя заявленія, поддавался, однако же, что бонапартисты совсѣмъ не такъ единодушны и искренни, какъ хотѣли бы это показать, что между ними не мало такихъ, которые тоже не очень-то надѣются на свой выборъ, и такихъ, которые рады изъ одной ненависти къ республиканцамъ присоединиться къ консервативному союзу, если это можетъ совершиться негласно. Поэтому, послѣ того, какъ изъ списка триумвирата было вымарано имя бывшаго министра Маня, отказавшагося отъ своей кандидатуры, въ немъ появились имена гг. Гамиля и Ванта, бонапартистовъ, въ степени, впрочемъ, весьма слабой.

Когда все было такимъ образомъ улажено триумвиратомъ, то за два дня до назначенія числа сенатскихъ выборовъ, делегаты всѣхъ группъ правой стороны собрались у генерала Шабо-Лагура, подъ предсѣдательствомъ генерала Шангарнье, и рѣшили, при помощи предварительнаго пуантжа, что они вполне могутъ рассчитывать на полученіе большинства для 62 своихъ кандидатуръ. Кандидатуры эти представлялись въ такомъ видѣ: правый центръ (орлеанисты) представлялся 17 кандидатами. группа Леклерка (орлеано-бонапартисты) — 5, группа Лаверня (орлеано-республиканцы) — 7, умѣренная правая (легитимисты трехцвѣтнаго знамени) — 12, крайняя правая (легитимисты бѣлаго знамени) — 13, группа Прадье (смѣшанные фузіонисты и сторонники бонапартизма) — 2-мя. 13 кандидатуръ оставлялись въ запасъ, или для замѣщенія ихъ лицами въ родѣ де-Фаллу и парижскаго архіепископа, не состоящихъ въ числѣ депутатовъ, еслибы 62 кандидатовъ удалось провести въ сенатъ сразу, или для депутатовъ лѣваго центра, еслибы, въ противность общей увѣренности, возникли такого рода затрудненія, которыя заставили бы обратиться къ этому центру за подѣрженіемъ. По поводу этихъ

последнихъ именъ, на собраніи было рѣшено, къ кому именно изъ депутатовъ лѣваго центра можно обратиться съ предложеніями и послѣ собранія. Несмотря на то, что союзниками было потрачено двое сутокъ на такую стачку, которая, конечно, вызвала не одно комическое или трагическое столкновеніе изъ-за вопроса въ самолюбія—правые достигли того, что могли, 9-го декабря, появиться передъ избирательными урнами версальской трибуны съ полною увѣренностью въ своей будущей побѣдѣ и со спискомъ, вполнѣ законченнымъ и обсужденнымъ предварительно во всѣхъ мелочахъ.

Съ своей стороны, лѣвая, поручившая веденіе всѣхъ предварительныхъ дѣйствій по составленію своего списка особому комитету и дожидавшаяся его рѣшеній безо всякой нетерпѣливости, скромно явились съ своимъ спискомъ. Въ этомъ списокѣ находились имена 11 радикаловъ, изъ которыхъ только одинъ, а именно Пэйра, не вотировалъ за конституцію, 20 умѣренныхъ республиканцевъ, 33 членовъ лѣваго центра, 6 меньшинства изъ группы Лаверня, оставшагося вѣрнымъ конституціи, и 2 депутатовъ, голосующихъ постоянно вмѣстѣ съ правыми, но неудостовѣренныхъ чести быть внесенными въ ихъ списокъ—квестора База, жертву 2-го декабря, не забывающаго, чѣмъ онъ былъ обязанъ имперіи, и адмирала Фуришона, который проявился замѣчательно патриотическимъ образомъ дѣйствій во время правительства народной защиты. Сверхъ того, въ списокѣ находилось еще одно имя, имя единственнаго изъ депутатовъ праваго центра, который лѣвые позволили себѣ внести въ свой списокъ за то, что онъ не участвовалъ ни въ какихъ интригахъ своихъ со товарищей—имя герцога Одиффре-Паке, президента національнаго собранія.

Въ списокѣ правыхъ имя Одиффре Паке тоже было помѣщено; не помѣстивъ его правые не осмѣлились, но, при голосованіи, въ первый день выборовъ, вотировали за него только члены праваго центра. Такъ какъ, при этомъ, всѣ лѣвые подали за него свои голоса единодушно, то это и обусловило, что самое значительное большинство выпало на его долю (551 голосъ), и герцогъ былъ первымъ избранъ въ безсмѣнные. Кромѣ него, въ этотъ первый день выборовъ удалось получить какъ разъ абсолютное большинство, представлявшее въ этотъ день цифру 344 голосовъ, одному только депутату лѣваго центра, Мартелю, не помѣщенному въ списокъ правыхъ, несмотря на то, что онъ—предсѣдатель комиссіи помилованія. Бюффѣ не могъ въ этотъ день получить болѣе 336 голосовъ, а де-Брольи — 318; разные предатели, въ родѣ Тарже, Антонена Лефевра де-Понталиса, за всѣ свои услуги «союзу консерваторовъ» удостоились получить только 311 и 301 голосъ, почему и провалились точно такъ же, какъ отступникъ—крайній республиканецъ Брюне, который помѣщенъ былъ на листъ правыхъ за свое соглашеніе съ группою Прадье-Шангарнье дѣйствовать съ нею за одно.

Вечеромъ того же дня, у президента національнаго собранія былъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали только депутаты лѣваго центра. Во время обѣда, хозяинъ получилъ донесеніе о результатѣ перваго выборнаго дня. Адмиралъ Потюд предложилъ поэтому тостъ за здоровье «перваго избраннаго сенатора, вполне достойнаго этой чести за свою честность, безкорыстіе и безпристрастіе». Герцогъ отвѣчалъ на это: «Я не признаю, что заслуживаю эти похвалы, которыя должны относиться ко всему собранію; удостоивая меня своимъ избраніемъ, оно хотѣло только еще лишній разъ подтвердить свое рѣшеніе 25-го февраля, какъ результатъ умѣренности, порядка и свободы. Дѣло свое оно, очевидно, желаетъ поручить людямъ порядка и уважающимъ законы, видя въ немъ, конечно, актъ, вызванный самоотверженіемъ каждаго и патриотизмомъ всѣхъ». Такими словами привѣтствовалъ свой окончательный разрывъ съ правою стороною и республику единственнаго орлеаниста, появившагося, какъ мы увидимъ далѣе, въ сенатѣ и не потерявшаго здраваго смысла въ водоворотѣ послѣднихъ парламентскихъ событій.

Избраніе Одиффре-Павье отвлекло меня отъ разсказа о томъ, какимъ образомъ комитетъ, избранный лѣвыми, составилъ свой списокъ. Почему и возвращаюсь къ этому снова. Главнымъ своимъ основаніемъ онъ поставилъ сойтись съ чистыми легитимистами, вполне понимая, что они не могутъ дѣйствовать за одно съ тѣми изъ легитимистовъ, которые, подъ предводительствомъ герцога де-Ларошфука-Биззачія присоединились къ орлеанизму, замаскированному названіемъ «союза консерваторовъ».

16-го мая 1874 года, докладъ герцога де-Брольи о главномъ совѣтѣ, который представлялъ собою нечто иное, какъ сенатъ Валлона въ зачаточномъ состояніи, сдѣлалъ весьма понятнымъ для чистыхъ легитимистовъ, чего добивались орлеанисты отъ этого учрежденія, и обусловилъ то, что они вотировали тогда противъ постановки на очередь этого законопроекта и за низверженіе кабинета. Имена лицъ, попавшихъ въ списокъ правыхъ, еще яснѣе обнаружили цѣли орлеанизма—составить такой сенатъ, имена котораго побудили бы Мак-Магона къ ревизіи конституціи, разумѣется, для реставраціи Людовика Филиппа II, въ случаѣ смерти Генриха V или послѣ того, какъ его убѣдятъ отказаться отъ престола въ пользу этого принца, сдѣлавшагося законнымъ его наслѣдникомъ вслѣдствіе фрошдорфскаго свиданія. Понятно, что въ недопущеніи осуществленія подобнаго сената чистые легитимисты были настолько же заинтересованы, какъ и бонапартисты, почему когда, депутатъ де-Ла-Рошеттѣ былъ приглашенъ комитетомъ для переговоровъ и согласенія съ республиканцами къ Жюлю Симону, то онъ поспѣшилъ тотчасъ же воспользоваться этимъ приглашеніемъ и согласился отъ имени своихъ товарищей дѣйствовать вмѣстѣ съ лѣвыми, подъ условіемъ предоставленія чистымъ легитимистамъ 17 сенатскихъ кандидатуръ. Къ сожалѣнію, представитель легитимистовъ, называя

имена своихъ товарищей, которые, по его мнѣнію, должны были бытъ внесены въ сенаторскій списокъ, не обезпечилса предварительнымъ личнымъ согласіемъ каждаго изъ нихъ, почему, когда на второй день выборовъ, списокъ, составленный лѣвыми, сталъ раздваться въ собраніи, пятеро изъ легитимистовъ, въ него внесенныхъ, испугавшись гнѣва праваго центра и подавая свои голоса, заявили съ трибуны, что внесены въ списокъ помимо ихъ согласія. Легитимистъ Плѣкъ даже отказался отъ званія депутата, правда, послѣ того дня, какъ оказалось, что въ сенаторы онъ не выбранъ. Эти протестаціи заставили нѣсколькихъ изъ чистыхъ легитимистовъ думать, что соглашеніе съ лѣвыми разрушилось, но недоразумѣніе это разъяснилось, когда сталъ подавать свой бюллетень де-Ла-Рошеттъ и, несмотря на гвалтъ, поднятый орлеанистами, взглянулъ на нихъ очень серьезно и, вмѣсто всякихъ объясненій, произнесъ: «Напрасно, господа, вы шумомъ своимъ думаете заставить меня высказываться; я этого не сдѣлаю, такъ какъ знаю васъ слишкомъ хорошо!» Къ сожалѣнію, было уже очень поздно, такъ что замѣнить имена отказавшихся кандидатовъ новыми лѣвые въ этотъ день не успѣли, и выборы этого дня ограничились только 19 именами. Прошло 17 республиканцевъ; да генералы Шангарнье (изъ перваго листа правыхъ) и Орель де-Палладинъ, внесенный на листъ правыхъ, въ числѣ 13 другихъ лицъ въ это самое засѣданіе. Въ этотъ день, побѣда республиканцевъ была полная, но она могла испугать роялистовъ и заставить ихъ думать, что лѣвые, пожалуй, не стануть, подобно имъ, вотировать за всѣхъ безъ исключенія ихъ кандидатовъ, внесенныхъ въ списокъ. Поэтому, для ихъ успокоенія, на слѣдующій день Тьеръ и Гамбетта обязались употребить все свое вліяніе на лѣвый центръ и крайнюю лѣвую, и выборы третьяго дня дѣйствительно совершались при соблюденіи полной дисциплины: прежде всего, были выбраны де-Ла-Рошеттъ и всѣ его товарищи, которые только были въ списокѣ; вслѣдъ затѣмъ депутатъ Базъ, одинъ республиканецъ Эмберъ, и по какому-то необъяснимому недоразумѣнію, ультра-клерикалъ Кольб-Бернаръ съ листа правыхъ. Всего на-все, было выбрано 11 сенаторовъ, такъ какъ, вѣроятно, не всѣ еще легитимисты успѣли узнать отъ своихъ товарищей о рѣшеніяхъ Тьера и Гамбетты, такъ какъ иначе въ это засѣданіе должно бы было пройти, по крайней мѣрѣ, вдвое большее число кандидатовъ. Чтобы отблагодарить республиканцевъ какъ за свое избраніе, такъ и за безукоризненное исполненіе принятыхъ ими на себя относительно легитимистовъ обязательствъ, де-Ла-Рошеттъ на самомъ видномъ мѣстѣ воскреснаго (12) номера «Union» помѣстилъ весьма характерное объясненіе съ орлеанистами, изъ котораго считаю небезполезнымъ привести слѣдующія мѣста: «Кововоды праваго центра создали республику противъ короля и роялистовъ... когда республика осуществилась, они хотять встать во главѣ ея управленія, чтобы дѣйствовать тоже противъ короля, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и противъ

республиканцевъ, рассчитывая на помощь роялистовъ. Я съ своей стороны, ни за что не соглашусь содѣйствовать подобной безнравственности въ политикѣ... Я предпочитаю враговъ *открытыхъ* врагамъ *тайнымъ*. Я предпочитаю тѣхъ людей, которые съ нами ведутъ откровенную борьбу, такимъ, которые намъ измѣнятъ, которые насъ обманули 20-го ноября, довершили свое отпаденіе отъ насъ дѣломъ 25-го февраля, а теперь добиваются, чтобы король отрелся отъ престола... Интересно было бы знать, достигнутъ ли коноводы того положенія, встать въ которое для нихъ необходимо для осуществленія ихъ надеждъ? Воспрепятствовать этому послужило основаніемъ для моей и моихъ товарищей дѣятельности. Достигнемъ ли мы своей цѣли? Я полагаю, достигнемъ, такъ въ насъ достанетъ на это отважности и рѣшимости».

Хотя всѣ министры приняли кандидатуры правыхъ, за исключеніемъ Дюфора и Са, которые не позволили, однако, и лѣвымъ занести себя въ ихъ списокъ, но никто изъ нихъ не получилъ абсолютнаго большинства. Бюффѣ, получившій довольно значительное число голосовъ въ первый день выборовъ, на второй получилъ ихъ только 126 при 689 вотирующихъ! Опасаясь новой неудачи, онъ не рѣшился уже болѣе рисковать и отказался отъ кандидатуры, несмотря на то, что бонапартисты громко заявляли, что, при новой баллотировкѣ, они всѣ, какъ одинъ человекъ, будутъ стоять за него. Валлонъ, видя съ своей стороны, что отъ содѣйствія правыхъ ему нельзя надѣяться на успѣхъ, тоже просилъ вычеркнуть свое имя изъ ихъ списка, но, въ тоже время, напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ высказывалъ, что, хотя онъ отъ своей кандидатуры и отказался, но «счелъ бы для себя величайшею честью, еслибы онъ былъ избранъ въ сенатъ *тѣми*, кто способствовалъ возможности осуществленія этого учрежденія, возникшаго по его мысли, и кто искренно призналъ конституцію», т. е., просто-на-просто, умолялъ лѣвыхъ, чтобы они внесли его имя въ свой списокъ.

Лѣвые сначала, впрочемъ, не разслушали этого сердечнаго клика «отца республики», ведшаго себя относительно ея довольно странно, т. е. дѣйствовавшаго за одно съ тѣми, кто стремился къ ея изуродованію и даже уничтоженію. Имъ было еще не до того, чтобы проливать цѣлительный бальзамъ на раны огорченнаго министра. Имъ нужно было торопиться, чтобы провести какъ можно скорѣе и какъ можно большее число своихъ кандидатовъ. Баллотированіе же тянулось медленно. Такъ, 12-го декабря, на четвертый день выборовъ, прошло только 9 сенаторовъ изъ лѣваго центра, и никто изъ настоящихъ республиканцевъ не получилъ абсолютнаго большинства. Тоже произошло и на пятый день, когда прошелъ только одинъ изъ нихъ, Фуранъ, бывший вѣкогда мэромъ въ Бордо, да и то при помощи бонапартистовъ, голосовавшихъ за него для того, чтобы сбыть опаснаго соперника на предстоящихъ депутатскихъ выборахъ въ де-

парламентъ Жиронды. Отчего это происходило? Очевидно, угнѣренные республиканцы вычеркивали изъ списковъ крайнихъ. Тогда Гамбетта, чтобы поправить дѣло, предложилъ наблюдательному комитету союза лѣвыхъ, для обезпеченія прохожденія списка въ дѣломъ его составѣ, раздавать эти списки республиканцамъ *въ конвертахъ*, для чего и были назначены два делегата.

Правый центръ, никогда, ни 24-го мая, ни 20-го ноября 1873 года, ни 11-го ноября 1875 г., не брезгавшій ничѣмъ для привлеченія къ себѣ голосовъ и гарантій ихъ вѣрности, замѣтя этотъ простой дисциплинарный манѣвръ комитета, въ теченіи всего 6-го дня выборовъ, шумѣлъ и выражалъ свое неудовольствіе, а, когда процедура подачи бюллетеней была закончена, потребовалъ признанія недействительности выбора, такъ какъ, по его мнѣнію, раздачею списковъ въ конвертахъ нарушилась личная свобода избирателей. Къ несчастію своему, члены праваго центра, видя раздачу конвертовъ, не обратили вниманія на то, что они не были запечатаны и что каждый депутатъ, слѣдовательно, не былъ ограниченъ въ свободѣ своего выбора и могъ вынимать списокъ изъ конверта и дѣлать въ немъ всякія измѣненія, какія почелъ бы для себя нужнымъ. Объясненіе этого обстоятельства было достаточно для того, чтобы Гамбетта могъ окончательно разбить «смѣшной протестъ» депутата Париса, поддержанный еще болѣе страннымъ требованіемъ другого депутата Рэнвилля, пожелавшаго, чтобы на основаніи замѣченной раздачи конвертовъ и всѣхъ предыдущіе выборы сенаторовъ были признаны недействительными. Гамбетта былъ въ веселомъ настроеніи и въ своей рѣчи очень игриво иронизировалъ по поводу оскорбленнаго самолюбія обойденныхъ и неудачныхъ кандидатовъ; но Бюффѣ затѣялъ его остановить возраженіемъ, что онъ невѣрно излагаетъ мотивы дѣйствій протестантовъ, и за это получилъ отъ Гамбетты прозвище «министра нескончаемыхъ перерывовъ», что произвело неудержимый смѣхъ между лѣвыми и вызвало бурю негодованія въ средѣ правыхъ. Вызванный шумомъ къ необходимости вмѣшательства, Одиффре-Пакье, вмѣсто ожидавшагося правыми «призванія къ порядку» Гамбетты, обратился къ Бюффѣ съ напоминаніемъ о регламентѣ и приличіи, замѣтивъ, что своими перерывами онъ самъ какъ бы вызываетъ на рѣзкости—чѣмъ открыто заявилъ о своемъ союзѣ съ конституционными республиканцами. Правый центръ, въ отчаяніи, потребовалъ тогда, чтобы дальнѣйшіе выборы производились открытымъ голосованіемъ, но, когда вопросъ этотъ былъ подвергнутъ вотированію, то, къ отчаянію его, результатъ его оказался несогласнымъ съ его желаніями, и прежній способъ выборовъ признанъ большинствомъ 334 голосовъ противъ 321.

Такимъ образомъ, приостановленные выборы стали продолжаться по старому, т. е. при тайной подачѣ голосовъ, и изъ 18 вновь прошедшихъ сенаторовъ оказалось 15 республиканцевъ.

Изъ легитимистовъ пришелъ только де-Лоржериль—этотъ плохой поэтъ и пламенный почитатель Генриха V, изъ людей неопредѣленныхъ мнѣній, и извѣстный только своею ненавистью къ орлеанизму, весьма равнодушный бонапартистъ Герве де-Сэзи и графъ Дуэ, согласившійся участвовать въ союзѣ лѣвыхъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы и онъ былъ внесенъ въ ихъ списокъ. «Я лично согласенъ голосовать только за такой списокъ, въ которомъ буду самъ помѣщенъ»—таковы были собственныя слова этого великаго историческаго дѣятеля и, благодаря этой безсмертной фразѣ, онъ получилъ во Франціи быструю извѣстность... Въ числѣ республиканцевъ въ этотъ разъ были выбраны, между прочими: Кремьё, сынъ знаменитаго Карно, Корбонъ, бывший нѣкогда рѣзчикомъ изъ дерева и одинъ изъ основателей перваго рабочаго журнала во Франціи «Мастерская», Шереръ-Кѣстнеръ, двоюродный братъ покойнаго Шарраса, избранный, несмотря на свою молодость (ему только что минуло 40 лѣтъ), и, наконецъ, полнѣйшій представитель свѣтской науки и свободной мысли—академикъ Литтрэ.

На слѣдующій, седьмой день выборовъ прошло еще 10 республиканцевъ, въ томъ числѣ Жюль-Симонъ — за два часа до того избранный въ «безсмертные» академіи, и Викторъ Шельхеръ, бывший членомъ временнаго правительства 1848 года и прославившійся своею дѣятельностью по вопросу объ уничтоженіи невольничества.

Такимъ образомъ, оставалось уже всего-на-все только пять ваканцій въ сенатъ, а ни одинъ министръ не былъ еще выбранъ. Въ собраніи разнесся слухъ, что Мак-Магонъ до-нельзя этимъ раздраженъ и заявлялъ окружающимъ свое недовольство, которое, конечно, еще должно было усиливаться, когда онъ узналъ, что всѣ попытки де-Брольи упротить лѣвый центръ помѣстить его кандидатомъ въ списокъ лѣвыхъ не привели ни къ чему. Опасаясь, чтобы Бюффе не объяснилъ маршалу успѣха сенаторскихъ выборовъ тѣмъ, что, будто бы, все это дѣло ведется Тьеромъ и направлено исключительно на Мак-Магона, и боясь, чтобы вмѣшательство маршала не усложнило окончанія выборовъ, лѣвый центръ рѣшился отступить отъ программы, сообразно съ которой до того дѣйствовалъ. Чтобы отнять отъ президента всякій предлогъ найти новый сенатъ слишкомъ «красивымъ», онъ рѣшился вычеркнуть 2 радикаловъ, которые получили наибольшее число голосовъ послѣ кандидатовъ, прошедшихъ абсолютнымъ большинствомъ, но всѣ его усилія дѣйствовать въ согласіи съ правыми могли достигнуть въ этотъ выборный день только того, что прошелъ одинъ новый сенаторъ, военный министръ де-Сиссэ, такъ сказать, при одинаковыхъ условіяхъ съ Одифре-Пакье, хотя съ гораздо меньшимъ числомъ голосовъ большинства. На слѣдующій день прошелъ и Валлонъ; вмѣстѣ съ нимъ избранъ и Дюпанлу—при 315 голосахъ изъ 629 вотировавшихъ—который цѣлую недѣлю никакъ не могъ до-

биться абсолютнаго большинства, а накануне имѣлъ только 166. Чудо его избранія объясняется развѣ тѣмъ, что въ этотъ разъ за епископа вотировали мужья различныхъ благочестивыхъ женъ и лица, желавшія успокоить не только маршала, но и супругу его—духовную дочь Дюпанлу. Иначе онъ пройти не могъ, такъ какъ крайніе правые, какъ и органы ихъ, «Univers», его ненавидятъ за то, что онъ нѣкогда былъ такъ-называемымъ католическимъ либераломъ. Многие думали, что Дюпанлу откажется отъ сенаторства, такъ какъ и въ сенатѣ, подобно тому, какъ и въ академіи, ему снова приходится быть сотоварищемъ «атеиста» Литтрэ, но при этомъ своемъ избраніи епископъ оказался не такъ щепетильнымъ, какъ при выборѣ своемъ въ академію, и удовольствовался только тѣмъ, что заявилъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей, появившемся въ газетахъ, что онъ смотритъ на свое новое назначеніе, какъ на подвигъ мученичества, «ибо ввержень я—говоритъ онъ—подобно пророку Даниилу, въ пещь вавилонскую!» Въ десятый день выборовъ не прошелъ рѣшиительно никто, и только 22-го декабря, въ одиннадцатый сеансъ, когда и правые, и лѣвые въ конецъ истомились войною, общее число пожизненныхъ сенаторовъ было достигнуто. 74-мъ прошелъ морской министръ Монтаньякъ—другъ маршала, и 75-мъ одинъ изъ двухъ Мальвилей—преданныхъ друзей Тьера съ давняго времени. Пользуясь общей сумятицей и усталостью, Тьеръ самолично внесъ его въ списокъ—его и выбрали въ угоду «маленькому буржуа». Такимъ образомъ, любезностью обоимъ президентамъ и общимъ примиреніемъ и закончилась вся эта ожесточенная и достопамятная парламентская война. Къ сожалѣнію, этого смысла ея заключенія, который желали придать ему лѣвые, не пойметъ Мак-Магонъ—такъ какъ онъ тугъ на политическія соображенія—а побѣжденные, страдающіе отъ ранъ, нанесенныхъ ихъ чванству, гордости, самолюбію и эгоизму, не сумѣютъ примириться съ неизбежностью происшедшаго и совладать съ накинѣвшей въ нихъ злобой. Не всё похоже на Одифре-Павье, который, подчиняясь велѣнію рока, началъ все болѣе и болѣе сближаться съ лѣвыми и стараться приобретать какъ можно болѣе сторонниковъ такого сближенія между своими товарищами, или на герцога Омальскаго, отвернушагося отъ де-Брольи, погибшаго съ правымъ центромъ, тотчасъ же начавшаго улыбаться существующему министерству Бюффэ, въ довольно нелѣпой надеждѣ, что подъ его руководствомъ общіе выборы въ странѣ могутъ достигнуть тѣхъ результатовъ, достиженіе которыхъ разбитому орлеанскому не удалось при парламентскомъ назначеніи 75 несмѣняемыхъ.

Вотъ общій результатъ парламентскаго выбора первой четверти наличнаго числа будущихъ сенаторовъ.

Трое изъ избранныхъ были одновременно записаны въ оба списка.

Пятеро избраны изъ одного списка правыхъ.

67 прошли по списку лѣвыхъ, при пособіи крайнихъ легитимистовъ и при содѣйствіи, безъ всякаго компромисса лѣвыхъ, ненависти бонапартистовъ противъ орлеанизма.

Все, что выиграли при этомъ бонапартисты, состоитъ въ томъ, что изъ списка лѣвыхъ былъ вычеркнутъ депутатъ Имперани, единственный изъ корсиканскихъ представителей, ненавидящій имперію, и, вмѣсто него, избранъ сенаторомъ Герве де-Сэзі, вотирующій тогда съ бонапартистами, но прямо не принадлежащій къ группѣ воззванія къ народу. Уступка лѣвыхъ легитимистамъ представляется въ видѣ 9 сенаторскихъ креселъ, занятыхъ людьми, которые относительно большаго вреда республикѣ принести не могутъ; нѣкоторые же изъ нихъ—люди положительно безсильные. Республиканцы вошли въ сенатъ въ такомъ видѣ: 7 новыхъ сенаторовъ—члены «республиканскаго союза» (радикальные конституціонисты), 14—члены республиканской лѣвой, 26—члены лѣваго центра, 5—изъ группы Лаверия, 5—неопредѣленныхъ фразій. Итого—57. Если сюда же причислить Одифре-Паке, База и Валлона, то получится круглая цифра—60.

Такимъ образомъ, въ сенатъ, учрежденный преимущественно съ цѣлью потребовать пересмотра конституціи для обращенія ея въ монархическую, никто изъ желавшихъ этого (весь правый центръ) не попалъ, а республиканцы заручились уже 60 голосами въ свою пользу. Де-Брольи погибъ въ пучинѣ своихъ соображеній. Чтобы «консервативный союзъ» имѣлъ въ этомъ сенатѣ большинство хотя одного голоса (151), необходимо, чтобы, при дальнѣйшихъ выборахъ, въ него изъ 225 остающихся ваканцій замѣщены были ревизионистами 136, т. е., чтобы во всей Франціи, Алжиріи и колоніяхъ было выбрано только 89 республиканцевъ (при 91-омъ—большинство переходитъ къ нимъ). Между тѣмъ, «консервативный союзъ» разрушился при парламентско-сенаторскихъ выборахъ, и едва ли уже ему удастся снова организоваться къ наступленію дополнительныхъ сенаторскихъ выборовъ, да и, кромѣ того, личный составъ муниципальных, окружныхъ и генеральныхъ совѣтовъ гарантируетъ собою избраніе, при самыхъ дурныхъ и неблагоприятныхъ условіяхъ выбора, по крайней мѣрѣ, на половину республиканцевъ. Кромѣ того, самый успѣхъ послѣднихъ въ Версали, гдѣ всѣ ждали имъ пораженія, значительно усиливаетъ имъ шансы при избраніи. Самое давленіе при выборахъ администраціи, непопулярной въ странѣ, и послѣ того, какъ всѣ ея главнѣйшіе представители оказались невыбранными собраніемъ, можетъ послужить только къ тому, что ожесточитъ избирательную борьбу, и развѣ еще усилитъ значеніе паденія коалиціи 24-го мая, скомпрометировавъ неизбѣжно и ея избранника—маршала-президента.

Если что-либо подобное произойдетъ, то, конечно, уже не по винѣ республиканцевъ, которые, послѣ первой своей положительной побѣды, обратились тотчасъ же къ маршалу съ полнымъ довѣріемъ, что онъ «и при новомъ политическомъ положеніи бу-

дети съ тѣмъ же достоинствомъ первымъ его представителемъ» (подлинныя выраженія «République Française», отъ 24-го декабря). Гамбетта и почти всѣ представители демократіи рекомендуютъ странѣ во время наступающей избирательной борьбы не отступать «отъ политики соглашенія, дружелюбія, умѣренности и благоразумія». Такая программа дѣйствій уже осуществляется въ различныхъ заявленіяхъ кандидатовъ. Такъ, мы имѣемъ передъ глазами образцовое *сенаторское воззваніе*, подписанное гг. Сен-Валье, дипломатомъ, создавшимъ свое общественное положеніе при имперіи, Ваддингтономъ, членомъ института, бывшимъ министромъ Тьера и депутатомъ праваго центра, и Анри Мартеномъ, извѣстнымъ республиканцемъ-историкомъ. Эти три лица являются вмѣстѣ въ качествѣ кандидатовъ въ сенатъ Энского Департамента. Не скрывая о различіи своихъ политическихъ мнѣній, они заявляютъ, что, тѣмъ не менѣе, пришли «къ общему соглашенію о безусловной необходимости поддержанія существующихъ учрежденій для внутренняго спокойствія и вѣшной безопасности страны». Они обязуются «поддерживать законную власть маршала-президента» и твердо поддерживать конституцію «противъ нападений партій, успѣхъ которыхъ можетъ навлечь на страну новую войну, а, можетъ быть, и новое нашествіе». Они отказываются отъ всякой такой ревизіи конституціи, цѣлью которой было бы ея уничтоженіе, а не «улучшеніе и упроченіе». Точно также, въ департаментѣ Сены-и-Уазы, съ общимъ манифестомъ появились кандидаты: Жильберъ-Бушэ президентъ генеральнаго совѣта, Ферэ, значительный фабрикантъ изъ Эссона, и министръ финансовъ Леонъ Сэ, который для выраженія своего мнѣнія не счелъ нужнымъ дожидаться заявленія правительственной программы Брюффе. Въ манифестѣ этомъ заключаются слѣдующія обязательства:

1) Безусловное признаніе конституціи и строгое сохраненіе власти, обусловленное ею за маршаломъ Мак-Магономъ, президентомъ республики.

2) Отношеніе къ праву пересмотра конституціи—такого рода, какъ къ возможности улучшения республиканскаго управленія, а не какъ къ средству съ нимъ бороться и его ниспровергнуть.

и 3) Употребленіе всѣхъ зависящихъ силъ для предотвращенія возможности для страны каковой бы то ни было революціи.

Герцогъ Омальскій собирался тоже вздѣть подобный же манифестъ, для чего и отыскивалъ (хоть и не нашелъ) одного или двухъ республиканцевъ, подъ прикрытіемъ которыхъ могъ бы онъ выставить свою кандидатуру. Не найдя таковыхъ, онъ понялъ, что ему остается только отказаться отъ кандидатуры, и поступилъ весьма благоразумно, такъ какъ становится очевидно, что, только при такомъ образѣ дѣйствій, прежнимъ ролямъ можно надѣяться на успѣхъ дѣла среди сельскихъ избирателей, относящихся очень серьезно къ установившемуся порядку вещей. Уловка *пересмотра* конституціи, объясненная народу въ *теп-ра-*

для сенаторских избирателей, не послужить правительству ни къ чему. Въмѣсто исчезнувшаго «союза консерваторовъ», является попытка образовать «союз либеральный», и сами кандидаты-консерваторы начинаютъ понимать, что имъ приходится являться пособниками республики. Администрація Бюффѣ безсильна задавить это движеніе, если только Бюффѣ открыто не заявитъ себя сторонникомъ бонапартистскаго знамени, что сдѣлать онъ, конечно, не посмѣетъ. Кромѣ республики и бонапартизма, никакая партія не можетъ имѣть никакого успѣха, и, если лица другихъ мнѣній кое-гдѣ, можетъ быть, и пройдутъ, то развѣ въ самомъ незначительномъ числѣ. Монархія внѣ бонапартизма окончательно раздавлена при парламентскихъ выборахъ 75, и вся масса избирателей, консерваторовъ существующаю, понимаетъ, что республика получила перевѣсъ надъ всѣми другими формами правительства, такъ какъ даже въ сенатѣ, который долженъ былъ служить крѣпостью реакціонныхъ ревизионистовъ — республиканцы заняли мѣста, предназначавшіяся для роялистовъ. Спаслись только бонапартисты, отстранясь отъ недавней парламентской борьбы, поставившей монархистовъ въ безысходно траги-комическое положеніе. Въ наиболѣе невѣжественныхъ департаментахъ бонапартисты могутъ еще имѣть обильную жатву, но всему избирательному движенію приданъ уже характеръ поддержки и развитія республиканскихъ учреждений, а, при этомъ, должно надѣяться, что даже избиратели безъ мнѣній станутъ вотировать за республиканцевъ изъ одной боязни всякой перемѣны, могущей помѣшать имъ спокойно работать и развлекаться. И, такимъ образомъ, Франція изъ погибавшей, какою она представлялась въ концѣ прошлаго мѣсяца, является имѣющею всѣ шансы на свое близкое спасеніе.

III

Предложеніе Нака объ амнистіи.—Уменьшеніе числа депутатовъ Париза и Ліона.—Законъ о печати и осадное положеніе.—Заявленіе Бюффѣ.—Отстраненіе маршала Канробера.—Конституціонная республика Дюфора.—Протестъ герцога де-Брольи.—Жюль-Фавръ и имперія.—Предложеніе Жанзе.—Принятіе закона о печати при помощи республиканцевъ.—Послѣднія заявленія Бюффѣ.—Манифестъ гѣваго центра.—Отходная Версальскому собранію, прочитанная герцогомъ Одиффре-Павье.—Распушеніе.

Назначеніе 75 сенаторовъ собраніемъ не было еще приведено къ вождѣльному окончанію, какъ вдругъ, совершенно неожиданно и некстати, появилось внезапное предложеніе о всеобщей амнистіи, подписанное Альфредомъ Нака, Буше, Эскиросомъ, Мадье де Монжд и Ординзромъ. Говорятъ, что оно было одобрено также и Луи Бланомъ, по подписать его послѣдній отказался, спохватившись во-время и понявши, что имѣть успѣха оно не

можетъ. Предложеніе было сформулировано такъ: «Полная и безусловная амнистія за всѣ политическія преступленія и проступки, совершенныя послѣ 4 сентября 1871 года. Пересмотръ, въ теченіи шести мѣсяцевъ, всѣхъ приговоровъ за обыкновенныя уголовныя преступленія, вѣнненныя политическимъ преступникамъ». Когда Наке началъ поддерживать свое предложеніе, выставляя на видъ тѣ ужасы, какимъ подвергаются политическіе ссыльные въ Новой Каледоніи, то правые весьма ловко стали раздражать его безпрестанными перерывами и добились того, что у него вырвалась слѣдующая неосторожная фраза: «Убийство заложниковъ? Вы говорите объ убійствѣ заложниковъ, но вы забываете, что они были разстрѣляны не въ первый день вступленія въ Парижъ версальскихъ войскъ, а уже послѣ того, когда сторонниковъ возстанія разстрѣливали безо всякаго суда массами. Я осуждаю убійцъ, къ какой бы сторонѣ они ни принадлежали; но между тѣми, кто выведенный изъ себя четырехдневной бойней, рѣшается съ отчаянія на отомщеніе, и тѣми, кто безъ суда перестрѣлялъ болѣе 10 тысячъ гражданъ, выборъ мой не можетъ колебаться». Говорить такимъ образомъ тѣмъ самымъ людямъ, которые своимъ удаленіемъ въ Бордо обусловили возможность возникновенія коммуны, тому самому версальскому собранію, которое раздавило возстаніе и узаконило всѣ излишества и жестокости репрессалии—было не только безразсудно смѣло, но и до нелѣпости безтактно. Требовать пятую голосами амнистіи, которая нѣсколько разъ совершенно бесполезно предлагалась 80 депутатами, и въ такое время, когда, черезъ какіе нибудь три мѣсяца, образуются двѣ новыя палаты, которыя, быть можетъ, не остались бы глухи къ требованіямъ гуманности и милосердія—значило только подрывать возможность успѣха въ будущемъ для дѣла побѣжденныхъ, на осужденіе котораго еще разъ призывались побѣдители. Сверхъ того, подымать подобный жгучій вопросъ именно въ ту минуту, когда довольно только напоминанія о печальныхъ событіяхъ недавняго прошлаго, чтобы сплотить воедино всѣхъ представителей реакціонныхъ партій—значило придать признакъ реальности, хотя и ретроспективной, кликамъ объ «общественной опасности», единственному оружію, къ которому еще можетъ не безъ надежды на успѣхъ прибѣгнуть послѣдній изъ людей разсѣянной коалиціи 24-го мая, обладающей властію—первый министръ Бюффѣ.

Поэтому-то безразсудная попытка непримиримыхъ и вызвала общее негодование лѣвыхъ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ въ средѣ правыхъ. Радикальный депутатъ Жоржъ Перенъ, немедленно вслѣдъ за Наке появился на трибунѣ и заявилъ, что, несмотря на все свое уваженіе къ тѣмъ людямъ, которые не щадятъ своей жизни для защиты своихъ идей, онъ считаетъ своей обязанностью—отъ имени республиканцевъ протестовать противъ предложенія «ненужнаго и даже опаснаго и, притомъ, произведеннаго при такихъ обстоятельствахъ, которыя заставляютъ

сомнѣваться, не было-ли оно вызвано гораздо болѣе расчетомъ личнаго интереса, чѣмъ дѣйствительнымъ сочувствіемъ къ тяжелой участи осужденныхъ и желаніемъ ея облегченія». Пасторъ Прессансе, вносившій уже въ декабрѣ 1871 года, предложеніе о частной амнистіи, съ своей стороны, не обвиняясь, прямо и просто обозвалъ предложеніе Нака «избирательнымъ манѣвромъ». Депутатъ Лепаръ, «президентъ республиканскаго союза», которымъ, въ 1873 году, была внесена повторная петиція о милосердіи на основаніяхъ болѣе широкихъ, нежели предшествовавшія предложенія—тоже высказались неодобрительно о необдуманномъ поступкѣ Нака. Наконецъ, кандидатъ Ланглуа, опасаясь, чтобы предложеніе Нака не вызвало со стороны правыхъ какой-нибудь парламентской мѣры, вредной для республиканцевъ, потребовалъ признанія несвоевременности вопроса для означеннаго предложенія и добился того, что такое признаніе было вотировано и принято собраніемъ почти единогласно (за исключеніемъ 15 голосовъ). Насколько, торопливость Ланглуа была благоразумна можно было убѣдиться на слѣдующемъ засѣданіи, 21 декабря, когда запоздалый протестъ предсѣдателя собранія, Одиффре-Пакье, былъ почти неслышенъ среди криковъ раздраженія правыхъ, когда опроверженія морскаго министра противъ фактовъ, приведенныхъ Нака о жестокостяхъ обращенія съ ссыльными администраціи Новой Каледоніи сопровождался громкими рукоплесканіями и когда на защиту Нака противъ всѣхъ его оппонентовъ отважился только одинъ ораторъ—добродушный старикъ Мадье-де-Монжѣ.

Одновременно съ бурей, вызванной неудачнымъ предложеніемъ Нака, въ собраніи происходило вотированіе избирательныхъ участковъ, на которые должны раздѣлиться округа, населеніе которыхъ даетъ право на избраніе нѣсколькихъ депутатовъ. Такое вотированіе заканчивало въ цѣломъ избирательный депутатскій законъ. За Парижемъ признано было, въ результатѣ этой вѣты, право избранія только 20 депутатовъ, вмѣсто 25, какъ предлагала это комиссія, за Ліономъ — 3-хъ (вмѣсто 6, какъ это бывало прежде, и 4-хъ, какъ предлагала комиссія). Вообще, во всѣхъ департаментахъ приняты только такіа комбинаціи, которыя представляли собою какія нибудь неудобства для республиканцевъ.

Но это были еще только ягодки со стороны осколковъ разбитой коалиціи 24 мая. Плодомъ ихъ усилій соединиться хотя кое-какъ въ одно противуреспубликанское цѣлое, хотя бы смѣтанное на живую нитку, должно было явиться ихъ голосованіе по поводу осаднаго положенія и закона о печати, пренія о которыхъ начались въ засѣданія 24 декабря. Въ сущности, оно обнаружилось при обсужденіи вопроса объ одной только процедурѣ вотированія этихъ законовъ. Правительство хотѣло, чтобы оба эти закона вотировались вмѣстѣ; комиссія считала необходимымъ раздѣльное ихъ голосованіе. Правительственное жела-

ніе принято при большинствѣ 73 голосовъ! Но, само по себѣ, это голосованіе не представляло бы особеннаго значенія, еслибы по его поводу не произошло заявленій двухъ важнѣйшихъ представителей министерства—Бюффѣ и Дюфора. Бюффѣ, разумѣется, не могъ пропустить благоприятнаго для себя случая и воспользовался «признаніемъ несвоевременности предложенія Накэ» для приданія ему несоотвѣтственной важности. Онъ снова попытался сдѣлать воззваніе къ «консервативному союзу» и заявить, что за его сторонниками будетъ обезпечено все правительственное вліяніе на предстоящихъ выборахъ. При этомъ, онъ позволилъ себѣ самыя безпереронныя выходки противъ «фигтивного» большинства, избравшаго 75 сенаторовъ (въ число которыхъ онъ, однакоже, не попалъ), и даже противъ конституціи, о которой онъ выразился, что ее нельзя еще называть «послѣднимъ словомъ политической мудрости, не зная, каковою она окажется на опытѣ» и каковъ будетъ ея окончательный результатъ. Какъ бы совершенно игнорируя происшедшіе сенаторскіе выборы, первый министръ снова обратился съ воззваніемъ къ борьбѣ съ «общественною опасностію» всѣхъ «честныхъ людей» не республиканскихъ мнѣній, вмѣсто приглашенія ихъ къ содѣйствію мирнаго осуществленія законно организованной республики. Въ заключеніе своей рѣчи, онъ даже пригрозилъ будущимъ палатамъ саблею маршала, если страна не позаботится, чтобы составъ ихъ былъ ему угоденъ. «Кто можетъ допустить даже мысль, сказалъ онъ: —что маршалъ Франціи, побѣдитель при Маджентѣ и Малаховомъ Курганѣ, согласится когда-нибудь стать игрушкою въ рукахъ радикальныхъ партій, какою былъ нѣкогда радикалъ Тьеръ». Подобныя заявленія въ прежнія времена дѣйствительнаго парламентскаго управленія были бы признаны, какъ возбужденіе къ государственному перевороту, повлекли бы за собою паденіе кабинета и отдачу его подъ судъ. Теперь—не то; первый министръ удостоился получить (совершенно какъ будто при Наполеонѣ III) отъ маршала собственноручное одобрительное письмо за свой похвальный образъ дѣйствій. Въ письмѣ этомъ, по официальному сообщенію агентства Гаваса, заключаются поздравленія главы государства первому министру за то мастерство, съ какимъ онъ «такъ ясно опредѣлилъ настоящихъ консерваторовъ, къ которымъ обращается правительство», и выражается надежда, что большинство избирателей пойметъ истинныя желанія правительства и применитъ къ нимъ. Такимъ образомъ, найдено и опредѣлено то названіе, подъ которымъ будутъ появляться официальные кандидаты-ревизионисты, которыхъ нельзя было уже называть «конституціонистами», такъ какъ это названіе отнято у нихъ республиканцами. Это будутъ, просто на просто, «кандидаты маршала», и, если ихъ не будетъ выбрано большинство, то этимъ нанесется пораженіе самому Мак-Магону.

Личность маршала до того затянули въ избирательное движеніе, что другой маршалъ, Канроберъ, котораго бонапартисты, въ

видахъ своей партіи, хотѣли за разъ выбирать въ нѣсколькихъ департаментахъ, счелъ необходимымъ заявить, что онъ отказывается отъ всякихъ кандидатуръ, «чтобы ихъ не выставили, какъ манифестацію противъ главы государства — этого знаменитаго человѣка и его стараго и дорогаго сотоварища по оружію». Между тѣмъ, министръ финансовъ, подписавшій, какъ я уже говорилъ, до заявленія Бюффѣ, сенаторскій манифестъ отъ лица трехъ кандидатовъ и, выразивъ такимъ образомъ разумную и и приличную правительственную выборную программу, въ отставку не подалъ. Правда, что, при продолженіи преній по поводу закона о печати, Бюффѣ вынужденъ былъ, благодаря вмѣшательству Дюфора, на оставленіе въ первой статьѣ закона словъ: *уваженіе къ республикѣ*, которыя онъ пытался исключить, и, слѣдовательно, самъ какъ бы отступилъ отъ своей программы. Рѣчь, произнесенная по этому поводу Дюфоромъ, замѣчательна своею ясностью, и весьма не мудрено, что Гамбетта, во время ея произнесенія, не могъ удержаться, чтобы не произнести громко: «совершенно правильно!» Совершенно наоборотъ тому, что говорилъ Бюффѣ, Дюфоръ отдалъ полнѣйшую справедливость «той легальности, съ какою производились парламентскіе выборы сенаторовъ и которая можетъ быть сравнена только съ легальностью самого маршала», и обѣщаль весьма опредѣленно правительственную поддержку «конституціонной республики».

Сумятица въ средѣ «союза консерваторовъ» достигла до крайнихъ предѣловъ, когда Рауль Дюваль сталъ представлять объясненія, почему бонапартисты не захотѣли помогать при сенаторскихъ выборахъ принятію «двусмысленнаго» списка правыхъ, а де-Броули, въ своемъ дерзкомъ ему возраженіи, назвалъ большинство, недопустившее орлеанистовъ въ сенатъ, коалиціею, связанною только общими ненавистями и «отвращеніями». Между Эрнестомъ Пикаромъ и де-Равинелемъ произошелъ публичный обмѣнъ личностей. Среди страшнаго шума произошло принятіе двухъ первыхъ статей закона о печати. Когда Жюль Фавръ сталъ говорить по поводу ихъ рѣчь, то два бонапартиста, де-Валонъ и Гэнтъенсъ, въ отвѣтъ ему, стали его лично обвинять за сентябрьскую революцію и версальское перемиріе. Это дало случай Жюлю Фавру, съ трибуны, еще разъ объяснить, что такое была имперія, и опровергнуть торжественно всѣ тѣ клеветы, какими преисполнено заключеніе доклада парламентскаго слѣдствія о правительствѣ 4-го сентября, подписаннаго однимъ именемъ Боро-Лажанади, темнаго депутата праваго центра, только и извѣстнаго по этому докладу, составленному въ духѣ самой крайней нетерпимости и пристрастія. Всѣ эти сцены и перебранки вызвали въ республиканцахъ рѣшимость поддерживать законопроектъ Дюфора о печати. Соображенія, засгавившія ихъ принять такое рѣшеніе, какъ мы увидимъ далѣе, не лишены основаній. Но болѣе всего помогло этому то, что поправка Жбанзѣ,

въ которой требовалась отмѣна права администраціи запрещать розничную продажу газетъ и журналовъ на улицахъ, могла пройти при большинствѣ 4 или 5 голосовъ. За принятіемъ этого значительнаго облегченія для печати послѣдовали пренія объ «осадномъ положеніи». Рѣчь Шалемелля-Лакура, по поводу необходимости повсюдной отмѣны этого положенія, вызвала еще разъ, и въ послѣдній, правительственныя заявленія со стороны Бюффе, въ которыхъ онъ, еще впервые, къ слову «правительство рѣшительно консервативное» прибавилъ прилагательное и «либеральное», конечно, чтобы объяснить, какимъ образомъ рядомъ съ нимъ въ кабинетѣ могутъ состоять гг. Сэ и Дюфоръ. За исключеніемъ этой ничтожной уступки, заявленіе Бюффе также реакціонно, какъ и всѣ прежнія его заявленія. Слово «республика», и въ этотъ разъ имъ не упомянуто, а, вмѣсто него, снова названо «конституціонное правительство маршала Мак-Магона», призывающее къ содѣйствію всѣхъ «честныхъ людей», разумѣется, кромѣ республиканцевъ. Между тѣмъ, еще наканунѣ, лѣвый центръ издалъ манифестъ, въ которомъ, объясняя учрежденіе республики усиліями своихъ членовъ, называетъ будущіе выборы выборами «конституціонныхъ республиканцевъ», чтобы отнять этимъ возможность у избирателей голосовать за такихъ кандидатовъ, которые не соглашались бы на поддержаніе существующей конституціи. Бюффе притворился, что ничего не знаетъ объ этомъ манифестѣ, но не потрудился также и обозначить опредѣленно, на чемъ именно правительство будетъ основывать свою неприязнь къ лицамъ, желающимъ его поддерживать помимо его воли. Всего страннѣе, что свою рѣшительно неопредѣлимую и неудобопредѣлимую программу Бюффе высказалъ съ какимъ-то фанатическимъ энтузіазмомъ. Чего онъ хочетъ? чего добивается? это осталось для всѣхъ совершенно загадкою, и многіе пришли только къ убѣжденію, что въ качествѣ сторонника іезуитовъ, онъ добивается только одного—чтобы выборы были какъ можно клерикальнѣе.

Четырьмя послѣдовательными голосованіями осадное положеніе въ четырехъ департаментахъ: Сены, Сены-и-Уазы, Роны и Устье въ Роны, удержано до 1-го мая 1876 г. Достигнуть снятія его, вѣроятно, удалось бы и съ этихъ мѣстностей, еслибы сами республиканцы не опасались, что это можетъ вызвать въ средѣ избирателей слишкомъ страстные толки о коммунѣ и ея репрессіи. Самъ Гамбетта, высказавшись въ томъ смыслѣ, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ политикамъ, «которые хотятъ всего или ничего», приглашалъ всѣхъ республиканцевъ принять законъ Дюфора въ цѣломъ его составѣ. До послѣдней минуты нельзя было не опасаться, чтобы правые не стали голосовать противъ него и этимъ не обусловили того, чтобы осадное положеніе оставалось повсюду занятымъ, а дѣло шло о 36 департаментахъ! Теперь, по крайней мѣрѣ, чистый выигрышъ состоитъ въ томъ, что они могутъ дѣйствовать свободно во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ.

стях, гдѣ снова появляются ихъ газеты, пріостановленные или запрещенныя. Благодаря снятію осаднаго положенія, новые органы ихъ могутъ возникать въ мѣстностяхъ, отстоящихъ всего на какой-нибудь часъ разстоянія отъ Парижа и Версаля, и, такимъ образомъ, служить пособіемъ для ихъ избирательной пропаганды.

Наконецъ, не безъ попытокъ къ противодѣйствию весьма многихъ депутатовъ, желавшихъ продолжить парламентскую сессию до конца выборовъ и хотя на короткое время имѣть новогоднія вакаціи, распушеніе собранія было рѣшено, благодаря отчасти энергической настойчивости Гамбетты. Теперь, на основаніи закона о распушеніи, собраніе сойдется еще только одинъ разъ и на одинъ день—именно 8-го марта, для формальной передачи своихъ полномочій двумъ новымъ палатамъ, которыхъ сформированіе будетъ къ этому дню окончено. Назначеніе делегатовъ отъ общинъ для выбора сенаторовъ произойдетъ 16-го января, а самые выборы 225—сенаторовъ 30-го января. Выборы депутатовъ назначены на 20-е февраля, а перебаллотировка на первое воскресенье, которое послѣдуетъ за этимъ числомъ.

Еще 30-го декабря, утромъ, казалось невозможнымъ, что собраніе успѣетъ къ концу года закончить всѣ свои дѣла, такъ какъ министру Кальвѣ удалось передъ тѣмъ поставить на очередномъ порядкѣ выдачу множества мелкихъ желѣзнодорожныхъ концессій на дороги, полезныя для нѣкоторыхъ консервативныхъ капиталовъ, а еще болѣе для большихъ желѣзнодорожныхъ компаній, интересамъ которыхъ министръ служить гораздо охотнѣе, чѣмъ интересамъ общественнымъ. Противъ многихъ изъ проектовъ этого рода, составленныхъ на скорую руку и не отличающихся добросовѣстностью, должны бы были возникнуть серьезныя возраженія; но этимъ пришлось пожертвовать, чтобы добиться распушенія. Только депутатъ Толанъ не удержался, чтобы не сказать нѣсколько рѣзкихъ словъ «о финансовыхъ фокусничествахъ» и былъ за это призванъ къ порядку. Благодаря назначенію ночнаго засѣданія съ 30-го на 31-е декабря, къ 6 часамъ засѣданія 31-го всѣ дѣла были окончены и всѣ предложенія голосованы.

Тогда герцогъ Одифре-Паке взволнованнымъ голосомъ сталъ читать «отходную» умиравшему собранію 1871 года... Началъ онъ съ похвалы той энергіи, съ какою это собраніе содѣйствовало «укрощенію, при пособіи героическаго войска, безпримѣрнаго восстанія», «заключило миръ и организовало уплату контрибуціи за безумно затѣянную войну». Эту часть рѣчи своего предсѣдателя собраніе выслушало холодно, и слова оратора сопровождалась только рѣдкими возгласами: «браво». Затѣмъ, ораторъ перешелъ къ учредительной дѣятельности собранія, результатомъ которой—конституція 25 февраля, и высказалъ, что это дѣло доставляетъ величайшую честь ему, такъ какъ этою конституціею «поставленъ оплотъ противъ деспотизма и

анархій». «Теперь это дѣло закончено, сказалъ онъ: — и вамъ остается только поручить его сохраненіе чести маршала Мак-Магона, патриотизму двухъ будущихъ палатъ и *благоразумію страны, которая, въ теченіи пяти лѣтъ, Вамъ такъ честно помогла*». Это отсутствіе клеветы и обвиненій на Францію, такъ же какъ и угроза «общественною опасностію», какими обыкновенно уснащаетъ свои рѣчи Бюффэ, произвело тѣмъ болѣе энтузіазмъ между республиканцами, что официальный представитель конституціоннаго большинства въ собраніи прибавилъ, въ видахъ преподачи косвеннаго и вполне заслуженнаго урока большинству реакціонерному, составившемуся и распадавшемуся не одинъ разъ въ этомъ парламентѣ: «нельзя не замѣтить, что никогда еще авторитетъ власти не уважался болѣе вашего, и ничья воля не встрѣчала большаго послушанія». Этими словами онъ какъ бы напередъ отвѣчалъ тѣмъ, которые въ послѣдствіи задумали бы утверждать, что «Франція еще не заслуживаетъ свободы».

Когда, въ заключеніе своей рѣчи, онъ сказалъ, что собраніе оставило въ неприкосновенности и передаетъ странѣ врученное ею ему знамя (трехцвѣтное) и организованную ею свободу, то между легитимистами, и особенно между бонапартистами, видящими въ конституціи силу, препятствующую государственнымъ переворотамъ и воскресенію цезаризма, послышался довольно громкій ропотъ недовольства. «Да здравствуетъ республика!» закричалъ его единодушный кликъ трехъ лѣвыхъ. Нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ закричали: «да здравствуетъ маршалъ!» «Да, да, отвѣтили центры: да здравствуетъ президентъ республики!» «Да здравствуетъ Франція!» закричало большинство правыхъ. «Да здравствуетъ Франція и Республика!» подхватили лѣвые. Кто ожидалъ бы, что такою сценою закончить свое существованіе то собраніе, которое заключало въ себѣ такую массу монархическихъ и клерикальныхъ элементовъ, что, казалось не однажды, оно можетъ послужить только для разчистки путей для реставраціи?! Теперь странѣ возвращено право слова. Теперь судьбы Франціи въ рукахъ избирателей. Отъ ихъ интеллигенціи зависитъ теперь достойно увѣнчать то дѣло, которое, несмотря на безчисленныя препятствія и самыя сложныя интриги, благодаря силѣ вещей, приведено къ опредѣленному и желательному результату!

Парижѣ, 1-го января 1876 года.

Людовикъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БОРЬБА РАСЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

(White conquest, by William Herworth Dixon. London. 1875.)

I.

Америка, повидимому, готовится вступить въ новый фазисъ своего развитія. Извѣстный авторъ «Новой Америки», повторившій нынѣ путешествіе въ эту страну передъ столѣтнею годовщиною ея независимости, написалъ очень живую и мѣстами блестящую книгу, въ которой яркими красками рисуется такъ называемая борьба четырехъ расъ: красной, черной, желтой и бѣлой. Побѣда остается за бѣлой расой, утверждаетъ авторъ, и именно за англо-саксонскимъ племенемъ, въ руки котораго «переходить лицо земли», если этому не помѣшаютъ внутренніе раздоры. Кромѣ побѣды бѣлой расы (побѣды сомнительной, какъ увидимъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ стойкимъ «желтымъ варварамъ», китайцамъ), другой важный поворотный признакъ въ современной американской исторіи авторъ видитъ въ томъ, что въ будущемъ Америка должна полагаться исключительно на собственныя силы, на естественное развитіе: приливу европейскихъ пришельцевъ скоро предвидится конецъ; съ одной стороны, европейская эмиграція слабѣетъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и нѣкоторые эмигранты уже возвращались въ Европу, съ другой—и это самое важное—неистощимость американскихъ пространствъ сдѣлается въ близкомъ будущемъ иллюзію; хорошая земля въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ, въ Канзасѣ и Небраскѣ, заселена и воздѣлывается; на западѣ остаются только пространства, ни къ чему непригодныя, бесплодныя или годныя только для скотоводства въ обширныхъ размѣрахъ. Фактъ этотъ доказываетъ, что конецъ формироваки Америки близокъ; бѣлая раса, опредѣливъ свои отношенія къ неграмъ и краснокожимъ, должна еще въ будущемъ доказать и отстаивать свое нравственное превосходство надъ третьимъ, страшнымъ противникомъ—китайской расой. Отъ того, какъ устроится американцы теперь, зависить участь бѣлой республики.

Разнородные элементы, которые предстоит ей ассимилировать, теперь еще находятся въ полномъ броженіи: картины ихъ между собою и во взаимныхъ отношеніяхъ, особенно фигуры помѣсей, какія неминуемо возникаютъ въ такомъ обществѣ, принадлежать къ лучшимъ страницамъ въ книгѣ. Сообразно плану своего путешествія, Дивсонъ сначала разсказываетъ о Сан-Франциско и той наипи населенія, какая образовалась въ Калифорніи отъ помѣсей всевозможныхъ авантюристовъ съ краснокожими туземцами, о разбойникахъ и іезуитахъ, переходитъ къ сближенію краснокожихъ съ мормонами вслѣдствіе общности принциповъ, говоритъ объ угнетеніи индѣйцами негровъ, которые у нихъ были въ рабствѣ, а потомъ также образовали интересныя помѣси, наконецъ, переходитъ къ «желтокожимъ» и лунолицымъ сынамъ Срединной Имперіи и къ собственно американскимъ «бѣлымъ» вопросамъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ является извѣстное луизианское столкновеніе.

Какъ читатель видитъ, матеріалъ, представляемый книгою, чрезвычайно обширенъ: по прежней извѣстности автора можно заранѣе знать, что лучшія мѣста въ книгѣ (лучшей, по выраженію Athenaeum'a, изъ всѣхъ его сочиненій со времени «Новой Америки») — тѣ, гдѣ онъ описываетъ постороннія, нецивилизованныя расы и помѣси, то-есть индѣйцевъ, гибридовъ, китайцевъ и проч., хотя со взглядами автора не всегда можно согласиться, особенно при сужденіи о неграхъ, относительно которыхъ онъ настроенъ нѣсколько пессимистски.

Калифорнія и западный край Америки представляютъ большой интересъ и по составу населенія, и по своему прошлому, и по остаткамъ этого прошлаго. Калифорнію мы привыкли представлять себѣ странюю золота, искатели котораго вездѣ приносятъ съ собою особую отвратительную атмосферу. Къ этимъ золотоискателямъ, пьянымъ и развратнымъ, какъ повсемѣстный типъ, прибавимъ элементы мѣстные — католическихъ патеровъ, воспоминанія объ испанскихъ дворянскихъ преданіяхъ и краснокожихъ индѣйцевъ. Результатъ не могъ не выйти малопривлекательнымъ: самое лучшее его выраженіе — гибриды...

Пришельцы изъ-за моря являлись одни; жены ихъ оставались гдѣ-нибудь около Лиссабона или въ старой Кастиліи, или даже въ графствѣ Бентъ. «Санта-Марія! говорилъ автору одинъ португалець: — не вези же намъ женъ изъ-за моря; мы должны покупать женъ здѣсь». Бѣлая женщина — величайшая рѣдкость въ этихъ краяхъ. Женщинъ, вообще, въ Америкѣ меньше, чѣмъ мужчинъ; только у индѣйцевъ перевѣсъ на сторонѣ женскаго пола. Въ силу обычая, существоваващаго съ давнихъ временъ, индѣйскія женщины покупались и продавались, или ихъ увозили тайкомъ. Индѣецъ продавалъ женщину, какъ безправное существо, какъ буйволу шкуру и т. п. Испанцы и мексиканцы постоянно покупали себѣ индіянокъ, конечно, не для законнаго брака. Католическіе монахи-францисканцы, которые одно время имѣли

вліяніе на индѣйцевъ, приручали ихъ и приучали къ домашнимъ занятіямъ, даже крестили, пытались остановить этотъ обычай, но напрасно, и потому помирились съ нимъ. Даже при господствѣ американскихъ законовъ, этотъ обычай продолжаетъ дѣйствовать, вслѣдствіе недостатка, съ одной стороны, бѣлыхъ женщинъ, а съ другой—по слабости вообще индѣйскихъ понятій о бракѣ и брачной нравственности, и, наконецъ, въ силу нѣкотораго пристрастія, питаемаго краснокожею женщиною къ бѣлому человѣку, у котораго положеніе ея все-таки выше положенія вьючнаго скота, какъ бываетъ въ вигвамѣ. Испанцы, долговременные владѣтели западной оконечности материка, могли бы противопоставить вырожденію расы дѣйствительную помѣху, водворить въ странѣ прочныя поселенія съ бѣлымъ женскимъ элементомъ; но испанецъ прежде всего хотѣлъ быть господиномъ страны (типъ этого удаляющагося народа обрисованъ авторомъ въ лицѣ дона Маріано) и упустилъ ее изъ рукъ по непониманію современныхъ потребностей: онъ навезъ сюда монаховъ, велъ веселую и набожную жизнь, а земли ускользали у него изъ-подъ рукъ; явились новые пришельцы, которые стали толковать о школахъ, строить дороги; испанецъ смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ, но ничего не могъ сдѣлать и, наконецъ, удалился. Тѣмъ болѣе въ Калифорніи приливъ населенія вызванъ болъе временными обстоятельствами, поисками золота. Когда волна авантюристовъ сбыла, частію вернувшись въ Испанію, въ странѣ остались только монахи, которые взяли на себя учить туземцевъ и до нѣкоторой степени въ томъ успѣли, и солдаты для охраны края; были еще трапперы-поселенцы, которые прямо брали индѣйскихъ женъ по неимѣнію бѣлыхъ. У индѣйцевъ обычай продавать дѣвушекъ бѣлымъ такъ укоренился, что, случается, самъ краснокожій съ трудомъ находитъ себѣ жену. Въ миссіонерныхъ домахъ, гдѣ жили францисканцы, въ дикой пустынѣ, они должны были для своей охраны пригласить солдатъ, которымъ, какъ и монахамъ, законъ запрещалъ жениться. Связи съ индѣйскими «свау» завязались быстро, и, когда солдатамъ пришлось ѣхать обратно, оказалось, что ихъ удерживаютъ на мѣстѣ цѣлыя семьи, гибриды. Эта помѣсь наслѣдовала самыя дурныя качества отъ своихъ родителей: кровожадность, лѣность и распутство. Задержать возникновеніе этой расы было невозможно: ропотъ туземцевъ солдаты унимали насиліемъ; впрочемъ, туземцы и роптали не на самый уводъ женщинъ, а на то, что онѣ дѣлались безплатно. На увѣщанія францисканцевъ офицеры отвѣчали коротко: «солдаты—не монахи». Дѣти, хотя и цвѣтныя—все-таки дѣти, но (подобно всякому плоду незаконной связи даже въ цивилизованныхъ европейскихъ обществахъ) были отверженцами не только у бѣлыхъ, но и у индѣйцевъ: имъ оставалось жить воровствомъ и убійствомъ. Испанскія власти сочли за лучшее сгруппировать старыхъ солдатъ съ ихъ потомствомъ въ трехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ: Los Angeles, Santa-Cruz и San-Jose, выхо-

дять изъ которыхъ имъ запрещалось подъ страхомъ суровыхъ наказаній. Къ поселенцамъ въ этихъ «свободныхъ городахъ» присоединились еще посторонніе пришельцы самаго худшаго свойства: мошенники, шулера, торговцы виномъ и женщинами, короче—отребье испанскаго лагеря. Изъ этихъ-то элементовъ и сложились нынѣшніе гибриды. Немногіе изъ этихъ несчастныхъ умѣютъ читать и писать; изъ десяти человекъ не найдется одного, который бы родился въ бракѣ—въ силу того же «обычая». Не находя себѣ мѣста ни среди отцовскихъ, ни среди материнскихъ единоплеменниковъ, гибриды ненавидятъ и тѣхъ, и другіхъ, а сами даютъ богатый контингентъ воровъ и разбойниковъ и постоянно не ладятъ съ американской полиціей.

Такъ какъ происхожденіе гибридовъ находило себѣ опору въ жѣстныхъ обычаяхъ и самое племя постоянно размножалось, то понятно, что они не могли долго остаться подчиненными надзору и стѣсненіямъ. Они распространились по всему краю до самаго С. Франциско. Унаслѣдовавъ дивость и необузданность отъ своихъ родителей, оттолкнутые отовсюду, подавленные невѣжествомъ, гибриды преимущественно толпились въ горахъ и стали жить разбойничьими подвигами; изъ нихъ нѣкоторые и сѣять даже романическій отбѣнокъ, какъ, напримѣръ, рассказанная авторомъ исторія капитана Васкеса, и даже окрашиваются колоритомъ національности, какъ протестъ противъ чужеземнаго господства.

Земля, говорятъ гибриды, принадлежитъ имъ. Они—не пришельцы, подобно иностраннымъ войскамъ, и не дивари, подобно туземцамъ. При мексиканцахъ, они боролись съ солдатами, грабили монаховъ и похищали индіанокъ. Случится мятежъ—гибриды являются первыми зачинщиками, усмирены бывають послѣдніе. Когда Мексика отдѣлилась отъ метрополіи, они сражались противъ испанскаго короны, а, когда борьба была кончена, обратились противъ своихъ товарищей по оружію. Лишенные всякой опредѣленной политической тенденціи, они отстаивали дѣло республики Калифорніи, а, когда и тамъ натворили много хлопотъ, то промѣняли «одну звѣзду» на «звѣзды и полосы».

Собственно говоря, появленіе гибридовъ не есть какое-либо новое явленіе. Помѣсь съ индѣйцами бывала всегда въ тѣхъ краяхъ; она неизбѣжна и вовсе не непременно порождаетъ антиобщественные элементы. Что помѣсь съ индѣйцами, сама по себѣ не исключаетъ возможности появленія людей цивилизованныхъ и даже обладающихъ политическими талантами—тому примѣромъ служить бывшій мексиканскій президентъ, полуиндѣецъ Хуаресъ. Гибриды же—негодная раса, главнымъ образомъ, вслѣдствіе стѣсненія, презрѣнія и общаго нестройства края, которое сдѣлало невозможнымъ хорошее воспитаніе ихъ съ дѣтства. Въ іезуитской коллегіи въ Санта-Клара учатся гибриды. «Съ мальчиками медлительнаго, боязливаго склада, въ которыхъ преобладаетъ мягкая натура индіанки-матери, іезуиты скоро справ-

ляются; не такъ легко идетъ дѣло съ тѣми, въ комъ преобладаетъ пылая кастильская кровь». Какъ бы то ни было, смѣшанная кровь поддается обученію. Извѣстно, что вопросъ о индѣйцахъ—одинъ изъ важныхъ вопросовъ въ республикѣ. Они быстро исчезаютъ, не вынося цивилизаціи бѣлыхъ или не перенося тѣхъ приемовъ, какими она распространяется. Диксонъ сообщаетъ интересныя подробности о попыткахъ, какія дѣлались для прививки къ индѣйцамъ началъ цивилизаціи. Францисканцы пробовали приучать ихъ къ новымъ понятіямъ въ Калифорніи и не безъ нѣкотораго успѣха, но, къ сожалѣнію, сами были разсѣяны шайкой мексиканцевъ. «Краснокожіе на западномъ склонѣ материка были народъ слабый и смиренный, занимались ловлей рыбы, добываньемъ кореньевъ, подбирали упавшіе желуди, ходили почти голые, жили въ соломенныхъ шалашахъ, паслись въ лѣсу, какъ стада, не мылись, не знали употребленія гребня, питались кое-чѣмъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Все у этихъ дикарей было общее, но пророки и вожди имѣли нѣкоторое преимущество. Замѣчательно, что у этихъ краснокожихъ сохранялись старинныя преданія объ устроенной жизни въ городахъ, и у нихъ самихъ еще остались нѣкоторые признаки выборной системы самоуправленія—слѣды древняго права. Они избирали вождя, который обладалъ духовною и свѣтскою властью, имѣлъ первое право выбирать себѣ севау (женщинъ) и набиралъ ихъ столько, сколько могъ вмѣстить въ шалашъ; когда жены надобѣдали ему, онъ ихъ прогонялъ.

Явились францисканцы, построили церковь. Сначала индѣйцы держались поодаль: зачѣмъ пришли эти люди, неизвѣстно откуда? Конечно, чтобъ красть женщинъ, рѣзать траву и отнимать антилопъ? Но когда индѣйцы увидали знамя съ изображеніемъ прекрасной бѣлой женщины, матери могущественнаго властителя, который гдѣ-то далеко за моремъ страдалъ за всѣхъ людей, когда услышали музыку изъ страны духовъ, любопытство краснокожихъ затронуто, а потомъ недовѣрчивые дикари и со всѣмъ успокоились, потому что патеры давали пищу голоднымъ, одежду нагимъ, питье больнымъ, говорили этимъ простымъ людямъ, что принесли имъ посланіе изъ за облаковъ, что Великій Духъ открылъ новый, ближайшій путь въ страну духовъ и послалъ имъ, краснокожимъ, вождя и святого въ лицѣ патера. Пришельцы обращались, какъ друзья, съ индѣйцами, а къ тому же знали всѣ тайны земли и неба: если было мало кореньевъ, патеры шли въ кустарникъ и копали ихъ; не было рыбы, они закидывали сѣти въ заливъ и ловили ее, знали качества растеній и травъ, называли по именамъ звѣзды, разумѣли направленіе вѣтра и морскіе приливы: мало по малу. Они научили индѣйца обрабатывать землю, закидывать неводъ въ рѣку, варить пищу, сушить сѣмяна, мечь рыбу. У самихъ патеровъ поля были расчищены и засѣяны хлѣбомъ, деревья вырублены, разводились виноградъ, яблоки, груши, орѣхи. Жены индѣйцевъ приводили своихъ дѣтей, вот-

рыхъ патеры учили вѣрѣ бѣлыхъ людей, и знаменовали чело ихъ крестомъ. Обращенный умиралъ: надъ его могилой опять слышалась музыка страны духовъ. Дивари просили окрестить ихъ; патеры не теряли времени: колѣнопреклоненнаго индѣйца они заставляли произносить обычную христіанскую формулу, давали обращенному имя и отпускали домой членомъ католической церкви и подданнымъ короля Испаніи. Между тѣмъ, домоводство шло годъ за годомъ: монахи продолжали распахивать дѣвственную почву. Явилась правильная улица возлѣ изгородей, въ которыхъ жили обращенные; шалаши стали накрываться кровлею и принимать подобіе хижинъ, затихла взаимная вражда между индѣйцами, женщинъ болѣе не крали, не убивали дѣтей. Сосѣднее индѣйское племя также обратилось въ христіанство, научилось мыться, носить рубашки, прессовать виноградъ, дубить шкуру, шелушить горохъ и сберегать его. Нѣкоторые дикари продали даже своихъ лишнихъ женъ. Такъ дѣла шли въ теченіе 30 лѣтъ; красновожіе, питаемые, одѣтые, кое-чему обученные, жили близъ самихъ францисканцевъ, привыкли къ землѣ и мало по малу отставали отъ своихъ дѣлкихъ привычекъ. Монахи осторожно обходились съ индѣйскими обычаями, особенно относительно владѣнія землею и женами, надѣясь, что посѣянное принесетъ плодъ, хотя чрезъ долгое время. Но случилось иное: въ управленіи дѣлами края взяла верхъ свѣтская партія, которая говорила, что индѣйцы—члены свободной страны, Мексиканской Республики, и должны быть предоставлены самимъ себѣ. Обѣ партіи схватились, и въ заключеніе монахи были изгнаны, новообращенные освобождены отъ нихъ и разсѣялись по глѣсамъ; всѣ попытки созвать ихъ и водворить снова были тщетны. Разъ въ годъ, они возвращаются праздновать день своего патрона, но уже празднество это—чисто-индѣйская оргія. Число обращенныхъ съ каждымъ годомъ уменьшается, и недалеко то время, когда они исчезнутъ вовсе.

Если, судя по этому, дѣти природы не вовсе неспособны къ воспринятію началъ цивилизованной жизни, а только требуютъ патріархальнаго руководства, при которомъ мало по малу могутъ освоиться съ началами общежитія, то, съ другой стороны, Диксонъ приводитъ и противоположныя данныя. Индѣйцы, у которыхъ сдѣланъ былъ разсказанный опытъ, Mission Indians, принадлежатъ къ малымъ индѣйскимъ родамъ, осѣвшимися и полупокореннымъ, отъ соприкосновенія съ бѣлыми; таковы же еще индѣйцы Пуэбло въ Аризонѣ, Сенеки въ Нью-Йоркѣ, Чиппевасы въ Мичиганѣ, Чоктавы, Черокезы и проч. Ихъ считается до 100 т. душъ; они нѣсколько приручены и очень порѣдѣли. Индѣецъ боится обычая бѣлыхъ, такъ какъ, кромѣ приведенной попытки, первымъ шагомъ этой чуждой цивилизаціи бываетъ физическое разрушеніе и нравственная смерть. По словамъ полковника Стефенса, ему, въ качествѣ правительственнаго инженера, поручено было построить нѣкоторое число каменныхъ домовъ для

индѣйскихъ вождей, которыхъ хотѣли водворить осѣдло. Въ каіе нибудь полгода всѣ дома исчезли, проданы бѣлымъ за нѣсколько боченковъ водки. У одного только изъ главныхъ вождей, Долгой Антилопы, удержался домъ, и Стефенсъ, возлагая на этого вождя сравнительно большія надежды, поѣхалъ на него взглянуть. Вождь сидѣлъ и куритъ въ палаткѣ, раббитой близъ окна дома. «Зачѣмъ живешь въ палаткѣ, когда у тебя хорошей домъ?» Вождь улыбнулся. «Домъ хорошъ для лошади, но не хорошъ для воина». Войдя въ домъ, Стефенсъ нашелъ лошадь вождя въ столовой. По мнѣнію Стефенса, понятіе о домѣ на цивилизованный ладъ—составляетъ нѣчто чрезмѣрное для мозга чистокровнаго индѣйца. Единственное понятіе объ осѣдлости, какое, по словамъ американца, можно вбить въ голову диваря, состоитъ въ томъ, что жить осѣдло называется набрасывать на плечи теплое одѣяло, а не кожу, бродить около агентства вмѣсто того, чтобъ идти на охоту, и тратить время на куреніе и питье вмѣсто того, чтобъ скальпировать людей. Чистокровный индѣецъ едвали когда принимался за работу. Онъ — охотникъ и воинъ; тронуть почву лопатой или плугомъ значитъ осквернить его благородныя руки. Местности еще имѣютъ возможность развитія, хотя и они наводятся какъ бы подъ гнетомъ своей дикой крови». Истинные, безъ примѣси, краснокожіе, Сіуксы, Уты, Чейенны и т. п., всегда оставались язычниками, хищниками и номадами, никогда не были покорены и прикрѣплены къ землѣ. Есть, впрочемъ, энтузіасты, которые надѣются, что когда нибудь всѣ эти племена сольются, а охотничьи земли образуютъ самостоятельную страну: если какія нибудь 16 т. Черозезовъ не могутъ жить въ мирѣ между собою, то тѣмъ труднѣе соединить подъ общимъ правленіемъ и однимъ флагомъ и Криковъ, и Семиноловъ и Чоктавовъ и т. п.; смѣшно мечтать, чтобъ Чейенны или Апачи перестали грабить скоть и женщинъ, похоронили (по индѣйскому обычаю) топоръ и ножъ для скальповъ и стали заниматься чтеніемъ произведеній чьей нибудь досужей фантазіи и пить виски, какъ бѣлые. За исключеніемъ послѣдняго качества, все остальное еще очень далеко. Таково рѣшеніе американцевъ.

Отношенія индѣйцевъ къ женщинамъ, какъ мы уже упоминали — совсѣмъ варварскія: индѣецъ, если не воруетъ своихъ женъ, то покупаетъ ихъ долларовъ по двадцати за штуку. Цѣны на женъ, какъ на лошадей, измѣняются, смотря по временамъ: по скудости дичи, глубинѣ снѣга, и т. п. Индѣецъ, хотя бѣденъ, набираетъ себѣ, по возможности, нѣсколько женъ, чтобъ онѣ за него работали, какъ вьючныя животныя. Особенно тяжело положеніе молодой женщины, надъ которой командуютъ старыя полновластно, тѣмъ болѣе, если она перешла въ чужое племя и не имѣетъ естественнаго защитника въ лицѣ отца, брата или сына. У индѣйца жены дѣлаютъ все: копаютъ корни, сѣлаютъ лошадь, разбиваютъ палатку. Цѣлую ночь, у дверей желѣзнодорожнаго вагона (Уты и Шошоны могутъ бесплатно ѣздить по желѣзной

дорогѣ, но только на платформѣ), въ 37° мороза, при сильномъ вѣтрѣ, сидятъ, скорчившись, несчастныя женщины; утромъ, сойдя съ поѣзда, индѣянка нерѣдко идетъ по снѣгу 90—100 миль до вигвама мужа, а тамъ сейчасъ же должна приниматься за тяжелую работу. «Когда жена надѣсть Красной Собакѣ (има индѣйца, съ которымъ бесѣдовалъ автора), онъ продастъ ее какойнибудь другой собакѣ».

При американцахъ, положеніе несчастныхъ краснокожихъ крайне печально; хотя и дѣлались попытки возобновить удачный опытъ францисканцевъ, но напрасно, за то опыты разврата съ испанскими солдатами повторились еще въ худшемъ видѣ. Въ Эврека, въ долину Гумбольдта, расположены американскіе солдаты, какъ были испанскіе въ Сан-Карлосѣ и Санта-Кларѣ; американскіе офицеры и солдаты стали брать индѣйскихъ женщинъ, какъ дѣлали и испанцы. Дѣйствіе этой системы на индѣйцевъ, по словамъ калифорнскаго адвоката Найта, посланнаго для изслѣдованія, было ужасно. Потомство смѣшанной крови, болѣзни, потеря самоуваженія, все это—только часть зла. Послѣдствіемъ было, кромѣ того, ослабленіе власти вождя, потеря вліянія отца, мужа, главы семьи, и передача первенствующей роли во всѣхъ дѣлахъ красивымъ и развратнымъ женщинамъ, отцы которыхъ ходятъ нагіе или оборванные.

Методисты и квакеры пытались возобновить дѣло францисканцевъ, но неудачно. «Старые индѣйцы ходятъ голые, молодые — пьяные. Отцы все еще продаютъ своихъ дочерей бѣлымъ. На глазахъ христіанскихъ судей происходитъ торговля невольниками, еще болѣе возмутительная и звѣрская, чѣмъ самая продажа негровъ. Никто изъ туземцевъ не имѣетъ права голоса и не пользуется общественнымъ довѣріемъ. Индѣйскія племена прирѣвлены къ опредѣленнымъ мѣстамъ, съ которыхъ не могутъ шевельнуться: въ противномъ случаѣ несчастные подвергнутся облавѣ и будутъ прогнаны ремнями на старыя мѣста. Индѣйцы обязаны работать на бѣлыхъ фермеровъ и считаютъ своего господина милостивымъ, если онъ соизволяетъ дать имъ ружье настрѣлять дичи. Одинъ хозяинъ передаетъ ихъ другому, помимомъ желанія самихъ индѣйцевъ». Такое положеніе едва ли чѣмъ отличается отъ невольничества. Только тѣ индѣйцы и сдѣлали кое-какіе успѣхи въ общественности, которые находились подъ вліяніемъ католическихъ миссій. Правда, Крики и Черокезы занимствовали нѣкоторыя формы цивилизованнаго устройства: имѣютъ свои собранія, школы и суды, но все это выходитъ болѣе или менѣе комично. Быть можетъ, они и могли бы освоиться съ цивилизованнымъ строемъ общества, но для этого нужна постепенность, патриархальное управленіе, умѣлость и искренность въ руководствѣ со стороны бѣлыхъ.

Что индѣйцы не прочь были бы отъ сближенія именно съ такимъ отгнѣномъ, доказывается ихъ сближеніемъ съ мормонами. Происхожденіе устройства послѣднихъ, съ ихъ уродливыми на

европейскій взглядъ учрежденіями, Диксонъ еще въ «Новой Америкѣ» объяснялъ заимствованіемъ у индѣйцевъ, съ которыми у мормоновъ много общаго. Въ проявляющемся нынѣ сближеніи индѣйцевъ съ мормонами онъ видитъ подтвержденіе этой мысли. Въ нашей литературѣ найдется и другое объясненіе живучести мормонства, едва ли не болѣе правдоподобное. Г. Циммерманъ, въ «Путешествіи по Америкѣ», видитъ опору и постоянный контингентъ «святыхъ» Соленаго Озера въ европейскихъ пролетаріяхъ, для которыхъ такой уголокъ, послѣ голодной жизни на ирландской или тому подобной родинѣ, покажется раемъ. До такого же положенія доведены теперь и индѣйцы, какъ видно изъ приведенныхъ словъ адвоката Найта. Притомъ, мормонство, дѣйствительно, представляющее нѣкоторые общіе пункты съ индѣйскимъ порядкомъ, служить для краснокожихъ ступенью впередъ, нѣсколько аналогичною съ почитательнымъ опытомъ францисканцевъ. Эти пункты сходства понятій индѣйцевъ съ мормонами мы могли бы примѣнить и къ гораздо болѣе близкой намъ средѣ, хотя также христіанской: краснокожіе и мормоны знаютъ физическаго бога, доступнаго не только въ облакѣхъ и вѣтрѣхъ, но и во вѣшней формѣ—пророковъ и вождей; въ выборѣ такихъ вождей непосредственно участвуетъ Великій Духъ, и потому вождь обладаетъ патріархальною властью надъ тѣломъ и душой каждаго изъ подвластныхъ, и т. п. Многоженство составляетъ также пунктъ сходства между тѣми и другими, но теперь это учрежденіе уже потеряло кредитъ, и едва ли мормонство удержитъ въ будущемъ другіе специфическіе признаки, кромѣ прибѣжища для пролетаріата, которымъ снабжала его Европа. Самъ Брайамъ Юнгъ уже старъ. Говорятъ, что онъ очень боленъ и можетъ только сидѣть въ постели и по временамъ вступать въ новый бракъ. Несмотря на 18 покорныхъ женъ, первосвященника постигло непривычное несчастье: съ одной молоденькой женой Брайама Юнга вышелъ скандалъ; она начала искъ о разводѣ, бѣжала въ Нью-Йоркъ и открыла рядъ лекцій о гаремѣ Брайама. Вообще, страсть къ многоженству у мормоновъ проходить, по мнѣнію Диксона, и потому, что съ проведеніемъ желѣзной дороги, въ этотъ тихій уголокъ заглянула цивилизація язычниковъ и ввела ярмо модныхъ нарядовъ, завести которые для дюжины женъ не такъ-то легко. Многіе мормонскіе «апостолы» имѣютъ только по одной женѣ. «Въ добрыя старыя времена, говорилъ одинъ старѣйшина: — лишняя жена стояла очень мало, почти ничего. Она носила простую коленкоровую шляпку, которую сама и дѣлала. Теперь ей нужно новомодную шляпу, а такая шляпа стоитъ 20 долларовъ и еще предполагаетъ подходящія шаль и платье. Если сдѣлать все это одной женѣ — нужно сдѣлать и всѣмъ прочимъ». Противъ моднаго наряда бессильно все вдохновеніе Брайама Юнга. Такая женщина не будетъ довольствоваться ролью полунагой индѣянки—или покинетъ мормонство. Неудивительно, что многіе

мормонскіе миссіонеры взяли къ себѣ въ жены индіянокъ. Съ другой стороны, конные индѣйцы, притѣсняемые бѣлыми сосѣдями, стали искать улучшенія у блѣднотлицыхъ мормоновъ, которые всегда жили съ ними въ ладахъ, считая краснокожихъ потомками погибшихъ колѣнъ израильскихъ. Охотники и святые жили добрыми сосѣдями и братьями, помогая одни другимъ, какъ въ житейскихъ нуждахъ, такъ и въ кровавыхъ дѣлахъ, въ которыхъ, какъ недавно открылось, были замѣшаны мормоны (возмездіе кровью за кровь признается тѣми и другими). Уты и Шошоны крестились, другія племена жили по мормонскимъ принципамъ. Тѣмъ не менѣе, особенно замѣтныхъ послѣдствій для прогресса индѣйцевъ вообще отъ этого пока не произошло. Мормоны сами слишкомъ ненавидятъ «языческій» міръ, чтобъ не предпочитать ему строй древнихъ сыновъ Израиля, ламанитовъ, т. е. краснокожихъ. Послѣдніе не могутъ забыть, что бѣлые отняли у нихъ наслѣдіе отцовъ, и, гдѣ могутъ, рѣжутъ и скальпируютъ обидчиковъ поголовно. Тѣ не остаются въ долгу. Диксонъ рассказываетъ нѣсколько кровавыхъ случаевъ, отъ которыхъ только разгарается обоюдная, вѣковая вражда. Авантюристы изъ бѣлыхъ прямо говорятъ, что убивали и будутъ убивать красную сволочь на каждомъ шагѣ. При такомъ ожесточеніи, только смѣшны различныя филантропическіе замыслы уашингтонскихъ лѣди относительно индѣйцевъ, которые то истребляются безъ причины, то вдругъ становятся героями дня и послѣ какаго нибудь доказаннаго убійства — оправдываются судомъ.

Послѣ ряда подобныхъ непослѣдовательныхъ поступковъ понятна безуспѣшность и политика Гранта относительно индѣйцевъ, исходящей изъ того же францисканскаго опыта. Оставлена номинально независимая индѣйская территорія, признаваемая, впрочемъ, юристами территоріей республики, создавались иллюзіи о томъ, какъ, благодаря великодушію бѣлыхъ, индѣйцы привьнутъ къ благоустроенной жизни. Эти хорошія намѣренія не мѣшаютъ, впрочемъ, капиталу и труду американскихъ гражданъ забираться въ самое сердце индѣйской территоріи, а добрые опыты, произведенные ни съ того, ни съ сего, разбиваются о недовѣріе дикарей, которые продаютъ и пропьютъ всѣ дары и затѣмъ громогласно признаются неспособными къ цивилизаціи. «Лѣтъ черезъ пять, замѣчаетъ авторъ: — крики и черокезы будутъ на своей территоріи имѣть земли не больше, чѣмъ въ Массачузетсѣ и Нью-Йоркѣ».

Сущность индѣйскаго вопроса слѣдующимъ образомъ изложена образованнымъ черокезомъ въ газетѣ, издающейся въ главномъ лагерѣ черокезовъ, какимъ-то местнымъ издателемъ: «Какъ народъ, мы не приготовлены для американскаго гражданства; не то, чтобъ мы не обладали тѣми качествами, которыя вездѣ дѣлаютъ человека свободнымъ, но мы неопытны въ разнаго рода коварствѣ, которое допускается состояніемъ свободы противъ людей, ничего неподозрѣвающихъ. Националь-

ное право какъ бы состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть обманывать и самому при случаѣ подвергаться обманамъ».

II.

Одного индѣйца понять не могутъ: бѣлые люди отняли у нихъ земли и лѣса, и наслѣдственные, и назначенные по договору, истребляютъ, убиваютъ краснокожихъ безъ всякой причины — почему тѣ же бѣлые даютъ столько правъ чернымъ, что тѣ вездѣ сдѣлались равны бѣлымъ, а иногда даже и выше ихъ, тогда какъ этихъ черныхъ сами краснокоже держали въ рабствѣ и всегда относились къ нимъ съ презрѣніемъ? Любители опредѣлять по цвѣту относительное значеніе расъ могутъ попасть въ немалое затрудненіе. Оставивъ въ сторонѣ преобладаніе бѣлой расы, къ какому заключенію должно прийти при видѣ соперничества между красными и черными, которыхъ дивари порабощали, гдѣ могли?

Диксонъ пытается, въ объясненіе этого, привести взаимныя отношенія красныхъ и черныхъ муравьевъ: послѣдніе всегда живутъ близко отъ первыхъ и находятся у нихъ въ рабствѣ; при томъ, черныя цвѣтъ вездѣ и во всѣ времена между людьми былъ символомъ низменнаго, несчастнаго и порабощеннаго. Подобныя основанія, очевидно, шатки при сужденіи о политическихъ вопросахъ. Нынешнее относительное положеніе негровъ и индѣйцевъ въ американской республикѣ совершенно ниспровергаетъ эту гипотезу. Правда, десятилѣтній періодъ свободной жизни негровъ разочаровалъ тѣхъ, кто ожидалъ отъ нихъ немедленнаго, быстро прогресса, забывая, что слѣды неволи не смываются однимъ почеркомъ пера; рабскіе навыки съ той и другой стороны могутъ переходить въ противоположную крайность, но не исчезнуть сразу даже послѣ кровопролитной войны.

Положеніе негровъ, плачевно: до войны вообще, было ужасно, особенно въ рабствѣ у краснокожихъ, о чемъ авторъ даетъ нѣсколько блестящихъ страницъ. Тутъ не было никакихъ узъ между господами и рабами, обыкновенно смягчающихъ рабство — языка, религіи, расы, не было ни одного общаго интереса.

Люди вообще любятъ легкія и наглядныя объясненія: предполагаютъ индѣйца безусловно неспособнымъ къ общезначительному порядку, а негра приспособленнымъ, при всякихъ условіяхъ, только къ подчиненію — тѣмъ удобнѣе, что это подтверждается даже подходящими примѣрами. Негры не попытались даже противиться краснокожимъ, а сразу попадали къ нимъ въ неволю, по примѣру неволи у бѣлыхъ, а индѣецъ, вида, также по примѣру бѣлыхъ, что изъ негровъ можно сдѣлать рабовъ, какъ красныхъ женъ, хваталъ и порабощалъ ихъ, гдѣ могъ. Когда бѣлые плантаторы постепенно вытѣснили индѣйцевъ съ ихъ охотничьихъ

земель въ Джорджіи и Тенесси, краснокожіе забирали и своихъ негровъ, на которыхъ въ десятерномъ размѣрѣ отражались всѣ невгоды дивихъ господъ. Въ дождь, въ ненастье негръ, все-таки выполнялъ всѣ тяжелыя работы, но въ палатку индѣйца даже и тогда не допускался; какъ вьючный скотъ, питался растеніями, а въ случаѣ недостатка ихъ — могъ умирать съ голоду. Индѣйскія женщины, сами угнетенныя, вымещали на неграхъ свое горе. Если краснокожій убивалъ своего раба, то никому до того не было дѣла. Когда вспыхнула война, у пяти племенъ индѣйцевъ, которые сами составляли около 14,000 человекъ, было до 10,000 невольниковъ.

Извѣстно, что Джефферсонъ Дэвисъ, южный президентъ, заключилъ было союзъ съ индѣйцами, которые, подѣ влияніемъ не столько желанія удержать рабовъ, сколько изобилія воды, выставили вспомогательный отрядъ, разыгравшій при первомъ же сраженіи комическую роль. Отъ выстрѣловъ краснокожіе рассыпались и бросились на землю, а ночью оскальпировали трупы и умирающихъ. На другое утро, продѣлава открылась, и южане должны были отослать своихъ союзниковъ.

Послѣ войны, чоктавы и чикасавы выгнали своихъ невольниковъ, которые, не имѣя ни земли, ни орудій, ни пристанища, частію погибли, частію пробрались въ Арканзасъ и Техасъ, гдѣ и составили деревушку Каддо, населенную неграми, замбо (помѣсь негровъ съ индѣйцами), и разными авантюристами. Здѣсь издается газета «Звѣзда Оклагомы», и жители Каддо, вообще, по обычаю негровъ, охочіе до политики, придерживаются радикальнаго направленія, во имя независимости индѣйско-негритянскій территоріи Оклагомы, причѣмъ предполагается преобразовать управленіе полудикими племенами, уничтожить власть вождей, отмѣнить продажу женъ, общую поземельную собственность и т. п. Собственно говоря, эти радикалы — не индѣйцы и не участвуютъ сами въ нынѣшнемъ порядкѣ жизни краснокожихъ, но только живутъ на индѣйской землѣ и, не довѣряя терпимости чоктавскихъ вождей, хотятъ правъ и для себя, признанныхъ конгрессомъ: стремленіе къ политическимъ заботамъ вообще составляетъ нынѣ выдающуюся черту въ характерѣ освобожденныхъ негровъ.

Индѣйцы неблагоклонно относятся къ неграмъ еще и теперь, такъ что къ сѣверу отъ Красной Рѣки, на индѣйской территоріи, правъ негра немногимъ разнятся отъ правъ буйвола, котораго каждый краснокожій можетъ скальпировать; къ югу отъ той же рѣки — негръ можетъ расчитывать на любую общественную должность, отъ разносчика газетъ до сенатора и президента. Тамъ негръ de jure равенъ бѣлому: онъ занимается (и съ большимъ увлеченіемъ) политическими дѣлами, разбираетъ дѣла на судѣ, владѣть собственностью, посылаетъ своихъ дѣтей въ школы.

Во время путешествія автора по южнымъ штатамъ, столкно-

веніе между бѣлыми и черными, между демократическою и республиканскою партіями въ Луизианѣ, было въ полномъ разгарѣ. Казалось бы, пора уже утихнуть взаимной ненависти джентльменовъ юга и ихъ бывшихъ невольниковъ, но въ настоящемъ случаѣ къ этой расовой или, вѣрнѣе, экономической враждѣ припутался чисто политическій вопросъ, остающійся и до сихъ поръ на первомъ планѣ—вопросъ о третьей кандидатурѣ Гранта въ президенты, въ 1876 году, и о соединенныхъ съ этой кандидатурой цезаристскихъ стремленіяхъ, которыя, въ соединеніи съ злоупотребленіями администраціи и съ системою nepotизма, усвоенною Грантомъ, сильно волнуютъ общественное мнѣніе страны.

Во всей этой исторіи негры являются какъ бы возломъ отпущенія, и на ихъ долю отпущено авторомъ не мало комическихъ страницъ. Если нѣкотораго комизма и неумѣлости въ положеніи негровъ нельзя отрицать, то нельзя выводить изъ этого заключеній о ихъ гражданской и политической неспособности и также подводить ихъ подъ одну категорію съ разными авантюристами (carpet-baggers), орудіемъ которыхъ, въ настоящій переходный періодъ, дѣлаются негры, вслѣдствіе своего невѣжества, которое, волей-неволей, пока совмѣщается съ политическою полноправностію и съ горячими, вполне понятными стремленіями къ политической дѣятельности. Избирательные голоса негровъ теперь цѣнятся очень высоко, и этимъ пользуются иногда ловкіе авантюристы для своихъ корыстныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ бывали примѣры злоупотребленій со стороны людей, которые пробрались во власть, благодаря негритянскому большинству. Это, конечно, вызывало протесты со стороны бѣлыхъ, даже принадлежащихъ къ республиканской партіи, не говоря о демократахъ, къ которымъ принадлежатъ бывшіе рабовладѣльцы; послѣдніе, пользуясь обстоятельствами, выдаютъ себя за защитниковъ свободы и цивилизаціи. Въ 1874 году, произошло нѣсколько кровопролитныхъ схватокъ, подъ влияніемъ взаимной вражды между черными и бѣлыми, въ Техасѣ, Южной Каролинѣ и другихъ штатахъ, а въ Луизианѣ даже грозило дойти до серьезныхъ смутъ, тѣмъ болѣе, что «бѣлые джентльмены» очень желаютъ какимъ бы то ни было способомъ отнять или урѣзать у негровъ ихъ политическія права. Поводомъ къ беспорядкамъ въ Луизианѣ было неудовольствіе бѣлыхъ на цвѣтнаго губернатора Келлога, котораго, вопреки протестамъ демократической партіи, признало губернаторомъ федеральное правительство. Съ цвѣтнымъ губернаторомъ были посажены въ различныя должности также цвѣтные люди и понаѣхавшіе съ сѣвера авантюристы. Въ довершеніе всего, Келлогъ своими дѣйствіями нарушилъ букву конституціи, и тогда ненависть къ нему выразилась открытымъ возстаніемъ и провозглашеніемъ партіей демократовъ новаго губернатора, котораго не призналъ президентъ республики. Дѣло, проходя черезъ разные фазисы, услож-

нилось неловкимъ посольствомъ генерала Шеридана съ порученіемъ усмирить «мятежниковъ». Еслибы дѣло дошло до усмиренія, то можно было ожидать кровопролитія на всемъ югѣ, такъ какъ разнеслись слухи, что для третьяго избранія въ президенты Грантъ рассчитываетъ именно на цвѣтные голоса и, въ случаѣ пораженія республиканской партіи на выборахъ, можетъ воспользоваться побѣдоносными войсками Шеридана для достиженія своей цѣли. Столкновеніе было отвращено, благодаря своевременному благоразумію президента, но вражда къ чернымъ осталась.

Авторъ приводитъ интересную картину собранія тѣхъ людей, которые на югѣ получили прозваніе авантюристовъ.

«Частный секретарь губернатора Келлога явился въ отель съ извѣщеніемъ, что, если мы желаемъ посѣтить представителей законодательной и исполнительной властей Луизианы, то спикеръ Ганъ и губернаторъ Келлогъ рады насъ видѣть. Мы отправились въ общество нашего консула.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ неграми-солдатами и полиціей, мы входимъ. Потокъ гнилаго воздуха, испаренія отъ скверныхъ сигаръ и еще болѣе скверныхъ напитковъ заставляютъ насъ податься назадъ. Зала почти совсѣмъ темна, газъ горитъ только въ одномъ углу. Окна и двери обшиты досками, полъ усыпанъ пробками, битымъ стекломъ, корками черстваго хлѣба и гниющими востями. Въ залѣ толпятся праздношатающіяся и официальные лица, болѣею частію, изъ негровъ—всѣ курятъ, болтаютъ, тѣсняются. Вотъ хлопковый промышленникъ хочетъ подняться на лѣстницу, посмотрѣть «на выставку законодатель». Тамъ авантюристъ объясняетъ цвѣтному избирателю, почему негры еще не получили обѣщанныхъ за политическое содѣйствіе 40 акровъ и хорошаго мула на человѣка. Какой-то молодецъ горланитъ на лѣстницѣ: «Да ужъ ладно; какъ бы тамъ ни было, цвѣтные люди теперь имѣютъ права».

Послѣ многихъ препирательствъ съ черной полиціей, воображающей, что, если мы, бѣлые, то уже непременно шпионы и предатели, мы добираемся до второй палаты, длинной, грязной комнаты, безъ признава ковровъ. Вокругъ разставлены плевалницы, нѣкоторые изъ сенаторовъ-негровъ курятъ, развалившись на своихъ удобныхъ сидѣньяхъ. Воздухъ удушливъ. Каждый сенаторъ имѣетъ кресло, на которомъ крупными буквами поставлено его имя; но сидѣть смиренно онъ, кажется, неспособенъ. Онъ бродитъ около, болтаетъ съ товарищами. Пять или шесть сенаторовъ кричатъ всѣ вдругъ, обвиняя одинъ другого въ лжи и обманѣ. Сумятица точно на сельской ярмаркѣ.

Предсѣдательствующій джентльменъ, Михайлъ Ганъ, усаживаетъ насъ близъ своего кресла и предлагаетъ нѣкоторое объясненіе сцены.

«Вы удивляетесь, какъ мы позволяемъ курить въ палатахъ? Но, джентльмены, мы не позволяемъ. Уставъ высказывается

противъ куренія, только какъ я приведу уставъ въ исполненіе? Жевать табакъ еще неблагопріостойнѣе, чѣмъ курить. Тутъ правда бесполезны. Негры будутъ и курить, и жевать табакъ».

«Почему же не предоставить имъ курить въ другихъ комнатахъ?»

«Вы думаете—это легко, сэръ? Не только не легко, но и совсѣмъ невозможно. Намъ нельзя выпускать человека съ мѣста. Видите, у насъ присутствуетъ только что надлежащее число членовъ. Если хотя одинъ членъ покинетъ свое мѣсто, намъ нельзя продолжать».

Достопочтенный Мих. Ганъ дѣлаетъ видъ, что не знаетъ, сколько черныхъ, сколько бѣлыхъ членовъ въ его парламентъ. «Мы не обращаемъ вниманія на цвѣтъ», говоритъ онъ.—Пока негръ Демасъ говоритъ громовую и краснорѣчивую рѣчь, мы считаемъ головы членовъ и насчитываемъ 24 бѣлыхъ на 28 черныхъ; четырехъ членовъ недостаетъ до законнаго числа. А между тѣмъ, спикеръ сейчасъ увѣрялъ насъ, что палата въ полномъ составѣ».

«Вы считаете это собраніе законнымъ, м-ръ спикеръ; но, вѣдь, присутствуетъ только 52 члена».

«56 членовъ отъливаются на свои имена: да, это—законное собраніе, вторая палата Луизианы». О Михаилъ Ганъ!

Перейдя въ верхнюю палату, мы находимъ высоваго, блѣднаго негра съ крошечной головой и разгульнымъ лицомъ; онъ предсѣдательствуетъ надъ 15 черными и 13 бѣлыми сенаторами. Этотъ негръ—помощникъ губернатора штата, Цезарь Антоній, чистокровный африканецъ, хотя и не столь темный, какъ его братья на Нигерѣ и Сенегалѣ. Антоній былъ швейцаромъ въ таможенѣ. Ранѣе, чѣмъ началъ заниматься политикой, онъ едва могъ зарабатывать свое жалованье, но потомъ, получивъ правительственное мѣсто, нашелъ себѣ широкій путь въ общественной дѣятельности и быстро возвышался. Со швейцарской смелости онъ перешелъ на кресло помощника губернатора штата, хотя, помимо счастливыхъ случайностей, Антоній—не такой человекъ, который могъ бы подняться. Жую свою жвачку, сплевывая табачный сокъ въ огромную плевальницу, онъ сообщаетъ намъ, что цвѣтные обитатели Луизианы мало безпокоятся, если генераль Грантъ получить третій срокъ или даже и шестой срокъ, если это ему угодно. Черный Цезарь Нового Орлеана плыветъ въ одномъ кораблѣ съ бѣлымъ цезаремъ Уашингтона».

Проходя съ Антоніемъ въ кабинетъ Келлога, мы встрѣтили Пинчбега, негра, отвергнутаго уашингтонскимъ сенатомъ. Этотъ негръ точно въ павлиньихъ перьяхъ: негритянскіе сенаторы сейчасъ еще разъ подтвердили его выборъ въ сенатъ Штатовъ, и Антоній принесъ губернатору вѣрительную грамоту для подписи и приложенія печати. Пинчбекъ улыбается и невыразимо надѣдается вамъ своими поклонами и шарканьемъ. Вамъ приходится на мысль дать ему 20 центовъ. Губернаторъ,

повидимому, съ презрѣніемъ относится къ этому кандидату въ сенаторы, но не можетъ отказать въ своемъ имени и печати. Пинчбекъ наблюдаетъ за нимъ жадными глазами, жуеъ жвачку и заплевываетъ стѣны и ковры. Сцена высоко-комическая.

Вида, что бумаги подписаны, Пинчбекъ подхватываетъ свою сумку, всовываетъ въ ротъ свѣжую жвачку и выходитъ изъ комнаты подъ руку съ Антоніемъ, хихикая и гордо выступая среди восхищенной толпы.

«Все это—пустяки, говоритъ Келлогъ:—Пинчбекъ—настолько же сенаторъ теперь, какъ былъ прежде. Онъ отправляется по порученію глупцовъ; но вѣдь надо же потѣшить этихъ цвѣтныхъ дѣтей! Когда онъ явится въ Вашингтонъ, они увидятъ свою ошибку».

Съ Пинчбека разговоръ переходитъ на палаты; мы спрашиваемъ, считаетъ ли онъ нижнюю палату законнымъ собраніемъ.

«Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ съ улыбкой:—пока не имѣемъ законнаго числа членовъ, до тѣхъ поръ мы не составляемъ палаты. Существуютъ сомнѣнія, 54 или 56 членовъ составляютъ это число. Пока сомнѣніе не будетъ разрѣшено, до тѣхъ поръ мы воздерживаемся дѣйствовать по сомнительному праву. У насъ только 53 члена. Спикеръ Ганъ допустилъ трехъ кандидатовъ, непронесенныхъ въ бюро, занять мѣста. Это незаконно. Не имѣя надлежащаго числа членовъ, собраніе не вправе давать мѣста, а также и выбирать спикера. Если подобныя вещи и произошли, то незаконно и безъ моей санкціи. Михаилъ Ганъ—такой же спикеръ, какъ и президентъ. Моя палата—сбродъ и больше ничего, но Ганъ—охотникъ до титуловъ, а цвѣтные члены любятъ, когда ихъ называютъ законодателями».

«Зачѣмъ же палата собирается, разсуждаетъ о дѣлахъ, печатаетъ журналы, какъ настоящее законодательное собраніе?»

«Я не могу этому воспрепятствовать. Противная сторона богата, мы бѣдны, члены нашей группы люди нуждающіеся; имъ должно платить. Но они не могутъ остаться въ Нью-Орлеанѣ, если мы не отыщемъ предлога давать имъ по три доллара въ день. Меньше, чѣмъ въ недѣлю времени, уйдутъ 30 человекъ изъ 50. Я допустилъ имъ собираться, для формы присутствовать при рѣшеніи дѣлъ и получать плату, но предупредилъ, чтобъ всѣ серьезныя занятія были отложены, пока наша дорога не выяснится». Финалъ съ сенатской кандидатурой негра-Пинчбека авторъ нашелъ уже въ Вашингтонѣ, встрѣтивъ Пинчбека въ передней сената.

«Обмануть, сэръ, обмануть! кричалъ онъ мнѣ.—Сенаторы отвергли мои бумаги! Все этотъ Келлогъ, сэръ!»

«Развѣ губернаторъ Келлогъ не надлежащимъ образомъ подписалъ ваши бумаги?»

«Губернаторъ Келлогъ! Онъ—губернаторъ! Этотъ Келлогъ—мошенникъ, сэръ. Онъ подписываетъ бумаги какъ слѣдуетъ, прикладываетъ большую печать какъ слѣдуетъ, а потихоньку пи-

шетъ письмо, чтобъ республиканцы не подавали за меня голоса. Онъ хочетъ самъ пройти. Онъ не останется въ Нью-Орлеанѣ. Сэръ, этотъ Келлогъ—величайшій плутъ въ Америкѣ!»

Вотъ образчики того, какимъ образомъ простодушные негры, съ своими политическими правами, становятся игрушками въ рукахъ ловкихъ политическихъ проходимцевъ, для ихъ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей.

До какой степени положеніе негра вообще шатко въ американскомъ обществѣ — доказывается уже и тѣмъ, что политическая равноправность, выраженная закономъ, не даетъ еще негру, въ глазахъ извѣстной части общества, самыхъ обыкновенныхъ правъ. Ставятся вопросы: дозволяется ли неграмъ ѣздить въ экипажахъ по улицѣ, жить въ хорошихъ отеляхъ, обѣдать за общими столами, сидѣть въ церкви? Казалось бы, равенство передъ закономъ влечетъ за собою и равенство предъ кондукторомъ публичнаго экипажа и предъ прислугой отеля. Но противники негровъ толкуютъ иначе. Политическое равенство, говорятъ они, вовсе не означаетъ необходимости имѣть общеніе съ неприятнымъ, неприличнымъ человѣкомъ. Свободнаго человѣка нельзя заставить, напримѣръ, продавать свои товары тому, кому онъ не хочетъ. Въ публичные экипажи не допускаются идиоты, нищие, пьяные, мошенники, извѣстнаго разряда женщины, также люди, неприлично одѣтые, неприлично себя ведущіе. Такъ высказывается «общественное чувство» бѣлыхъ, и, во время луизианскаго столкновенія, такіа мелочи, какъ вопросъ объ уличныхъ экипажахъ, возбуждали не меньше преній, чѣмъ депеши посланнаго для усмиренія Луизианы генерала Шеридана.

Негру открыты свободныя профессіи, но образчики такихъ образованныхъ негровъ возбуждаютъ удивленіе, смѣшанное съ недоумѣніемъ. Диксонъ рассказываетъ, что одна ричмондская леди пришла въ неописанное изумленіе, услышавъ, что негръ изъ Ямайки былъ приглашенъ, по обязанности адвоката, въ среду бѣлыхъ и что даже ему случайно пришлось встать во главѣ кружка адвокатовъ. — «И вамъ было не стыдно?» — «Стыдно чего? возразилъ собесѣдникъ. — Этотъ негръ былъ превосходный ученый и образованный джентльменъ. Онъ произнесъ такую рѣчь, которую могъ бы гордиться самый свѣдущій членъ нашего кружка». — «Однакожь, вѣдь это былъ негръ!» Примѣровъ подобныхъ самостоятельныхъ и свободныхъ профессій у негровъ чрезвычайно мало. «Общее правило таково, говоритъ авторъ:—негръ, прежде всего—рабочій земледѣлецъ и этимъ довольствуется. Подняться онъ едва ли можетъ и не чувствуетъ къ тому сильныхъ побужденій. Если негръ—не пахарь, то онъ прислуживаетъ въ домѣ. Но въ томъ и другомъ случаѣ—его работа стоитъ не болѣе пятой части подобной же работы бѣлаго человѣка; но, все-таки, негръ можетъ имѣть пропитаніе насчетъ заработковъ за свой неловкій и ненадежный трудъ, потому что его пища—тыква или зеленое зерно — очень дешева. Негръ понимаетъ цѣну доллара

этот долларъ дастъ ему виноградъ, ветчину, бобы, виски, табакъ; но цѣнности втораго и третьаго долларовъ негръ уже не видитъ: онъ не можетъ дѣлать ничего другого, какъ ѣсть, пить, жевать жвачку и курить цѣлый день. Завтрашній день—это уже будущее, а жизнь для негра составляетъ текущій часъ».

«Приучить негра заботиться о себѣ—требуетъ много времени. Онъ всегда привыкъ опираться на бѣлаго человѣка; одному негру трудно держаться самостоятельно. Личную свободу онъ, во многихъ случаяхъ, разумѣетъ, какъ свободу отъ труда, свободу праздности, возможность стоять и смотрѣть, какъ другіе работаютъ».

Оставляя достовѣрность приведенныхъ фактическихъ свѣдѣній на отвѣтственности автора, мы не видимъ, чтобъ они доказывали неспособность черной расы: если негръ еще и не настолько развитъ, чтобъ понять, что кто не работаетъ, тому нечего будетъ ѣсть, какъ выражается авторъ, то негра въ этомъ винить. Онъ выросъ въ рабствѣ, и на его глазахъ пользовались властью и избыткомъ именно тѣ люди, которые ничего не работали. Потому-то слѣдующая тирада автора, обращенная противъ негровъ, является скорѣе диатрибою противъ того общества, въ которомъ нынѣшніе негры сложились: «Негръ представляетъ собою крошечный міръ, полный причудъ и мечтаній, экстаза и суевѣрія. Онъ воображаетъ, что жизнь—комедія и маскарадъ, въ которой роли и костюмы распредѣляются случайно. Пережѣвнать эти роли и костюмы—вотъ мысль, которою онъ теперь поглощенъ. Слава и богатство, могущество и власть кажутся негру результатомъ гигантской лотереи, называемой «общественной жизнью»; негръ одушевляется тою мыслью, что, еслибы только онъ могъ затратить свои ресурсы въ эту лотерею, то жилъ бы въ хорошемъ домѣ и наслаждался бы тѣквою и сладкимъ картофелемъ, виски и табакомъ до конца дней своихъ. Поэтому, негръ рьяно занимается политикою, пренебрегая всякимъ остальнымъ дѣломъ». Авторъ забылъ прибавить, что человѣку невѣжественному и только еще вступающему въ серьезную политическую жизнь, помимо даже развращающаго вліянія рабства, не представляется и особенно высокихъ гражданскихъ идеаловъ въ современномъ американскомъ обществѣ, которыми бы онъ могъ проникнуться. Что же можетъ служить образцомъ новому гражданину? Не повсемѣстная ли подкупность, доходящая даже до уашигтонскаго сената, не та ли поглощающая все существо американца страсть къ наживѣ, во всевозможнымъ спекуляціямъ, «ловля долларовъ», столько уже побывавшаяся литературой, и составляющая вырожденіе криво понятаго индивидуализма? Или попытки къ цезаризму и военной диктатурѣ, въ которыхъ обвиняются генералы Грантъ и Шериданъ въ Луизианскомъ дѣлѣ и въ стремленіи продолжить власть перваго на третій срокъ? Диксонъ говоритъ, что негръ, необыкновенно плодовитый во время рабства, вырождается и гибнетъ на свободѣ, что, не желая за-

ботиться о завтрашнемъ днѣ, заниматься воспитаніемъ дѣтей, которое сопряжено съ хлопотами и расходами и требуетъ бережливости, онъ убиваетъ своихъ дѣтей, воспроизводитъ въ свободномъ обществѣ свои дикіе, африканскіе инстинкты. Быть можетъ, со времени освобожденія, негры мѣстами живутъ и въ худшихъ жилищахъ, ѣдятъ менѣе здоровую пищу, но навывъ пользуются свободой дасть имъ и то, и другое, когда народится новое поколѣніе и когда поисправится само американское общество.

«Настоящій вопросъ заключается не въ такихъ, сравнительно, неважныхъ предметахъ, какъ подача голоса, участіе въ законодательствѣ и право носить оружіе наравнѣ съ бѣлыми, а именно въ томъ: можетъ ли цвѣтной человѣкъ жить въ свободномъ состояніи?»

Таковъ вопросъ, поставленный авторомъ относительно черной расы. Авторъ, повидимому, склоненъ рѣшить его отрицательно, хотя и не договариваетъ своей мысли. Быть можетъ, онъ правъ въ томъ смыслѣ, что негръ — еще ребенокъ и не входитъ въ рамку того коммерческаго склада общества, какой усвоили себѣ американцы. Съ другой стороны, климатическія условія гонятъ негра все болѣе и болѣе къ югу, какъ это и предсказывалъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, Дрэперъ въ своей «Исторіи междоусобной войны». Наибольшее преобладаніе черной расы замѣчается въ Южной Каролинѣ, гдѣ приходятся 10 африканцевъ на 7 европейцевъ. Но и тамъ негры стягиваются въ опредѣленный поясъ, лежащій между болотами и саваннами, отъ моря до Миссисипи и потомъ отъ нея же до залива С.-Андрю. Здѣсь благоприятствуютъ негру какъ знойно-влажный климатъ, такъ и произведенія почвы: тыква, сахарный тростникъ здѣсь въ изобиліи. Въ эту область отступаютъ негры съ сѣвера, изъ Миссури и Кентуки, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они въ неволѣ размножились; за Миссури и Кентуки, въ этомъ процессѣ стягиванія негровъ къ югу, слѣдуютъ Мерилэндъ и Вирджинія. Сопоставляя это явленіе съ движеніемъ средневѣковыхъ готовъ, съ современнымъ стремленіемъ мозгольскихъ племенъ выселяться изъ своихъ давно населенныхъ странъ, со стремленіемъ крестоносцевъ въ Сирію, іезуитовъ въ Парагвай, францисканцевъ въ Мексику — даже съ передвиженіями птицъ, рыбъ и звѣрей, авторъ ограничивается указаніемъ, что возможны болѣе высшіе, невѣдомые стимулы, чѣмъ стремленіе къ лучшей пищѣ или питью, въ болѣе теплый климатъ. Оправданіе и объясненіе этого авторъ видитъ въ борьбѣ расъ, въ неизбежномъ подчиненіи нисшей расы вышей.

«Негръ не можетъ выдержать привосновенія свободной жизни» Европа, въ теченіе 20 столѣтій, была рассадникомъ живой силы Европа снабжаетъ другіе материка жизнью — въ мірѣ животныхъ и растений, а также и высшими формами человѣческой породы. Перевезите ель изъ Европы въ Америку, она разрастется въ цѣлый лѣсъ и убьетъ туземныя ели около себя; лошадь и корова

вытѣснять буйвола и лося. Нисшія формы вытѣсняются высшими типомъ».

Убѣжденіе въ неспособности негритянской расы до того распространилось на югѣ, что бѣлыя, на основаніи изученія негритянскаго вопроса и на полѣ битвы, и на табачныхъ плантаціяхъ, и въ школахъ, увѣрены въ своемъ конечномъ господствѣ безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ. «Мы сдѣлали большую ошибку, отдѣлившись отъ союзнаго флага, говорилъ автору полковникъ Бинфильдъ:—но это больше не повторится. Мы доверяемъ закону жизни. Была и для негра пора власти, но мы его не боялись; не боимся и теперь, когда въ Колумбіи засѣдаютъ и стоятъ во главѣ союза люди враждебныхъ намъ мнѣній, когда за негра большинство въ законодательныхъ собраніяхъ и ему отдано распоряженіе всѣми общественными силами. Европейецъ слишкомъ силенъ для африканца: цвѣтной человѣкъ не можетъ причинить вамъ другого вреда, какъ только развѣ ранить васъ въ темнотѣ или поджечь вашу комнату. Попробуйте водворить 10 европейцевъ среди 10 африканцевъ, дайте каждому равную долю земли, сѣмень, орудій и денегъ, снабдите ихъ равными правами, свободными законами и предоставьте имъ самимъ управляться, издавать законы, воздѣлывать почву. Черезъ десять лѣтъ, бѣлымъ будутъ принадлежать и земля, и обзаведеніе, и деньги. Природа дала бѣлому человѣку умъ и силу, изобрѣтательность, отвагу и выносливость, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ нѣтъ этихъ качествъ у черныхъ. Бѣлый человѣкъ долженъ быть хозяиномъ на этомъ материкѣ. Зачѣмъ же намъ прибѣгать къ насилію? Желать новой междоусобной войны можетъ только врагъ цивилизаціи бѣлыхъ. Намъ нужно только ждать, и мы навѣрное побѣдимъ».

При такихъ условіяхъ, въ насмѣшкахъ надъ неграми, ихъ простодушіемъ, страстью къ политикѣ нѣтъ недостатка. Негръ слышалъ, что самый послѣдній сенаторъ получаетъ три доллара въ день за то, что, ничего не дѣлая, покачивается въ спокойномъ креслѣ, жуеетъ табакъ, отвѣтитъ, когда его выкликнуть, и только по временамъ выходитъ пить водку. Негръ работаетъ на хлопковой плантаціи и получаетъ по три доллара въ недѣлю. Негръ добывается сенаторскаго мѣста въ Джорджіи, тѣмъ болѣе, что его братья достигли уже того въ Миссисипи и Луизианѣ.

«Мой цвѣтной слуга, такъ рассказывалъ автору его знакомій въ Джорджіи:—чиста нынѣшнимъ утромъ мои сапоги, взглянулъ мнѣ въ глаза и съ широкою улыбкою, перекосившею его лицо, спросилъ, какъ ему лучше дѣлать, чтобъ поступить въ законодателя штата. Этотъ малый едва читаетъ, а писать вовсе не умѣетъ, чистить у меня ножики и держитъ лошадь—и для меня же хочетъ издавать законы!» «Негры и мулаты, ударившіеся теперь въ политику, въ дѣтствѣ были рабами, въ большинствѣ не умѣютъ читать и писать, политику и исторію знаютъ меньше самаго тупаго шваба или уильтширскаго поселанина, о нрав-

ственныхъ законахъ, о социальныхъ наукахъ не имѣютъ и понятія; но и самый послѣдній негръ въ Джорджіи понимаетъ различіе между хижиной и домомъ, полнымъ и пустымъ столомъ, теплой одеждой и лохмотьями, мѣстомъ въ дождевой канавѣ и въ законодательномъ собраніи». «У негра недостаетъ смысла видѣть, что политической постъ требуетъ нѣкоторой подготовки, если даже не природныхъ способностей. Единственная мысль негра—получить «мѣсто», на которомъ онъ могъ бы сидѣть и курить, давать грубые отвѣты и получать плату; а тамъ ему мало заботы, какое именно мѣсто онъ получить, судьей будетъ или тюремщикомъ—это все равно».

Если таковы, по взгляду автора, понятія негра, оставленныя рабствомъ, то, казалось бы, не потеряна надежда на подрастающее поколѣніе; вопросъ образованія для негровъ такъ важенъ, что авторъ посвящаетъ ему особую главу. Въ этомъ отношеніи у Диесона также замѣтно нѣкоторое разочарованіе. Десять лѣтъ свободы, повидимому, привели къ тому, чтобъ признать только мимолетнымъ порывомъ, проблескомъ, исчезнувшимъ безъ результатовъ, тѣ стремленія негровъ къ просвѣщенію, какія авторъ замѣтилъ въ первую поѣздку и высказалъ въ «Новой Америкѣ». Только что вышедшіе тогда изъ неводи негры стремились имѣть школы, гдѣ только можно; чуть не въ каждой хижинѣ можно было застать учащихся. Бѣлые тогда противились учрежденію общихъ школъ для бѣлыхъ и черныхъ на томъ основаніи, что это годится только для штатовъ Новой Англіи, гдѣ нѣтъ ни стариннаго дворянства, ни невольничьяго населенія, что подобная школа означаетъ равенство, до котораго еще далеко. Теперь бѣлые, умудренные событіями, основали публичныя школы въ каждомъ округѣ, школы свободныя, хорошо построенныя, отлично содержимыя, дающія обученіе даровое, но не обязательное; изъ бѣлыхъ едва ли найдутся такіе родители, которые бы не послали своего ребенка въ школу; изъ негровъ же, на трехъ родителей двое не пошлютъ ребенка въ школу—это несоотвѣтственно характеру и привычкамъ негра: надобно соблюдать школьные часы, школьные обычаи, мыть, чесать дѣтей, шить и чинить платье, варить въ-время пищу, имѣть спокойный уголокъ для вечернихъ занятій дѣтей; притомъ, хотя ученіе бесплатно, но книги и аспидныя доски стоятъ денегъ, которыя надо отнимать отъ водки и табаку. Для воспитанія дѣтей нужно стѣсненіе себя и самопожертвованіе изъ года въ годъ; негры, отцы и матери, для этого слишкомъ безпечны и потому допускаютъ своихъ дѣтей бродить по закоулкамъ или валяться въ какомъ-нибудь хлѣвѣ».

Повидимому, бѣлое общество также не свободно, по меньшей мѣрѣ, отъ предрасудковъ въ дѣлѣ воспитанія: мало того, что школы для бѣлыхъ дѣтей все-таки обособлены отъ школъ цвѣтныхъ, но еще существуютъ и болѣе тонкія различія, доказывающія, что аристократическія чувства бѣлой расы идутъ очень да-

леко и что негры, неразвитое племя, отражают на себѣ въ карикатурѣ именно слабости и недостатки бѣлыхъ.

Въ цвѣтныхъ школахъ учится много учениковъ смѣшанной крови; нѣкоторые изъ нихъ—почти бѣлые. Это—все плоды незаконной любви: бѣлый отецъ, квадронка или окторонеа—мать¹, и потому безыменное дитя. Хотя эти дѣти по цвѣту не отличаются отъ обыкновенныхъ дѣтей Нью-Йорка, но посѣщать бѣлыя школы имъ не позволено: тутъ имѣетъ значеніе не столько цвѣтъ, сколько семья. Бѣлые не любятъ такихъ дѣтей въ силу своей аристократической гордости; негры, смиренные по отношенію къ бѣлымъ, ненавидятъ гибридовъ и квадроновъ, такъ какъ, въ лицѣ послѣднихъ, кромѣ презрѣнія, они еще встрѣчаютъ напоминаніе, что многія черныя женщины были любовницами бѣлыхъ. Притомъ, вообще чистокровные негры больше всего ненавидятъ именно помѣси: чѣмъ ближе кровь, тѣмъ сильнѣе вражда. Негритянская кровь не скрывается потомъ, когда эти дѣти-помѣси подростутъ: въ Лондонѣ или Сидни пятно ихъ происхожденія останется нераскрытымъ, но въ предѣлахъ Америки тѣ же негры стерегутъ ихъ зорко; даже въ Канадѣ мулаты составляютъ совсѣмъ особый классъ, и попробуй кто-нибудь изъ ихъ общины втереться въ кружокъ бѣлыхъ—они разыщутъ виновнаго и безпощадно опозорятъ: не смѣй выходить за свои границы. Остается только ухажать тому, кто имѣетъ деньги, а женщинамъ приходится еще хуже; у нихъ меньше путей зарабатывать деньги, и притомъ негритянки еще ревнивѣ мужчинъ: онѣ зорко слѣдятъ за квадронками.

Въ одной изъ негритянскихъ школъ авторъ увидѣлъ прелестную десятилѣтнюю дѣвочку, совсѣмъ бѣлую, съ розовыми щеками, голубыми глазами и черными вьющимися волосами. Это была дочь квадронки, живущей между своими; отецъ неизвѣстенъ. Негры требуютъ, чтобъ мать, какъ квадронеа, жила между своими, а ребенка нельзя разлучать съ матерью. Какая судьба ждетъ эту дѣвочку? Чернаго мужа она сочтетъ недостойнымъ себя; для бѣлаго—у нея слишкомъ черное родство. Но положимъ, что она сдѣлается актрисой, пѣвицей, писательницей, приметъ ложное имя, ложную национальность, скроетъ свое позорное происхожденіе, несчастную юность, скроетъ пятно, положенное на нее черною кровью. Но она должна помнить, что среди успѣха, приобретеннаго на артистической карьерѣ, вдругъ явится какой-нибудь школьный товарищъ изъ Вирджиніи и встанетъ ей поперекъ дороги. «Эта женщина—негритянское отродье. Это—старая знакомка, это—изъ нашихъ, хи-хи-хи!»

Преобладаніе негровъ въ южныхъ штатахъ, поддерживаемое федеральными войсками и республиканцами, засѣдающими въ Колумбіи—вотъ на что слышится негодованіе между южными

¹ Отъ бѣлаго и негритянки происходитъ мулатъ; отъ бѣлаго и мулатки—квадронъ, отъ бѣлаго и квадронки—окторонъ.

джентльменами. «Война убила не рабство, убила свободу; гдѣ республика Франклина, Уашингтона, гдѣ наше хваленое самоуправленіе?» говорятъ они. Невѣжественныя массы негровъ, снабженныя правомъ голоса, могутъ основать какую-нибудь страну Мандинго или Дагомеи среди американской республики. Въ Джорджіи бѣлые джентльмены, какъ мы видѣли, ожидаютъ благоприятнаго для себя исхода, благодаря естественному ходу вещей; въ Техасѣ, гдѣ три расы стоятъ лицомъ къ лицу, бѣлые смотрятъ на дѣло (особенно подъ вліяніемъ луизианскаго столкновенія), болѣе горячо и потому откровенно. «Еслибы намъ не были нужны восточные доллары, мы бы отдѣлились отъ союза». Въ Техасѣ краткій періодъ негритянскаго преобладанія былъ временемъ тяжелаго испытанія для бѣлыхъ. «Многіе изъ негровъ—судей, законодателей и сборщиковъ податей—едва умѣли читать и подписывать свое имя. Преступленія увеличились, доходы уменьшились. Поземельная собственность была обложена налогами до того, что земля сдѣлалась тяжелымъ бременемъ для владѣльца; дома стояли пусты. Предводимые сѣверными авантюристами, поддерживаемые федеральными войсками, черные отгѣснили бѣлыхъ отъ избирательныхъ урнъ; бѣлый гражданинъ едва могъ подать голосъ; у него не было оружія, а черные были вооружены; кровь бѣлыхъ лилась; но теперь, слава Богу, это прошло, какъ проходитъ всякое зло, естественнымъ путемъ—благодаря многочисленной бѣлой иммиграціи изъ Англіи. Новые бѣлые сограждане, не участвовавшіе въ возстаніи, полноправные, сразу уравновѣсили негритянское большинство». Бѣлая лига возстала противъ черной и красной лигъ, по словамъ техасцевъ, именно вслѣдствіе этихъ злоупотребленій, хотя, собственно говоря, «бѣлая лига», еще въ іюль 1874 года, заявляла себя насиліями (въ Техасѣ было до 3,000 случаевъ убійства черныхъ) и, чрезъ посредство мѣстной газетки, грозила даже «обратить Луизиану въ военную территорію». Приведенный случай уравновѣшенія негритянскихъ голосовъ бѣлыми европейскими пришельцами, имѣетъ важное значеніе для политической будущности негровъ: численность ихъ уже не увеличивается подвозомъ изъ Африки, а нарождаются они на свободѣ крайне медленно, быть можетъ, вслѣдствіе варварскаго обычая отдѣлываться насильственными способами отъ новорожденныхъ дѣтей. Бѣлые же, въ большинствѣ случаевъ, могутъ рассчитывать на поддержку европейцевъ, пока иммиграція послѣднихъ еще продолжается.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобъ не было средствъ къ соглашенію, къ устраненію дальнѣйшаго пламени этой борьбы за преобладаніе, которая была бы совсѣмъ нелѣпа и необъяснима, при необходимости уладиться между собою для взаимнаго блага черныхъ и бѣлыхъ, еслибы въ дѣло не замѣшались постороннія низкія страсти, происки авантюристовъ—съ одной стороны, надежда добиться опять подчиненнаго положенія негровъ—съ другой, и, наконецъ, быть можетъ, и честолюбивыя желанія пре-

зидента въ виду предстоящихъ выборовъ. Сами по себѣ, негры вовсе не испытываютъ ненависти къ бывшимъ своимъ господамъ: въ Южной Каролинѣ, гдѣ вообще перевѣсъ негровъ по численности надъ бѣлыми сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и именно въ Чарльстонскомъ Графствѣ, гдѣ цифра черныхъ вдвое больше цифры бѣлыхъ, бѣлымъ удалось, путемъ непосредственнаго соглашенія съ неграми, устроить очень выгодный для себя компромиссъ, удержать за собою половину мѣсть и добиться сильнаго вліянія въ законодательствѣ штата. Джентльмены считали, что негры вообще привязаны къ своей родинѣ и больше были направлены противъ бѣлыхъ своими вожаками. Поэтому, посланный отъ нихъ къ неграмъ капитанъ Даусонъ говорилъ имъ рѣчи очень разумныя, еслибы эти рѣчи были искренними. Онъ сказалъ, что какъ бѣлые, такъ и цвѣтные, плывутъ на одномъ кораблѣ и что лучше было бы общими силами двигать впередъ этотъ корабль, чѣмъ бороться другъ съ другомъ, что бѣлые вовсе не возражаютъ противъ выбора самими неграми администраторовъ тамъ, гдѣ они имѣютъ несомнѣнное большинство, только бы, для общаго блага, выбрали хорошихъ людей, а не агитаторовъ и не авантюристовъ, и тогда бѣлые не будутъ имъ выставлять оппозиціонныхъ кандидатовъ, а это избавитъ негровъ отъ лишнихъ тревогъ и издержекъ. Тѣ на такіе доводы согласились; въ списокъ были выбраны умѣренные республиканцы, и — благодаря этому — мнѣнія бѣлыхъ въ Южной Каролинѣ получили перевѣсъ.

Въ pendant къ такому компромиссу съ массою простодушныхъ негровъ - избирателей нехудо привести еще слова образованнаго негра, школьнаго товарища автора и, по профессіи, адвоката. «Я — уроженецъ гра, желаю жить въ мирѣ со своими бѣлыми сосѣдами и вовсе не считаю постыднымъ свое происхожденіе. Соглашались, что многіе изъ моего народа невѣжественны, неразвиты, лѣнны, но вѣдь у нихъ есть и хорошія качества. Только оставить ихъ въ покоѣ, и они скоро поладятъ со своими бывшими господами. Всѣ безпорядки производятся авантюристами, въ родѣ Келлога, въ ихъ личныхъ интересахъ. Въ Нью-Орлеанѣ я пользуюсь полнымъ уваженіемъ какъ судей, такъ и адвокатовъ, обѣдаю съ великими и малыми міра сего, какъ дѣлалъ бы въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ. Но на сѣверѣ, откуда налетаютъ эти авантюристы, въ Бостонѣ и Чикаго, мнѣ не позволяютъ обѣдать за общимъ столомъ. Я вамъ говорю, что мы всего лучше устроились бы въ Нью - Орлеанѣ, лишь бы только насъ оставили однихъ».

Повидимому, авантюристы-администраторы, содѣйствующіе неграмъ - законодателямъ федеральной арміей, портятъ все дѣло. Казалось бы, чего лучше, какъ не возстановить нормальный порядокъ вещей: цезаризмъ не помѣшаетъ въ такой странѣ, какъ Америка. Предоставить каждому штату управляться самому, безъ войскъ и безъ насилія. Но полномочіе опредѣлять оба раз-

жѣръ правъ негровъ, какъ говорили, въ заключеніе, автору одинъ уашигтонскій сенаторъ, могло бы быть предоставлено южнымъ штатамъ только въ томъ случаѣ, еслибы исчезли всякія опасенія возврата рабства. Голоса были даны неграмъ, чтобъ обезпечить политику эманципаціи. Вѣдь отказываютъ же въ политическихъ правахъ китайцамъ Невады, Орегона и Калифорніи».

Кто же больше радѣеть о правахъ новыхъ гражданъ союза? Дѣятели или государственные люди сѣвера? Черезъ одно, много два поколѣнія, негры сами рѣшатъ этотъ вопросъ. Они имѣютъ всѣ природныя средства для этого, кромѣ навыка ими пользоваться и—прорвѣщенія.

О КУЛЬТУРНЫХЪ ПРИЗНАКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

I.

Членъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, г. Н. Рыбкинъ, въ ноябрьской книжкѣ «Трудовъ» этого общества, въ статьѣ «Хозяйственная лѣтопись самарскаго края за 1873 и 1875 годы», говоря о современномъ экономическомъ значеніи самарскаго Поволжья, между прочимъ, обращается къ столичной печати съ слѣдующею петиціею: «Печатное слово въ наше время приобрѣло большую силу. Оно стало ворочать милліонами... Благодаря, главнымъ образомъ, столичной прессѣ, русскій народъ собралъ для самарцевъ, въ какіе-нибудь 5 мѣсяцевъ, болѣе 2-хъ милліоновъ руб. сер. Но, если бы эта печатная сила обратилась противъ насъ, то она могла бы насъ и погубить. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, не легко было самарскимъ хозяевамъ, въ одномъ передовомъ журналѣ («Отечественныя Записки — добавляетъ г. петиторъ»), за апрѣль 1874 г., прочесть статью нѣвоого г. С...о—М...я «О дѣйствительныхъ причинахъ самарскаго голода». На бѣду самарцевъ, статья написана прекрасно (благодаримъ за комплиментъ — добавляю я) — и храни насъ Богъ, если печать, вмѣсто милліоновъ, за которые ей великая благодарность, примется потомъ бичевать насъ подобнаго рода статьями часто. Тогда намъ придется просто умирать, и въ нашемъ безвременьи больше никто насъ выручать не захочетъ». («Труды импер. вольн. эк. общ.» 1875, ноябрь, т. III, вып. III, стр. 258—259).

Подобное обращеніе къ печати не ново. По мнѣнію однихъ, типографскій станокъ, это—то ужасное Прокустово ложе, которое тѣрзаетъ всякаго, попавшаго на это ложе. По мнѣнію другихъ,

печатъ, это—страшный ящикъ Пандоры, изъ котораго выходятъ на людей всѣ бѣдствія. Но есть и такіе люди, которые думаютъ, что печатъ, это—вовсе не ящикъ Пандоры, а скорѣе слесарь, который силится запереть крышку страшнаго ящика, насылающаго бѣдствія на весь шаръ земной, но никакъ не можетъ подобрать ключа къ внутреннему замку страшнаго ящика. Четвертые утверждаютъ, что печатъ, это — копьё Ахиллеса, имѣющее чудодѣйственную силу и наноситъ смертельныя раны, и мгновенно заживляетъ ихъ. Сравниваютъ, наконецъ, печатъ съ сказочнымъ ворономъ, хотя иногда и каркающимъ зловѣще, но чаще приносящимъ въ своемъ клювѣ живую и мертвую воду, изъ которыхъ первая имѣетъ свойство оживлять мертвые члены живыхъ существъ, сближаемые во едино мертвою водою, какъ цементомъ. Мнѣ же, напротивъ, печатъ представляется тою бѣдною, но честною и доброю «молодицею Галкою», о которой я слышалъ еще въ дѣтствѣ. Баба Галка, это—жена «панскаго батрака» Омельки. Омелько съ Галкою живутъ очень бѣдно, но честно, работающе. Всего у нихъ добра—семеро малолѣтнихъ дѣтей «хлопчиковъ», «коза-дереза-молочница, свинья-прожорница и липовыя ночвы», въ которыхъ добрая Галка мѣситъ хлѣбъ для своего «человика» Омельки и для семерыхъ малютокъ хлопчиковъ. Каждый день Омелька ходитъ «на панцину», а Галка дома одна исполняетъ многообразныя обязанности матери, хозяйки и «панской слухальщицы». У нея такъ развитъ слухъ, что она слышитъ, какъ растетъ панскій хлѣбъ, чего никто въ мірѣ не слышитъ, и слышитъ, въ тоже время, какъ «на небѣ у Бога бьется и таетъ восковое сердце, когда Богородица за людей проситъ». Галка — непокладная работница: правою рукою она хлѣбъ изъ печки вынимаетъ, а лѣвою нищихъ одѣляетъ, правою ногою дѣтей въ огромной люлькѣ качаетъ, а лѣвою ногою свинью-прожорницу отъ хлѣбовъ отгоняетъ, правымъ окомъ козу пасетъ, а лѣвымъ окомъ волка блюдетъ, однимъ ухомъ прислушивается, какъ изъ подъ земли панскій хлѣбъ на свѣтъ Божій выбивается, а другимъ — какъ на небѣ у Бога бьется и таетъ восковое сердце, когда Богородица за людей проситъ...

Дѣйствительно, доброй Галкѣ—до всего дѣло. Непокладная работница, она вездѣ должна поспѣть, за всѣмъ присмотрѣть: она и въ школѣ, и въ полѣ, на сушѣ и морѣ; она въ земскомъ собраніи голоса считаетъ, однихъ ободряетъ, другихъ утѣшаетъ, третьихъ укоряетъ; ей и до земскихъ сметъ и раскладокъ дѣло, ей дѣло и до того, какъ расходуются земскія деньги, какъ строятся земскія дороги, и каковъ воздухъ въ земскихъ школахъ и больницахъ; она и за судомъ должна присмотрѣть — такъ-ли ведутъ себя прокуроры и судьи, присяжные повѣренные и присяжные засѣдатели, хоть за это на нее и сердятся многіе; однимъ глазомъ она слѣдитъ за дѣломъ Овсянникова, другимъ—за дѣломъ Струсберга; ей нужно знать, чѣмъ кормятся самарцы и что ѣдятъ архангельцы и ташкентцы. Весь міръ божій, всю жизнь

людскую, человѣческое счастье и несчастье, человѣческое добро и зло добрая Гапка положила близко къ своему обширному сердцу и, дѣйствительно, должна, въ одно и то же время, прислушиваться, какъ изъ земли растутъ панскій и мужичій хлѣбъ и какъ на небѣ бьется и таеетъ за людей восковое сердце.

И вотъ теперь оказывается, будто добрая, но бѣдная Гапка «ворочаетъ милліонами» — развѣ это тѣ милліоны кусочковъ хлѣба, которые она отламываетъ отъ кусковъ своихъ собственныхъ дѣтей и отдаетъ нищимъ. Нѣтъ, добрая Гапка не милліонами ворочаетъ, а она только прислушивается къ бѣнію сердца у самого Бога, а черезъ это получаетъ даръ, вмѣсто милліоновъ, ворочать добрыми человѣческими сердцами, которыя и жертвуютъ милліоны тамъ, гдѣ видятъ бѣдствія и страданія, будь это въ Самарѣ или въ Герцеговинѣ. Можно ли же, послѣ этого, бояться доброй Гапки и воображать, что она начнетъ «бичевать самарскихъ хозяевъ» съ тѣмъ, чтобы безвременно погубить ихъ?—Нѣтъ, добрая Гапка неспособна на это.

Какъ бы то ни было, обращеніе г. Рыбкина къ столичной печати, обращеніе, скромное по формѣ и задачѣ, которою оно вызвано, исключительно мѣстное и, такъ сказать, сословное по интересамъ, которые оно отстаиваетъ, и потому до извѣстной степени одностороннее, чтобы не сказать одностороннее, должно, однако, по необходимости, вызвать столичную печать на разъясненіе вопроса о самой этой печати и о значеніи ея словъ для той обширной, въ 18 милліоновъ квадратныхъ верстъ, аудиторіи, въ стѣнахъ которой столичное печатное слово раздается и, по видимому, не безотвѣтно. Дѣйствительно-ли печать представляетъ собою Прокустово ложе или ящичъ Пандоры, или копье Ахиллеса, или ворона съ живою и мертвою водою, или добрую Гапку, или же, наконецъ, все это вмѣстѣ взятое, но примѣняемое только къ обстоятельствамъ, мѣсту и времени, согласно правилу классической септиманы-совопрсницы: «quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando?»

Хотя г. Рыбкинъ говоритъ изъ своего мѣстнаго угла, изъ Бугурусланскаго Уѣзда, Самарской Губерніи и какъ бы именовъ этого угла, но въ его словѣ обобщается вопросъ тѣмъ именно обстоятельствомъ, что г. Рыбкинъ ставитъ столичную печать, по отношенію къ провинціямъ и ихъ мѣстнымъ интересамъ, въ положеніе Тараса Бульбы, который говоритъ своему сыну Андрею: «ты думалъ, что я отдалъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ, я тебя породилъ, я тебя и убью». То есть: если столичная печать силою своего слова могла тронуть сердце рускаго народа настолько, что въ какіе-нибудь пять мѣсяцевъ онъ собираетъ болѣе двухъ милліоновъ рублей и спасаетъ цѣлый край отъ голода, то, если эта сила обратится—отъ чего Боже сохрани—на кого-либо, хотя-бы на «самарскихъ хозяевъ», то она можетъ и погубить ихъ. Г. Рыбкинъ боится, что столичная печать приметъ часто «бичевать» ихъ страшными статьями, и тогда имъ

просто придется умирать, и умирать тѣмъ неизбежно, что въ ихъ безвременьи никто выручать ихъ больше не захочетъ и русскій народъ собирать миллионновъ не станетъ.

Въ чемъ же состояло это бичеваніе, и не слѣдуетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, столичной печати остерегаться отъ него?

Бичеваніе это г. Рыбкинъ видитъ въ тѣхъ словахъ автора помянутой статьи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ онъ, будто бы, «все направилъ къ тому, чтобы доказать, что самарскія земли истощены, что голодъ самарскій—вовсе не случайность, а неотвратимый результатъ расхищенія почвы и издавна безалабернаго хозяйства»; что «поволжская черноземная десятина нынѣ стала бѣднѣе петербургской, псковской, новгородской и смоленской десятины, за которыми давно установилась репутация земель нищенскихъ»; что «весь край самарскій рѣшительно нищаетъ»; что, какъ оказывается по мѣстнымъ изслѣдованіямъ повемельныхъ банковъ, земли безнадежныя и бѣдныя по верховьямъ Оки и Волги или даже около Петербурга и Москвы являются болѣе доходными, чѣмъ черноземъ Поволжья», и что, наконецъ, въ сельско-хозяйственной комисіи при министерствѣ государственныхъ имуществъ самарскіе хозяева дали показанія не въ пользу процвѣтанія самарскаго края, гдѣ земли захватываются барышниками и гдѣ даже многіе обѣднѣвшіе крестьяне обнаружили движеніе въ мѣщанство съ отъездомъ отъ полевыхъ надѣловъ.

Возражая противъ этого, г. Рыбкинъ тоже старается «все направить къ тому», чтобы доказать противное, и, при всемъ томъ, не доказываетъ, потому что обличающіе слабость его доводовъ факты, какъ острые гвозди изъ мѣшеа, такъ и сквозятъ въ каждомъ его тезисѣ, въ видѣ фразъ: «нищенство нѣкоторыхъ крестьянъ»... «уходъ въ мѣщанство»... «бездѣлство вообще» (будто бы вообще?)... «обѣднѣніе народа вообще» (опять вообще?)... «народъ по мѣстамъ началъ лѣниться и пошалавать» (отчего это такъ?)... «по мѣстамъ бѣднѣетъ» (выше вообще бѣднѣетъ?)... «захваты степей купцами»... «убавленіе скота»... «потеря народомъ энергіи»... «нарушеніе обычнаго порядка прежней трудовой жизни» (какой *прежней*—крѣпостной?)... «измѣненіе добрыхъ старыхъ нравовъ на новые» (какіе «добрыя старыя нравы»? — патриархальныя? помѣщичьи?)... «потеря на склодахъ вліянія трудолюбивыхъ стариковъ»... «запиранье старикамъ духа молодежи»... сожалѣніе о томъ, что только «старики въ деревняхъ консерваторствуютъ, а молодежь стоитъ за прогрессъ, свободу и равенство и *этимъ* оправдываетъ свою непорядочность»... «захватыванье скупщиками на торгахъ казенныхъ участковъ и *раззорскіи* чрезъ это крестьянъ»... объясненіе «движенія крестьянъ въ мѣщанство съ отъездомъ отъ полевыхъ надѣловъ»—«безсмыслицей *тупого* народа, ищущаго кисельныхъ береговъ, медовыхъ рѣкъ и даровыхъ земель», и подтвержденіе этой тупости народа стихами Пушкина изъ «Бориса Годунова»:

Несмысленная чернь

Для истины глуха и равнодушна:

Все баснями вьтается она...

Зачѣмъ—сравненіе этихъ уходящихъ отъ полевыхъ надѣловъ крестьянъ съ «птицами безъ крыльевъ»... опасеніе, что «впослѣдствіи такіе пахари могутъ сѣсть на шею обществу и надѣлать лишнихъ хлопотъ правительству»... увѣреніе въ томъ, что уходить въ мѣщанство только «люди тупые, лѣнливые и небережливые, сърывающіе по 100 человекъ на свадьбы, или люди недовольные владѣльцами»—и тутъ же указаніе на «виновность самихъ землевладѣльцевъ, *принажимающихъ крестьянъ* за выгоны и разныя угоды, снимаемыя ими сверхъ надѣловъ»... наконецъ, предвидѣніе «печального конца» этой «анти-экономической войны» землевладѣльцевъ съ крестьянами въ силу мудраго афоризма: что «*пилить тотъ сукъ, на которомъ сидишь, весьма невыгодно, да и совершенно не нужно*»... (Тамъ же, стр. 261, 262, 263).

Вотъ тѣ, такъ-сказать, кричащіе и звенящіе факты въ обращеніи самарскаго землевладѣльца къ столичной печати и, лично, къ пишущему это — факты, напоминающіе, въ силу народной мудрости, ножницы, которыя всегда отзываются, если ударить кулакомъ по столу. Я даже не былъ кулакомъ по столу, а только сказалъ, что ножницы непременно должны быть на столѣ—и ножницы отозвались со стола, увѣряя, что онѣ — подъ лавою.

Въ литературѣ, говоритъ самарскій землевладѣлецъ: — новыя взгляды необходимы, такъ какъ безъ этого передовые журналы не будутъ интересны. Но *отъ* новыя взгляды не должны подрывать кредита у землевладѣнія въ мѣстахъ плодородныхъ. И внутренней, и заграничной нашей торговлѣ прокламація; въ родѣ вышеприведенной, только вредятъ и ничего болѣе. Конечно, у автора честныя намѣренія (еще бы!). Въ другомъ мѣстѣ, художественно рисуя экономическое рабство Малороссіи, онъ доказалъ намъ это (а малороссы, вонъ, напротивъ, заподозрѣли меня въ нерасположеніи къ Малороссіи, какъ и вы, г. самарскій землевладѣлецъ, заподозрѣваете меня въ нерасположеніи къ самарскому краю—вотъ что значитъ глядѣть на столичную печать изъ угла, въ узкое мѣстное окошечко, особенно когда окошечко это покрыто вопотью провинціальной отсталости). Да говоря и о самарской нищетѣ, онъ вызываетъ также искренно: mea culpa! Онъ имѣетъ цѣлью предупредить катастрофы, въ родѣ голода 1873 года. Но для чего онъ впадаетъ въ крайности и отстаиваетъ то небывалое у насъ мрачное положеніе дѣлъ, которое въ древности выражалось словами *pergat mundus*. На дѣлѣ у насъ еще и начала этого конца не видно. Зачѣмъ же правительство въ этотъ обнищавшій, голодный, мытчицами захваченный и банками опозоренный край ведетъ желѣзную дорогу? Надо полагать, что оно проштудировало губернію лучше земельныя банкы»... А полагать надо, что и вѣтъ, потому что самарско-орен-

бургская дорога, кажется, съѣла на мель—ну, да это въ нашемъ вопросѣ не имѣетъ значенія.

Въ заключеніе своего обращенія къ столичной печати г. самарско-бугурусланскій землевладѣлецъ взываетъ къ намъ такимъ образомъ въ свое узенькое слуховое окошечко: «Хлѣбъ самарскій всегда питалъ и будетъ питать столицы. Стало быть, по одному этому, уже совершенно напрасно осыпаютъ насъ передовые люди упреками и журьбой, какъ промотавшихся глупцовъ, безпутно растратившихъ богатое наслѣдство (помилуй Богъ — кто же осыпалъ васъ упреками? Mea culpa не значить tua culpa; а столичная печать тогда искренно восклицала: «mea culpa, mea maxima culpa!»).—Нѣтъ! (доносится къ намъ изъ слухового окошечка) мы данный намъ талантъ не утратили; а мы въ одномъ только виноваты, что, имѣя въ рукахъ этотъ талантъ, еще не додумались, подобно тамбовцамъ, симбирцамъ или орловцамъ, до того простого соображенія, до какого дошли они. Мы пренебрегали усадьбами и дворицами и, увлекаясь просторомъ, разбрасываемся по степямъ за новями на 20—40 версты и не хотимъ около дома утучнять земли, давно распаханныя, и производятъ на нихъ цѣнные хлѣба. Въ сказанныхъ губерніяхъ, безъ ученій Кэри, селенія не задыхаются въ навозѣ, а весь его, не взирая на свой черноземъ, запахиваютъ и въ огородахъ, и въ коноплянникахъ, и въ ближайшихъ поляхъ ежегодно. Бросивъ дешевые овсы, полбы и гречихи, эти люди выручаютъ двойныя противъ насъ деньги на пенькѣ, коноплѣ, льнѣ, пшеницѣ и т. д. Удвоивъ свои доходы, всѣ они и опротивѣ насъ живутъ, и лучшимъ здоровьемъ пользуются, и выщей энергіей славятся, да и цѣнность своихъ земель такимъ толковымъ хозяйствомъ противъ насъ, оплошныхъ самарцевъ, они увеличили ровно вдвое съ великаго дня свободнаго труда (тамъ же, стр. 265—266).

II.

Теперь мы поговоримъ о данномъ предметѣ вообще и о задачахъ столичной печати по отношенію къ этому предмету въ частности. Задачи столичной или центральной печати, столь, повидимому, провинившейся передъ самарцами и украинцами—обобщать мѣстныя явленія, явленія общественныя, экономическія и всю сумму явленій исторической культурализаціи страны, распадающейся на центры, столицы, провинціи, окраины, углы, закулустья и, наконецъ, на безчисленные ряды общественныхъ единицъ, разновидностей, видовъ, индивидуальностей, общественныхъ искривленій, уродствъ, гипертрофій и т. д., и т. д. По самому положенію центральной печати, это—ея культурная миссія: она должна разомъ видѣть все и по частямъ и ко всему прислушиваться разомъ и по частямъ. Изъ этого, опять-таки само

собой вытекаетъ, что она—ни Прокустово ложе, ни ящикъ Пандоры, а, скорѣе, вѣронъ съ живою и мертвою водою или Ахиллесово копье, или, всего вѣрнѣе—добрая Галпа. Обобщая явленія и факты, она изъ самыхъ признаній угловъ и окраинъ видить, что, чѣмъ углы ближе къ центрамъ, тѣмъ они культурнѣе—и «опратнѣе живутъ», чѣмъ угличане, жители угловъ, «и лучшимъ здоровьемъ пользуются, и вѣщей энергій славятся», и все у нихъ лучше, чѣмъ у «оплошныхъ» самарцевъ-окраинцевъ, у жителей угловъ и всякихъ территориальныхъ оконечностей.

Вотъ гдѣ общность вопроса, недавно затронутаго столичной печатью и ставшаго какимъ-то боевымъ вопросомъ въ литературѣ.

Мы видѣли, что самарскій землевладѣлецъ не сбиваетъ съ позиціи фактовъ, поставленныхъ столичной печатью по вопросу объ экономической отсталости и заспанности нашихъ провинцій и окраинъ и рисующихъ одинъ уголокъ картины соннаго царства. Мало того: самарскій землевладѣлецъ поддѣрпываетъ наши факты новыми и усиливаетъ краски набросаннаго нами угла общей картины; онъ говоритъ, что «десятина подѣ Петербургомъ дѣйствительно даетъ много дохода», несмотря на свою чачоточность, а самарская десятина даетъ мало, несмотря на то, что, по отношенію къ петербургской, она, какъ дѣва окраинъ—кровь съ молокомъ, тогда какъ большинство дѣвъ центровъ страдаютъ блѣдною немочью. Въ другомъ мѣстѣ, приводя наши же слова, что «хлѣбомъ изъ самарской пшеницы питаются лучшіе европейскіе умы», начиная отъ Спенсера и кончая Дарвиномъ; что вездѣ, въ Россіи и въ Европѣ, «самарской пшеницѣ первая честь и мѣсто»—онъ все-таки находитъ себя вынужденнымъ согласиться съ нами, что самарецъ всегда живетъ лишь насчетъ будущихъ урожаявъ, въ 1875 году съѣдая то, что ожидаетъ собрать въ 1878 году, и что этого не было бы, еслибъ «нужды надъ народомъ не стояли тучей каждый день».

Что-жъ это такое — кормленіе самарскимъ хлѣбомъ лучшихъ европейскихъ умовъ и столицъ и съѣданіе самимъ самарскимъ народомъ, за два года впередъ, своихъ будущихъ урожаявъ подѣ тучей нужды? Какъ согласить первое съ послѣднимъ? Какъ разъяснить такія, повидимому, абсурдныя экономическія явленія, что Спенсеръ и Дарвинъ, а за ними Филиповъ съ своими столичными певарнями, кушаютъ булки изъ прекрасной бугурусланской пшеницы, а бугурусланскіе производители этой пшеницы часто питаются чорнымъ хлѣбомъ съ макиной и даже лебедой?

Разъяснить эти явленія — дѣло столичной или центральной печати, это—дѣло доброй Галпы, которая должна все знать, все видѣть и все слышать. Разъясненіе это входитъ ужъ въ область общихъ, не исключительно бугурусланскихъ или украинскихъ интересовъ.

Разбиваемъ Россію на-двое — на земли, такъ сказать, обѣто-

ванныя, благословенныя, земли съ жирнымъ черноземомъ, земли средней и южной Россіи, и на земли необътовачныя—на земли, которыя признано именовать чаллыми, истощенными, чахоточными. Первые земли, это—тѣ, о которыхъ когда-то и знаменитый европейскій экономистъ, баронъ Гавстаузенъ, пророчески говорилъ, что онѣ станутъ житницей Европы въ то время, когда слишкомъ густому населенію нечѣмъ будетъ пропитываться и свѣтиламъ европейскимъ, вродѣ Спенсера и Дарвина, станутъ угрожать голодъ. Въ словахъ ученаго какъ бы повторяются пророческія слова библии: «тученъ хлѣбъ Ассира — имъ будутъ питаться князи земли»... Вторыя земли, это—несчастныя, истощенныя исторією и людьми земли центровъ, почему-то возникшихъ у насъ не на благословенныхъ, не на обѣтованныхъ земляхъ, а на земляхъ сравнительно нищенскихъ.

И на тѣхъ, и на другихъ земляхъ сидитъ все тотъ же русскій народъ, хотя и развитый на множество этнографическихъ разновидностей. Всмотримся теперь во внѣшніе признаки жизни этого народа.

Вотъ, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, высказавшихъ свои личныя наблюденія сельско-хозяйственной комиссіи министерства государственныхъ имуществъ, внѣшніе признаки экономической жизни крестьянъ, сидящихъ на земляхъ чаллыхъ, ближе отстоящихъ отъ нашихъ историческихъ и экономическихъ центровъ.

Новгородская Губернія: «увеличеніе потребностей крестьянъ по отношенію къ чаю, сахару, табуку, водкѣ, кожаной обуви и особенно лучшей одеждѣ»... «Роскошь въ нарядахъ доходитъ до безобразія: норѣдки примѣры, что крестьянинъ опустошалъ свой дворъ и амбаръ, чтобы купить женѣ платье въ 100 руб. и себя нарядить въ городское платье»... Это—историческіе потомки тѣхъ новгородцевъ, тѣхъ «худыхъ мужиковъ вѣчниковъ», о которыхъ съ такимъ ужасомъ отзывался смиренный лѣтописецъ и которые издали смотрѣли, какъ «лучшіе гостинные люди» новгородскіе вели торгъ съ Ганзою, заправляли всѣмъ сѣверомъ Россіи, посылали за мѣхами своихъ «отроковъ въ югру-язмыкъ нѣмъ», и воевали съ болѣе могучимъ центромъ—Москвою. «Худые мужики-вѣчники» изгоняютъ уже свой историческій лапотъ на окраины русской земли и, надѣвая кожаный сапогъ и космополитическое пальто, одѣваютъ жонъ въ сторублевья платья. Чтѣ это? экономическое безобразіе или культурный признакъ?

А вотъ внѣшніе экономическіе признаки другого исторически-культурнаго края — тверской области: «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пища крестьянъ улучшается и потребление мяса увеличивается»... «значительно увеличивается потребление чая, сахара, табуку и водки»... «жизненныя потребности тоже увеличиваются, особенно въ отношеніи одежды: сюртуки, енотовыя шубы, пѣпючки, часы, цилиндрическія шляпы, а у женщинъ—зонтики, лаковые штилеты и бриолины»... Это — потомки тверичей, тоже когда-то бывшихъ до известной степени ближайшими

факторами центральной силы, борющейся съ другою центральной силой—Москвою.

Третья исторически-культурная область—псковская, всегда отличавшаяся чуждостью своей земли: «пища крестьянъ нѣсколько улучшилась отъ разведенія овощей и употребленія хлѣба лучшаго качества»... «потребности крестьянъ увеличились, преимущественно на чай, водку, лучшую обувь и одежду, доходящую до щегольства»... «вмѣсто лучины—керосинъ!» (историческая лучина хотеть становится достояніемъ археологій)... истребленіе пива въ огромномъ количествѣ: бѣдный мужикъ навариваетъ его отъ 2 до 4 сорокаведерныхъ ушатовъ, а побогаче—до 10 ушатовъ: это—400 ведеръ!.. А скоро ли лапотъ и лучина перейдутъ въ музей Гаснера вмѣстѣ съ орудіями пытки, показываемыми въ музеѣ?

Переходя въ Смоленскую губернію, почва которой тоже не можетъ быть названа благословенною, мы встрѣчаемся съ слѣдующими внѣшними культурными признаками: «улучшеніе обуви и одежды»... «лапти болѣе и болѣе выводятся изъ употребленія, войлочные колпаки замѣняются лѣтомъ фуражками, а зимой—теплыми шапками»... «одежда изъ домашнихъ издѣлій постепенно исчезаетъ»... «чай входитъ въ употребленіе»... «увеличился расходъ на наряды женщинъ: шерстяной красный сарафанъ, шелковый платокъ, бусы—заурядная принадлежность одежды молодой женщины»... «значительно увеличилось употребленіе сапоговъ и дубленыхъ полшубковъ»... «кованныхъ колесъ нѣтъ только у плохого хозяина»... «крестьяне стали проявлять склонность къ домовитости, къ улучшенію своего домашняго быта и къ щегольству въ одеждѣ; стали власть болѣе печей съ трубами»... Бѣлый войлочный колпакъ, лапти и курная изба, это—историческіе признаки лѣтописнаго дреговича: и вотъ эти признаки начинаютъ стариться—дреговичъ мало-по-малу превращается въ культурнаго человѣка.

А московскій крестьянинъ, по спинѣ котораго проходили къ русскому центру и татары, и поляки, и французы, на спинѣ котораго гуляли и опричники Грознаго, и польскіе нахолки Тушинскаго вора—этотъ крестьянинъ, хотя и бѣденъ, но у него «сальная свѣча» замѣняетъ понемногу историческую «лучину», появились и «ночники съ керосинкомъ», самоваръ—не рѣдкость».

На бойкомъ ярославцѣ давно легъ культурный лоскъ: ярославецъ—не горожанинъ только, а и крестьянинъ—«ѣсть чисто, живетъ чисто»... «постройки почти повсемѣстно не только хороши, но даже роскошны»... «одежда вообще хороша, а въ промышленныхъ селахъ даже щеголевата»... «улучшенія замѣтны болѣе всего въ жилищахъ: въ избахъ у крестьянъ завелись обои, стѣнные часы, самовары распространились повсюду, особенно жестяные, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилось и потребленіе чая»... «улучшенія въ одеждѣ, даже щегольство, замѣтны повсюду».

«щегольскія поддѣвки и сапоги, пальто и пиджаки, часы, у женщинъ нарядныя платья, часто шелкъ и плисовыя шубы—все это встрѣчается чаще и чаще»... «женщины, кромѣ ситцевъ, ничего не носятъ и въ будніе дни безъ чаю никто на работу не поидеть»... «недоимокъ на крестьянахъ вообще очень немного»...

Ловкій востромичъ, живущій въ такихъ дѣбряхъ, что изъ нихъ самъ знаменитый Сусанинъ не могъ бы вывести поляковъ, еслибъ и захотѣлъ — тоже успѣлъ, подобно ярославцу, пронести культурный свѣточъ въ свои дѣбри: «пицца» у него «улучшилась», «потребленіе мяса и пшеничной муки «увеличилось»... «чай входитъ во всеобщее употребленіе»... «постройки улучшаются—во многихъ домахъ появляется мебель и дорогая посуда»... «въ одеждѣ не только замѣтно улучшение, но во многихъ мѣстностяхъ щегольство и роскошь: многіе одѣваются погородски—у мужчинъ сюртуки, пальто, шляпы; у женщинъ—платья, бурнусы, шляпки»... «матеріалы, употребляемые на одежду—сукно, драпъ, шелковыя матеріи, волчья, бѣличья, а иногда и енотовые мѣха»...

У нижегородцевъ, когда-то «закладывавшихъ женъ и дѣтей»— «потребленіе мяса увеличивается и пицца улучшается»... «многіе крестьяне ѣдятъ мясо почти постоянно и употребляютъ много пшеничнаго хлѣба»... «жизненныя потребности увеличиваются, строенія улучшаются, одежда иногда доходитъ до щегольства, избы шпугатурятся, оклеиваются обоями, заводятся часы стѣнные и карманные, чай составляетъ предметъ ежедневнаго потребленія»... Конечно, это не во всѣхъ уѣздахъ; въ иныхъ живетъ все еще очень плохо.

Но вотъ, перешагнувъ въ мѣстности, отенутыя отъ центровъ къ окраинамъ, въ мѣстности собственно хлѣбныя, земледѣльческія, въ такія мѣстности, которыя кормятъ своимъ хлѣбомъ Спенсера и Дарвина, а равно «князей земскихъ», не исключая и хлѣбнаго князя Овсянникова — мы натываемся на отсутствіе культурныхъ признаковъ и видимъ кругомъ только бѣдность да бѣдность.

Въ Вятской Губерніи—«жители уже терпятъ нужду». О культурныхъ признакахъ нѣтъ и помину. Вотякъ не знаетъ ни ситку, ни другихъ матерій для одежды: онъ носитъ рубаху и порты изъ своего собственнаго льна. По вычисленіямъ г. Куроптева (О льноводствѣ въ Вятской Губерніи. Сборникъ въ пам. стат. съѣзда, II, 1875), на рубаху и порты некультурный вотякъ употребляетъ ежегодно болѣе полумилліона пудовъ льна.

Казанская окраина также стонетъ въ нуждѣ и бѣдности. Культурные признаки, это—рѣдкія исключенія. «Пицца крестьянъ не улучшается и употребленіе мяса не увеличивается, а мѣстами и уменьшается». Ясно, что и желудокъ продолжаетъ быть желудкомъ травояднаго животнаго съ удлинненною кишкою... «Хлѣбъ—очень прѣсный, плохой»... «Одежда — вся изъ домашняго холста»... «улучшеній въ бытѣ не замѣтно»... «недоимокъ навопи-

лось много—продавали скотъ и пріостановили продажу, потому что во многихъ деревняхъ продавать нѣчего»... «бѣднѣ другихъ живутъ горные черемисы: пищу ихъ составляютъ—картофель, рѣдька; они ѣдятъ воронѣ, бѣлокъ, зайцевъ; вообще живутъ крайне бѣдно и грязно»... «чуваши живутъ немного лучше ихъ. Русскіе еще нѣсколько лучше, но также бѣдно»...

За бѣдной казанской окраиной слѣдуетъ богатая самарская, богатая и потому, что она дѣйствительно можетъ кормить и кормить своимъ хлѣбомъ Спенсера и Дарвина, а равно экономическіе и культурные наши центры, и потому, что бугурусланскій самарянинъ, г. Рыбинъ, самъ гордится своею окраиной, приводя текстъ изъ библіи: «тученъ хлѣбъ Ассира,—имъ будутъ питаться князья». У этой окраины и земли неоглядное море—въ пять разъ болѣе, чѣмъ въ Бельгіи и Голландіи, и скота много. А между тѣмъ, «пища крестьянъ не улучшается и потребление мяса не увеличивается»... «около $\frac{1}{3}$ хозяевъ не ѣдятъ мяса»... «въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ уѣздахъ пища *ухудшается*»... «*улучшений въ одеждѣ и жилищахъ не замѣтно*».

Ясно, что это—культурный застой. Богатая окраина кормитъ князей, а сама плохо питается: это—уже экономическая скудость, при которой культурному развитію еще меньше мѣста въ этой «благословенной» окраинѣ.

III.

Остановимся пока на замѣченномъ нами уменьшеніи числа культурныхъ признаковъ экономическаго развитія русскаго народа по мѣрѣ удаленія отъ культурныхъ и экономическихъ центровъ и сдѣлаемъ смѣлнй, очень смѣлнй въ научномъ отношеніи шагъ—переступимъ съ почвы экономической прямо на почву естествознанія, чтобы снова потомъ стать на почвѣ экономической, но стать уже твердо, опираясь на научно-экспериментальный костыль.

Въ сферѣ животной жизни новѣйшею наукою открыто явленіе такъ-называемаго *миметизма*, на основаніи котораго гениальный англійскій натуралистъ Валласъ дѣлаетъ поразительные выводы въ области природовѣдѣнія. «Миметизмъ» порусски переводится словомъ *подражаніе*, хотя это послѣднее слово далеко не вполне выражаетъ понятіе, соединяемое въ наукѣ съ словомъ «миметизмъ». Новѣйшею наукою, какъ извѣстно, замѣчена поразительная гармонія между многими животными и окружающею ихъ природою или какъ бы поддѣла подѣ природу со стороны животныхъ, подражаніе цвѣтамъ и краскамъ природы. Замѣчено, что многія животныя окрашены тѣми именно цвѣтами, какіе преобладаютъ въ почвѣ и въ растеніяхъ, среди которыхъ живутъ эти подражающіе экземпляры. Въ то же время,

натуралисты открываютъ нѣкоторыя разновидности животныхъ, изъ которыхъ одинъ видъ какъ бы сознательно подражаетъ другому своими наружными формами и иными проявленіями. Въ первомъ случаѣ простому наблюдателю прямо бросается въ глаза внѣшнее явленіе, и онъ готовъ заключать, что животныя или сознательно подражаютъ почвѣ и путемъ жизни вырабатываютъ себѣ внѣшность этой природы для своихъ дѣлей, какъ это бываетъ во всякой поддѣлкѣ, или же бессознательно получаютъ эту окраску по тѣмъ же законамъ жизни, по коимъ окраска эта дана законами жизни и самой природѣ, ихъ окружающей. Во второмъ случаѣ можетъ родиться такое представленіе, что слабыя животныя сознательно подражаютъ болѣе сильнымъ видамъ, принимая ихъ наружныя формы, привычки и цвѣта, чтобы этой поддѣлкой спасти себя отъ преслѣдованія со стороны враговъ. Понятно, что тутъ наука едва ли можетъ допустить сознательность такой выработки себѣ цвѣтовъ и формъ со стороны животныхъ, потому что, въ противномъ случаѣ, и негръ могъ бы сознательно выработать себѣ, вмѣсто чернаго лица и шерстянаго покрова головы, бѣлую кожу и гладкіе русые волосы. Но что «миметизмъ» существуетъ въ природѣ — это наука подтверждаетъ тысячами фактовъ. Такъ, извѣстно, что животныя, родившіяся въ песчаныхъ пустыняхъ — левъ, верблюдъ, египетская кошка, антилопа — имѣютъ шерсть положительно песочнаго цвѣта, съ отгѣнками красокъ степи. Наука говоритъ, что явленіе это — не случайное совпаденіе цвѣтности съ природою всего, что на ней живетъ, а что подобное окрашиванье подчиняется тоже извѣстному закону, открытому новѣйшею наукою — закону *экономической полезности* въ природѣ. Законъ экономической полезности состоитъ въ томъ, что левъ потому именно надѣлъ на себя песочно-желтую шубу, что въ бѣлой или черной шубѣ онъ давно исчезъ бы съ лица земли. Въ бѣлой или черной шубѣ, странствуя по песчанымъ или каменистымъ степямъ, онъ постоянно бросался бы всѣмъ въ глаза негармонирующимъ съ природою цвѣтомъ своей шубы и, съ одной стороны, не могъ бы спрятаться отъ человѣка и былъ бы имъ уничтожаемъ, съ другой — не могъ бы подрастаться къ своей добычѣ или выждать ея приближенія, лежа на пескѣ между скалами и песчаными камнями, и погибъ бы съ голоду. Полярныя животныя, напротивъ, окрашены въ бѣлый цвѣтъ, потому что должны проводить жизнь между снѣгами и льдами: такимъ является бѣлый полярный медвѣдь, постоянно обращающійся среди льдинъ и снѣговъ и потому надѣвшій на себя бѣлую шубу вмѣсто бурой, которую носить медвѣдь не полярный. Въ бѣлой шубѣ ходитъ сѣверный горностаѣ, песецъ. Нашъ заяцъ лѣтомъ надѣваетъ сѣрую шубу, а, какъ выпалъ снѣгъ — передѣвается въ бѣлую. Американскій полярный заяцъ, живущій въ странѣ вѣчныхъ снѣговъ, круглый годъ ходитъ въ бѣлой шубѣ. Лѣтомъ вуропатку трудно отличить отъ сѣрыхъ камней, между вторыми она укрывается и цѣлуетъ

ся, потому что лѣтомъ она окрашиваетъ свои перья подъ цвѣтъ камня, и зимой ее не отличить отъ снѣжной кочки, потому что на зиму она перекрашивается.

Это—проявленіе закона *экономической полезности*, изъ котораго исходить а явленіе «миметизма» въ животныхъ. Только «миметизмъ» заходитъ дальше этого простаго подражанія или поддѣлки подъ внѣшнія краски природы. Натуралистами давно замѣчено, что существуютъ насѣкомыя, которыя паразитично походятъ одни на другихъ, хотя и принадлежать къ различнымъ родамъ, семействамъ и даже отрядамъ и въ зоологической классификаціи состоятъ между собою въ очень далекомъ зоологическомъ родствѣ. Явленіе это приводило натуралистовъ въ недоумѣніе, и они положительно не знали, чѣмъ объяснить его. Но «царство науки не знаетъ предѣловъ», говорятъ поэты; а поэты—народъ очень чуткій; они иногда бываютъ болѣе чутки, чѣмъ ученые. Дѣйствительно, наука объяснила связанное непостижимое явленіе—*миметизмомъ*. «Миметизмъ» проявляется въ животныхъ и насѣкомыхъ тѣмъ, что слабій видъ подражаетъ сильному, и враги его, воображая, что передъ ними экземпляръ, умѣющій хорошо защищаться, боятся преслѣдовать этого бѣднаго труса, и онъ остается жить. Натуралисты видятъ этихъ слабыхъ трусовъ-подражателей въ семействѣ бабочекъ «лепталы» (leptales), которыя очень искусно подражаютъ другому семейству бабочекъ, называемыхъ «геликонидами» (heliconidae). Геликонида водятся въ Южной Америкѣ. Это—очень распространенное и очень счастливое семейство бабочекъ, счастливое потому, что геликонида ничега не боятся, а это — большое счастье и для человѣка, не то что для бабочки. Геликонида защищаются отъ своихъ враговъ, отъ насѣкомоядныхъ птицъ, сильнымъ ароматнымъ запахомъ, который они испускаютъ изъ себя и который противенъ ихъ врагамъ. Птицы, видя этихъ бабочекъ издали и зная ихъ отвратительный запахъ, не рѣшаются преслѣдовать ихъ и попусту терять время. Оттого геликонида сильно распространены въ гѣсахъ Южной Америки и, благодаря защищающему ихъ запаху, благоденствуютъ. Вотъ этимъ-то счастливцамъ и подражаютъ другія бабочки-лепталы, которыя не имѣютъ отвратительнаго запаха и потому пожираются птицами. Но ихъ все-таки нѣсколько спасаетъ то, что онѣ имѣютъ такіа же большія крылья и усики, какъ геликонида, въ такіа же яркіа окраскѣ и летаютъ такъ же медленно, какъ геликонида. На явленія «миметизма» указываютъ также между птицами и животными.

Основываясь на явленіяхъ «миметизма», въ свою очередь вытекающаго изъ требованій закона «экономической полезности», Валласъ дѣлаетъ такой выводъ: въ какой-либо мѣстности существуетъ извѣстный видъ животныхъ, счастливо организованный, то-есть умѣющій хорошо защищаться отъ враговъ и нападать для пріобрѣтенія себѣ пищи; видъ этотъ благоденствуетъ и

размножается, тѣмъ болѣе, если онъ оказывается еще полезнымъ; въ той же мѣстности существуетъ другой видъ животныхъ, которые слабосильны, лишены духа предприимчивости, не полезны, и потому обречены на жертву врагамъ и на конечное исчезновеніе; животныя эти дѣйствительно вымираютъ или истребляются; остаются изъ нихъ только тѣ, наружные признаки которыхъ совпадаютъ съ признаками животныхъ другого вида, сильнаго, хорошо организованнаго и предприимчиваго; эти выдающіеся экземпляры переживаютъ своихъ слабыхъ родственниковъ, нарождаютъ новыхъ, но непремѣнно, въ силу открытой Дарвиномъ преэминентности видовыхъ формъ, нарождаютъ подобныхъ себѣ преэминиковъ, у которыхъ высшія особенности родителей сохраняются и принимаютъ уже прочную устойчивость. Вотъ это-то совпаденіе признаковъ, это подражаніе, этотъ «миметизмъ» и спасаетъ слабыя виды животныхъ отъ конечнаго вымирания.

Явленія «миметизма» мы замѣчаемъ въ культурной и экономической жизни народовъ, хотя *культурно-экономическій миметизмъ* повинуется другимъ законамъ жизни, которые все-таки не иначе могутъ быть названы, какъ законами *экономической полезности*.

Замѣна историческаго лапта болѣе культурнымъ кожанымъ сапогомъ, замѣна лучины свѣчей и керосиномъ, древлянскою и дреговичскою курной избы избыю съ трубой, замѣна домашнихъ тканей фабричными, наконецъ, замѣна мѣстныхъ покрововъ платья общекультурною одеждою, а мѣстныхъ говоровъ, нарѣчій и подрѣчій общекультурнымъ языкомъ страны, все это явленія культурно-экономическаго миметизма, вызываемаго законами экономической полезности и всесильными требованіями цивилизаціи и человѣческаго прогресса. Эта всемогущая волна уноситъ все съ собою — и могучіе корабли, и простыя лодочки, и щепки: могучему кораблю эта волна полезна; она несетъ его къ цѣли, а утлую лодочку нерѣдко опрокидываетъ и топить, или выбрасываетъ на берегъ вмѣстѣ съ щепками и мусоромъ.

IV.

Выше мы видѣли проявленія культурно-экономическаго миметизма въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, начиная отъ культурно-экономическихъ центровъ и кончая завожскою, самарскою окраинами.

Перехода на нагорный правый берегъ Волги, въ мѣстности, лежащія ближе къ центрамъ, мы находимъ слѣдующіе признаки:

Въ Симбирской Губерніи: «пища крестьянъ не улучшается и потребление мяса не увеличивается»... «мясо крестьяне употребляютъ только въ праздники»... «исключеніе составляютъ Арда-

товскій и Корсунскій Уѣзды, гдѣ пища крестьянъ улучшается и потребление мяса увеличивается». Явленіе это объясняется болѣею промышленностью данныхъ уѣздовъ и болѣшимъ экономическимъ развитіемъ. Оригинальный отзывъ дада по настоящему предмету сызранская земская управа. На вопросъ сельско-хозяйственной комиссіи относительно улучшенія крестьянской пищи она отвѣчаетъ: «Говорить о томъ, насколько улучшился бытъ рабочихъ, относя это улучшеніе исключительно къ ихъ пище-вому довольству, весьма трудно. Въ предѣлахъ уѣзда вездѣ ѣдятъ и ѣли чистый хлѣбъ (то-есть безъ мякины и другихъ непитательныхъ примѣсей); затѣмъ уѣздъ раздѣляется еще на пшеничную и ржаную полосу; вездѣ, гдѣ сѣютъ пшеницу, въ обыкновенную крестьянскую пищу входитъ пшеничный хлѣбъ; размѣръ потребленія мяса гораздо болѣе зависитъ отъ привычки, чѣмъ отъ сродства, а извѣстно, что въ жизни гораздо скорее проводится великая мысль, чѣмъ измѣняется простая кухонная привычка. Это всего замѣтнѣе при очень урожайныхъ годахъ. Въ то время, когда рабочій много зарабатываетъ, какъ, напримѣръ, въ жнитво 1868 года, замѣтно страшное вздорожаніе полушубковъ, сапогъ, рабочихъ лошадей и т. д.; въ эти же времена особенно оживляется питейная торговля, но не замѣтно ни вздорожанія мяса, ни увеличенія его потребленія».

Далѣе—не менѣе любопытная замѣтка относительно культурныхъ признаковъ: «татары (18% населенія) ѣдятъ много мяса конины; вообще, они развиты болѣе другихъ племенъ, занимаютъ мелочною торговлею, нанимаются на стороннія работы, а въ ялбопашество, напротивъ, стоятъ ниже прочихъ крестьянъ»... «потребности чувашъ, хотя они и зажиточнѣе всѣхъ прочихъ крестьянъ, очень ограниченны»... «русскіе въ этомъ отношеніи могутъ занять мѣсто между чувашами и татарами; но болѣе всѣхъ развиты въ потребностяхъ жизни тѣ изъ крестьянъ русскихъ селеній, которые занимаются промыслами» (а не хлѣбопашествомъ: это—замѣчательная черта вездѣ). А крестьяне степной части—самые бѣдные изъ всѣхъ.

Въ Саратовской Губерніи встрѣчаемъ тѣ же признаки. «Чай» и «сахаръ», вмѣсто «посконнаго холста и самодѣльнаго сукна—ситца, шерстяныя и плисовые матеріи»; «нагольные тулупы» и «зипуны» вытѣсняются дублеными полушубками и кафтанами, а также и поддѣвками изъ фабричнаго сукна. Подъ Саратовомъ же «самодѣльщинская рубаха мужчинъ и набойные холщевые сарафаны бабъ исчезли и замѣнились мануфактурными произведениями, а въ лаптяхъ или поршняхъ, а не въ сапогахъ, ходить за сохой считается уже стыдомъ». Но, конечно, это не касается глухихъ деревень сѣверо-западнаго угла губерніи.

Совершенно такіе же признаки постепенной культурализаціи представляетъ сельское населеніе губерній Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Тульской, Орловской, Курской и Воронежской: лучина, лапотъ, кичеа, курная язба и т. п., цѣлое тысячелѣтіе

господствовавшие въ русской землѣ, начинаютъ понемногу сходять со сцены.

Но вотъ мы переходимъ въ благословенный край, въ плодородную, цвѣтущую и благоухающую цѣтлами Малороссію. Культурные признаки и, притомъ, московской культуры нестрасть среди украинскаго населенія, словно тѣ цвѣтки, которые бросалъ на людей, во время церковной службы въ печерскомъ монастырѣ, упоминаемый Несторомъ-лѣтописцемъ «бѣсъ во образѣ лаха». Ситцевая юбка и ситцевое платио вытѣсняють до-историческую «запаску» и «пахту». Обрядовая «намитка» уступаетъ мѣсто восмополиту-платку, которымъ красиво драпируются черноволосныя головы украинокъ, словно бы онѣ были истыя москвички. Вмѣсто грубой «свитки», является крытая нанкой и сукномъ «кожуханка». Лапотъ всегда былъ въ презрѣніи у украинца, который всегда былъ того мнѣнія, что въ его жилахъ течетъ казацкая кровь — благороднѣе, чѣмъ у москаля-лапотника. И вотъ, историческое родство съ казакомъ-воинномъ, гордость племени, рода и крови дѣлаетъ съ украинцемъ то, что обыкновенно замѣчается въ потомкахъ, воображающихъ въ своихъ жилахъ не простую человѣческую, а благородную историческую кровь: «Благосостояніе крестьянъ въ русскихъ селахъ, гдѣ нѣтъ семейныхъ раздѣловъ и гдѣ еще сохраняются семейныя группы, гораздо выше, чѣмъ въ малороссійскихъ селахъ, въ которыхъ семейныя раздѣлы доходятъ до крайности. Малороссы доводятъ, если обезпечить себя хлѣбомъ и тремя парами воловъ для работы. Теперь онъ зарабатываетъ въ два мѣсяца то, что прежде зарабатывалъ въ четыре, и эти лишніе два мѣсяца гуляетъ. Онъ такъ любитъ, что даже въ извозъ нейдетъ въ своемъ собственномъ селѣ». Это — мѣстные отзывы, полученные сельско-хозяйственной комиссіею по Харьковской Губерніи. «При дороговизнѣ скота, потребленіе мяса недоступно для сельскаго населенія» — по Полтавской Губерніи. «Малороссіянинъ не чувствуетъ потребности къ улучшенію своей домашней жизни и довольствуется тою пищею и тою домашнею обстановкою, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства... Лишнія средства онъ охотнѣе употребитъ на покупку вина, чѣмъ на улучшеніе своей домашней жизни...» Но изъ этихъ же отзывовъ видно, что «благосостояніе крестьянъ несомнѣнно развивается... Сначала, послѣ освобожденія, они полагали свободу въ ничего недѣланіи; теперь — въ навопленіи и трудѣ...» По Кіевской Губерніи между утѣшительными отзывами о культурализаціи населенія встрѣчаются мѣстами и такіе: «Крестьяне употребляютъ мясо только въ случаяхъ торжественныхъ или во время болѣзни...» «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Сквирискій Уѣздъ) чай употребляется крестьянами только въ случаяхъ чрезвычайныхъ, и, притомъ, болѣе по тщеславію, чѣмъ по вкусу...» «Уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній, при значительномъ увеличеніи средствъ, не произвело нивагого почтк измѣненія въ потребностяхъ крестьянской жизни: тѣ же извѣстнѣ

тѣсны избы, тоже отсутствіе бань, та же вообще неопрятность, даже у зажиточныхъ крестьянъ... У заводскихъ крестьянъ и мастеровыхъ развивается стремленіе къ образованію своихъ дѣтей...» «Овецъ, свиней и птицъ крестьяне употребляютъ въ пищу очень рѣдко, а крупнаго рогатаго скота почти никогда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вѣтъ говядину считается даже за грѣхъ...» (Вахмутскій Уѣздъ Еваторинославской Губерніи). Это — что-то странное, необъяснимое.

Подвигаясь еще далѣе на югъ, къ морямъ, мы встрѣчаемъ слѣдующіе признаки: «Потребленіе мяса между крестьянами замѣтно увеличилось. Причиной тому, по мнѣнію нѣкоторыхъ волостныхъ старшинъ—усилившіяся противъ прежняго работы и *проявившееся въ народѣ сознаніе, что, мшиая себя хорошей и здоровой пищи, рабочей истощаетъ свои силы и становится, вслѣдствіе того, менѣе способнымъ къ труду...*» «Причиной увеличившагося потребленія мяса и улучшенія пищи сельскаго населенія послужило, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сооруженіе севастопольской желѣзной дороги, привлечшее значительное число рабочаго народа, для котораго понадобилась улучшенная пища. Остатками отъ заготавливаемыхъ для продажи этимъ рабочимъ припасовъ мѣстные жители пользуются сами...» «Чай мѣстами замѣняетъ водку...» «При урожаяхъ, пьянство не такъ безобразно, какъ въ неурожайные годы...» Одежда становится «благообразнѣе», особенно у женщинъ, всегдашнихъ пионеровъ культуры: это—прямое опроверженіе ошибочнаго мнѣнія, будто женщина консервативнѣе мужчины; напротивъ, разъ женщина сознала полезность уваженія—она на этомъ пути является неустойчивѣе, настойчивѣе мужчины и болѣе чутка къ требованіямъ культуры. Внѣшній, хотя жалкій признакъ этого—жадное слѣдованіе за модою. Аналогическое съ этимъ явленіе представляетъ намъ одинъ отзывъ по Херсонской Губерніи: «Быть крестьянъ за послѣдніе годы улучшился, хотя по внѣшности это не особенно замѣтно. Они увеличиваютъ число скота, покупаютъ много земли и цѣлыми обществами арендуютъ большіе земельные участки. Есть крестьяне, имѣющіе собственной земли болѣе 100 десятинъ, а, между тѣмъ, въ домашнемъ быту они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ односельцевъ»; напротивъ, «у евреевъ-земледѣльцевъ, стоящихъ, по своему развитію, выше крестьянъ, число жизненныхъ потребностей ежегодно увеличивается». Это оттого, что евреи — народность наиболѣе чуткая къ требованіямъ культуры. За то почти тутъ же рядомъ, на глухой югозападной окраинѣ, бессарабскіе царане являются менѣе податливыми въ этомъ отношеніи, и хотя, съ одной стороны, культурныя силы начинаютъ понемногу, такъ сказать, забирать въ полонъ жепское населеніе царанъ, съ другой—силы эти пока еще не въ состояніи вытѣснить изъ обращенія самую примитивную форму жизни. «Обычную пищу сельскаго населенія составляетъ, попрежнему, мамалыга, приготовляемая изъ кукурузы и замѣняющая хлѣбъ.

Бѣднѣйшая хозяйка, ручною мельницею, состоящею изъ двухъ каменныхъ плитокъ безъ всякаго приспособленія, кромѣ оси и рукоятки, мелеть дневную порцію кукурузы и варить ее на водѣ въ каменной или желѣзной кастрюлѣ, кладезь затѣмъ соль, порою овецій сыръ — и пища для семьи готова. *Хлѣбъ царамъ не употребляютъ, развѣ въ шинкѣ для закуски*.

Въ группѣ губерній, лежащихъ у западной окраины Россіи, въ Подольской, Волынской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Виленской и Ковенской, рядомъ съ культурными признаками, встрѣчаемыми и въ другихъ мѣстностяхъ, приходится указывать, какъ на культурные зачатки, на слѣдующіе признаки относительнаго экономическаго подъема населенія: какъ явленіе выдающееся — «употребленіе жилетовъ»... заведеніе «у многихъ, даже небогатыхъ крестьянъ — постелей»... употребленіе желѣза на оковку вилъ, сохъ, на бороны съ желѣзными зубьями — словно бы эти люди только теперь начали переживать «каменный періодъ» и вступать въ вѣкъ бронзовый, желѣзный, который у грековъ почти совпадалъ съ троянскою войною... Далѣе — появленіе «кожаной сбруи, вмѣсто лыковой»... появленіе въ домашнемъ быту въ болѣешемъ количествѣ «соли», какъ культурнаго признака!.. «Иконы во всѣхъ избахъ появились только со времени освобожденія крестьянъ!» — это въ Могилевской Губерніи. *По примѣчкѣ, хлѣбъ употребляютъ еще съ мякиной.* Понятно, что культурнымъ силамъ не трудно будетъ бороться съ такими историческими привычками, если только у крестьянъ окажется больше хлѣба.

Намъ остается указать еще на прибалтійскую окраину или на такъ-называемый Остзейскій Край. Казалось бы, что историческое прошлое этого края должно бы было ручаться за то, что здѣсь корни цивилизаціи изъ рыцарской и баронской почвы, такъ или иначе, должны бы были прорости и въ крестьянскую почву, какъ, на примѣръ, у насъ, въ Россіи, культурная вѣтшность помѣщиковъ нечувствительно переходила хотя бы на дворовыхъ. Но, между тѣмъ, оказывается, что культурный миметизмъ только тогда возможенъ въ человѣческомъ обществѣ, когда оно пользуется извѣстною долю свободнаго труда и свободою выбора самой формы труда. На долю остзейскаго батрака менѣе всего выпало этой свободы, и, несмотря на близость моря и цивилизованной Европы, остзейскій крестьянинъ до сихъ поръ шелъ одною и тою же экономическою тропою и прошелъ ту же историческую стадію, какъ и заволжскій инородецъ, далеко откинутый отъ Европы и припертый къ азіатско-русской окраинѣ. До сихъ поръ лифляндскіе крестьяне-батраки и лѣтомъ, и зимою «живутъ и спятъ въ овинѣ», напоминая собою тѣхъ нашихъ лѣтописныхъ предковъ, которые и жили, и совершали свои моленія въ овинахъ, вмѣсто храмовъ. Въ Эстлянді то же — «обыкновенно овинъ также служитъ и жильемъ», и только въ рѣдкихъ случаяхъ къ овинамъ пристраиваются жилы помѣщенія... «Муж-

чины обыкновенно спать на печи или возлѣ нея въ овинѣ, а женщины на полу»... Если есть домъ, то они, какъ и овины, крыты соломой, «и рѣдко на нихъ встрѣчаются дымовыя трубы»... Для хлѣба употребляется «почти чистая рожь» — т. е. мякина вытѣсняется верномъ. Башмакъ и сапогъ употребляются уже «не въ исключительныхъ только случаяхъ». Зато у зажиточныхъ крестьянъ-собственниковъ или арендаторовъ «рѣдкій домъ не снабженъ стѣнными часами»... «На столахъ зажиточныхъ крестьянъ-владельцевъ иногда встрѣчается баварское пиво и даже портвейнъ».

Какъ, однако, жалки всѣ эти признаки, которые, при общемъ нашемъ безкультурьи, поневолѣ приходится считать за нѣчто культурное!

У.

До сихъ поръ мы останавливались на внѣшнихъ культурныхъ признакахъ, зачатки которыхъ мы находили въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, около центровъ и окраинъ, въ мѣстностяхъ, имѣющихъ до нѣкоторой степени свое историческое прошлое и свое историческое воспитаніе, и въ мѣстностяхъ, такъ сказать, новаго экономического и культурнаго напластыванья. Но есть внутренніе культурные признаки, которые, проявляясь въ складѣ жизни, ярко отдѣляютъ населеніе одной мѣстности отъ другой. Для распознаванія этихъ признаковъ есть особый критерій: это— проявленіе человѣческой личности въ обществѣ, въ общественномъ поведеніи этой личности, въ томъ, какою представляется народная фizioномія внѣ дома, внѣ хозяйства, гдѣ-нибудь на площади, на улицѣ, на базарѣ, на ярмаркѣ.

Передъ нами русская ярмарка за 350 лѣтъ назадъ. Великій князь Василій Ивановичъ шлетъ на Бѣлоозеро грамоту (1533 г.) приващивамъ городовымъ Оедькѣ Гнѣвашему да Ивашкѣ Губину: «Били мнѣ челомъ Кирилова монастыря священники и старцы о томъ, что прїѣзжаютъ къ нимъ изъ Бѣлоозера торговые люди на праздникъ Пречистыя и на чудотворцу память, и привозятъ дей съ собою питье, да торгуютъ сильно, а старцомъ отъ нихъ много безчинья... да какъ дей ся напѣются пьяни, и они жъ дей межъ себя бьются и монастырскихъ людей бьютъ»... (Историч. Библиот., т. II, 1875 г., 30). Это — русскій человекъ на ярмаркѣ XVI вѣка. Младенческая дивость не знаетъ удержу. Увѣчья, убійства, грабежи — явленіе заурядное.

А вотъ русскій человекъ на ярмаркѣ XIX вѣка: «Площадь вся залита народомъ; со всѣхъ сторонъ изъ балагановъ слышится самая разнообразная музыка, раздаются громкія зазыванья въ «комедіи», крикъ разнощиковъ, громкій говоръ толпы, остро-ты забубенной головушки, *мастероваго* (продуктъ новаго) и, въ

особенности, фабричнаго цикла), и въ томъ числѣ однообразно звучить рассказъ служиваго, отъ котораго у публики животикъ подводитъ, а служивый-то самъ и усомъ не поведетъ, и глазомъ не мигнетъ:

— Вотъ я вамъ буду спервоначально рассказывать и показывать иностранныхъ мѣстовъ, разныхъ городовъ, городовъ прекрасныхъ: города мои прекрасные, не пропадутъ денежки напрасно; *города мои смотрите, а карманы берите.*

— Это, извольте смотрѣть, Москва-золотныя маковки, Ивана великаго колоколя, Сухарева башня, успленскій соборъ—шесть сотъ вышины, а девять сотъ ширины, а немножко поменьше; ежели не вѣрите, то пошлите повѣреннаго — пускай повѣритъ, да помѣритъ.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, какъ отъ французскаго Напальёна бѣжать треста кораблей, полтора галетовъ, съ дымомъ, съ пылью, съ свиными рогами, съ заморскимъ саломъ, дорогимъ товаромъ, и этотъ товаръ московскаго купца Лѣвки, торгуетъ ловко.

— А это вотъ, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, городъ Парижъ, погладишь — угоришь; а кто не былъ въ Парижѣ, такъ купите лыжи, завтра будете въ Парижѣ.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, лександровскій садъ: тамъ дѣвушки гуляютъ въ шубкахъ, въ юбкахъ и въ тряпкахъ, въ шляпкахъ, зеленыхъ подкладкахъ; пукли фальшивы, а головы плѣшивы.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, Царьградъ: изъ Царьграда выѣзжаетъ самъ салтанъ турецкій со своими турками, съ мурзами и татарами-булгамстами и съ своими папами, и собирается въ Рассей воевать, и трубку табаку курить, и себѣ носъ коптить, потому что у насъ въ Рассей, зимой бываютъ большіе холода, а носу отъ того большая вреда, а копченый носъ никогда не портится и на морозѣ не ломается.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, какъ князь Меншиковъ Сивостополь брагъ: турки палать все мимо да мимо, а наши палать все въ рыло да въ рыло; а нашихъ Богъ помиловалъ—безъ головушекъ стоять, да трубочки курять, да табачокъ нюхать, да къ верху брюхомъ лежать.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, какъ въ городѣ въ Аустѣ, на прекрасномъ мѣстѣ, верстѣ за двѣстѣ, прапорщикъ Щеголевъ агличанъ угощаетъ, каменными арбузами въ зубы запусаетъ.

— А это, извольте смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, московскій пожаръ: какъ пожарная команда скачетъ, по карманамъ пироги прячетъ, а Яшка-кривой сидитъ на бочкѣ за трубой, да плачетъ, что мало выпилъ, да кричать—«князя Голицина домъ горить».

— А это, изволите смотрѣть-разсматривать, глядѣть и разглядывать, нижегородская макарьевская ярманка, какъ московскіе купцы на нижегородской ярманкѣ торгуютъ: московскій купецъ Лѣвка—торгуетъ ловко, пріѣзжалъ на макарьевскую ярманку—лошадь—отъ одна пѣгая, со двора не бѣгаетъ, а другая чала—головой качаетъ; а пріѣхалъ съ форсу, съ дымомъ, съ пылью, съ копотью, а домой-то пріѣдетъ—нѣча лопаты: барыша-то привезъ только три гроша; хотѣлъ-было жёнѣ купить домъ съ крышкой, а привезъ глазъ съ шишкой...

«Нужно ли прибавлять, что въ числѣ картинъ въ райкахъ есть и такія, разсказъ о которыхъ нельзя сказать, чтобы былъ удобенъ въ печати... Такія картины, да еще не скрытыя стѣнками нашего райка, а выставленныя на глазъ всякаго прохождцаго и отдѣланныя съ большимъ искусствомъ, съ приспособленіемъ къ нимъ особаго движущаго механизма, можно было видѣть въ Парижѣ, во время второй имперіи»... (Нижегородка, А. Гацискаго—1875, стр. 172—175).

Грубый юморъ сметливаго полудикаря надъ культурными и некультурными сторонами современности, это—то практическое чутье, съ помощью котораго этотъ полудикарь осилилъ пронести на своихъ плечахъ черезъ тысячу лѣтъ свое громадное государство и не упасть подъ его тяжестью. А тутъ рядомъ—культурныя безобразія «второй имперіи», московскій купецъ Лѣвка, который вездѣ, и въ Великой, и въ Малой Россіи, на Кавказѣ и въ Польшѣ, въ Сибири и Ташкентѣ—«торгуетъ ловко».

А вотъ современная украинская ярмарка, по описанію г. Лоначевскаго: «Не менѣе тысячи возовъ стояло на сухой части балки; на возахъ продавались обыкновенные сельскіе продукты Лубенскаго Уѣзда. Чумаки продавали соль, рыбу. *Нѣсколько палатокъ русскихъ купцовъ бросались въ глаза среди сельскаго украинскаго люда. Особенно страннѣе казалось незначительное число евреевъ, что рѣдко бываетъ, такъ какъ еврей — главный активный элементъ нашей ярмарки*». Это только доказываетъ, что въ Малороссіи еврей уже начинаетъ встрѣчать опаснаго для себя соперника — «московскаго купца Лѣвку, который «торгуетъ ловко». Но это только къ слову. Далѣе г. Лоначевскій говоритъ: «Въ прежнее время, всѣ окрестныя помѣщики посѣщали ярмарку, часто привозили музыку, поваровъ и предавались веселію: пѣли, плясали, играли въ карты, а главнымъ образомъ пьянствовали. Съ развитіемъ цивилизаціи между панами, высшее сословіе и здѣсь стало избѣгать общенія съ мужикомъ, который остался на той же степени развитія, и потому ярмарку посѣщаютъ не паны, а больше подпаны, и то нѣкоторые. Впрочемъ, на этотъ разъ можно было насчитать на ярмаркѣ нѣсколько десятковъ экипажей. У подошвы одной изъ окружающихъ балку горъ были устроены два просторные «курины». Одинъ изъ нихъ принадлежалъ мѣстному приставу, присутствовавшему здѣсь во время яр-»

марки съ нѣсколькими десятскими. Впрочемъ, сколько я ни слѣдилъ за полиціей, она ни разу не примѣнила къ дѣлу своей обязанности — возстановлять тишину и порядокъ. Рассказывая по всему пространству, занятому ярмаркой, я былъ удивленъ необыкновеннымъ на ярмаркахъ явленіемъ: ни разу не пришлось замѣтить не только драки, даже ссоры; ни разу не слышалъ не только ругательнаго, даже нескромнаго слова. Мнѣ, кромѣ того, рассказывали, будто на ярмаркѣ не бываетъ воровства или явнаго мошенничества; говорятъ, что, въ случаѣ чего-либо подобнаго, народъ самъ раздѣляется съ виновнымъ—привязывается его къ дереву. Во время ярмарки, какъ я узналъ, выпивается не мало, но я не замѣтилъ ни одного пьянаго мужа. Такую удивительную порядочность объясняли мнѣ различно: нѣкоторые—вѣрою народа въ святость мѣста, иные — преобладаніемъ на ярмаркѣ украинскихъ мужиковъ, которые вообще ведутъ себя сдержанно въ публичныхъ мѣстахъ, а иные—невмѣшательствомъ полиціи»...

Но вотъ еще болѣе необычайное явленіе: «Погода была теплая и тихая (продолжаетъ г. Лоначевскій). Когда начало темнѣть, большинство посѣтителей ярмарки разсѣялось по склонамъ горъ, окружающихъ балку. Вершины горъ покрыты лѣсомъ, который рѣдѣетъ постепенно, такъ что подошвы горъ, какъ и балка, обнажены отъ деревьевъ. Народъ располагался по горамъ группами, отъ 5 до 20 человекъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ, каждая группа преимущественно подъ деревомъ. Вотъ—на одномъ деревѣ звѣздочкой мелькнулъ огонекъ, затѣмъ — на другомъ, десяткомъ, сотомъ, и вскорѣ всѣ горы заискрились тысячами такихъ звѣздочекъ; въ балкѣ, гдѣ расположилась ярмарка—и тамъ тысячи такихъ же звѣздочекъ; народъ зажигалъ копеечныя восковыя свѣчи на деревьяхъ, на вбитыхъ въ землю шестахъ, на кустарникахъ, на возахъ, *на рогахъ воловъ!*.. Въ этотъ вечеръ у криницы (родникъ) продаютъ рублей на 300 свѣчей, а сколько еще приносятъ ихъ съ собою изъ дому... Вмѣстѣ съ этой необыкновенной иллюминаціей, начинается еще болѣе необыкновенная опера: тысячи народа, собравшагося на ярмарку, участвуютъ въ оперѣ, разбившись на множество хоровъ. Каждая группа поетъ независимо отъ остальныхъ, и въ общемъ получается какое-то особенное, ни на что не похожее пѣніе; замѣтимъ еще, что каждый силится пѣть во всю здоровую, сельскую грудь. Впечатлѣніе отъ этого пѣнія совершенно своеобразное; искать въ немъ гармоніи—нѣчего и думать; точно также нельзя уловить и дисгармоніи, которая непріятно поражала бы слухъ. Эта масса звуковъ, въ закрытомъ горами пространствѣ, сливается съ эхомъ и является чѣмъ-то стихійнымъ, какимъ-то чуднымъ хаосомъ звуковъ, который положительно подавляетъ слушателя... По временамъ, какъ бы навстрѣчу пѣнію, которое несется сверху внизъ, изъ балки вдругъ подымался звонъ отъ множества

кость, по которымъ ударили крестьяне, сидѣвшіе у возовъ... Пѣніе продолжалось часовъ до 11-ти, пока у всѣхъ не истощился запасъ свѣчей. Многие стали расходиться по домамъ, остальные распологались у возовъ или подъ деревьями. Пѣніе смолкло постепенно, и послѣ полуночи уже никто не пѣлъ. Простой народъ улегся спать. Возлѣ экипажей и повозокъ пріѣхавшихъ на ярмарку пановъ всю ночь горѣли костры — кто ужиналъ, кто пилъ чай. Въ одной изъ двухъ палатокъ, о которыхъ я упомянулъ прежде, человекъ около пятнадцати играли въ штосъ; имъ подносили чай, закуску, водку и вина... А во всей балкѣ водворилась тишина, такая тишина, что я отчетливо слышалъ крикъ воростеля, доносившійся съ противоположнаго берега балки. Все спало или дремало, за исключеніемъ неустойчивыхъ тружениковъ зеленого стола... Какъ только заря разгорѣлась, народъ зашевелился; а чуть лучи солнца заиграли межъ листьями на деревьяхъ горь, всѣ уже поднялись. Умывшись водою изъ криницы, народъ молился: многие становились на колѣни, клали поклоны, усиленнымъ шопотомъ проносили молитву; я не видѣлъ такого множества народа, молившагося съ такимъ благоговѣніемъ! А въ это же время изъ палатки, гдѣ паны играли въ карты, доносился крикъ пьяныхъ голосовъ: окончивъ игру, публика ссорилась, какъ будто собирались драться; особенно буянилъ какой-то, совершенно пьяный нѣмецъ»... (Криница, г. Лоначевскаго. Записки юго-запад. отд. импер. рус. геогр. общества. т. II. Кіевъ. 1875, стр. 131—134). Нѣмецъ, это—последняя ступень современной культурной лѣстницы, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію нѣмцевъ — и вотъ на ярмаркѣ въ Криницѣ, подъ Лубнами, этотъ Kultur Mensch ведетъ Kulturkampfъ изъ-за карты.

Проницательный читатель самъ можетъ видѣть, въ какую сторону болѣе клонится чашка культурныхъ вѣсовъ и въ какихъ формахъ культура эта проявляется. Что же касается лично меня, то мои симпатіи лежатъ скорѣе на сторонѣ «стихійной оперы» и нагѣленія восковыхъ свѣчъ на рога воловъ, чѣмъ на сторонѣ культурныхъ признаковъ «второй имперіи» и нѣмецкаго Kulturkampf'a. Жаль только, что въ человѣческомъ Kulturkampf'ѣ до сихъ поръ безкультурныя стихійныя силы и воловы рога всегда уступали передъ культурными формами второй имперіи и передъ Drang'омъ Kultur Mensch'a: доселѣ вездѣ побѣждалъ Kultur Mensch — этотъ «московский купецъ Лѣвва», что «торгуеть ловео»...

Неужели же это—непременный путь, по которому должна непременно двигаться человѣческая культура и цивилизація, эта ягернаутская колесница, давящая подъ колесами все любящее, вдовствующее, потерявшее или еще не пашедшее идеала жизни?—Бѣдныя волю круторогіе!..

Я не касаюсь культурных и некультурных признаков другого рода, признаков, по которым можно судить, насколько культурный рост одной мѣстности выше или ниже культурнаго роста другой. Къ этимъ признакамъ можно было бы прибавить еще признаки аграрные или земледѣльческіе, промысловые и промысло-кустарные и, наконецъ, мануфактурные или фабричныя въ обширномъ смыслѣ этого слова; но это повело бы насъ къ слишкомъ широкимъ параллелямъ и обобщеніямъ, къ которымъ, однако, я позволю себѣ возвратиться впоследствии.

На этотъ разъ я могу, впрочемъ, сдѣлать общее указаніе на аграрные признаки въ культурномъ развитіи русскаго народа, и надѣюсь, что г. самарскій землевладѣлецъ, придающій столичной печати значеніе Ахиллова копыя, самъ убѣдится, что столичная печать, и въ томъ случаѣ, на который ссылается самарскій землевладѣлецъ, не была этимъ копьемъ, а положительно исполняла роль доброй Гапки, откровенно сознававшейся, что она не подслушала, какъ къ самарскому краю подерался голодъ, и потому въ отчаяніи воскликнула: «*mea culpa! mea maxima culpa!*»

Въ данномъ же случаѣ, послѣ бѣглого обзорѣнія разныхъ культурныхъ признаковъ русской земли, обзорѣвая признаки аграрные, добрая Гапка не можетъ не видѣть, что и въ аграрной культурѣ признаки развитія располагаются между центрами русской земли и ея провинціями и окраинами въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній между этими центрами и ихъ окраинами: такъ, напримѣръ, когда вблизи центровъ небольшой влѣкъ владѣльческой земли, на которомъ выпасается отъ 200 до 300 головъ домашняго скота, даетъ до 12.000 р. годоваго дохода — за Волгой, въ это время, огромныя стада, пасущіяся по необозримымъ степямъ самарскаго края, едва-едва спасаютъ своихъ владѣльцевъ отъ дефицитовъ, а на сѣверныхъ окраинахъ, по увѣренію г. Журавскаго («Богатства Сѣвера»), благодѣтельный олень приноситъ въ годъ доходу всего только 37 копекъ! Развитіе системы плодотворности, травосѣянія, удобренія и реставрированія производительныхъ силъ почвы опять-таки находится въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній провинцій отъ центровъ, и въ такомъ же положеніи стоятъ относительное экономическое довольство населенія разныхъ мѣстностей. Такъ было всегда и вездѣ, и, если чудакъ Гораций, служившій когда-то въ римскихъ уланахъ и бѣжавшій съ поля чести при Фарсаль, и восклицалъ въ одно время, наслаждаясь соусомъ изъ соловьиныхъ языковъ за обѣдами Мецената —

Beatus ille, qui proci! negotiis и т. д.—

то восклицаніе это означало только, что онъ, какъ горожанинъ, усталъ кушать соловьиные языки да устрицы и ему хотѣлось бы изъ шумнаго Рима на время удалиться «въ деревню, къ тѣткѣ, въ глушь, въ Саратовъ»...

Тѣми же, наконецъ, путями, какъ выше узазано, идетъ и развитіе культурно-экономическаго миметизма среди великой семьи русскихъ reptiles въ лаптяхъ, которыя слишкомъ медленно пріобрѣтаютъ высшія формы могущественныхъ и многочисленныхъ heliconidatum, подъ которыми разумѣются всѣ цивилизованные народы, далеко опередившіе насъ своимъ культурнымъ ростомъ.

Д. С...е-М...ь.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Успѣхи спиритизма въ Петербургѣ.—Составившееся противъ него ололченіе.—Сравненіе нынѣшняго состоянія Тверской Губерніи съ бывшимъ назадъ тому сто лѣтъ.—Кабаки.—Взглядъ на нихъ министра финансовъ и городскихъ и земскихъ самоуправленій.— Недоразумѣнія и волненія по поводу министерскихъ циркуляровъ.— Рутіна министерскихъ канцелярій.— Пожертвованіе г. Боровиковскаго.

Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, я не рѣшился бы начать съ вами, читатель, рѣчь ни о китайской дѣвицѣ Жекѣ, ни о таковой же американской Кетти Кингъ, а, еслибы и позволилъ себѣ это, то былъ бы въ великомъ смущеніи: мнѣ все казалось бы, что предметъ этотъ слишкомъ тривиальный, балаганный, что онъ не достоинъ ни мѣста въ уважающемъ себя журналѣ, ни вниманія образованнаго читателя, что иной щепетильный читатель можетъ, пожалуй, не на шутку даже обидѣться тѣмъ, что его хотятъ занимать какими-то баснословными дѣвицами, вѣрнѣе въ которыхъ могутъ только развѣ дѣти или какіе нибудь Подлиповцы. Теперь же я выставляю тѣму о дѣвицахъ Жекѣ и Кетти Кингъ храбро и самоувѣренно; въ душѣ моей не только не существуетъ никакого безпокойства, никакихъ сомнѣній на счетъ достоинства этой тѣмы и вниманія къ ней со стороны читателей, а, напротивъ, я вполне убѣжденъ, что удовлетворю страстному желанію читателей, выбирая именно эту тѣму предметомъ для бесѣды. Если же, паче чаянія, среди моихъ читателей и нашелся бы еще какой нибудь чудакъ, который сказалъ бы мнѣ, что онъ обѣихъ означенныхъ дѣвицъ считаетъ чистою химерою и всякое серьезное разсужденіе и собесѣдованіе о нихъ въ образованномъ обществѣ, въ литературѣ и т. п. признаетъ не менѣе унизительнымъ, какъ разсужденіе и собесѣдованіе о томъ: дѣйствительно ли на трехъ китахъ стоитъ земля, есть-ли у чорта хвостъ, какимъ образомъ и когда собираются вѣдьмы на Лысую гору и т. п.?—то такому читателю я просто отвѣтилъ

бы: «другъ мой, ты опоздалъ съ своимъ протестомъ; или уйди отъ насъ и не мѣшай намъ разсуждать о томъ, къ чему лежитъ наше сердце, или перестань презрительно относиться къ дѣвицамъ Жекѣ и Кетти Кингъ. Эти дѣвицы теперь занимаютъ и волнуютъ умы и сердца дѣлаго Петербурга. И самыя надменнѣйшіе изъ невѣрующихъ не только не считаютъ неприличнымъ или унижительнымъ разсужденіе о нихъ, но признали ихъ воюющею стороною, борьба съ которою вмѣнена въ нравственный долгъ всѣмъ невѣрующимъ, такъ какъ (*слушайте*) такой или другой исходъ этой борьбы долженъ рѣшиться: на чьей сторонѣ истина.

Изъ этого проницательному читателю не трудно понять, какую важную брешь дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ успѣли пробить во враждебномъ имъ лагерѣ. Разъ невѣрующіе нашли нужнымъ вступить въ перестрѣлку съ дѣвицами, этимъ самымъ они признали, что они не безопасны въ твердыхъ своей логики и что дѣвицы палятъ въ эти твердыни не какимъ нибудь невиннымъ горохомъ, а дѣйствительною картечью. Такъ необходимо должно представляться дѣло со стороны, по крайней мѣрѣ, для профановъ. Вѣдь не вступили бы невѣрующіе ни подъ какимъ видомъ въ борьбу съ людьми, которые стали бы утверждать, что земля стоитъ на трехъ китахъ, что у чорта хвостъ есть и т. п. Слѣдовательно, въ глазахъ невѣрующихъ, дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ—не то, что эти люди; за дѣвицами есть несомнѣнно признаніе силы. Тоже самое обнаруживается въ характерѣ борьбы, которую ведутъ невѣрующіе съ дѣвицами. Эта борьба—не то, что борьба сильнаго съ слабымъ. Случается иногда, что взрослый и здоровый песъ хочетъ проучить неотвязчиваго щенка, который надоѣдаетъ ему своимъ нападеніемъ и лаемъ, и вступаетъ съ щенкомъ въ борьбу. Но такую борьбу взрослый песъ совершаетъ всегда съ достоинствомъ. Не горячася, безъ озлобленія, точно шута, онъ перевернетъ раза дватри щенка и потомъ отходить отъ него прочь. Ожесточеніе и страстность въ борьбѣ является только тогда, когда борьба ведется между равными. Такой именно характеръ ожесточенія и страстности носитъ борьба невѣрующихъ съ дѣвицами Жекѣ и Кетти Кингъ. Невѣрующіе являются, повидимому, даже болѣе аффектированными и раздраженными, чѣмъ поклонники дѣвицъ. Можетъ быть, именно вслѣдствіе этой страстности невѣрующихъ, въ движеніи нашего спиритизма, за послѣднее время, многими примѣчено весьма странное явленіе: у нашихъ невѣрующихъ сквозь страстность ихъ отрицанія проглядываетъ неувѣренность въ томъ, что они доказываютъ, и даже болѣе, чѣмъ неувѣренность, даже какъ будто неудовольствіе на то, что ни китайская дѣвица Жекѣ, ни американская Кетти Кингъ не хотятъ заявить о себѣ болѣе осязательно для всѣхъ. По крайней мѣрѣ—признаюсь—я не могу отбиться отъ этой мысли, когда слушаю опроверженіе спиритизма изъ устъ одной прекрасной дамы—Леоноры Викентьевны. Щеки ея пылаютъ, глаза блестятъ

огнемъ негодованія, изъ устъ ѣдется пламенная рѣчь противъ нелѣпости спиритизма, начиненная всѣми возможными аргументами все изъ послѣднихъ словъ науки—а мнѣ все кажется, что въ душѣ всю эту свою эрудицію, и вкупѣ даже съ наукой, она считаетъ жалкими словами и внутренно ей ужасно хочется, чтобы дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ существовали. Въ данномъ случаѣ, мое наблюденіе можетъ быть, конечно, и ошибочнымъ. Но, въ сущности, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы человѣкъ, совершенно искренно представляющій себя самымъ отчаяннымъ изъ невѣрующихъ, имѣлъ въ глубинѣ души сильное поползновеніе или наклонность къ вѣрѣ. Знаніе человѣческое ограничено предѣлами міра физическаго: есть ли что нибудь за этимъ міромъ или нѣтъ, никому неизвѣстно; здѣсь начинается область уже не знанія, а вѣры. Но, при этомъ, сумма доступнаго для человѣка знанія пока такъ бѣдна, что въ ней нельзя найти никакихъ такихъ рѣшительныхъ основаній, при помощи которыхъ можно бы было несомнѣнно убѣдиться, что существуетъ только то, что можно пощупать. Поэтому у невѣрующихъ нѣтъ точно такъ же твердыхъ научныхъ основаній для невѣрія, какъ и у вѣрующихъ для вѣры. На вопросъ: вѣруешь ли ты?—мыслящій вѣрующій едва ли можетъ отвѣтить болѣе того, что отвѣтилъ Фаустъ Маргаритѣ: «милая моя! кто можетъ сказать: я вѣрую? Спроси мудрецовъ, и ихъ отвѣтъ покажется только насмѣшкою надъ вопрошающимъ». Я не думаю, чтобы и невѣрующій на вопросъ о его невѣрїи могъ отвѣчать съ меньшимъ колебаніемъ и сомнѣніемъ.

Отсюда ясно, что вѣра и невѣріе имѣютъ свое основаніе не столько въ нашемъ убѣжденїи, сколько въ личномъ натуральномъ предрасположенїи каждаго къ той или другому. Даже на отношенїяхъ житейскихъ, подлежащихъ полной проверкѣ, не трудно убѣдиться, что всякая вѣра вообще есть по преимуществу дѣло сердца, а не ума: человѣкъ вѣритъ потому, что ему хочется вѣрить, что ему прїятно вѣрить, хотя часто онъ сознаетъ, что для той или другой его вѣры (мы говоримъ о вещахъ обыкновенныхъ) мало данныхъ. Но такова ужъ потребность его природы, свойство его организаціи, темперамента, что онъ не можетъ обойтись безъ этого. Убить вѣру такого человѣка въ тотъ или другой предметъ, ну, скажемъ, хоть въ нравственную чистоту извѣстнаго лица, конечно, можно предствленіемъ неопровержимыхъ фактовъ, совершенно противоположныхъ этой чистотѣ; но зачастую убить ту или другую вѣру въ подобныхъ натурахъ значить расшатать, и даже убить ихъ нравственно. Тоже самое, что мы говоримъ о вѣрѣ относительно обыкновенныхъ предметовъ, подлежащихъ проверкѣ, должно разумѣть и о вѣрѣ въ высшіе какіе нибудь идеалы, въ томъ числѣ и въ идеалы, лежащіе за предѣлами человѣческаго вѣдѣнія. Эта вѣра есть также потребность природы, организаціи, темперамента, однимъ словомъ—дѣло сердца. Представьте же себѣ теперь,

что человек такой природы и организации попадаетъ въ разрядъ невѣрующихъ и доказательствами, которыми, въ концѣ концовъ, не имѣютъ никакой рѣшительной доказательности, усиливается утвердить тезисы своего невѣрія. Что изъ этого выйдетъ? — Необходимое внутреннее раздвоеніе, неизбежная внутренняя борьба въ немъ самомъ, хотя имъ и не сознаваемая; вслѣдствіе этого, онъ, какъ бы для внутренняго успокоенія, будетъ всегда страстище въ заявленіи своего невѣрія и аргументаціи, чѣмъ человекъ, дѣйствительно невѣрующій, въ натурѣ котораго не положено такой потребности вѣры.

Я вхожу въ эти подробности для того, чтобы охарактеризовать настоящее положеніе двухъ враждебныхъ лагерей и указать, какую опасную для себя борьбу начали невѣрующіе. Если дѣло такъ пойдетъ и впередъ, то я нисколько не удивлюсь, когда, черезъ два, много черезъ три года, Петербургъ и Москва—колѣнопреклоненные—смирненно сложатъ свое оружіе у ногъ гг. Аксакова, Бутлерова, Вагнера—этихъ видимыхъ представителей невидимыхъ, но всѣми обожаемыхъ дѣвицъ, ибо въ обѣихъ столицахъ ни одного не-спирита болѣе не останется.

Для меня лично такое полное торжество дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ не будетъ нисколько оскорбительнымъ. Я настолько благовоспитанъ, что никогда не вступалъ ни въ какія пререканія на счетъ существованія и дѣятельности этихъ дѣвицъ, и надѣюсь, что и впредь не вступлю, даже и въ томъ случаѣ, если бы мнѣ сказали, что одна изъ дѣвицъ стала не то, что раздавать лоскуты отъ своего платья, какъ сдѣлала Кетти Кингъ, а если бы поступила даже въ члены славянскаго комитета. Какое мнѣ до этого дѣло? Если есть люди, которые убѣждены, что дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ двигаютъ столы, звонятъ въ колокольчикъ, показываютъ свои руки, даютъ отвѣты на предлагаемые имъ вопросы и, наконецъ, положимъ, даже дѣйствуютъ въ качествѣ членовъ славянскаго комитета—почему я долженъ изъ за этого горячиться и бить тревогу?

— «Какъ же—говорять—не горячиться и не бить тревоги?—Вѣдь это—не подлинныя, фальшивыя духи?» Позвольте—но мало ли такихъ не подлинныхъ, фальшивыхъ духовъ существуетъ на свѣтѣ?—И домовые, и вѣдьмы, и киеморы, и русалки, и лѣшіе и т. п.—все это—неподлинныя, фальшивыя духи; такихъ духовъ можно насчитать цѣлыя сотни тысячъ.. И ужъ если есть охота горячиться и бить тревогу, то гораздо резоннѣе и умнѣе было бы горячиться и бить тревогу по поводу неподлинныхъ, фальшивыхъ духовъ послѣдняго сорта. Ибо эти духи тяготеютъ надъ жизнію и благосостояніемъ миліонныхъ массъ, давая возможность милліонамъ разныхъ проходимцевъ держать ихъ въ мракѣ, эксплуатировать ихъ. Если же я найду на помощь этимъ милліоннымъ массамъ, которые дѣйствительно нуждаются въ сторонней помощи, которымъ дѣйствительно не откуда получить свѣта противъ одержавшихъ ихъ духовъ, то съ какой стати я

буду заботиться о людяхъ сытыхъ и праздныхъ, которые только того и ищутъ, чтобы отъ скуки и праздности броситься въ чьи нибудь объятія — будутъ ли то дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ, московскій Иванъ Яковлевичъ или какая нибудь ворожея и гадальщица на кофеѣ, картахъ, водѣ и т. п. — и для которыхъ пребываніе въ подобныхъ объятіяхъ не причиняетъ никакихъ неприятностей и страданій, а, напротивъ, служитъ развлеченіемъ, забавой, даже наслажденіемъ? Можно, пожалуй, сожалѣть о томъ, что образованные люди XIX столѣтія могутъ находить удовольствіе въ обращеніи съ такими низкопробными духами, какъ дѣвица Жекѣ и Кетти Кингъ; можно смѣяться надъ этимъ, но идти спасать ихъ отъ этихъ духовъ было бы дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, комичнымъ. Такой ревности не по разуму подивились бы даже тѣ изъ спиритовъ, которые до сихъ поръ, несмотря на наружную преданность дѣвицамъ Жекѣ и Кетти Кингъ, относятся къ нимъ въ дѣйствительности болѣе или менѣе индифферентно и въ своихъ занятіяхъ спиритизмомъ не ищутъ ничего, кромѣ пріятнаго препровожденія времени.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я сужу по другу моему Амфиногену Одеколонову, который, получивъ извѣстіе о назначеніи особой ученой комиссіи для изслѣдованія спиритизма, прибѣжалъ ко мнѣ съ вытянутымъ лицомъ, вытаращенными глазами, и, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова отъ душевнаго волненія, только тыкалъ пальцемъ въ то мѣсто газеты, гдѣ помѣщено было означенное извѣстіе. Я прочиталъ это извѣстіе и сказалъ: «Ну, что-жь! ты — завзятый спиритъ и лучше меня долженъ понимать, что это такъ и должно было кончиться. Вы проводите ночи въ спиритическихъ сеансахъ, увѣряете всѣхъ, что входите въ это время въ сношеніе съ духами, видите и осязаете ручки дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ, разговариваете съ ними и т. п. Надобно же было узнать: правду вы говорите или нѣтъ?» — «Что-жь! я на правѣ — что ли? — чьи нибудь посягаю или интересы чьи нибудь разрушаю тѣмъ, что веду разговоры съ дѣвицами Жекѣ и Кетти Кингъ? отвѣчалъ мнѣ, раздражаясь, мой другъ Амфиногенъ Одеколоновъ. — Комиссіи нужны тамъ, гдѣ затрогиваются какіе нибудь существенные интересы; а изъ того, что я буду хотя цѣлный вѣкъ забавляться съ дѣвицами Жекѣ и Кетти Кингъ, бѣды ровно никакой ни для кого быть не можетъ». — «Однако, замѣтилъ я: — ты вѣдь вѣруешь и не скрываешь своей вѣры отъ другихъ, а если твоя вѣра — заблужденіе, то, значить, ты распространяешь заблужденіе? не такъ ли?» — «Да, значить, я распространяю заблужденіе» — отвѣчалъ отрывисто и сурово Амфиногенъ Одеколоновъ, видимо, внутренне взбѣшенный моимъ противорѣчіемъ. «Стало быть, продолжалъ я спокойно: — ты долженъ благодарить Бога, что живешь въ просвѣщенномъ XIX вѣкѣ, а не въ варварскія времена среднихъ вѣковъ. Тогда тебя стали бы поджаривать и, пожалуй, сожгли бы на кострѣ, наравнѣ съ другими колдунами, заводящими связи съ

нечистой силой—а теперь вишь какъ благородно и деликатно ведется дѣло; тебя пальцемъ никто не трогаетъ, мало того—никакая официальная власть въ дѣло не вступаетъ, а ученые мужи сами, водимые единственно свѣтомъ своего высокаго разума и заботою о благѣ ближнихъ...» «Да вы, кажется, всѣ съ ума сошли?»—выпалили вдругъ совершенно неожиданно, надобно полагать, окончательно уже вышедшій изъ себя Амфиногенъ Одеколоновъ и немедленно убѣжалъ, не дослушавъ моей рѣчи.

Хотя я и противорѣчила Амфиногену Одеколонову, желая поддержать достоинство представителей нашей науки, но внутренно былъ совершенно съ нимъ согласенъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россію то и дѣло посѣщаютъ разныя бѣдствія—голодъ, эпидеміи, эпизоотіи—экономическое положеніе массъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разстраивается, все это требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія, и притомъ неотложнаго, и, въ виду всего этого, ни одинъ ученый не ударитъ палецъ о палецъ. А тутъ люди отъ праздности и скуки начинаютъ заниматься глупостями, и цѣлая ученая комиссія поспѣшаетъ на изслѣдованіе этихъ глупостей, и, нисколько не подозрѣвая того, что она самымъ фактомъ своего существованія уже достаточно компрометируетъ науку, она, сверхъ того, еще и усердствуетъ. По усердію своему, эта комиссія—раритетъ въ своемъ родѣ. На изслѣдованіе такого предмета, какъ спиритизмъ, она назначила 40 засѣданій—шесть изъ нихъ уже отсидѣла и, навѣрное, отсидитъ и остальные 34! Я убѣжденъ, что изъ безчисленнаго множества существующихъ у насъ правительственныхъ комиссій, едва ли найдется десятокъ такихъ, которыя бы посвящали такое огромное количество засѣданій на разсмотрѣніе порученныхъ имъ предметовъ, хотя предметы, которыми онѣ занимаются, несомнѣнно, во сто разъ поважнѣе какогонибудь спиритизма. И съ какимъ рвеніемъ и энергіею комиссія, изслѣдующая спиритизмъ, ведетъ свое дѣло! Она подвергаетъ химическому анализу слюну медіумовъ; члены ея, забывая подобающую ихъ ученому сану солидность, упражняются въ искусствѣ плеванія, стараются плюнуть также ловко и далеко, какъ плюютъ медіумы и даже переплюнуть черезъ голову! Согласитесь, что едва ли когданибудь какаянибудь ученая комиссія приносила такіа постыдныя жертвы наукѣ!

Но этимъ дѣло не ограничивается. Комиссія ведетъ свое дѣло втайнѣ; когда она кончитъ свои изслѣдованія—еще Богъ вѣсть. Между тѣмъ, за это время ужасная ересь спиритизма могла бы—чего Боже сохрани!—уловить въ свои сѣти множество юныхъ и неопытныхъ умовъ и сердець. Потому на публичное отраженіе ея выступилъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ химіи (онъ же, и членъ комиссіи), г. Менделѣевъ. Онъ прочелъ уже одну публичную лекцію въ Солянномъ Городкѣ; говорятъ, весной прочтетъ и еще. Дай-то Богъ! Авось язва спиритизма будетъ этимъ нѣсколько задержана! Наэлектризованный этимъ общими

движеніемъ противъ спиритизма, даже почтенный Я. И. Полонскій осѣдлалъ своего заслуженнаго Пегаса и также... Мальбругъ въ походѣ поѣхалъ... на пораженіе спиритизма. Я прочелъ стихотвореніе г. Полонскаго съ удовольствіемъ, хотя, признаюсь, меня нѣсколько непріятно поразила нѣкоторая жесткость его отношенія въ дѣвицамъ Жекѣ и Кетти Кингъ, такъ несвойственная вообще мягкой и гуманной манерѣ автора. Г. Полонскій позволяетъ себѣ эту жесткость потому, конечно, что смотритъ на дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ, какъ на не существующихъ, но, какъ скоро для изслѣдованія существованія этихъ дѣвицъ учреждена особая ученая коммиссія, такъ смотрѣть на нихъ было бы слишкомъ смѣло и преждевременно. Пока коммиссія не сообщитъ намъ окончательныхъ результатовъ своего изслѣдованія, никто не имѣетъ никакого права считать дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ не существующими. Но представимъ, что онѣ существуютъ и читаютъ слѣдующія строки въ стихотвореніи Полонскаго.

...Пѣвецъ Манфреда
 Такими ли воображалъ
 Духовъ, когда онъ вопрошалъ
 Въ часъ осмысленнаго бреда
 О тайнѣ міра и всего—
 Всего, что мучило его!
 Какъ былъ остеръ неутомно,
 Какъ былъ азвительно уменъ,
 Тотъ духъ, что такъ нецеремонно
 Вторгался въ нравственный законъ
 И колебалъ его основы!
 Какъ для рутинъ были новы
 Его слова!—недаромъ онъ
 Слылъ Мефистофелемъ на свѣтѣ

 И обезсмертилъ имя Гёте.

Далѣе о дѣвицахъ или, вообще, о духахъ новаго времени г. Полонскій говоритъ прямо, что

Они—невѣжды или шуты и т. п.

Подобною выходкою нельзя не оскорбиться, тѣмъ болѣе, что она сдѣлана безъ всякаго повода. И дѣвица Жекѣ, и Кетти Кингъ имѣютъ право въ одинъ голосъ отвѣтить г. Полонскому: «позвольте, что вы намъ суете Мефистофеля? Мефистофель родился въ головѣ Гёте и служилъ его дѣлямъ. Наше происхожденіе и назначеніе — совсѣмъ другое. По Сенькѣ и шапка». Я, съ своей стороны, могу прибавить, что нельзя огуломъ называть шутами или невѣждами всѣхъ новѣйшихъ духовъ. Они даютъ иногда отвѣты очень дѣльные. Такъ, недавно одна дѣвица мнѣ разсказывала, что на одномъ спиритическомъ сеансѣ, гдѣ находилась и она, присутствующіе просили духа сказать имъ что нибудь отъ себя. Духъ отвѣчалъ: «вы—дураки».—Собраніе было нѣсколько изумлено и ажитировано такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ. Вѣроятно, въ надеждѣ, что духъ устыдится

своей грубости и поправится, оно шлетъ ему новый слѣдующій вопросъ: «почему вы даете намъ такое неелестное названіе?» — «Потому что вы занимаетесь глупостями» — отвѣчалъ духъ. Оба эти отвѣта нельзя не назвать вполне дѣльными, такъ что подъ ними не постыдился бы подписать своего имени и Мефистофель. Конечно, они очень рѣзки и грубы; Мефистофель тоже самое выразилъ бы иными словами съ обычнымъ ему остроуміемъ, меткостью и пикантностію, но сущность дѣла не въ формѣ выраженія.

Я долженъ, впрочемъ, сказать, что походъ, предпринятый противъ дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ, пока все еще не въ полномъ составѣ. Главный военачальникъ боевыхъ силъ во всѣхъ подобныхъ походахъ, г. Стасовъ, до сихъ поръ все не является на сцену. Оттого нѣтъ должной быстроты и союзности въ дѣйствіи, нѣтъ наскока и натиска въ нападеніи, даже батареи поставлены не на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ имъ быть надлежало бы. Такъ, мы не встрѣчали еще нигдѣ коллективно-литературнаго протеста противъ дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ — а таковой протестъ былъ бы рѣшительно необходимъ и даже во влеченіемъ московскихъ братьевъ Милеантовъ. Далѣе: никому до сихъ поръ не пришло на мысль, по образцу изслѣдованія о клеветѣ г. Тютрюмова на г. Верещагина, перенести изслѣдованіе о китайской дѣвицѣ Жекѣ въ предѣлы Китая и тамъ доподлинно дознать: таковая дѣвица была ли когда и гдѣ? какого она была сложения, темперамента, характера, нрава, чѣмъ занималась въ своей земной жизни? не была ли уже, во время своей земной жизни, увлечена идеями эмансипаціи? и т. п. Таковыя же свѣдѣнія слѣдовало бы собрать и о дѣвицѣ Кетти Кингъ.

Когда я дописывалъ эти строки, во мнѣ снова пришелъ Амфиногенъ Одеколовъ, уже успокоившійся. Я прочелъ ему, что написалъ. «Ну, что ты пишешь! началъ онъ снова волноваться. — Гёте, Гёте... да у насъ въ числѣ вѣрующихъ въ спиритизмъ есть также умы, достойные полного уваженія, и то, что ты пишешь, для нихъ будетъ просто оскорбительно». — Какіе же это, спросилъ я: — у васъ умы, достойные полного уваженія, и что я пишу оскорбительнаго для этихъ умовъ? — «Да вотъ г. Бутлеровъ и Вагнеръ, а оскорбляешь ты ихъ тѣмъ, что приверстыгаешь ко всѣмъ Сеньякамъ, для которыхъ годны какія угодно шапки». — Ну, ладно. А ты, усматривающій въ вѣрѣ въ дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ умъ Бутлерова и Вагнера, оскорбляешь Менделѣева — умъ тоже достойный, выражаясь твоими словами, полного уваженія и, однакожь, спиритизмъ отвергающій». — «Да Менделѣевъ — другое дѣло, возразилъ Одеколовъ: — онъ не занимался пристально спиритизмомъ и до времени можетъ его отвергать. Но Бутлеровъ и Вагнеръ тщательно изслѣдовали спиритизмъ. Какъ естествоиспытатели, привыкшіе къ самому точному наблюденію, не могутъ же они вѣрить всякому вздору». — «А, по твоему, кто-же болѣе способенъ къ духовидѣнію

и вѣрѣ въ духовъ? Классики что-ли?» — «Конечно, классики». — «Ну, ужъ извини братъ: вся родословная новѣйшаго спиритизма, т. е. сообщенія съ духами и загробнымъ міромъ, блещитъ именами преимущественно естествоиспытателей или, точнѣе сказать, людей, изучавшихъ естественныя науки и хорошо знакомыхъ съ ними. *Сведенборгъ*, первый духовидецъ начала прошлаго столѣтія, былъ замѣчательный естествоиспытатель, получившій самое солидное естественно-научное образованіе и сдѣлавшій много открытій и примѣненій въ разныхъ отрасляхъ естественныхъ наукъ; *Месмеръ*, изобрѣтатель месмеризма или животнаго магнетизма, надѣлавшаго тамъ много шума въ концѣ прошедшаго столѣтія, былъ докторъ медицины; распространителями сомнамбулизма или ясновидѣнія, игравшаго роль нынѣшняго спиритизма въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, были Густинъ Кернеръ — по образованію медикъ, а по профессіи практической врачъ, и Эшенмайеръ — профессоръ философіи и медицины въ тюбингенскомъ университетѣ и естествоиспытатель. Въ исторіи распространенія современнаго спиритизма въ Америкѣ, Германіи и т. д. дѣйствовало также точно много медиковъ и вообще людей, хорошо знакомыхъ съ естественными науками. Изъ этого ты видишь, что естествоиспытателямъ и, вообще, людямъ, знакомымъ съ естественными науками, не только не чуждо желаніе проникнуть въ область таинственнаго и чудеснаго, а, напротивъ, они болѣе къ этому наклонны, чѣмъ специалисты по другимъ отраслямъ наукъ. И, если всмотрѣться попристальнѣе въ характеръ ихъ специальности, то, пожалуй, и понять не трудно, почему многихъ изъ нихъ скорѣе, чѣмъ кого-нибудь, должна увлекать область духовъ. Но говорить объ этомъ было бы очень долго, да и нужды нѣтъ. Но изъ того, что я сказалъ, ты можешь понять, что въ моихъ словахъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для Бутлерова и Вагнера. Они могутъ быть прекрасными специалистами по своимъ наукамъ, прекрасными профессорами и имѣть слабую насчетъ міра духовъ, общую имъ со многими другими изслѣдователями по естественнымъ наукамъ. Скорѣе мои слова могутъ показаться неприятными для профессора Менделѣева, который, оставаясь на чисто научной почвѣ, счелъ, однакожь, для себя приличнымъ вступить въ состязаніе со спиритами, чѣмъ несомнѣнно далъ большую силу послѣднимъ, и, что бы онъ потомъ ни говорилъ о спиритизмѣ, этотъ одинъ шагъ его болѣе распространитъ спиритизмъ, чѣмъ могли бы распространить его совокупными самыми ревностными усиліями всѣ три главные представителя россійскаго спиритизма: Аксаковъ, Бутлеровъ и Вагнеръ».

Страстность отношенія, вообще — самый неудобный приемъ, коль скоро дѣло идетъ о борьбѣ съ разными новыми идеями, мнѣніями и т. п. Гоненія, преслѣдованія, публичныя — устныя и письменныя нападенія всегда служили и будутъ служить наилучшимъ средствомъ для пропаганды какихъ бы то ни было идей и мнѣній. Безчисленное множество религиозныхъ сектъ

политическихъ партій, философскихъ школъ переживали цѣлыя столѣтія, даже тысячелѣтія, благодаря единственно гоненіямъ, преслѣдованіямъ, страстной полемикѣ. Безъ этого, многія изъ нихъ не пережили бы и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а другія прошли бы и совсѣмъ незамѣченными.

Но страстность еще большее причиняетъ зло, когда она вторгается въ практическую жизнь, когда она касается отношеній политическихъ, социальныхъ, экономическихъ. Давая искусственную жизнь тому, что вовсе не имѣетъ права на жизнь, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, зачастую исторгаетъ и губитъ то, что обладаетъ богатыми жизненными элементами и, такимъ образомъ, совершенно извращаетъ нормальный ростъ и развитіе общества, истощая и расходуя его лучшія силы на образование и поддержку пустоцвѣтовъ. Въ этомъ заключается причина, что развитіе человѣчества идетъ не по прямой линіи, а зигзагами, и то, что въ извѣстное время считается прогрессомъ, въ послѣдствіи оказывается движениемъ боковымъ и даже прямо ретрограднымъ. Когда мы говоримъ о страстности, то разумѣемъ не страстность только, такъ сказать, тенденціозную, дѣйствующую по опредѣленной программѣ или плану, какова страстность политическихъ партій, религиозныхъ сектъ, а страстность всякаго увлеченія какой-нибудь новой идеей въ практическомъ ея прижненіи. Народъ и общество также самолюбивы, какъ и каждый отдѣльный человѣкъ. Они стремятся къ тому, чтобы ознаменовать себя какими-нибудь дѣлами и подвигами, оставить болѣе глубокіе слѣды своей дѣятельности въ исторіи, чѣмъ оставили ихъ предки. Вслѣдствіе этого, на проведеніе въ жизнь той или другой идеи, признанной по современнымъ понятіямъ великою или плодотворною, они обращаютъ свое исключительное вниманіе и на нее издерживаютъ всю свою энергію, забывая часто все остальное, забывая нерѣдко даже тѣ условія, при которыхъ означенная идея только и можетъ быть дѣйствительною въ жизни. Но современные понятія, въ особенности большинства общества, живущаго обыкновенно рутинною, не всегда могутъ служить надежнымъ мѣриломъ для оцѣнки величія и плодотворности идей. Случается, что проходитъ всего какихъ-нибудь 100, 50 и даже менѣе лѣтъ, и дѣла, которыя считались великими въ свое время, получаютъ совершенно другую оцѣнку въ новыхъ поколѣніяхъ, низводятся послѣдними иногда въ разрядъ дѣлъ сомнительнаго достоинства и даже вовсе ненужныхъ и вредныхъ или, сохраняя свою оцѣнку, оказываются, въ дѣйствительности, бесплодными, потому что были совершены безъ пріготовленія или соблюденія тѣхъ условій, которыя требовались для правильнаго ихъ исполненія, и, такимъ образомъ, все, надъ чѣмъ трудились прошедшія поколѣнія, признается ошибкой и, часто, ошибкой или вовсе неисправимой, или требующей многихъ десятковъ лѣтъ на исправленіе! А между тѣмъ, на эту ошибку положено было безчисленное множество лучшихъ силъ въ народѣ, потрачены

милліарды народныхъ капиталовъ, и все это, разумѣется, отразилось страшнымъ дефицитомъ въ народномъ благосостояніи сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Эти мысли намъ невольно пришли въ голову при перелистываніи небольшой брошюры: «*Историческіе и статистическіе очерки Тверской Губерніи*», изданной тверскимъ земствомъ¹. Авторъ этой брошюры, пользуясь экономическими замѣтками «Генеральнаго соображенія по Тверской Губерніи», составленнаго неизвѣстно кѣмъ въ 1784 году, сравниваетъ, на основаніи ихъ, состояніе Тверской Губерніи въ концѣ прошлаго вѣка съ нынѣшнимъ и приходитъ къ выводамъ, которые для людей, увѣренныхъ въ быстромъ ходѣ нашего прогресса, могутъ показаться совершенно невѣроятными. Оказывается... но что оказывается— пусть судить читатель самъ по нижеслѣдующимъ замѣткамъ, которыя мы возьмемъ изъ сравненія, сдѣланнаго авторомъ:

«Въ самыхъ населенныхъ и малоземельныхъ уѣздахъ (Тверской Губерніи)—говоритъ авторъ—во времена генеральнаго межеванія, на средняго крестьянина-работника приходилось пахатной земли болѣе десятины въ каждомъ изъ трехъ полей, а всего—болѣе трехъ десятинъ. О количествѣ сѣнокосныхъ угодій можно судить по тому, что крестьянская семья могла навапывать для себя отъ 300 до 400 пудовъ сѣна и содержать по 4 головы крупнаго скота и по 4 мелкаго. Только въ Осташковскомъ Уѣздѣ, по причинѣ неплодородія почвы и скудости сѣнокосовъ, скота крестьяне держали, среднимъ счетомъ, менше».

«Земледѣліе, во время генеральнаго межеванія, было главнымъ занятіемъ жителей Тверской Губерніи, которая, въ общей сложности уѣздовъ, повидимому, довольствовалась въ то время собственнымъ хлѣбомъ» (стр. 75).

Нынѣ «для продовольствія жителей Тверской Губерніи недостааетъ ежегодно среднимъ числомъ отъ 300,000 до 400,000 четвертей ржи» (стр. 78).

«О размѣрахъ скотоводства въ описываемое время можно судить по тому, что каждая крестьянская семья средней руки, состоявшая изъ двоихъ взрослыхъ и двоихъ малолѣтнихъ, имѣла по двѣ лошади, по двѣ коровы, по двѣ овцы, по 1 теленку, по 1 свиньѣ и по 10 курицъ. Только въ Осташковскомъ Уѣздѣ на крестьянскую семью приходилось скота нѣсколько меньше. Въ

¹ Авторъ этой брошюры почтенный нашъ сотрудникъ В. И. Покровскій давно уже работаетъ надъ составленіемъ статистическаго описанія Тверской Губерніи, по порученію тверскаго земства. У насъ есть въ рукахъ нѣсколько выпусковъ этого труда, и мы можемъ только пожалѣть о томъ, что земство печатаетъ этотъ трудъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а не издаетъ отдѣльными книгами для общаго свѣдѣнія и употребленія. Трудъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ, образцовый—и могъ бы служить для другихъ земствъ руководствомъ при собираніи и группировкѣ статистическихъ свѣдѣній. Автора можно упрекнуть только развѣ въ одномъ, что онъ задачу свою ставитъ слишкомъ широко, а не ограничиваетъ ближайшими земскими потребностями и цѣлями.

настоящее время, несмотря на увеличение населенія (въ послѣдніе 90 лѣтъ) въ полтора раза (въ 1783 году въ Тверской Губерніи насчитывалось 957,465 душъ обоюго пола; нынѣ считается 1,510,600 человекъ), количество скота едва достигаетъ цифры 1783 года» (78).

«Въ настоящее время (въ Тверской Губерніи), господствуютъ тѣ же отрасли труда, что и назадъ тому 90—100 лѣтъ. Какъ теперь, такъ и въ концѣ прошлаго столѣтія, наибольшее число рукъ въ губерніи занято было сельскимъ хозяйствомъ, производствомъ хлѣба, масла, мяса, льну, холста и прочихъ предметовъ земледѣльческаго и домашняго крестьянскаго производства. Сама торговля оптовая и розничная затрачивала въ тѣ времена, какъ и нынѣ, большую часть своихъ капиталовъ на закупъ и перепродажу сельскихъ земледѣльческихъ произведеній» (91).

«При значительномъ развитіи промысловъ, при удобствѣ путей сообщенія, при близости столичныхъ рынковъ, торговля не могла не достигъ въ Тверской Губерніи широкихъ размѣровъ: купеческое сословіе, въ описываемое время, было многочисленнѣе нынѣшняго. Торговые обороты всего купечества, состоявшаго изъ 5,604 семействъ, простирались до 3,306,609 руб., что составляетъ не менѣе 13.670,000 руб. серебр. на нынѣшніа деньги» (87).

«Внутренняя розничная торговля городовъ, обороты которой простирались до 1.382,671 (около трехъ съ половиной милліоновъ нынѣшней цѣнности денегъ), хотя и уступала внѣшней оптовой торговлѣ, оборачивавшей 2.057,813 руб. (болѣе 7 милліоновъ по нынѣшнему курсу), тѣмъ не менѣе, была весьма значительна и едва ли мало уступала нынѣшней» (91).

«Производство холста на продажу было, въ описываемое время, весьма значительно; сбытъ вполне обезпеченъ, цѣна, въ сравненіи съ нынѣшними деньгами, высокая. Взрослая работница-крестьянка могла спрядъ, выткать и выбѣлить до четырехъ холстовъ въ зиму, изъ которыхъ могла продать половину, т. е. 50 аршинъ за 3 р. 50 к. или, по крайней мѣрѣ, за 3 рубля. Слѣдовательно, аршинъ холста средняго достоинства, въ описываемое время, продавался по 7 к. и, во всякомъ случаѣ, не дешевле 6, а по нынѣшнему курсу — 21 к. Такимъ образомъ, трудъ пряхъ и ткачихъ вознаграждался, по крайней мѣрѣ, вдвое лучше, чѣмъ нынѣ. Въ настоящее время, цѣна хорошему крестьянскому холсту 10 к. аршинъ. Тверская Губернія производила, въ описываемое время, до 25 милліоновъ холста «всякихъ рукъ». Половину этого количества потребляли сами производительницы холста и ихъ семейства, одну десятую часть могли истреблять города, а десять милліоновъ аршинъ ежегодно отправлялось за предѣлы губерніи. Стоимость этого отпуска, на основаніи предвѣдущихъ расчетовъ, можно опредѣлить въ 6.000,000 руб., что на наши нынѣшніа деньги составить 12.100,000 р. сер. Нынѣшній ежегодный отпускъ холста изъ Тверской Губерніи достигаетъ

16 милліоновъ аршинъ, въ томъ числѣ, около двухъ третей мѣшечнаго холста» (81).

«Большинство фабричныхъ и заводскихъ произведеній, выдѣлывавшіяся въ тѣ времена (въ Тверской Губерніи), выдѣлываются и нынѣ. Разница замѣтна лишь въ томъ, что полотняныя фабрики уступили мѣсто бумагопрядильнымъ и бумаготкацкимъ, въ значительной степени упалъ извозный промыселъ, какъ сухопутный гужевой, такъ и судоходный, уступивъ часть своихъ рабочихъ фабрикамъ и заводамъ; число отхожихъ промышленниковъ, особенно отхожихъ чернорабочихъ, увеличилось, увеличилось и число рабочихъ, вовсе оставляющихъ земледѣліе. Фабричное и заводское дѣло развилось въ значительной степени, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, множество женщинъ и малолѣтнихъ оторваны отъ семейнаго очага и превратились въ фабричныхъ рабочихъ. Между отхожими чернорабочими, въ настоящее время, весьма много несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, чего не было назадъ тому 90—100 лѣтъ, судя по имѣющимся даннымъ».

«Обороты торговли купечества Тверской Губерніи, какъ мы видѣли, развѣ малымъ, чѣмъ уступали нынѣшнимъ. Только одна отрасль торговли была менѣ значительна, а именно—водочновинная. Кабаковъ было гораздо меньше, а о такихъ громадныхъ винныхъ и водочныхъ складахъ, какіе нынѣ существуютъ во всѣхъ, особенно въ большихъ городахъ Тверской Губерніи, наши предки второй половины XVIII столѣтія не имѣли понятія. Во всей Тверской Губерніи насчитывалось тогда всего 235 питейныхъ домовъ (въ городахъ 102, въ уѣздахъ 133), т. е. ровно въ двадцать разъ меньше, чѣмъ такихъ заведеній было въ 1864 году, и слишкомъ въ десять разъ меньше, чѣмъ въ 1874 году. Вина и водокъ ежегодно истреблялось въ Тверской Губерніи, въ описываемое время, 100,000 ведеръ, между тѣмъ какъ нынѣ—не менѣе 1.100,000 ведеръ» (92).

Вотъ въ какомъ видѣ является экономическое преуспѣяніе въ Тверской Губерніи въ теченіи почти столѣтія!

Еслибы такое же сравненіе нынѣшняго состоянія крестьянскаго населенія съ бывшимъ въ концѣ прошлаго вѣка, какое сдѣлано въ Тверской Губерніи, сдѣлать и по другимъ губерніямъ, то, я увѣренъ, что и въ послѣднихъ оказалось бы тоже самое. Навѣрное, и въ нихъ у крестьянъ земли стало меньше, сѣнокосныхъ угодій у многихъ вовсе нѣтъ, скота убыло, можетъ быть, на половину, несмотря на столѣтній почти приростъ населенія; многіе крестьянскіе заработки прибраны къ рукамъ разными акціонерными компаніями, а крестьяне, жившіе ими, пущены шататься бездомными батраками по всему лицу русской земли; многія мелкія крестьянскія производства подорваны или совсѣмъ уничтожены фабриками и заводами, разрабатывающими, часто во вредъ мѣстной производительности, вмѣсто мѣстныхъ матеріаловъ, привезенные изъ Америки и другихъ далекихъ мѣстъ и вносящими, вмѣстѣ съ нищетою, болѣзнями, развратъ

въ крестьянскую семью и т. п.; вообще, крестьянское благосостояніе уменьшилось вдвое, а по мѣстамъ, можетъ быть, и втрое противъ конца прошедшаго столѣтія. Между тѣмъ, если мы, оставляя безъ вниманія положеніе массъ, будемъ разсматривать только, такъ сказать, парадный ходъ нашей исторіи, то въ какомъ блестящемъ видѣ представится намъ наше движеніе въ это время! Посмотрите, какъ широко раздвинулись въ это время границы нашего государства! Какимъ блескомъ покрыла себя наша армія въ войнахъ съ турками, съ Наполеономъ! Какое внушительное положеніе заняла Россія во внѣшней европейской политикѣ! Потому, какъ за это время развились просвѣщеніе въ Россіи! Сколько, со времени новой организаціи системы народнаго образованія при Александрѣ I, основано низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и даже университетовъ! Какъ развилась и выросла русская литература! Какъ распространились въ образованномъ обществѣ гуманныя и либеральныя идеи XVIII вѣка! Казалось бы, все это такъ прекрасно, что лучше и желать ничего нельзя для народнаго благосостоянія! И расширеніе границъ государства, и политическая сила Россіи, и распространеніе просвѣщенія, и зрѣлость литературы, и гуманныя и либеральныя идеи — все это должно было бы способствовать сильному увеличенію народнаго благосостоянія. А между тѣмъ, на дѣлѣ вышло совсѣмъ противоположное. Главная причина такой дисгармоніи парадной исторіи съ внутреннимъ состояніемъ народа заключается несомнѣнно въ долго тяготѣвшемъ надъ послѣднимъ вѣрвѣстномъ правѣ. Теперь, когда этотъ гнѣтъ съ народа свергнуть, надобно ожидать, что будетъ постепенно расти и увеличиваться и внутреннее благосостояніе народа, если только будетъ постоянная и искренняя забота о томъ, чтобы духъ реформъ нынѣшняго царствованія получилъ полное и всестороннее примѣненіе въ жизни. До сихъ поръ прежде время еще сильно тяготѣетъ надъ народомъ не только въ своемъ многообразномъ невидимомъ вліяніи, но и въ остающихся старыхъ порядкахъ. Такъ податная система до сихъ поръ остается все въ прежнемъ видѣ, т. е. всею своею тяжестью падаетъ исключительно на податныя сословія какъ въ прямыхъ налогахъ, такъ и въ косвенныхъ. Изъ послѣднихъ одни акцизные сборы возросли до страшной суммы—200,000,000 р. въ годъ!

Цифра эта такъ краснорѣчива и внушительна, что, при разсмотрѣніи государственной росписи на 1876 г. въ государственномъ совѣтѣ, обратила на себя, по извѣстію, сообщаемому «Русскимъ Міромъ», вниманіе членовъ государственнаго совѣта. Впрочемъ, прибавляетъ эта газета, «замѣчанія по этому предмету были предложены не въ формѣ какого нибудь обдуманнаго и выработаннаго плана преобразованія системы, по поводу котораго могла бы быть принята какая нибудь важная правительственная мѣра, а скорѣе въ видѣ сѣтованія на такой фактъ».

Оно—по правдѣ сказать—трудно и придумать какой нибудь

планъ преобразованія системы при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится у насъ вопросъ о водочномъ налогѣ. Съ одной стороны, всѣ сознаютъ—да и не сознавать этого нельзя—что пьянство есть величайшее зло для страны, что оно разоряетъ крестьянъ, уничтожаетъ въ нихъ любовь къ труду, руинируетъ въ концѣ ихъ хозяйства, что принять мѣры къ ограниченію пьянства необходимо немедленно. Но съ другой стороны—какъ принять эти мѣры? Болѣе трети ежегоднаго бюджета покрывается налогомъ на потребление водки. Если этотъ налогъ будетъ давать на половину менѣе, чѣмъ сколько онъ даетъ теперь, то чѣмъ покрыть этотъ дефицитъ? Понятно, что послѣднимъ обстоятельствомъ болѣе всѣхъ озабоченъ министръ финансовъ. На немъ лежитъ прямая обязанность прискаты источники для покрытія того дефицита, который долженъ будетъ образоваться изъ уменьшенія пьянства. Но гдѣ онъ можетъ найти такой чудодѣйственный источникъ, который давалъ бы въ годъ, примѣрно, сто милліоновъ золота? Министръ финансовъ, какъ человѣкъ, можетъ желать уменьшенія пьянства болѣе, чѣмъ ктонибудь въ Россіи, но, какъ министръ финансовъ, онъ не можетъ согласиться на это, пока не будутъ ему указаны источники, изъ которыхъ могъ бы быть пополненъ дефицитъ, долженствующій образоваться отъ уменьшенія пьянства. Укажите ему такой источникъ...

На этомъ пунктѣ съ незапамятныхъ временъ вертится у насъ вопросъ объ уменьшеніи пьянства. Говорятъ, еще министръ финансовъ Канкринъ, когда отъ него требовали уменьшенія числа кабаковъ, въ видахъ охраненія народной нравственности, сухо отвѣчалъ, что обязанность его, какъ министра финансовъ, заботиться не о нравственности народа, а о пропитаніи арміи, а «каждый кабакъ прокармливаетъ у него батальонъ войска». Приблизительно такіе же отвѣты давали, вѣроятно, и послѣдующіе министры финансовъ того времени, когда случайно поднимался вопросъ объ уменьшеніи пьянства, а возбудители подобнаго вопроса на этомъ и успокоивались. Но съ того времени много утекло воды. Благодаря реформамъ, общество лицомъ къ лицу стало съ этимъ вопросомъ; онъ сдѣлался теперь не случайнымъ, а постояннымъ и съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельнымъ.

Кромѣ государственнаго министра финансовъ всероссійскаго, теперь есть множество другихъ министровъ финансовъ, частныхъ, вѣдающихъ финансы не государства, а того или другаго общества и избираемыхъ для этой цѣли самими обществами. Интересъ ихъ, какъ и министра финансовъ, состоитъ также въ томъ, чтобы всѣ сборы, назначаемые на годовую бюджетъ ихъ обществъ, поступали полностью, безъ всякихъ недоимокъ. Но взглядъ ихъ на поступающіе къ нимъ рубли совершенно различенъ отъ взгляда министра финансовъ. Министру финансовъ все равно, откуда бы рубль къ нему ни пришелъ—ему нужно только, чтобы онъ пришелъ и чтобы все предназначенное государ-

ственным росписью количество рублей на известный годъ къ нему непременно поступило. Въ самые источники рублей онъ не заглядываетъ: онъ знаетъ, что въ законѣ опредѣлены эти источники, что изъ нихъ ежегодно поступало нужное количество рублей; изъ этого онъ не безъ основанія заключаетъ, что таковое и на будущее время поступать будетъ. Затѣмъ, чистъ ли этотъ источникъ или нѣтъ, на столько ли богатъ, чтобы никогда не могъ истощиться—входить въ эти вопросы онъ не считаетъ себя обязаннымъ. Частные министры финансовъ, завѣдывающіе финансами земскихъ и городскихъ обществъ, смотрятъ на поступающіе къ нимъ рубли и должны смотрѣть совершенно съ другой точки зрѣнія. Для нихъ важно не только то, чтобы назначенный на тотъ и на другой годъ рубль поступилъ, но чтобы и источникъ, изъ котораго онъ поступилъ, съ одной стороны, нисколько этимъ не ослабился и былъ въ состояніи давать такіе же рубли ежегодно на будущее время, а съ другой—чтобы онъ, этотъ источникъ, имѣлъ свое начало въ возбужденіи и развитіи добрыхъ инстинктовъ и качествъ общества, а не въ деморализаціи его. Понятно, что, чѣмъ ближе городскія и земскія самоуправленія знакомятся съ своимъ дѣломъ, тѣмъ годъ отъ году имъ становится ненавистнѣе источникъ дохода, основанный на умноженіи числа кабаковъ или, что тоже, на увеличеніи развращенія въ народѣ и его раззореніи—источникъ, который, въ концѣ-концовъ, долженъ неизбѣжно привести къ банкротству какъ государственную казну, такъ и общественныя кассы.

Нынѣ нѣсколько земствъ входили уже съ ходатайствомъ объ ограниченіи числа питейныхъ домовъ. На это министерство финансовъ отозвалось, что «по существующимъ общимъ правиламъ о питейной торговлѣ, число мѣстъ продажъ крѣпкихъ напитковъ не опредѣлено (ст. 6 уст. о пит. сб.), что исключеніе сдѣлано лишь для С.-Петербургской Губерніи и городовъ Москвы и Одессы, гдѣ, согласно высочайше утвержденному 16-го іюня 1873 года мнѣнію государственнаго совѣта и 26-го января 1874 года положенію комитета министровъ, вводятся въ видѣ опыта, на три года, особыя правила о питейной торговлѣ, что, слѣдовательно, ходатайства земскихъ собраний могли бы быть удовлетворены не ранѣе, какъ по проверкѣ означенныхъ правилъ на опытѣ. Съ своей стороны, министерство внутреннихъ дѣлъ, «имѣя въ виду, что предположенія земскихъ собраний вызваны стремленіемъ ограничить по возможности торговлю крѣпкими напитками съ цѣлью уменьшенія пьянства, не могло не признать ихъ заслуживающими полнаго уваженія; однако, также нашло не вполне удобнымъ разрѣшать отдѣльно возникающія ходатайства земскихъ собраний впредь до истеченія срока и выясненія результатовъ означенныхъ временныхъ правилъ».

Понятно, что ни министерство финансовъ, ни министерство внутреннихъ дѣлъ не могло иначе отвѣчать на просьбу земствъ, какъ

отказомъ. Но мнѣ кажется, что здѣсь прямая и откровенная форма отвѣта была бы болѣе умѣста. Земства болѣе были бы удовлетворены, еслибы имъ прямо было объяснено, что винный налогъ даетъ столько-то доходу, безъ котораго государственный бюджетъ обойтись не можетъ, что, впрочемъ, само министерство не имѣетъ ничего противъ уменьшенія и даже уничтоженія кабаковъ и готово предоставить распоряженіе этимъ въ полную волю земствъ, если только послѣднія укажутъ источникъ, изъ котораго можно надѣяться покрыть дефицитъ, который можетъ образоваться отъ уменьшенія числа кабаковъ. Изъ такого прямого отвѣта, хотя въ немъ содержится также отказъ, земства увидѣли бы, что на нихъ смотреть не какъ на дѣтей, а какъ на людей взрослыхъ, которымъ объясняютъ откровенно трудность дѣла и говорятъ, что, если можете придумать что нибудь для устраненія трудности, придумывайте; будете дѣйствовать вмѣстѣ, сообща. Теперь въ отвѣтѣ министерства финансовъ, собственно говоря, рѣшительнаго ничего нѣтъ, ибо изъ того, что въ законѣ число мѣстъ продажи крепкихъ напитковъ не опредѣлено, прямо слѣдуетъ, что ихъ можно имѣть сколько признается нужнымъ и полезнымъ, и совсѣмъ не слѣдуетъ того, чтобы нельзя было ограничивать ихъ числа, а между тѣмъ, на основаніи этого, министерство отказывается земствамъ въ просьбѣ. Очевидно, что мотивъ для отказа чисто фивтивный, который можетъ поставить въ недоумѣніе земства насчетъ истиннаго взгляда министерства на систему нынѣшняго виннаго налога и причинить затрудненія самому же министерству; ибо, прикрывая отказъ въ просьбѣ земствъ мотивомъ вовсе нерезоннымъ, министерство даетъ видъ, что оно точно привязано само къ этой системѣ, желаетъ ея продолженія и старается удержать ее во что бы то ни стало.

Отъ такой тактики министерства финансовъ уже и успѣли явиться недоумѣнія и затрудненія по тому же самому предмету въ городскихъ самоуправленіяхъ. Здѣсь вопросъ о томъ, что городскія самоуправленія или думы имѣютъ полное право на опредѣленіе мѣстъ для питейныхъ заведеній на землѣ города, на ограниченіе ихъ числа и воспрещеніе частнымъ лицамъ производить питейную торговлю на ихъ собственныхъ земляхъ, былъ вполне ясно и точно разрѣшенъ сенатомъ, по поводу нѣсколькихъ восходившихъ на его разсмотрѣніе дѣлъ, именно—по отрицанію подобнаго права у думъ. Вслѣдствіе такого разъясненія сената, многіе города могли сильно сократить число питейныхъ заведеній, а такое сокращеніе могло отозваться значительнымъ дефицитомъ въ цифрѣ виннаго налога. Тѣмъ не менѣе, противъ разъясненія сената, вполне правильнаго, возражать было ничего нельзя, и городскимъ самоуправленіямъ можно было, не отрицая ихъ правъ на сокращеніе числа питейныхъ заведеній, развѣ только предложить, въ административномъ порядкѣ, имѣть въ виду, чтобы сокращеніе это производилось постепенно и умѣренно, не

причина слишком сильных и чувствительных колебаний в сумм поступавшего в казну винного дохода. Мы совершенно уверены, что такое предложение всеми городами было бы принято к сведению и, по возможности, исполнено. Но министерство финансов пошло особенным путем. Циркуляром министра финансов, опубликованным в № 220 «Правительственного Вѣстника» прошедшаго года, управляющим акцизными сборами было предписано «сдѣлать распоряженіе о невыдачѣ на будущій годъ патентовъ на питейную продажу вѣ тѣхъ городахъ, вѣ коихъ продажа сія будетъ предоставлена исключительно на городскихъ земляхъ, или вѣ коихъ думами будетъ назначено опредѣленное число питейныхъ заведеній». Такое распоряженіе министерства финансовъ, должно было произвести раздраженіе вѣ городскихъ самоуправленияхъ; они не могли понять его иначе, какъ посягательство на ихъ законныя права, а это, естественно, должно было повести совершенно кѣ другому результату, тѣмъ какаго ожидало министерство; такъ, по крайней мѣрѣ, случилось вѣ Самарѣ. Еще наканунѣ полученія помянутаго циркуляра министра финансовъ, «самарская дума, вѣ виду широко развившагося народнаго разгула и тѣхъ безобразій, каковыя представляютъ изъ себя кабаки, постановила: число питейныхъ заведеній вѣ городѣ Самарѣ, вѣ 1876 году, допустить вмѣсто 159 только 28, примѣрно — по одному питейному заведенію на 2,000 жителей, распредѣливъ ихъ, пропорціонально числу населенія, по частямъ города на извѣстныхъ пунктахъ и, притомъ, на земляхъ, принадлежащихъ городскому общественному управленію, съ тѣмъ, чтобы мѣста эти были отданы подѣ питейныя заведенія вѣ аренду съ торговъ». По полученіи циркуляра министра финансовъ, дума, вѣ одно изъ послѣдующихъ засѣданій, находя циркуляръ этотъ нарушающимъ права города, рѣшило «обжаловать распоряженіе министра финансовъ правительствующему сенату». Но не успѣла еще дума привести этого постановленія вѣ исполненіе, какъ получила примиряющій циркуляръ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, вѣ которомъ разъяснялось, что «плата вѣ пользу города должна вѣзваться только за пользованіе мѣстомъ», принадлежащимъ городу и уступленнымъ частному лицу, но отнюдь не за право производства во ввѣтыхъ отъ города помѣщеніяхъ питейной торговли, иначе постановленія и приговоры городскихъ общественныхъ управленій должны быть признаны безусловно противозаконными, и патенты на производство продажи питей вѣ такихъ помѣщеніяхъ, согласно разъясненію министра финансовъ, распубликованному вѣ № 220 «Правительственного Вѣстника», не должны быть выдаваемы». Хотя изтолковавъ такимъ образомъ циркуляръ министра финансовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, сверхъ того, объяснилъ, что, на основаніи указа сената, думѣ принадлежитъ полное право опредѣлять и число питейныхъ заведеній вѣ городѣ, тѣмъ не менѣе, недоумѣнія городской думы и примиряющимъ циркуляромъ ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ не были разсѣяны: въ ней образовались двѣ партіи — *кабачниковъ* и *анти-кабачниковъ*. Гласные-кабачники твердо стояли на буквальныймъ смыслѣ циркуляра министра финансовъ и утверждали, что городъ не имѣетъ право ограничивать число питейныхъ заведеній. Гласные анти-кабачники, напротивъ, держались того истиннаго смысла, который открытъ былъ въ циркулярѣ министра финансовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и требовали сокращенія числа кабаковъ. По счастью, въ числѣ гласныхъ самарской думы кабачниковъ оказалось менѣе, чѣмъ анти-кабачниковъ; потому дума, согласно заключенію комиссіи, учрежденной по разработкѣ вопроса о питейныхъ заведеніяхъ, постановила: «разрѣшить къ открытію въ будущемъ году только 28 питейныхъ заведеній и назначить для этого мѣста, принадлежащія городу, съ тѣмъ, чтобы они сданы были въ аренду кабацникамъ съ торговъ» («Голосъ», № 4).

Такимъ образомъ, анти-кабачники восторжествовали. Но торжество ихъ было очень непродолжительно.

Въ то время, когда въ городскихъ думахъ происходили описываемыя нами волненія, въ государственномъ совѣтѣ разсматривались уже новыя правила о порядкѣ разрѣшенія мѣстъ питейной продажи въ городахъ. Наконецъ, 1 января нынѣшняго года, состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по этому предмету, которое недавно и опубликовано въ особомъ циркулярѣ министра финансовъ управляющимъ акцизными сборами разъясняющемъ для послѣднихъ образъ дѣйствій на основаніи означеннаго мнѣнія государственнаго совѣта.

Такъ какъ циркуляръ этотъ, въ совокупности съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, занялъ бы много мѣста и, пожалуй, не для всѣхъ читателей былъ бы удобовразумителенъ, то мы передадимъ здѣсь кратко сущность новыхъ правилъ, содержащихся въ мнѣніи государственнаго совѣта и циркулярѣ министра финансовъ.

По новымъ правиламъ, думы имѣютъ право составлять только *предположенія* относительно мѣстъ раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ въ городахъ. Предположеніе это *представляется* губернскому присутствію по городскимъ дѣламъ, въ составъ котораго, по дѣламъ этого рода, приглашается, съ правомъ голоса, управляющій акцизными сборами, и получаютъ силу *только* по утвержденіи присутствіемъ.

Еслибы, однако-жь, губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, большинствомъ голосовъ, утвердило предположеніе думы, но съ этимъ не согласился бы управляющій акцизными сборами, то какъ онъ, такъ и предсѣдатель казенной палаты, просятъ пріостановить приведеніе такихъ постановленій въ исполненіе, сами же обжаловываютъ ихъ правительствующему сенату. Выдача патентовъ на спорныя мѣста питейной продажи пріостанавливается впредь до разрѣшенія дѣла по этому обжалованію правительствующимъ сенатомъ.

Правила эти изданы, какъ сказано въ мѣнѣнн государственнаго совѣта, временно, впредь до разрѣшенія общаго вопроса объ ограниченіи числа питейныхъ заведеній. Иначе, оно и представить трудно. Ибо этими правилами у городского населенія, облеченнаго высочайше дарованнымъ правомъ самоуправленія, отнимается право имѣть для себя такое количество питейныхъ домовъ, какое оно пожелаетъ и найдетъ нужнымъ, безъ согласія на то управляющаго авцизными сборами! Тутъ мало походяго на самоуправленіе.

Вообще, вся эта *винная* исторія, о которой мы рассказали, исторія недоразумѣній, пререкавій, волненій, производитъ очень прискорбное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе прискорбное, что она случилась безъ всякой нужды, что, при другихъ пріемахъ дѣйствія ничего этого не только могло бы не быть, а вовсе не могло бы быть. Вся наша бѣда во многихъ случаяхъ происходитъ оттого, что канцеляріи нашихъ министерствъ до сихъ поръ не успѣли освободиться отъ прежней рутинѣ. Прежде, «канцелярская тайна» лежала въ основаніи сношеній министерствъ съ мѣстами низшими ихъ — потому было въ модѣ скрывать истинныя причины того или другого отказа и мотивировать отказъ чисто фиветивными соображеніями, часто несимѣвшими ровню никакого отношенія къ истиннымъ причинамъ отказа и, въ сущности, нисколько не резонными. Канцеляріи министерствъ щеголяли другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи подобныхъ фиветивныхъ, мало относящихся къ дѣлу мотивовъ, и министерская бумага считалась тѣмъ тоньше и умнѣе, чѣмъ болѣе обрѣталось въ ней разныхъ эквивовъ по части мотивовъ. Само собою разумѣется, что подобная практика могла развиваться и существовать только при той несомнѣнной увѣренности, что низшее мѣсто не осмѣлится сдѣлать никакого запроса насчетъ эквивовъ въ мотивахъ — напротивъ, будетъ удивляться ихъ ухищренности, какъ нѣкоей мудрости. Болѣею частію, оно такъ, пожалуй, и бывало... Но теперь наступило другое время. Нынѣ общества также призваны къ дѣятельности въ управленіи дѣлами мѣстными, и въ томъ, что касается этихъ дѣлъ, съ ними нельзя говорить эквивоками. Тутъ они полноправные господа, и отказъ имъ можно чинить только на точномъ основаніи законовъ. Иначе министерства могутъ быть твердо увѣрены, что дѣло безъ недовольства не обойдется. И мы думаемъ, что министерства должны радоваться, когда, въ случаѣ ихъ неправильныхъ распоряженій, возникаютъ протесты. Протесты эти свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ ростѣ общества, о томъ, что общество становится на почву уваженія къ закону, что не можетъ не быть пріятно каждому министерству. Поэтому мы не можемъ не отнести къ привычкамъ стараго времени притязаній тѣхъ министерствъ, которые, въ случаѣ возраженій въ печати на какія-нибудь ихъ распоряженія, жалуются, что печать мѣшаетъ имъ дѣлать дѣло, или, въ случаѣ резоннаго протеста низшихъ мѣстъ, придумываютъ временныя правила въ обходъ закона.

Обращаясь, затѣмъ, къ системѣ существующаго нынѣ виннаго налога, мнѣ кажется, нельзя не признать, что принятая нынѣ акцизная система оказывается также неудовлетворительною, какъ и бывшая откупная. Какъ и откупная, она также основывается на постоянномъ увеличеніи кабаковъ, слѣдовательно, на увеличеніи развращенія и раззоренія въ народѣ. Пока будетъ существовать эта система, министерство всегда будетъ находиться въ ложномъ положеніи по отношенію къ своей дѣйствительной миссіи — къ увечиченію благосостоянія народнаго: оно всегда будетъ тревожно смотрѣть на уменьшеніе числа кабаковъ, ибо таковое уменьшеніе будетъ всегда угрожать дефицитомъ въ государственномъ бюджетѣ... Мнѣ кажется, единственное средство выйдти изъ этого сколько неприятнаго, столько же и недостойнаго положенія, не потрясая при этомъ государственнаго бюджета — это: 1) консолидировать сборъ съ виннаго налога въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ получается теперь, навсегда и уплату его, соразмѣрно теперешнему расходу вина въ каждой губерніи, возложить на губернскія земства по принадлежности; 2) за это губернскимъ земствамъ, каждому въ своемъ районѣ, предоставить право разрѣшенія винныхъ заводовъ, мѣстъ для продажи вина и т. п. и полученія всѣхъ пошлинъ и сборовъ, получаемыхъ нынѣ за это государствомъ; 3) наконецъ, казенное акцизное управленіе совершенно уничтожить.

Въ заключеніе, не могу не занести въ мое обозрѣніе одинъ крупный фактъ изъ нашей жизни, которому, я не сомнѣваюсь, порадаются все мои читатели. Я разумѣю пожертвованіе однимъ изъ нашихъ молодыхъ адвокатовъ, г. Боровиковскимъ, въ пользу бѣдныхъ студентовъ университета 5,000 руб. сер., полученныхъ имъ въ началѣ прошлаго года въ гонораръ за ходатайство объ освобожденіи Овсянникова изъ предварительнаго заключенія, которому послѣдній былъ подвергнутъ судебнымъ слѣдователемъ. Я называю этотъ фактъ крупнымъ, конечно, не по цифрѣ пожертвованія, а по его моральному значенію. До сихъ поръ, многіе изъ адвокатовъ, по ошибкѣ или сознательно, брались за дѣла неподобающія и совсѣмъ грязныя; но никто изъ нихъ такъ откровенно и искренно не сознавался въ своей ошибкѣ или простукѣ. Подобное сознание требуетъ не только внутренняго самоотверженія, но и большаго самообладанія надъ собою. Можетъ быть, еще немало найдется людей, которые согласятся втихомолку сознаться въ своей ошибкѣ или простукѣ и даже деньги возвратитъ; но публично сказать: да, я сдѣлалъ ошибку или проступокъ и возвращаю все, что взялъ — на такое мужество способны очень немногія натуры. Вотъ почему нельзя не порадоваться появленію ихъ въ молодой адвокатурѣ. Оно даетъ намъ надежду, что институтъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ, который у насъ *нерасцветалъ и отцвѣталъ*, можетъ еще обновиться подъ вліяніемъ молодыхъ силъ въ адвокатурѣ и сдѣлаться достойнымъ своей высокой миссіи.

Понятно, что благородный поступокъ г. Боровиковскаго долженъ былъ произвести сильную сенсацию и броженіе въ подонкахъ адвокатскаго міра. Какъ, въ самомъ дѣлѣ!

Они стеклися для стяжаній!

Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець!

И вдругъ среди нихъ является человѣкъ, который начинаетъ разбирать: какое стяжаніе ему попало въ руку—праведное или неправедное? Но развѣ песь, которому попало въ ротъ масло, разбираетъ: чье это масло и праведно или неправедно оно попало ему въ ротъ?

Но чтѣ же, однако, было дѣлать съ г. Боровиковскимъ? Онъ—человѣкъ свободный, въ правѣ распорядиться своимъ добромъ, какъ онъ хочетъ, нельзя его насильно заставить держаться принципа псовъ.

Рѣшено было, слѣдуя совѣту одного мудраго стряпчаго, изображеннаго Щедринымъ: *принять* г. Боровиковскаго *сквозь строй* *жизненныхъ обстоятельствъ*.

Вслѣдствіе этого, вдругъ въ газетахъ является слухъ, яко бы студенты университета, въ пользу которыхъ г. Боровиковскій пожертвовалъ свой гонораръ, не хотятъ принимать его денегъ. Признаемся, что клеветы на студентовъ болѣе позорной намъ никогда не случилось еще слышать. Какъ! Чтобы молодое поколѣніе могло, не говоримъ, отвергнуть, а даже несочувственно отнестись къ человѣку, который не только идетъ къ нему на помощь съ порядочною суммою вполне *закономно* приобретенныхъ денегъ, но у котораго самымъ мотивомъ къ пожертвованію является одно изъ прекраснѣйшихъ движеній человѣческой души, — движеній, которыя для каждаго молодого сердца не могутъ не быть дороги, — нѣтъ, мы никакъ не можемъ этому вѣрить! Мы удивляемся одному: какъ студенты, еще недавно протестовавшіе противъ оскорбительнаго для нихъ, появившагося въ газетахъ объявленія, будто какой-то студентъ ищетъ занятій у старой женщины, не протестовали еще съ болѣею энергіею противъ пущеннаго объ нихъ слуха, о которомъ мы говоримъ, сравнительно, безконечно болѣе ихъ позорящаго, чѣмъ помянутое объявленіе?

Далѣе: въ газетахъ же пущенъ былъ слухъ, что на общемъ собраніи общества въ пользу нуждающихся студентовъ нѣкоторые члены намѣрены поднять вопросъ о деньгахъ, пожертвованныхъ г. Боровиковскимъ. Неизвѣстно, въ видѣ ли утеи только былъ пущенъ этотъ слухъ, или дѣйствительно предполагалось сдѣлать нѣчто подобное... Въ числѣ членовъ общества для нуждающихся студентовъ есть и подонки адвокатскаго міра, ихъ кумовья, друзья... Очень возможно, что кто-нибудь изъ нихъ съ-дуру и думалъ сотворить подобный скандалъ. Въ такомъ случаѣ, очень жаль, что г. Боровиковскій отправленіемъ своего пожертвованія въ личное распоряженіе ректора университета, а не общества для нуждающихся студентовъ, устранилъ эту возможность. Было

бы желательно знать и сдѣлать приснопамятными имена вожаковъ той гнусной тли нашего нравственнаго міра, которая сокровенно для всѣхъ подтачиваетъ лучшія движенія и начинанія нашего общества...

Теперь представителемъ этой тли является только редакторъ нѣкоторой газеты. Но съ этимъ редакторомъ, который въ дѣлѣ Овсянникова разыгрывалъ роль вавилонской блудницы, публично зазывая его въ свои объятія, какъ-то разговаривать даже со вѣстно...

ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.

(ФАНТАЗИЯ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ВОСПОМИНАНІЯ, ПРЕДСКАЗАНІЯ).

I.

— Пиши—легче будетъ, говорила мнѣ любимая женщина, передъ которой я раскрылъ свою душу.

Я долго боролся противъ этой односторонней, эгоистической силы женской логики. Я очень хорошо понималъ, что, по отношенію ко мнѣ, совѣтъ прекрасенъ. *Getheilte Schmerz ist halber Schmerz*. Да, не зачѣмъ, впрочемъ, и дѣлать кого-нибудь участникомъ своей скорби. Достаточно дать какой-нибудь исходъ собственной внутренней жизни, чтобы она не сбивалась тамъ, въ груди, въ головѣ, въ плотную, тяжелую кучу, которая дышать мѣшаетъ. Еслибы я былъ птицей, я бы все пѣсни пѣлъ. Я думаю, она, птица-то, оттого и весела такъ, что можетъ все «выпѣть». А у человѣка, особенно не говорливаго, каковъ я, образуется постоянно какой-то душевный отстой всего пережитаго, и, какъ поднимется въ этомъ отстой броженіе — жить становится изъ рукъ вонъ душно. Писательство, конечно — исходъ чудесный. Блеснула мысль, загорѣлось чувство — кладу сейчасъ на бумагу. Это, вѣдь, все равно, что форточку отворить и трубу открыть, дать постоянное теченіе и обновленіе застоившемуся въ комнатѣ воздуху. Чего-жъ лучше? Но, вопервыхъ, странно, а вовторыхъ, совѣстно. Слыхалъ я, что въ старыя годы къ писательству приступали какъ къ нѣкоторому священнодѣйствию, съ трепетомъ, а нынѣ, будто бы, начинающіе писатели «осмѣлились». Не знаю, какъ, вообще, а мнѣ, право, страшно. Всѣ писатели представляются мнѣ людьми высокаго роста, съ гордыми орлиными но-

сами, «съ печатью думы на челѣ» или съ какимъ-нибудь клеймомъ возвышеннаго вдохновенія. Оттого-то они такъ важны, щекотливы и знаютъ себѣ цѣну. Вотъ, напримѣръ, г. Тургеневъ. Онъ въ первой книжкѣ «Вѣстника Европы» за нынѣшній годъ съ разу два раза заявилъ, что у него гордый орлиный носъ, необыкновенно и, конечно, правомѣрно чуткій ко всему, что относится до твореній обладателя носа. Въ примѣчаніи къ разказу «Часы» г. Тургеневъ заявляетъ, что онъ предлагаетъ публикѣ, конечно, хорошенькую, но все-таки бездѣлку, которую отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ ожидаемымъ всею Россією большимъ романомъ автора. Въ письмѣ въ редакцію «Вѣстника Европы» г. Тургеневъ объясняетъ тоже «нѣкоторые до него лично относящіеся факты». Онъ заявляетъ именно, что, хотя какой-то библиографъ справедливо приписываетъ ему разборъ книги Муравьева «Путешествіе въ святымъ мѣстамъ», напечатанный въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1836 годъ, но онъ, г. Тургеневъ, «не можетъ, по совѣсти, считать это ребяческое упражненіе своимъ первымъ литературнымъ трудомъ». Еще бы! Конечно, г. Тургеневъ началъ прямо со втораго литературнаго труда и ребяческими упражненіями никогда не занимался. Или, вотъ, г. Авдѣевъ. Въ объявленіяхъ «Молвы» было ошибочно показано заглавіе его произведенія, и г. Авдѣевъ немедленно публикуетъ во всѣхъ газетахъ исправленія этой ошибки. Это я только тѣ записываю, что совсѣмъ на дняхъ случилось. А кабы старое копнуть, такъ и конца бы не было. Одинъ г. Тургеневъ сколько матеріалу далъ бы. И эти люди имѣютъ полное право благоговѣть передъ каждой своей строкой. Ну, куда же мнѣ въ нимъ въ товарищи соваться! Какимъ презрѣніемъ, разумѣется, молчаливымъ оболютъ меня крупные дѣтели русской литературы! А кто помельче, такъ совсѣмъ заклуютъ. Недаромъ я, рѣшившись уже, скрѣпя сердце, предстать передъ русской читающей публикой, поставилъ въ заголовкѣ, между прочимъ, «предсказанія». Я и теперь могу предсказать, напримѣръ, что «Дѣло» наведетъ справки о цвѣтѣ моего пиджака (а онъ у меня, признаться, не казистый), о моей походкѣ, о моей прическѣ и все это изложитъ съ ясными на принадлежность мнѣ всѣхъ этихъ вещей доказательствами. Ну—и страшно. А, кромѣ того, совѣстно. Г. Тургеневъ твердо знаетъ, что его романа ждетъ вся Россія, а потому имѣетъ право сообщать читателямъ о ходѣ своей работы: дескать, подождите еще немного, потерпите. Авторъ будущаго описанія моего гороховаго пиджака и вихристой прически тоже твердо знаетъ, что это чрезвычайно нужно. Но откуда мнѣ-то взять эту увѣренность?

Такъ боролся я съ односторонней силой женской логики. Но, въ концѣ-концовъ, она побѣдила. Она доказала мнѣ прежде всего, что плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, что ничто не мѣшаетъ мнѣ сдѣлаться, съ теченіемъ времени, вторымъ Тургеневымъ и затѣмъ отречься съ высоты славы

отъ своего перваго литературнаго труда. Значить, будь этотъ трудъ даже совершенно ребяческимъ упражненіемъ, не впримѣръ слабѣйшимъ, чѣмъ разборъ муравьевскаго путешествія къ святымъ мѣстамъ, бѣды не будетъ. Вотъорыхъ, мнѣ было доказано, что я—современный русский типъ и, въ качествѣ такового, могу смѣло явиться передъ публикой, если только буду писать правду, излагать то, что я въ самомъ дѣлѣ пережилъ и переживаю. Ты—«кающійся дворянинъ», говорила мнѣ любимая женщина:—и такихъ, какъ ты, много; что изъ васъ выйдетъ—не знаю, но типъ, во всякомъ случаѣ любопытный, а васъ всѣ обходятъ, литература вами не занимается». Я долженъ былъ сознаться, что это правда. «Кающагося дворянина» пустилъ въ ходъ г. Михайловскій, кажется, просто обозначивъ этой кличкой извѣстное явленіе. Другіе потомъ стали вкладывать въ эту кличку какой-то очень неодобрительный и укорительный смыслъ. Можетъ быть, они и правы. Пусть судить читатель, познакомившись съ тою правдою, которую я ему расскажу, а рассказывать я буду правду. Вы можете мнѣ повѣрить, потому что я и писать только для того началъ, чтобы «выпѣть» все, что у меня въ душѣ накопилось, чтобы отворить форточку и открыть трубу. Если я буду лгать, такъ мнѣ легче не станетъ, броженіе душевнаго отстоя не прекратится. Значить, мой собственный интересъ велитъ мнѣ правду говорить. Не знаю, выдержу ли я, хватить ли у меня смѣлости довести до конца свою задачу, но намѣреніе мое твердо. Я откровенно расскажу, какъ и почему я сталъ кающимся дворяниномъ, въ чемъ каюсь, что ненавижу, что люблю, чего боюсь, на что надѣюсь. А если замѣчу, что задача мнѣ не по силамъ, такъ просто закрою форточку, то-есть, перестану писать.

Но, какъ писатель начинающій, я не владѣю формой, не могу приурочить свое писаніе къ какой-нибудь рубрикѣ. Я—не романистъ, не критикъ, не публицистъ, а всего понемножку, «въ перемежку». Въ такомъ смыслѣ я и условіе съ редакціей «Отечественныхъ Записокъ» заключилъ. Выйдетъ у меня фантастическая поэма—могу ее печатать; водевильные куплеты—тоже могу; критическія замѣтки—опять могу и т. д. Безъ сомнѣнія, приглядѣвшись всетаки въ литературѣ, я читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» не предложу ни «Исторіи Шампанскаго гусарскаго полка», ни романа, пропитаннаго ароматомъ будуара княгини Лучеваровой (если бы мнѣ случилось написать что-нибудь подобное, я отправлю въ «Русскій Вѣстникъ»), ни статьи о русскихъ глаголахъ или о магометанской нумизматикѣ (это пойдетъ въ «Вѣстникъ Европы»).

Вотъ и все, что я имѣю сказать въ видѣ рекомендаціи. А тамъ ужъ пусть читатель судить.

Вечеромъ дѣло было. То сгѣ, по моему образу жизни, вечеромъ. Такъ, часовъ въ пять. Огарокъ свѣчки, отчасти по свойствамъ петербургской зимы, а отчасти потому, что окно моей

комнаты выходить на задній дворъ, огарокъ, говорю, зажженный еще въ три часа, догорѣлъ, и пришлось его потушить. На душѣ было смутно. Но не потому, что у меня не было семи копеекъ на свѣчку—къ такимъ случайностямъ я уже давно привыкъ—а потому, что я только-только-что успѣлъ дочитать романъ г. Достоевскаго «Подростокъ». Будь огарокъ чуть-чуть поменьше, я не успѣлъ бы прочесть очень меня задѣвшаго за живое слова Николая Семеновича, письмомъ котораго г. Достоевскій закончилъ свой романъ. Вотъ эти слова: «Еслибы я былъ русскимъ романистомъ и имѣлъ талантъ, то непременно бралъ бы героевъ моихъ изъ русскаго родоваго дворянства, потому что лишь въ одномъ этомъ типѣ культурныхъ русскихъ людей возможенъ хоть видъ красиваго порядка и красиваго впечатлѣнія, столь необходимаго въ романѣ для изящнаго воздѣйствія на читателя. Говоря такъ, я вовсе не шучу, хотя самъ я—совершенно не дворянинъ, что, впрочемъ, вамъ и самимъ извѣстно. Еще Пушкинъ намѣтилъ сюжеты будущихъ романовъ своихъ въ «Преданіяхъ русскаго семейства», и, повѣрьте, что тутъ дѣйствительно все, что у насъ было доселѣ красиваго. По крайней мѣрѣ, тутъ все, что было у насъ хотя сколько-нибудь завершоннаго. Я не потому говорю, что такъ уже безусловно согласенъ съ правильностью и правдивостью красоты этой; но тутъ, на примѣръ, уже были законченныя формы чести и долга, чего, кромѣ дворянства, нигдѣ на Руси не только нѣтъ законченнаго, но даже нигдѣ и не начато... Тамъ, хороша ли эта честь и вѣрнѣе ли долгъ—это вопросъ второй; но важнѣе для меня именно законченность формъ и, хоть какой-нибудь, да порядокъ, и уже не предписанный, а самими наконецъ-то выжитый. Боже, да у насъ именно важнѣе всего, хоть какой-нибудь, да свой, наконецъ, порядокъ! Въ томъ заключалась надежда и, такъ сказать, отдыхъ глазу: хоть что-нибудь, наконецъ, построенное, а не вѣчная эта ломка, не летаящія повсюду щепки, не мусоръ и соръ, изъ которыхъ, вотъ уже двѣсти лѣтъ, все ничего не выходитъ. Не обвините въ славянофильствѣ; это—я лишь такъ, отъ мизантропіи, ибо тяжело на сердцѣ! Нынѣ съ недавняго времени... уже не соръ пристаётъ къ высшему слою людей, а, напротивъ, отъ красиваго типа отрываються, съ веселою торопливостью, куски и бомки и сбиваются въ одну кучу съ беспорядкующими и завидующими. И далеко не единичный случай—что самые отцы и родоначальники бывшихъ культурныхъ семействъ смѣются уже надъ тѣмъ, во что, можетъ быть, хотѣли бы еще вѣрить ихъ дѣти. Мало того: съ увлеченіемъ не скрываютъ отъ дѣтей своихъ свою алчную радость о внезапномъ правѣ на безчестье, которое они вдругъ изъ чего-то вывели цѣлою массою».

Вотъ слова, повергшія меня—не скажу въ глубокое раздумье, потому что выраженіе это предполагаетъ извѣстную правильность, порядокъ мысли, а въ какой то душевный омутъ, въ которомъ странно сталкивались обрывки мыслей, образы давно про-

шедшаго и настоящаго, желанія, чувства—что то совсѣмъ хаотическое, но тяжелое. Разобраться во всемъ этомъ я не могъ. Со мной бываетъ во снѣ, что вдругъ надвигается на меня что-то шарообразное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безформенное, громадное, надвигается все ближе, ближе и мнѣ становится все не то, что страшнѣе, а какъ-то неопредѣленно, но мучительно тяжелѣе, — я всѣ усилія употребляю, чтобы проснуться. Вотъ въ этомъ же родѣ было мое состояніе, когда я потушилъ свѣчку, дочитавъ письмо Николая Семеновича. Не въ самомъ письмѣ было, конечно, дѣло, но оно дало толчокъ, вызвавшій многое, что для меня было *längst gestorben, verdorben*. И, можетъ быть, именно потому, что толчокъ былъ неожиданный, образы и мысли явились въ совсѣмъ беспорядочномъ смѣшеніи. Вотъ отецъ, красивый человѣкъ съ крашеными волосами и усами. Но не успѣлъ еще я припомнить, какъ однажды я былъ изумленъ въ купальнѣ при видѣ краски, смытой водой съ отцовской головы и какъ онъ смутился отъ моего дѣтскаго крика—вмѣсто отца уже назойливо вторгались «дяденька-нѣмецъ» и «дяденька-генералъ». Изъ-за дяденьки-генерала выглядывалъ мой братъ-мужикъ, объ которомъ я пролилъ столько слезъ. А тамъ сестра, а тамъ совсѣмъ недавнія, почти вчерашнія событія... Надо было кончить съ этимъ, то-есть, собственно съ беспорядочностью и хаосомъ. Отъ воспоминаній я былъ не прочь, еслибъ они только представились въ мало-мальски стройномъ видѣ, не сбиваясь въ кучу. Невыносима была безпомощность моя, невозможность справиться съ нахлынувшимъ вдругъ потокомъ. Мнѣ казалось, что, еслибы у меня была свѣча и горѣла вотъ тутъ на столѣ, хаосъ исчезъ бы. Но откуда ее взять, свѣчку-то?

Вдругъ въ сосѣдней, хозяйской комнатѣ раздался тоненькій дѣтскій голосокъ:

— Адамъ и Ева не нуждались въ одеждѣ, потому что были безгрѣшны...

Это—хозяйкина дочь, десятилѣтняя Оля, вслухъ готовила на завтра урокъ изъ священной исторіи. Вѣрите ли, точно лучъ солнечный ворвался въ мою комнату, когда прозвучалъ тоненькій голосокъ Оли. Самый ли смыслъ этого голоска или смыслъ произнесенной имъ фразы подѣйствовалъ, но мучительный хаосъ исчезъ. Свѣчки мнѣ уже было не нужно. Я пошелъ гулять, потому что провалялся часова до шести безъ сна, все приводя въ порядокъ свои воспоминанія и мысли, вызванныя письмомъ Николая Семеновича. Проснулся очень поздно, и первое, что услышалъ, были опять вчерашнія слова маленькой Оли. Она отвѣчала матери урокъ:

— Адамъ и Ева не нуждались въ одеждѣ, потому что были безгрѣшны...

Я часто вспоминаю одинъ любопытный физическій опытъ. Наливаютъ въ какойнибудь сосудъ воды и очень медленно

охлаждают ее, наблюдая притомъ, чтобы сосудъ былъ совершенно спокоенъ. Термометръ падаетъ до нуля, до одного, до двухъ, даже до трехъ градусовъ, такъ что водѣ давно бы пора замерзнуть, а она не мерзнетъ. Но если чуть-чуть толкнуть чашку, замерзаніе происходитъ моментально. Не знаю, какъ у другихъ, а за собой я замѣчалъ совершенно подобный психическій процессъ. Терпишь, напримѣръ, иной разъ, терпишь какія нибудь гадости, и давно бы пора плюнуть и уйти, а все терпишь, да вдругъ какой нибудь совсѣмъ пустякъ и взорветъ. Такъ и письмо Николая Семеновича только пошевелило цѣлую массу впечатлѣній, незамѣтно для меня самого залегавшихъ во мнѣ при чтеніи романа г. Достоевскаго. Собственно говоря, давно бы ужъ пора подняться воспоминаніямъ, но это мнѣ только теперь ясно. Взять, напримѣръ, преслѣдующую «Подростка» кличку «князь Долгорукій». Ужъ одна она напоминаетъ мнѣ многое. Я, не такъ, какъ Подростокъ—законнѣйшій сынъ законнѣйшихъ родителей, но имѣю счастье или несчастье носить древнюю фамилію Тѣмкиныхъ, вдобавокъ зовутъ меня Григоріемъ Александровичемъ. Поэтому, и школьники, и нѣкоторые учителя тѣхъ двухъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ я провелъ свою раннюю молодость, въ насмѣшку, величали меня Потемкиннмъ, «Великолѣпнымъ княземъ Тавриды», «сыномъ роскоши, прохлады и нѣгъ» и, наконецъ, просто «Гришкой въ потемкахъ», какъ, по преданію, школьники дразнили знаменитаго любимца Еватеріны. Да и такъ, совсѣмъ помимо школьныхъ отношеній, случалось и случается, что назовешь свою фамилію и услышишь, какъ Подростокъ, переспросъ: Потемкинъ? Теперь я, разумѣется, совершенно равнодушенъ во всѣмъ этимъ кличкамъ и переспросамъ, но прежде относился къ нимъ не такъ. Какъсь, сначала, когда я впервые услышалъ «Потемкина» и «великолѣпнаго князя», я былъ сильно польщенъ. Мало того: такъ какъ дѣло пошло на откровенность, да и времена это очень даларія, я открою вамъ маленькую хитрость, къ которой я прибѣгалъ, чтобы удержать за собой лестное, хоть и насмѣшливое прозвище. Я очень быстро освоился со школьными порядками и замѣтилъ, что кличка, видимо не производящая на отиѣченнаго ею обиднаго впечатлѣнія, скоро отпадаетъ и замѣняется другою. Поэтому я всѣми силами старался показать товарищамъ, что я чрезвычайно обижаюсь «великолѣпнымъ княземъ», даже, помню, не разъ дирался изъ-за этого прозвища. Я боялся, что у меня отнимутъ «Потемкина» и нарекутъ какъ нибудь въ родѣ «жидконожки» или «Мазепы». Черта ли это моего характера, или просто дѣтская черта—пусть судитъ читатель на основаніи дальнѣйшаго повѣствованія. Въ скоромъ времени, однако, произошло значительное измѣненіе въ моихъ отношеніяхъ къ Потемкину. Но, чтобы рассказать это, надо познакомить читателя съ «дяденькой-нѣмцемъ».

Такъ онъ назывался въ отличіе отъ «дяденьки-генерала», о

которомъ потомъ. Дяденька-нѣмецъ приходился мнѣ, собственно, седьмой водой на кисель. Онъ былъ братъ жены двоюроднаго брата моего отца и жилъ у насъ не столько какъ родственникъ, сколько въ качествѣ бѣднаго человѣка. Это былъ плюгавый съ виду, но крѣпкій, никогда не хворавшій старичокъ съ вывернутыми въ стороны ногами, плѣшивый, съ всегда аккуратно бритымъ лицомъ. Голосъ онъ имѣлъ писеливый и обладалъ непріятною слабостью, разгорячившись, обдавать собесѣдника брызгами слюной. Курилъ дрянныя сигары. Онъ былъ дѣйствительно нѣмецъ, но я никогда не слыхалъ отъ него ни одного нѣмецкаго слова, а по-русски онъ говорилъ совсѣмъ чисто, только пересыпая рѣчь бессмысленнымъ наборомъ словъ: «тутъ вотъ это теперича вотъ такъ». Къ отцу онъ относился съ величайшимъ почтеніемъ, даже съ подобострастіемъ, отчасти за кусокъ хлѣба и уголь, которые онъ имѣлъ у насъ въ домѣ, отчасти, можетъ быть, ради личныхъ достоинствъ отца, а, главное, онъ видѣлъ въ немъ «старога дворянина». Я никогда не видалъ человѣка, который бы до такой степени уважалъ «породу» и вѣрилъ въ красоту старога дворянскаго типа, какъ дяденька-нѣмецъ. Я думаю, что даже публицисты «Русскаго Вѣстника» и «Русскаго Мира» должны бы были уступить ему пальму первенства. Самъ онъ былъ «совершенно не дворянинъ», какъ выражается Николай Семеновичъ, а кровный нѣмецкій плебей (звали его Карлъ Карловичъ Фишеръ), сынъ митавскаго сапожника, коллежскій регистраторъ, дотанувшій до пенсіи на мѣстѣ смотрителя чего-то и гдѣ-то. Всю свою пенсію онъ тратилъ на покупку разныхъ древностей, которыми были завалены его двѣ маленькія комнаты во флигелѣ. Я очень любилъ рыться въ этомъ скарбѣ. Тутъ были разные принадлежности рыцарскаго и древняго русскаго вооруженія, шлемы, копья, мечи, самопалы, которые дяденька-нѣмецъ, несмотря на свою любовь къ чистотѣ и порядку, оставлялъ во всей неприкосновенности ихъ священной ржавчины; старинные пергаменты и «выписы изъ книгъ гербовыхъ»; съ великими трудами и пожертвованіями собранная коллекція гербовыхъ печатей русскихъ дворянскихъ фамилій и, во главѣ ихъ, печать древняго рода Тѣмкинскихъ; наконецъ, много разныхъ мелочей, которыхъ я не помню. Кстати о печатахъ, для характеристики дяденьки-нѣмца и его отношеній къ отцу. На печати отца была вырѣзана, кромѣ родового герба, сабля съ привѣшанными къ ней двумя или тремя орденами, полученными отцомъ въ военной службѣ. Оказалось потомъ, что эти добавленія страшно смущали дяденьку-нѣмца въ его культъ породы. Онъ цѣнилъ, конечно, заслуги передъ отечествомъ, но желалъ бы видѣть гербъ Тѣмкинскихъ совершенно чистымъ отъ какихъ бы то ни было позднѣйшихъ украшеній, такъ чтобы на печати не было ничего, кромѣ щита, раздѣленнаго на три поля и т. д., и дворянской короны, изъ которой поднимается голова какого-то звѣря—чтобы печать, однимъ словомъ, была исключительно родовая. По отцу

дяденька-нѣмецъ не рѣшался ни разу высказать свое задушевное желаніе и, уже послѣ смерти его, открылся мнѣ.

Такъ вотъ къ этому-то чудаку явился я съ извѣстіемъ, что товарищи прозвали меня Потемкинымъ и великолѣпнымъ княземъ Тавриды. Должно быть, я не могъ, а, можетъ быть, и не хотѣлъ скрыть удовольствіе, которое мнѣ доставила вѣстка, потому что дяденька-нѣмецъ съ разу на меня окрысился.

— А ты и обрадовался? пискнулъ онъ во всю силу своихъ маленькиѣхъ легкихъ и такъ обдавая меня брызгами слюней, что я долженъ былъ попытаться и достать изъ кармана платокъ.— Чего обрадовался-то? Потемкинъ! Велика штука твой Потемкинъ тутъ вотъ теперича всегда! Потемкинъ! Да знаешь ли, что такое были Потемкины, когда князя Тѣмкины-Ростовскіе... да нѣ, вотъ, читай... Ха! Потемкинъ!..

Дяденька-нѣмецъ, торопливо и все лица чѣ-то обидное для Потемкиныхъ, досталъ изъ шкафа портфель, а изъ него цѣлую груду старыхъ бумагъ, которыя и сунулъ мнѣ подъ носъ. Но увы! эти древніе манускрипты были для меня настоящей китайской грамотой. Дяденька-нѣмецъ это очень хорошо зналъ и не сообразилъ только съ горяча. Опомнившись, онъ досталъ изъ того же шкафа томъ Карамзина и заставилъ меня вслухъ прочитать объ участіи какаго-то князя Тѣмкина-Ростовскаго въ покореніи Казани. Затѣмъ на меня, совершенно ошеломленного, посыпалась хронологія, исторія, археологія, геральдика, и въ итогѣ я оказался происходящимъ отъ угасшаго рода князей Тѣмкиныхъ-Ростовскихъ, а тѣ, въ свою очередь, прямо отъ одного изъ сыновей Владиміра Краснаго-Солнышка.

— Тутъ вотъ теперича вотъ какъ! заключилъ дяденька-нѣмецъ. — А что твой Потемкинъ князь былъ, такъ вѣдь пожалованный—понялъ? а не родовой. Еслибы—тутъ дяденька-нѣмецъ вдругъ понизилъ голосъ—еслибы Александръ Петровичъ (отецъ) только захотѣлъ, такъ ничего бы ему не стоило выхлопотать титулъ, потому — дѣло ясное... или хоть право имѣть въ гербѣ корону и мантию. Тѣмкины не хуже Внукowychъ, Еропкиныхъ и Ржевскихъ!..

Послѣдовала новая лавина хронологіи и геральдики, объяснявшая, почему Внукowy и Еропкины, не будучи князьями, не происходятъ отъ княжескихъ родовъ, имѣютъ въ гербѣ корону и мантию.

Разговоръ этотъ не остался для меня безъ нѣкоторыхъ неприятныхъ послѣдствій. Я очень мало запомнилъ изъ длинной лекціи дяденьки-нѣмца и очень мало понималъ. Больше восторженный тонъ старика, чѣмъ сообщенные имъ факты, внушилъ мнѣ высокое понятіе о древности рода Тѣмкиныхъ. Къ несчастію, дяденька-нѣмецъ, для болѣе нагляднаго изображенія величія нашего рода, а также снисходя къ моей глупости, употребилъ выраженіе «родственники Владиміра Святаго». И, къ еще

большому несчастію, я это выраженіе запомнилъ. Запомнилъ—и разболталъ... Боже! сколько я изъ-за этого вытерпѣлъ.

Быль у меня въ гимназіи пріятель Нибушъ, незаконный сынъ богатаго помѣщика, отпрыска древняго красиваго типа—Шубина. Если вы прочтете фамилію Нибушъ съ конца, такъ выйдетъ Шубинъ. Отпрыску стараго красиваго типа пришла странная фантазія вывернуть имя назнанку для своего незаконнаго дѣтища, чтобы, дескать, видно было, что мой, да съ лѣвой стороны. Нибушъ былъ мальчишъ угрюмый и несообщительный, но мы съ нимъ почему-то сошлись. Замѣчательно, что Нибушъ никогда нивого не «дразнилъ», то есть не употреблялъ въ разговорѣ школьныхъ кличекъ «Козель», «Маэпа» и т. д. Но за то и онъ не носилъ никакого прозвища, представляя, можетъ быть, единственное во всей гимназіи исключеніе. Когда его, однажды, одинъ сорванецъ обозвалъ тѣмъ поворнымъ именемъ, которое грубые люди даютъ незаконнымъ дѣтямъ, сорванца едва вырвали изъ рукъ Нибуша: еще немного, и онъ бы его задушилъ. Случилась эта исторія еще до моего поступленія, и я объ ней узналъ довольно поздно. Нибушу я и сообщилъ въ интимной бесѣдѣ, что такъ, молъ, и такъ, я, собственно—родственникъ Владиміра Святого, и потому кличка «Гришки въ потемкахъ», «сына росшоши», «великолѣпнаго князя» и «Потемкина» для меня въ самомъ дѣлѣ обидны. «Конечно, Потемкинъ былъ князь, развивалъ я идею дяденьки-нѣмца:—да вѣдь пожалованный, а мнѣ ничего не стѣдуетъ вытребовать княжескій титулъ». Нибушъ выслушалъ меня молча, съ нахмуренными по обыкновенію бровями и, къ большому моему неудовольствію, не только не выразилъ сочувствія, а быстро и рѣзко оборвалъ разговоръ. Вскорѣ послѣ этого—истинно проклиная эту минуту и до сихъ поръ краснѣю, вспоминая ее—я, раздраженный какою-то мелочью, обругалъ Нибушу позорнымъ именемъ, даже не понимая его значенія. Чортъ знаетъ, какъ сорвалось у меня съ языка это проклятое слово. Нибушъ поблѣднѣлъ, затрясся—и звонкая пощечина повалила меня на полъ. Я вскочилъ, началась безобразная драка; насъ едва розняли, и Нибушъ, дрожа отъ злости и едва попадая зубомъ на зубъ, какъ-то бессмысленно шипѣлъ: «родственникъ Владиміра Святого... я те покажу... родственникъ... я те покажу... Святого»... Драка была до такой степени основательная—мы оба были окровавлены—что выходило совсемъ изъ ряда вонъ, и причины ея скоро сдѣлались извѣстными и всѣмъ школьникамъ, и начальству, и моему отцу, и отцу Нибуша. Съ тѣхъ поръ кличка «Потемкинъ» была съ меня снята, и я сдѣлался «родственникомъ Владиміра Святого». Хоть это прозвище и было несравненно почетнѣе, но я, понятно, очень оскорблялся имъ и много ударовъ роздалъ и принялъ изъ за злополучнаго «родственника». Только впоследствии, по переѣздѣ въ Петербургъ и поступленіи въ другую школу, я сталъ, по совету, опять Потемкинымъ и «великолѣпнымъ княземъ Таври-

дн», а «родственникъ Владиміра Святого» кануль въ вѣчность. Но сильнѣйшій изъ всѣхъ ударовъ былъ мнѣ нанесенъ отцомъ. Конечно, ударъ былъ нравственный: отецъ насъ ни разу въ жизни пальцемъ не тронуль.

Какъ ни старался я смыть слѣды драки съ Нибушемъ, но явился домой весь въ синякахъ, царапинахъ и съ разорваннымъ рукавомъ. Притомъ же, драка происходила въ субботу, а по субботамъ я приносилъ домой и вручалъ отцу «аттестацию», которую, по просьбѣ отца, составлялъ одинъ надзиратель. Исторія съ Нибушемъ была въ аттестации прописана. Я долго колебался, не шель, молился Богу, чтобы отцу что нибудь помѣшало увидать меня хоть сегодня, чтобы онъ заболѣлъ—даже, чтобы онъ умеръ. Вѣрно вамъ говорю: я молился передъ висѣвшимъ въ дѣтской образомъ Трехъ Святителей, чтобы отецъ умеръ. Я припоминалъ похороны одного знакомаго доктора и представлялъ себѣ, какъ я буду плакать при видѣ отца въ гробу, среди ладоннаго дыма и въ бумажномъ вѣничкѣ на лбу... Но вотъ въ кабинетѣ отца послышался звонокъ и потомъ его громкій голосъ:

— Пришелъ Григорій Александровичъ?

Сердце у меня забилося, какъ птица за грудь. Отвѣта лакея Якова, къ которому, я зналъ, обращался отецъ, я не слышалъ, но смыслъ его для меня былъ совершенно ясенъ, потому что тотчасъ же опять раздался страшный для меня въ ту минуту голосъ:

— Такъ чего-жъ онъ не идетъ? Позови.

Яковъ разыскалъ меня. Дѣлать нечего, надо идти. Чего я боялся, я и теперь хорошенько не знаю, потому что, хоть отецъ и былъ строгъ, но къ моимъ нерѣдкимъ вулчачнымъ похождениямъ относился снисходительно. Должно быть, я смутно чувствовалъ, что «родственникъ Владиміра Святого» мнѣ не сойдетъ даромъ.

Когда я съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ въ кабинетъ, отецъ сидѣлъ у письменнаго стола и держалъ въ лѣвой рукѣ длинный черешневый чубукъ трубки. Замѣтивъ мою блѣдную отъ волненія и поматую дракой физиономію, онъ молча протянулъ руку за аттестацией. Я подалъ. Онъ сталъ читать. Я бессмысленно смотрѣлъ на его лѣвую руку, перехватившую чубукъ по серединѣ, и думалъ, глядя на его блестящія, крѣпкіе, выпуклые ногти: «точно желудки!» Отъ ногтей глаза поднялись по линіи чубука до высокаго, тугаго галстука, изъ за котораго не выглядывали никакіе воротнички—такъ тогда носили. Но выше, въ лицо я не смѣлъ взглянуть и опять опустилъ глаза къ «желудкамъ». Отецъ кончилъ, всталъ и ходилъ нѣсколько минутъ по кабинету, не обращая на меня, казалось, никакого вниманія. Мнѣ стало еще жутче, да и глаза, привыкшіе уже перебѣгать отъ желудей къ галстуку, не знали на чемъ остановиться. На-

конецъ, отецъ опять сѣлъ и, постукивая по столу «желудами» правой руки, заговорилъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Ты это съ чего взялъ, что ты—родственникъ Владиміра Святого?

Я молчалъ.

— Ну, говори!

— Дяденька сказалъ, чуть слышно отвѣчалъ я, нѣсколько облегченный и спокойствіемъ отца, и слезами, которыя подступили въ эту минуту.

— Дяденька? Ну, дяденька ошибся. Я тебѣ вотъ что расскажу. У меня родилась дочь, а кормилица, серебрянская баба... знаешь Серебряное? (я очень хорошо зналъ подгородное село Серебряное и зналъ, что кормилица моя была оттуда) ...такъ она подмѣнила дочь, подсунула вмѣсто нея своего сына, чтобы ему въ рекруты не идти, а дочь взяла къ себѣ. Дочь ужъ давно умерла, ты вѣдь знаешь? (я зналъ). Такъ вотъ она-то и была родственница Владиміра Святого, а ты выходишь серебрянскій мужикъ... Понялъ?.. Ну, и ступай...

Отецъ произнесъ все это очень отчетливо, увѣсисто и тотчасъ же отвернулся, дѣлая видъ, что роется въ бумагахъ на столѣ. Я зарыдалъ, постоялъ еще нѣсколько секундъ и вышелъ изъ кабинета униженный, раздавленный... чѣмъ? Право не знаю. Исторія подмѣна казалась мнѣ до такой степени сложной, что я и не пытался хорошенько вникнуть въ нее. Я понималъ только одно: что я, недавній родственникъ Владиміра Святого—просто серебрянскій мужикъ и что въ этомъ заключается что-то обидное и отчуждающее меня отъ отца, отъ сестры, отъ дома, отъ товарищей. Усомниться въ рассказѣ отца я и не подумалъ, потому что не могло же мнѣ придти въ голову, что онъ, въ такую торжественную (для меня) минуту, шутить или употребляетъ особенный педагогическій приемъ. Сестра Соня ждала уже меня въ дѣтской, встревоженная и любящая, но я ее оттолкнулъ.

— Я не.. Владиміра Святого, рыдалъ я:—кормилицинъ... сынъ... мужъ... жигъ... серебрянск...

Со мной сдѣлалась нервная горячка, доля которой должна быть вѣроятно отнесена насчетъ здоровыхъ кулаковъ Нибуша. Когда я выздоравливалъ, объ серебрянскомъ мужикѣ и фантастическомъ кормилицыномъ сынѣ не было уже помину. Я овался чистымъ, настоящимъ Тёмкинымъ, но дяденька-нѣмецъ уже неохотно принималъ меня въ свои апартаменты, заваленные археологическимъ и герольдическимъ скарбомъ.

Объ Нибушемъ мы съ тѣхъ поръ не сказали ни одного слова, точно умерли другъ для друга. Мы встрѣтились гораздо позже и при совсѣмъ особенныхъ условіяхъ.

Что, однако, значить неумѣнье писать! Настоящій писатель, привычный и съ талантомъ, развѣ онъ сталъ бы писать такую

путаницу? У него бы романъ вышелъ или такъ легонькій рассказъ, вообще чтонибудь оформленное, опредѣленное, порядочное. А у меня выходитъ чортъ знаетъ что... Не взыщите, читатель; я только правду обязался говорить, а на формѣ не взыщите. Можетъ быть, на слѣдующей же страницѣ воспоминанія смѣняются предсказаніями, дѣйствительность — фантазіей, рассказъ — лирикой или размышленіемъ. Меня вотъ и теперь таянетъ къ размышленію...

Въ самомъ дѣлѣ, это, вѣдь, любопытно. Мнѣ все яснѣе и яснѣе становится, что письмо Николая Семеновича было только толчкомъ, обнаружившимъ давно, но незамѣтно происходившій процессъ подбора воспоминаній. Нибушъ — незаконный сынъ и Подростокъ — тоже, Подростка преслѣдуетъ влчва и меня — тоже. Мелочи эти, конечно, да и не во всѣхъ подробностяхъ параллельны, но все-таки онѣ полегоньку копились и подготовили взрывъ. Письмо же Николая Семеновича прямо породило мысль, которая, однако, отъ неожиданности взрыва, сначала запуталась въ кучѣ воспоминаній. Тутъ выручилъ другой толчокъ — тоненькій голосокъ маленькой Оли:

— Адамъ и Ева не нуждались въ одеждѣ, потому что были безгрѣшны...

А мысль, приблизительно, была вотъ какая. Въ вопросительной больше формѣ она сначала представилась. Отчего Николай Семеновичъ, «совершенно не дворянинъ», и дяденька-нѣмецъ, тоже «совершенно не дворянинъ», отчего они такъ болѣютъ сердцемъ о «красивомъ типѣ» стараго русскаго дворянства и даже увѣрены, что нигдѣ, кромѣ среды «культурныхъ русскіхъ людей», не существуютъ законченныя понятія чести и долга? Вѣдь это же, со стороны совершенно не дворянъ — жесточайшее самобичеваніе (чуть чуть не написалъ по ошибкѣ «самоубійство»), требованіе того самаго «права на безчестье», которое такъ возмущаетъ Николая Семеновича. «Совершенно не дворяне» говорятъ: вамъ честь, вамъ долгъ, а мы и такъ проживемъ, въ безчестьи, вами любующисъ, на васъ глазомъ отдыхаючи. Такъ, въ старыя годы преданные дворовые разсуждали: у насъ, моль, царь, а у господъ душа. Это — феноменъ, заслуживающій вниманія какогонибудь ученаго психолога. Конечно, я говорю только объ искреннихъ дворовыхъ, каковы Николай Семеновичъ и дяденька-нѣмецъ, а не о публицистахъ «Русскаго Вѣстника» и «Русскаго Мира». Я очень допускаю, что эти господа — по происхожденію «совершенно не дворяне», но они, во всякомъ случаѣ, только поддѣлываются подъ тонъ искренно преданныхъ дворовыхъ. Въ дѣйствительности же, я увѣренъ, они вклянутъ матерей своихъ, которыя вышли за «совершенно не дворянъ» и родили ихъ таковыми же. Дорого бы они дали, чтобы, какъ я, считать въ числѣ своихъ предковъ князей Тѣмкиныхъ-Ростовскихъ и подписываться не Голопузенкомъ или Квасковымъ, а Тѣмкинѣмъ. А я, между тѣмъ — каюсь; я — кающійся дворянинъ...

Опять странное явленіе. Мнѣ же лучше, чѣмъ какому нибудь Голопузенкѣ, знать цѣну красиваго типа культурныхъ русскихъ людей. Отчего же я, говоря словами Николая Семеновича, отстранился отъ «законченныхъ формъ чести и долга», «оторвался, съ веселою торопливостію, отъ красиваго типа»? Впрочемъ, тутъ Николай Семеновичъ ошибся, по крайней мѣрѣ, относительно меня. Я оторвался—это правда, но совсѣмъ не съ веселою торопливостію. О, нѣтъ, повѣрьте, что много душевной муки и горечи пережилъ я прежде, чѣмъ оторваться и покаяться. Да вы сами дальше увидите. А оторвался я единственно потому, что не нашелъ ни законченныхъ формъ чести и долга, ни красиваго типа, если я только вѣрно понимаю, что хотѣлъ этими послѣдними словами сказать Николай Семеновичъ. Вы, можете быть, объясните все дѣло тѣмъ, что у меня семи копеекъ на свѣчку не хватаетъ? Нѣтъ, по совѣсти, нѣтъ. Я имѣю полную возможность хотъ сейчасъ половину свѣчной лавки закупить. Для этого нужно только немного голову нагнуть и, главное, перестать ваяться. Опять-таки, вы все это дальше сами увидите и повѣрите и повѣрите.

Кстати, о Николаѣ Семеновичѣ. Я слышалъ мнѣніе, будто его устами говоритъ самъ г. Достоевскій. Это, конечно—совсѣмъ пустяки. Г. Достоевскій не въ такихъ лѣтахъ и не такого звала человекъ, чтобы быстро мѣнять свои взгляды. Онъ еще очень недавно чрезвычайно энергически заявлялъ, что «Власы спасутъ себя и насъ». У спасителей должны же быть опредѣленные формы чести и долга, иначе они никого не спасутъ. А вы помните, что говорилъ Николай Семеновичъ: по части долга и чести «кромя дворянства, *нидѣ* на Руси не только нѣтъ законченнаго, но даже *нидѣ и не начато*». Ясно, что Николай Семеновичъ и г. Достоевскій—два совсѣмъ разныхъ лица. Николай Семеновичъ—просто преданный дворовый, а г. Достоевскій, можетъ быть, даже согласится со мной, что мы, дворяне, недавно только *начали*, то есть, начали выработывать формы чести и долга и начали именно покаянiемъ.

Родъ Тѣмкиныхъ, хотя и происходилъ отъ древняго угасшаго рода князей Тѣмкиныхъ-Ростовскихъ, но былъ родъ захудалый, давно захудалый. Основаніе захудалости положилъ мой прадѣдушка, прозванный «лутымъ», отчаянный картежникъ, пьяница, сорви-голова, буквально выходившій съ толпой дворовыхъ грабить на большую дорогу. Его и до сихъ поръ въ нашихъ родныхъ мѣстахъ помнятъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе передавая чудовищные разказы, можетъ быть, приправленные фантазіей, объ его разбойническихъ подвигахъ. Можетъ быть, въ художественномъ смыслѣ, это былъ и красивый типъ, но вѣрно, что о чести и долгѣ онъ имѣлъ очень своеобразныя понятія. Въ концѣ концовъ, онъ раззорился до тла. Барыни большой дороги не могли восполнить убытковъ отъ наѣздовъ алчной приказной

челюди, съ которой ему постоянно приходилось имѣть дѣло, отъ безумнѣйшаго мотовства, отъ картежной игры—онъ ставилъ на одну карту по сту, по двѣсти душъ крестьянъ. Сынъ его, зна- чить, мой дѣдъ, былъ, по рассказамъ, человекъ смиренный, заби- тый и отличался только плодородіемъ. Между его многочислен- ными дѣтьми и разошлись остатки когда-то громаднаго богат- ства Тѣмвинныхъ. Кавовы, впрочемъ, уже были эти остатки, мо- жете судить потому, что у отца моего было человекъ десять- двѣнадцать (считая малолѣтокъ) крѣпостныхъ и небольшой де- ревянный домъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ. Изъ дядей и тѣтокъ, я до сей минуты не видалъ въ глаза ни- кого, кромѣ «дяденьки-генерала», и отецъ объ нихъ нигдега, при мнѣ, по крайней мѣрѣ, не вспоминалъ. «Дяденька-генералъ» былъ человекъ очень достаточный, даже богатый, но единствен- но благодаря двуратной женитьбѣ на богатыхъ купчихахъ. Ма- тери я не имѣю: она умерла родами, подаривъ отцу шестаго ребенка. Въ живыхъ, впрочемъ, насъ осталось всего двое—я и Соня. Хозяйствомъ заправляла въ домѣ, со смерти матери, тол- стая митавская нѣмка, выписанная по рекомендаціи «дяденьки- нѣмца».

Отъ нарочитаго описанія отца, Соня, экономки Иды Федоров- ны, дома и проч., вы ужъ, пожалуйста, меня увольте. Снисходи- те къ моей неопытности и неумѣлости. Полную картину нашего житья-бытья я изобразить не съумѣю, а буду вызывать свои вос- поминанія какъ придется, по частямъ, какъ они сами возникать будутъ.

Помню вечеръ, лѣтній; чудесный лѣтній вечеръ, описаніе котораго можетъ найти въ любомъ художественномъ романѣ. Жара спала, солнце уже гасло, посылая землѣ свои по- слѣдніе сонные лучи. Мы сидѣли на балконѣ, выходящемъ въ старый густой садъ, и пили чай. Были гости. Но боль- ше изо всей обстановки, я, при всемъ напряженіи, ничего не могу припомнить. Кто именно былъ у насъ въ гостяхъ, чтѣ они говорили, какъ мы сидѣли, въ какомъ порядкѣ, въ какихъ позахъ—ничего не помню: чудесный лѣтній вечеръ на балконѣ и—отецъ. Отецъ былъ въ ударѣ. Это съ нимъ случилось рѣдко, но, когда случалось, онъ былъ великолѣпенъ въ самыхъ разно- образныхъ видахъ: то неистощимо остроуменъ, то мастерской раскшикъ, то обаятельно ласковъ и нѣженъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ на своемъ вѣку много женскихъ сердецъ съѣлъ. И это непременно такъ должно было быть. Я увѣренъ, что ни одна женщина не устояла бы передъ этимъ человекомъ, еслибы онъ только захотѣлъ, чтобы она не устояла. Къ тому же, онъ былъ красивъ и, вѣроятно, не прочь нравиться, потому что красилъ усы и волосы. На этотъ разъ онъ рассказывалъ. Чтѣ подало поводъ этому разсказу, я не помню, какъ и вообще ничего, кромѣ лѣтняго вечера и отца и его разсказа, который произвелъ на меня страшное, подавляющее впечатлѣніе. Было

бы съ моей стороны нелѣпой претензіей пытаться передать этотъ разсказъ во всей художественности отповскаго изложенія. Довольно того, что его никто не перебивалъ, не переспрашивалъ, всё точно замерли, а самъ онъ даже поблѣднѣлъ подъ конецъ разсказа. А что со мной дѣлалось, когда, влившись глазами въ выразительное лицо отца и едва дыша отъ внутренняго трепета, я старался не проронить ни одного слова!..

Отецъ разсказывалъ эпизодъ изъ исторіи одной своей казенной службы, говорю — одной. потому что онъ переимѣнилъ ихъ нѣсколько. Кстати, вы получите понятіе о нѣкоторыхъ его служебныхъ поприщахъ.

Ему было поручено отыскать и изловить шайку фабрикантовъ фальшивыхъ ассигнацій гдѣ-то въ Западномъ Краѣ. Переодѣтый и снабженный начальствомъ ложными документами о его личности, онъ, прибывъ на мѣсто, скоро убѣдился, что фабрикантъ былъ всего одинъ, а остальные — сбытчики. Съ величайшими подробностями, но нисколько не утомляя нашего вниманія — напротивъ, всё слушали его съ замираніемъ сердца, собственно, отъ красоты разсказа — отецъ разсказывалъ, какъ онъ вкрадывался въ довѣріе сначала одного сбытчика, а потомъ, черезъ него, добрался и до фабриканта, оказавшагося жидомъ. Одолѣвъ онъ, наконецъ, и жида, до такой степени одолѣвъ, что тотъ водилъ его на свою фабрику гдѣ-то въ подпольѣ и они дѣлали фальшивыя бумажки вмѣстѣ. Затѣмъ, по прошествіи извѣстнаго времени, разузнавъ всё нити дѣла, отецъ предложилъ жиду сдѣлать большой «гешефтъ», именно—свести дѣльный транспортъ фальшивыхъ ассигнацій въ губернской городъ, гдѣ, по увѣренію отца, онъ можетъ немедленно и очень выгодно сбыть всю партію разомъ. Рѣшили заготовить телегу съ двойнымъ дномъ, низъ набить ассигнаціями, а верхъ мѣстными мелкими издѣліями, и пріѣхать въ губернской городъ въ базарный день. Остальное отецъ брался устроить. Сказано, сдѣлано. Выѣхали съ вечера, поѣхали...

Попробовалъ бы я тутъ воспроизвести разсказъ отца и все вычеркнулъ: такъ вышло блѣдно, скудно, такъ неизмѣримо далеко отъ подлинника. Эта ночь въ дорогѣ, проведенная съ человекомъ, котораго онъ готовился предать, какъ говорится, въ руки правосудія; эта остановка въ ворчмѣ; этотъ жидъ, повѣрившій спутнику свои задушевные планы... Куда мнѣ передать все это! Я, напротивъ, чувствую потребность разсказать конецъ какъ можно короче, суше, въ двухъ строкахъ: въ губерскомъ городѣ отецъ, проѣзжая мимо гауптвахты, удѣнился за жида и закричалъ. Дѣло было сдѣлано... Когда жидъ узналъ, кто былъ отецъ, онъ разразился проклятіями. Онъ звалъ громы небесныя на голову отца, проклиналъ его и дѣтей его и весь родъ его до седьмого колѣна...

Конецъ разсказа былъ истинный chef d'oeuvre. Проклятія тургеевскаго «Жида» не дадутъ даже отдаленнаго понятія объ

томъ, что можно сдѣлать изъ этого матеріала, по крайней мѣрѣ, въ устномъ изложеніи. Замѣьте, что отецъ подражалъ жида, говорилъ жидовскимъ говоромъ, съ тѣми «вей мирами» и «гевортами», съ которыми мы привыкли соединять безусловно комическое впечатлѣніе. И, однако, рассказъ былъ страшно трагиченъ; насъ всѣхъ морозъ по кожѣ подиралъ. Отецъ самъ разбилъ это впечатлѣніе, потому что прибавилъ черезъ нѣсколько секундъ, среди общаго молчанія, какъ-то неприятно сухо:

— Я крестъ за это получилъ...

Конечно, и помимо сильнаго впечатлѣнія отъ художественности рассказа, отецъ былъ для меня героемъ, потому что я смутно понималъ, какъ много энергіи и ума затратилъ онъ на поимку жида, рискуя не только боками, а и прямо жизнью. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ страшныхъ жидовскихъ проклятій у меня сжималось сердце. Послѣ ужина, когда намъ, дѣтямъ, разрѣшалось еще полчаса побѣгать и поиграть, мы въ тотъ день не бѣгали и не играли, а сидѣли, прижавшись другъ къ другу, въ темномъ углу гостиной.

— Значитъ, мы—проклятые, не то спрашивалъ, не то утверждалъ я, шепотомъ Сонѣ. Она молчала. Но я ясно видѣлъ, что она мнѣ сочувствуетъ, понимаетъ, что мы—проклятые...

Извините за беспорядочность, но тутъ же прибавлю, что въ моментъ, къ которому относятся эти воспоминанія, отецъ служилъ въ частной службѣ, именно у богатаго откупщика Смунова, державшаго на откупѣ губерній пять.

Не подумайте, ради Бога, что я сочиняю, стараюсь представить отца моего въ дурномъ свѣтѣ и выдумываю, что онъ, Тѣмкинъ, потомокъ князей Тѣминыхъ-Ростовскихъ, служилъ по сыскной и откупной части. Я отца очень любилъ и теперь люблю, мертваго, и много ему обязанъ. Очень радъ тоже заявить, что онъ пользовался общимъ уваженіемъ, въ качествѣ благороднѣйшаго и очень умнаго человѣка. И, насколько я могу судить, онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ человѣкъ добрый, справедливый и честный. Вотъ прадѣдушка мой Тѣмкинъ—«Лютый» былъ дѣйствительно безсовѣстный грабитель, воръ и душегубецъ. Такъ я прямо это и говорю, а отецъ былъ не таковъ. И, однако, я оторвался отъ красиваго типа... Вы скажете, что это—вовсе не тотъ красивый типъ родоваго русскаго дворянства, объ которомъ болѣеъ сердце Николая Семеновича и которому поклонялся дяденька-нѣмецъ. А почему такъ? Вы ужъ такъ и рѣшили, значитъ, что нѣкоторые несовѣмъ благовоинны, но общепризнанныя профессіи составляютъ уклоненія отъ красиваго типа. Пусть онъ, въ самомъ дѣлѣ—уклоненія, но вѣдь ихъ было такъ много, такъ много, даже не только среди захудалыхъ родовъ, въ родѣ нашего, что надо бы перестать ихъ считать уклоненіями. Я очень, впрочемъ, допускаю, что тѣ «преданія русскаго семейства», которыя въ послѣднее время эксплуатируетъ Щедринъ въ разсказахъ «Семейный судъ», «По родъ

ственному» и проч., очень допускаю, что они несравненно типичнѣе, чѣмъ-то, что я рассказываю и имѣю рассказать, ближе и точнѣе рисуютъ «красивый типъ». Но вѣдь Щедринъ — художникъ. Онъ разсыпанную хранину фактовъ собираетъ и въ перлъ созданія возводитъ. Отдѣльныя черточки голой правды онъ слагаетъ въ художественныя типы. А я только совершенно обнаженную правду рассказываю. Такъ было, съ тѣмъ и возьмите. Въ моемъ рассказѣ, если только возможно такъ назвать путаницу, которую вы теперь читаете, характерно, важно, типично только то, что относится ко мнѣ, какъ кающемуся дворянину. А все остальное—случайности, единичныя особенности. Одною одно привело къ покаянію, другою—другое.

Но, во имя правды, пожалуйста, не говорите о «веселой торопливости». Не правда это. О, сколько мѣки душевной я вытерпѣлъ впоследствии, вспоминая жидовскія проклятія, службу отца по откупной части и еще многое, многое другое... Нѣтъ, тутъ не было и не могло быть веселья. Торопливость была. Да какъ же не торопиться? Какъ не торопиться изъ угарной комнаты, когда голову ломить, дышать трудно, ноги подкашиваются? Какъ не кричать: воздуху! воздуху! свѣта!.. Какъ не каяться, если совѣсть мучить? Пусть она мучить вздоромъ и неправильно, да вѣдь мучить. Это—фактъ.

Всякій русскій дворянинъ, лично прикосновенный къ крѣпостному праву, имѣлъ въ молодости друзей-пріятелей между дворянъ. Огромная часть родовыхъ Тѣмкинскихъ крестьянъ давно была продана и проиграна въ карты. Но, какъ уже сказано, у отца было душъ десять-двѣнадцать дворовыхъ. А потому и я имѣлъ крѣпостныхъ друзей-пріятелей. Два у меня ихъ было. Впервые, шустрый мальчишка Федька (отецъ его ходилъ по оброку и жилъ въ Москвѣ въ сапожникахъ), мой ровесникъ, съ бѣлыми, какъ ленъ, и курчавыми волосами, голубыми глазами и сильно вздернутымъ, точно опрокинутымъ, всегда грязнымъ носомъ. По натурѣ онъ былъ художникъ, любилъ пѣть пѣсни, самъ научился рисовать, обладалъ очень пылкой фантазіей. Но этой стороной своей природы онъ на меня мало дѣйствовалъ, хотя я и любилъ слушать какъ онъ поетъ и даже заставлялъ его пѣть. За то онъ посвятилъ меня во всѣ подробности игоръ въ бабки и въ свайку. Онъ же втянулъ меня въ одну финансово-гастрономическую операцію. Впрочемъ, это я и неправду говорю, что онъ меня втянулъ. Онъ только подалъ мысль, а развилъ ее я.

Недалеко отъ нашего дома была лавка, въ которой можно было найти всевозможные предметы необходимости, роскоши и гастрономіи. Тутъ былъ и деготь, и гвозди, и селедки, и свѣчи, и леденцы, и рукавицы, и ведра—однимъ словомъ, чортъ знаетъ чего не было. Были, между прочимъ, и маленькіе, круглые пря-

ники, которые мы прозвали «солененькими» за ихъ дѣйстви- тельно солоноватый вкусъ. Гадость, какъ теперь припоминаю, ужаснѣйшая, но тогда они мнѣ казались несравненно вкуснѣе пирожныхъ, сочиняемыхъ Идой Ѳедоровной, да и вообще лако- мѣе всякаго лакомства. Всѣ деньги, которые мнѣ попадались въ руки, я продавалъ на «солененькіе», и къ этимъ Лукулловымъ пиршествамъ допускался иногда и Ѳедька. Разъ онъ самъ лю- безно предложилъ мнѣ запустить руку въ фунтикъ сѣрой бума- ги, въ которомъ я нащупалъ солененькіе. Чтò за чудеса? От- куда у Ѳедьки такая роскошь, когда денегъ у него, разумѣется, никогда ни полушки не бывало. Ѳедька сіялъ, угощая меня, онъ былъ гордъ тѣмъ, что вотъ и онъ угощаетъ. Оказалось, что онъ нашелъ на улицѣ подкову и вымѣнялъ ее лавочнику Захарычу на солененькіе. Съ обыкновенною пылкостью фантазіи онъ предложилъ мнѣ ежедневно вмѣстѣ искать по улицамъ подковы и носить ихъ къ Захарычу. Два дня мы походили. Найти ни- чего не нашли, но за то сообразили, что на подковахъ свѣтъ не клиномъ сошелся, что Захарычъ съ удовольствіемъ всякій желѣзный ломъ вымѣняетъ на солененькіе. Стали мы собирать желѣзный ломъ, большею частью гвозди, вытаскивая ихъ сна- чала изъ разныхъ старыхъ завалищихъ досокъ, а потомъ и изъ стѣнъ въ комнатахъ и снаружи дома. Наберется этого добра из- вѣстное количество, и бѣжить Ѳедька къ Захарычу, такъ что только пятки голыхъ ногъ сверкаютъ, и ворочается съ соленень- кими. Мы забираемся на сѣноваль или въ другое укромное мѣ- стечко и пируемъ, а потомъ Ѳедька пѣсню затянетъ. Чудесныя были минуты! Неизвѣстно, до какого состоянія довели бы мы домъ, вытаскивая изъ него ежедневно по нѣскольку гвоздей, если бы не случилось одно чрезвычайное событие. Мы не одни гвозди таскали, а и разные другія металлическія вещи, двер- ныя ручки, задвижки, шеворни, скобки. Разъ даже вывернули огромный желѣзный болтъ изъ ставни. Это было уже слишкомъ дерево. Захарычъ выдалъ очень большую порцію солененькихъ, но потомъ испугался, и прежде, чѣмъ дома было замѣчено по- хищеніе, принесъ болтъ... Поднялась кутерьма... И я имѣлъ подлость спрятаться за спину Ѳедьки, потому что его жестоко отодрали. А онъ, великодушный и благородный, не только не выдалъ меня подъ розгами, не только и вполнѣдствіи ни однимъ словомъ не намекнулъ на мою подлость и отступничество, но на той же недѣлѣ угостилъ меня солененькими, добытыми уже на свой собственный страхъ... Онъ видѣлъ, что такая свинья, какъ я, такому гусю, какъ онъ—не товарищъ, но все-таки при- несъ солененькихъ...

Мелочь это, ребячество—я очень хорошо знаю. Но теперь, когда я вообще каюсь, когда извѣстная нравственная система проникла въ поры моего существованія, меня и эта старая ре- бяческая мелочь больно и непріятно щекочетъ. И хотъ никому ровно до этихъ маленькихъ уоловъ дѣла нѣтъ, а иной даже

посмѣется надъ ними, но мнѣ для собственнаго успокоенія хочется воздухъ очистить, форточку и трубу открыть и во всеуслышаніе крикнуть: Оедьва! великодушный, прости меня...

Другой мой вѣрнѣйшей другъ-пріятель былъ въ совсѣмъ иномъ родѣ, да и отношенія между нами были иныя. Объ немъ немножко подробнѣе, потому что онъ очень важную роль въ моей жизни игралъ.

Отцовскій лакей («камардинъ» звала его остальная дворня) Яковъ былъ молодой малый, лѣтъ двадцати, съ чисто татарской физиономіей: черноволосый, широколицый, съ узенькими сѣрыми глазами, немного вѣось поставленными, и крупнымъ, рѣзко очерченнымъ носомъ. Росту онъ былъ средняго, но плотенъ и чрезвычайно силенъ и ловокъ. Онъ имѣлъ склонность ко всякаго рода физическимъ упражненіямъ, въ родѣ акробатства и фокусничества. Помню, какъ онъ поражалъ меня въ купальнѣ: нырнуть, ухватится руками за щели днища, а ноги выставить совершенно перпендикулярно по верхъ воды; сухія, мускулистыя, волосатыя, жилистыя ноги совсѣмъ посинѣютъ отъ напряженія, а онъ все держится. Такъ спать онъ могъ очень долго, цѣлый часъ, какъ мнѣ тогда казалось, а въ дѣйствительности, конечно, много поменьше. Во всякомъ случаѣ, очень здоровыя легкія нужны для такого фокуса. Выучился онъ у проѣзжаго фокусника-нѣмца ручнымъ фокусамъ, а потомъ и самъ до многого дошелъ, устроилъ себѣ разные приборы и приспособленія. «Эйнцъ, прей, дрей, алѣ маширъ», говорилъ онъ, постукивая магической палочкой по деревянному стаканчику и, къ величайшему моему недоумѣнію, шарикъ, бывшій подъ стаканчикомъ, оказывался у меня въ карманѣ. Много и другихъ любопытныхъ фокусовъ зналъ Яковъ: вытаскивалъ десятки аршинъ ленты изо рта, ѣлъ горящую паклю, глоталъ ножи, наливалъ себѣ на руку растопленный свинецъ и проч., и проч. Онъ былъ грамотный, но читалъ исключительно книги въ родѣ «Тайны черной и бѣлой магіи», «Все и ничего во рту опытнаго магика или ни за что не отгадаешь» и т. п. Впоследствии, какъ вы въ свое время увидите, изъ него вышелъ медиумъ...

Яковъ вообще любилъ все таинственное и мрачное и—что, вѣжеться, такъ не идетъ къ фокуснику—готовъ былъ повѣрить самой невѣроятной исторіи, если въ ней были замѣшаны какіе-нибудь злые духи, которыхъ онъ, впрочемъ, нисколько не боялся, а даже искалъ съ ними встрѣчи. Отъ него я узналъ, на примѣръ, что въ полночь въ пустой банѣ можно встрѣтить бѣлую кошку, которую нужно изо всѣхъ силъ ударить, тогда она вся рассыплется деньгами, и многое другое таинственное. Онъ и ходилъ въ баню, но бѣлой кошки не встрѣчалъ. Ходилъ онъ, кромѣ того, по ночамъ въ развалины стараго, неизвѣстно кому

принадлежавшаго каменнаго дома, уединенно стоявшаго саженахъ въ двухъ стахъ отъ нашего. Но и тамъ, кажется, ничего особеннаго не нашель. Другіе дворовые увѣряли даже, глядя на его фокусы и безстрашіе, что онъ чорту душу продалъ, и сторонились отъ него. Отецъ у него давно померъ и родныхъ вообще не было. Кромѣ разной чертовщины, онъ мнѣ много рассказывалъ про прадѣда Тѣмина-лютаго, приправляя, однако, опять-таки чертовщиной всѣ эти рассказы, дошедшіе до него по преданію. Такъ онъ увѣрялъ, напримѣръ, что лютый взрѣзывалъ животы беременнымъ женщинамъ, вынималъ дѣтей, рубилъ ихъ на мелкіе кусочки и жми «причащался адовскому богу». Это — подлинное выраженіе Якова.

Теперь, чтобы записать одинъ случай, въ которомъ Яковъ игралъ главную дѣйствующую роль, я долженъ рассказать вамъ мѣстоположеніе и устройство нашего дома. Онъ стоялъ на горѣ, на площадкѣ. Рядомъ — домъ священника, подальше, въ той же линіи, но отступя — развалины каменнаго дома, куда Яковъ ходилъ по ночамъ навѣдываться по части чертовщины (онъ назывался «пустымъ» домомъ). Противъ дома священника и, значить, чуть-чуть наискосокъ отъ насъ — церковь, а отъ нея шелъ крутой спускъ къ рѣкѣ, выложенный большими неотесанными камнями въ видѣ чрезвычайно головоломной лѣстницы. Домъ былъ деревянный, одноэтажный, если не считать подвала, гдѣ помѣщались кухня и «людскія». Раздѣлялся онъ на собственно «домъ» и флигель, соединенные теплымъ, довольно длиннымъ корридормъ. Въ «домѣ» помѣщался отецъ; тамъ былъ его кабинетъ, спальня, пріемныя комнаты и маленькая дѣтская, въ которой мы, однако, пребывали только днемъ. Спали мы во флигелѣ, гдѣ помѣщались также Ида Ѳедоровна и дяденька-нѣмецъ. Значить, по ночамъ въ «домѣ» оставались только отецъ и Яковъ, которому, мимоходомъ сказавъ, отецъ почему-то безгранично довѣрялъ.

Разъ ночью, зимой, я былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ гдѣ-то на дворѣ. Съ просонковъ я не могъ разобрать, что это такое дѣлается: шумъ, стукъ, бѣготня, крики, хлопанье воротами. Ясно было только, что какая-то необычайная возня происходитъ именно во дворѣ, а не въ саду, куда выходило окно моей конурки, закрытое ставней. Темно... страшно... Дрожая, вскочилъ я съ кровати и кинулся къ дяденькѣ-нѣмцу.

— Дяденька, говорилъ я сначала шопотомъ, трогая ручку двери.— Дяденька! Дяденька! наконецъ, закричалъ я изо всѣхъ силъ, еще болѣе испугавшись отъ звука своего голоса, и толкнулъ дверь: она оказалась отпертой. Дяденька-нѣмецъ спалъ во второй комнатѣ. Я бросился туда, но, отворивъ дверь, съ еще большимъ ужасомъ и крикомъ побѣжалъ назадъ. Дяденьки-нѣмца не было; постель его, измятая, была пуста; одѣяло валялось на полу. А полная, свѣтлая, зимняя луна глядѣла въ окно, съ котораго сорвался ставень, и фантастически серебрила шлемы,

латы, мечи, щиты и прочій археологическій скарбъ. Я еще не видалъ дяденькинаго музея при такомъ освѣщеніи, да и раньше былъ напуганъ, да и отсутствіе дяденьки поразило... Дрожа отъ страха и холода, потому что былъ босикомъ и въ одной рубашкѣ, я побѣжалъ, отъ ужаса переставъ даже кричать, въ другую сторону, гдѣ спали Ида Федоровна и Соня. У нихъ горѣлъ ночникъ, но Иды Федоровны тоже не было; ея одѣяло тоже валялось на полу. Соня спала сладкимъ сномъ.

— Соня, крикнулъ я:—Соня!

— Чтò, чтò? отозвалась Соня, испуганно озираясь и протирая заспанные глазки.

— Слышишь, Соня, слышишь? Дяденки нѣтъ и Иды Федоровны нѣтъ... Слышишь на дворѣ?..

Мы стали прислушиваться, какъ вдругъ вбѣжала Ида Федоровна въ шубѣ, накинутой чуть не прямо на голое жирное тѣло, и съ изуродованнымъ отъ перепуга лицомъ.

— Oh, Gott, oh, Gott! кричала она, беспорядочно суетась по комнатѣ. Мы пристали съ распросами, но она, кажется, просто насъ не видѣла, не слышала и только кричала: oh, Gott, oh, Je! Потомъ она схватила какія-то тряпки, какія-то стеклянки и убѣжала, оставивъ насъ въ неопisanномъ ужасѣ. Мы обнялись и зарыдали. Соня первая нашла исходъ.

— Пойдемъ туда, проговорила она шопотомъ и стуча зубами.

Куда туда? Мы этого, конечно, не знали; должно быть—туда, гдѣ люди есть, но оба стали торопливо одѣваться во чтò попало. Сначала я накинулъ на Соню какую-то хламиду, а она себѣ надѣла на ноги встать подвернушіеся мѣховые высокіе сапожки, потомъ она проводила меня ко мнѣ въ комнату, гдѣ я тоже кое-какъ обрядился. Въ какомъ мы были все это время состояніи, судите сами, но изготoвились должно быть очень быстро, затѣмъ схватились за руки и молча побѣжали, сначала въ коридоръ, потомъ на дворъ. Тамъ мы увидали странную процессію. Толпа народу медленно подвигалась отъ воротъ къ флигелю, собственно къ подвальному его этажу, кое-кто съ фонарями, которые, впрочемъ, были совсѣмъ не нужны, потому что луна ярво обливала свѣтомъ снѣжную скатерть двора. Бабы выли и причитали. Мужчины, очевидно, кого-то несли, потому что слышались голоса: «держи голову-то!» «ровнѣй, дядя Иванъ!» и т. п. Мы пристали къ процессіи, но кого несутъ—увидать изъ за толпы не могли. Изъ отрывочныхъ, беспорядочныхъ фразъ и бабьяго причитанія мы поняли только, что кто-то «расшибся». Процессія, тѣснясь и толкаясь въ узкомъ проходѣ, спустилась въ людскую, мы—тоже. Въ людской оказалось, что несли Якова. Но, Боже! въ какомъ видѣ его положили на лавку... Лицо было все въ крови, ноги тоже, подолъ желтой лисьей шубы, въ которой онъ былъ одѣтъ—тоже, штаны изодраны въ окровавленные клочья... Онъ тихо стоналъ. Около него хлопотала Ида Федоровна, при-

кладывая ко лбу мокрая тряпка. Всѣ говорили шопотомъ. Инстинктивно чувствуя, что насъ выгонять какъ только замѣтять, мы съ Соней, дрожа и крѣпко прижавшись другъ къ другу, забились за печку.

Вдругъ заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ и хлопнула дверь, и вошелъ отецъ. Тишина настала мертвая, только Яковъ стоналъ. Отецъ былъ въ халатѣ на бѣлицемъ мѣху и въ казанскихъ чигахъ, какъ онъ всегда по вечерамъ зимой ходилъ. Я замѣтилъ, что онъ былъ очень блѣденъ. Онъ остановился посреди комнаты и какъ-то неопредѣленно махнулъ рукой, но всѣ поняли и вышли, даже дяденька-нѣмецъ и Ида Федоровна. Но мы за печкой только еще крѣпче прижались другъ къ другу. Въ двухъ шагахъ отъ насъ было окно и на немъ стояла сальная свѣчка, вставленная въ бутылку; пламя свѣчки, по временамъ, неровно колыхалось, потому что окно было разбито. А подальше лежатъ на лавкѣ Яковъ. Отецъ подошелъ къ нему и наклонился. Къ намъ онъ стоялъ спиной и заслонялъ своей фигурой лицо Якова. Мы могли только слышать разговоръ.

— Больно, Яковъ? спросилъ отецъ тихо, мягко и какъ-то растерянно.

Яковъ застоналъ, потому что, судя по движенію ногъ, которыя мнѣ были видны, онъ хотѣлъ приподняться.

— Которыя... вещи... въ пустомъ домѣ... слабо проговорилъ онъ.

— Ты не говори, не говори, Яковъ, все также мягко, тихо перебилъ отецъ и тотчасъ же забылъ свой совѣтъ и опять сталъ спрашивать:

— Тебѣ у меня худо было?

Яковъ молчалъ.

— А куда-жь ты съ горы побѣжалъ?

— То... питься...

Въ эту минуту Соня вскрикнула, да и у меня глаза были мокры. Отецъ услышалъ, круто и быстро повернулся въ нашу сторону и спросилъ гораздо громче:

— Кто тутъ?

Такъ какъ мы не отвѣчали, то онъ самъ подошелъ къ печкѣ и увидѣлъ насъ. Но, странное дѣло, онъ какъ будто нисколько не удивился нашему присутствію, какъ будто бы было очень естественно, что мы въ какихъ-то фантастическихъ костюмахъ, дрожащія отъ холода и страха, сидимъ за печкой въ людской въ третьемъ часу ночи. Онъ съ секунду посмотрѣлъ на насъ, потомъ нагнулся, подаловалъ въ голову Соню, меня, и я явственно чувствовалъ, какъ горячая слеза перебѣжала съ его лица на мою щеку. Потомъ онъ, все молча, взялъ Соню на руки, а меня за руку и пошелъ изъ людской. За дверями ждала вся дворня. Ида Федоровна накинулась-было на насъ, такъ какъ совсѣмъ не ожидала насъ увидать, но отецъ сурово остановилъ ее.

— Ступайте къ Якову... Иванъ, за докторомъ...

Поднимаясь по лѣстницѣ, я, Богъ знаетъ по какому побужденію, припалъ губами къ отцовской рукѣ и цаловалъ ее, цаловалъ... Онъ не отнималъ руки.

— Ну, спать, дѣтки! тѣмъ же мягкимъ и растеряннымъ голосомъ, какъ и въ людской, сказалъ отецъ, спуская Соню съ рукъ на полъ, когда мы пришли во флигель.—Ты здѣсь ложишься, прибавилъ онъ, указывая мнѣ на кровать Иды Ѳедоровны. Потомъ онъ снялъ съ Сони хламиду, разулъ ее и сталъ грѣть дыханіемъ ея похолодѣвшія ножки (Соня была его любимица). Словъ между нами больше никакихъ не было сказано. Онъ уложилъ насъ въ постели, заботливо укуталъ одѣялами, а самъ сѣлъ въ кресло у Сонинаго изголовья. Я долго не могъ заснуть и все слѣдилъ за нимъ: онъ не шевелился и сидѣлъ, свѣсивъ голову на грудь...

На другой день я узналъ слѣдующее. У отца засидѣлся какой-то гость. Когда онъ уходилъ, Якова въ передней не оказалось, такъ что отецъ самъ выпустилъ гостя и заперъ за нимъ дверь. Желая взглянуть, который часъ, онъ не нашелъ своихъ карманныхъ часовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они обыкновенно лежали. Туда, сюда—нѣтъ часовъ. Якова тоже нѣтъ. Затѣмъ отецъ пошелъ въ платяной шкафъ за халатомъ и увидѣлъ, что шкафъ на половину пустъ. Дѣло было ясное: воровство. Отецъ разбудилъ людей, велѣлъ искать Якова, но его нигдѣ не было. Поднялась кутерьма. Вдругъ сторожъ за воротами увидѣлъ человѣка въ такой же желтой лисьей шубѣ, какая была у Якова, бѣгущимъ отъ пустого дома къ церковной сторожкѣ, примыкавшей къ колокольнѣ. А надо замѣтить, что въ сторожкѣ жилъ звонарь, большой пріятель Якова, что было всѣмъ очень хорошо извѣстно. Стали стучать въ дверь сторожки. Не отпираютъ. Но вдругъ дверь настежь отворилась, и изъ сторожки, размахивая своими здоровенными кулаками, выбѣжалъ Яковъ. Сбивъ съ ногъ двухъ человѣкъ, онъ бросился по головоломной лѣстницѣ, которая вела къ рѣкѣ. Но на половинѣ лѣстницы онъ поскользнулся, упалъ и страшно расшибъ себѣ лобъ и оба колѣна. Тутъ его и взяли. Украденныя вещи, часы, нѣсколько паръ платья, шапку съ разными документами нашли потомъ, по указанію Якова, въ пустомъ домѣ. Тутъ же лежали разные аппараты для фокусовъ...

Отецъ постарался замаять всю эту исторію, взялъ опять Якова въ «камардины», и никогда не напоминалъ ему о его попыткѣ бѣжать. Да и никто, кажется, не напоминалъ. Ида Ѳедоровна и дяденька-нѣмецъ, вѣроятно, потому, что боялись гнѣва отца; мы съ Соней, должно быть—по дѣтской чуткости и деликатности, а дворня, какъ я замѣтилъ, даже почему-то лучше, любвиѣ стала относиться къ Якову послѣ этого случая. Можетъ быть, онъ убѣдилъ ихъ, что Яковъ души чорту не продастъ. Напоминало Якову объ этомъ событіи только зеркало, отражавшее, вмѣстѣ съ другими подробностями его фізіономіи, и полученный имъ на го-

ловоломной лѣстницѣ большой шрамъ отъ виска до виска. По этому шраму и я впоследствии узналъ Якова...

Многіе знакомые говорили отцу, что напрасно онъ довѣряетъ такому человѣку и попрежнему остается съ нимъ по ночамъ вдвоемъ въ цѣломъ домѣ. Но отецъ или круто мѣнялъ разговоръ, или прямо и рѣшительно просилъ не говорить объ этомъ...

Ахъ, какое это пошлое, какое гнусное, подлое слово сказалъ Николай Семеновичъ: «веселая торопливость»!.. Почему знать, можетъ быть—я такъ хотѣлъ бы этому вѣрить—можетъ быть, и отецъ ужъ каялся, только не хватало у него силъ каяться на чистоту...

Г. Тешкинъ.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Общее собраніе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 4 января 1876 года.

Засѣданіе, въ присутствіи 25 членовъ, было открыто рѣчью предсѣдателя, В. П. Гаевского, въ память недавно скончавшихся членовъ общества А. П. Карцева и графа М. А. Корфа: «Оба они, сказыль предсѣдатель, принадлежать къ старѣйшимъ членамъ нашего общества и были избраны въ первое общее собраніе 20 декабря 1859 г. Не касаясь важныхъ государственныхъ заслугъ графа Корфа, я не могу не упомянуть о дѣятельности, связывавшей его съ нашимъ обществомъ, о дѣятельности въ наукѣ и литературѣ. Главная заслуга покойнаго, которая никогда не забудется, есть преобразование публической бібліотеки. Онъ вдохнулъ въ это забытое учрежденіе новую жизнь и сдѣлалъ его вполне соответствующимъ современнымъ требованіямъ. Благодаря энергіи и любви, которыя онъ внесъ въ это дѣло, публичная бібліотека, по богатству, образцовому управленію и числу посѣтителей, принадлежитъ къ лучшимъ европейскимъ книгохранилищамъ. Въ литературѣ графъ Корфъ составилъ себѣ почетное имя біографіею Сперанскаго. Это первый и пока еще единственный трудъ, въ которомъ, съ возможною полнотою, изображены время и дѣятельность знаменитаго государственнаго человѣка. Графъ Модестъ Андреевичъ былъ одинъ изъ весьма немногихъ, оставшихся еще въ живыхъ товарищей Пушкина; теперь остаются только князь А. М. Горчаковъ и С. Д. Комовскій. Личнымъ воспоминаніемъ покойнаго, изустнымъ и письменнымъ, мы обязаны вѣрными свѣдѣніями о воспитаніи и внѣшескихъ годахъ великаго поэта. Заботясь о сохраненіи этихъ дорогихъ воспоминаній, графъ Корфъ передалъ мнѣ свои рукописныя замѣтки о тогдашнемъ лицѣ, и онѣ, съ небольшими пропусками, сдѣланными по указанію автора, начатаны мною въ одной изъ статей о Пушкинѣ *. Изъ моихъ личныхъ долготѣвнихъ сношеній съ покойнымъ, я вынесъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе, какъ объ общественномъ дѣятелѣ и истинно добромъ человѣкѣ. Добрую память о немъ сохранить и всякій лично знавшій покойнаго. Оба умершіе сочлена горячо сочувствовали цѣлямъ нашего общества и доказали свое сочувствіе вступленіемъ въ него при самомъ основаніи. Почтимъ ихъ благодарнымъ воспоминаніемъ».

Затѣмъ былъ прочитанъ слѣдующій *отчетъ секретаря*: «Милостивые государи! Въ теченіе послѣдней четверти года къ числу 516 членовъ общества прибавилось 34, изъ которыхъ 33 вновь избраны, а одинъ, утратившій числительнаго за нимъ недоимку, включенъ въ списокъ комитетомъ, на основаніи правильнаго, утвержденнаго общимъ собраніемъ 2-го февраля 1876 года. За это же время исключены изъ списка трое умершихъ членовъ: П. В. Демидовъ, К. П.

* Рукопись подарена графомъ Корфомъ бібліотекару и архитектору публичной бібліотеки В. И. Соболюцкому, уже умершему, и хранится у его вдовы.

Де-Додт и А. П. Карповъ и одинъ членъ, не дѣлавшій взносовъ три года. Затѣмъ въ 1876 г. въ спискѣ числятся 546 членовъ.

Денежныя пособия за послѣдніе три мѣсяца, сверхъ произведенныхъ по прежнимъ назначеніямъ, были слѣдующія: 1) назначено съ 1-го января 1876 г. производствомъ трехъ пенсій въ 580 руб. въ годъ, именно: по 150 руб. семейству умершаго писателя, извѣстнаго педагогическими изданіями; по 250 руб. семейству писателя, издававшаго 15 лѣтъ журналъ и обращавшаго общее вниманіе своими оригинальными и переводными трудами въ стихахъ и прозѣ, и по 180 р. больной и престарѣлой дочери ученаго, уже давно умершаго; 2) въ пособіе на воспитаніе и ученіе назначено молодому писателю, слушающему лекціи въ одномъ изъ университетовъ, 75 р., стипендія имени Е. П. Ковалевскаго въ 300 руб. сохранена на годъ за вѣрными стипендіатомъ, окончившимъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ и приготовляющемся къ экзамену на степень магистра. Учрежденными же въ 1872 году четырьмя стипендіями для студентовъ и вольнослушателей 1-го курса петербургскаго университета, по 125 руб. въ годъ каждый, воспользовались на первое учебное полугодіе вольнослушатель историко-филологическаго факультета и три студента: юридическаго, математическаго и историко-филологическаго факультетовъ; 3) одновременныя пособія были назначены 12 лицамъ и семействамъ въ 1,270 р., въ томъ числѣ одно въ 300 р., два по 150 р., четыре по 100 р., одно въ 75 р., одно въ 70 р., два по 50 р. и одно въ 25 р. Размѣръ послѣдняго былъ опредѣленъ самимъ писателемъ, а 300 р. выданы оставшейся безъ средствъ вдовѣ писателя, который, кромѣ оригинальныхъ трудовъ своихъ, издавалъ цѣлую бібліотеку переводовъ, философскихъ сочиненій западной литературы конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія; 4) въ безсрочную ссуду, по назначенію своему равняющуюся безвозвратному пособію, выдано 250 р. дочери покойнаго профессора, извѣстнаго многими литературными трудами, посвятившей себя педагогической дѣятельности и нуждавшейся въ деньгахъ для расплаты за напечатаніе составленнаго ею учебника; 5) срочная ссуда выдана была одному лицу въ 100 р. Послѣдняго рода ссуды, срокъ возврата которыхъ обуславливается окончаніемъ года, были выданы въ минувшемъ году 7 лицамъ въ размѣръ 2,950 р. Три лица возвратили снова вѣдше имъ 750 р., одно уплатило часть ссуды, именно 500 р., три лица ничего не уплатили, а остальные 1,700 р. внесены поручителями. Въ счетъ 4 безсрочныхъ ссудъ въ 640 р., срокъ возврата которыхъ предоставляется лицамъ, ихъ получившимъ, уплаты въ 1875 году не было. Всего же въ три мѣсяца вновь было назначено денежныхъ пособій разныхъ видовъ 23 лицамъ и семействамъ на 2,825 р.

Неденежныя пособія были слѣдующія: 1) по сношеніямъ комитета съ редакціями газетъ и журналовъ, 4 лицамъ былъ высланъ гонораръ за ихъ статьи; 2) подобное же сношеніе сдѣлано было еще съ одною редакціей, но она не нашла возможнымъ произвести уплату, относя это къ обязанности бывшей до нея редакціи; 3) по заявленію С. Гусева, производилось такое же сношеніе съ редакціей «Новостей», но соглашенія между редакціей и сотрудникомъ не состоялось; 4) по сношеніямъ же комитета, начатымъ въ мартѣ минуваемаго года, одна редакція журнала въ ноябрѣ обѣщавалась возвратить автору его рукопись, задержанную ею съ 1871 г., но исполнила ли свое обѣщаніе—неизвѣстно; 5) съ тою же редакціей, по просьбѣ переводчицы, было сдѣлано сношеніе о вознагражденіи за переводъ, доставленный редакціи еще въ мартѣ 1874 г. и не напечатанный ею, не смотря на неоднократныя обѣщанія, до ноября 1875 г., когда то же сочиненіе явилось въ печати въ другомъ переводѣ; редакція, однако, не признала за переводчицею права на вознагражденіе; 6) по ходатайству комитета, при дѣятельномъ участіи В. А. Манассеина,

писатель, совершенно больной и неимѣющій средствъ не только на лечение, но и для существованія, помѣщенъ въ клинику профессора Бессера.

12 ходатайствъ о пособіи отклонены комитетомъ, такъ какъ просители или не принадлежатъ къ числу лицъ, имѣющихъ право на помощь общества, или уже пользовались ею, и притомъ неоднократно и иногда въ очень недавнее еще время. Кроме того, отклонены ходатайства о судѣ двухъ лицъ, за непредставленіемъ поручительства въ уплатѣ ея и одного лица, котораго нельзя считать литераторомъ. Одному лицу отказано въ сношеніи съ редакціей журнала о гонорарѣ, такъ какъ она уже заявила комитету, что не расплачивается за прежнюю редакцію, и тремъ лицамъ заявлено, что просимыя двума изъ нихъ сношенія и сдѣланное однимъ предложеніе комитету выходить изъ круга дѣятельности общества. Комитетъ не призналъ также возможнымъ разрѣшить непосредственную выдачу одному лицу денегъ, отпущаемыхъ на воспитаніе его сына, и войти въ переписку, по ходатайству другого лица съ 5 редакціями о возвращеніи его статей, имѣя въ виду, что онѣ посланы уже давно, а ненапечатанныя статьи уничтожаются редакціями по истеченіи извѣстнаго срока. Одно ходатайство о пособіи оставлено безъ удометворенія по поступившему впоследствии заявленію о приостановкѣ его до времени. Сверхъ того комитетъ имѣлъ въ виду одно заявленіе о крайне бѣдственномъ будто бы положеніи вдовы очень извѣстнаго писателя, тогда какъ она нисколько не нуждается въ средствахъ, и все сказанное въ заявленіи опровергается положительными фактами и не имѣетъ даже тѣни правдоподобія.

Въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ была произведена покупка процентныхъ бумагъ для капитала общества и стипендіи. Прежнія металлическія бумаги, какъ уже было доложено общему собранію, представлявшія нарицательную стоимость въ 61,760 р., были проданы за 65,927 р. 90 к. и въ замѣнъ ихъ куплено: 1) закладныхъ листовъ харьковскаго земельного банка въ 30,900 руб. за 29,287 р. 71 к. и херсонскаго въ 34,500 р. за 30,661 р. 87 к., всего же процентныхъ бумагъ куплено въ 65,400 р. за 59,899 р. 58 к. Вслѣдствіе этой операціи, отъ продажи и покупки, капиталъ общества увеличился на 7,781 р. 30 к. и стипендіи на 1,887 р. 2 к., а всего на 9,668 р. 32 к.

Въ ноябрѣ и декабрѣ было устроено два литературныхъ вечера въ пользу общества, которые принесли дохода 566 р.

Пожертванія въ пользу общества поступили: отъ харьковской казенной палаты собранные разными лицами 9 р. 85 к., Н. В. Яковлевой 28 р. 60 к., князя П. И. Цертелева 8 р., В. П. Гаевскій пожертвовалъ въ пользу общества 5 акцій по 25 руб. (всего на 125 руб.), «Общества для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія», которыя, кромѣ 4% на капиталъ, даютъ обществу право, какъ владѣльцу 5 акцій, рекомендовать жильца на квартиру въ домъ «Обществу улучшенія помѣщеній» за плату съ отопленіемъ и водою отъ 5 до 16 р. въ мѣсяцъ. Комитетъ опредѣлилъ причислить это пожертваніе къ неприкосновенному капиталу, а членъ Комитета А. А. Краевскій заявилъ желаніе сдѣлать подобное же пожертваніе. Графиня С. А. Толстая завѣщала изданіе всѣхъ сочиненій покойнаго мужа своего, графа А. К. Толстаго, и постановку въ театръ его произведеній съ проспектаальною платою въ пользу общества, съ тѣмъ, чтобы изданіе и постановка на сценѣ произведеній графа А. К. Толстаго предпринимались съ согласія указаннаго лица, которому предоставляется въ пожизненное пользованіе половина чистаго дохода.

Благодарность общества изъявлена: П. Е. Басистову, И. Н. Буличу, В. А. Манассену, В. И. Аристову, Е. К. Гайдебуровой, А. Н. Майкову и А. А. Потѣхину,—за содѣйствіе комитету; лицамъ, собравшимъ въ харьковской казенной палатѣ деньги въ пользу общества, Н. В. Яковлевой, князю П. И. Цер-

телеву и графинѣ С. А. Толстой за пожертвованія, Ѳ. П. Баймакову за уступку обществу коммисіоннаго процента при первой покупкѣ въ его конторѣ процентныхъ бумагъ для общества.

Въ заключеніе, въ виду предстоящей разсылки отчета за 1875 г. комитетъ покорнѣйше проситъ членовъ общества, перемѣнившихъ мѣсто своего жительства, доставить свой новый адресъ секретарю комитета (П. А. Ефремовъ, по Лиговкѣ, № 25), а въ виду предстоящей уплаты членскихъ взносовъ, считаетъ долгомъ напомнить, что они принимаются казначеемъ общества (П. А. Гайдебуровъ, на углу Ивановской и Кабинетской, № 6—12) и кромѣ того книжными магазинами А. Ѳ. Базунова въ Петербургѣ и И. Г. Соловьева въ Москвѣ, конторою товарищества «Ѳ. П. Баймаковъ и К^о».

Изъ прочитаннаго послѣ того отчета казначея за три мѣсяца видно, что въ массѣ общества къ 1-му октября 1875 г. состояло 63,019 р. 85 к. Къ тому поступило: пожертвованій 46 р. 45 к., членскихъ взносовъ отъ 35 лицъ 430 р., дохода отъ двухъ литературныхъ вечеровъ 566 р. и процентовъ на капиталъ 825 р., всего 1,867 руб. 45 коп., и по оборотамъ: купленныхъ процентныхъ бумагъ на 55,900 р., въ возвратъ ссудъ 2,450 р. и выданнаго пособія 100 р., всего 58,450 руб. Израсходовано: на пен. ии 19 семействамъ 1,457 р., на воспитаніе 12 лицамъ 945 р., на продолжительное и единовременныя пособія 14 лицамъ 1,365 р., на безсрочную ссуду одному лицу 250 руб., на пересылку суммъ 19 р. 37 к. и за храненіе процентныхъ бумагъ 18 руб. 75 коп., всего 4 055 р. 12 к., и по оборотамъ: на покупку процентныхъ бумагъ 51,169 руб. 20 коп., за выросшіе до покупки ихъ проценты 730 руб. 48 коп. и въ ссуду одному лицу 100 р., всего 51,999 р. 68 к. Затѣмъ, къ 1-му января 1876 г. состояло 67,282 р. 40 к., въ томъ числѣ неприкосновеннаго капитала 15,347 р., капитала И. Т. Лисенкова и Б. П. Утина по 1,000 р., Н. М. Василевскаго 300 р. и В. Ѳ. Корша 2,076 р. 67 к.

По прочтеніи отчетовъ была произведена баллотировка новыхъ членовъ и оказались избранными: Николай Николаевичъ Константиновъ, Модестъ Петровичъ Мусоргскій, графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенщевъ-Бутузовъ, Иванъ Ивановичъ Боргманъ, князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ, Николай Михайловичъ Павлиновъ, Сергій Семеновичъ Соколовъ, Ксаверій Осиповичъ Ченгеръ, Николай Михайловичъ Ядринцевъ, Александръ Константиновичъ Шеллеръ, Александръ Ивановичъ Поповицкій, Григорій Исааковичъ Богровъ, Александръ Петровичъ Милуковъ, Віліамъ Лудзиговичъ Беренштамъ, Николай Алексѣевичъ Осокинъ, Пгнатій Игнатьевичъ Малюшицкій, Александръ Платоновичъ Нахимовъ, Николай Алексимовичъ Середа, Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ, Иларіонъ Николаевичъ Толстой, Сергій Николаевичъ Худковъ, Николай Ивановичъ Шульгинъ и Робертъ Ѳедоровичъ Плишъ. Безъ баллотировки приняты въ члены общества: Анна Павловна Философова и Марья Валентиновна Ватсонъ.

Въ заключеніе произведено избраніе въ члены ревизіонной коммисіи, и большинствомъ голосовъ избраны: Г. К. Рѣпинскій, К. К. Арсеньевъ, Э. К. Ватсонъ, Н. В. Кидошенковъ, Н. Н. Тютчевъ, Е. П. Утинъ и А. С. Суворинъ.

EN VENTE CHEZ

E. MELLIER.

Libraire de la Cour Impériale,

au pont de Police, maison de l'Église Hollandaise,

à St.-Petersbourg.

- Paul Arène.** La Chine familière et galante, 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
- Claretie.** La vie moderne au théâtre. Causeries sur l'art dramatique. Deuxième série. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
- Janmet.** Les États-Unis contemporains ou les mœurs, les institutions et les idées depuis la guerre de Secession. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 60 c.
- Smiles.** Voyage d'un jeune garçon autour du monde. 1 vol.; prix 1 r. 20 c.
- Charles** (Philarete). L'Antiquité. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
- Aubryet.** Philosophie mondaine. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
- Hubbard** (Gustave). Histoire de la littérature contemporaine en Espagne. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
- Grenier.** A travers l'antiquité, La vie joyeuse au pays latin. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
- Quatre ans chez les Achantis.** Journal de M. Ramseyer et Kuhne pendant le temps de leur captivité. 1 vol. in-12°; prix 2 r.
- Goncourt** (Edmond et Jules). L'amour au 18-e siècle. 1 joli vol. in-12° elzevir; prix 2 r.
- Quinet** (Edgar). Le livre de l'exilé, 1851—1870. Après l'exil. Manifestes et discours, 1871—1875. 1 vol. in-8°, avec portrait photographié de l'auteur; prix 3 r.
- Nichelet.** Histoire du XIX-ème siècle. 3 vol. in-8°. I. Origine des Bonaparte; II. Jusqu'au 18 brumaire; III. Jusqu'à Watterloo. Prix 7 r. 20 c.
- Reclus.** Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes. **Tome premier** contenant L'Europe méridionale (Grèce, Turquie, Roumanie, Serbie, Italie, Espagne et Portugal), illustré de 73 gravures, 4 cartes en couleur et 173 cartes insérées dans le texte. 1 très-fort volume gr. in-8°; prix 12 r.
- Blaze de Bury.** Les femmes et la société au temps d'Auguste. Cléopâtre-Livie—La fille d'Auguste. 1 vol. in-8°; prix 3 r.
- Cahun.** Les aventures du capitaine Magon ou une exploration phénicienne mille ans avant l'ère chrétienne. Roman archéologique. 1 vol. gr. in-8°; illustré par Philippoteaux et relié en demi-chagrin. Prix 6 r.
- Guirot.** Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'à 1789, illustrée par A. de Neuville. **Tome cinquième et dernier.** 1 vol. gr. in-8°; prix broché: 7 r. 20 c., richement relié 10 r.

- Rendu** (Victor). Les animaux de France. Ouvrage contenant 258 gravures. 1 fort vol. gr. in-8° relié en demi-chagrin. Prix 5 r. 60 c.
- Grévin**. Le monde amusant. Deuxième série (Album de caricatures coloriées); in-4°; prix broché: 2 r. 50 c. Relié: 4 r.
- Lubbock**. L'homme préhistorique étudié d'après les monuments. 1 vol. in-8°. Prix broché 6 r., relié: 7 r. 20 c.
- Smee** (Alfred). Mon jardin. Géologie—Botanique—Histoire naturelle—Culture. 1 vol. in-8, contenant 1,300 gravures et 25 planches hors texte. Prix broché 6 r.; joliment relié 8 r.
- Michelet**. L'Insecte. Nouvelle édition de luxe, illustrée par Giacomelli. 1 vol. gr. in-8° richement relié. Prix 10 r.
- Cherville** (Marquis). La chasse aux souvenirs. 1 vol in-12°; prix 1 r. 20 c.
- Malot** (Hector). La marquise de Lucillière. (Suite du «Colonel Chamberlain»). 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
- Montepin**. Le secret de la comtesse. Tome 1-er. Prix 1 r. 20 c.
- Gérald**. Un mariage en Angleterre. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
- Diguet**. Statuettes parisiennes. 1 joli volume illustré de 18 portraits des actrices de Paris. Prix 2 r.
- Yongs**. Le lion captif. 2 vols in-12°; prix 2 r. 40 c.
- Bachaumont**. Les femmes du monde. 1 vol. in-12; prix 1 r. 20 c.
- Bertall**. La vie hors de chez soi. (Comédie de notre temps. 3-ème série). L'hiver—Le printemps—L'hiver—L'automne. Etudes au crayon et à la plume. 1 beau volume gr. in-8° illustré. Prix broché 8 r.; relié en demi-chagrin: 10 r. 40 c.
- Bida**. Le livre de Ruth. Traduit de la Sainte Bible par Lemaistre de Sacy. 1 magnifique volume grand in-folio, richement relié avec eaux-fortes de Bida et ornements gravés sur de Rossigneux. Prix 16 r.
- Ménard**. L'art en Alsace-Lorraine. 1 très beau volume in-4°, richement relié et contenant un grand nombre des eaux-fortes et gravures, prix 20 r.
- La troisième invasion**. Première partie: Texte par Eugène Véron. Eaux-fortes par Auguste Lançon. 1 magnifique volume in-folio en carton. Prix 75 r.
- Livingstone**. Dernier journal, relatant ses explorations et découvertes de 1866 à 1873. 2 vol. gr. in-8° illustrés. Prix brochés 8 r., reliés en demi-chagrin: 11 r. 20 c.
- Baker** (Sir Samuel). Ismailia. Récit d'une exploration dans l'Afrique centrale. 1 vol. gr. in-8°, illustré. Prix broché 4 r., relié en demi-chagrin: 5 r. 60 c.
- Gourdault**. Voyage au pôle Nord des navires la Hama et la Germania rédigé d'après les relations officielles allemandes. 1 vol. gr. in-8° illustré. Prix broché 4 r., relié en demi-chagrin: 5 r. 60 c.
- Cozzens**. La contrée merveilleuse. Voyage dans l'Arizona et le nouveau Mexique. 1 vol. in-8°; prix relié en demi-chagrin et illustré: 5 r. 60 c.
- Challamel**. Les amuseurs de la rue. 1 vol. in-8° illustré; prix 80 c.

NB. Les personnes de l'intérieur sont priées d'ajouter les frais de transport suivant le tarif de la poste.

ГЭБРИЕЛЬ КОНРОЙ.

РОМАНЪ

Бретъ-Гарта.

I.

ИЗВНЪ.

Снѣгъ — всюду, на сколько глазъ видѣлъ, на пятьдесятъ миль къ югу отъ высшаго бѣлаго пика, наполняя ущелья и котловины, падая съ отвѣсныхъ стѣнъ горныхъ проходовъ какъ бы бѣлымъ саваномъ, придавая среднему краю подобіе чудовищной толпы, скрывая основы гигантскихъ сосенъ, засыпая совершенно молодыя деревья, окружая словно фарфоровой рамкой холодныя зеркальныя озера и медленно разстилаясь бѣлыми волнами къ отдаленному горизонту. Снѣгъ вездѣ лежалъ и продолжалъ еще падать въ Калифорнскихъ Сіеррахъ, 15-го марта 1848 года.

Впродолженіи десяти дней снѣгъ шелъ мелкимъ, граненымъ порошкомъ, крупными, рыхлыми хлопьями, тонкими, перистыми звѣздочками; снѣгъ шелъ изъ черныхъ, свинцовыхъ тучъ, бѣлой волнистой массой или длинными рядами тонкихъ вощевъ; снѣгъ шелъ жестоко, но безмолвно. Лѣса были такъ занесены снѣгомъ, вѣтви деревъ такъ гнулись подъ его грудями, онъ такъ переполнялъ собою землю и небо, онъ такъ окутывалъ мелкимъ, непроницаемымъ покровомъ и горные отвѣсы, что умеръ всякій звукъ, всякое эхо. Сильнѣйшій порывъ вѣтра не возбуждалъ ни малѣйшаго стопа въ снѣгомъ засыпанныхъ лѣсахъ. Нигдѣ не раздавалось треска вѣтвей или шелеста валежника; погнутыя массою снѣга сучья сосенъ и елей поддавались и падали, но безмолвно. Тишина была неизмѣримая, безграничная!

Никакой вѣншній признакъ жизни не нарушалъ мертвой не-

Гэбриель Конрой.

1

подвижности пейзажа. Вверху не было игры свѣта и тѣней; только по временамъ ночь и вьюга становились мрачнѣе. Внизу ни одна птица не пролетала надъ бѣлымъ, необозримымъ пространствомъ, ни одинъ звѣрь не показывался на опушкѣ черныхъ лѣсовъ; все живое, что иѣкогда обитало въ этой пустынной странѣ, уже давно бѣжало въ нижнія поляны. Нигдѣ не было видно слѣдовъ, и, если какая-нибудь нога запечатлѣлась въ этой обнаженной, дикой мѣстности, то снѣгъ все покрылъ, все ступевалъ. Бѣлая поверхность пустыни была незапятнанной, дѣвственной. И однако, среди этого мрачнаго опустошенія виднѣлись признаки человѣческаго труда.

Нѣсколько деревьевъ было срублено при входѣ въ ущелье и только слегка покрыты снѣгомъ. Они, быть можетъ, служили только для указанія большой сосны, на которой топоромъ была вырѣзана рука, обращенная къ ущелью. Подъ этой рукой былъ пробить гвоздями кусокъ полотна съ слѣдующей надписью:

Объявленіе.

«Партія эмигрантовъ капитана Конроя потеряна въ снѣгу и занимаетъ это ущелье. Нѣтъ припасовъ, умираемъ съ голода!

«Вышли изъ Сент-Джо 8-го октября 1847 г.

«Вышли съ Соленого Озера 1-го января 1848 г.

«Прибыли сюда 1-го марта 1848 г.

«Потеряли половину вещей на Платтѣ.

«Пришли фургоны 20-го февраля.

«Помогите!»

«Насъ зовутъ:

Джозель Мак-Кармикъ.

Джени Бракетъ.

Питеръ Думфи.

Гэбриель Канрой.

Поль Деваржъ.

Джонъ Валькеръ.

Грэгъ Канрой.

Генри Марчъ.

Олимпіи Конрой,

Филиппъ Ашлей.

Мэри Думфи.

(Потомъ карандашемъ было написано мелкими буквами):

«Мэри умерла 8-го ноября, Сладкій Ручей.

«Минни умерла 1-го декабря, Ущелье Эхо.

«Джени умерла 2-го января, Соленое Озеро.

«Джемсъ Бракетъ пропалъ 3-го февраля.

«Помогите!»

Языкъ страданій не склоненъ къ художественнымъ красотамъ; но я полагаю, что цвѣты реторики не придали бы краснорѣчія этой фактической лѣтописи. Поэтому я оставляю ее въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась 15-го марта 1848 года, на соеновой корѣ, покрытая тонкимъ слоемъ мокраго снѣга, подъ

грубой бѣлой рукой, неподвижно указывавшей, подобно рукѣ смерти, на роковое ущелье.

Около полудня мятель нѣсколько стихла и на востокѣ небо слегка прояснилось. На горизонтѣ показался мрачный абрисъ отдаленныхъ горъ, а вблизи бѣлая отвѣсная стѣна утеса ярко заблестѣла. Вдоль нея вдругъ что-то черное стало медленно двигаться, но такъ неопредѣленны были очертанія этого предмета, что невозможно было сказать—звѣрь это или человѣкъ; то онъ ползъ на четверенькахъ, то шель выправившись, но спотыкаясь, какъ пьяный. Однако, цѣль его была опредѣленная; онъ шель прямо въ ущелью.

Наконецъ, стало ясно, что это былъ человѣкъ, изнуренный, испитой, въ лохмотьяхъ и изорванной буйволовою шкурѣ, но все же человѣкъ и очень рѣшительный. Это былъ юноша, несмотря на его согнутую спину и дрожащія ноги, на преждевременныя морщины, окаймлявшія его чело, благодаря страданіямъ и заботамъ, несмотря на выраженіе дикой мизантропіи, прямое слѣдствіе страданій и голода.

Достигнувъ дерева при входѣ въ ущелье, онъ смахнулъ слой снѣга съ полотнянаго объявленія и прислонился въ изнеможеніи къ рукѣ, указывавшей путь. Въ его отчаянной позѣ было что-то, доказывавшее гораздо яснѣе и патетичнѣе его лица и фигуры совершенное изнеможеніе юноши, хотя не было никакой видимой къ тому причины. Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ свой путь съ судорожной энергіей, спотыкаясь, падая, нагибаясь, чтобъ поправить грубые башмаки изъ сосновой коры, постоянно сваливавшіеся съ его ногъ; но все же онъ подвигался впередъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ человѣка, сомнѣвающагося даже въ своей силѣ воли.

Въ разстояніи мили отъ дерева ущелье суживалось и постепенно повертывало къ югу; тутъ видѣлся тонкій клубъ дыма, какъ бы выходившій изъ какого-то отверстія въ снѣгу. Нѣсколько далѣе показались слѣды шаговъ, и усталый путникъ остановился или, лучше сказать, прилегъ къ небольшому сугробу, изъ котораго выходилъ дымъ. Въ этой снѣжной пещерѣ было отверстіе и, наклоняясь къ нему, онъ нарушилъ окружающую тишину слабымъ крикомъ. Изнутри отвѣчали такими же, но еще менѣе слышными звуками. Черезъ минуту, въ отверстіи показалось лицо и потомъ цѣлая фигура, такая же изнуренная и оборванная; затѣмъ другая, третья и, наконецъ, восемь человѣческихъ существъ, мужчинъ и женщинъ, окружили его, ползая въ снѣгу, какъ животныя и, какъ животныя, потерявъ всякое сознаніе стыда и приличія.

Всѣ они были такъ несчастны, беспомощны, блѣдны, изнурены, такъ жалки, какъ человѣческія существа или, вѣрнѣе, остатки человѣческихъ существъ, что при видѣ ихъ невольно наворачивались слезы; но, съ другой стороны, они были такъ дики, глухи, бессмысленны и смѣшны въ своихъ животныхъ проявленіяхъ, что невольная улыбка просилась на уста. Первоначально принадлежалъ тому общественному классу сельскаго люда, у котораго самоуваженіе скорѣе основывается на обстоятельствахъ и обстановкѣ, чѣмъ на индивидуальной, нравственной или умственной силѣ, они потеряли въ общихъ страданіяхъ всякое чувство стыда и не могли ничѣмъ замѣнить удовлетвореніе матерьяльныхъ потребностей, въ чемъ имъ теперь отказывала судьба. Они были дѣти безъ дѣтскаго самолюбія и соревнованія; они были люди безъ человѣческаго достоинства и простоты. Все, что возвышало ихъ надъ уровнемъ животныхъ, пропало въ снѣгу. Даже исчезло различіе половъ: шестидесятилѣтняя старуха ссорилась, бранилась и дралась такъ же грубо и дико, какъ любой мужчина, а золотушный юноша вздыхалъ, плакалъ и падалъ въ обморокъ, какъ женщина. Всѣ эти существа такъ глубоко пали, что утомленный путникъ, вызвавшій ихъ изъ нѣдръ земли, казалось, принадлежалъ къ другой расѣ, несмотря на свои лохмотья и мрачную меланхолю.

Всѣ они были слабы и беспомощны; но одна изъ женщинъ, повидимому, совершенно потеряла рассудокъ. Она носила на рукахъ свернутое дѣтское одѣяло и укачивала его, какъ ребенка, не сознавая, что настоящее ея дѣтище умерло съ голоду нѣсколько дней тому назадъ. Но еще грустнѣе былъ тотъ фактъ, что никто изъ ея товарищей не обращалъ вниманія на ея безуміе. Когда она, спустя нѣсколько минутъ послѣ выхода изъ подземнаго жилища, просила не шумѣть, чтобъ не разбудить ея ребенка, всѣ бросили на нее равнодушный взглядъ и продолжали шумѣть. Только одинъ изъ мужчинъ, рыжій, посмотрѣлъ на нее дико, жестоко, но потомъ какъ бы забылъ объ ея присутствіи и принялся за свое прежнее занятіе—жеваніе буйволовои шкуры.

Возвратившійся путникъ перевелъ дыханіе и медленно произнесъ:

— Ничего.

— Ничего, повторили хоромъ всѣ присутствующіе, но съ различными выраженіемъ въ голосѣ.

Одинъ произнесъ это слово гнѣвно, другой мрачно, третій глупо, четвертый бессознательно. Женщина съ мнимымъ ребенкомъ связала со смѣхомъ, обращаясь къ своей ношѣ:

— Слышишь, онъ говорить ничего!

— Да, ничего, отвѣчалъ пришлецъ:—вчерашній снѣгъ занесъ старую тропу. Маякъ на вершинѣ выгорѣлъ. Я поставилъ объ-явленіе на перепутьѣ. Посмѣй это сдѣлать опять Думфи, прибавилъ онъ:—и я снесу твою проклятую голову.

Думфи, рыжий мужчина, жевавшій буйволовую шкуру, грубо толкнулъ и ударилъ женщину съ мнимымъ ребенкомъ; она была его жена, и, быть можетъ, онъ это сдѣлалъ по привычкѣ. Она, повидимому, не обратила никакого вниманія на ударъ и под-кравшись къ прибывшему юношѣ сказала:

— Такъ завтра!

— Завтра навѣрно, произнесъ онъ, давая свой обычный отвѣтъ на на всѣ подобныя вопросы въ теченіи послѣднихъ восьми дней.

Несчастливая послѣ этого удалилась въ отверстіе снѣжнаго сугроба, нѣжно прижимая свою ношу.

— Вы, кажется, не очень-то заботитесь о насъ, произнесла другая женщина грубымъ, рѣзкимъ голосомъ, походившимъ на лай собаки:—отъ васъ толку мало. Отчего вы, прибавила она, обращаясь къ товарищамъ:—не займете его мѣсто? Зачѣмъ вы довѣряете этому Ашлею свою и нашу жизнь?

Золотушный молодой человекъ бросилъ на нее дикій взглядъ и, словно боясь, что его вовлекутъ въ разговоръ, поспѣшно уда-лился вслѣдъ за мистриссъ Думфи.

Ашлей пожалъ плечами и произнесъ, отвѣчая скорѣе всей группѣ, чѣмъ одной личности:

— Для насъ всѣхъ одинъ путь спасенія. Вы его знаете. Оста-ваться здѣсь—смерть; что бы насъ ни ожидало въ пути, все лучше этого.

Онъ всталъ и медленно пошелъ по ущелью къ другому снѣж-ному сугробу, видѣвшемуся нѣсколько поодаль. Когда онъ скрылся изъ глазъ, оставшіеся товарищи гнѣвно заговорили:

— Пошелъ къ старому доктору и къ дѣвчонкѣ, а о насъ и не думаетъ.

— Они—лишніе въ нашей партіи.

— Да, сумасшедшій докторъ и Ашлей.

— Я говорила тогда же, какъ мы его подобрали, что изъ этого не будетъ добра.

— Но капитанъ пригласилъ въ нашу партію стараго доктора и взялъ всѣ его запасы въ Сладкомъ Ручьѣ; Ашлей также вло-жилъ въ общую массу всю свою провизію.

Послѣднія слова произнесъ Мак-Кармикъ. Онъ былъ голодець, но не потерялъ еще разсудка, и въ глубинѣ его хотя и отума-

неннаго сознанія скрывалась еще доля справедливости. Къ тому же, онъ помнилъ съ сожалѣніемъ, какую отличную пицу доставилъ имъ Ашлей.

— Такъ что-жь! воскликнула мистриссъ Браветъ:—онъ принесъ намъ несчастье. Мой мужъ умеръ, а этотъ чужой сорванецъ живетъ.

Ея голосъ былъ совершенно мужской, но логика чисто-женская, которая часто дѣйствуетъ на людей при совершенномъ упадкѣ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Всѣ товарищи согласились съ нею и почти въ одинъ голосъ сказали:

— Чортъ его возьми!

— Что-жь дѣлать?

— Еслибъ я была мужчина, то знала бы, что дѣлать.

— Убить его?

— Дѣ, и...

Мистриссъ Браветъ окончила эту фразу конфиденціальнымъ шепотомъ на ухо Думфи, послѣ чего они оба сидѣли, молча, качая головою, какъ уродливые, китайскіе идолы.

— Посмотрите, какъ онъ силенъ, а не рабочій человекъ, какъ мы, произнесъ, наконецъ, Думфи:—я никогда не повѣрю, чтобы онъ не имѣлъ постоянной...

— Что?

— *Пици.*

Невозможно выразить неимоверную энергію, съ которой онъ произнесъ это слово. Наступило тревожное молчаніе.

— Пойдемъ и посмотримъ.

— И убьемъ его, прибавила нѣжная мистриссъ Браветъ.

Они всѣ отправились съ лихорадочной энергіей, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упали на снѣгъ. Даже и тогда они не почувствовали стыда, что рѣшились на такое дѣло. Все же они остановились, кромѣ Думфи.

— О какомъ снѣ вы только-что говорили? спросилъ Мак-Кармигъ, садясь на снѣгъ и равнодушно отказываясь отъ задуманнаго предпріятія.

— О вкусномъ обѣдѣ въ Сент-Джо? спросилъ мистеръ Марчъ, къ которому относились эти слова.

Онъ отличался чрезвычайно живымъ воображеніемъ на счетъ кулинарнаго искусства, что составляло счастье и мученье его товарищей.

— Дѣ.

Всѣ окружили Мак-Кармика; даже Думфи остановился.

— Вотъ видите, сказалъ Марчъ:—обѣдъ начался съ бифстека, знаете, такого сочнаго, съ подливкой и печенымъ картофелемъ.

съ подливкой и печеным картофелемъ, повторилъ онъ, видя, что отъ его разсказа слюнки текли у слушателей.

— Вы прежде сказали, что картофель былъ жареный и такой жирный, что масло текло, произнесла мистриссъ Браветъ.

— Кто любитъ жареный картофель—для того былъ и жареный, а печеный съ кожей сытнѣе. Потомъ были сосиски, кофе, пышки.

При этомъ магическомъ словѣ всѣ какъ-то диво засмѣялись.

— Продолжайте! продолжайте!

— И пышки.

— Вы ужъ это разсказали! воскликнула мистриссъ Браветъ неистовымъ голосомъ:—продолжайте, чортово отродье.

Разсказавшъ, видя свое опасное положеніе, сталъ искать глазами Думфи; но онъ уже исчезъ.

II.

В Н У Т Р И.

Жилище, въ которое спустился Ашлей, находилось подъ поверхностью снѣга, на подобіе гренландскаго «шлука». Скорѣе случайно, чѣмъ намѣренно, оно приняло этотъ полярный видъ. По мѣрѣ того, какъ снѣгъ засыпалъ стѣнки шалаша и окружалъ его со всѣхъ сторонъ бѣлой засадой, и сила изнуренныхъ обитателей ежедневно уменьшалась, сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ поддерживалось только черезъ одно узкое отверстіе. Конечно, воздуха въ этомъ жилищѣ было очень мало и духота достигала ужасающихъ размѣровъ, но въ немъ было тепло, а теплота для ослабѣвшихъ, малокровныхъ обитателей была гораздо важнѣе свѣта и воздуха.

Въ печѣ съ деревянной трубой тлѣло нѣсколько полѣнъ, бросая вокругъ мерцающій свѣтъ. Подлѣ, на полу, лежали четыре фигуры: молодая женщина съ ребенкомъ трехъ или четырехъ лѣтъ, завернутые въ одно одѣяло, а немного подалѣе двое мужчинъ, свернувшіеся отдѣльно. Всѣ они лежали такъ неподвижно и спали такимъ тяжелымъ сномъ, что ихъ можно было принять за мертвецовъ.

Быть можетъ, подобная мысль вошла въ голову Ашлея, и, послѣ минутнаго колебанія, онъ молча опустился на колѣни передъ молодой женщиной и положилъ руку ей на лобъ. Какъ ни легко было это прикосновеніе, оно разбудило спящую. Не знаю, что за магнитическая сила скрывалась въ этомъ прикосновеніи, но

молодая женщина схватила руку Ашлея и, не открывъ еще глазъ, промолвила:

— Филипъ!

— Шш... Грэсъ.

Взявъ ея руку, онъ нѣжно поцѣловалъ и указалъ пальцемъ на остальныхъ спавшихъ.

— Вы вернулись, попотомъ произнесла она, пожирая глазами Ашлея, и слабая улыбка, освѣтившая ея лицо, ясно доказывала, что этотъ фактъ былъ для нея важнѣе всѣхъ остальныхъ: — я видѣла васъ во снѣ, Филипъ.

— Милая Грэсъ, отвѣчалъ онъ, снова цѣлуя ея руку: — выслушайте меня, голубушка. Я принесъ все ту же мрачную вѣсть: нѣтъ ни откуда помощи. Я убѣжденъ, Грэсъ, продолжалъ онъ такъ тихо, что его слова могли быть понятны только напряженному слуху молодой дѣвушки: — что мы очень уклонились на югъ отъ проложенной тропы. Только чудо или несчастье, подобное нашему, можетъ привести въ эту сторону другую партію. Мы одни и беспомощны въ невѣдомой мѣстности, которую покинули даже дивари и звѣри. Мы можемъ рассчитывать только на свою собственную помощь, а вы знаете не хуже меня, какъ на нее можно положиться, прибавилъ онъ, бросая циническій взглядъ на спящихъ.

Молодая дѣвушка молча пожала ему руку, какъ-бы сознавая справедливость его упрека.

— Мы, какъ партія, не имѣемъ никакой силы, никакой дисциплины, продолжалъ онъ: — со смерти вашего отца, у насъ нѣтъ предводителя; я знаю, что вы хотите сказать, Грэсъ, прибавилъ онъ, отвѣчая на краснорѣчивый знакъ ея руки: — но еслибы я и былъ способенъ предводительствовать, то никто меня не послушаетъ. Быть можетъ, оно и лучше. Если мы останемся всѣ вмѣстѣ, то величайшая для насъ опасность будетъ *въ насъ самихъ*.

Онъ взглянулъ на нее пристально, но она, очевидно, не поняла значенія этого взгляда.

— Грэсъ, произнесъ онъ съ отчаяніемъ: — люди, умирающіе съ голоду, способны на всякую жертву, на всякое преступленіе, чтобы только сохранить драгоценную имъ жизнь. Вы читали въ книгахъ... Грэсъ! Боже мой! что съ вами?

Хотя бы она не читала въ книгахъ того, на что намекалъ Ашлей, но смыслъ его словъ она могла прочесть въ эту самую минуту въ ужасномъ лицѣ, внезапно показавшемся въ полурастворенной двери: столько было дикой жестокости и звѣрской кровожадности въ искаженныхъ голодомъ чертахъ знакомаго ей

лица Думфи. Но женскій тавтъ подсказалъ ей тотчасъ, что не слѣдовало обнаруживать настоящей причины ея испуга, и, опустивъ голову на плечо Фѣлипа, она шопотомъ промолвила:

— Я понимаю.

Когда она снова подняла голову, то ужасное видѣніе исчезло.

— Довольно, продолжалъ Ашлей: — я не хочу васъ пугать, Грэсъ, а только указываю на то, чего мы должны избѣжать, пока у насъ есть еще силы. Вы знаете, что у насъ одинъ путь къ спасенію, правда, отчаянный, но, вѣдь, не менѣе страшно оставаться здѣсь и ждать вѣрной гибели. Спрашиваю васъ снова, хотите вы бѣжать со мною? Когда я вамъ это впервые предложилъ, то самъ сомнѣвался въ успѣхѣ, но теперь я изслѣдовалъ всю окрестную мѣстность. Бѣгство возможно. Я болѣе ничего не говорю.

— А сестра и братъ?

— Ребенокъ былъ бы для насъ только помѣхой, еслибы и выдержалъ всѣ трудности пути, а вашъ братъ долженъ остаться съ нимъ; бѣдной дѣвочкѣ необходимы остающіяся въ немъ силы и непреодолимая бодрость. Нѣтъ, Грэсъ, мы должны идти одни. Если мы спасемся, то и ихъ спасемъ. У нихъ хватитъ силъ подождать помощи, которую мы имъ пришлемъ; но они погибли бы, отправившись съ нами. Я ушелъ бы одинъ, но, милая Грэсъ, я не могу васъ здѣсь оставить.

— Я умру, если вы меня бросите, сказала просто Грэсъ.

— Я знаю, отвѣчалъ также просто Ашлей.

— Да развѣ мы не можемъ подождать еще немного? Помощь можетъ явиться завтра, всякую минуту.

— Завтра мы будемъ слабѣе; я не могу разсчитывать на наши силы, если мы не уйдемъ сегодня.

— А старикъ докторъ?

— Онъ вскорѣ не будетъ нуждаться ни въ какой помощи, отвѣчалъ грустно Ашлей: — шш!.. онъ шевелится.

Дѣйствительно, одна изъ человѣческихъ фигуръ, лежавшихъ на полу, повернулась; Фѣлиппъ, подойдя къ печкѣ, помѣшалъ въ ней. Разгорѣвшееся пламя освѣтило испитое лицо старика, смотрѣвшаго на юношу лихорадочно-пристальнымъ взглядомъ.

— Что вы дѣлаете съ огнемъ? спросилъ онъ недовольнымъ тономъ и съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

— Мѣшаю.

— Оставьте.

Фѣлиппъ отошелъ въ сторону.

— Подите сюда, произнесъ старикъ.

Фѣлиппъ подошелъ.

— Вамъ нѣчего мнѣ разсказывать, сказалъ старикъ послѣ минутнаго молчанія:—я читаю на вашемъ лицѣ все ту же старую вѣсть.

— Такъ что-жь? спросилъ Фѣлиппъ.

— Ничего.

Фѣлиппъ снова отошелъ.

— Вы закопали ящикъ и бумаги?

— Дѣ.

— Въ землѣ, подъ снѣгомъ?

— Дѣ.

— Вѣрно?

— Вѣрно.

— Чѣмъ вы означили мѣсто?

— Грудой камней.

— А объявленія выставили на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ?

— Я прибилъ ихъ всюду, гдѣ могъ, близъ старой тропы.

— Хорошо.

Фѣлиппъ отвернулся отъ старика съ цинической улыбкой и пошелъ къ дверямъ, но тотчасъ вернулся и, вынувъ изъ-за пазухи завядшій цвѣтокъ, подаль его доктору.

— Я нашелъ дублировать растенія, котораго вы искали, сказалъ онъ.

Старикъ съ необыкновенной живостью привсталъ и, сквативъ цвѣтокъ, сталъ внимательно его разсматривать.

— Дѣ, это самое, произнесъ онъ съ видимой радостью:—а вы сказали, что нѣтъ извѣстій.

— Что же означаетъ этотъ цвѣтокъ, сказалъ Фѣлиппъ.

— Онъ доказываетъ, что я правъ, а Линней, Дарвинъ и Эшенгольцъ ошибаются. Это—важное открытiе. То, что вы называете альпійскимъ цвѣткомъ, есть совершенно новый видъ.

— Нѣчего сказать—важный фактъ для людей, умирающихъ съ голода! замѣтилъ съ горечью Фѣлиппъ.

— Дѣ, это—важное открытiе, продолжалъ старикъ, не обращая вниманiя на слова юноши:—цвѣтокъ не можетъ развиваться въ странѣ вѣчныхъ снѣговъ; значить, онъ выросъ на теплой почвѣ, подъ солнечными лучами; значить, черезъ два мѣсяца тамъ, гдѣ вы его нашли, здѣсь, гдѣ мы теперь лежимъ, будетъ роскошная трава. Мы находимся ниже линiи вѣчныхъ снѣговъ.

— Черезъ два мѣсяца! воскликнула молодая дѣвушка, всплеснувъ руками.

— Черезъ два мѣсяца, произнесъ съ горечью Ашлей:—мы будемъ далеко отсюда или въ могилѣ.

— По всей вѣроятности, отвѣчалъ холодно старикъ:—но если вы исполнили мою просьбу относительно моихъ коллегій и бумагъ, то онѣ будутъ во-время спасены.

Ашлей нетерпѣливо махнулъ рукой и, подѣ предложомъ приласкать ребенка, нагнулся къ Грассъ и сказалъ ей на ухо нѣсколько словъ, потомъ быстро исчезъ за дверью. Старикъ безпомощно опустилъ голову на грудь и молчалъ нѣсколько минутъ.

— Грассъ, произнесъ онъ, наконецъ.

— Докторъ Деваржъ.

— Подите сюда.

Она встала и приблизилась къ нему.

— Зачѣмъ онъ мѣшалъ огонь? спросилъ старикъ, смотря съ подозрѣніемъ вокругъ себя.

— Не знаю.

— Вы ему говорите все; вы сказали и это?

— Нѣтъ.

Деваржъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, какъ-бы желая проникнуть въ глубину ея сердца, и, успокоившись, прибавилъ:

— Выньте изъ огня и дайте ему остыть въ снѣгу.

Грассъ помѣшала въ печѣ и вытащила изъ зола, съ помощью двухъ щепокъ, небольшой блестящій камень, раскаленный до бѣла, величиною съ яйцо. Потомъ она вынесла его за дверь, положила въ снѣгъ и возвратилась къ старику.

— Грассъ?

— Сэръ.

— Вы уходите?

Грассъ ничего не отвѣчала.

— Не отрицайте, я все слышалъ. Быть можетъ, это—лучшее, что вы можете теперь сдѣлать, но, во всякомъ случаѣ, добро это или зло, вы съ нимъ уйдете. Но, Грассъ, знаете ли вы, что это за человѣкъ?

Ни ежедневныя столкновенія, ни равенство голода, ни приближеніе смерти не уничтожили въ Грассъ женскаго инстинкта. Она тотчасъ встала въ оборонительное положеніе и начала парировать удары умирающаго.

— Я знаю о немъ то же, что мы всѣ: это—добрый, истинный другъ, не эгоистъ, а человѣкъ, мужеству и находчивости котораго мы столькимъ обязаны.

— Гм! еще что?

— Больше ничего; но вы его привели къ намъ, отвѣчала съ нѣкоторой хитростью молодая дѣвушка:—и онъ всегда былъ вашимъ преданнымъ другомъ. Я полагала, что и вы—его другъ.

— Я его подобралъ у Сладкаго Ручья, болѣе я ничего не знаю. Но что онъ вамъ рассказывалъ о своемъ прошедшемъ?

— Онъ убѣждалъ отъ злого вотчина и родственниковъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ. Онъ явился на Западъ, желая поселиться между индѣйцами или составить себѣ состояніе въ Орегонѣ, Онъ очень гордъ, вы это знаете, сэръ, и, какъ вы, нисколько на насъ не походить. Онъ—джентльменъ и человѣкъ образованный.

— Да, это здѣсь называютъ образованіемъ, промолвилъ Де-варжъ:—а онъ не знаетъ разницы между лепестками и тычинками. Ну, общается онъ жениться на васъ, когда вы убѣдите вѣствѣ?

На минуту молодая дѣвушка выдала себя, и густой румянецъ покрылъ ея щеки, но тотчасъ она оправилась.

— О, сэръ, нѣжно сказала юная лицемѣрка:—какъ можете вы шутить въ такую минуту? Жизнь моего милаго брата и сестры, жизнь несчастныхъ женщинъ въ сосѣднемъ палатѣ зависить отъ нашего бѣгства. Мы оба—единственные люди, которые имѣемъ достаточно силъ, чтобы перенести такой тяжелый путь. Я могу ему помочь, и для поддержанія моихъ силъ требуется меньше, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ. Я убѣждена, что мы успѣемъ въ своемъ предпріятіи и вскорѣ явимся съ помощью. О, сэръ, теперь не время шутить, когда жизнь всѣхъ и, между прочимъ, ваша виситъ на волоскѣ!

— Моя жизнь, отвѣчалъ старикъ спокойно:—уже давно проиграна. Задолго до вашего возвращенія, если вы когда нибудь вернетесь, я навѣки успокоюсь.

Лице его исказилось страданіями, и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ собирался съ силами, чтобы произнести слово.

— Грѣсъ, сказалъ онъ, наконецъ, болѣе слабымъ, невнятнымъ голосомъ:—подойдите поближе, я хочу вамъ кое-что сказать.

Грѣсъ колебалась; ей вдругъ стало страшно смотрѣть на умирающаго старика и она взглянула на спящаго брата.

— Онъ не проснется, сказалъ Де-варжъ, слѣдя за движеніемъ ея глазъ:—успокоительное средство еще не потеряло своей силы. Принесите мнѣ то, что вы вынули изъ огня.

Грѣсъ вышла за дверь и возвратилась съ камнемъ. Это былъ кусокъ синевато-сѣраго шлага. Старикъ взялъ его въ руки, пристально осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и сказалъ тихо:

— Потрите его объ одѣяло.

Грѣсъ исполнила его желаніе, и черезъ нѣсколько минутъ полированная поверхность камня получила бѣловатый блескъ.

— Это походить на серебро, сказала Грѣсъ сомнительно вачая головой.

— Это—настоящее серебро, отвѣчалъ докторъ Деваржъ.
Грѣсъ поспѣшно положила камень подлѣ старика и отошла въ сторону.

— Возьмите его, онъ—вашъ, сказалъ старикъ:—я нашелъ его годъ тому назадъ въ горномъ кряжѣ, далеко на западъ отсюда. Я знаю, гдѣ его много скрыто въ синеватомъ камнѣ, подобномъ тому, который вы вчера положили въ огонь. Я вамъ скажу, гдѣ и какъ его найти. Грѣсъ, это—цѣлое состояніе; оно ваше. Я отдаю вамъ право на мое открытіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! произнесла молодая дѣвушка поспѣшно:—оставьте это богатство себѣ. Вы не умрете и имъ воспользуетесь.

— Нѣтъ, Грѣсъ, даже, еслибъ я не умеръ, то никогда имъ не воспользуюсь. Я въ своей жизни испыталъ все, знаю, что богатство не приноситъ счастья. Оно въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой цѣны; послѣдняя былинка для меня дороже этого серебра. Но вы его возьмите. Для свѣта оно—все; оно сдѣлаетъ васъ столь же гордой и независимой, какъ вашъ возлюбленный, оно придастъ вамъ вѣчную прелесть въ его глазахъ. Оно будетъ оправой вашей красоты и пьедесталомъ вашей добродѣтели. Возьмите его, оно—ваше.

— Но, у васъ есть родственники, друзья, отвѣчала молодая дѣвушка, отворачиваясь съ суевѣрнымъ страхомъ отъ блестящаго камня:—другіе имѣютъ право...

— Никто болѣе васъ не имѣетъ права на мое наслѣдство, перебилъ ее старикъ съ нервной поспѣшностью человѣка, боящагося, что у него неостанетъ силъ выговорить все, что нужно:—примите это, если угодно за награду или за подкупъ вашего возлюбленного, съ цѣлью заставить его исполнить свое обѣщаніе и сохранить мои коллекціи и рукописи. Смотрите на это, какъ на позднее раскаяніе старика, знавшаго въ своей жизни молодую дѣвушку, для которой подобное состояніе было бы спасеніемъ. Смотрите на это, какъ хотите, но только возьмите.

Голосъ его до того ослабъ, что онъ произносилъ слова шепотомъ. Сѣроватая блѣдность покрыла его лицо, и онъ едва переводилъ дыханіе. Грѣсъ хотѣла кликнуть брата, но Деваржъ остановилъ ее движеніемъ руки. Съ неимовѣрнымъ усиліемъ онъ приподнялся на локтѣ и, вынувъ изъ за пазухи пакетъ, положилъ его въ руку молодой дѣвушки.

— Тутъ, прошепталъ онъ:—карта... описаніе руды и мѣстности... все ваше... скажите, что вы согласны... скажите, Грѣсъ, скорѣе...

Голова его опустилась на полъ. Грѣсъ нагнулась, чтобы ее приподнять. Въ эту минуту какая-то тѣнь мелькнула въ отверстіи двери. Она быстро подняла глаза и увидѣла страшное лице Думфи. На этотъ разъ она не отскочила, а, инстинктивно обращаясь къ Деваржу, сказала:— Я согласна.

Потомъ она бросила вызывающій взглядъ на дверь, но тамъ уже никого не было.

— Благодарствуйте, сказалъ старикъ; губы его продолжали шевелиться, но уже не издавали никакого звука.

— Докторъ Деваржъ! шепотомъ произнесла Грѣсъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ, и глаза его какъ-то странно померкли.

— Онъ умираетъ, подумала молодая дѣвушка со страхомъ и быстро пошла къ спящему брату.

Съ минуту она его старалась разбудить, толкая въ бокъ, но онъ только тяжело дышалъ и, несмотря на всѣ ея усилія, не открылъ глазъ. Тогда она бросилась къ двери и воскликнула:— Филиппъ!

Не получивъ никакого отвѣта, она высунулась въ отверстіе, служившее входомъ въ подземное жилище. Было уже совершенно темно и въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было ничего разглядѣть. Она бросила поспѣшный взглядъ на внутренность шалаша и, съ отчаяніемъ махнувъ рукою, исчезла въ мракъ.

Въ ту же минуту, двѣ человѣческія фигуры приподнялись изъ за снѣжнаго сугроба и быстро проникли въ подземное жилище. Это были мистриссъ Бракеть и Думфи. Какъ дикіе, хищные звѣри, они проворно, ловко, но боязливо крадутись, обшарили всѣ углы, то пробираясь на четверенькахъ, то выпрямляясь во весь ростъ. Въ своей кровожадной поспѣшности они натыкались другъ на друга, злобно плюя въ лицо отъ безпомощной ярости. Они рылись въ каждомъ углу, перебирали звѣриныя шкуры и одѣяла, шарили въ золѣ; все трогали, все обнюхивали. Наконецъ, они остановились въ своихъ безуспѣшныхъ поискахъ и посмотрѣли другъ на друга сверкающими глазами.

— Проклятые, они вѣрно съѣли, произнесла мистриссъ Бракеть глухимъ шепотомъ.

— Не похоже это на пищу, замѣтилъ Думфи.

— Вы видѣли, какъ они вынули изъ огня?

— Да.

— И терли?

— Да.

— Дуракъ, развѣ вы не понимаете...

— Чтò?

— Это—печенный картофель.

— Но зачѣмъ тереть картофель? сказалъ Думфи, послѣ минутнаго молчанія:—вѣдь, кожа сойдетъ.

— У нихъ нѣжные желудки, отвѣчала мистриссъ Браветъ.

Думфи разинулъ ротъ отъ удивленія при такомъ важномъ открытїи.

— Онъ сказалъ, что знаетъ, гдѣ ихъ много, промолвилъ Думфи шепотомъ.

— Гдѣ?

— Я не слышала.

— Дуракъ, зачѣмъ вы не бросились на него и не принудили сказать, произнесла мистриссъ Браветъ съ звѣрской злобой:—вы трусливѣе блохи. Дайте мнѣ только поймать эту дѣвчонку... Но что это?

— Онъ шевелится, сказалъ Думфи.

Въ одну минуту, эти оба человѣческія существа превратились въ пресмыкающихся животныхъ и думали только о бѣгствѣ, но не смѣли двинуться съ мѣста.

Старикъ Деваржъ повернулся на другой бокъ, и уста его летали что-то въ лихорадочномъ бреду.—Грѣсъ! произнесъ онъ наконецъ.

Мистриссъ Браветъ сдѣлала знакъ Думфи и подералась къ умирающему.

— Да, я здѣсь, промолвила она.

— Скажите ему, чтобъ онъ не забылъ. Заставьте сдержатъ свое слово. Спросите его, куда онъ зарылъ.

— Да.

— Онъ вамъ скажетъ.

— Да.

— При входѣ въ Монументное Ущелье, въ ста футахъ къ сѣверу отъ одинокой сосны. Надо выкопать два фута земли надъ поверхностью камней.

— Да.

— Туда не проникнуть волки.

— Да.

— Камни сохранять отъ дикихъ звѣрей.

— Да.

— Отъ голодныхъ животныхъ.

— Да.

— Которыя могли бы разрыть.

— Да.

Блуждающіе глаза старика вдругъ потухли, какъ свѣчки. Нижняя губа его отвисла. Онъ умеръ. Мистриссъ Браветъ и

Думфи смотрѣли на него и другъ на друга съ дикою страшною улыбкой, впервые исказившей ихъ лица, со времени ихъ пребыванія въ роковомъ ущельѣ.

III.

Гэвріель.

На слѣдующее утро оказалось, что партія эмигрантовъ уменьшилась на пять человекъ. Фѣлиппъ Ашлей и Грэсъ Конрой, Питеръ Думфи и мистрисъ Бракетъ бѣжали; докторъ Поль Деваржъ умеръ. Смерть старика не возбудила никакого вниманія или горя; но исчезновеніе четырехъ живыхъ членовъ отряда было объяснено сокрытіемъ отъ другихъ извѣстнаго имъ средства къ спасенію, и безумная ярость овладѣла всѣми оставшимися. Тотчасъ было рѣшено лишить бѣглецовъ жизни и имущества; но предпринятая погоня продолжалась недолго — около двадцати шаговъ. Силы измѣнили преслѣдователямъ, и они остановились въ безпомощной злобѣ.

Одинъ только Гэвріель Конрой зналъ, что Фѣлиппъ и Грэсъ ушли вмѣстѣ. Проснувшись рано утромъ, онъ нашелъ припиленную къ его одѣялу слѣдующую записку карандашемъ:

«Да благословить Господь добраго брата и сестру и сохранить ихъ, пока я и Фѣлиппъ возвратимся съ помощью».

Подлѣ этой записки лежалъ небольшой запасъ провизіи, очевидно, собранный молодой дѣвушкой изъ ея скудныхъ порціи.

Гэвріель, прежде всего, отдалъ эти припасы на общую пользу. Потомъ онъ принялся ухаживать за своей маленькой сестрой. Онъ отличался не только способностью сохранять бодрость и не терять надежды въ самыя отчаянныя минуты, но также истиннѣйшимъ сочувствіемъ къ страданіямъ и потребностямъ дѣтей. У него даже были всѣ физическія качества няньки: большая, мягкая рука, вѣжливый, внушительный голосъ, быстрыя, неутомимыя ноги и широкая грудь, могущая служить подушкой. Во время долгаго, тягостнаго путешествія женщины довѣряли ему своихъ дѣтей и большинство умершихъ испустили духъ на его рукахъ; безпомощность во всѣхъ ея формахъ и видахъ пользовалась его рѣдкой способностью быть нянькой и сидѣлкой. Однако, никто не думалъ его благодарить, и онъ самъ, я полагаю, не ожидалъ благодарности; онъ, повидимому, не сознавалъ своего значенія, и, какъ часто бываетъ, его услугамъ не придавали цѣны и другіе. Болѣе того: люди, дававшіе ему случай

примѣнить на практикѣ его способность, чувствовали какое-то превосходство надъ нимъ.

— Олли, сказалъ Гэбріель, качая ребенка:— хочешь ты куклу?

Дѣвочка широко открыла глаза и утвердительно махнула головкой.

— Я тебѣ принесу славную куклу, продолжалъ онъ: — у нея есть настоящая мама, которая нянчить ее, какъ ребенка. Ты можешь ей помогать.

Мысль о подобномъ товариществѣ, очевидно, понравилась маленькой Олли.

— Подожди меня, я сейчасъ приведу маму съ куклой, но тогда Грэси должна уйти и уступить ей свое мѣсто.

Олли сначала несочувственно отнеслась къ подобной мѣнѣ, но почти тотчасъ новизна взяла свое, какъ обыкновенно бываетъ съ ея поломъ, голодающимъ или нѣтъ. Однако, она все же благоразумно спросила:

— Кукла хочетъ ѣсть?

— Никогда, отвѣчалъ Гэбріель рѣшительнымъ тономъ.

— Это хорошо, промолвила Олли, какъ бы успокоившись.

Хитрый Гэбріель тотчасъ отыскалъ сьумасшедшую мистрисъ Думфи и, приласкавъ мнимаго ребенка, никогда не покидавшего ее, сказалъ нѣжно:

— Вы убиваете себя, ухаживая за ребенкомъ. Боже мой! какъ онъ исхудалъ. Я увѣренъ, что перемена и товарищество ему сдѣлаютъ пользу. Подите къ Олли, она вамъ поможетъ ухаживать за нимъ до завтра.

Завтра было конечнымъ предѣломъ будущаго для мистрисъ Думфи.

Такимъ образомъ, бѣдная сьумасшедшая съ мнимымъ ребенкомъ заняла мѣсто Грэсъ, и Олли была совершенно счастлива. Человѣкъ съ болѣе утонченной натурой или съ болѣе дѣятельнымъ воображеніемъ, чѣмъ Гэбріель, быть можетъ, возсталъ бы противъ такой чудовищной комбинаціи, но Гэбріель видѣлъ только, что всѣ были довольны и что отсутствіе Грэсъ нечувствительно для Олли. Маленькая дѣвочка и сьумасшедшая поочередно нянчили мнимаго ребенка, первая предвкушая будущее и забывая настоящее, а послѣдняя — живя въ прошедшемъ. Заботы обихъ о сохраненіи частицы своей скудной пищи для куклы были, по истинѣ, трогательны, но некому было обратить на это вниманіе, такъ какъ единственный зритель, Гэбріель, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣйствующимъ лицомъ драмы; къ тому же, самая трогательная сцена кажется патетичной только издали.

Около полудня, золотушный молодой человѣкъ, двоюродный Гэбріель Кюрой.

братъ Конроевъ, умеръ. Гэбриель пошелъ тотчасъ въ сосѣдній шалашь и старался ободрить своихъ товарищей по несчастью. Онъ на столько успѣлъ въ своемъ намѣреніи, что языкъ обыкновеннаго рассказчика развязался, и онъ сталъ описывать, какъ всегда, великолѣпныя обѣды. Все же, когда Гэбриель ушелъ къ себѣ въ 4 часа, тѣло умершаго не было еще предано землѣ.

Вечеромъ, сидя съ Олли и мистрисъ Думфи у мерцающаго огня, онъ вдругъ замѣтилъ странную пережѣну въ бѣдной женщинѣ. Милый ребенокъ выпалъ изъ ея рукъ, и глаза ея безсознательно смотрѣли въ пространство. Гэбриель спросилъ, что съ ней, но она не отвѣчала. Онъ прикоснулся къ ней; тѣло ея словно околѣбло. Олли начала плакать, и звуки ея рыданій какъ бы пробудили мистрисъ Думфи. Не двигаясь съ мѣста и неестественнымъ голосомъ она промолвила:

— Слышите!

Олли перестала плакать по знаку Гэбриеля.

— Ъдутъ! продолжала мистрисъ Думфи.

— Кто? спросилъ Гэбриель.

— Къ намъ на помощь.

— Гдѣ?

— Далеко, очень далеко. Они только-что выѣзжаютъ. Двѣнадцать людей съ вьючными лошадьми и провіантомъ. Предводитель американецъ, а другіе — иностранцы. Они ѣдутъ... но, о! какъ еще далеко!

Гэбриель пристально смотрѣлъ на нее, но не промолвилъ ни слова. Послѣ убійственнаго молчанія она продолжала:

— Тамъ, гдѣ они ѣдутъ, солнце свѣтитъ, птицы поютъ и трава зеленѣетъ, но это слишкомъ, слишкомъ далеко.

— Вы ихъ знаете? спросилъ Гэбриель.

— Нѣтъ.

— А они насъ знаютъ?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же они ѣдутъ и почему знаютъ, гдѣ мы?

— Ихъ предводитель насъ видѣлъ.

— Гдѣ?

— Во снѣ¹.

¹ Я считаю долгомъ подвергнуть еще дальнѣйшему испытанію терпѣніе скептическаго читателя и обратить его вниманіе на, быть можетъ, самый вѣрный и вполне подтвержденный фактъ этой вообще вымышленной хроникѣ. Положеніе и мѣсто нахождения злополучной Доннерской партіи (тогда еще неизвестной группы эмигрантовъ), умиравшей отъ голода въ пустынномъ горномъ проходѣ Калифорнійскихъ Сьерръ, узнаны впервые во снѣ капитаномъ Уонтомъ изъ Напы. Испанскія лѣтописи удостовѣряютъ, что помощь несчастнымъ, оставшимся въ живыхъ, была послана только на основаніи этого сна.

Гэбріель засвисталъ и посмотрѣлъ на мнимаго ребенка, валивагося на полу. Онъ готовъ былъ признать нѣчто ненормальное и, быть можетъ, пророческое въ словахъ этой сумасшедшей женщины; но онъ никакъ не могъ допустить подобнаго же явленія въ человѣкѣ здоровомъ и не голодномъ. Однако, обычное добродушіе и способность во всемъ видѣть надежду на счастливый исходъ взяли въ немъ верхъ, и онъ спросилъ:

— Какъ они придутъ?

— Они прежде минуютъ прекрасную долину и широкую, блестящую рѣку, потомъ переберутся черезъ гору и очутятся въ другой прекрасной долинкѣ съ быстрой рѣчкой, которая бѣжитъ такъ близко отсюда, что я слышу плескъ воды. Развѣ вы ее не видите? Вонъ она, за той снѣжной вершиной; зеленая долина и въ ней дождь идетъ. Посмотрите на нее.

И она указала прямо на сѣверъ, гдѣ простиралась пустынная, снѣжная страна.

— Можете вы дойти до нее? спросилъ практическій Гэбріель.

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Я должна здѣсь ждать мою дѣвочку. Она идетъ за мною и найдетъ меня здѣсь.

— Когда?

— Завтра.

Въ послѣдній разъ произнесла она это вѣчное слово «завтра»; немного за полночь, ея ребенокъ явился къ ней въ лучезарномъ сіяніи, хотя невидимый для Гэбріеля, и бѣдная сумасшедшая, вскочивъ съ блестящими глазами, протянула къ нему руки. Гэбріель поддержалъ ее и положилъ въ ея объятія мнимаго ребенка. Она была мертвая.

Черезъ минуту, онъ бросился въ сосѣдній шалапъ, но не пошелъ далѣе двери. То, что онъ тамъ видѣлъ, онъ никогда впоследствии не рассказывалъ, но, возвратясь къ сестрѣ дрожащими шагами, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и глаза его дико блуждали. Онъ сознавалъ только одно — надо бѣжать изъ этого проклятаго мѣста.

— Господи! помоги мнѣ, помоги мнѣ! воскликнулъ онъ громко и, схвативъ испуганную, плачущую Олли, выбѣжалъ на снѣжную поляну.

Черезъ минуту онъ исчезъ во мракѣ.

*

IV.

ПРИРОДА УКАЗЫВАЕТ ПУТЬ.

По бѣлоснѣжному отвосу одного изъ горныхъ отроговъ, къ сѣверу отъ ущелья, медленно поднимались отъ полудня до захода солнца двѣ фигуры; наконецъ, онѣ рельефно обрисовались на краю гребня. Это были Филипъ и Гресь.

Несмотря на всю усталость долгаго странствія, недостатокъ пищи и мрачную тѣнь прошедшаго горя, Гресь была прелестна при нѣжномъ, розовомъ свѣтѣ потухающаго дня. Мужская одежда, сшитая не по ея росту, придавала ея хорошенькой, маленькой фигуркѣ еще большую миниатюрность, не скрывая ея художественныхъ очертаній. Филипу были теперь ясно видны ея черные глаза, окаймленные густыми бровями, правильный овалъ ея лица и даже веснушки на верхней губѣ. Онъ нѣжно обнялъ ее и поцѣловалъ: первое, очевидно, для физической поддержки, а второе—безъ всякой видимой причины.

— Любите вы меня, Филипъ? спросила Гресь съ характеристической осторожностью женскаго пола.

Она уже не разъ задавала этотъ вопросъ, и Филипъ съ поспѣшной откровенностью мужчинъ въ подобныхъ случаяхъ всегда отвѣчалъ, какъ и въ настоящую минуту:

— Да, Гресь.

Однако, молодой человекъ былъ задумчивъ, озабоченъ и голоденъ. Прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ они покинули своихъ товарищей. На второй день они нашли нѣсколько сосновыхъ шишекъ, сохранившихся подъ снѣгомъ, и бѣлку съ ея зимнимъ запасомъ продовольствія. На третій день, Филипъ убилъ и съѣлъ бѣлку; въ тотъ же вечеръ, онъ увидалъ утку, летѣвшую надъ ущельемъ. Вполнѣ увѣренный, что утка летѣла къ какому-нибудь недалекому озеру, Филипъ замѣтилъ направление ея полета, а потомъ меткимъ выстрѣломъ повергъ ее на землю. На слѣдующее утро они съѣли своего путевода и направили шаги по его указанію.

Но Филипъ обманулся въ надеждахъ. Съ гребня горнаго отрога, достигнутаго съ такимъ трудомъ, открывался все тотъ же однообразный пейзажъ безконечныхъ бѣлыхъ, волнистыхъ вершинъ до самаго горизонта. Нигдѣ не было видно разсѣлины въ края или хоть малѣйшаго слѣда воды. Ничто не указывало, откуда или куда летѣла утка. Онъ сталъ соображать, не пере-

мѣнить ли снова свой путь, какъ неожиданное обстоятельство распорядилось по своему ихъ дальнѣйшей судьбой.

Гресь, стоя на самомъ краѣ утеса, смотрѣла съ напряженнымъ вниманіемъ на необозримую снѣжную равнину, какъ вдругъ почва подалась подъ ея ногами. Филиппъ схватилъ ее за руку, но въ тоже мгновеніе гравитная масса отдѣлилась отъ утеса и, низвергнувшись въ бездну, оставила молодую дѣвушку висящей на воздухѣ. Прежде, чѣмъ Филиппъ успѣлъ отскочить съ своей драгоценной ношей, каменная глыба, на которой онъ стоялъ, также дрогнула и повалилась внизъ, увлекая за собою Филиппа и Гресь. По счастью, масса камней и льда летѣла впередъ и очищала имъ путь, хотя почти перпендикулярный вдоль горнаго откоса.

Даже падая, Фѣлиппъ сохранилъ присутствіе духа и не хватался за камни, попадавшіеся на дорогѣ и которые, отторгнувшись отъ утеса, могли бы ихъ раздавить. Прежде, чѣмъ онъ потерялъ чувство, онъ помнилъ, что крѣпко обвилъ руками и спряталъ ея лицо на своей груди, инстинктивно охраняя ее отъ окружающей опасности; потомъ онъ полусознавалъ, что очутился во мракѣ, вслѣдъ затѣмъ снова въ свѣту, что вокругъ него хрустѣли сучья и еловыя иглы царапали его лицо. Наконецъ, какая-то преграда остановила его паденіе, а въ головѣ у него все завертѣлось и наступило утѣшительное мгновеніе полной безсознательности.

Когда онъ очнулся, то что-то его душило и жгло. Отерывъ глаза, онъ увидалъ передъ собою Гресь: блѣдная, дрожащая, она терла снѣгомъ его руки и лобъ. На одной изъ ея круглыхъ щечекъ виднѣлась капля крови.

— Что съ вами, Гресь, вы ранены? промолвилъ Филиппъ, едва переводя дыханіе.

— Нѣтъ, милый, храбрый Филиппъ, отвѣчала молодая дѣвушка:— но я такъ счастлива, такъ благодарна, что вы спасены.

Однако, она прислонилась къ дуслу и смертельно поблѣднѣла даже залитая солнечнымъ свѣтомъ, ея верхняя губа посинѣла.

Но Филиппъ ея не видалъ. Онъ жадно смотрѣлъ вокругъ себя. Онъ лежалъ среди обломковъ низвергнувшейся скалы и сломанныхъ сучьевъ. Въ ушахъ его раздавался плескъ воды, а передъ нимъ, въ какихъ-нибудь ста футахъ, весело бѣжала рѣчка. Онъ взглянулъ на верхъ: красный свѣтъ заходящаго солнца проникалъ широкимъ лучемъ черезъ отверстіе, пробитое ихъ паденіемъ въ каменномъ и снѣговомъ сводѣ, сложенномъ самой природой.

Онъ зналъ теперь, откуда летѣла утка, отчего онъ не видалъ

ранѣ этой рѣки. Онъ зналъ теперь, куда исчезли всѣ птицы и животныя, отчего лѣса и ущелья были покрыты безслѣдной снѣжной пеленой. Наконецъ, передъ ними былъ открытый путь.

Онъ вскочилъ и съ восторгомъ воскликнулъ:

— Грѣсъ, мы спасены!

Грѣсъ смотрѣла на него счастливой улыбкой, но скорѣе она радовалась, что онъ былъ невредимъ, чѣмъ понимала причину его восторга.

— Посмотрите, Грѣсъ, продолжалъ онъ: — сама природа указываетъ намъ путь изъ этой снѣговой пустыни. Слѣдуя по берегу этой рѣки, мы выйдемъ въ болѣе широкую долину.

— Я знаю, сказала Грѣсъ просто.

Филиппъ взглянулъ на нея вопросительно.

— Когда я вытащила васъ изъ подъ снѣга и обломковъ утеса, я видѣла долину, о которой вы говорите. Вонъ оттуда все видно.

И она указала на уступъ горы надъ отверстіемъ въ каменномъ сводѣ, гдѣ остановилась въ своемъ паденіи гранитная глыба.

— Когда вы меня вытащили, дитя мое?

Грѣсъ улыбнулась.

— Вы не знаете, какъ я сильна, сказала она и въ доказательство своихъ словъ упала въ обморокъ.

Филиппъ бросился къ ней и сталъ искать у себя въ карманахъ фляжку съ водкой, которую онъ, какъ святыню, берегъ во время всѣхъ ихъ бѣдствій. Она исчезла. Онъ бросилъ взглядъ вокругъ себя и съ отчаяніемъ увидалъ на снѣгу фляжку, но пустую.

Впервые въ ихъ тяжеломъ странствіи Филиппъ застоналъ. Въ то же мгновеніе, Грѣсъ открыла глаза. Увидавъ въ его рукахъ пустую фляжку, она съ улыбкой сказала:

— Я все влила вамъ въ горло, милый Филиппъ. Вы были безъ чувствъ, и я боялась, что вы умрете. Простите меня.

— Я былъ только ошеломленъ паденіемъ, а вы, Грѣсъ, вы?

— Мнѣ теперь лучше, сказала она, стараясь встать, но, вскрикнувъ отъ боли, снова упала на землю.

Филиппъ не слыхалъ и не видалъ этого. Онъ послѣшно взглянулъ на указанный молодой дѣвушкой уступъ горы и возвратился, сіяя радостью:

— Я вижу долину, Грѣсъ, она въ нѣсколькихъ миляхъ! воскликнулъ онъ:—еще свѣтло, и мы тамъ остановимся на ночлегъ.

— Врядъ ли, милый Филиппъ, отвѣчала Грѣсъ, качая своей маленькой головкой.

- Отчего? спросилъ Фѣлиппъ съ нетерпѣніемъ.
 — У меня... кажется... нога сломана.
 — Грѣсъ!
 Но уже молодая дѣвушка была безъ чувствъ.

V.

ИЗЪ СНѢГА ВЪ МРАКЪ.

По счастью, Грѣсъ ошибалась. У нея была только свихнута шиволоа, но все же она не могла стоять. Фѣлиппъ разорвалъ свою рубашку, сдѣлалъ бинтъ и, намочивъ его снѣговой водой, обвернулъ распухшую ногу молодой дѣвушки. Потомъ онъ отправился въ кусты и вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ перепелкой и уткой, изъ которыхъ поспѣшно приготовилъ горячій ужинъ для больной. Имъ нѣчего было болѣе бояться голодной смерти, а потому ихъ не пугало нѣсколько дней насильственного отдыха.

Въ послѣдніе часы воздухъ сталъ гораздо мягче. Около полуночи верхушки сосенъ заколебались, запахло сыростью и глухая дробь послышалась на снѣжномъ сводѣ. Это былъ дождь.

— Весна, пробуждается весна, произнесъ шепотомъ Фѣлиппъ.

Но Грѣсъ теперь было не до поэзій, даже въ устахъ милого человѣка. Она припала головой къ его плечу и промолвила:

— Вы должны продолжать путь, голубчикъ, а меня оставьте здѣсь.

— Грѣсъ!

— Да, Фѣлиппъ. Я могу преспокойно васъ здѣсь обождать. Миѣ нѣчего теперь бояться. Миѣ такъ хорошо здѣсь, въ сравненіи съ *нами*.

Фѣлиппъ почувствовалъ на своей ружѣ капли ея слезъ и наступилъ брови. Быть можетъ, его укоряла совѣсть или было что-то особенное въ тонѣ молодой дѣвушки; но ея слова неприятно затронули ту внутреннюю его сторону, которую онъ называлъ здравымъ смысломъ. Онъ, дѣйствительно, считалъ себя возвышеннымъ, пламеннымъ, сильнымъ, легкомысленнымъ существомъ, спасеннымъ отъ гибели только благодаря своему мужеству.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ ничего не отвѣчалъ. Онъ думалъ о томъ, какъ, рискуя своей жизнью, спасъ эту молодую дѣвушку отъ страшной смерти, какъ берегъ ее во время опаснаго пути, неся все бремя на себѣ, какъ, по его

милости, она была счастлива, что сама вполне признавала; думала о своей готовности, ради ее безпомощнаго положенія, отложить дальнѣйшее странствованіе; думала о счастіи, которое ее ожидало съ нимъ въ будущемъ... и что-же?.. Въ минуту ихъ спасенія, она заботилась о двухъ умирающихъ существахъ, которыя безъ особаго чуда должны были умереть прежде, чѣмъ она могла до нихъ достигнуть. При этомъ надо сказать, что Філиппъ, разсуждая подобнымъ образомъ, всегда ставилъ себя на мѣсто того человѣка, съ которымъ онъ не соглашался, и спрашивалъ себя, какъ бы онъ поступилъ въ такомъ случаѣ. Конечно, постоянно оказывалось, что онъ поступилъ бы прямо противоположно. Въ настоящемъ случаѣ, ставя себя на мѣсто Гресь, онъ чувствовалъ, что бросилъ бы всѣхъ и все ради любви и блестящей будущности, открывавшейся передъ нею. Поэтому ясно, что ее поведение доказывало нравственное уродство или недостатокъ расы. Подобная логика легка и неопровержима. Въ ней часто прибѣгали и за Калифорнійскими Сіеррами, люди даже не утомленные физически, а въ полной силѣ своихъ умственныхъ и физическихъ способностей.

— Поговоримъ прямо, Гресь, и поймемъ другъ друга, прежде чѣмъ идти далѣе или вернуться назадъ, сказалъ онъ совершенно измѣнившимся тономъ:— пять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы повинили хижину; еслибъ мы были увѣрены, что сумѣемъ найти дорогу назадъ, то все же на это потребуются еще пять дней; а къ тому времени тамъ все будетъ кончено. Они или спасены, или уже бесполезна всякая помощь. Мои слова могутъ показаться вамъ жестокими, но жестокъ фактъ, а не слова. Еслибъ мы остались съ ними, то не принесли бы имъ никакой пользы, а только раздѣлили бы ихъ судьбу. Я былъ бы на мѣстѣ вашего брата, а вы—на мѣстѣ сестры. Не наша вина, а счастье, что мы не умираемъ вмѣстѣ съ ними. Провидѣнію угодно, чтобъ мы съ вами спаслись. Быть можетъ, по волѣ того же Провидѣнія, мы погибли бы, стараясь имъ помочь, и помощь которая ихъ спасетъ, не спасла бы насъ.

Гресь не привыкла къ мужской логикѣ и невольно почувствовала, что, еслибъ Філиппъ говорилъ съ нею этимъ тономъ въ снѣжномъ сугробѣ, то она никогда не ушла бы оттуда. Но, конечно, всѣ читатели мужскаго пола признаютъ несостоятельность ее женскаго инстинкта и замѣчаютъ, что онъ нисколько не опровергалъ аргументовъ Філиппа.

Она взглянула на него съ какимъ-то страхомъ. Слезы-ли отуманили его глаза, или по какой другой причинѣ, но онъ теперь казался совершенно чуждымъ ей человѣкомъ, и впервые

она почувствовала себя одинокой. Ей хотѣлось попрежнему прижаться къ нему, но ее удерживало какое-то новое чувство стыда.

Филипп замѣтилъ ея колебаніе и по своему объяснилъ его.

— Лучше намъ отложить всякій разговоръ о помощи другимъ, пока мы сами не избѣгнемъ опасности, сказалъ онъ съ прежней горечью:—несчастный случай съ вами задержать насъ нѣсколько дней, а мы сами не знаемъ, гдѣ мы. Усните теперь, прибавилъ онъ болѣе нѣжно:—а утромъ мы увидимъ, что предпринять.

Гресь долго плакала, прежде, чѣмъ уснуть. Бѣдная Гресь! Она давно ждала этого случая поговорить съ Филиппомъ о себѣ, объ ихъ будущемъ. Она намѣревалась открыть ему тайну доктора Деваржа и передать всѣ его слова, даже тѣ, которыя выражали сомнѣніе въ самомъ Филиппѣ. Тогда, конечно, Филипп открылъ бы ей свои планы, и они вернулись бы съ помощью къ несчастнымъ; Филипп былъ бы герой, Габріель призналъ бы его достойнымъ мужемъ, сестра, и всѣ были бы счастливы. А теперь они умерли, умерли, проклиная ее... и Филиппъ въ эту минуту не простился съ нею, не поцаловалъ ее!

На другой день дождь шелъ ливнемъ, и вода изъ рѣкъ поднялась. Течение теперь было быстрое и уносило свѣтъ, ледъ, сучья и даже иногда, въ сѣрватомъ свѣтѣ туманнаго утра, проносилось цѣлое дерево, вырванное съ корнями. Неожиданно Филиппъ, погруженный въ тяжелую думу, вскопчилъ съ громкимъ крикомъ. Гресь томно открыла глаза.

Онъ указалъ ей на дерево, которое спускаясь по теченію, задѣло за берегъ, гдѣ они сидѣли, и на мгновеніе остановилось.

— Гресь, произнесъ онъ, съ прежнимъ одушевленіемъ:—природа насъ сама спасетъ. Она привела насъ сюда на берегъ рѣки, а теперь прислала за нами лодку. Пойдемте, Гресь.

Прежде, чѣмъ она могла отвѣтить, Филиппъ весело взялъ ее на руки и бережно посадилъ на дерево между двумя торчащими къ верху корнями. Потомъ онъ положилъ подлѣ нея свое ружье и провизію; самъ же, помѣстившись на носу этого страннаго корабля, отчалилъ отъ берега съ помощью отломаннаго сучья сосны. Съ минуту, дерево не повиновалось, но потомъ понеслось по теченію, какъ живое существо.

Рѣка была узкая и быстрая, такъ что Филиппъ напрягалъ все свое вниманіе и энергію, чтобъ удержать дерево посреди русла. Гресь сидѣла молча, любуясь своимъ милымъ, столь ловкимъ, сильнымъ и полнымъ одушевленія.

— Видите вы полѣно? воскликнулъ онъ: — наконецъ, мы близъ селенія.

Дѣйствительно, свѣжеотрубленное сосновое полѣно плыло рядомъ съ ними. Лучъ надежды блеснулъ въ головѣ Грэсъ: если они были такъ недалеко отъ помощи, то, быть можетъ, она достигла и до несчастныхъ страдальцевъ! Но молодая дѣвушка не сказала ни слова объ этомъ Филипу, а онъ, казалось, позабылъ ее.

Черезъ нѣсколько времени, однако, онъ обернулся къ ней и, пройдя на корму импровизированной лодки, сѣлъ подлѣ нея.

— Грэсъ, дитя мое, мнѣ вамъ надо кое что сказать, произнесъ онъ, нѣжно взявъ ее за руку.

Сердце Грэсъ радостно и тревожно забилось; она не смѣла поднять глазъ. Не обращая вниманія на ея волненіе, Филипъ продолжалъ:

— Черезъ нѣсколько часовъ, мы не будемъ болѣе въ пустынѣ, но между людьми, быть можетъ, женщинами. Конечно, это будутъ люди чужіе, не ваши родственники, не товарищи, съ которыми мы провели столько дней и недѣль, а люди, не знающіе насъ и нашихъ страданій.

Грэсъ взглянула на него, но ничего не сказала.

— Вы понимаете, Грэсъ, что, не зная насъ, они могутъ истолковать во зло наше бѣгство. Говоря прямо, дитя мое, вы — молодая дѣвушка, а я — молодой человѣкъ. Ваша красота, милая Грэсъ, послужитъ въ глазахъ свѣта болѣе вѣроятнымъ истолкованіемъ нашего товарищества, чѣмъ самая истина. Поэтому, эту истину надо скрыть. Я одинъ возвращусь съ помощью къ вашимъ родственникамъ, а васъ оставлю на попеченіе добрыхъ людей. Но я оставлю васъ здѣсь не какъ Грэсъ Конрой, а вы возьмете мое имя.

Грэсъ вспыхнула, и не только ея щеки, но и горло покрылось яркимъ румянцемъ. Едва переводя дыханіе, она ждала его слѣдующихъ словъ.

— Вы будете моей сестрою, Грэсъ Аншей, сказалъ онъ спокойно.

Кровь отхлынула отъ ея щекъ, вѣки тяжело опустились, и она закрыла лицо руками. Филипъ терпѣливо ждалъ отвѣта. Когда она снова подняла глаза, то лицо ея было спокойно и гордая улыбка уграла на ея устахъ.

— Вы правы, промолвила она.

Въ это мгновеніе, ихъ осѣнилъ неожиданный лучъ свѣта и тепла; дерево быстро обогнуло крутую косу и медленно поплыло по широкой рѣкѣ, среди роскошной, волнистой долины, залитой

полуденнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Вдали, въ какой нибудь мигъ, видѣлся столбъ дыма, поднимавшійся къ небу изъ трубы хижины.

VI.

Слѣды.

Впродолженіи двухъ недѣль, всходило и садилось безоблачное солнце надъ суровыми очертаніями Монументнаго Пика. Впродолженіи двухъ недѣль, не произошло никакой видимой перемены въ роковой бѣлизнѣ снѣгомъ покрытыхъ утесовъ, въ волнистой, бѣлоснѣжной равнинѣ, растилавшейся во всѣ стороны, въ мертвой тишинѣ, царившей вверху и внизу. Было 1-е апрѣля; въ воздухъ чувствовалась весенняя мягкость, но въ необозримой пустынѣ не слышно было ни звука, ни движенія.

Однако, при ближайшемъ наблюденіи, оказывалась большая, хотя и медленная, тайная перемена. Бѣлыя очертанія горъ не были такъ круглы и полны; мѣстами видѣлись трещины и въ нихъ обнаженный гранитъ; кости начинали мало по малу проглядывать изъ подъ отвисавшаго тѣла. И все же эта перемена произошла безмолвно, безъ нарушенія могильной тишины.

Наконецъ, въ одинъ свѣтлый, блестящій день, въ роковой долинѣ раздались человѣческія голоса и бряцанье шпоръ. Въ горномъ проходѣ показалась кавалькада всадниковъ и вьючныхъ муловъ, которые медленно двигались, то проваливаясь въ снѣгу, то шумно стуча копытами по камню. Неожиданные звуки пробудили дремавшее горное эхо, подняли вокругъ, отъ сотрясенія въ воздухъ, снѣжную пыль и вызвали изъ какой-то невѣдомой пещеры на снѣжную поверхность такое дикое, растерзанное и чудовищное существо, которое едва походило на человѣка. Оно прокралось по снѣгу до большого дерева и, какъ испуганное животное, стало ждать въ засадѣ приближенія путниковъ.

Впереди отряда ѣхали два человѣка: одинъ серьезный, озабоченный, молчаливый; другой энергичный, живой, словоохотливый. Наконецъ, первый сказалъ медленно, какъ бы вспоминая что-то:

— Они должны быть недалеко. Я видѣлъ ихъ именно въ такой мѣстности. Она мнѣ знакома.

— Дай Богъ, отвѣчалъ поспѣшно второй всадникъ:— по правдѣ сказать, я сомнѣвался, чтобъ мы удержали въ повиновеніи

людей до завтра, если наши безумные поиски ни къ чему не поведутъ.

— Именно здѣсь я видѣлъ мужчину и женщину. Если, по близости, тутъ не найдется груды камней, то я признаю свой сонъ несправедливымъ, а себя—старымъ дуракомъ.

— Ну, да, дайте намъ хоть грудку камней, хоть доскутокъ бумаги, старое одѣяло, или колесо. Колумбъ могъ продолжать свой путь и держать въ порядкѣ своихъ матросовъ, благодаря морскому тростнику. Но люди на что-то смотреть! Боже мой! что-то движется вдоль утеса.

Подъ вліяніемъ общаго суевѣрнаго инстинкта, весь отрядъ скучился; даже тѣ, которые, за нѣсколько минутъ, всего громче выражали свой скептицизмъ, притаили дыханіе отъ страха. Дикое существо, спрятавшееся за дерево, теперь выскочило и, принявъ человѣческой образъ, съ странными ужимками и глухимъ воплемъ приблизилось къ отряду. Это былъ Думфи.

Первый оправился отъ волненія предводитель и встрѣтилъ Думфи на пол-дорогѣ.

— Кто вы?

— Человѣкъ.

— Что съ вами?

— Голодень.

— Гдѣ другіе?

— Кто? спросилъ Думфи, подозрительно взглянувъ на незнакомца.

— Другіе. Вы не одинъ?

— Одинъ.

— Какъ вы сюда попали?

— А вамъ какое дѣло? Я здѣсь и умираю съ голода. Дайте мнѣ ѣсть и пить.

Съ этими словами, онъ въ изнеможеніи опустился на четвереньки.

Въ толпѣ раздался ропотъ.

— Дайте ему ѣсть. Онъ не можетъ стоять, не только говорить. Гдѣ докторъ?

— Предоставьте его мнѣ; онъ болѣе нуждается въ моей помощи, чѣмъ въ вашей, сказалъ младшій изъ передовыхъ всадниковъ, котораго назвали докторомъ.

Онъ налилъ воды въ горло несчастнаго. Думфи тяжело перевелъ дыханіе и вскочилъ на ноги.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ нѣжно молодой докторъ.

— Джексонъ, отвѣчалъ Думфи, бросая вокругъ себя дикій, вызывающій взглядъ.

— Откуда?

— Миссури.

— Какъ вы сюда попали?

— Отсталъ отъ товарищей.

— А они...

— Пошли впередъ. Дайте поѣсть.

— Отведите его въ лагерь и передайте Санхезу: онъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлать, сказалъ докторъ одному изъ людей и прибавилъ, обращаясь къ предводителю: — ну, Блунтъ, вы спасены; но ваши девять человѣкъ въ клеенчатой одеждѣ уменьшились до одного, и тотъ, признаюсь—не важный экземпляръ.

— Я желалъ бы, докторъ, чтобы далѣе ничего не исполнилось изъ моего сна, отвѣчалъ Блунтъ:—я согласенъ теперь возвратиться, но что-то мнѣ говорить — дѣло только начинается. Этотъ человѣкъ дѣлаетъ вѣроятнымъ все остальное. Но что это?

Одинъ изъ людей отряда подошелъ къ предводителю съ лоскуткомъ бумаги, углы котораго обнаруживали слѣды гвоздей.

— Это объявленіе я снялъ съ дерева, но читать не умѣю, сказалъ бывший *vachero*.

— И я также, отвѣчалъ Блунтъ, взглянувъ на бумагу:—это, кажется, по-нѣмецки. Позовите Глора.

Черезъ минуту подошелъ рослый швейцарецъ и, прочитавъ бумагу, сказалъ:

— Это—указаніе какъ найти скрытое сокровище, чрезвычайно важное, драгоценное.

— Гдѣ?

— Подъ грудой камней.

Блунтъ и докторъ переглянулись.

— Ведите насъ туда, сказалъ Блунтъ.

Послѣ часоваго пути, они достигли гребня горы, гдѣ ущелье круто поворачивало. Блунтъ громко вскрикнулъ.

Передъ ними была груда камней, нѣбогда симметрически положенныхъ другъ на друга, а теперь разбросанныхъ по сторонамъ. Снѣгъ и земля были взрыты вокругъ. Повсюду валялись бумаги, портфель съ рисунками птицъ и растений, разбитый стеклянный футляръ съ насакомными и разбросанныя перья набитыхъ птицъ. Немного по-одаль лежало что-то походившее на вучу лохмотьевъ. Ближайшій къ ней всадникъ съ громкимъ крикомъ соскочилъ съ лошади. Это была мистрисъ Бракетъ — мертвая.

VII.

Слѣды начинаютъ исчезать.

Она умерла уже съ недѣлю. Черты ея лица и одежда были почти неузнаваемы; все тѣло было судорожно стянуто. Молодой докторъ сталъ внимательно ее осматривать.

— Умерла отъ голода? спросилъ Блунтъ.

Докторъ ничего не отвѣчалъ, но, отойдя отъ трупа, подобралъ съ земли валявшіеся остатки чучель, понюхалъ ихъ, поднесъ къ губамъ и, наконецъ, спокойно сказалъ:

— Нѣтъ, она отравлена.

Всѣ присутствующіе отшатнулись отъ трупа.

— Я полагаю, что отравы бы случайная, продолжалъ докторъ хладнокровно:— бѣдная женщина, мучимая голодомъ, набросилась на эти чучела птицъ, которыя прикрыты толстымъ слоемъ мшьяка для предохраненія отъ насѣкомыхъ. Несчастливая сдѣлалась жертвою предосторожности ученаго.

Во всемъ отрядѣ раздались восклицанія ужаса и негодованія.

— Вишь какой, предпочелъ сохранить проклятыхъ птицъ! произнесъ швейцарецъ.

— Убилъ женщину, чтобъ спасти дохлую дичь, промолвилъ другой.

Докторъ улыбнулся и невольно подумалъ, что доктору Деваржу въ эту минуту было бы небезопасно показаться въ отрядѣ.

— Если этотъ энтузіастъ естествоиспытатель еще живъ, то я надѣюсь, что онъ не явится къ намъ хоть нѣсколько часовъ, сказалъ онъ на ухо Блунту.

— Кто это такой?

— Иностранецъ, довольно извѣстный ученый въ своей странѣ. Я не разъ слышалъ его имя. Это—докторъ Деваржъ, и въ разбросанныхъ здѣсь бумагахъ онъ увѣряетъ, что сдѣлалъ удивительныя открытія въ наукѣ. Онъ также цѣнитъ очень высоко свою коллекцію.

— А стѣять ее собрать и сохранить!

— Не теперь, намъ дорога каждая минута. Прежде подумаемъ о несчастныхъ людяхъ, а потомъ о наукѣ.

Они поѣхали далѣе. Бумаги и коллекціи, сохраненныя такъ старательно, плодъ столькихъ мѣсяцевъ терпѣливаго труда и лишеній, памятникъ научныхъ открытій и побѣды человѣческаго ума—остались брошенными на снѣгу. Вѣтеръ, разметая снѣгъ

съ горныхъ откосовъ, какъ бы съ презрѣнiемъ разносилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, а лучи солнца, уже теплые, накаляя металлическую поверхность ящика и портфѣля, хоронили ихъ все глубже и глубже въ снѣгу, словно желая скрыть навѣки отъ человѣческаго глаза.

Обогнувъ долину по горному скату, гдѣ снѣгъ былъ унесенъ вѣтромъ, отрядъ достигъ, черезъ нѣсколько часовъ, большаго дерева у входа въ роковое ущелье. Объявленiе все еще видѣлось на деревѣ, но грубое изображенiе руки, указывавшее нѣкогда на похороненные подъ снѣгомъ шалаши, теперь, по волѣ вѣтра или непогоды, значительно опустилось и знаменательно указывало на снѣгъ подъ ногами. Входъ въ ущелье былъ занесенъ такими сугробами, что путники были принуждены оставить своихъ лошадей и пойти пѣшкомъ. Инстинктивно они сохраняли совершенное безмолвiе и подвигались одинъ за другимъ, то по мокрому снѣгу, то по обнаженнымъ уступамъ горы. Наконецъ, они достигли до деревянной трубы и крыши шалаша, видѣвшихся надъ снѣгомъ. Всѣ остановились и взглянули другъ на друга. Предводитель отряда подошелъ къ трубѣ и, нагнувшись къ ней, крикнуть:

— Кто тамъ?

Отвѣта не было. Только горное эхо откликнулось вдоль всего ущелья, и снова наступила мертвая тишина, прерываемая лишь паденiемъ льдинки или снѣжной лавины съ горнаго ската. Послѣ минутнаго колебанiя, Блунтъ пошелъ къ отверстию въ сугробѣ и опустился въ подземное жилище. Не прошло и мгновенiя, какъ онъ возвратился блѣдный и сдѣлалъ знакъ доктору. Они оба исчезли въ отверстiе. Мало по малу, за ними послѣдовали и остальные люди отряда. Черезъ нѣсколько времени, они медленно поднялись на поверхность, держа въ рукахъ три мертвыхъ трупа. Потомъ они снова исчезли и вынесли разъединенныя части скелета четвертаго мертвеца. Опять наступило гробовое молчанiе. Всѣ глядѣли другъ на друга, не смѣя вымолвить слова.

— Здѣсь долженъ быть другой шалашъ, сказалъ, наконецъ, Блунтъ.

— Вотъ онъ! воскликнулъ одинъ изъ людей, указывая на вторую трубу.

Теперь уже нѣчего было колебаться. Худшее уже было узнано. Поспѣшно всѣ направились ко второму подземному жилищу и исчезли въ немъ. Возвратясь обратно, они собрались въ кучку и шопотомъ говорили о чемъ-то съ видимымъ волненiемъ. Они были такъ заняты, что даже не замѣтили неожиданнаго появленiя въ ихъ средѣ новаго лица.

Слѣды все болѣе и болѣе исчезаютъ.

Это былъ Филиппъ Ашлей—блѣдный, утомленный, съ впалыми глазами, но съ напряженными нервами и непреодолимой энергійей. Четыре дня передъ тѣмъ, онъ оставилъ г'ресь на попеченіи гостепріимнаго поселенца и его семейства въ Калифорнійской Долинѣ. Мрачный, недовольный, онъ ненавидѣлъ цѣль своего странствія, но все же предпринялъ его, повинувшись обѣщанію, данному Грэсу, и дикому инстинкту своей совѣсти. Онъ теперь стоялъ подлѣ шалаша, скрытаго въ снѣгу, и обернулся къ вышедшимъ изъ него людямъ съ полу-циничной, полу-равнодушной улыбкой.

Докторъ первый его замѣтилъ и бросился къ нему.

— Пойнсетъ, Артуръ! воскликнулъ онъ:—что вы тутъ дѣлаете?

Ашлей вспыхнулъ при видѣ доктора и инстинктивно промолвилъ:

— Шш!

Потомъ онъ послѣшно взглянулъ на окружающихъ и съ видимымъ смущеніемъ произнесъ:

— Я оставилъ лошадь у входа въ ущелье.

— Я вижу, отвѣчалъ докторъ:—вы также явились сюда съ помощью, но уже поздно.

— Поздно? повторилъ Ашлей.

— Да. Они всѣ или умерли, или исчезли.

Странное выраженіе показалось на лицѣ Ашлея, но докторъ этого не замѣтилъ. Онъ отошелъ къ Блунту, сказалъ ему что-то на ухо и потомъ прибавилъ громко:

— Капитанъ Блунтъ, это—поручикъ Пойнсетъ, 5-го линейнаго полка, мой старый товарищъ, съ которымъ я не видался уже два года. Онъ, подобно намъ, явился сюда съ челоуѣколюбивой цѣлью. Это такъ походить на него.

Обычный Филиппу тонъ образованнаго и свѣтскаго челоуѣка, а также радушная встрѣча со стороны доктора расположили весь отрядъ въ его пользу. Мало по малу, его смущеніе исчезло и онъ спросилъ:

— Что это за люди?

— Ихъ имена означены на лоскутѣ бумаги, прибитомъ на деревѣ, отвѣчалъ докторъ:—конечно, мы не можемъ признать всѣхъ труповъ, такъ какъ никто не остался въ живыхъ. Мы навѣрно опредѣлили только трупы доктора Деваржа, скороненнаго

числа депутатов Парижа и Ліона. — Законъ о печати и осадное положеніе. — Заявленіе Бюффе. — Отстраненіе маршала Канробера. — Конституціонная республика Дюфора. — Протестъ герцога де-Брольи. — Жюль-Фавръ и имперія. — Принятіе закона о печати при помощи республиканцевъ. — Манифестъ лѣваго центра. — Отходная версальскому собранію, прочитанная герцогомъ Одиффе-Паэе. — Распушеніе. Людовина	39
IX. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — БОРЬБА РАСЪ ВЪ АМЕРИКѢ. (White conquest, by William Herworth Dixon, London. 1875)	69
X. — О КУЛЬТУРНЫХЪ ПРИЗНАКАХЪ РУССКАГО НАРОДА. Д. С...о-М...ъ.	93
XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Успѣхи спиритизма въ Петербургѣ. — Составившееся противъ него ополченіе. — Сравненіе нынѣшняго состоянія Тверской Губерніи съ бывшимъ назадъ тому сто лѣтъ. — Кабаки. — Взглядъ на нихъ министра финансовъ и городскихъ и земскихъ самоуправленій. — Недоразумѣнія и волненія по поводу министерскихъ циркуляровъ. — Рутина министерскихъ канцеларій. — Пожертвованіе г. Боровиковскаго	117
XII. — ВЪ ПЕРЕМЕЖБУ. (Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія). Г. Темкина.	139
XIII. — ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ	163

Объявленія: о выходѣ январской книжки журнала «Русской Старины» и отъ книжнаго магазина Е. Мелье.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1876 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкою: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ НОВОЕ, ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

8 томовъ (35 пьесъ). Цѣна за всѣ томы 12 р., на пересылку за 10 ф.

№ 14, внутри Гостиннаго Двора (входъ съ Невскаго, въ ворота), въ С.-Петербургѣ, у В. П. Печатинова, новое полное изданіе

СТИХОТВОРЕНІЙ Н. А. НЕКРАСОВА.

ШЕСТЬ ЧАСТЕЙ, ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за всѣ три тома (до ста печатныхъ листовъ) 6 руб., въс. за 6 ф.

Отдѣльно: часть VI — 1 р. 50 к.; части IV и V по 2 р.

Выписывающіе «Стихотворенія» черезъ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» (Литейная, 38) за пересылку ничего не прилагаютъ.

